Посвящается памяти д.г.н.,
проф. Ю.В. Поросенкова

Ю.В. Поросёнков

Избранные труды

Воронеж
Издательство «Цифровая полиграфия»
2019

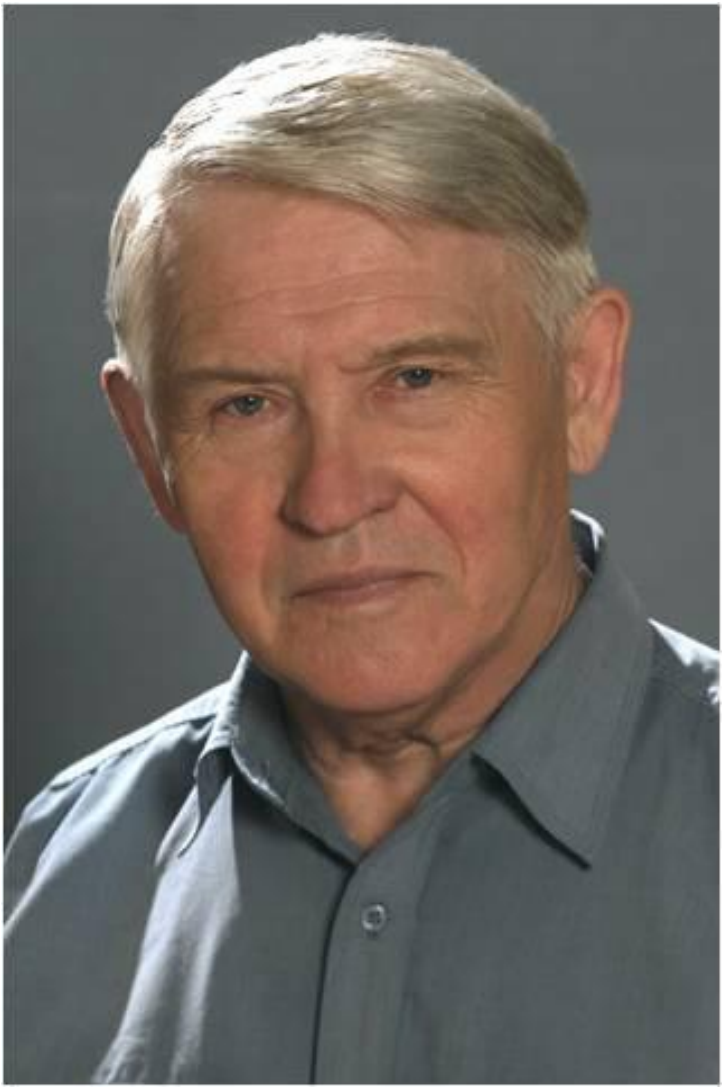
ББК 26.1, 65.04
УДК 911.3
П59

П59 **Поросёнков Ю.В. Избранные труды** / под ред. д.г.н. Н.В Яковенко. - – Воронеж: издательство «Цифровая полиграфия», 2019 - 624 с.

ISBN 978-5-906384-99-7

Настоящее издание есть первое (и пока единственное) собрание трудов выдающегося экономико-географа, доктора географических наук, профессора Юрия Васильевича Поросенкова. И в качестве такового это издание преследует весьма скромную цель — лишь в самых общих чертах отобразить размах его творчества, представив работы разных лет и разной проблемно-тематической направленности.

Книга адресована широкому кругу читателей, а также всем, кто интересутся проблемами экономической и социальной географии, а также регионоведения. Издание будет полезно студентам, магистрантам и аспирантам, обучающимся на географических факультетах ВУЗов.



Юрий Васильевич Поросёнков (1937 – 2015)

Содержание

Предисловие..... 7
Жизнь и творчество Юрия Васильевича Поросёнкова..... 8
I. История, теория и методология географии..... 13
К вопросу об объекте и предмете исследования современной российской географии..... 13
Процессы формирования современной системы географических наук..... 22
Физическая и социально-экономическая география в системе географических наук накануне XXI века..... 40
П.П. Семенов-Тян-Шанский и современная география..... 46
Географические работы Н. И. Второва..... 49
Профессор Григорий Терентьевич Гришин. 1903-1988 г.г. (к столетию со дня рождения)..... 57
Профессор С.А. Ковалев (1912-1997) и современная отечественная география сельского расселения..... 62
II. Историческая география..... 68
Методологические основы исторической географии..... 68
Историческая география России..... 82
III. Социально-экономическая география..... 151
Некоторые теоретические проблемы современной российской социально-экономической (общественной) географии..... 151
Антропогенные ландшафты как объект исследования социально-экономической географии..... 156
Формирование теоретических основ отечественной экономической географии в 20-30-х годах XX века..... 164
Отечественная экономическая география в 40-50-х годах XX века..... 185
Советская экономическая география в 60-80-х годах XX века..... 199
Некоторые аспекты теории российской общественной (социально-экономической) географии на рубеже XX и XXI веков..... 225
IV. Социальная география. География населения и расселения..... 248

История формирования и современные особенности методологии российской социальной географии..... 248
Основные изменения в размещении населения СССР за 1970—1981 гг..... 273
Современная демографическая ситуация в центральных регионах России, проблемы ее исследования, обоснования и реализации региональной демографической политики..... 285
О проблеме депопуляции населения Воронежской области..... 297
Критический анализ теории емкости территорий для населения в советской географии..... 304
Экономико-географическая характеристика населения Восточного Прибитюжья (Таловский и Бутурлиновский районы Воронежской области)..... 316
Генетические типы сельских поселений Восточного Прибитюжья (Таловский и Бутурлиновский районы Воронежской области)..... 324
Функциональные типы поселении Восточного Прибитюжья (Таловский и Бутурлиновский районы Воронежской области)..... 329
Районирование сельского расселения Воронежской области (для целей районной планировки)..... 339
Комплексные географические исследования крупных городов Центра России и проблемы усиления их прикладного характера..... 345
Основы теории комплексного географического исследования сельской местности областного региона..... 350
V. Рекреационная география..... 359
Теоретические основы и проблемы современной отечественной рекреационной географии..... 359
Формирование отечественной рекреационной географии и проблемы социально-экономико-географических исследований рекреационной деятельности..... 365
Туристско-рекреационная деятельность в регионе: основные проблемы исследования и управления..... 378
Использование рекреационного потенциала как один из способов решения проблем расселения населения воронежской области..... 383
К вопросу об оценке рекреационного потенциала территории..... 390

VI. Социально-экономическое районирование..... 397
Социально- экономический район..... 397
Актуальные проблемы теории российского социально-экономического районирования на этапе перехода к рыночной экономике..... 437
Основные проблемы социально-экономического районирования россии в переходный период ее развития..... 450
Социально-экономическое районирование как один из методов реализации региональной политики..... 454
VII. Регионоведение..... 457
Географическое исследование муниципальных образований..... 457
Задачи и проблемы географического исследования муниципальных образований Российской Федерации..... 474
Задачи и проблемы комплексного регионоведческого исследования муниципальных образований России..... 491
Совершенствование организации и управления муниципальными образованиями..... 503
Проблемы развития и управления муниципальными образованиями (на примере Воронежской области)..... 517
Основные задачи современного регионоведения Центрального Черноземья..... 529
Основные принципы и направления региональной политики в условиях современного финансово-экономического кризиса..... 532
Теоретико-методологические подходы к исследованию депрессивных регионов России..... 537
Теоретические подходы к стратегическому программированию социально-экономического развития крупнейших городов старозаселенных регионов России..... 560
Теоретические подходы к обоснованию генеральной схемы развития и размещения производительных сил Воронежской области..... 563
Проблемы разработки никелевых месторождений в Новохоперском районе Воронежской области..... 570
Возможности и проблемы разработки никелевых месторождений в Новохоперском районе Воронежской области... 577
Библиография трудов..... 586

Предисловие

В 2015 году ушел из жизни Юрий Вастльевич Поросенков - выдающийся ученый экономико-географ.

Оставленное им научное наследие включает отдельные статьи и монографические исследования, курсы лекций, прочитанные им в разные годы, материалы многолетних дискуссий и докладов, рукописи начатых и незавершенных работ, автобиографические материалы и т.д. Из всего этого чрезвычайно обширного наследия увидела свет лишь часть написанных статей, малых монографий и тезисов выступлений. И хотя их список достаточно объемен и включает более 150 работ, все же они составляют незначительную долю творческого наследия. Поэтому для человека «со стороны» понять и оценить подлинные масштабы творческой личности Ю.В. Поросенкова, особенности его взглядов, вклад в развитие отечественной экономической географии в настоящее время вряд ли возможно.

Первоначальный замысел «Избранных трудов» предполагал включение в их состав как уже опубликованных, так и не публиковавшихся ранее работ. Однако от него по многим причинам пришлось отказаться, и в настоящем виде сборник содержит только *избранное из опубликованного.*

Предлагаемые вниманию читателя «Избранные труды» являются первым изданием, в котором собраны вместе работы Ю.В. Поросенкова, написанные в разные годы. Составители видели свою задачу в том, чтобы, во-первых, представить его творчество как можно объемнее и полнее, во всех его измерениях, во-вторых, соблюсти разумные пропорции, баланс между работами, принадлежащими разным направлениям и предметно-тематическим уровням, в - третьих, так или иначе воспроизвести историю, генезис основных идей, направлений и тематизмов его работы.

Яковекнко Н.В.

Жизнь и творчество Юрия Васильевича Поросёнкова

Поросёнков Юрий Васильевич, профессор, доктор географических наук, Отличник народного просвещения, действительный член Академии труда и занятости (2007), председатель Воронежского филиала Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), входил в координационный совет по демографической политике при правительстве Воронежской области и являлся членом Русского географического общества. Юрий Васильевич был выдающимся учёным и наставником, крупным педагогом и организатором научных исследований, один из крупнейших лидеров Воронежской экономико-географической школы, с чьим именем она ассоциируется на протяжении нескольких десятилетий.

Он родился 5 октября 1937 г. в г. Моршанске Тамбовской области в семье рабочих первого поколения, происходивших из кустарей-старообрядцев. С 1955 года после окончания Моршанской средней школы №1, жизнь Ю.В. Поросёнкова оказалась связанной с Воронежским государственным университетом, за исключением всего лишь двух лет, когда он работал школьным учителем в г.Моршанске.

В 1962 году Г.Т. Гришин пригласил молодых преподавателей, среди которых оказался и Юрий Васильевич Поросенков, это было связано с двумя объективными причинами – смертью доц. Я.Н. Долгова и В.И. Чернявского, а также увеличением объема учебных поручений на кафедре. С 1963 по 1966 гг. он обучается в аспирантуре под руководством Г.Т. Гришина (которого он всегда вспоминал с огромной теплотой). В 1968 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Географическое изучение населения и сельского расселения для целей районной планировки (на примере Восточного Прибитюжья Воронежской области)». В виду того что это исследование являлось крупномасштабным, это потребовало значительных усилий и титанического труда по оценке статистических и архивных материалов, организация и проведения многочисленных экспедиций по Восточному Прибитюжью.

Уже во второй половине 70-х годов он приступает к написанию докторской диссертации на тему «Закономерности и тенденции размещения населения СССР», которая была успешно защищена в 1987г в диссертационном совете геофака МГУ.

Так Юрий Васильевич в аннотации своей научной деятельности написал следующее: *«Разработаны основы теории социально-экономико-географического исследования размещения населения России и стран нового зарубежья, исследованы его основные предпосылки и факторы. Выявлены закономерности, тенденции и проблемы совершенствования размещения населения на уровне макрозон, экономических районов и субъектов РФ. Исследованы характерные особенности истории и методологии географии по основным периодам ее развития. Исследованы характерные черты, тенденции и закономерности развития процессов населения и расселения Воронежской области и Центрально-Черноземного района»*

Но главным наследием любого Ученого были, есть и будут его труды и ученики. Так Ю.В. Поросенков за свою многолетнюю практику выполнил около 250 трудов, отличающихся разнообразием тематик, но по-нашему мнению можно выделить основных 3 основных раздела:

1. История географии и историческая география пронизывает все творчество Юрия Васильевича. В этой тематике было выполнено около 50 работ. Интерес к вопросам исторической географии сформировался у Ю.В. Поросенкова под влиянием идей проф. Г. Т. Гришина, являвшегося одним из основоположников Воронежской экономико-географической школы. Среди наиболее значимых работ стоит отметить.

2. Теория социально-экономической географии, в том числе и регионоведение. Заметное место в научном творчестве Ю. В. Поросенкова занимает теоретический блок, более 60 научных работ посвященных этой теме. Все это было связано, прежде всего с необходимостью проработки общих вопросов теории социально-экономической географии в связи с исследованием закономерностей размещения населения, анализом взаимосвязей территориальной организации хозяйства и населения, а также с необходимостью преподавания общих теоретических курсов.

3. География населения и расселения населения. Выбор данного направления исследования объясняется большой

значимостью населения в социально-экономическом развитии территорий как на макроуровне, так и на микроуровне. В данном направлении выполнено более 80 научных трудов.

Среди наиболее значимых публикаций стоит отметить: «Закономерности размещения населения СССР: социально-экономико-географическое исследование» (1977); «Размещение населения СССР: социально-экономико-географическое исследование» (1989); «История и методология географии» (1991)- в соавт. с Н.И. Поросенковой; «Историческая география России» (2001)- в соавт. с В.Н. Сушков; «География Воронежской области» (1992)- в соавт. с Ф.Н. Мильков, В.Б. Михно; «Современная демографическая ситуация в центральных регионах России, проблемы ее исследования, обоснования и реализации демографической политики» (2009); «Теоретические основы и проблемы современной отечественной рекреационной географии» (2009); «Задачи и проблемы комплексного регионоведческого исследования муниципальных образований России» (2013); Проблемы совершенствования организации и управления муниципальными образованиями (2014). Эти труды были выделены самим Ю.В. как наиболее значимые.

С середины 90-х годов важнейшим направлением работы Ю. В. Поросенкова стала подготовка аспирантов. За эти почти под его руководством было защищено 16 кандидатов наук (в том числе и 3 иностранных), он являлся консультантом 3-х докторов наук.

Ю.В. Поросенков уделял большое значение учебно-методической работе. За время своей педагогической деятельности он вел многие учебные курсы. Характерной чертой его преподавания всегда выступал проблемный подход, нацеливавший студентов не на запоминания фактического материала, а на стремление студента задуматься. Так Юрий Васильевич, начиная читать свои курсы, очень часто говорил, что «его задача не просто научить, а научить думать и задумываться». Это важнейшие качества, которые он стремился заложить будущим экономико-географам, работающим не только в науке, образовании, но и других направлениях.

Но помимо учебной и научной работы Юрий Васильевич, начиная с 80-х годов, занимается активно и административной работой. В 1982 году Ю. В. Поросенков был избран на должность заведующего кафедрой экономической географии ВГУ, на которую

он переизбирался в последующие годы и возглавлял до самой смерти. Во второй половине 80-х годов он одновременно исполнял обязанности декана географического факультета.

Будучи сторонником усиления практической значимости географии Ю.В. Поросенков достаточно активно принимал участие в научно-прикладных работах в рамках МЛЭУ ВГУ, а в последние годы в межведомственной комиссии по вопросам демографического развития при администрации Воронежской области.

За время своей многогранной деятельности на кафедре и факультете в течение 55 лет, Юрий Васильевич создал свою школу социально-экономико-географического направления, выступая в роли главного арбитра в вопросах разработки современной теории социально-экономической географии и регионоведения в Центральном Черноземье. Для всех близких и знакомых он останется Ученым, Учителем и Наставником.

Аспиранты Ю.В. Поросёнкова

1. Крупко Анатолий Эмануилович - Территориальная организация сельского населения и расселения Воронежской области (1998)
2. Жоакин Родригеш да Консейсау Географические проблемы развития промышленности Анголы (1998)
3. Сазонова Нина Васильевна - Территориальная организация миграции населения Белгородской области (1999)
4. Зубков Сергей Дмитриевич - Территориальная организация воспроизводства населения Липецкой области (2000)
5. Белова Вера Алексеевна- Географические аспекты естественного воспроизводства населения Воронежской области (2001)
6. Санкон Алласори Территориальная организация населения и расселения Гвинеи (2001)
7. Баранова Лилия Ивановна - Территориальная организация внешних экономических связей Орловской области (2002)
8. Рогозина Римма Евгеньевна - Географические особенности процессов территориальной организации российского общества на рубеже XX-XXI веков (2002)

9. Быковских Алексей Митрофанович Малые и средние города Воронежской области как ядра социально-экономической трансформации (2004)

10. Уколова Ирина Игоревна - Территориальная организация торговли Воронежской области в переходной экономике (2005)

11. Шенцева Лариса Николаевна - Территориальная организация потребительской кооперации Воронежской области (2006)

12. Фи Хунг Кыог Географические проблемы населения Вьетнама на этапе развития его рыночной экономики (2006)

13. Кретова Юлия Владимировна - Территориальная организация банковской системы Центрально-Черноземного района (2006)

14. Диденко Ольга Валериевна - Географические проблемы современной социально-экономической трансформации сельской местности (2007)

15. Мальцев Андрей Викторович - Территориальная организация жилищного строительства в ЦЧР (2012)

16. Овсянников Артем Сергеевич - Современные процессы расселения населения староосвоенного региона России : на примере Воронежской области (2014)

Докторанты Ю.В. Поросёнкова:

1. Воронин Виктор Владимирович - Территориальная организация трудоресурсного потенциала России (2006)

2. Панков Сергей Викторович - География сельских поселений Центрального Черноземья (эволюция, морфология, структура селитебных территорий) (2011)

3. Яковенко Наталия Владимировна - Депрессивные регионы России: методология, теория, прикладные аспекты (на примере Ивановской области) (2013)

I. ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГЕОГРАФИИ

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ И ПРЕДМЕТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГЕОГРАФИИ[1]

Введение в систему вузовского географического образования такого учебного курса, как «Теория и методология географической науки» выступает дополнительной побудительной причиной более пристального внимания к исследованию современной теории географии, что, конечно, невозможно сделать без анализа ее предшествующего развития [4.6]. К тому же современная российская география переживает переломный период своего развития, что, в свою очередь, вызывает обостренное отношение к ее методологическим основам. Мировое социально-экономическое развитие на переломе XX и XXI веков вызвало формирование острейших и самых различных проблемных ситуаций глобального, континентального, странового, регионального и локального уровней. Необходимость их разрешения и даже просто снижения уровня их остроты требует проведение исследований на стыке многих наук. В рамках такой междисциплинарной работы география должна на практике доказывать необходимый уровень своей конкурентоспособности. Для этого необходимо, во-первых, иметь четкое представление об объеме, структуре, организации и взаимосвязях только ей изучаемых явлений и процессов, а с другой, обладать соответствующим набором инструментов для проведения таких исследований.

На протяжении второй половины XIX и XX веков в результате дифференциации и интеграции научных исследований отечественная география трансформировалась в сложную диверсифицированную структуру географических наук, в которой число частных наук и направлений уже приближается к сотне

[1] К вопросу об объекте и предмете исследования современной российской географии / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского отдела Русского Географического общества .— Воронеж, 2010 .— Т.11. - С. 3-6

наименований [5]. Для участия в решении сложнейших экономических, социальных, политических, демографических и экологических проблем необходимо формирование единого комплексного географического подхода, а для этого нужна четкая общегеографическая методология, которая смогла бы подвести множество частногеографических исследований под общий географический «знаменатель». Крах социалистической модели общественного и экономического развития страны лишил монопольного положения до того единственно возможную философско-методологическую основу географических исследований в виде диалектического и исторического материализма. Его консервативное влияние в сфере конкретных научных направлений существенно ослабло и появилась возможность самостоятельного переосмысления методологических основ современной географии. Возникли более благоприятные условия для интеграции российской географии в систему мировой географии с использованием ее теоретических наработок.

Одним из самых противоречивых и запутанных вопросов в современной отечественной географии выступают понятия «объект» и «предмет» исследований [7]. Объект (от лат. objectum - предмет) - философская категория, выражающая то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности [2]. На протяжении своего более чем 350-летнего развития география неоднократно предпринимала попытки определить объект своего исследования. Изначально позиция многих исследователей заключалось в том, что объектом географии является поверхность Земли - арена сложного взаимодействия и переплетения самых различных процессов живой и неживой природы, человеческого общества. По мере развития географии, в' зависимости от решения конкретных проблем, стоящих перед ней, на каждом этапе ее развития в качестве общего объекта предлагались географическая оболочка, ландшафтная сфера, географические взаимосвязи человечества и природной среды, географическая среда, географический мир, интегральные природно-социально-экономико-техногенные геосистемы. По мере диверсификации географии и все большего дистанцирования друг от друга отечественной географии природы и географии общества на протяжении XX века становилось все труднее определить общий объект географических исследований в

целом. В этой связи становятся понятным попытки более широкой трактовки в начале почти исключительно таких физико-географических понятий, как «географическая оболочка» и «ландшафт».

Понятие «объект исследования» - одна из фундаментальных качественных черт любой науки, поскольку представляет совокупность явлений, процессов, состояний и структур окружающего нас мира, которую эта наука изучает. Поэтому любая наука может уточнять, углублять, акцентировать свое внимание на той или иной стороне этой совокупности исследуемых проявлений окружающего мира. Но наука на разных этапах своего развития не может кардинально менять общие объекты своего исследования. В противном случае это будут разные науки. С учетом всего сказанного общим объектом географии на всех этапах ее развития можно считать «геоверсум», в понимании Э.Б. Алаева и В.А. Шальнева [1.3]. Это понятие производное от философского термина «универсум» (лат. universum, summa rerum «мир как целое») [2]. Следовательно, геоверсум - это часть окружающего нас мира, которая изучается географией. Такой подход близок к понятию «географический мир» у У.И. Мересте и СЛ. Ныммик [3]. Таким образом, к объектам географического исследования относятся любые образования и явления (состояния, отношения, процессы), которые обладают конкретностью, пространственностью, комплексностью и выступают частями (элементами) геоверсума.

Все остальные отмеченные выше понятия попадают в категорию «предметов» географического исследования. «Предмет» в логике - все то, что может находиться в отношении или обладать каким-либо свойством. М.М. Голубчик, СП. Евдокимов, Г.Н. Максимов, А.М. Носонов в вузовском учебном пособии «Теория и методология географической науки» определяют предмет географии как исследование пространственно-временных особенностей процесса возникновения, функционирования, динамики и развития пространственно-временных природно-общественных геосистем (географической оболочки, географической среды) [3]. Следовательно, обосновывается узкая трактовка предмета географии в аспекте исследования интегральных геосистем. К пониманию предмета географии, по нашему мнению, близко подошел Э.Б. Алаев, хотя он употребил для

этого термин «аспект исследования». Под последним он понимал: какая сторона изучаемого объекта привлекает ученого, под каким «углом зрения» рассматривается этот объект [1]. Такой подход вполне применим для разграничения между науками междисциплинарного объекта исследования. Кроме того, такой подход может быть использован для определения объекта и предмета географических исследований на разных этапах развития этой науки.

Э.Б. Алаев обосновывает свое понимание термина «предмет исследования» научной дисциплины как своеобразного ее «паспорта», удостоверяющего ее общественную функцию, необходимость и право на ее существование и включает в себя объект, аспект, метод и цель исследования [1]. Однако для обозначения сущности такого понятия в географии уже используется термин «парадигма», которого нет в понятийно-терминологическом словаре Э.Б. Алаева. Парадигма (от греч. paradeigma - пример, образец) - одно из понятий философии и социологии, которое представляет исходную концептуальную схему, модель постановки проблем и их решения, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе. Смена парадигмы представляет собой научную революцию.

Таким образом, география на всех этапах ее развития имела один и тот же «объект исследования», но разные «предметы исследования», причем на конкретных этапах было возможным исследование ее нескольких «предметов». Особенно плодотворным в этом отношении оказался XX век. Следовательно, большинство понятий, которые декларировались в качестве общего объекта географических исследований, по-существу им не являлись, поскольку отражали лишь тот или иной аспект исследования геоверсума, как общего объекта географии. К тому же многие определения, родившиеся в рамках частных географических наук, особенно в физической географии, смогли претендовать на ранг общегеографического объекта исследований лишь при широкой их общегеографической трактовке.

К числу таких понятий относится термин «географическая оболочка», достаточно широко употреблявшийся в мировой и отечественной географии прошлого, но как научная концепция он возник под названием «физико-географическая оболочка» в конце

30-х годов XX в. в работах А.А. Григорьева. Во второй половине XX в. в отечественной науке все более широкое распространение получило понятие «географическая оболочка». Поэтому в современной науке сохраняется неоднозначность понимания этого термина. Узкое определение понятия «географическая оболочка» исходит из того, что под ней понимается сложное природное образование, в пределах которого соприкасаются, взаимно проникают друг в друга и взаимодействуют нижние слои атмосферы, приповерхностные толщи литосферы, гидросфера и биосфера [2]. В связи с тем, что географическая оболочка трактуется как сугубо природные образования, то она, в такой трактовке, в принципе, не может быть общим предметом исследования всей географии.

В конце XX века антропогенное воздействие на природную среду в ее глобальном аспекте стало настолько неоспоримым, что появилась широкая трактовка термина «географическая оболочка», под которой стали понимать «предельный» объект исследования географии, сложную, многослойную оболочку, состоящую из трех основных «сфер» - литосферы (земной коры), гидросферы (водной оболочки), атмосферы (воздушной оболочки); в отдельную сферу выделена биосфера, внутри которой выделяется социосфера, то есть человеческое общество. При всем сохраняющемся физико-географическом акценте этого понятия, который прежде всего касается структуризации социосферы, это более широкая трактовка понятия «географическая оболочка» позволила стать основой интеграции географических исследований на глобальном уровне. Концепция географической оболочки акцентирует внимание прежде всего на исследование непрерывного энерго- и массообмена между сушей, атмосферой, мировым океаном, биосферой и в целом между природой и человеческим обществом. Обоснованные А. А. Григорьевым методы исследования позволили интегрировать общеземледельческий подход с региональным и ландшафтным.

Одним из широко распространенных понятий отечественной географии выступает «ландшафт». Понимание ландшафта, как сочетания абиотических, биотических и антропогенных элементов природы, прослеживается еще в работах А. Гумбольта, но начало формирования отечественной теории ландшафтоведения относится к концу XIX -началу XX века. В.В. Докучаев поставил вопрос о

создании новой науки на стыке важнейших отделов естествознания. Объектом исследования этой науки, по его мнению, должно было выступать взаимодействие отдельных элементов природы в процессе функционирования природных комплексов и которая бы включала «учение о человеке в обширнейшем смысле этого слова» [4]. Л.С. Берг в середине 20-х годов XX века ландшафт понимал как область, в которой характер рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения, культура человека сливается в единое гармоническое целое.

В первой половине XX века все более усиливающийся раскол отечественной географии на физическую и экономическую привел к тому, что сформировавшаяся теория ландшафтоведения носила почти исключительно физико-географический характер. Даже в Большом энциклопедическом словаре 1998 года ландшафт определяется как относительно однородный участок географической оболочки, отличающийся закономерным сочетанием ее компонентов (рельефа, климата, растительности и др.) и морфологией частей (фаций, урочищ, местностей), а также особенностями сочетаний и характером взаимосвязей с более низкими территориальными единицами [2]. Такое сугубо «природное» понимание ландшафта во второй половине XX века во все большей степени стало «размываться» в процессе детальных исследований антропогенного фактора его формирования. Возникло и особое направление в ландшафтоведении - «антропогенное ландшафтоведение», в становлении которого существенную роль сыграла воронежская научная школа профессора Ф.Н. Милькова. Как результат еще одной интеграции общеземлеведческого и регионального подходов появилось понятие «ландшафтная сфера» Земли. Таким образом, понятие «ландшафт» вполне может быть одним из предметов комплексного географического исследования, но при условии его широкого толкования, которое позволило бы включить в это понятие не только результат деятельности человеческого общества, но и самого человека в тесной связи с окружающей его природной средой.

Одной из основных задач географии на всех этапах ее развития стояла проблема исследования взаимодействия, взаимообусловленности развития природы и общества. В начале 70-х годов XX в. В.А. Анучин выступил против чрезмерной

дифференциации географии на природную и общественную (против «разорванной географии», по его словам). Единство географии он обосновывал наличием у нее общего объекта исследования - «географической среды», под которой он понимал часть географической оболочки, включенной в сферу человеческой деятельности и составляющую необходимое условие существования общества. Географическая среда оказывает значительное влияние на развитие общества. По мере научно-технического прогресса географическая сфера все больше используется людьми, что остро ставит проблемы рационализации взаимодействия природы и общества, охраны природы.

Однако такой подход вызвал неприятие со стороны значительной части научного сообщества. При использовании термина «географическая среда» остается неясным, включается ли само общество в это понятие, как объект среды. Э.Б. Алаев предложил объединить оба понятия - «географическую среду» и «общество» с общественным производством в его различных территориальных формах и обозначил это образование новым термином - «ойкумена» [1]. Н.Ф. Реймерс ввел понятие «окружающая среда», в составе которой выделил 4 основные части: собственно природная среда, порожденная агротехникой среда, искусственная среда и социальная среда. Следовательно, в рамках дальнейшего все более широкого толкования понятия «географическая среда» с включением в нее общества с его хозяйственной и иной деятельностью (в духе термина «ойкумена») это понятие вполне может быть одним из предметов комплексного географического исследования. В 80-ые и 90-ые годы XX века в отечественной географии широко распространяется системная методология и формируется понятие «географическая система» или «геосистема». Вначале этот термин применялся к территориальным природным или отдельно к территориальным социально-экономическим образованиям. Например, еще в 60-х годах В.Б. Сочава обосновывает учение о геосистемах - природных территориальных комплексах, для которых характерен пространственно ограниченный набор компонентов природы, объединенных относительно тесным их взаимодействием. В конце 60-х годов Ю.Г. Саушкин А.М. Смирнов предприняли попытку ввести в географию представление об интегральных геосистемах и геоструктурах [3]. В последние

годы представление об интегральных геосистемах как общем предмете исследования всей системы географических наук получает широкое распространение среди географической общественности. География всем предшествующим развитием оказалась подготовленной к восприятию и развитию системной методологии. Это связано с исключительной сложностью реального мира и взаимодействия его природной и общественной подсистем. География многие годы пыталась решить проблему континуальности - дискретности геоверсума, субъективности и объективности географического районирования. Основой для такого восприятия системной методологии стал традиционный для географии комплексный подход. Системная методология, получившая широкое распространение в многих областях научного знания, усилила в географии тенденцию к межнаучной интеграции.

На основе использования базисных положений общей теории систем сформировалось представление и об геосистемах. При значительной разнообразности понимания термина «система» можно выделить инвариант ее значений: система - целостный комплекс взаимосвязанных элементов, система образует особое единство со средой; любая система состоит из элементов, которые являются ее подсистемами, а сама она является частью системы более высокого порядка. Следовательно, системный подход в географии обеспечил достаточно глубокий (на современном этапе развития науки) уровень исследования географических объектов, как систем, состоящих из разнородных, относящихся к различным формам движения материи, но взаимосвязанных элементов. По мнению авторов учебного пособия по теории и методологии географической науки, геосистема - относительно целостное территориальное образование, формирующееся в тесной взаимосвязи и взаимодействии природы, населения и общества. Целостность геосистемы определяется прямыми, ооратными и преобразованными связями, развивающимися между ее подсистемами [3]. В географических работах достаточно широко обоснованы свойства геосистем и принципы их исследования, которые в совокупности формируют теоретическую модель комплексных географических исследований.

Таким образом, по мнению автора, современная географическая наука, представленная сложно

диверсифицированной системой отдельных географических знаний, имеет в качестве общего объекта исследования геоверсум, отдельными аспектами (предметами) исследования которого выступают такие понятия, как «географическая оболочка», «ландшафт», «географическая среда», «геосистема» при их широком общегеографическом понимании. Такой подход, в принципе, не исключает и их узко географическую трактовку в физико-географических исследованиях. В целом же сложная структура современной географии и многовариантность понимания ее объекта (предмета) исследования ставит сложнейшие задачи при обосновании основных положений ее теории и методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев.-М.:. «Мысль», 1983. - 350с.
2. Большой энциклопедический словарь. Глав. ред. А.М. Прохоров. - М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия». - 1998. -1434 с.
3. Голубчик М.М. Теория и методология географической науки /М.М. Голубчик, СП. Евдокимов, Г.Н. Максимов, А.М. Насонов. - М.:. Владос. - 2005. -463 с.
4. Поросенков Ю.В. История и методология географии / Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова. -Воронеж.: Изд-во Воронежского университета, 1991.
5. Поросенков Ю.В. Процессы формирования современной системы географических наук/ Ю.В. Поросенков// Вестник Воронежского отдела Русского Географического общества. Том 7. — Воронеж: ВГПУ, 2008. - С. 46-55
6. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем: Пособие для учителей / Ю.Г. Саушкин. - М.: Просвещение, 1980. - 269 с.
7. Трофимов А.М. Общая география (вопросы теории и методологии): монография/А.М. Трофимов, М.Д. Шарыгин; Перм. Гос. ун-т. -Пермь, 2007. - 494 с.

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК[2]

Сложность исследования процессов формирования географии определяется тем, что на разных этапах своего исторического развития существовало неодинаковое понимание сущности географии. Это вызывалось исторически обусловленной спецификой общественного заказа на географические исследования. В немалой степени разноплановость и противоречивость понимания теории и методологии современной географии вызывается весьма сложной внутренней структурой самой системы географических наук, когда не просто определить, что же является общим «знаменателем» ее теории. На это откладывают отпечатки и особенности национальных географических школ, в том числе российской географии. Понимание основ теории и методологии современной географии возможно лишь на базе использования понятийного аппарата науковедения. Наука - это сфера человеческой деятельности, функция которой заключается в выработке и теоретической систематизации объективных знаний о действительности. Из этого определения вытекает двойственный характер науки, в том числе географии. С одной стороны, как система знаний, особенно теоретических, наука обладает внутренней логикой процесса развития. С другой стороны, наука как сфера человеческой деятельности зависит от тех задач, которые ей ставит общество в той или иной стране. В то же время развитие науки имеет мировой характер, на нее все сильнее влияют процессы интеграции и глобализации.

Каждая наука (в том числе и география) имеет свой объект и предмет исследования. Под объектом исследования понимается конкретная совокупность объективных материальных явлений или категорий духовного порядка, изучаемых данной наукой. Однако весьма часто бывает, что одна и та же совокупность явлений, процессов и категорий изучается многими науками. Для разграничения полей их исследования употребляют понятие

---

[2] Процессы формирования современной системы географических наук / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского отдела Русского географического общества .— Воронеж, 2008 .— Т. 7. - С. 46-54

«предмет исследования» (иногда «аспект исследования»), под которым понимается какая-то определенная сторона изучаемого объекта или «угол зрения», под которым рассматривается этот объект. Например, для географических дисциплин характерен пространственный (геопространственный) аспект изучаемых явлений. Поскольку основная функция любой науки - теоретическая систематизация знаний, то ее сущность выражается в теории и методологии. В самом общем виде теория - это стройная, непротиворечивая (на современном этапе) система основных идей, совокупность научных положений, выражающих сущность данной науки, как правило, подтверждаемая практикой, экспериментом, расчетом или наблюдениями. А методология - это совокупность наиболее существенных элементов теории, конструктивных для развития самой науки. В отличие от методологии методика исследования - совокупность технических приемов и организационных форм для проведения научного исследования, в широком понимании – это инструмент науки. О сущности взаимоотношений методологии и методики (правда, в аспекте преподавания географии) образно сказал Н.Н. Баранский, что если методология не верна, то никакими методическими ухищрениями это не исправить. Все это лишний раз подтверждает необходимость четкого определения теоретических основ географии.

Одной из характерных особенностей развития географии во второй половине XX - начале XXI в.в. является нарастающая диверсификация (т.е. усложнение) ее внутренней структуры. На месте некогда единой географии сейчас сформировалась сложная система географических наук, объединяющая, по Я.Г. Машбиц, порядка девяти десятков отдельных научных дисциплин. При этом каждая из них имеет свой объект (предмет), теорию и методику исследования. Эта все более диверсифицирующаяся внутренняя структура системы географических наук невольно оказывает влияние на понимание и общей их теоретической сущности. На формирование общего географического мировоззрения существенное влияние оказали и оказывают два между собой неразрывно связанных, но в своей основе противоположных процесса дифференциация и интеграция географии.

Под дифференциацией понимается процесс расщепления базовой науки, выделение из нее целого ряда самостоятельных научных дисциплин. Этот процесс начался в географии достаточно

давно, начиная с XVII - XVIII вв, однако наибольшая интенсивность . его проявилась с конца Х1Хв, а потом и на протяжении всего XX века. Дифференциация географии стапа естественной реакцией на первоначальное представление этой науки об объекте ее исследования. В эпоху античной географии эта наука фактически вбирала в себя все сведения о Земле и развивалась в тесной связи с философией. Неудивительно, что крупнейшие географы того времени -фактически ученые-энциклопедисты. К середине XVII в., когда в Европе появилась география как наука (со своим определенным объектом, своей теорией и методикой исследования), она была единой описательной наукой, объектом которой выступала поверхность Земли с ее природой, населением и хозяйством. К концу XIX века интегральным объектом исследования географии становится географическая оболочка Земли. Уже к середине XIX в. в. географии сформировались два основных направления: исследование природы - физическая география и, исследование хозяйства (и общества) экономическая или общественная география. В основе такой дифференциации географии на два основных «крыла» лежит различие законов развития природы и общества и, следовательно, разная методика их исследования. В конце XIX -начале XX в. дифференциация охватила, прежде всего, физическую географию, в рамках которой возникла целая система частных наук, изучающих отдельные элементы природы. Во зторой половине XX в. этот процесс ярко проявился в сфере общественной географии, которая также сформировалась в качестве отдельной подсистемы географических наук.

Процесс дифференциации географии имеет объективный характер и большое функциональное значение для развития самой географии. Дифференциация географии обуславливается, прежде всего, сложной структурой самого объекта ее исследования. Проникновение в сущность процессов формирования и развития географической оболочки Земли, природных и социально-экономических (общественных)территориальных систем - геосистем делает неизбежным глубокое исследование отдельных их элементов. В процессе такой работы происходит формирование как системы специальных понятий, более адекватно отражающих изучаемые явления и процессы, так и соответствующей системы методов исследования, происходит быстрое накопление

фактического материала, формируются кадры ученых и специальная материально-техническая и организационная база. Следовательно, исторически сложившаяся тенденция к дифференциации географической науки будет продолжаться до тех пор, пока специальным географическим исследованием не будут охвачены все элементы географической оболочки Земли и все элементы территориальной организации общества. При этом каждое такое научное направление обособляется в частную географическую науку. Подтверждением этого является формирование в рамках общей системы географических наук подсистемы российской физической географии в конце XIX - начале XX в. и подсистемы российской общественной (социально-экономической) географии во второй половине и конце XX в. Современная тенденция к дифференциации географии усиливается и тем, что этот процесс возможен не только на основе различий в частных объектах (предметах), но и в теории и в методах исследования.

В то же время интенсивный процесс дифференциации географии имел своим следствием усиление центробежных тенденций в этой науке, ощущение того, что географию «растаскивают» на составные части, лишая ее собственного интегрального объекта исследования. Особенно тревожил многих крупнейших ученых глубокий разрыв между физической и экономической географией. В 1956 г. Н.Н. Баранский отмечал, что физическая и экономическая, география в нашей стране находились в чрезвычайно большом разрыве между собой, несравненно большем, чем в других странах. Одной из причин был категорический запрет со стороны официальной идеологии «смешивать» естественные и общественные законы и закономерности. В 1965 г. И.П. Герасимов констатировал наличие серьезного кризиса в географии, одним из симптомов которого он считал чрезмерную дифференциацию науки.

Закономерностью развития географии является тесное переплетение процессов научной дифференциации и интеграции. Более того, этап интенсивной научной дифференциации неизбежно вызывает, в конце концов, интеграцию географической науки. При этом под интеграцией понимается процесс формирования новых направлений в результате синтеза, слияния уже сложившихся конкретных направлений географических

исследований. Например, В.П. Максаковский в комплексе наук о Земле отмечает проявление различных форм интегрированности: а) сопряженность наук в процессе «сглаживания» границ при переходе от одной науки к другой, б) наличие одного и того же объекта исследования у разных наук, в) методические заимствования одной науки у другой, г) полная интеграция при возникновении новых пограничных наук. Особенно активно стала происходить научная интеграция, то есть разрушение барьеров между отраслями научного знания и углубление их взаимодействия в период НТР. Возникла настоятельная необходимость решения наукой (в том числе географией) таких фундаментальных задач, как повышение уровня и качества жизни широких народных масс, 'приведение в соответствие темпов экономического и демографического развития, выход на технологии рационального природопользования и охраны природы. Этот общественный заказ формирует новые дополнительные стимулы для консолидации географических наук, для укрепления целостности их системы. В свое время В.И. Вернадский предвидел, что науки будут группироваться не по объектам исследования, а по проблемам.

Идея о необходимости интеграции географических исследований неоднократно высказывалась крупнейшими отечественными специалистами второй половины XX в. Эта идея лежала в основе крупной научной дискуссии о «единой географии» (60-е - начало 70-х годов XX в). В центре дискуссии находились идеи В.А. Анучина, обоснованные им в работах «Теоретические проблемы географии» (1960) и «Теоретические основы географии» (1972). В.А. Анучин выступил с критикой представления о географии как системе наук и обосновал идею географического монизма: география - не единый комплекс или система наук, а единая комплексная наука. По его мнению, общим объектом для всех географических наук является «географическая среда». При обсуждении этой идеи мнения крупнейших специалистов распались на два блока. При этом крупнейшие московские географы в целом поддержали эту идею, а петербуржцы (ленинградцы) скорее выступили против. Как отмечал В.П. Максаковский, современные оценки этой дискуссии весьма противоречивы: одни специалисты считают ее полезной, другие -излишне схоластической, третьи -безрезультативной и

ненужной. В целом же эта дискуссия подвела итог значительного периода развития отечественной географии. В настоящее время идеи географического синтеза и интеграции в географии стали преобладающими. При этом можно выделять внутреннюю и внешнюю интеграцию в географии.

Внутренняя интеграция (или общегеографический синтез, по Ю.Г. Саушкину) раньше проявилась в физической географии. Ее следствием стало формирование таких физико- географических наук, как землеведение и ландшафтоведение. В социально-экономической географии следствием внутренней интеграции стало формирование такого направления, как экономическое (социально-экономическое) районирование, экономическая оценка природных ресурсов. Особое значение для развития общей теории и методологии географии имеет внутренняя интеграция, происходящая на рубеже двух ее основных подсистем - физической географии и социально- экономической географии. Пока наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что география - это «двуединая» наука, в рамках которой физическая география и социально-экономическая география имеют свои собственные предметы исследования, свою теорию и методику, но при этом осознают общие географические интересы, цели и задачи. В то же время ряд крупных отечественных современных специалистов высказывают более радикальные взгляды о географии. Например, В.М. Котляков выступил с новой моделью землеведения, в основе которой лежит идея о неразрывности естественно-географической ветви географии, изучающей природные закономерности, и общественно-географической ветви географии, изучающей социально-экономические закономерности. Тем самым призывает сделать решительный поворот к целостной географии, к совместному изучению механизмов функционирования и взаимодействия природных, природно-технических и социально-экономических систем. Другой плацдарм «внутренней интеграции» - комплексное страноведение, задачей которого выступает исследование в тесной взаимосвязи всего комплекса закономерностей природы, населения, хозяйства, общественного и политического развития стран и регионов. Такой комплексный подход в ядро всей системы географических наук выдвигает исследование географических проблем населения.

Внешняя или межнаучная интеграция (межнаучный синтез) имела и имеет огромное значение в формировании системы географических наук. Например, в середине XIX в. в географин, широко использовавшей физические методы исследования природы, сформировалось физико-географическое направление, а в конце XIX - начале XX в. широкое использование статистического метода при изучении размещения отраслей хозяйства и составлении характеристик экономических районов привело к обособлению экономической географии. В конце XXв - начале XXI в. в связи с. необходимостью решения ряда острых глобальных, региональных и национальных проблем, отменой формальных идеологических запретов резко выросла интенсивность связей российской географии в системе мировой науки. В аспекте понимания теории и методологии современной географии важное значение имеют взаимосвязи с философией. На стыке географии и науковедения возникла метагеография, изучающая, процессы формирования теории и внутренней структуры географии. При изучении географической оболочки Земли еще более усиливаются и без того достаточно тесные связи географии с такими естественными науками, как физика, химия, геология, биология, экология. При изучении процессов формирования территориальной организации общества географии необходимо усиление межнаучных связей с такими общественными науками, как экономика, социология, политология, культурология, история, демография и этнология. Выход географии на общемировой стандарт научных исследований невозможен без интенсификации ее связей с математикой, информатикой, программированием на основе использования компьютерной техники.

Все это привело к тому, что в конце XX -начале XXI в.в. система географических наук быстро «обросла» пограничными дисциплинами, то есть граница между географией и негеографией все в большей степени приобретает не «линейный», а «площадной» характер. Так, в процессе исторического формирования возникли определенные «парные блоки» у негеографических и частных географических наук, изучающих отдельные элементы географической оболочки Земли и отдельные элементы территориальной организации общества. Примером таких «парных блоков» являются, с одной стороны, география

почв и почвоведение, геоморфология и геология, климатология и метеорология, а с другой, -география промышленности и экономика (и организация) промышленности, география сельского хозяйства и экономика (и организация) сельского хозяйства, география транспорта и экономика (и организация) транспорта, география населения и демография, этнология и *т*.д. Спецификой современного научного разделения труда выступает определенная интеграция и самих региональных наук. В качестве примера можно назвать районное направление социально-экономической географии, региональную экономику, региональную социологию, региональную демографию, районную планировку и регионоведение. Все эти процессы существенно усиливают междисциплинарную значимость всей системы географических наук. В целом же формирование географии как научной системы приобрело столь противоречивый и запутанный характер, что в нем не сразу разобрались и специалисты. Это и объясняет значительность авторского подхода в ответе на вопрос: что же из себя представляет современная география в структурном отношении? Таким образом, в современной науке пока существуют весьма противоречивые представления о внутренней структуре географии, причем за всем этим стоят и существенные различия в понимании ее общей теории и методологии.

Под структурой понимается совокупность устойчивых связей элементов внутри системы, которая обеспечивает ей сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях. Поэтому выявление структуры или внутреннего устройства географии требует соблюдения научных принципов структуризации этой науки. В числе таких принципов следует в первую очередь назвать системно-структурный, науковедческий и исторический подходы. Системно-структурная методология позволяет представить исследуемые явления и процессы в качестве систем, состоящих из элементов, находящихся во взаимодействии. Применительно к географической науке это означает, что все ее направления, частные аналитические, синтетические, а также теоретические и прикладные представляют единую систему географических наук. Системный подход позволяет ограничить натуралистические представления о географии: то в виде дерева, у которого есть корни, ствол, ветви и так далее, то в виде здания с фундаментом, этажами, крышей -

куполом и т.д. Хотя, с другой стороны, системы, выделяемые и исследуемые в науке, есть лишь субъективное отражение реального мира, конструируемое в зависимости от целей исследования. География, с позиции системного подхода, представляет сложную иерархизированную систему наук, построенную по «матрешечному» принципу, то есть география как система наук 1-го порядка состоит из подсистем (систем) 2-го порядка, а те, в свою очередь, из подсистем (систем) 3-го порядка и т.д. На определение теории и методологии общей географии как единой системы географических наук во многом влияет ответ на вопрос: из каких систем 2-го порядка состоит география?

Выделяемые внутри географии подсистемы географических наук 2-го порядка должны отличаться друг от друга характерными чертами исследуемых явлений и процессов, а следовательно, объектами, теорией и методологией исследования. В основе всего этого лежат различия в формах движения материи, различия между естественными и общественными науками. Так, на этой основе произошло формирование внутри географии самостоятельных подсистем, с одной стороны, физической географии, изучающей процессы и явления природы, а с другой, экономической, а потом социально-экономической географии, изучающей процессы территориальной организации хозяйства и общества в целом. Однако абсолютизация такого подхода в российской географии советских времен поставило под сомнение научность старейшего направления в географии - страноведения, поскольку считалось, что законы (закономерности) природы и общества между собой никак не связаны. Практика науки и жизни уже на рубеже XX и XXI в.в. отвергла такой подход. Все большее число специалистов считает, что страноведение - одна из основных, «базовых» географических наук. Интеграция физико- и социально-экономико-географических исследований при существенном влиянии на этот процесс экологии и экономики привела к формированию внутри географии двух новых направлений - «природопользования» и «геоэкологии». При этом такая географическая интеграция позволяет утверждать, что граница между естествознанием и обществоведением внутри географии имеет не «линейный», а «площадной» характер. В этой связи стоит вспомнить мысль одного из крупнейших американских географов XX в. Р. Хартшорна о том, что география

- единая наука, которая не может приспосабливаться к условному делению на естественные и социальные науки.

Поскольку основной функцией науки является и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности, то внутри любой научной системы формируются определенные функциональные блоки. География как система наук 1-го порядка представлена теоретическими, аналитическими, синтетическими и прикладными науками (рис. №1). При этом исследованием и систематизацией явлений и процессов природы и территориальной организации общества занимаются такие аналитические (по отношению к объекту географии) науки, как физическая география, социально-экономическая география, геоэкология и природопользование.

Хотя существуют различные определения физической географии, можно согласиться с мнением Н.И. Михайлова, что физическая география- это фундаментальная географическая наука о географической оболочке Земли, ее составе, структуре, особенностям формирования и развития, пространственной дифференциации. В настоящее время физическая география - крайне сложная система географических наук 2-го порядка, естественное, природное «крыло» системы географических наук. Вторая важнейшая подсистема в системе географических наук - социально-экономическая (общественная) география. В течение длительного времени эта наука называлась экономической географией. Это было связано с тем, что в советский период она занималась исследованием, прежде всего закономерностей, условий, факторов и особенностей территориального размещения материального производства. Свое название социально - экономическая география - эта наука получила с конца 70-х годов XX в. в связи с усилением социальных аспектов географических исследований. В конце XX в. все более широкое | распространение стал получать новый термин -«общественная география», которым стали обозначать всю «неприродную географию». Но в связи со сменой общественного строя в стране терминологически - смысловые проблемы в социально-экономической географии потеряли свою актуальность. На первый план вышла проблема соответствия теории и методологии географии коренным изменениям общественной практики. Для этого периода характерно выдвижение новых идей, интеграция в мировую

географию. Все это делает весьма непростым определение современной социально-экономической географии. По мнению Э.Б. Алаева, социально-экономическая география -комплекс научных дисциплин, изучающих закономерности общественного производства н расселения людей, иными словами - территориальную организацию жизни общества, особенности ее проявления в отдельных странах районах, местностях.

В отличие от физической и социально-экономической географии, история которых насчитывает уже не одно столетие, геоэкология и природопользование относятся к числу новейших приобретений географии. В переводе с греческого языка термин «экология» означает «наука о местообитании». Этот термин был предложен еще в 60-х годах XIX в. Э.Гсккслем и стал применяться для характеристики взаимоотношения живых организмов с окружающей природной средой. На этой основе з рамках биологии возникла специальная наука - экология или более точно - биоэкология. В связи с широким распространением экологического подхода .во второй половине XX в. возникла «экология человека» - биологическая дисциплина, изучающая адаптацию человеческой популяции к определенным природным условиям, а сам человек рассматривается в качестве биологического вида, занимающего свою экологическую нишу в общей экосистеме Земли.

Распространение экологического подхода на социальные явления и процессы привело к формированию социальной экологии, которая, по мнению СБ. Лаврова, представляет разветвленный междисциплинарный комплекс наук. Объектом его исследования выступает изучение взаимоотношений между обществом и окружающей средой, принципы организации человеческой деятельности с учетом объективных экологических законов.

Понятие «геоэкология» возникло в западной науке еще в 30-х годах XX в., но пристальное ей внимание в отечественной науке стали уделять с конца XX в. Вначале геоэкология рассматривалась как гибридное направление, объединяющее экологические и географические подходы в изучении экосистем и геосистем. Современные представления о геоэкологии определяют ее как большой междисциплинарный комплекс наук, область перекрытия географии и экологии. Геоэкология- это наука, изучающая

необратимые процессы и явления в природной сфере и биосфере, возникшие в результате интенсивного антропогенного воздействия, а также последствия этих изменений. В рамках такого подхода были обоснованы две основные задачи геоэкологических исследований: 1. Изучение воздействия внешних условий (включая и антропогенные) на геосистемы; 2. Исследование воздействия природных условий на состояние и развитие системы «растение-животное-человек». В последние годы геоэкология все в большей степени стала формироваться как система наук. Внутри нее на основе специфики исследуемых процессов и явлений формируются такие научные направления, как физико- географическое, историко-географическое, экономико-географическое, социально- географическое. Территориальная иерархия геоэкологических исследований стала основой формирования таких их направлений, как локальные, региональные и глобальные исследования, геоэкология Мирового океана. Положено начало экологическому районированию и ландшафтной геоэкологии. Однако, несмотря на все это, геоэкология как наука находится в процессе интенсивного формирования.

На стыке геоэкологии, физической, социально-экономической географии и медицины сформировалась медицинская география, изучающая природные и социально-экономические особенности различных территорий с целью выявления их влияния на состояние здоровья населения, возникновение и распространение отдельных заболеваний человека. В целом же, несмотря на сохраняющуюся некоторую неопределенность задач и теории геоэкологии, она во все большей степени формируется в качестве одной из составных частей системы географических наук.

География природопользования находится в процессе своего формирования. Сам термин «природопользование» появился лишь в конце 50-х годов XX в. и имел первоначально эколого-биологический смысл. В 70-е годы он приобрел междисциплинарный аспект и был направлен на глубокий и всесторонний анализ взаимодействия общества и природы и на поиск путей их оптимизации. Под природопользованием стали понимать целенаправленную общественно- производственную деятельность, целью которой является обеспечение человеческого общества (в настоящем и будущем) разнообразными природными

ресурсами и удовлетворительной для жизни окружающей средой. А для этого необходимо сохранение равновесного состояния между природой и обществом, улучшение использования и воспроизводства природных ресурсов на основе взаимоувязанных мер по охране, расширенному воспроизводству природного потенциала. При таком понимании структура природопользования должна включать как ресурсолроизводящие, так и ресурсопотребляющие отрасли. Было выработано понятие о рациональном и нерациональном природопользовании. При этом рациональное природопользование представляет такую систему деятельности, которая обеспечивает экономную эксплуатацию природных ресурсов, эффективный режим их воспроизводства с учетом перспективных интересов хозяйства и сохранения здоровья людей. В структуре природопользования как науки стали формироваться отдельные направления исследований: социально-политическое, технико-технологическое, правовое, социально-экологическое и эколого- экономическое. Среди частных направлений природопользования наибольшей зрелости достигла экономика природопользования, которая развивается по трем основным направлениям (экономика защиты окружающей среды, эколого-экономическое и оценочное).

Таким образом, главная задача географии природопользования заключается в обосновании более эффективной территориальной организации рационального природопользования, а это предполагает, с одной стороны, совершенствование территориальной организации отраслей природопользования, а с другой, аналогичный системный подход к обоснованию мероприятий по охране и воспроизводству природы. Однако, несмотря на все это, до сих пор еще не разработаны основы теории этой науки. В.М. Котляков считает, что теория природопользования должна включать определение границ устойчивости природной составляющей географической оболочки Земли, геосистем, определение критериев экологических ограничений и оптимизации природопользования, создание систем экономических и внеэкономических показателей для комплексной оценки природных ресурсов и условий жизнедеятельности человека, разработку методологии комплексного прогнозирования.

Система географических наук 1-го порядка включает в себя блок теоретических общегеографических наук. Помимо

рассматриваемой здесь теории и методологии географии к этой группе наук относятся еще теоретическая география, метагеография, математическая география. Такое обилие теоретических наук в географии исторически обусловлено трудностями формирования ее общей теории, попытками сформировать ее на стыке с другими науками в разных национальных географических школах. Так, метагеография, возникшая в конце 60-х годов XX в. на стыке с науковедением, исследует процессы внутреннего развития географической науки. К их числу относятся положение географии в общей системе наук, основные процессы формирования географии, ее внутренняя структура, современные задачи этой науки, взаимоотношения и перспективы развития отдельных географических наук и всей ее системы в целом. Теоретическая география предназначена для исследования наиболее общих законов построения и функционирования геосистем, а математическая география (или геокибернетика), по словам Ю.Г. Саушкина, представляет собой науку о применении математических методов к исследованию состояния и динамики пространственных систем природы и общества. В целом же по мере «вызревания» теории и методологии общей географии следует ожидать интеграцию всех этих частных теоретико-географических наук.

Система общей географии включает в себя прикладные науки. В 60-е годы XX в. в отечественной науке все более широкое распространение получила идея конструктивной географии. Это было связано с тем, что общество столкнулось с рядом сложных проблем, требующих для своего решения практических межнаучных разработок. К этому времени в самой географии уже сформировался ряд отраслевых прикладных наук. Среди специалистов все больше распространялось убеждение, что география теряет характер «кабинетной» науки и становится наукой, имеющей важное практическое значение. С 1964 г. в структуре Международного Географического союза стала работать постоянная комиссия по прикладной географии. Понятно, что географическая наука функционально имеет как фундаментальное, так и прикладное направления. При этом прикладные исследования охватывают совокупность научных работ, направленных на решение конкретных задач практической деятельности. Одним из инициаторов такого развития географии

был И.П. Герасимов, который в 1976 г. обобщил свои идеи в монографии «Конструктивная география». И.П. Герасимов считал, что с началом НТР география трансформируется из прежней описательно-познавательной науки в экспериментально-преобразовательную. Таким образом, И.П. Герасимов заложил основы нового направления в географии, тесно связанного с преобразованием природной среды и управлением этого процесса. Однако тогдашняя география оказалась не готова к освоению таких идей. Многие оппоненты И.П. Герасимова считали, что география и без того всегда была и будет конструктивной наукой и высказывали опасения, что конструктивная география может «проглотить» всю систему географических наук. Однако все эти возражения сейчас имеют исторический характер. Институт географии РАН уже выпустил целую серию из 20 книг «Проблемы конструктивной географии». Современная конструктивная география охватывает весь цикл исследований (от функциональных до прикладных) и стала теоретической основой прикладной географической науки.

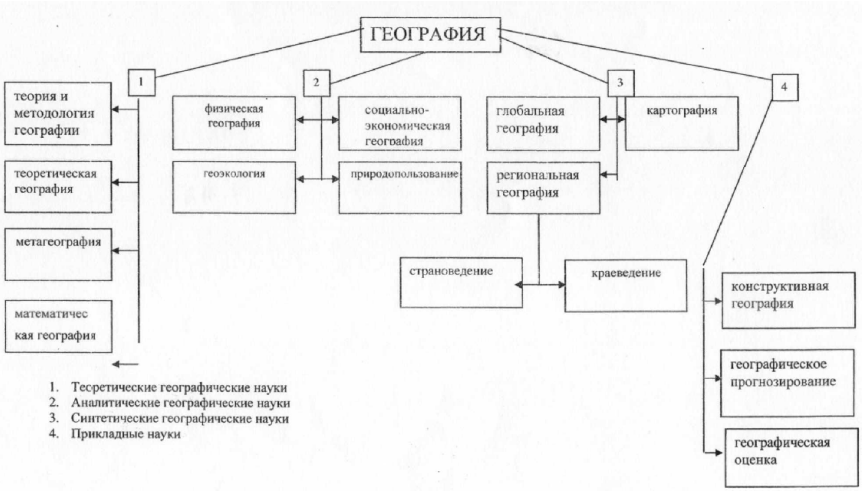


Рисунок 1. Принципиальная схема системы географических наук.

Одной из прикладных общегеографических наук является географическое прогнозирование. Прогноз - это научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем и об альтернативных путях и сроках достижения этих

состояний. Конечно, прогноз имеет вероятностный характер, но обладает определенной долей достоверности. В современной науке и жизни широко представлены частные виды прогнозов - экономических, демографических, прогнозы погоды и т.д. В последние десятилетия стала формироваться теория общего географического прогноза. В географическом прогнозировании формируется два основных направления -отраслевое и комплексное. Примером частных географических прогнозов являются прогнозы предстоящих изменений климата, водного баланса, биогеографические и ландшафтно-географические прогнозы. В основном они не входят в систему географических наук 1-го порядка и выступают прикладными разделами отраслевых географических наук. Напротив, к системе общей географии относится комплексное географическое прогнозирование, которое требует использования интеграционного потенциала всей географической науки. Такое географическое прогнозирование основывается на изучении закономерностей и устойчивых тенденций развития пространственных аспектов природы, населения и хозяйства, выявлении взаимосвязей между ними. Следовательно, одной из основных задач географического прогнозирования выступает разработка научно обоснованных суждений о состоянии и тенденциях развития природы, географической среды, хозяйства, населения и общества в целом для их гармоничного взаимного функционирования. По охвату территории географические прогнозы делятся на локальные, региональные, национальные и глобальные.

К числу сугубо прикладных направлений в географии относится географическая экспертиза. С 70-х годов XX в. она получила широкое распространение в странах Евросоюза, а в последние десятилетия - и в России. В законе РФ «Об охране окружающей природной среды» есть специальный раздел о государственной экологической экспертизе, целью которой является проверка хозяйственной и иной деятельности в стране на соответствие экологической безопасности. Понятие географической экспертизы имеет более широкий характер. Географическая экспертиза -научное направление, специализирующееся на проверке любой хозяйственной и иной деятельности на соответствие объективным закономерностям

развития интегральной системы «природа-население-хозяйство» на различных ее территориальных уровнях. Хотя географическая экспертиза возникла на основе географических методов (сравнительно-географический, картографический, районирования), однако ее дальнейшее развитие, по мнению К.П. Космачева, требует разработки и специальных методов.

Таким образом, современная система географических наук весьма далека от упрощенного представления о «двуединой» географии, состоящей из природной и общественной географии. При этом необходимо иметь в виду, что теория и методология современной общей географии реально формируется не столько на основе каких-то абстрактных положений, определяемых теоретиками науки, а на основе взаимодействия теории и методологии, которые разрабатываются во всех подсистемах и научных направлениях географии. В процессе исторического развития география сформировала очень сложную, диверсифицированную внутреннюю структуру, которая позволила ей на основе интеграции с другими науками охватить исследованием огромный объем самого разнообразного фактического материала, разнообразные процессы и явления как природы, так и общества, имеющие пространственные особенности существования и функционирования. В этих условиях определение общего теоретического «знаменателя» для всей совокупности географических наук имеет свои особенности. Выявляемая теория и методология в принципе должна быть адекватна всем географическим наукам, она не должна задерживать их дальнейшее развитие и не должна выступать в качестве их «прокрустова ложа», т.е. искусственно подгонять развитие географии или ее отдельных частей под то или иное теоретическое представление о ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. - М.: Мысль, 1983. - 350 с.

2. Голубчик М.М. История географии : учеб. пособие / М.М. Голубчик, СП. Евдокимов, С.Н. Максимов. - Смоленск : Изд-во Смолен, гум. унта, 1998.-224 с.

3. Голубчик ММ Теория и методоппгия географической науки: учеб. пособие / М.М. Голубчик, СП. Евдокимов, Г.Н. Максимов, А.М. Насонов. - М.: Гум. изд. центр ВЛАДОС, 2005. - 463 с.

4. Максаковский В.П. Географическая культура : учеб. пособие для студентов вузов / В.П. Максаковский. - М. : Гум. изд. центр ВЛАДОС, 1998.-416 с.

5. Мересте У.И. Современная география: вопросы теории / У.И. Мересте, *С.Я.* Ныммик. -М. : Мысль, 1984.-296 с.

6. Поросенков Ю.В. История и методология географии / Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова. - Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1991. - 224 с.

7. Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки : курс лекций / Ю.Г. .Саушкин.- М. : Изд-во МГУ, 1976. - 423 с.

8. Хаггет П. География: синтез современных знаний / П. Хаггет. - М.: Прогресс, 1979. - 684 с.

ФИЗИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В СИСТЕМЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК НАКАНУНЕ XXI ВЕКА[3]

Одной из характерных особенностей уходящего века в области российской географии является окончательное формирование ее биструктурной организации. Российская география исторически сложилась в виде двух основных направлений - физической и социально-экономической географии. Если физическая география призвана исследовать процессы формирования и развития территориальных природных систем разных типов и иерархических рангов, то социально-экономическая география изучает территориальные экономические и социальные системы. В рамках уже сложившейся классификации наук физическая география относится к естествознанию, а социально-экономическая география - к обществоведению. Следовательно, по самой своей сути география призвана имеющимися в ее распоряжении методами исследовать на уровне различных территориальных систем проблемы взаимоотношения общества и природы. Однако такой богатый интеграционный потенциал география уходящего века не смогла реализовать в полной мере. Это явилось следствием как внутренних особенностей развития самой науки, так и определенной общественной практики.

Биструктурность географии стала итогом всего предшествующего этапа развития. Российская экономическая география возникла в начале XIX века в русле общего процесса формирования общественных наук в результате внутренней дифференциации камеральной статистики или описательного государствове-дения. В конце XIX в. - в самом начале XX в. наиболее представительным было так называемое "отраслево-статистическое" направление экономической географии, которое эту науку рассматривало как "конкретную политическую экономию", то есть составную часть науки о народном хозяйстве. Следовательно, такая экономическая география сложилась за

---

3 Физическая и социально-экономическая география в системе географических наук накануне XXI века // Ю.В. Поросенков/ Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. география и геоэкология. — 2000 .— N4 .— С.47-50.

пределами географии в системе экономических наук и была ориентирована на изучение состояния отдельных отраслей хозяйственной жизни. В системе географических наук к началу XX века наряду с науками, изучавшими природу, сложились антропогеография, исследовавшая процессы формирования и размещения населения сквозь призму влияния на них природных условий, и коммерческая география, изучавшая территориальную организацию торговли, связь её с производством.

Уже к середине XIX в. сложилось достаточно широкое понимание системы географических наук. Так П.П. Семенов-Тян-Шанский понимал географию, в узком значении этого термина, как науку, изучающую преимущественно поверхность земного шара, а под географией, в широком смысле этого слова, он подразумевал систему из четырех самостоятельных наук - математической географии, физической географии, этнографии и статистики. Под статистикой тогда понимали не только конкретную экономику,но и экономическую географию, поскольку сам термин "экономическая география" получил широкое распространение лишь в конце века. Этнография длительное время развивалась на стыке географии и истории, являясь традиционной частью страноведческих работ. В российском страноведении второй половины XIX в. - начале XX в. было накоплено много методологических и методических подходов, которые были использованы региональной экономической географией в XX в.

Принципиально иная ситуация в развитии экономической географии возникла в советский период. Формирование плановой государственной экономики поставило перед всеми общественными науками прикладные задачи коренного преобразования страны. Методология советской экономической географии была сформирована в процессе разработки планов ГОЭЛРО и экономического районирования страны. С конца 20-х годов под руководством Н.Н. Баранского формируется "районная школа" экономической географии, в рамках которой основным направлением этой науки провозглашается исследование экономических районов как территориальных хозяйственных комплексов. Сама экономическая география стала частью системы географических наук. Тем самым формируются более благоприятные условия для общегеографического синтеза и

подготовки кадров географов-регионоведов. Однако последующая практика показала, что возможности интеграционного потенциала география использовала неполностью. Советская конструктивная экономическая география, решая практические вопросы территориальной организации хозяйства и расселения, развивалась в тесной связи с политэкономией социализма, территориальным планированием, районной планировкой. В последние года у региональной экономической географии возникли значительные области перекрытия с региональной экономикой. На этой основе временами обострялось противостояние между физико-географическим и экономико-географическим подходами. Некоторые физико-географы утверждали, что географичность экономической географии определяется лишь степенью тесноты связей с физической географией. Позиция же экономико-географов состояла в том, что природные условия и ресурсы - лишь один из факторов территориальной организации хозяйства и расселения, а географичность экономической географии вытекает из самого существа изучаемых ею процессов. Эта проблема еще в большей степени усложнилась в последние два десятилетия, когда советская экономическая география превратилась в социально-экономическую географию, объектом которой выступает территориальная организация общества.

Одной из причин недостаточного развития интегральных исследований в системе географических наук на протяжении XX в. явилась их излишняя заидеологизированность. На протяжении всего советского периода официальной идеологической основой науки выступали диалектический и исторический материализм. Многие десятилетия в географии культивировалась борьба за чистоту идей под флагом противостояния буржуазной науке, под которой часто подразумевались те или иные концепции, получившие широкое распространение в мировой географии. На противостояние физической и экономической географии работала и абсолютизация различий в законах развития общества и природы.

С момента своего возникновения до середины XIX в. география существовала как единая наука на основе теории географического детерминизма. К середине XIX в. классическая политическая экономия открыла законы функционирования рыночной экономики, поэтому к концу века география распадается

на две части - физическую и экономическую географию. Этот аспект главенствует в советский период, поскольку марксистско-ленинское обществоведение акцентирует внимание на различии законов общественных формаций, в первую очередь капитализма и социализма, а природа выступает лишь в качестве одной из предпосылок общественного развития. Такой подход лежал в основе борьбы Н.Н. Баранского против "правого" и "левого уклонов" в географии. Теоретическая дискуссия 1950-1953 гг. выявила, что в рамках географии сложились две подсистемы наук - физической и экономической географии - с собственными объектами исследования. В этих условиях те немногие ученые, которые призывали к интеграции в географии, готовили себе нелегкую научную судьбу.

Биструктурная организация географической науки не ставилась под сомнение наличием в ней давно сложившихся интегральных направлений (картография, страноведение, общее землеведение, ландшафтоведение). Более того эти направления трансформировались под влиянием биструктурности. Так, картография как наука о географических картах и методах их создания и использования зародилась в Европе еще в эпоху Великих географических открытий, а в России - в начале XVIII в. В XIX в. и особенно в XX в. под влиянием общего процесса дифференциации географии в картографии сложился целый ряд специализированных направлений. Помимо составления специальных карт природы возникла экономическая, а позже социально-экономическая картография.

Страноведение, сложившееся еще в XVIII в. ставило перед собой задачу комплексного описания разнообразных явлений природы и человеческого общества по странам и крупным регионам. Однако и оно под влиянием дифференциации географии в XX в. раскололось на два направления: физико-географическое и экономико-географическое страноведение. Одной из причин этого выступает нерешенность проблем интегрального районирования. Примером фундаментальных страноведческих работ советского периода является юбилейная 22 томная серия "Советский Союз". Географическое описание выполнено по союзным республикам и крупным экономическим районам, но отсутствует объективность выделения районов внутри республик, областей и краев. Нерешенность проблем интегрального районирования стала

причиной больших сложностей школьного курса "География России".

В рамках системы географических наук пока не сложилось интегральное направление, которое бы исследовало процессы формирования географической оболочки Земли во всех её природных и общественных взаимосвязях. Природные процессы изучает общее землеведение. Его дореволюционные издания включали мировой обзор населения на уровне расовых различий. В XX в. такой подход превратился в пустую формальность. В свою очередь глобальные общественные процессы изучает география мирового хозяйства, география населения, политическая география и ряд других общественно-географических наук. Дискуссии о сущности географической среды, поскольку такое понятие предусматривает наличие и хозяина такой среды, привели к пониманию, что предельным объектом исследования социально-экономической географии выступает ойкумена - заселенная и вовлеченная в хозяйственную деятельность часть географической оболочки Земли. Но выявление такого общего объекта исследования пока не стало толчком к синтезу общего землеведения и глобальной социально-экономической географии. Последняя скорее интегрируется с негеографическими науками, исследующими глобальные проблемы современности.

Ландшафтоведение в том виде, как оно было задумано его основоположниками, явилось примером географического синтеза. В.В. Докучаев отмечал положение прогнозируемой им науки в самом центре всех важнейших отделов современного естествознания и учения о человеке в обширнейшем смысле этого слова. Л.С. Берг понимал под географическим ландшафтом область, в которой не только элементы природы, но и население и культура человека сливаются в единое гармоничное целое. Однако в последующем такой широкий подход уступил место лишь физико-географическому пониманию. Под ландшафтом стали подразумевать природный географический комплекс, в котором все основные компоненты природы находятся в сложном взаимодействии и взаимообусловленности. К концу XX в. стало совершенно очевидным и все более тревожным влияние хозяйственной деятельности на природные ландшафты. Необратимым стал процесс их антропогенизации и резкого ухудшения экологической ситуации. Среди других направлений

ландшафтных исследований возникло антропогенное ландшафтоведение, в становлении которого сыграла свою роль воронежская школа ландшафтоведов Ф.Н. Милькова. Это направление исследует в основном природные процессы формирования и развития антропогенных ландшафтов.

Накануне XXI века сформировались принципиально новые предпосылки интеграции физической и социально-экономической географии. Отпало идеологическое противостояние наук, изучающих природу и общество, российской и мировой географии. Исключительно сложные проблемы экономического, социального и экологического развития для своего разрешения требуют усилий всей мировой науки. Экологизация, гуманизация и экономизация сформировали новые стержневые направления географии. Традиционная пространственная географическая парадигма привела к формированию достаточно мощного комплекса регионоведческих наук. В тоже время перспективы развития российской географии в значительной степени связаны с перспективами развития самой страны. Либеральная модель перехода к рыночной экономике, ориентированная лишь на процессы саморазвития рынка, чревата огромными экономическими и социальными потерями, резким свертыванием фундаментальных научных исследований, в том числе и в географии. В последней имеют шанс на выживание отдельные, сугубо прикладные направления. Альтернативой выступает проведение целенаправленной государственной политики как на уровне страны в целом, так и её регионов. В этом случае формируется определенный общественный заказ на фундаментальные, в том числе и синтетические географические исследования.

П.П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ[4]

П.П. Семенов-Тян-Шанский (1827-1914 гг.) - общепризнанный лидер русской географии. В течение 41 года он стоял во главе Русского географического общества, был организатором большинства всемирно известных экспедиций и создал национальную географическую школу мирового значения.

Свою научную деятельность П.П. Семенов начал как геолог и ботанико-географ с путешествия в Тянь-Шань. Его интерес к данному горному району не был случаен. По заданию Русского географического общества он работал над переводом "Землеведения Азии" К. Риттера, посвященного Азиатской России с сопредельными странами. Накопленный к тому времени материал уже ставил под сомнение концепцию К. Риттера о строении рельефа горной части Средней Азии. В 1856-1857 гг. П.П. Семенов совершил, как он сам писал, короткую "научную рекогносцировку" в Центральный Тянь-Шань, проник в бассейн озера Иссык-Куль, к горному массиву Хан-Тенгри и верховьям р.Нарын. Он представил бесспорные доказательства отсутствия вулканизма в Средней Азии, подметил характерную особенность Тянь-Шаня - наличие параллельных горных цепей широтного простирания и разделяющих их широких и длинных речных долин, открыл огромную ледниковую область, первый установил вертикальную природную поясность.

В последующем центр научных интересов П.П. Семенова-Тян-Шанского лежал в области экономической и социальной географии, что было обусловлено его деятельностью в подготовке крестьянской реформы 1861 г. и руководством государственной статистической службы. Последнее давало ему возможность использования уникального статистического материала. В 1863-1885 гг. П.П. Семенов-Тян-Шанский опубликовал пятитомный «Географическо-статистический словарь Российской империи», в котором дано подробное статистико-географическое описание губерний, уездов, городов, крупных селений, народов России.

---

[4] П.П.Семенов-Тян-Шанский и современная география // Научная и общественная деятельность П.П. Семенова-Тян-Шанского и развитие современной России: (К 170-летию со дня рождения) .— 1997 .— С.5-7.

Словарь содержал огромный материал по дробному районированию страны.

Уникальное знание страны позволило П.П. Семенову-Тян-Шанскому заложить основы генерального районирования России. В 1871 г. в статье "Населенность Европейской России в зависимости от причин, обусловливающих распределение населения империи" П.П. Семенов-Тян-Шанский привел свой первый опыт районирования страны. Для того, чтобы обозреть "успехи народонаселения" в основу выделения районов были положены природные различия территорий и степень их хозяйственной освоенности, что привело к зональности некоторых районов. В 1880 г. вышел первый том "Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России", посвященный Центральной земледельческой области. Основная задача заключалась в том, чтобы показать те изменения в поземельной собственности, которые произошли после крестьянской реформы. В этой работе П.П. Се-менов-Тян-Шанский на основе комплексного подхода с учетом различий в специализации хозяйства, природных предпосылок, особенностей этнического состава населения и специфики исторического развития выделил 19 реально тогда существовавших экономических районов страны. Районный подход П.П. Семенова-Тян-Шанского стал основой целой серии страноведческих работ. П.П. Семенов-Тян-Шанский был редактором страноведческого издания "Россия. Полное географическое описание нашего отечества". До 1914 г. вышло 11 томов по основным экономическим районам Европейской России, Западной Сибири, Туркестану и Киргизскому краю. Выделенные экономические районы настолько удачно отражали особенности территориальной организации хозяйства и населения России, что были использованы для централизованного планирования развития ее экономики в советский период.

В связи с развитием капиталистических отношений в стране происходили сложные и неоднозначные процессы трансформации российского общества, понимание которых было невозможно без специальных "полевых" исследований. К такому типу исследований принадлежит работа П.П. Семенова-Тян-Шанского о Мураевенской волости Данковского уезда тогдашней Рязанской губернии - первое в российской науке крупномасштабное

экономико-географическое, экономическое и социологическое изучение небольшой территории. В этой работе был показан процесс трансформации и социального расслоения сельской общины в центральной России.

Будучи не только географом, но и статистиком, и государственным деятелем, П.П. Семенов-Тян-Шанский всегда отстаивал широкие межнаучные связи географии. Если в узком значении этого термина под географией П.П. Семенов-Тян-Шанский понимал науку, изучающую преимущественно поверхность земного шара, то в широком смысле слова он географию понимал как систему из четырех самостоятельных наук: математическая география, физическая география, этнография и статистика. Следует напомнить, что под "статистикой" тогда понимали и экономическую географию, поскольку сам термин "экономическая география" получил широкое распространение лишь на рубеже XIX и XX вв. А этнография длительное время развивалась на стыке географии и истории, являясь традиционной частью страноведческих работ.

Таким образом, как по набору рассматриваемых проблем, так и по глубине и мастерству их исследования П.П. Семенов-Тян-Шанский стоял у истоков современной российской географии.

.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ Н. И. ВТОРОВА[5]

Н. И. Второв относится к числу тех энтузиастов-исследователей первой половины XIX в., которому обязаны своим развитием экономическая география, история, этнография и статистика. Один из зачинателей краеведческого изучения Поволжья, Черноземного Центра, городских поселений Европейской России, Н. И. Второв незаслуженно забыт современными исследователями истории географической науки. Его имя должно стоять в ряду таких виднейших географов-статистиков первой половины XIX в., как К. И. Арсеньев, П. И. Кёппен, Н. А. Малютин и др.

Научная деятельность Н. И. Второва неразрывно связана с социально-экономической спецификой пореформенной России. С развитием капиталистических отношений, ростом промышленного производства в этот период усиливается разделение труда между районами страны. В этих условиях знание местной хозяйственной специфики становится практической необходимостью. Статистика, понимаемая как описательное государствоведение, принимается на службу государственным аппаратом. Большой вклад в статистическое (а следовательно, и географическое) изучение России внесло Министерство внутренних дел! Важную роль в географическом изучении страны сыграло организованнее в 1845 г. Русское географическое общество с его статистическим отделением. Именно с этими двумя организациями и была связана основная научная деятельность Н. И. Второва.

Н. И. Второв родился 9 сентября 1818 г. в г. Самара (нынешний Куйбышев) в семье одного из известных провинциальных интеллигентов — Ивана Алексеевича Второва, бывшего во время войны 1812 г. городничим Самары. Ему принадлежала обширная по тем временам библиотека в 2 тыс. томов, представленная в основном французскими классиками и русскими периодическими изданиями (Марков, 1967). Атмосфера высокой культуры в доме способствовала умственному развитию Николая Ивановича. После окончания Казанской гимназии он в возрасте 16 лет поступил в Казанский университет, словесный факультет которого окончил через 3 года. К университетскому

[5] Географические работы Н.И.Второва / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. об-ва СССР. — 1970 .— Вып. 2 .— С. 132-139.

периоду / относится возникновение дружбы Н. И. Второва с К. О. Александровым-Дольником, тоже будущим, исследователем Воронежского края. После кратковременной гражданской службы Н, И. Второв стал работать помощником библиотекаря Казанского университета проф. К. К. Фойгта. Эта работа предоставила ему большие возможности для научных занятий, в основном литературных.

На развитие краеведческих исследований Н. И. Второва большое влияние оказала кратковременная (всего 4 месяца) поездка в 1842 г. в Прибалтику, или как тогда ее называли, Остзейский край. Вызванная необходимостью лечения, эта поездка была использована Николаем Ивановичем для ознакомления с географическими, этнографическими и литературными особенностями края. Под впечатлением увиденного Н. И. Второв составил историческое, археологическое и этнографическое описание Остзейского края. Следствием этой работы явилось избрание Н. И. Второва членом-корреспондентом Курляндского общества любителей литературы и искусства.

В 1843 г. Н. И. Второв был назначен редактором неофициальной части «Казанских губернских ведомостей». В результате его усилий «Казанские ведомости» вскоре стали лучшей провинциальной газетой России. Работа Николая Ивановича в газете была теснейшим образом связана с его краеведческими исследованиями. Совместно с К.О. Александровым-Дольником, Н. И. Второв собрал материалы **по** статистике и этнографии Казанской губернии, составил описание нескольких уездов. Эти исследования публиковались в губернской газете. Бывая в селениях Казанской губернии даже в самых отдаленных, Н. И. Второв собирал материал для этнографической, карты, необходимость которой была обусловлена чрезвычайно сложным национальным составом губернии: на ее территории проживали татары, марийцы, чуваши, удмурты, мордовцы и русские Собранный материал Н. И. Второе передал выдающемуся этнографу и статистику академику П. И. Кёппену. Он послужил основой для составления им этнографической карты Казанской губернии, о чем П.И. Кёппен упомянул в объяснительной записке к этому изданию. Позже указанный материал был использован при составлении П. И. Кёппеном рукописного этнографического атласа Европейской России и знаменитой этнографической карты Европейской России. За эту карту П. И. Кёппен был награжден

Русским географическим обществом золотой медалью и Жуковской премией.

Самым плодотворным в деятельности Н. И. Второва является воронежский период. После пятилетнего пребывания в Петербурге и службы в Министерстве внутренних дел в 1849 г. Н. И. Второв приехал в г. Воронеж, где получил место советника губернского правления. Еще раньше в Воронеж переехал К. О. Александров-Дольник. Служебное положение Николая Ивановича было довольно независимым, поскольку он, кроме того, выполнял поручения министра внутренних дел Л. А. Перовского и в связи с этим занимался изучением городского хозяйства, общественного устройства и наблюдал за топографическими съемками городских земель. Эта работа требовала регулярных, поездок по губернии, что позволило ему накопить большой материал по этнографии и статистике.

Одна из самых больших заслуг Н. И. Второва — его исследования по истории Воронежского края. Совместно с К. О. Александровым-Дольником им были найдены древние акты (царские грамоты и указы) допетровского и петровского времени. Часть материалов была обработана и опубликована в трех томах знаменитых «Воронежских актов», совершенно незаменимых при изучении Воронежского края XVII в. Так, по этим материалам Н. И. Второв и К. О. Александров-Дольник составили план тогдашнего Воронежа и карту Воронежского края XVII в. Воронежские акты, однако, включали только небольшую часть найденных документов. Н. И. Второв проделал большую работу по систематизации всего найденного материала. С этой целью им был организован архив старинных дел допетровского времени при губернском статистическом комитете. Тем самым было положено начало изучению и опубликованию архивных документов. Как продолжение второвских трудов можно рассматривать опубликование в Воронеже в 1861 г. М. Ф. Де-Пуле «Материалов по истории Воронежской и соседних губерний. Орловские акты XVII - XVIII вв.». Затем, в 1872 г. были изданы Воронежским статистическим комитетом «Петровские акты», собранные Ф.К. Яворским. Наконец, в 1884-г. к печатанию исторических актов статистического комитета приступил Л.Б. Вейнберг, которым было опубликовано 16 выпусков под названием «Материалы по истории Воронежской и соседних губерний, Древние акты XVII столетия».

Результатом анализа Н. И, Второвым архивных материалов явились исследования по истории заселения Воронежской области. В 1861 г. в «Воронежский беседе» была помещена его статья под названием «О заселении Воронежской губернии». Эта статья, представляющая пояснение к этнографической карте губернии, имеет самостоятельное значение и шаг за шагом выясняет, при каких условиях; из каких элементов формировалось население Воронежского края. Л. И. Второв впервые документально доказал поэтапность заселения области. Заселение Воронежского края, по его утверждению, началось в конце XVI столетия, с севера и юго-запада в связи с постройкой городов Воронежа и Валуйки. В течение XVII века происходило заселение правобережной части губернии до р. Тихой Сосны, а также междуречья рек Дона и Воронежа и бассейна Усмани. Кроме того, на юге по рекам Айдару и Богучару возникали донские казачьи городки. В начале XVIII столетия наблюдалось заселение остальных территорий губернии. Особую ценность, по нашему мнению, имеет исследование автора об образовании и заселении Битюцкой дворцовой волости, ставшей впоследствии очагом крупного феодального землевладения в губернии. Крайние южные районы губернии (бассейны Айдара, Богучара, Подгорной) после разгрома булавинского восстания были заселены, по данным Н. И. Второва, в период 1709—1716 гг. острогожскими казаками.

В своем исследовании Н. И. Второв выделил основные этнические элементы, принимавшие участие в заселении Воронежского края: вся северная часть заселялась русскими переселенцами из внутренних областей России, а юго-запад, юг и юго-восток — украинцами (или, как их тогда называли, черкасами), которые появились на территории губернии еще в середине XVII века. И, наконец, в 1766 г. около г. Острогожска организовалась колония немецких переселенцев из Вюртеберга и Пфальца под названием Рибенсдорф (ныне с.Рыбное)

Таким образом, исследование Н. И Второва явилось крупным шагом в изучении заселения и развития Воронежской губернии по сравнению с предшествующими работами, в том числе исследованием Е. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», изданным в Воронеже в 1800 г. Работа Николая Ивановича знаменовала собой новый этап в развитии краеведения Воронежской губернии. Под ее

влиянием появилось вскоре большое, количество новых исследований.

Н. И. Второв оставил после себя историко-статистическое и экономическое описание Воронежского края. Оно было выполнено в 1853 г. в связи с организацией Воронежской сельскохозяйственной выставки. Описание представляет – собой анализ экономики Воронежской губернии. Она было опубликовано в «Воронежских губернских ведомостях» за 1854 г. (№ 17—23).

Одним из основных направлений научной деятельности Н. И. Второва в этот период были его этнографические исследования. Воронежская область, особенно ее северная часть, давала для них богатейший материал: на ее территории жили переселенцы из многих районов центральной России, на незначительном пространстве встречались большие различия в обычаях, говорах, костюмах.

Постепенно вокруг Н. И. Второва сгруппировались воронежские краеведы. К их числу относились товарищ Николая Ивановича К. О. Александров-Дольник, художник С. П. Павлов, натуралист И. С. Тарачков и историк И. И. Малышев. Используя материалы, собранные во время служебных поездок Н. И. Второва, члены этой группы занимались этнографическими и лингвистическими исследованиями, рисованием, а потом и фотографированием костюмов крестьян, записыванием песен, сказок, пословиц, поговорок и областных слов. Своими лингвистическими и этнографическими находками Николай Иванович делился с Афанасьевым и автором толкового словаря русского языка В. И. Далем, частично передавал их и в Русское географическое общество. Связь с географическим обществом И. И. Второв установил в 1852 г., когда он был в Петербурге и был избран в члены общества по предложению известного географа Николая Алексеевича Митина. Впоследствии круг воронежских краеведов еще более расширился**.** Художник С. П. Павлов стал самостоятельно заниматься этнографическими исследованиями, которыми он охватил Воронежскую, Тамбовскую, Пензенскую и Саратовскую губернии. Вместо него с Н. И. Второвым стали работать рисовальщики М. Б. Тулинов и М. Панов, которые приобрели позже известность в фотографировании. Под влиянием Н И. Второва местной историографией стал заниматься И. И. Зиновьев **(**ему принадлежит, например, статья «Исторические заметки о городе Воронеже» в «Воронежских губернских

ведомостях»), изучением археологии — А.И. Селиванов, историческими исследованиями — М.Ф. Де-Пуле.

На основании собранных материалов Н. И. Второв составил этнографический альбом Воронежской губернии, включающий 49 рисунков, каждый **из** которых содержит от 2 до 6 **и** более типов. На рисунках изображены сельские жители 30 различных поселений, в том числе 23, населенных русскими, 6 — украинцами, 1 — немцами. К альбому приложены этнографическая карта и объяснительный текст. Необходимо отметить, что этот уникальный для своего времени этнографический альбом так и не был полностью опубликован. Лишь в 1860—1861 тг. в «Русском художественном листке» появились некоторые характерные зарисовки из альбома со следующим вступлением: «К числу замечательных трудов по части этнографии и статистики России принадлежат этнографические исследования Воронежской губернии, произведенные действительным членом... Русского Географического Общества Николаем Ивановичем Второвым...» («Воронежский юбилейный сборник...», 1886). Работа Н. И. Второва даже в рукописном виде получила высокую оценку географической общественности: в 1859 г. ему была присуждена золотая медаль Русского географического общества.

Таким образом, этнографические исследования были характерны для всех периодов деятельности Н. И. Второва: казанского, воронежского и даже петербургского. О последнем свидетельствует записка, составленная им о методике проведения этнографических исследований. В этой записке Николай Иванович ставит вопрос о необходимости специальной подготовки исследователей, «чтобы на изучение каждого племени посвятили себя особые, лица, по возможности специально к тому подготовленные». Н. И. Второв особенно подчеркивает важность этнографического изучения южной полосы России, куда он относит Курскую, Воронежскую, Тамбовскую, Саратовскую и Самарскую губернии, поскольку местное население сохранило собенности разных местностей, из которых оно переселилось.

Для опубликования историко-географического и статистического материала при непосредственном участии Н. И. Второва в 1856 г. было организовано издание «Памятная книжка Воронежской губернии». Она явилась первым образцом подобных изданий. Позднее такие «Памятные книжки» стали выходить и в

других губернских центрах. До 90-х годов прошлого века в Воронеже эти издания выходили нерегулярно, а потом стали публиковаться ежегодно. «Памятные книжки» в силу этого являются для нас важнейшим материалом по географии нашей области второй половины XIX в.

Научная и общественная деятельность Н. И. Второва в Воронеже будет нами раскрыта не полностью, если мы не отметим его большую работу по организации местной статистики и участие в «Воронежских губернских ведомостях».

С 1857 г. начинается петербургский период деятельности Н. И. Второва, который стал работать в Министерстве внутренних дел. Этот период характеризуется в основном его исследованиями городских поселений. В числе наиболее значительных работ Н. И. Второва — двухтомник «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861 — 1862 годах». Эта работа содержит систематическое описание 595 городов России и по праву считается одной из первых попыток статистического изучения городских поселений. Несколько позже Министерство внутренних дел при непосредственном участии Николая Ивановича выпустило семитомник «Городские поселения Российской империи», представляющий собой систематическое описание всех городских поселений России. В нем приводятся самые разнообразные сведения о каждом городе: время образования, история города, герб и план, торговля, промышленность, состав населения и городские земли (Вальская, 1957).

Н. И. Второв совершил длительное путешествие по странам Западной Европы. Он был во Франции, Италии, Бельгии. Австрии, Швейцарии и Пруссии, в которых изучал городское управление и хозяйство. Результатом этой поездки явилось издание в 1864 г. монографии «Муниципальные учреждения Западной Европы».

Середина XIX в., на которую приходится расцвет деятельности Николая Ивановича, ознаменовалась важными географическими открытиями, в Сибири, Центральной Азии, Африке, Америке и Океании. Н. И. Второв дает обзор важнейших географических, открытий для «Записок Русского географического общества». В частности, в его рукописных работах сохранилась ссылка на кн. 2 «Записок» за 1863 г. Из наиболее интересных его сообщений можно отметить описание путешествий Джона Спика в бассейн верхнего Нила, Анри Дюверье — в центральную Сахару, Арминия Вамбери — в Среднюю Азию, Давида Ливингстона — в

южную и центральную Африку. Однако эта работа осталась неоконченной. Н. И. Второв умер 1 декабря 1865 г. на 47-м году жизни. Географическая общественность высоко оценила деятельность Н. И. Второва. На общем собрании Русского географического общества 8 декабря 1865 г. По случаю кончины Николая Ивановича речи о нем было сказано: «То, что сделано Николаем Ивановичем, достаточно, чтобы поставить его имя в ряду почетнейших двигателей нашей науки» («Воронежский юбилейный сборник...», 1886, стр. 257).

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров- Дольнин К. О. .Второв Н. И. Древние-грамоты и другие письменные памятники; касающиеся Воронежской губернии, ни. I —III. Воронеж, 1851 —1853.

2. Вальская Б. А. Николай Алексеевич Малютин (1818 — 1872).. Отечественные экономико-географы XVIII:— XX вв.». М., 19о7.

3. Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа, ~т. 2. Воронеж, 1886.

4. Второв Н.И. Этнографический альбом Воронежской губер--кии. Воронеж, 1865.

5. Второв Н. И. О заселении Воронежской губернии «Воронежский вестник за 1861 г.». СПб., 1861.

6. Второв Н. И. Исторический очерк постепенного заселения Воронежского края. «Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа», т. 2. Воронеж, 1886.

7. Второв Н. И. Муниципальные учреждения Западной Европы. СПб., 1864.

8. Городские поселения Российской империи, т. 1 — 7. СПб., I860 — 1864.

9. Де - Пуле М. Ф. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники, «русский вестник», т. 116—119, М., 1875.

10. Марков К. К. Иван Алексеевич Второв (1772—1844). «Географический сборник», вып. 3, Казань, 1967.

11. Мильков Ф. Н Памяти Н, И. Второва (1818—1865). «Науч. Зап. Воронеж, отд. Геогр. о-ва СССР», Воронеж, 1966.

12. «Памятная книжка Воронежской губернии за 1856 г.», Воронеж, 1856.

13. «Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861 — 1862 гг.», т. 1«—2. СПб., 1863

ПРОФЕССОР ГРИГОРИЙ ТЕРЕНТЬЕВИЧ ГРИШИН. 1903-1988 Г.Г.(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)[6]

Среди имен сотрудников, которые когда-либо работали на факультете географии и геоэкологии ВГУ и которых мы до сих пор вспоминаем с благодарностью, особое место принадлежит профессору Г. Т. Гришину. На осень 2003 г. приходятся две связанные с ним памятные даты: 14 октября - 15 лет со дня смерти и 25 ноября - 100 лет со дня рождения. По своему происхождению, образованию и взглядам Г.Т. Гришин - типичный представитель российской (советской) университетской интеллигенции своего времени. Выходец из крестьянской семьи, он родился в 1903 г. в с. Шереметьево Рязанской губернии. В 1926 г. он окончил педагогический факультет 2-го Московского университета, ставшего потом Московским педагогическим институтом имени В.И. Ленина. На творческую судьбу Г. Т. Гришина огромное влияние оказал выдающийся ученый, основатель советской экономической географии Н.Н. Баранский, бывший его научным руководителем в аспирантуре на географическом факультете Московского государственного университета. В 1938 г. после окончания аспирантуры Г. Т. Гришин успешно защитил кандидатскую диссертацию по экономико-географической характеристике одного их районов Северной Карелии, где в тот период развернулось большое промышленное строительство.

В довоенный период судьба связала Г. Т. Гришина с Воронежским университетом. В тяжелое военное и послевоенное время он - декан географического факультета, а после смерти проф. К.Н. Миротворцева возглавил кафедру экономической географии. В течение десятилетий Г. Т. Гришин занимался исследованием проблем территориальной организации производительных сил Воронежской области и Центрального Черноземья. С конца 40-х по 80-ые годы вышла серия его монографий и статей, которые стали этапными как в изучении хозяйства региона, так и в развитии теории экономической географии. Результатом многолетнего экономико-географического

[6] Профессор Григорий Терентьевич Гришин. 1903-1988 гг.(к 100-летию со дня рождения / Ю.В.Поросенков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. география и геоэкология. — 2003 .— N 2 .— С. 138-140.

исследования Воронежской области явилась защита в 1960 г. Г. Т. Гришиным докторской диссертации. Профессор Г. Т. Гришин стал фактическим основателем кафедры экономической географии в ее современном виде: его аспирантуру в свое время прошли все старейшие сотрудники кафедры. Своим самоотверженным трудом проф. Г. Т. Гришин вывел в люди сотни квалифицированных географов, которые работали и работают в различных уголках России и стран СНГ.

Годы, прошедшие после смерти проф. Г. Т. Гришина, стали периодом больших перемен. Коренным образом изменились как характер российского общества, так и система его экономики, что вызвало изменение общественного заказа на научные исследования и подготовку специалистов. Экономическая география за эти годы окончательно трансформировалась в социально-экономическую или общественную географию. На сформированной Г. Т. Гришиным кафедре географии, которая сейчас называется кафедра социально-экономической географии и регионоведения, все больше молодежи, для которой проф. Г.Т. Гришин - это уже история. В этих условиях все более настоятельным выступает определение того, что можно обозначить как теоретическое, методическое и этическое наследие проф. Г.Т. Гришина. Актуальность этого определяется и тем, что на стыке эпох в области общественных наук возникает соблазн полностью отказаться от прошлого и все построить по новому. Именно по этой причине в свое время был разрыв в развитии классической российской и новой советской экономической географии. Теперь стоит задача не допустить аналогичного разрыва в развитии классической советской и современной российской социально-экономической географии. Частным выражением этого подхода выступает определение тех методологических основ гришинских работ (а в более широком плане и советской экономической географии в целом), которые сохраняют актуальность в настоящее время.

В условиях современного кардинального изменения социального устройства хозяйства, существенной трансформации его отраслевой структуры и как следствие значительных территориальных сдвигах особое значение имеет использование историко-генетического подхода, широко примененного проф. Г. Т. Гришиным в своих работах ("Воронеж", 1948, "Воронежская

область. Экономическая география", 1967). При этом проф. Г.Т. Гришин исходил из того, что как отраслевая структура хозяйства, уровень его развития, так и территориальная организация экономики региона определяется, с одной стороны, типологическими чертами конкретного исторического отрезка его общественного развития, а с другой стороны, спецификой транспортно-географи-ческого положения региона, которая предопределяет его участие в территориальном разделении труда. Поэтому как для Воронежа, так и Воронежской области проф. Г.Т. Гришин дает историко-географический анализ по конкретным этапам их развития. Обосновывая внутриобластные экономико-географические районы Воронежской области, проф. Г.Т. Гришин исследует их исторические корни формирования. "Красной нитью" в работах Г.Т. Гришина проходит выявление тех территориальных сдвигов в хозяйстве области, которые были обусловлены развитием рыночных капиталистических отношений XIX - начала XX в. в., изменений в географии хозяйства в условиях плановой советской экономики XX в. Историко-генетический подход особенно ценен на переломных этапах истории, когда развитие региона подходит к точке бифуркации, за которой возможны разные варианты развития. Из теоретического наследия проф. Г.Т. Гришина прямо вытекает задача современным исследователям - выявить, изучить и оценить те изменения, которые на рубеже XX и XXI веков привнес в территориальную организацию общества новый русский капитализм.

Принципиальной стороной научного творчества проф. Г.Т. Гришина выступает высокая требовательность к теории каждого конкретного экономико-географического исследования и методологии этой науки в целом. Г. Т. Гришин всегда помнил выражение Н.Н. Баранского о том, что если методология не верна, то никакими методологическими ухищрениями ее не исправить. В работах проф. Г.Т. Гришина при исследовании им проблем территориальной организации хозяйства и населения всегда прослеживается стремление к межнаучной интеграции. Поэтому современная социально-экономическая география Центрального Черноземья, не теряя уже наработанных связей, должна выйти на более тесную интеграцию с формирующимся комплексом регионоведческих наук. Проф. Г.Т. Гришин всегда рассматривал свои исследования в рамках общественного заказа науке на

конкретном этапе развития страны. Его работы сыграли позитивную роль при формировании географической культуры региона и были полезны при решении конкретных практических вопросов. В тоже время нельзя не видеть, что конструктивность социально-экономико-географических исследований как во времена проф. Г. Т. Гришина, так и в настоящее время могла бы быть более значимой. Это связано, с одной стороны, с тем, что как прежняя, так и современная власть пытается решить проблемы территориальной организации общества преимущественно на ведомственной основе. А с другой стороны, сами географы не очень себя обременяют практическим внедрением своих разработок. В тоже время вряд ли можно поставить под сомнение, что даже в условиях приватизированной, рыночной экономики социально-экономическая география обязана (в интересах регионов и страны в целом) решать проблемы достижения рациональной территориальной организации общества.

Весьма поучителен методический опыт работы проф. Г.Т. Гришина с аспирантами. 60-ые и 70-ые годы, когда аспирантуру проф. Г. Т. Гришина прошло большинство сотрудников кафедры, совпали с периодом быстрой внутренней дифференциации экономической географии, внутри которой стали возникать такие ее частные направления, как география промышленности, география сельского хозяйства, география транспорта, география населения, география сферы обслуживания, экономическая оценка земли, экономическое районирование и другие. В этих условиях проф. Г.Т. Гришин, сам будучи специалистом-комплексником в духе районной школы Н.Н. Баранского, специализировал своих аспирантов при выполнении ими тем диссертационных работ на новых направлениях экономической географии. Это привело к тому, что кафедра систематически обогащалась новыми идеями и методами. Будучи требовательным и пунктуальным научным руководителем, проф. Г.Т. Гришин высоко ценил в своих учениках самостоятельность мышления и не навязывал им своей точки зрения, а действовал лишь убеждением. Поэтому его ученики достаточно быстро получали общероссийскую известность. Уже к концу 70 - началу 80-х годов кафедра представляла собой весь спектр тогдашних направлений в социально-экономической географии, что позволяло ее в какой-то степени сравнивать со столичными кафедральными коллективами. В этих условиях в

конце 80-х - начале 90-х годов кафедральный коллектив вышел на концепцию интегрального социально-экономического района.

До сих пор бесценно для нас этическое наследие проф. Г.Т. Гришина. Он одинаково требовательно, но и доброжелательно относился ко всем сотрудникам, но в тоже время решительно освобождался от случайных людей, которые вписывались в кафедральный коллектив. Проф. Г.Т. Гришин воспринимал каждого сотрудника как равную ему по значимости личность не только со своими взглядами, убеждениями и интересами, но и сложившимися привычками. Его дом был всегда открыт для всех членов кафедры. При заведовании проф. Г. Т. Гришина на кафедральном уровне проводилась открытая кадровая политика, в рамках которой карьерный рост любого сотрудника определялся в первую очередь результатами его труда и трудовым стажем. Это позволило избежать столь частых в малых коллективах интриг и сложностей взаимоотношений между сотрудниками. Для проф. Г. Т. Гришина было характерно патерналистское отношение к молодежи. Многие из работающих сотрудников кафедры и факультета до сих пор с благодарностью вспоминают проф. Г.Т. Гришина, который им помог на начальном этапе их творческого становления. Вся эта сложившаяся на кафедре система взаимоотношений в значительной степени предопределила ее последующее развитие. Не смотря на то, что уже прошло немало лет, как проф. Г.Т. Гришина нет с нами, моральный климат кафедры до сих пор формируется под влиянием тех этических норм, того представления о порядочности, которые привил своим примером наш общий учитель.

ПРОФЕССОР С.А. КОВАЛЕВ (1912-1997) И СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ[7]

В 2012г. исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося советского ученого - профессора Московского государственного университета Сергея Александровича Ковалева. С его именем связано формирование такого направления в отечественной науке как географическое исследование сельского расселения. С.А. Ковалев был в числе тех ученых, которые своими работами обусловили трансформацию возникшей в 20-ые годы прошлого века советской экономической географии в более широкую научную общность - социально-экономическую географию. Своими работами и успешной многолетней учебно-педагогической деятельностью он создал в географии такую уникальную научную общность, которая самообозначается как «школа профессора С.А. Ковалева», к которой относят себя не только его многочисленные аспиранты, но и еще более значительное число тех российских ученых, научные взгляды которых сформировались под его непосредственным влиянием [2]. К числу последних относит себя и автор данной статьи.

С.А. Ковалев сравнительно поздно вошел в «большую науку». После переезда его семьи из Вятки в Москву С.А. Ковалев в возрасте 15 лет поступил в Московский промыш-ленно-экономический техникум им. Г.В. Плеханова, учетно-экономическое отделение которого он окончил в возрасте 19 лет. После окончания этого техникума он работал в различных проектных организациях. В 1938 г. в возрасте 26 лет он был уже в должности начальника технико-экономической группы «Росметаллопроекта» и занимался планированием и проектированием предприятий, а во время войны - размещением эвакуированных заводов [2]. Следовательно, С.А. Ковалев повторил жизненный путь многих других первых советских

[7] Профессор С.А. Ковалев (1912-1997 гг.) и современная отечественная география сельского расселения / Ю.В. Поросенков // Территориальная организация общества и управление в регионах : материалы 9-ой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 10-12 окт. 2012 г., г. Воронеж .— Воронеж, 2012 .— С. 18-22

экономико-географов, которые приходили в науку уже с большим опытом практической работы.

В 1938 г. он поступил на заочное отделение географического факультета Московского государственного педагогического института им. Ленина, который из-за войны окончил в 1946 г. и сразу же в возрасте 35 лет поступил в аспирантуру к профессору Р.Н. Кабо - одного из крупнейших специалистов в географии населения, который много сделал для становления этого направления отечественной географии, и первый стал читать аналогичный вузовский курс.

К моменту окончания аспирантуры С.А. Ковалев сформировался не только как опытный практик, но и как ученый. Его первые научные публикации относятся еще к 1928 году, а первые работы по географии сельского расселения появились в 1949 г. Вероятно, все это стало причиной, что С.А. Ковалев с декабря 1949 г. по июнь 1952 г. был направлен Министерством просвещения РСФСР в спецкомандировку в Венгрию, где он читал лекции по экономической географии в Будапештском, Сегедском и Добреценском университетах. Во время отпуска в 1950 г. (в возрасте 38 лет) он защитил в МГПИ кандидатскую диссертацию по теме «География сельского расселения в пределах Черноземного Центра». К этому времени в научном сборнике московских географов («Вопросы географии», сборник 14 «География населения») были опубликованы первые две статьи С.А. Ковалева по проблемам сельского расселения - «Вопросы терминологии в географическом изучении сельского расселения» и «Опыт систематизации материалов для характеристики сельского расселения в пределах Черноземного Центра». Материалы его кандидатской диссертации были отражены в статье «География сельских населенных пунктов в областях Черноземного центра», опубликованной в 1953 г. в сборнике «Вопросы географии» (сб. 32) с тематическим названием «Цетрально-Черноземные области».

С 1952 г. С.А. Ковалев по приглашению проф. Ю.Г. Саушкина стал работать на кафедре экономической географии СССР географического факультета МГУ, с которой его судьба оказалась связанной все последующие 45 лет. Во второй половине 50-х - начале 60-х годов С.А. Ковалев наряду с неизбежной в вузе общественной и административной работой интенсивно и

целенаправленно занимался подготовкой докторской диссертации и в 1963 г. защитил ее по теме: «Основные вопросы географии сельского расселения». В рамках подготовки данной диссертационной работы он в 1960 г. выпустил монографию «Географическое изучение сельского расселения (Задачи, методика, основные материалы, специальные карты расселения)», а основной материал диссертации нашел свое итоговое отражение в 1963 г. в монографии «Сельское расселение (географическое исследование)», которая стала настольной книгой для всех отечественных специалистов, занимающихся проблемами сельского расселения [3].

Научная жизнь любого ученого результативна лишь тогда, когда его работа соответствует общественному заказу на определенном этапе развития страны. Это в полной мере относится и к научной деятельности проф. С.А. Ковалева. Десятилетний период второй половины 50-х - первой половины 60-х годов прошлого века стал временем большого государственного и общественного внимания к проблемам развития сельского хозяйства и сельской местности в целом. Это было связано с тем, что после долгих лет забвения, когда за счет перераспределения средств из сельскохозяйственного производства решались проблемы и после военного восстановления страны и ее индустриализации, результатом чего стал хронических дефицит продовольствия в городах, быстрое развитие сельского хозяйства стало крайней необходимостью для государства. Поэтому наряду с географическими работами по крупномасштабному изучению сельскохозяйственных предприятий в рамках совместной экспедиционной деятельности стало проводиться изучение процессов сельского расселения.

Одной из главных особенностей отечественного подхода в географическом исследовании сельского расселения стала комплексная социально-экономическая методология, в рамках которой процессы изменения сельского расселения рассматривались в тесной связи с природными предпосылками, особенностями развития хозяйства, социальной инфраструктуры и демографической ситуацией. Все это нашло яркое воплощение в основной теоретической работе СА. Ковалева. Следует хотя бы кратко остановиться на содержании монографии С.А. Ковалева

«Сельское расселение (географическое исследование)», тем более что это работа уже давно стала библиографической редкостью.

Монография состоит из двух частей. В первой части рассматриваются сельские населенные пункты в общей системе расселения, дается типология и районирование сельского расселения, анализируются условия и закономерности формирования сельского расселения, дается характеристика сельского расселения страны за советский период ее развития и определяются перспективные направления формирования расселения в сельских местностях страны.

Во второй части монографии С.А. Ковалев рассмотрел положение географии сельского расселения как науки в общей системе научных исследований, выявил особенности таких исследований в мировой и отечественной науке, обобщил методический опыт географического исследования сельского расселения, отдельно выделив его картографирование. В целом это работа заложила надежный научный фундамент исследования сельского расселения на несколько десятилетий вперед, в том числе и в прикладных направлениях, например в сфере районной планировки. В этих целях, автор данной статьи в 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию «География населения и сельского расселения Восточного Прибитюжья Воронежской области (для целей районной панировки)». Консультации проф. СА. Ковалева по этой теме считаю определяющими в становлении меня как специалиста.

Процесс быстрой дифференциации экономической географии и ее постепенная трансформация в социально-экономическую географию привели к тому, что в 70-е годы на первый план стали выходить работы по географии сферы обслуживания, а среди географических дисциплин по изучению населения - исследование миграций, малых и средних городов. Во второй половине 60-х годов С.А. Ковалев опубликовал свои первые работы по теории географического исследования сферы обслуживания населения, заложив тем самым совместно с В.В. Покшишевским основы этого нового направления в географии [4]. Эти работы также способствовали совершенствованию квалификации автора статьи. В 1971 г. Н.И. Поросенкова (первая жена автора) защитила кандидатскую диссертацию по теме: «География торгового

обслуживания населения Воронежской области», консультантом по которой был С .А. Ковалев.

В 1970-е годы управление процессами развития сельского хозяйства в стране показало, что эффективное решение его экономических проблем невозможно без комплексного социально-экономического подхода. На этой основе возникли географические исследования сельской местности, теоретические основы которых были заложены С.А. Ковалевым. К сожалению, это направление в появившихся конкретных региональных исследованиях так и не получило своего законченного выражения. В числе новых аспектов исследования сельского расселения, появившихся в последующие годы, можно отметить более широкое использование геосоциологических и геоинформационных методов, усиление комплексного социально-экономического подхода [1].

Современная эпоха - переход России к рыночным отношениям - обусловила коренную трансформацию экономических, социальных, демографических, экистических и экологических процессов российского села. Оно сейчас переживает один из тех переломных моментов своей истории, сравнимый по глубине и масштабу перемен с периодом внедрения капиталистических отношений во второй половине - конце XIX и начале XX веков, советской коллективизацией сельского хозяйства в 20-30-ые годы прошлого века. Современная крайне запутанная система земельных отношений, крах коллективных хозяйств советского типа (колхозов и совхозов) привели к тому, что сельские жители оказались лишены большей части сельхозземель и фактически были «геттизированы» в границах сельских населенных пунктов. Объектами их хозяйственной деятельности остались лишь приусадебные участки. При этом развитие современного сельского хозяйства (как растениеводства, так и животноводства) на современном технологическом уровне делает просто «ненужной» на селе преобладающую часть населения. Все это приводит к тяжелейшим социальным и демографическим последствиям. По существу, мы присутствуем при гибели традиционного российского села. Все это делает крайне необходимым крупномасштабные комплексные междисциплинарные исследования сельской местности на основе системно-структурной

методологии, особенно на уровне сельских поселений и муниципальных районов [5].

С.А. Ковалев вошел в историю отечественной географии второй половины прошлого века как основоположник географии сельского расселения, который много сделал для трансформации нашей науки в социально-экономическую географию. В процессе своей многолетней научно-педагогической деятельности он воспитал большое число высококвалифицированных специалистов, которые трудятся в настоящее время во многих вузах России и ближнем зарубежье. С.А. Ковалев был ярким воплощением той, ныне постепенно сходящей на нет, категории отечественных советских ученых, которые беззаветно служили науке и были достойным примером для своих учеников.

Библиографический список

1. Алексеев А.И. Многоликая деревня: население и территория.— М.: Мысль, 1990.

2. Ковалев СА. Избранные труды. - Смоленск: Ойкумена, 2003.

3. Ковалев С.А. Сельское расселение (географическое исследование).- М.: Изд-во Моск. унта, 1963.

4. Поросенков Ю.В., Поросенкова Н.И. История и методология географии. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991.

5. Поросенков Ю.В. Задачи и проблемы географического исследования муниципальных образований Российской Федерации // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. география и геоэкология. 2012. № 1. С. 5-14.

II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ[8]

В конце первого десятилетия XXI в. можно со всей очевидностью говорить об необходимости усиления позиций исторической географии России в системе вузовского образования страны. Это связано прежде всего с задачами патриотического воспитания высоко квалифицированных специалистов. На этапе распада СССР (конец 80-х - начало 90-х годов XX в.) распространение в стране либеральных идей сопровождалось дискредитацией самого понятия патриотизма. Одной из причин этого является весьма неоднозначная оценка переломных событий и целых этапов российской истории разными отечественным и зарубежным школами и авторами. На это накладываются и проблемы осмысления своей истории новыми суверенными государствами, возникшими на месте СССР. В этих условиях весьма актуально, с нашей точки зрения, введение в систему высшего географического образования такого учебного курса, как «Историческая география России». Он позволяет усилить связи между системами географических и исторических наук. Следует вспомнить, что в рамках современного научного разделения труда российская географическая школа выделяется именно своим историко-географическим подходом. Самая сущность «Исторической географии России» как науки обязывает особое внимание обратить на выявление объективных закономерностей возникновения, формирования и развития Российского государства, что наряду с другими науками выступает теоретической основой определения общенациональных интересов страны.

Историческая география - традиционная область научных исследований, сложившаяся на стыке истории и географии. Значительные работы по исторической географии России появились уже в конце XIX - начале XX вв., однако теоретические основы

[8] Методологические основы исторической географии / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского отдела Русского географического общества : сборник научных трудов .— Воронеж, 2009 .— Т.9. - С. 7-13

подобных исследований в полной мере не ясны и до настоящего времени. Это связано с тем, что российская география и история, достаточно тесно взаимосвязанные в период возникновения, в последующем существенно разошлись в своем развитии. Если под историей понимать комплекс общественных наук, изучающий прошлое человечества во всей его конкретности и многообразий [9], то география как система наук изучает территориальные системы природа-общество (геосистемы). в том числе географическую оболочку Земли, ее структуру и динамику, взаимодействие и распределение в пространстве ее компонентов [4].

При таком понимании объектов исследования истории и географии область их совместных интересов ограничивается изучением явлений и процессов развития человеческого общества на конкретных его эпох в рамках географической оболочки Земли, в том числе и конкретных взаимосвязей и взаимозависимостей развития природы и общества. Поэтому возникшие на основе своих наук такие принципы научных исследований, как историзм и хорологизм (территориальность) давно уже приобрели широкое межнаучное значение. Например, применение к исследованию природы принципа историзма обусловило формирование палеогеографии -науки о физико-географических условиях геологического прошлого Земли, лишь четвертичный (или антропогенный) период которого представляет интерес для историков. Следовательно, историческая география заведомо уже межнаучной области применения исторического и хорологического методов исследования.

В мировой и российской науке до сих пор сохраняется неоднозначность понимания исторической географии. Еще немецкий географ А.Геттнер в 1927 г. отмечал, что историческая география - это географическая характеристика территории в определенный исторический период и что не существует единой исторической географии, а множество ее частных направлений [5]. А.Кларк в коллективной монографии «Американская география», изданной в 1954 г. в связи с 50-летием Ассоциации американских географов, отмечал, что предметом исторической географии является любое изучение географии прошлого или изучение географических изменений во времени вне зависимости от того, будет ли это изучение культуры или физических и биологических условий. Поэтому историческая география не представляет специальную

научную дисциплину, так как любой предмет может рассматриваться в свете исторических условий или их изменений [1].

В «Словаре общегеографических терминов», изданном под редакцией Л.Дадли Стампа (Лондон, 1961) систематизированы следующие представления об исторической географии: 1) исследование влияния географических условий на исторические события; 2) изучение географических изменений во времени, например, городов, промышленности и т.д.; 3) исследование изменений политических границ и административных единиц в разное время; 4) политическая география в узком значении этого термина при исследовании международных отношений; 5) «ретроспективная» география -реконструкция географии прошлых периодов; 6) физическая или экономическая география в историческом разрезе; 7) работы по истории географических исследований и географического мышления; 8) самостоятельная наука, отличная от географии истории и истории географии [14].

Достаточно сложная судьба формирования теории исторической географии сложилась в России и СССР. Хотя первые упоминания и суждения о сущности исторической географии относятся к XVIII в., однако специальные работы, в которых рассматривались теоретические проблемы исторической географии, появились лишь в конце XIX и начале XX в.в. Например, Л.Н. Майков рассматривал историческую географию как науку о взаимоотношении общества и географической среды [11]. М.К. Любавский, признавая такой подход, в собственном исследовании рассматривал проблемы исторической географии России в связи с колонизацией населением ее окраин [10]. СМ. Середонин на такой лее принципиальной основе исследовал процессы формирования русского этноса, его расселения и административно-территориального устройства [13]. А.А. Спицин перед исторической географией ставил задачу исследования «топографической стороны» событий и явлений [15]. Следовательно, в дореволюционной исторической географии в рамках полифакторного подхода к исследованию исторических процессов на первый план все же выходило влияние природной среды.

Формирование теории советской исторической географии началось лишь с конца 50-х годов XX в. на общем фоне усиления исторического подхода во всей системе научных исследований. К этому времени появились фундаментальные работы не только по

региональной истории, но и истории народного хозяйства, хозяйственной деятельности населения в различных районах страны. Основы теории «марксистской» исторической географии заложил В.К. Яцунский, который отнес эту науку лишь к области исторических знаний [18]. Хотя такой подход и вызвал в свое время возражение со стороны некоторых советских экономико-географов (например, профессора Г.Т. Гришина), однако он вошел в целый ряд справочных, энциклопедических и итоговых изданий. Например, в работе «Советская география. Итоги и задачи» (1960) вообще нет упоминания об исторической географии [16].

По мнению В.К. Яцунского, историческая география, в широком смысле слова, - наука о взаимоотношении человека и природы, а в узком значении этого термина она должна давать характеристику физической, экономической и политической географии страны или региона на соответствующий временной период. При этом, как считал В.К. Яцунский, историческая география дает конкретную локализацию исторического процесса, тем самым способствует теоретизации и углублению наших представлений о нем и объясняет ряд местных особенностей его развития. Однако такой подход, как считал В.С. Жекулин, оказал плохую услугу исторической географии, поскольку «размыл» границы между историко-географическими и классическими историческими исследованиями [8]. В план историко-географической характеристики В.К. Яцунский включал следующие вопросы: 1 .Физико-географический ландшафт данной эпохи. 2. Население с точки зрения его этнического состава, размещения и передвижения по территории. 3. География производства и хозяйственных связей. 4. География внешних и внутренних политических границ, а также важнейших исторических событий [18].

Последующие исследователи (ИЛ, Шаскольский, Л. А. Гольденберг, Л.Г. Бескровный, М.И. Белов) выявили основные черты внутренней структуры исторической географии, формирование в ней наук второго порядка, взаимоотношения «географических» и «исторических» аспектов исторической географии. И.П. Шаскольский, принимая в целом классификацию историко-географических наук В.К. Яцунского, подразделил историческую географию на отдельные ее субдисциплины (историческая физическая география, историческая география

населения, историческая этническая география, историческая география городов и сельских поселений, историческая топография городов, историческая экономическая география, историческая политическая география) [17]. Определенное влияние на такую структуризацию исторической географии оказал уже наметившийся процесс внутренней дифференциации экономико-географических исследований. В тоже время этот автор и сам не был точно уверен, следует ли включать в данную научную общность историческую физическую географию. Задачей этого направления он считал исследование физико-географического ландшафта прошедших эпох и его изменение за исторический отрезок времени. Кроме того важнейшей задачей исторической физической географии выступает определение влияния природных условий на историческую и политическую географию на каждом этапе развития страны и ее регионов. Поскольку историческая физическая география связана с исследованием природы, а историческая география в целом относилась к комплексу общественных наук, то историку И.П. Шаскольскому в 60-е годы XX в. было сложно разобраться в их взаимоотношениях.

Л.А. Гольденберг считал, что физическая география - наиболее уязвимое звено в доказательстве того, что историческая география - это историческая отрасль знаний, изучающая всю географию прошлых эпох. В этом плане историки оказались неподготовленными к исследованию историко-ландшафтных проблем. Поэтому Л.А. Гольденберг предложил более узкое определение предмета исторической географии. По его мнению, историческая география историческая дисциплина, изучающая историко-экономическую (население и хозяйство) и историко-политическую географию прошлого человечества во взаимосвязи с физико-географической обстановкой. При таком подходе историческая география представлялась единой общественно-географической наукой, расположенной в пограничной области между историей и географией [б].

Л.Г. Бескровный в статье «Состояние и задачи исторической географии», опубликованной в сборнике Первой Всесоюзной сессии по исторической географии (1974 г.), сделал попытку размежевать задачи исторической географии по отраслям знания. Задачей географов, по его мнению, является изучение главным

образом природной среды и ее изменений под воздействием деятельности человека, истории географических открытий, что составляет сущность исторической физической географии. Напротив, задачей историков, по мнению Л.Г. Бескровного, выступает изучение исторической географии населения, исторической географии хозяйства, политической исторической географии и географии культуры [3]. Хотя автор подчеркнул условность подобного размежевания по знаниям, на его позицию не могло не повлиять отчетливое «физико-географическое лицо» отечественной географической науки того времени. Примерно такая же психология проявила себя и при теоретическом размежевании отечественной экономической географии и региональной экономики.

На Первой Всесоюзной сессии по исторической географии 1974 г. попытку обосновать теорию этой науки предпринял и М.И. Белов. По его мнению, историческая география возникла и развивается одновременно в двух сферах научных связей - природной и общественной. Объектом исторической географии выступает изучение географической среды исторического времени в плане пространственно-временных изменений, используя периодизацию, принятую в исторической науке [2]. Через два года М.И. Белов писал, что основным предметом исследования исторической географии выступает историко-географическая среда. Историческая география, по его мнению, состоит из ряда научных дисциплин, включая историю географических открытий.

Авторы первого вузовского учебника по исторической географии СССР В.З. Дробишев. И.Д. Ковальченко и А.Д. Муравьев определили историческую географию как отрасль истории и географии, изучающую историческую физическую географию, историческую географию населения, историческую экономическую географию и историческую политическую географию, взаимодействие природы и человека, влияние географической среды на развитие человеческого общества, использование человеком природы в своей деятельности. По мнению авторов, историческая география имеет те же основные разделы, что и география современности. Она включает в себя: 1)физико-географическое описание (рельеф, климат, воды, почвы, растительность, животный мир, полезные ископаемые и др.); 2) географию населения (его возникновение, формирование,

этнический состав, размещение и передвижение); 3) экономическую географию, т.е. географию производства и хозяйственных связей с отраслевой и порайонной характеристикой; 4) политическую географию (выяснение политических границ, определение территории и районов, выделяющихся в историческом отношении; установление на карте мест, связанных с теми или иными политическими событиями; размещение городов и населенных пунктов, крепостей и других оборонительных сооружений; географии народных движений) [7].

В начале 80-х годов XX в. принципиальные вопросы теории исторической географии рассматривал В.С. Жекулин. По его мнению, в современной исторической географии, представляющей систему наук и занимающей промежуточное место между историей и географией, выделяется шесть главных научных направлений:

1) историческая география как вспомогательная историческая дисциплина, изучающая местонахождение исторических событий и объектов;

2) историческая география как наука, изучающая экономическую географию прошлых исторических периодов; сюда же отнесены проблемы исторической географии населения и исторической демографии;

3) историческая политическая география, изучающая внутреннее административно-территориальное устройство стран, формирование их внешних границ;

4)историческая этническая география, изучающая историю народов, их материальной и духовной культуры в связи с особенностями географической среды;

5) историческая география как наука, изучающая историю развития и изменения географической среды и ландшафтов;

6) историческая география как объединенная дисциплина, изучающая особенности природы, населения, хозяйства прошлых эпох или, иными словами, историко-географическое страноведение и краеведение [8].

Историческая география, отражая реальность прошлого стран и регионов, в наше время зависит от понимания самой сущности географии и истории как наук, от общественного заказа на проведение историко-географических исследований. В последние десятилетия конца XX начала XXI веков методология

географической науки строилась на основе системно-структурного подхода, в рамках которого объектом исследования выступали геосистемы, т.е. территориальные природные и социально-экономические образования, состоящие из множества взаимосвязанных элементов. В результате гуманизации российская экономическая география трансформировалась в социально-экономическую географию. В рамках системы географических наук прежде разрозненные «география природы» и «география общества» оказались интегрированными исследованием проблем природно-ресурсного потенциала, экологической среды обитания и антропогенизации природы. В методологическом аспекте страна и регион рассматриваются теперь в качестве сложных территориальных природно-социально- экономических систем, а предметом географии выступает исследование их территориальной организации. Все остальные подходы можно рассматривать в качестве частных случаев. В этой связи современная историческая география должна давать не просто конкретную пространственную локализацию исторического процесса, но доводить исследование до выявления тенденций и закономерностей территориальной организации общества и его взаимодействия с природой.

Излагаемые автором теоретические положения о проблемном историко-географическом страноведении имеют прикладное значение. Они направлены прежде всего на выяснение сущности процессов территориальной организации (т.е. определенного территориального порядка) формирования и развития Российского государства, наиболее сложных и важных его проблемах на разных исторических этапах. Однако такой подход требует анализа и некоторых общих теоретических вопросов, например, сущности странойедения как науки, понятий «страна» и «государство».

Страноведение - традиционная дисциплина в системе географических наук, занимающаяся комплексным изучением материков, стран, крупных районов. В самом общем плане, «страна» - это территория, имеющая определенные границы, пользующаяся государственным суверенитетом или находящаяся под властью другого государства (государств). В течение столетий страноведение имело универсальный характер, охватывая все стороны природы, населения, экономики, культуры и политики. С

конца XIX в. страноведение (в рамках общего процесса интенсивной дифференциации географии) распалось на отдельные направления, прежде всего на физико-географическое страноведение - исследование природы и на экономико-географическое страноведение - исследование хозяйства и населения. В XX в. появились и более частные направления страноведческих исследований.

Термин «страна» и «государство» в российской географической и исторической литературе иногда используют как синонимы, однако между ними имеются существенные различия. Под государством (в узком значении этого термина) понимается прежде всего политическая форма организации жизни общества, которая складывается как результат возникновения и деятельности публичной власти, особой управляющей системы, руководящей основными сферами общественной жизни. Основными признаками государства выступают: 1) наличие особой системы органов и учреждений - механизма государства; 2) наличие права - обязательных правил поведения, устанавливаемых или санкционируемых государством, которые закрепляют определенный порядок общественных отношений, а также структуру и порядок деятельности государственного механизма; 3) наличие определенной территории, пределами которой ограничена данная государственная власть.

Широкое понимание термина «государство» сложилось в русской географии еще в XVIII в. в связи с развитием такого научного направления, как «описательное государствоведение» [12]. Объектом его исследования стало описание «достопримечательностей» страны по таким ее параметрам, как территория, природные объекты, население, различные виды хозяйства, города, образование, религии, государственное устройство. Сильной стороной этого направления было широкое использование (для своего времени) статистического материала, а органическим дефектом выступало слабое изучение взаимосвязей. В результате такие работы достаточно часто представляли конгломерат не связанных между собой фактов. Основоположником описательного государствоведения в России был И.К. Кириллов, который в своей книге «Цветущее состояние Всероссийского государства...» систематизировал по губерниям страны разнообразные статистические данные, характеризующие

учреждения, население, промышленность, торговлю, транспорт, народное просвещение, города. В последующем описательное государствоведение было интегрировано российским страноведением, и в науке утвердился широкий, комплексный подход в исследовании страны (государства), что нашло отражение и в исторической географии.

По нашему мнению, в основе проблемного историко-географического страноведения

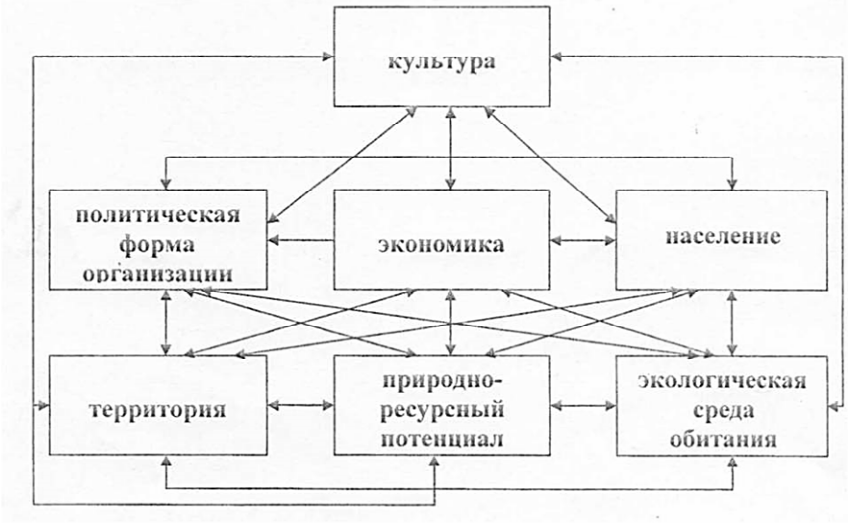
должна лежать системно-структурная методология, то есть представление о стране (государстве) как сложной территориальной природно-общественной системе. В самом общем виде системой называется совокупность элементов, находящихся во взаимодействии. Поэтому системно-структурный подход наиболее целесообразен для тех географических объектов, которые состоят из разнородных, но взаимосвязанных элементов, обладающих единством. К числу таких объектов относится страна - государство. Однако при этом надо помнить всегда, что такие территориальные природно-обшественные системы по своей сути являются субъективно выделенной частью объективного мира.

Историко-географическое системно- структурное представление о стране включает в себя исследование о ее внутренней морфологии, то есть выделение ее основных подсистем. По нашему мнению, в самом общем виде страна как территориальная природно-общественная система состоит из 7 основных подсистеме: территория, природно-ресурсный потенциал, экологическая среда обитания, население, экономика, культура и политическая форма организации (рис. 1).

Причем на разных исторических этапах развития страны для каждого из них характерны свои процессы и проблемы функционировании и развития. Под последними понимаются внутренние сложности и трудности, которые блокируют (сдерживают) социально-экономическое развитие страны по отдельным его направлениям. Осмысление этих проблем, формирование на этой основе общественного мнения выступают залогом реализации общественных интересов, которые находят свое отражение во внутренней и внешней политике страны. Использование системно-структурной методологии позволяет поставить вопрос об эмерджентности проблем страны на каждом конкретном этапе ее исторического развития, имея в виду, что под

эмерджентностью понимается несводимость свойств системы к сумме свойств ее отдельных элементов.

В зависимости от национальных задач, решаемых на конкретных этапах развития страны отдельные ее территории выполняют неодинаковые функции. В этом аспекте можно говорить о функционально-территориальной структуре страны-государства. Выделяются следующие типы территорий и населенных пунктов: столицы и столичные территории, периферия и приграничные территории, исторические ядра-метрополии, окраинные и внутренние колонии, спорные приграничные и опасные в военном отношении территории, территории со стратегически важными транспортными осями и узлами, а для стран с резкими внутренними различиями в освоении -интенсивно освоенные и территории пионерного освоения, резервные территории.



Рисункок 2. Морфологическое строенеи территориальной природно-общественной ситсемы «Страна».

Особую роль в жизни каждой страны играет столица - место сосредоточения органов государственной власти. Столичные функции всегда были фактором развития столичных городов. Недаром исторически сформировавшиеся столицы относятся к числу крупнейших городов своих стран. Такие столицы сложились

на пересечении самых интенсивных политических, экономических, социальных, демографических и культурных связей с ближайшими территориями и стали как бы фокусами формирования внутристрановых исторических ядер - метрополий. Формирование в пределах страны нескольких таких исторических ядер обусловливает ее сложную территориальную структуру и даже при наличии культурной и языковой общности ядер содержит потенциальную угрозу распада страны. В целом ряде случаев такие исторические цивилизационные ядра оказались за пределами современных государств - их культурных наследников, что служит одной из причин территориальных конфликтов.

Большое значение в жизни стран играют основные транспортно-планировочные оси, которые выражают не только особенности их территориальной структуры, но и отражают их неодинаковую пространственную ориентацию. Важнейшим фактором формирования территориальной организации Российского государства всегда являлась природная среда его территории. Значительная территориальная дифференциации природы России на макроуровне нашла свое выражение в виде ландшафтных географических зон. Их хозяйственное освоение на протяжении многих столетий выразилось в неодинаковом уровне антропогенного воздействия. Наибольшей антропогенизацией характеризуются территории сплошного земледельческого, а в ряде случаев и промышленного освоения, приуроченные к ландшафтных зонам смешанных (ныне в основной массе вырубленных) лесов, лесостепи и степи. В их пределах сформировалась основная полоса расселения России, сосредоточившая преобладающую часть ее населения. Имея основанием западную границу страны, основная полоса расселения гигантским клином протянулась на восток к тихоокеанскому побережью. Вдоль нее прошли основные транспортные магистрали. Тем самым сформировалась широтная транспортно-планировочная ось страны.

Расположенная на краю «ойкумены», в северо-восточной части Евразии, Россия почти полутысячелетие расширяла свою национальную территорию. Недаром В.О. Ключевский писал, что история России - это история страны в процессе ее колонизации. Длительная история страны накопила гигантский опыт организации ее границ и приграничных территорий. На каждом

этапе развития страны выделялись приграничные территории стратегического значения, обеспечивающие общенациональную безопасность Российского государства. Достаточно четко выделялись и спорные приграничные территории, особенно там, где Россия выходила за пределы своих «естественных» границ. Таким образом, представленная проблемно-страноведческая методология позволяет объективно проанализировать процессы, результаты, проблемы развития России как сложной территориальной системы «природа-население-общество» по основным этапам ее формирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Американская география: Современное состояние и перспективы. - М.: Изд-во иностр. литературы, 1957. - 549 с.
2. Белов М.И. О разработке теории советских историко-географических исследований / М.И. Белов // Первая Всесоюзная научная сессия по исторической географии. - М., 1974.-С. 12
3. Бескровный Л.Г. Состояние и задачи исторической географии / Л.Г. Бескровный // Первая Всесоюзная научная сессия по исторической географии. - М., 1974. - С. 8
4. География / Большой энциклопедический словарь / 2-е изд., перераб. и доп. - М: Большая Российская энциклопедия, 1998. - С. 265.
5. Геттнер А. География, ее история, сущность методы / А.Геттнер. - Л.; М., 1930. -С.139.
6. Гольденберг Л.А., С.А. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII - начала XVIII в. Докт. дисс. / Л.А. Гольдберг - М., 1967. - С. 19-20
7. Дробышев В.З. Историческая география СССР: Учебное пособие / В.З. Дробышев, И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьев. - М., «Высшая школа», 1973. - 320 с.
8. Жекулин В.С. Историческая география: предмет и методы / В.С. Жекулин - Л., «Наука», 1982.-224 с.
9. История / Большой энциклопедический словарь - 2-е изд. перераб. и доп. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - С. 466.
10. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией / М.К. Любавский. - М., 1909. - С 5,6.

11. Майков Л. Заметки по географии Древней Руси / Л.Майков - СПб, 1874. - С. 17

12. Поросенков Ю.В. История и методология географии / Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. - 224 с.

13. Середонин С.М. Историческая география /С.М. Сердонин. - СПб, 1916. - С 1,2

14. Словарь общегеографических терминов. - Под. ред. Л.Дадли Стампа. - Том 2. - М.: Изд-во «Прогресс», 1975. - 407 с.

15. Спицин А.А. Русская историческая география / А.А. Спицин. - Пт., 1917, С. 1

16. Советская география: Итоги и задачи. -М.: Гос изд-во географ, литературы, 1960. - 632 с.

17. Шаскольский И.П. Историческая география / И.П. Шаскольский // Вспомогательные исторические дисциплины. -Л. 1968.

18. Яцунский В.К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV-XVIII веках / В.К. Яцунский. - М., 1955, С.8. 10

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ[9]

(в соавторстве с В.Н. Сушковым)

Введение

В учебных планах исторических и естественно-географических факультетов педагогических институтов и университетов России предусматривается изучение курса «Историческая география». Эта наука -одна из старейших в системах географических и исторических наук. Она возникла еще в эпоху Возрождения и Великих Географических открытий. Во второй половине XVI в. широкую известность в Европе получил Атлас древнего мира, составленный фламандским географом А. Ортелием. В XVII - XVIII вв. историко-географическими исследованиями в Западной Европе занимались голландец Ф. Клювер и француз Ж.Б. Д'Анвиль, а в России - известный историк и географ В.Н. Татищев.

Со второй половины XIX в. происходит расширение предмета исследования исторической географии. Если раньше на нее смотрели как на вспомогательную для истории науку, смысл которой - описание мест происходящих исторических событий, то в работах конца XIX в. - начала XX в. исследуются глубинные социально-экономические проблемы прошлого. В таком ключе выполнены работы по исторической географии Великобритании Дарби. Однако в целом в дореволюционной русской и зарубежной науке предмет исторической географии сводился к определению политических и этнических границ прошлого, местонахождения городов и других поселений, мест исторических событий.

Спецификой советского периода в области исторической географии явился комплексный подход в изучении прошлых исторических эпох. К числу наиболее капитальных исследований в этой области относятся монографии А.Н. Наносова «Русская земля и образование территории древнерусского государства» (1951 г.) и М.Н.Тихомирова «Россия в XVI столетии» (1962 г). Методологические основы исторической географии исследовал

[9] Историческая география России : Пособие для студентов / Ю.В.Поросенков, В.Н.Сушков .— Воронеж : Воронеж.гос.ун-т, 2001 .— 70 с.

В.К. Яцунский в своей работе «Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV - XVIII вв.» (1955 г.).

Под исторической географией стали понимать раздел на стыке исторических и географических наук, изучающий физическую, экономическую и политическую географию той или иной страны или территории в прошлом. При этом историко-географические исследования конкретизируют данные о развитии производства в определенных районах на различных этапах развития общества, освещают географию внутренних и внешних границ, размещение городов и сельских поселений, различных крепостных сооружений, изучают также конкретные исторические события - пути походов, места военных сражений, важнейшие торговые пути. Самостоятельным и достаточно большим разделом исторической географии выступает история географических открытий. Таким образом, в процессе своего формирования и развития историческая география была неизменно связана с решением общих проблем как истории, так и географии. По методам исследования историческая география имеет комплексный характер. В качестве ее источников выступают письменные и археологические памятники, сведения по топонимике и языкознанию. Особым направлением является историческая картография.

На протяжении последних 150 лет наиболее сложной проблемой исторической географии выступало исследование территориальной организации хозяйства и расселения населения изучаемых стран и регионов, определение закономерностей такой территориальной организации на стыках различных социально-экономических формаций. Поэтому в рамках исторической географии сформировались как бы два направления - историческое и географическое. Это прослеживается и на местном воронежском уровне. Географическое крыло исторической географии в 50 - 80-е годы XX в. развивал географ профессор Г.Т. Гришин. Он считал, что историческая география является географической наукой, а предметом ее исследования выступает размещение производства (как единство производительных сил и производственных отношений) в историческом, временном аспекте. В рамках такого понимания сущности исторической географии были выполнены его работы по г. Воронежу и Воронежской области. Крупный вклад в становление региональной исторической географии

Центрального Черноземья внес историк профессор В.П. Загоровский, известный своим исследованием по Белгородской защитной черте.

В последние годы усиливается все более широкая трактовка предмета исторической географии, связанная с процессами формирования систем исторических и географических наук и кардинальными глобальными изменениями в общественном развитии. Так, экологизация науки обусловила формирование и такой точки зрения, что предметом исторической географии выступает исследование процесса антропоге-низации ландшафтов, то есть процесса их хозяйственного освоения. При еще более широкой трактовке историческая география изучает изменения, происходящие в географической оболочке Земли. При таком понимании частью исторической географии является палеогеография - наука о физико-географических условиях геологического прошлого Земли. С нашей точки зрения, такая широкая трактовка сущности исторической географии вряд ли целесообразна, поскольку она полностью размывает границы между обществоведением и естествознанием.

На протяжении 80-х и 90-х годов XX в. российская экономическая география окончательно трансформировалась в социально-экономическую географию, объектом исследования которой выступает территориальная организация общества. В этой связи предметом исторической географии как науки, развивающейся на стыке истории и социально-экономической географии, можно рассматривать исследование процессов территориальной организации общества в их временном аспекте. При этом территориальная организация общества подразумевает территориальные процессы развития производства, населения и расселения, природопользования, развитие культуры и науки, формирование государственного устройства, внешних и внутренних границ. Такой комплексный подход позволяет выявить устойчивые тенденции развития страны и на этой основе определить ее национальные геополитические интересы. Следовательно, историко-географический подход по самой сути конструктивен, поскольку позволяет понять современную ситуацию.

ГЛАВА I. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ РУССКИХ ОБЛАСТЕЙ

Многие особенности России, отличающие ее от других государств Евразии (например, длительное экстенсивное развитие, резкие территориальные различия в уровне хозяйственного освоения и антропогенизации ландшафтов, пестрый национальный состав, сложная территориальная структура населения и хозяйства) являются закономерным результатом длительной истории Российского государства. В.О. Ключевский точно подметил главную историческую особенность нашей страны, когда писал, что история России - это история страны в процессе ее колонизации.

§ 1. Первоначальное заселение Русской равнины

Первоначальный исток России находится в первых государственных образованиях восточных славян, которые возникли в результате их расселения по Русской равнине. С VI в. по XI в. восточные славяне заселили не только бассейн Днепра (современная Украина и Белоруссия), но и крайне западную часть современной России. На севере в бассейне р. Волхов и о. Ильмень проживали ильменские словене. Северные границы их расселения достигали Финского залива, р. Невы, Ладожского озера, р. Свири и Онежского озера. На востоке область их расселения простиралась до о. Белое и верхних притоков Волги. Южнее ильменских словен длинной полосой по течению верховий Днепра, западной Двины и Волги расселились кривичи, бассейн Верхней Оки занимали вятичи. По левобережью Днепра, по р. Сож и притокам сложилась область расселения радимичей, а в долине Десны, Сейма и Ворсклы - северян.

На северо-западе восточные славяне граничили с летто-литовскими племенами (предками современных литовцев и латышей) и финноязычными эстами (современные эстонцы). На севере и северо-востоке восточные славяне граничили с многочисленными мелкими финно-угорскими племенами (карелы, саами, пермь - предки современных коми, югра - предки современных хантов и манси). В Волго-Окском междуречье проживали меря, к востоку от них, в междуречье Волги и Ветлуги

и по правобережью Волги - черемисы (современные марийцы). Большую территорию от правобережья Средней Волги до низовий Оки, Цны и верховий Хопра занимали мордва, южнее которых вдоль Волги проживали родственные им буртасы. В Окско-Клязминском междуречье жили родственные мордве мурома и мещера. Уже в процессе своего первоначального расселения на северо-восток восточные славяне смешивались и ассимилировали мелкие финно-угорские племена (водь, ижора, мещера), имена которых сейчас сохранились лишь в географических названиях.

Средняя часть Волги от впадения Камы до Самары была заселена крупным тюркоязычным народом - волжско-камскими булгарами (предки современных поволжских татар), восточнее которых на Южном Урале проживали близкие им по языку башкиры. Широкая полоса степей Русской равнины представляла область расселения кочевых племен, которые сменяют здесь друг друга (угроязычные мадьяры -предки современных венгров, тюркоязычные печенеги и половцы). В VII в. на северо-западном побережье Каспийского моря и в низовьях Волги возникло могущественное государство - Хазарский каганат, военное сословие которого составляли кочевые тюрки, а торговля и дипломатия находились в руках евреев. В период наивысшего расцвета этого государства, в середине IX в., дань хазарам платили не только финноязычные буртасы, мордва и черемисы, но и волжско-камские булгары и ближние к ним славянские племена. В экономическую орбиту Хазарского каганата входил бассейн не только Нижней и Средней Волги, но и лесное Закамье.

§ 2. Особенности хозяйственного освоения Русской равнины в VI - XI вв.

Первоначально восточно-славянское население расселилось в зоне смешанных лесов и частично по лесостепи Русской равнины. Преобладающим видом хозяйственной деятельности было пашенное земледелие с переложной и залежной системой землепользования в лесостепной зоне и огневое подсечное земледелие в зоне смешанных лесов. Земледелие имело экстенсивный характер и требовало больших земельных площадей. При переложной системе распаханные участки для восстановления плодородия забрасывали на 8 - 15 лет. При огневом подсечном земледелии выбранный участок леса

вырубался. На удобренных золой почвах земледелием занимались 2 - 3 года, а потом участок забрасывался и зарастал лесом. При небольшой численности населения преобладало очаговое расселение. В первую очередь осваивались речные долины, ополья внутри лесных массивов и приозерные земли. С земледелием было тесно связано животноводство. Большую роль в жизни восточных славян занимала охота, рыболовство и бортничество.

В отличие от славян у северных и северо-восточных угро-финских народов, проживавших в таежной зоне, экономической основой жизни выступали такие экстенсивные виды деятельности, как охота и рыболовство. В степной полосе Русской равнины сложилось кочевое животноводство. По мере роста численности славян им требовались все новые и новые земли. Все это предопределило первоначальную миграцию славян в северо-восточном направлении, в зону расселения угро-финских племен. При этом славянское и угро-финское население в целом мирно соседствовало и хозяйственно дополняло друг друга, поскольку они использовали различные хозяйственные угодья: славяне -локальные участки в долинах рек, на берегах озер и немногочисленные лесные ополья, а угро-финские народы - огромные площади водоразделов. Эта закономерность этнического расселения ярко проявилась на всем протяжении российской истории.

§ 3. Русские области в составе Киевской Руси

Важную роль в жизни славян играли реки основные транспортные пути того времени. В IX в. возник, а в X в. - начале XI в. наибольший расцвет получил торговый путь «из варяг в греки» - от побережья Балтийского до берегов Черного морей. Он проходил по рекам Нева, Волхов, Ловать, Западная Двина и Днепр. Путь «из варяг в греки» стал транспортной осью первого крупного восточнославянского государства - Киевской Руси, возникшего в IX в. при княжеской династии Рюриковичей. Важное значение имел и Волжский путь на Каспий, Кавказ, в Закавказье и арабские страны. Значение Волжского пути для восточных славян возросло в X в. в связи с разгромом киевским князем Святославом Хазарского каганата, который после этого исчезает с политической сцены.

На транспортных водных путях возникли первые, самые древние русские города. Из них на территории современной России - Новгород, Смоленск, Ростов, Муром и Белозерск -

восходят еще к IX в. Число городов на Руси быстро растет по мере развития торгово-ремесленной деятельности и колонизации новых территорий.

Тесные экономические и политические связи восточных славян с Византией - крупнейшей державой Восточного Средиземноморья, столица которой Константинополь (или Царьград) относилась к числу самых крупных городов тогдашнего мира, предопределили религиозную ориентацию Киевской Руси. С 988 г. при князе Владимире вместо язычества государственной религией Киевской Руси становится христианство греко-православного направления. Православие для восточных славян выступило мощным консолидирующим фактором и оказало определяющее влияние на формирование единой древнерусской народности, русского национального характера и духовной культуры. Хотя в последующем исторические пути русских, украинцев и белорусов как преемников древнерусской народности и разошлись, однако у них до сих пор много общего. Православие постепенно распространяется и среди других, в первую очередь, угро-финских народов России, формируя общую духовную культуру всей страны.

§ 4. Формирование феодальных русских княжеств в XII - XIII вв.

К середине XII в. значительное расширение пашенного земледелия, развитие ремесла, рост числа городов, быстрое их формирование в качестве местных центров торгово-экономических связей раскололо Киевскую Русь на несколько практически самостоятельных феодальных областей, где стали складываться местные княжеские династии. В пределах современной России находились Владимиро-Суздальская, Новгородская, Смоленская, Муромо-Рязанская земли, значительная часть Черниговско-Северской земли и расположенное в Приазовье Тмутороканское княжество.

Самым крупным княжеством России XII - середины XIII вв. была Владимиро-Суздальская земля. В качестве ее центра первоначально выступал г. Ростов, с конца XI в. - г. Суздаль, а с конца XII в. -г. Владимир. На юге границы Владимиро-Суздальской земли проходили по междуречью Оки и Клязьмы, включая нижнее и среднее течение Москвы-реки. На западе княжество охватывало верховья Волги, включая нижнее течение Тверцы. На севере Владимиро-Суздальская земля двумя большими

выступами включала район Белого озера и нижнее течение Сухоны. На востоке граница земли проходила по Унже и Волге до впадения в нее Оки.

Огромные территории занимала Новгородская земля - от Финского залива на западе и Уральских гор на востоке, от Волоколамска на юге и до побережий Белого и Баренцевого морей на севере. Однако собственно Новгородская феодальная республика охватывала лишь относительно небольшую юго-западную часть этой территории - бассейн Волхова и озера Ильмень. Первоначально в состав Новгорода входила Псковская земля, позже ставшая самостоятельным феодальным владением. А большая часть северных и восточных земель «Господина Великого Новгорода» была ареной экономической деятельности новгородцев и зависела от Новгорода лишь по линии выплаты дани.

Смоленская земля охватывала верховья Днепра и Западной Двины, поэтому занимала внутреннее положение по отношению к другим русским княжествам. Лишенное возможности территориальной экспансии, Смоленское княжество наиболее рано вступило в этап феодальной раздробленности. На юге широкой полосой вытянулась Чернигово-Северская земля. Ее историческое ядро сложилось в бассейне р. Десны в пределах современной Украины. В конце XI в. из состава Черниговской земли выделилось Северское княжество. Его центром стал г. Новгород-Северский, расположенный на современной границе Украины и Брянской области России. Земли Северского княжества простирались далеко на восток. Здесь в состав Северских земель входило все правобережье Дона вплоть до впадения в него р. Воронеж. Далее граница шла по степи к верховьям Сейма.

В конце XI в. из состава Чернигово-Северских земель выделилась Муромо-Рязанская земля, в которую входил бассейн Нижней и Средней Оки, низовье Москвы-реки с г. Коломной. В устье р. Кубани, на Таманском полуострове образовалось анклавное Тмутороканское княжество. Во время Киевской Руси его восточная граница почти совпадала с современной восточной границей Кубани. Но уже с XI в. связи Тмутороканского княжества, отрезанного от остальных русских земель воинственными кочевыми народами, постепенно затухают.

К XII - середине XIII вв. значительные изменения происходят в ближайшем окружении русских земель. Между Неманом и

Западной Двиной формируется динамичное раннефеодальное Литовское государство, где сохранилось язычество. За сохранение национальной независимости литовские князья вели ожесточенную борьбу с немецкими крестоносцами. Иная политическая ситуация сложилась в Прибалтике. Район расселения эстов захватывают датчане, а на латышских землях возник Литовский орден - католическое военное государство немецких рыцарей - крестоносцев. На востоке русских земель, в бассейне Средней Волги и нижней Камы формируется крупное государственное образование - Волжско-Камская Булгария. Ее западная граница проходит по Ветлуге и Суре, южная граница - по Жигулевским «горам» и реке Самаре до истоков. Булгары (как и славяне) отказались от язычества, но приняли другую мировую религию - ислам. Поэтому Волжская Булгария формировалась как самый северный форпост мусульманской культуры и в своих внешних связях ориентировалась на Ближний и Средний Восток, Центральную Азию.

§ 5. Колонизация земель и рост городов в XII -начале XIII вв.

Важным явлением в жизни русских областей XII – начала XIII вв. был значительный отток населения из Поднепровья на северо-восток во Владимиро-Суздальские и Муромо-Рязанские земли. Экстенсивный характер земледелия требовал все новых земель. К тому же лесостепные районы испытывали все усиливающееся давление кочевников. Приток населения вызвал быстрое развитие земледелия во Владимиро-Суздальской земле. Здесь особенно ярко формируется очаговый характер расселения. Население сосредотачивалось пятнами на небольших, наиболее пригодных для заселения территориях. Наиболее заселенным становится междуречье Волги и Клязьмы. В этой «Залесской земле» население сосредотачивается в «опольях» - локальных лесостепных участках. Наиболее крупными из них были Ростовское, Суздальское, Пере-яславль-Залесское и Юрьев-Польское ополья. Еще более плодородны были ополья по правобережью Оки в Муромо-Рязанской земле. В то же время не отличались плодородием Смоленская и Новгородская земли. По этой причине «Господин Великий Новгород» - крупнейший торговый город на Русской земле сильно зависил от привозного хлеба из «Низовых земель».

Слабой заселенностью выделялись «полесья» - громадные пространства лесов и болот, которые использовались в качестве охотничьих угодий, для рыбной ловли и бортничества. Огромные массивы лесов находились, в Мещорской низине между Муромо-Рязанской и Черниговской землями, на южных границах Рязанской, на юго-западе Новгородской земли, в заволжских районах Владимиро-Суздальской земли. В лесостепной полосе население осваивало лишь северные стороны лесных массивов, загораживаясь лесами от кочевников.

В XII - первой половине XIII вв. помимо дальнейшего заселения районов старого освоения происходит освоение новых территорий. Так, усиливается миграция новгородцев на север и северо-восток в Ладожско-Онежское межозерье, в бассейны Онеги, Северной Двины, Мезени и далее на восток к Уральским горам. Из бассейна Северной Двины русские переселенцы через Северные Увалы проникают в бассейн Верхней Вятки в район расселения удмуртов. Из «залесских земель» идет переселение в лесное Заволжье и вниз по Волге к землям черемисов и мордвы.

Сгущение населения в опольях и колонизация новых земель выступают основой роста городов. В первой трети XIII в. в русских областях находилось уже порядка 60 городов. Значительная их часть (около 40%) находилась во Владимиро-Суздальской земле, в основном по опольям и вдоль Волги. К числу крупнейших городов русских областей относился г. Новгород, в котором проживало 20 - 30 тыс. жителей. Кроме того, крупнейшими городами были Владимир и Смоленск, а также Ростов, Суздаль и Рязань.

§ 6. Захват русских земель татаро-монголами

Процесс заселения и хозяйственного освоения Русской равнины в конце 30-х годов XIIIв. был прерван в результате татаро-монгольского нашествия. В то время монголами называли все кочевые племена Центральной Азии, объединенные и покоренные Чингисханом - основателем огромной Монгольской империи. При этом термин «татары», получивший широкое распространение в арабских, персидских, русских и западно-европейских источниках был связан с одним из монгольских племен. Поэтому татаро-монголы как этническое образование представляли сложный конгломерат различных кочевников, в

котором преобладало не монголоязычное, а тюркоязычное население степной зоны Евразии.

Монгольская империя первой половины XIII в. занимала огромные территории Азии: кроме Монголии ей принадлежал Северный Китай, Корея, Центральная и Средняя Азия, Иран, Афганистан и Закавказье. В результате завоеваний хана Батыя в 1236 - 1240 гг. в ее состав вошла Восточная Европа, в том числе русские княжества. В 1236 г. огромная армия татаро-монголов разгромила Волжско-Камскую Булгарию и вторглась во Владимиро-Суздальскую и Рязанскую земли. Татаро-монгольское войско разрушило здесь все крупные города, в том числе в Волго-Окском междуречье, прошло до верховий Волги, где был взят новгородский город Торжок, и опустошило восточные земли Смоленского княжества. Разрушения избежали лишь Новгородская и Псковская земли, надежно защищенные непроходимыми лесами и болотами Валдайской возвышенности. К тому же новгородский князь Александр Невский, занятый защитой западных рубежей Новгородской земли от шведов и немецких рыцарей - крестоносцев, заключил военно-политический союз с ханом Батыем, предотвратив разрушение русских северо-западных земель и сделав их в последующем базой национального возрождения. Потомки по достоинству оценили этот дальновидный политический акт, а русская православная церковь причислила Александра Невского к лику святых.

Русские земли становятся ареной постоянных военных набегов татаро-монголов. Лишь за последнюю четверть XIII в. было 14 военных набегов на Северо-Восточную Русь. В первую очередь страдали города, население которых либо вырезалось, либо угонялось в рабство. Например, Переяславль-Залесский разрушался четыре раза, Суздаль, Муром, Рязань - трижды, Владимир - дважды.

§ 7. Влияние Золотой Орды на социально-экономическое развитие русских областей

Татаро-монгольское нашествие и последовавшее за ним стопятидесятилетнее иго внесли существенные изменения в миграционное движение населения. Опустели южные лесостепные регионы, откуда в лесные районы Смоленщины, за Оку и Клязьму во Владимиро-Суздальской земле вплоть до XV в. шло

непрерывное переселение. В самой Владимиро-Суздальской земле произошел отток населения из ополий Залесских земель в западную, более лесную часть Волжско-Окского междуречья, на Верхнюю Волгу и в лесное Заволжье. Происходит заселение района Белого озера, бассейнов юго-западных притоков Северной Двины (Сухоны, Юга), левых волжских притоков - Унжи и Ветлуги, усиливается колонизация бассейна Вятки. Наряду с владимиро-суздальской колонизацией северных земель возрастает и новгородская. Если оплотом владимиро-суздальской миграции стал г. Устюг Великий, то оплотом новгородской колонизации становится Вологда.

В результате военных походов татаро-монголов русские земли попали в вассальную зависимость от одного из монгольских ханств -Золотой Орды (или улуса Джучи). В Золотую Орду входила Западная Сибирь, Северо-Запад современного Казахстана до Аральского и Каспийского морей, Зауралье и Южный Урал, Поволжье, половецкие степи до Дуная, Северный Кавказ и Крым. Золотая Орда полностью контролировала Волжский торговый путь. В низовьях Волги находилась ставка Батыя - Сарай.

Русские земли Поднепровья (современная Украина и Белоруссия), ослабленные нападениями татаро-монголов, на протяжении XIII - XV вв. завоевываются Великим княжеством Литовским, которое в период своего наивысшего расцвета простиралось от Балтийского до Черного морей и в котором собственно литовские земли составляли менее десятой части. Литва проводила активную территориальную экспансию и в восточном направлении. Во второй половине XTV в. к Литве отходят земли в верховьях Волги и в районе о. Селигер, в первой трети XV в. - Смоленская земля. В политическую зависимость от Литвы попали так называемые Верховские княжества в бассейне Верхней Оки.

Татаро-монгольское иго усилило феодальную раздробленность Северо-Восточной Руси. На базе Великого Владимирского княжества до конца XIII в. возникло шесть новых - Суздальское, Стародубское, Костромское, Галичское, Городецкое и Московское. Из Переяславского княжества выделяются Тверское и Дмитровское, из Ростовского - Бе-лозерское. Некоторые территориальные изменения претерпели Ярославское, Угличское, Юрьевское, Рязанское, Муромское и Пронское княжества. В свою

очередь, внутри этих княжеств шло деление на еще более мелкие владения - уделы.

Со второй половины XIII в. русские земли вступили в длительный период хозяйственной отсталости. Разгром городов и уничтожение их жителей привело к безвозвратной потере многих ремесленных навыков. Обширные территории южнее Оки превратились в Дикое поле. Экономические связи с Европой в значительной степени были прерваны. В культурном отношении Русь хотя и сохранила самобытность, но была насильственно ориентирована на восточную кочевую культуру, в национальном характере русских усиливается «азиатчина».

ГЛАВА II. ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, ЗАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ЕГО ТЕРРИТОРИИ В XIV-XVI вв.

§ 1. Формирование территории Русского (Московского) государства в XIV-XVI вв.

На протяжении XIV - XVI вв. происходит сложный и противоречивый процесс формирования Русского централизованного государства. Оно сложилось на территории владимиро-суздальских, новгородских, псковских, муромо-рязанских, смоленских и верхнеокских земель. Историческим ядром России стало Волго-Окекое междуречье, где в XIV-XV вв. за политическое лидерство боролись Тверь, Нижний Новгород и Москва. В этом соперничестве победила Москва, которая находилась в центре давно освоенных земель. Московский князь Иван Калита получил титул «великого князя Владимирского», который перешел и к его потомкам. Этот титул номинально определял главенство над остальными князьями и давал право представлять Русь в Золотой Орде.

Московские князья проводили целеустремленную политику по объединению всех русских земель. Например, уже в начале XIV в. первоначально сравнительно небольшое Московское княжество более чем в 2 раза увеличило свои размеры, а к концу века в составе уже Московского великого княжества оказалось большинство территорий бывшей Владимиро-Суздальской земли, а также некоторые рязанские и смоленские земли. Такая политика объединения русских земель вокруг Москвы получила полную

поддержку со стороны русской православной церкви, глава которой носил титул «Владимирского митрополита» и с 1328 г. имел резиденцию в Москве. Московские князья получили поддержку со стороны церкви и в достижении политической независимости от Золотой Орды.

В XIV в. начинается исламизация Золотой Орды, которая вызвала дополнительные расслоения в этом сложном этнической конгломерате. Какая-то часть татарской аристократии, отказавшись принять ислам, поступает на службу московского князя, существенно усилив его конную военную силу. Золотая Орда вступает в длительный этап феодальной раздробленности, чем воспользовались московские князья. В 1380 г. объединенное русское войско под руководством московского князя Дмитрия Донского одержало победу над татарами на Куликовом поле. Хотя эта победа не уничтожила татаро-монгольское иго (дань Орде перестали платить лишь в 1480 г.), однако она имела важное психологическое значение в формировании русской народности. Л.Н. Гумилев писал: «Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах» (Гумилев, 1992. С.145).

Процесс превращения Московского великого княжества в Русское централизованное государство завершается в середине XVI в. В 1478 г. к Москве была присоединена Новгородская земля, в 1485 г. - Тверское княжество, в 1510 г. - Псковская ив 1521 г. - Рязанская земли. С XV в. широкое распространение получило новое название страны - «Россия», хотя даже в XVII в. сохраняется и термин «Московское государство».

§ 2. Феодализация Золотой Орды в XV-XVI вв.

В отличие от России на протяжении XV – XVI вв. Золотая Орда все в большей степени дробится на отдельные феодальные владения - улусы. Ее преемницей стала Большая Орда в Низовьях Волги. Кроме того, в бассейнах Иртыша и Тобола образовалось самостоятельное Сибирское ханство, между Каспийским и Аральским морями, Волгой и Уралом - Ногайская орда. В бассейне Средней Волги и Нижней Камы возникло независимое Казанское ханство, этническую основу которого составляли казанские татары - потомки камско-волжских булгар. Казанское ханство помимо

татарских территорий включало земли марийцев, чувашей, удмуртов, частотно мордвы и башкир. В низовьях Волги сложилось Астраханское ханство, восточная граница которого практически ограничивалась долиной Волги, а на юге и западе владения астраханских ханов шли до Терека, Кубани и Дона. В Приазовье и Причерноморье возникает Крымское ханство, которое сравнительно быстро становится вассалом Турецкой империи. В политическую и экономическую орбиту Крымского ханства попадают низовья Дона и бассейн Кубани. В целом же этот огромный кочевой мир по-прежнему совершал грабительские набеги на русские земли, но уже не смог поставить под сомнение судьбу Российского государства.

§ 3. Ситуация на западных границах Российского государства в XV – начале XVI вв.

В конце XV - начале XVI вв. сложная ситуация была и на западных границах Российского государства. На северо-западе своими псковскими землями Россия граничила с Ливонией - конфедерацией духовных княжеств, расположенных на территории современной Эстонии и Латвии. На западе и юго-западе Россия граничила с Великим княжеством Литовским, в состав которого входили коренные русские земли. При этом граница проходила от верховья р. Ловать - между истоками Днепра и Волги - до Оки в районе впадения в нее р. Угры - восточнее верхнего течения Оки - к истокам Быстрой Сосны и по Осколу до Северского Донца. Таким образом, в пределах Литвы находилась юго-западная часть современной Тверской, Смоленская, большая часть Калужской, Брянская, значительная часть Орловской, Курской и Белгородской областей. В результате активной и жесткой политики Ивана III по отношению к Литве в самом конце XV - начале XVI вв. эти коренные русские земли вопили в состав Российского государства, чем и был завершен процесс национального объединения русского народа.

§ 4. Ситуация на восточных границах России во второй половине XVI в.

Во второй половине XVI в. Россия кардинально решает вопрос с татарскими государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды. Они служили «базой систематических военных набегов на

русские земли. К тому же возникшая в Причерноморье и Средиземноморье огромная Османскаш турецкая империя попыталась их использовать в своей экспансионистской политике. В 1552 г. войска Ивана Грозного штурмом взяли Казань, а в 1554 - 1556 гг. было присоединено и Астраханское ханст:во. Россия стала обладать всем бассейном Волги. На юге ее границьл вышли к Тереку, верховьям Кубани и низовьям Дона. На востоке граница стала проходить по р. Лик (Урал) и далее на север к верховьям р. Белой, Уфы и Чусовой. Изменение политической ситуации в Поволжье ускорило распад Ногайской Орды. Ногайские улусы, кочевавшше между Нижней Волгой и Уралом, образовали Большую Ногайскую Орду, которая неоднократно признавала вассальную зависимость сот России. Часть ногайских улусов - Малые Ногаи - ушла в Приазовье;, заселила район между Кубанью и Доном и попала в зависимость от Турции.

В конце XVI в. к России было присоединено и Сибирское ханство. Это непрочное феодальное образование, возникшее после распада Золотой Орды, не имело четко выраженных границ. Его этническим ядром выступали сибирские татары, проживавшие в низовьях Тобола и в нижней и средней частях бассейна Иртыша. На север владения сибирских ханов простирались по Оби до впадения в нее р. Сосьвы, а на юго-востоке включали Барабинские степи. Плацдармом систематических вооруженных экспедиций против сибирских татар стали «Земли Строгановых» - обширные территории по Каме и Чусовой, пожалованные Иваном IV сольвычегодским промышленникам. У них на службе находились вооруженные казаки. Походы Ермака в 1581 - 1585 гг. привели к разгрому Сибирского ханства. Для закрепления за Россией средней части Западной Сибири возникают города-остроги, в том числе Тюмень (1586 г.) и Тобольск (1587 г.). Таким образом, в состав России вошли обширные земли, заселенные сибирскими и барабинскими татарами, самоедами (ненцы), вогулами (манси) и остяками (ханты).

Напротив, на северо-западных рубежах геополитическое положение России ухудшилось. В середине XVI в. прекратил свое существование Ливонский орден. Однако попытка России военным путем (Ливонская война 1558 - 1583 гг.) расширить выход в Прибалтику оказалась неудачной. Северная Эстония перешла под власть Швеции, а большая часть Прибалтики вошла в

состав могущественного объединенного польско-литовского государства - Речи Посполитой.

§ 5. Хозяйственное освоение и заселение территории России в XIV – XVI вв.

Процесс формирования централизованного Российского государства сопровождался крупными территориальными сдвигами в размещении населения. Это определялось крайней неравномерностью в хозяйственном освоении территорий, а следовательно и неравномерностью в размещении населения. Так, в середине XVI в. численность населения России составляла 6-7 млн. человек, причем около половины приходилось на Волго-Окское междуречье и смежные территории. По-прежнему был характерен процесс колонизации русского Севера. Из Новгородско-Псковской земли продолжалось традиционное переселение на северо-восток через Белоозеро. Важное значение в притяжении населения стал играть торговый Двинско-Сухонский путь на Белое море. Однако с конца XVI в. начинается отток населения из бассейнов Северной Двины, Вятки и Камы в Сибирь.

С середины XVI в. начинается интенсивное перемещение населения из исторического центра страны на черноземные почвы Поволжья и Дикого поля. На Волге возникает цепь русских городов-крепостей, у которых быстро растет торгово-промышленная деятельность. Крупную роль в колонизации Севера и Поволжья сыграли монастыри. Для предотвращения нападений крымских и ногайских татар на центральные области России в 1521 - 1566 гг. была построена Большая засечная черта. Она протянулась от Рязани до Тулы и далее на запад до Оки и Жиздры. Засечная черта состояла из завалов-засек в лесах и земляных валов в открытой местности. В местах проезда населения строились опорные пункты с башнями, подъемными мостами, острогами и частоколами. Под защитой этой Большой засечной черты до конца XVI в. произошло заселение северо-восточной части современной Калужской, северной половины Тульской и большей территории Рязанской областей. Южнее Большой засечной черты на Среднерусской возвышенности в самом конце XVI в. возникает целая сеть городов-крепостей (Орел, Курск, Белгород, Старый Оскол и Воронеж), ставших центрами заселения черноземного края.

§ 6. Структура хозяйства Российского государства в XV – XVI вв.

Формирование централизованного государства своим следствием имело изменение форм собственности на землю. Вместо вотчинной собственности все большее распространение стало получать поместное, дворянское землевладение. Если в XIV в. значительная часть земель находилась еще в руках свободного крестьянства, то уже в середине XV в. в результате захватов около 2/3 используемой в хозяйстве земли было сосредоточено у крупных землевладельцев - вотчинников. Вотчинное землевладение - это наследственная форма владения землей таких крупных землевладельцев, как князья, бояре, монастыри и церкви. Наиболее крупные вотчинные массивы располагались в районах старого освоения. В конце XV - начале XVI вв. происходит значительное расширение поместного землевладения. Это было связано с широкой практикой раздачи земель с крепостными крестьянами военному сословию - дворянам при условии несения ими военной или административной службы. Резкие изменения в географии землевладения России произошли во второй половине XVI в. в связи с введением опричнины. Широкое распространение поместное землевладение получило в приграничных районах.

К XV - XVI вв. в России происходит существенное совершенствование методов ведения сельского хозяйства. В связи с интенсивной вырубкой лесов подсечное земледелие все более уступает свое место полевому пашенному земледелию, при котором для восстановления плодородия земля уже не забрасывается под лес на много лет, а систематически используется как чистый пар. Несмотря на значительные различия в природных условиях, набор сельскохозяйственных культур и животных был примерно однотипен. Везде преобладали «серые хлеба» (рожь), тогда как «красные хлеба» (пшеница) больше выращивались в южных, лесостепных районах.

Помимо зерновых (рожь, пшеница, овес, ячмень, гречиха, просо) возделывались лен и конопля как для получения волокна, так и масла. Исключительно широкое распространение получила репа как один из самых дешевых продуктов питания, что нашло отражение в русской поговорке «дешевле пареной репы». Во всех русских землях издревле развивается огородничеством. В то же время формируются и определенные территориальные различия в сельском хозяйстве. Основным хлебопроизводящим районом были

лесостепные ополья Волго-Окского междуречья и Рязанские земли. В лесном Заволжье земледелие имело выборочный характер, а в Поморье, в Печорской и Пермской землях лишь сопутствовало другим видам деятельности.

Во всех районах России земледелие сочетается с продуктивным скотоводством, развитие которого зависело от обеспеченности выгонами и сенокосами. Особое развитие получило разведение крупного рогатого скота в лесном Заволжье, в Псковской земле, в богатых лугами бассейнах Северной Двины, Онеги и Мезени. Здесь стали складываться наиболее старые русские породы молочного скота. Напротив, в южных лесостепных районах животноводство ориентировалось на обильные пастбищные угодья, а кое-где (например, в Башкирии) носило даже кочевой характер.

По мере развития земледелия в центральных районах России все более второстепенный характер приобретают традиционные лесные промыслы - охота, рыболовство и бортничество. Уже для XVI в. характерно оттеснение охоты в лесные окраинные северные и северовосточные районы - в Печорский край, в Пермскую землю и далее за Урал в Западную Сибирь, сказочна богатую в то время пушниной, прежде всего соболями. Важным рыбопромысловым районом становится побережье Белого и Баренцева морей, а с конца XVI в. резко возрастает значение Волги. В то же время бортничество (несмотря на появление пчеловодства) сохраняет важное промысловое значение даже в староосвоенных районах.

В России XVI в. еще не сложилось территориальное разделение труда, однако в ряде районов страны быстро развивается ремесленное производство. Важное хозяйственное и военное значение приобретает производство железа, основным сырьем для которого оставались легкоплавкие болотные руды, а в качестве технологического топлива использовался древесный уголь. Старейшими районами кустарного производства железа и оружия были Серпухово-Тульский район и г. Ус-тюжна на одном из верхневолжских притоков - Мологе. Кроме того, железо производилось в Заонежье, в Новгородском крае и Тихвине. На крупных речных путях возникает судостроение. Повсеместно производится деревянная посуда и утварь, различные гончарные изделия. Ювелирное производство сложилось в Москве, Новгороде, Нижнем Новгороде и Великом Устюге, а иконопись

помимо Москвы - в Новгороде, Пскове и Твери. Достаточно широко была налажена кустарная выработка тканей и обработка кожи. Широкое развитие получают кустарные промыслы по добыче соли в Поморье, в бассейне Северной Двины, в Прикамье, на Верхней Волге и в Новгородской земле.

ГЛАВА III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ XVII – XVIII вв.

В самом начале XVII в. Российское государство вновь оказалось на краю гибели. В 1598 г. прекратилась княжеско-царская династия Рюриковичей, произошла ожесточенная борьба боярских группировок за российский престол. Смутное время выдвинуло на политическую сцену различных авантюристов и самозванцев. Восстания и бунты потрясли сами основы государства. Московским престолом и московскими землями попытались овладеть польско-шведские интервенты. Внутренние смуты и военные разорения обескровили центральные, западные, северо-западные и заволжские земли. Значительные территории вообще выбыли из сельскохозяйственного оборота и заросли лесом «в кол и в жердь и в бревно», как отмечали писцовые книги того времени. Однако спасение достигнутой чуть более 100 лет тому назад национальной независимости стало общенародным делом. Народное ополчение, собранное Мининым и Пожарским в Нижегородской земле, разгромило польско-литовских интервентов. Разумный политический компромисс привел в 1613 г. на царский престол династию Романовых, и Россия возобновила свое историческое развитие.

В связи со значительными территориальными приобретениями Россия становится огромной колониальной евразийской державой. При этом основная часть вновь присоединенных земель в XVII в. приходилась на Сибирь и Дальний Восток, а в XVIII в. новые российские территории составили широкую полосу от Балтики до Черного моря.

§ 1. Формирование территории Российского государства в Сибири и на Дальнем Востоке

В XVII в. продолжается стремительное продвижение русских землепроходцев в сибирские земли. На мировом рынке Россия

выступает в качестве крупнейшего поставщика пушнины - «мягкого золота». Поэтому присоединение к России богатых пушниной все новых и новых сибирских земель рассматривалось в качестве одной из приоритетных государственных задач. В военном отношении эта задача не представляла особой трудности. Дисперсно проживающие в сибирской тайге племена охотников и рыболовов не могли оказать серьезного сопротивления профессиональным военным - казакам, вооруженным огнестрельным оружием. К тому же местные жители были заинтересованы в налаживании торговых связей с русскими, которые поставляли им необходимые товары, в том числе железные изделия. Для закрепления сибирских территорий за Россией русские землепроходцы строили небольшие укрепленные города - остроги. Более сложно происходило присоединение к России южных территорий Сибири и Дальнего Востока, где местные жители занимались земледелием, животноводством и где возникли зачатки государственности, существовали достаточно развитые связи с Монголией, Манчжурией и Китаем.

К началу XVII в. были выявлены примерные размеры Западно-Сибирской равнины, определены основные речные пути и волоки в бассейн Енисея. Проникновение в Восточную Сибирь происходило по двум притокам Енисея - по Нижней Тунгуске и по Ангаре. В 1620 -1623 гг, небольшой отряд Пянды по Нижней Тунгуске проник в бассейн Верхней Лены, совершил по ней плавание до нынешнего г. Якутска, а на обратном пути открыл удобный волок от Верхней Лены к Ангаре. В 1633 - 1641 гг. отряд енисейских казаков во главе с Перфильевым и Ребровым совершил плавание по Лене до устья, вышел в море и открыл устья рек Оленек, Яна и Индигирка,

Открытие водного пути по Алдану предопределило выход России к Тихому океану. В 1639 г. отряд томского казака Москвитина в составе 30 человек по р. Алдан и его притокам через хребет Джугджур проник в долину р. Улья, вышел к побережью Охотского моря и обследовал его на протяжении более 500 км. Одним из величайших событий было открытие в 1648 г. морского пролива между Азией и Америкой, совершенное промысловой морской экспедицией под руководством Попова и Дежнева.

В середине XVII в. в состав России входит Прибайкалье и Забайкалье. Русские землепроходцы проникли в бассейн Амура,

однако встретили ожесточенное сопротивление со стороны воинственных монго-лоязычных дауров и манчжуров, поэтому Амурский бассейн на 200 лет остался буферной землей между Россией и Китаем. В самом конце XVII в. вторичное открытие Камчатки и ее присоединение к России осуществил якутский казак Атласов. Таким образом, уже к концу XVII в. сформировались северные и восточные границы России. На огромных просторах Сибири возникли первые русские города-остроги (Томск, Кузнецк, Енисейск, Якутск, Охотск и другие). Окончательное закрепление побережья Тихого океана за Россией произошло уже в XVIII в. Особая роль здесь принадлежит Первой и Второй Камчатским экспедициям Беринга и Чирикова (соответственно 1725 - 1730 гг. и 1733 - 1743 гг.), в результате которых была исследована береговая линия северной части Дальнего Востока, а так же Камчатка, Курильские острова, а кроме того Россия основала свою колонию на Аляске.

Относительно небольшие территориальные приобретения были сделаны в Сибири в первой четверти XVIII в., когда происходит продвижение русских на юг Западной Сибири, в Барабинскую степь, в верховья Оби и Енисея. Зависимость от России признали приграничные кочевые казахские племена. Следовательно, и на этом отрезке российская граница приобретает в целом современные начертания.

§ 2. Формирование западных рубежей Российского государства в XVII – XVIII вв.

Сложно формируются западные рубежи России. В начале XVII в. в результате польско-шведской интервенции и русско-польской войны Россия потеряла земли по Финскому заливу (то есть вновь была отрезана от Балтийского моря), а так же лишилась черниговских, новгород-северских и смоленских земель. В середине века в результате восстания украинцев под руководством Богдана Хмельницкого против польской администрации (1648 - 1654 гг.) и последовавшей русско-польской войны к России отошла Левобережная Украина с Киевом. Российская граница вышла на Днепр. Россия стала непосредственно граничить с Крымским ханством и тесно связанной с ним Малой Ногайской Ордой. Это кочевое образование еще в первой половине XVI в. распалось на ряд самостоятельных феодальных владений.

Например, между Доном, Манычем и Кубанью находилась Казиева Орда, а в Северном Приазовье - Едичкульская Орда. В условиях продолжающихся набегов крымских и ногайских татар на южнорусские земли ответные военные действия России привели к русско-турецкой войне 1676 - 1681 гг. В результате в состав России вошла Запорожская Сечь (база запорожских казаков на нижнем Днепре), Северное Приазовье и Прикубанье.

В XVIII в. Россия кардинально решила такие сложные свои геополитические проблемы, как выход к Балтийскому и Черному морям и воссоединение родственных восточно-славянских народов - украинцев и белорусов. В результате Северной войны (1700 - 1721 гг.) Россия не только вернула захваченные шведами земли, но и присоединила значительную часть Прибалтики. Русско-шведская война 1741 - 1743 гг., вызванная попыткой Швеции вернуть потерянные земли, опять закончилась поражением Швеции. К России отошла часть Финляндии с Выборгом.

Во второй половине XVIII в. произошли значительные территориальные изменения на западной границе России в связи с распадом Польского государства, которое было поделено между Россией, Пруссией и Австрией. По первому разделу Польши (1772 г.) к России отошла Латгалия - крайний восток современной Латвии, восточные и северо-восточные районы Белоруссии. После второго раздела Польши (1793 г.) Россия получила белорусские земли с Минском, а так же Правобережную Украину (кроме западных областей). По третьему разделу Польши (1795 г.) в состав России вошли основные литовские земли, западная Латвия - Курляндия, Западная Белоруссия и Западная Волынь. Таким образом, в пределах России впервые за много веков были объединены почти все земли древней Киевской Руси, что создавало необходимые предпосылки этнического развития украинцев и белорусов.

Широкий выход к Черному морю стал возможен для России в результате разгрома Крымского ханства и целой серии войн с Турцией, его поддерживающей. Еще в самом конце XVII в. - начале XVIII в. Россия сделала неудачную попытку отвоевать низовья Дона с г. Азовом. Эта территория вошла в состав России лишь в конце 30-х годов. Значительные приобретения в Приазовье и Причерноморье были сделаны Россией лишь во второй половине XVIII в. В 1772 г. под протекторат России попадает Крымское

ханство, которое в 1783 г. было ликвидировано как государство. В состав России вошли все земли, ему принадлежащие, в том числе и территория между устьем Дона и Кубанью. Еще раньше в состав России вошла Северная Осетия и Кабарда. Под покровительство России по «дружественному договору 1783 года» перешла Грузия. Таким образом, в результате русско-турецких войн второй половины XVIII в. Россия становится черноморской державой. Вновь присоединенные земли в Причерноморье и Приазовье стали заселяться русскими и украинцами и получили название «Новороссия».

§ 3. Заселение лесостепных и степных территорий страны в процессе строительства укрепительных линий в XVII – XVIII.

На протяжении XVII – XVIII вв. Россия полностью обеспечила безопасность не только внутренних, но и приграничных территорий от набегов кочевников путём строительства системы оборонительных сооружений. Под их защитой осуществляется крупномасштабное переселение населения в лесостепные и степные районы страны. В 30-е годы XVII в. в связи с обострением русско-крымских отношений была усовершенствована и реконструирована Большая засечная черта, которая протянулась более чем на 1000 км.

В конце 30 - 40-х годов была сооружена Белгородская защитная черта, которая протянулась от Ахтырки (на юге Сумской области Украины) через Белгород, Новый Оскол, Острогожск, Воронеж, Козлов (Мичуринск) до Тамбова. В конце 40-х - в 50-е годы восточнее ее была построена Симбирская черта, которая прошла от Тамбова через Нижний Ломов до Симбирска. Еще далее на восток от Нижнего Ломова через Пензу до Сызрани в середине 80-х годов была построена Сызранская черта. Возводятся аналогичные защитные сооружения и в лесостепном Заволжье. В середине 50-х годов возникла Закамская укрепленная черта, которая, являясь заволжским продолжением Симбирской и Сызранской линий, протянулась до Камы в районе Мензелинска (крайний северо-восток современной Татарии). В 80-х годах XVII в. в связи с быстрым заселением Слободской Украины возникает Изюмская укрепленная черта, соединенная впоследствии с Белгородской чертой.

Еще более широкое строительство линейных защитных сооружений в приграничных районах страны осуществляется в XVIII в., причем не только в степных и лесостепных районах. Так, в начале XVIII в. на западных рубежах была построена укрепленная линия Псков - Смоленск - Брянск. Все же особое значение строительство защитных линий имело для южных рубежей страны, поскольку сопровождалось их заселением. В начале XVIII в. была построена Царицынская линия, которая прошла от современного Волгограда по Дону до Черкесска в его нижнем течении и обезопасила южные районы Русской равнины от набегов кочевников из Прикаспия. В 30-е годы была возведена Украинская укрепленная линия, протянувшаяся от Днепра вдоль р. Орель на Северский Донец у г. Изюм, которая в большей степени защитила заселяемую украинцами и русскими Слободскую Украину. В ходе русско-турецкой войны 1768 - 1774 гг. в Приазовье была построена Днепровская или Новая Украинская оборонительная линия, которая прошла от Днепра на восток вдоль р. Конской к побережью Азовского моря западнее Таганрога. Одновременно строится укрепленная черта на юго-восток от Азова.

Продвижение России в Предкавказье сопровождается строительством так называемых Кавказских укрепленных линий. В начале 60-х годов возникла Моздокская укрепленная линия, прошедшая вдоль Терека до Моздока. В 70-е годы была построена Азово-Моздокская линия, которая от Моздока прошла через Ставрополь в низовья Дона. Присоединение к России Восточного Приазовья вызвало строительство оборонительных сооружений по р. Кубань. В начале 90-х годов от Тамани до Екатеринодара (Краснодара) прошла Черноморская кордонная линия. Ее продолжением вверх по Кубани стала Кубанская линия, протянувшаяся до современного Черкесска. Таким образом, в Предкавказье к концу XVIII в. возникает сложная система укрепленных сооружений, под защитой которых начинается его земледельческое освоение.

Строительство защитных сооружений в XVIII в. продолжается и в степном Заволжье и на Урале. В 30-е годы в Заволжье была построена Новая Закамская укрепленная линия, которая протянулась от восточного края Старой Закамской линии XVII в. до Самары на Волге. Во второй половине 30-х - начале 40-х гг. вдоль р. Самары до р. Урал была построена Самарская линия. В

это же время возникла Екатеринбургская линия, которая пересекла поперек Средний Урал от Кунгура через Екатеринбург до Шадринска в Зауралье, где она соединилась с Исетской укрепленной линией, построенной еще в XVII в.

Целая система укрепленных сооружений возникает на границе с кочевым Казахстаном. Во второй половине 30-х годов XVIII в. была построена Старая Ишимская линия, которая прошла от р. Тобол через Ишимский острог до Омска, а вскоре она была продолжена на запад двумя линиями до верховий р. Урал. По мере заселения края Старая Ишимская линия потеряла свое значение, и в середине 50-х годов южнее ее была сооружена Тоболо-Ишимская линия, которая прошла через Петропавловск на Омск. Во второй половине 30-х годов по Уралу от верховий до устья была построена Оренбургская укрепленная линия. В середине века в долине Верхнего Иртыша возникла Иртышская укрепленная линия, а в конце 40-х - конце 60-х годов от Усть-Каменогорска на Иртыше через Бийск на Кузнецк прошла Колывано-Кузнецкая линия. Таким образом, к середине XVIII в. на границе России с Казахстаном сложилась огромная по своей протяженности система укреплений, которая вытянулась от Каспийского моря по Уралу до его верховья, пересекла Тобол, Ишим, шла на восток до Омска, потом проходила по р. Иртыш.

§ 4. Демографическое и этническое развитие России в XVII – XVIII вв.

На протяжении XVII - XVIII вв. происходит значительный рост численности населения России и крупные сдвиги в его размещении. В конце XVII в. на территории России проживало 15-16 млн. человек, а по данным ревизии 1811 г. - уже порядка 42 млн. человек. Следовательно, по численности населения Россия стала самой крупной европейской страной, что наряду с политическими и экономическими успехами позволило ей войти в число мировых держав. В размещении населения по-прежнему сохранялась резкая неравномерность. Так, на территории исторического центра страны (Московская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Ярославская, Тверская и Калужская губернии) в 1719 г. проживало порядка трети всего населения. К концу века в результате территориальных приобретений и массового переселения жителей на окраины удельный вес

центральных губерний уменьшился до одной четверти, хотя абсолютная численность их населения и выросла.

В то же время происходил процесс территориального расширения демографического центра страны. К концу XVIII в. в пределах центральных нечерноземных и центрально-черноземных губерний проживало около половины российского населения. Районами интенсивной колонизации становятся Степной юг, Юго-Восток и Приуралье. Однако обширные районы степного Предкавказья еще пустовали. На них в середине XVIII в. обитало около 80 тыс. кочевников - ногайцев и порядка всего лишь 3 тыс. казаков. Лишь к концу века численность кочевого и оседлого населения сравнялась. Весьма слабо заселенным регионом оставалась Сибирь, численность населения которой в начале XVIII в. составляла немногим более 500 тыс. человек. К концу века ее население выросло вдвое, однако свыше половины жителей приходилось на южные районы Западно-Сибирской равнины. В целом же Сибирь в XVIII в. еще не стала районом активной колонизации.

С присоединением Поволжья, Южного Урала, Сибири, Прибалтики, Литвы, Белоруссии, Украины и Предкавказья Российское государство окончательно превращается в многонациональное. Наряду с восточно-славянскими народами (русские, украинцы, белорусы) в этнической структуре России были широко представлены многочисленные финно-угорские народы северной лесной полосы и столь же многочисленные тюркоязычные кочевые народы степной зоны. Россия приобретает и поликонфессиональный характер. При широком распространении православия как государственной религии в России оказались значительные группы населения других вероисповеданий - на западной окраине - протестантского и католического направлений в христианстве, а в Поволжье, Прикамье и на горском Северном Кавказе - ислама, в правобережье Нижней Волги и в Забайкалье - буддизма.

Быстро развивается русское национальное самосознание. Русский менталитет приобретает черты государственности, великодержавности и богоизбранности. В результате мощных интеграционных политических, экономических и социальных процессов формируется русская нация. Мощное влияние русской культуры начинают испытывать все народы России. Заселение

северных, южных и восточных окраин приводит к формированию многочисленных этнических групп русского населения. Это - поморы на побережье Белого моря, донские, кубанские, терские, уральские, оренбургские, сибирские и забайкальские казаки. В XVII в. в результате раскола официальной православной церкви возникло старообрядчество. Спасаясь от преследования власти, старообрядцы переселяются на окраины страны. Самобытная этническая группа русских формируется на базе старожильческого населения Сибири.

§ 5. Экономическое развитие России в XVII – XVIII вв.

Выход на побережье Балтийского и Чёрного морей обусловил сущёственное изменение транспортно-экономических связей России. Основание Санкт-Петербурга в низовьях Невы (1703 г.), провозглашение его столицей (1713 г.) огромной Российской империи превратили этот город в главный морской порт страны и повернули к нему поток внешнеэкономических грузов с Волги и Северной Двины. В целях улучшения транспортно-географического положения Петербурга в 1703 - 1708 гг. была сооружена Вышневолоцкая система - канал и система шлюзов между реками Тверца и Цна. Для улучшения условий перевозок в 1718 - 1731 гг. был прорыт обходный канал вдоль южного берега бурного Ладожского озера. Поскольку Вышневолоцкая система позволяла навигацию в одном направлении - с Волги к Петербургу, то в самом конце века началось сооружение более мощной Мариинской водной системы.

В конце XVIII в. в связи с формированием общероссийского рынка были заложены основы территориального разделения труда, ярко проявившие себя уже в XIX веке Россия оставалась преимущественно аграрной страной. Привилегированное положение в ней занимало дворянство, в интересах которого формировался весь механизм экономического управления. Уже в конце XVII в. в распоряжении дворянства находилось свыше 2/3 всех крестьянских дворов, тогда как личную независимость смогли сохранить чуть более десятой части крестьян. К началу XVIII в. практически стерлась разница между вотчиной и поместьем, поскольку поместные владения стали передаваться по наследству.

Потребности рыночной экономики вызвали монопольные права помещиков на землю и крестьян. Широкое распространение получает крепостное барщинное хозяйство. В XVIII в. под флагом петровских реформ идет быстрое формирование и нового социального класса -торговой, а позже и промышленной буржуазии. Поэтому экономика XVIII в. имела переходный характер.

До конца века сохраняются резкие территориальные различия в распаханности. Наибольшим удельным весом пашни выделялись старые районы земледелия с высокой плотностью населения. Если в центрально-черноземных губерниях под пашней находилась уже половина территории, а в центрально-нечерноземных губерниях - порядка 30%, то распаханность северо-западных, средне-волжских, юго-восточных и приуральских губерний была в 2 раза ниже. Основные посевные площади были заняты под зерновыми культурами, преимущественно серыми хлебами. Наиболее распространенными техническими культурами были лен и конопля. Лен выращивали на подзолах северо - западных, центрально-нечерноземных и приуральских губерний, тогда как производство конопли исторически сложилось в лесостепной зоне на Средне-Русской возвышенности. Животноводство, как правило, имело экстенсивный характер и ориентировалось на естественные кормовые угодья - сенокосы лесной зоны и пастбища лесостепной и степной зон.

Во второй половине XVIII в. в России возникает мануфактурное производство, основанное на наемном труде. В обрабатывающей промышленности наемные рабочие составляли порядка 40%, тогда как в горнодобывающей промышленности господствовал крепостной труд. Крупным промышленным районом стал Петербург и его окрестности. Промышленность Петербурга удовлетворяла нужды армии, царского дворца и высшего дворянства. Крупнейшими промышленными предприятиями Петербурга были Адмиралтейство и Арсенал, которые объединяли целый ряд производств, став основой последующего развития металлообрабатывающей промышленности. Петербургская текстильная промышленность, с одной стороны, производила сукна и полотна для нужд армии и флота, а, с другой, предметы роскоши - гобелены и шелковые ткани на импортном сырье.

Традиционным промышленным районом выступали центрально-нечерноземные губернии. Промышленность здесь развивалась еще на основе вотчинных крепостнических мануфактур и крестьянского кустарного производства. В петровское время здесь возникли купеческие мануфактуры, работавшие на вольнонаемном труде. Наибольшее значение получила текстильная промышленность, а также выделка кож, производство стекла. Общероссийское значение приобрела черная металлургия и металлообработка. Тульский оружейный завод, возникший на базе кустарных промыслов, сыграл важную роль в обеспечении независимости страны.

Быстрое развитие в петровское время получает металлургическая промышленность Урала. Богатство Урала железными и медными рудами и лесами, использование дешевого труда приписных крестьян предопределили значение этого региона в истории страны. Если в 1701 г. на Урале был построен первый Невьянский металлургический завод (на полпути между Екатеринбургом и Нижним Тагилом), то уже в 1725 г. Урал стал давать 3/4 всей выплавки чугуна в России. Свою ведущую роль в черной и цветной металлургии Урал сохранил до 80-х годов XIX в. Таким образом, уже в XVIII в. формируется такая характерная черта российской промышленности, как ее высокая территориальная концентрация.

ГЛАВА IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ XIX в.

§ 1. Формирование территории Европейской России в XIX в.

В XIX в. Россия продолжает формироваться как одна из крупнейших колониальных держав мира. При этом основные колониальные захваты в первой половине XIX в. происходили в европейской части и на Кавказе, а во второй половине века - в восточной части страны. В начале XIX в. в результате русско-шведской войны в состав России вошла Финляндия и Аландский архипелаг. В России «Великое княжество Финляндское» занимало автономное положение, определяемое конституцией, и в культурных и экономических связях ориентировалось на страны Европы.

С 1807 по 1814 гг. на западных границах России как результат наполеоновской политики существовало эфемерное Варшавское

герцогство, созданное на основе польских земель, отобранных у Пруссии и Австрии. Поэтому во время Отечественной войны 1812 г. поляки воевали на стороне французов. После разгрома наполеоновской Франции территория Варшавского герцогства вновь была поделена между Россией, Австрией и Пруссией. В состав Российской империи вошла центральная часть Польши - так называемое «Царство Польское», которое обладало некоторой автономией. Однако после польского восстания 1863 - 1864 гг. автономия Польши была отменена и на ее территории были образованы губернии по типу губерний русских областей.

На протяжении всего XIX в. продолжалось военное противоборство России и Турции. В 1812 г. к России отошла православная Бессарабия (междуречье Днестра и Прута нынешней Молдавии), а в 70-е годы - устье р. Дунай.

Наиболее ожесточенный характер российско-турецкое противоборство получило на Кавказе, где столкнулись имперские интересы России, Турции и Ирана, и где местные народы вели длительную борьбу за физическое выживание и национальную независимость. К началу века все восточное побережье Черного моря южнее Анапы принадлежало Турции, а Восточная Армения (современная республика Армения) и Азербайджан представляли конгломерат мелких ханств, подчиненных Ирану. В центральной же части Закавказья с 1783 г. под протекторатом России находилось православное грузинское Картлийско-Кахетинское царство.

В начале XIX в. Восточная Грузия теряет свою государственность и входит в состав России. Кроме того в Российскую империю были включены западно-грузинские княжества (Мегрелия, Имеретия, Абхазия), а после очередной русско-турецкой войны - все черноморское побережье (включая район г. Поти) и Ахалцихская провинция. К 1828 г. в состав России вошли приморская часть Дагестана и современные территории Армении и Азербайджана.

Долгое время политическую независимость на Кавказе сохраняли исламские горские районы - Адыгея, Чечня и северо-запад Дагестана. Упорное сопротивление русским войскам оказали горцы Восточного Кавказа. Продвижение русских в горные районы Чечни и Дагестана привело к тому, что еще в конце XVIII в. к России было присоединено междуречье Терека и Сунжи. Для

защиты этой территории от нападений горцев в начале XIX в. была построена Сунженская укрепленная линия вдоль р. Сунжи от Терека до Владикавказа. В 30-е годы в Чечне и горной части Дагестана возникло военно-теократическое государство во главе с имамом Шамилем, которое было разгромлено царскими войсками лишь в 1859 году Чечня и Дагестан вошли в состав России. В результате длительных военных действий к России в 1864 г. была присоединена и Адыгея. Закреплению этой территории за Россией способствовало строительство Лабинской, Урупской, Белореченской и Черноморской укрепленных линий. Последние территориальные приобретения на Кавказе были сделаны Россией по результатам русско-турецкой войны 1877 - 1878 гг. (Аджария и область Карса, опять отошедшая после 1-ой мировой войны к Турции).

§ 2. Формирование территории Азиатской России в XIX в.

На протяжении второй половины XIX в. в состав Российской империи входит Южный Казахстан и Средняя Азия. Северная часть современного Казахстана оказалась в России еще в XVIII в. Для закрепления за Россией степных земель и предотвращения нападения кочевников в XIX в. продолжается строительство линейных укрепленных сооружений. В начале века южнее Оренбурга была построена Ново-Илецкая линия, прошедшая вдоль р. Илек, в середине 20-х годов - Эмбенская линия вдоль р. Эмбы, а в середине 30-х годов - Новая линия в левобережье Урала от Орска до Троицка и защитная черта от Акмолинска до Кокчетава.

В середине XIX в. активное строительство оборонительных линейных сооружений происходило уже на территории Южного Казахстана. От Семипалатинска до Верного (русская крепость на месте современной Алма-Аты) протянулась Новая Сибирская линия. На запад от Верного до р. Сыр-Дарьи прошла Кокандская линия. В 50 - 60-е годы вдоль Сыр-Дарьи от Казалинска до Туркестана была построена Сыр-Дарьинская линия.

В конце 60-х годов происходит колонизация Средней Азии. В 1868 г. вассальную зависимость от России признало Кокандское ханство, а через 8 лет его территория как Ферганская область вошла в состав России. В том же 1868 г. российский протекторат признал Бухарский эмират, а в 1873 г. - Хивинское ханство. В 80-е годы в состав России вошла Туркмения.

Происходит окончательное формирование российской границы на юге Дальнего Востока. Еще в первой половине XIX в. российская власть была установлена на Сахалине. По Пекинскому договору с Китаем в 1860 г. к России отходит Приамурье и Приморье, редко заселенные местными племенами охотников и рыболовов. В 1867 г. царское правительство продало США принадлежавшие России Аляску и Алеутские острова. По соглашению с Японией от 1875 г. Россия в обмен на Курильские острова закрепляет за собой весь о. Сахалин, южная половина которого отошла к Японии по результатам русско-японской войны 1904 - 1905 гг.

Таким образом, к началу XX в. Россия сформировалась в огромную колониальную державу с многонациональным населением. Проводимая государством многовековая политика колонизации обусловила размытость границ между метрополией и внутренними национальными колониями. Многие российские колониальные владения приобрели анклавный характер, поскольку были окружены землями с преобладающим русским населением, или сами имели сложный этнический состав. К тому же уровень экономического и социального развития многих национальных территорий в европейской части России был существенно выше, чем в историческом центре страны. Все это предопределило значительные особенности развития России не только в XIX в., но и в XX в.

§ 3. Внутренние миграции и расселение населения России в XIX в.

На протяжении XIX в. Россия превратилась в одну из крупнейших по численности

населения стран мира. Если в 1867 г. численность населения Российской империи (без Финляндии и Царства Польского) составляла 74,2 млн. человек, то в 1897 г." - уже 116,2 млн. человек ив 1916 г.-151,3 млн. чел. Резко возрастают темпы прироста населения - удвоение численности произошло примерно за 60 лет. В основе этого «демографического взрыва» лежал не только процесс территориального расширения страны, но и высокие темпы естественного прироста, широкое распространение многодетности.

Развитие капитализма привело к формированию рынка труда, быстрому развитию колонизации - заселению новых земель и

урбанизации - массовым миграционным потокам населения в растущие города и промышленные центры. В конце XIX - начале XX вв. Россия - один из крупнейших экспортеров зерна. Это было связано с тем, что после крестьянской реформы 1861 г. происходила массовая распашка черноземов и заселение земель Новороссии, области Войска Донского, степного Предкавказья, Заволжья, Южного Урала и Сибири. С 1861 г. по 1914 г. в Сибирь переселилось порядка 4,8 млн. человек. Основная часть переселенцев осела на юге Западной Сибири (включая и северные районы современного Казахстана), особенно в предгорьях Алтая и бассейнах Тобола и Ишима. Восточнее Енисея переселенцы оседали в узкой полосе вдоль Великой Сибирской железной дороги, прошедшей по лесостепным и степным анклавам. Быстро растет население отошедшего к России лишь в середине XIX в. Приморья и Приамурья, еще долгое время характеризующихся слабой населенностью.

С развитием капиталистических отношений быстро растут города. Если в 1811 г. городское население России составляло примерно 5% ее населения, то в 1867 г. в городах проживало около 10% населения Европейской России, а в 1916 г. - свыше 20%. При этом уровень урбанизации восточных регионов страны (Сибирь и Дальний Восток, Казахстан) был в два раза ниже. Формируется отчетливая тенденция концентрации горожан во все более крупных городах, хотя структура городского расселения в целом имеет сбалансированный характер. Крупнейшими центрами миграционного притяжения страны выступали столичные города - С.-Петербург и Москва, численность населения которых росла за счет миграции и которые сформировали огромные зоны миграционного притяжения. Так, к Петербургу тяготели не только губернии современного Северо-Запада (Петербургская, Новгородекая и Псковская), но и вся северо-западная часть современного Центрального района (Смоленская, Тверская, Ярославская губернии) и запад Вологодской губернии. В начале XX в. Петербург - самый крупный город России (2,5 млн. человек в 1917 г.).

В свою очередь, Москва помимо Московской губернии росла за счет мигрантов из приокских территорий (Тульская, Калужская и Рязанская губернии). Несмотря на то, что Москва развивалась в густо заселенном историческом центре страны, потеря ею с начала XVIII в. столичных функций не могла не отразиться на темпах

роста населения. Долгое время Москва сохраняла патриархальный дворянско-мещанский характер, и ее функциональный профиль стал меняться лишь с середины XIX в., когда она бурно приобретала торгово-промышленные черты. В начале XX в. Москва - второй по численности город России (1,6 млн. человек в 1912 г.). Крупным ареалом миграционного притяжения в самом конце XIX в. - начале XX в. стали шахтерские и металлургические центры Донбасса. Поскольку они возникли на территории колонизуемого степного юга, то у них сформировалась достаточно широкая зона миграционного притяжения, куда входили как русские центрально-черноземные губернии, так и украинские территории Приднепровья. Поэтому в Донбассе, как и в Новороссии и Слободской Украине исторически сформировалось смешанное русско-украинское население.

В России формируются обширные территории массового миграционного оттока - бывшие крепостнические губернии со значительным избытком населения (относительным аграрным перенаселением). Это - прежде всего северные промыслово-земледельческие губернии (Псковская, Новгородская, Тверская, Костромская, Вологодская, Вятская) с неблагоприятными условиями для земледелия и давней тенденцией сезонных отхожих промыслов. Миграционный отток существенно сократил демографический потенциал региона и стал первым «актом» драмы российского Нечерноземья. Основным районом массового миграционного оттока стали губернии Центрального Черноземья, южной полосы Центрального района правобережной части Поволжья, северо-востока Украины и Белоруссии. Из этого региона до конца XIX в. выехало более десятой части населения, однако он и в начале XX в. отличался значительными трудовыми ресурсами.

§ 4. Реформы и экономическое развитие России в XIX в.

Экономический облик России на протяжении XIX в. был кардинально изменен в результате отмены крепостничества и массового железнодорожного строительства. Если реформа 1861 г. допустила к гражданской жизни многомиллионные массы крестьянства и способствовала расцвету предпринимательства, то железные дороги коренным образом изменили транспортно-географическое положение как страны, так и ее регионов и

повлекли за собой значительные перемены в территориальном разделении труда.

Реформа 1861 г. дала не только личную свободу крестьянам, но и обусловила существенные изменения в структуре землевладения. Перед реформой дворянам принадлежала треть всех земельных угодий Европейской России. Особенно высокая доля дворянского землевладения сложилась в центрально-нечерноземных, центрально-черноземных и северо-западных губерниях России, а также на Украине и в Белоруссии. В слабозаселенных окраинных районах Европейской России и в Сибири преобладала государственная форма земельной собственности.

Крестьянская реформа 1861 г. имела компромиссный характер. Хотя она была проведена в интересах крестьян, реформа не противоречила и интересам помещиков. Она предусматривала постепенный, рассчитанный на десятилетия выкуп земель. В результате выкупа наделов у помещиков, императорской семьи и государства крестьяне постепенно становились ее собственниками. Кроме того, земля явилась объектом купли и продажи, поэтому стала расти чисто буржуазная собственность на землю. К 1877 г. дворянское землевладение составило менее 20% всех земельных угодий Европейской России, а к 1905 г. - лишь порядка 13%. При этом дворянское землевладение сохраняло свои позиции в Прибалтике, Литве, Белоруссии, правобережной Украине, а в России в этом отношении выделялись средне-волжские и центрально-черноземные губернии.

В результате реализации реформы уже к концу века в российском землевладении стало доминировать крестьянство. Удельный вес крестьянских земель в Европейской России начала XX в. вырос до 35%, и они стали преобладать в большинстве ее регионов. Однако крестьянская частная собственность на землю до 1905 г. была ничтожной. В районах с преобладанием русского населения, в Восточной Белоруссии, в лесостепной Украине и даже в Новороссии безраздельно господствовало крестьянское общинное землепользование, которое предусматривало частые переделы земли в соответствии с численностью семей и круговую поруку в отбывании повинностей перед помещиками и государством. Общинная форма землепользования с элементами местного самоуправления исторически возникла в России как

условие выживания крестьянства и оказала глубокое влияние на его психологию. К началу XX в. община уже стала тормозом для развития страны. На разрушение крестьянской общины и формирование частной крестьянской земельной собственности была направлена Столыпинская аграрная реформа 1906 г., прерванная начавшейся мировой войной и революцией. Таким образом, в конце XIX в. - начале XX в. в России формируется многоукладное товарное сельское хозяйство, которое превратило страну в одного из крупнейших экспортеров сельскохозяйственной продукции.

§ 5. Транспортное строительство в России в XIX в.

Важнейшим фактором экономического развития России XIX - начала XX вв. становится массовый внутренний транспорт, что определялось обширностью ее территории, удаленностью от морских побережий, начавшимся массовым освоением полезных ископаемых и плодородных земель в периферийных частях страны. До середины XIX в. главную роль играл внутренний водный транспорт. Для обеспечения регулярного судоходства между бассейнами Волги и Невы в 1810 г. была сооружена Мариинская водная система, прошедшая по трассе: Шексна - Белое озеро -Вытегра - Онежское озеро - Свирь - Ладожское озеро - Нева. Позже были созданы каналы для обхода Белого и Онежского озер. В 1802 -1811 гг. была построена Тихвинская водная система, соединившая волжские притоки Мологу и Чагодошу с Тихвинкой и Сясью, впадающей в Ладожское озеро. На протяжении XIX в. происходит неоднократное расширение и улучшение этих водных систем. В 1825 - 1828 гг. был построен канал, соединивший Шексну с притоком Северной Двины Сухоной. Волга становится основной транспортной артерией страны. К началу 60-х годов на Волжский бассейн приходилось % всех грузов, перевозимых по внутренним водным путям Европейской России. Крупнейшими потребителями массовых грузов выступали Петербург и Центрально-нечерноземный район (особенно Москва).

Во второй половине XIX в. основным видом внутреннего транспорта становятся железные дороги, а водный транспорт отходит на второй план. Хотя железнодорожное строительство в России началось с 1838 г., в нем выделяются два периода особенно интенсивного развития. В 60 -70-е годы железнодорожное

строительство в основном осуществлялось в интересах развития сельского хозяйства. Поэтому железные дороги связали основные земледельческие районы как с главными внутренними потребителями продовольствия, так и с ведущими экспортными портами. При этом крупнейшим железнодорожным узлом становится Москва.

Еще в 1851 г. железная дорога Москва - Петербург связала обе русские столицы и дала дешевый и быстрый выход из Центральной России к Балтике. В последующем были построены железные дороги, связавшие Москву с Поволжьем, Черноземным Центром, Слободской Украиной, европейским Севером и западными областями Российской империи. К началу 80-х годов был создан основной костяк железнодорожной сети Европейской России. Вновь построенные железные дороги и сохранившие свое значение внутренние водные пути стали каркасом формирования единого сельскохозяйственного рынка России.

Второй период интенсивного железнодорожного строительства пришелся на начало 90-х годов. В 1891 г. началось сооружение Великой Сибирской железной дороги, прошедшей по югу Сибири до Владивостока. Железные дороги к концу века перехватили у внутреннего водного транспорта перевозку массовых грузов, особенно хлеба. Это вызвало, с одной стороны, резкое сокращение речных перевозок зерна и стагнацию (застой) многих среднерусских городов в бассейне Оки, а, с другой, подняло роль балтийских портов, которые стали конкурировать с Петербургом. По мере промышленного развития страны возрастали железнодорожные перевозки каменного угля, руд, металлов, строительных материалов. Таким образом, железнодорожный транспорт стал мощным фактором формирования территориального разделения труда.

§ 6. Сельское хозяйство России в XIX в.

К концу XIX - началу XX вв. Россия превратилась в одного из крупнейших производителей продовольствия на мировом рынке. Резко возросла сельскохозяйственная освоенность территории, в том числе распаханность, особенно в европейской части. Например, в центрально-черноземных губерниях пашня составляла уже 2/3 их земельных угодий, а в Среднем Поволжье,

на Южном Урале и в центрально-нечерноземных губерниях - примерно третью часть.

В связи с кризисной ситуацией в сельском хозяйстве старых крепостнических районов производство товарного зерна, в первую очередь пшеницы, перемещается во вновь распахиваемые районы Новороссии, Северного Кавказа, степного Заволжья, Южного Урала, юга Западной Сибири и Северного Казахстана. Важнейшей продовольственной культурой становится картофель, который из огородной культуры превращается в полевую. Основными его производителями стали центрально-черноземные, центрально-промышленные губернии, Белоруссия и Литва. Интенсификация российского земледелия происходила и в связи с расширением посевных площадей под техническими культурами. Наряду со льном и коноплей важное значение приобрели сахарная свекла и подсолнечник. Сахарная свекла стала культивироваться в России с начала XIX в. в связи с континентальной блокадой, установленной Наполеоном, которая сделала невозможным импорт тростникового сахара. Основными свеклосахарными районами стали Украина и центрально-черноземные губернии. Основным сырьем для производства растительного масла к началу XX в. стал подсолнечник, посевы которого были сконцентрированы в Воронежской, Саратовской и Кубанской губерниях.

В отличие от производства зерна животноводство в целом имело сугубо российское значение. Если по обеспеченности рабочим скотом Россия опережала даже многие европейские страны, то по развитию продуктивного животноводства она отставала. Животноводство имело экстенсивный характер и ориентировалось на богатые сенокосно-пастбищные угодья. Поэтому основное поголовье продуктивного скота в начале XX в. приходилось, с одной стороны, на Прибалтику, Белоруссию и Литву, а, с другой, на Причерноморскую Украину, Предкавказье, Нижнее Поволжье и Южный Урал. По сравнению с европейскими странами Россия уступала по развитию свиноводства и превосходила по плотности поголовья овец.

§ 7. Промышленность России XIX в.

К началу 80-х годов XIX в. Россия завершила промышленный переворот, в процессе которого ручное мануфактурное производство было заменено фабриками - крупными

предприятиями, оборудованными машинами. Промышленный переворот обусловил и важные социальные сдвиги в российском обществе - формирование класса наемных рабочих и торгово-промышленной буржуазии. В крупном промышленном производстве России начала XX в. резко преобладали отрасли, производящие предметы потребления, прежде всего пищевкусовая и текстильная промышленность. Основной отраслью пищевкусовой промышленности стало свеклосахарное производство. Другими ведущими отраслями были мукомольное производство, сосредоточенное не только в районах товарного зернового хозяйства, но и крупных центрах потребления, а также спиртоводочная промышленность, которая помимо зерна стала широко использовать картофель. Текстильная промышленность исторически концентрировалась в центрально-промышленных губерниях на базе кустарных промыслов и местного сырья. К началу века здесь широкое распространение получило производство хлопчатобумажных тканей на основе среднеазиатского хлопка. Кроме того производились шерстяные, льняные и шелковые ткани. Помимо Промышленного Центра текстильная промышленность развивалась в С.-Петербурге и в Прибалтике.

Конец XIX - начало XX вв. характеризовался быстрым развитием машиностроения, которое было представлено прежде всего производством паровозов, вагонов, судов, машинного и электротехнического оборудования, сельскохозяйственной техники. Для машиностроения была характерна высокая территориальная концентрация (С.-Петербург, Промышленный Центр, Донбасс и Приднепровье). Основой машинного производства конца XIX в. стали паровые двигатели, которые потребовали массовой добычи минерального топлива. С 70-х гг. XIX в. быстро возрастает добыча каменного угля. По существу единственным каменноугольным бассейном страны становится Донбасс, конкуренции с которым не выдержали буроугольные шахты Подмосковья. В 90-х годах для обеспечения функционирования Великой Сибирской железной дороги начинается добыча угля за Уралом, особенно в Кузбассе. В 80 - 90-е годы быстро растет добыча нефти, прежде всего на Апшеронском полуострове Азербайджана и в районе г. Грозный. Поскольку основные потребители нефти находились на Северо-

Западе и в Промышленном Центре, то начались ее массовые перевозки по Волге.

Быстро развивающееся машиностроение потребовало массового производства дешевых металлов. В конце XIX - начале XX вв. основным производителем черных металлов (чугуна, железа и стали) становится Южный горно-промышленный район - как Донбасс, так и Приднепровье. Крупномасштабное металлургическое производство Юга было основано на иностранном капитале и использовало в качестве технологического топлива каменноугольный кокс. В противовес ему возникшая еще в условиях крепостничества металлургическая промышленность Урала была представлена старыми небольшими заводами, которые в качестве технологического топлива использовали древесный уголь и ориентировались на кустарные навыки в прошлом приписных крестьян. Поэтому значение Урала как производителя черных металлов резко падает.

Таким образом, одной из характерных черт российской промышленности начала XX в. стала крайне высокая степень ее территориальной концентрации, существенные различия в ее технической и экономической организации. К тому же, несмотря на господство крупной машинной индустрии, широкое распространение сохранило мелкое и кустарное производство, которое не только обеспечивало рабочие места, но и играло важную роль в удовлетворении потребностей населения в самых разнообразных товарах.

ГЛАВА V. РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА И НАСЕЛЕНИЯ, ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ (СССР и России) в XX в.

§ 1. Формирование территории России и СССР в 1917 – 1938 гг.

После победы большевиков и Советской власти в кровопролитной Гражданской войне 1917 - 1921 гг. преемником Российской империи стала РСФСР - Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, а с 1922 г. - Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Резкое ослабление центральной власти в период Гражданской войны, иностранной интервенции и экономической разрухи, усиление национализма и сепаратизма привели к отсоединению от государства целого ряда окраинных территорий.

В 1917 г. правительством РСФСР была признана государственная независимость Финляндии. По российско-финскому договору к Финляндии отошла область Печенги (Петсамо), давшая ей выход к Баренцеву морю. В условиях противостояния страны с «буржуазным миром» весьма опасной оказалась юго-восточная граница Финляндии, прошедшая по существу в пригородной зоне С.-Петербурга - Ленинграда. В 1920 г. РСФСР признала суверенитет Эстонии, Литвы и Латвии. По договорам к Эстонии и Латвии отошли небольшие приграничные российские территории (Занаровье, Печоры и Пыталово).

В условиях Гражданской войны и немецкой оккупации произошло кратковременное отделение Белоруссии и Украины. Так, лишь 10 месяцев в 1918 г. просуществовала независимая от РСФСР Белорусская народная республика, образованная националистами Белорусской рады и опиравшаяся на польских легионеров и немецкие войска. На ее месте возникла Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР), союзная с РСФСР. В ноябре 1917 г. националисты Центральной рады провозгласили независимость Украинской народной республики. Территория Украины становится ареной ожесточенной Гражданской войны, немецкой и польской интервенции. С апреля по декабрь J918 г. в условиях немецкой оккупации республиканская власть была заменена гетманщиной. Еще позже власть на Украине перешла Директории, образованной лидерами украинских националистических партий. Во внешней политике Директория ориентировалась на страны Атланты, заключив военный союз с Польшей и объявив войну РСФСР. Окончательно военно-политический союз РСФСР и Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) был восстановлен в 1919 г.

Достаточно сложно происходило установление границ с Польшей, которая восстановила свою независимость в 1918 г. Воспользовавшись ослаблением Российского государства, Польша расширяет свою территорию за счет восточных земель. После польско-советской войны 1920 - 1921 гг. к Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. В 1917 г. Румыния присоединила к себе населенную молдаванами Бессарабию (междуречье Днестра и Прута), ранее входившую в состав Российской империи.

В 1918 г. в Закавказье в условиях Гражданской войны и немецкой, турецкой и английской интервенции возникли

независимые от РСФСР Грузинская, Армянская и Азербайджанская республики. Однако их внутреннее положение было сложным, причем Армения и Азербайджан вели между собой военные действия за Карабах. Поэтому уже в 1920 - 1921 гг. в Закавказье была установлена Советская власть и военно-политический союз закавказских республик с Россией. Государственная граница в Закавказье была определена в 1921 г. договором РСФСР с Турцией, по которому Турция отказалась от своих претензий на северную часть Аджарии с Батуми, но получила области Карса и Сарыкамыша.

В Средней Азии наряду с территориями, непосредственно входившими в состав РСФСР, с 1920 по 1924 гг. существовали Бухарская народная советская республика, возникшая на месте Бухарского эмирата, и Хорезмская народная советская республика, возникшая на территории Хивинского ханства. При этом российская граница на юге Средней Азии осталась неизменной, что было подтверждено договором с Афганистаном в 1921 г. На Дальнем Востоке для предотвращения возможной войны с Японией в 1920 г. была образована формально независимая Дальневосточная республика, которая после окончания Гражданской войны и изгнания японских интервентов была упразднена, а ее территория вошла в состав РСФСР.

§ 2. Формирование территории России и СССР в 1939 – 1945 гг.

Значительные изменения в западной государственной границе СССР произошли в 1939 - 1940 гг. К тому времени существенно выросла экономическая и военная мощь страны. СССР, используя противоречия между великими державами, решает свои геополитические проблемы. В результате короткой (ноябрь 1939 г. - март 1940 г.), но тяжелой войны с Финляндией к СССР отошла часть Карельского перешейка с Выборгом, северо-западное побережье Ладожского озера, некоторые острова в Финском заливе, получен в аренду полуостров Ханко для организации военно-морской базы, чем была укреплена безопасность Ленинграда. На Кольском полуострове в состав СССР вошла часть полуострова Рыбачий. Финляндия подтвердила свои ограничения на размещение вооруженных сил на побережье Баренцева моря, чем укрепилась безопасность Мурманска.

В условиях начавшейся второй мировой войны между Германией и СССР была достигнута договоренность о разделе Восточной Европы. В связи с немецкой оккупацией Польши в 1939 г. в состав СССР вошли населенные украинцами и белорусами Западная Украина и Западная Белоруссия, а Восточная Литва с Вильнюсом отошли к Литовской республике. В 1940 г. советские войска вступили на территорию прибалтийских государств, где была установлена Советская власть. Латвия, Литва и Эстония вошли в СССР на правах союзных республик. Российские приграничные земли, отошедшие к Эстонии и Латвии по договору - 1920 г., были возвращены РСФСР.

В 1940 г. по требованию Советского правительства Румыния возвратила входившую в состав Российской империи Бессарабию, на базе которой вместе с территориями левобережья Днестра (Молдавская АССР) была организована союзная Молдавская республика. Кроме того, в состав Украины вошла населенная украинцами Северная Буковина (Черновицкая область). Таким образом, в результате территориальных приобретений 1939 - 1940 гг. (0,4 млн. км2, 20,1 млн. человек) СССР компенсировал потери первых советских лет.

Некоторое изменение западных и восточных границ СССР произошло в 1944 - 1945 гг. Победа стран антигитлеровской коалиции во второй мировой войне позволила решить СССР целый ряд территориальных проблем. По мирному договору с Финляндией к РСФСР вновь отошла территория Печенги на советско-норвежской границе. По решению Потсдамской конференции территория Восточной Пруссии была поделена между Польшей и СССР. В состав СССР вошла северная часть Восточной Пруссии с Кенигсбергом, на базе которой была образована Калининградская область РСФСР. В рамках взаимного обмена с Польшей к этому государству отошел заселенный поляками район с центром в г. Белосток, а к УССР - заселенный украинцами район с центром в г. Владимир Волынский. Чехословакия передала СССР заселенную украинцами Закарпатскую область. В 1944 г. в состав СССР на правах автономной области вошла Тувинская Народная Республика. В результате разгрома Японии во II-ой мировой войне Россия вернула себе Южный Сахалин и Курильские острова. Однако до сих пор между Россией и Японией не подписан мирный договор,

так как Япония требует возвращения ей Южных Курил, до войны входивших в префектуру Хоккайдо. Таким образом, в результате длительного исторического развития Российская империя и ее преемник СССР были крупнейшими по площади странами мира.

§ 3. Административно - политическое устройство страны на этапе формирования СССР

Огромные экономические и социальные потрясения в период Гражданской воины, когда резкая вспышка национализма и сепаратизма поставила под сомнение саму возможность дальнейшего существования централизованного Российского государства, государственное устройство нашло свое выражение в форме сложной, многоступенчатой федерации. В 1922 г. РСФСР, УССР, БССР и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (в составе Грузии, Армении и Азербайджана) образовали Советский Союз. При этом кроме Украины, Белоруссии и республик Закавказья все остальные территории бывшей Российской империи вошли в состав РСФСР. В договорных отношениях с ней находились возникшие в Средней Азии Бухарская и Хорезмская республики.

В рамках такой государственной структуры Россия сама являлась сложной федерацией, в состав которой вошли автономные республики и области. К моменту образования Советского Союза в РСФСР входили 8 республиканских автономий: Туркестанская АССР - на территории Средней Азии и Южного Казахстана, Башкирская АССР, Киргизская АССР - территории Северного и Центрального Казахстана, Татарская АССР, Горская АССР - в составе современной Северной Осетии и Ингушетии, Дагестанская АССР, Крымская АССР, Якутская АССР. Кроме того на территории РСФСР находилось еще 12 автономных областей, обладавших меньшими правами по сравнению с автономными республиками: Вотская (Удмуртская) АО, Калмыцкая АО, Марийская АО, Чувашская АО, Бурят-Монгольская АО в Восточной Сибири, Бурят-Монгольская АО Дальнего Востока, Кабардино-Балкарская АО, Коми (Зырян) АО, Адыгейская (Черкесская) АО, Карачаево-Черкесская АО, Ойратская АО - на территории Горного Алтая, Чеченская АО. В состав РСФСР на правах автономных областей входили так же

Трудовая коммуна немцев Поволжья и Карельская трудовая коммуна.

Сложившаяся в 20-е годы форма сложной, многоступенчатой федерации представляла определенный компромисс между необходимостью жесткой централизации власти и стремлением многочисленных народов России к национальному определению. Поэтому государственное устройство в виде СССР и РСФСР позволяло проводить так называемое «национальное строительство», то есть по мере роста численности населения, развития экономики и культуры повышать ранг автономий. В то же время в условиях партийной диктатуры страна по существу сохраняла унитарный характер, поскольку права даже союзных республик были существенно ограничены властью центральных органов.

Границы союзных, автономных республик и областей определялись не столько по этнической структуре населения, сколько на основе экономического тяготения территорий. Например, при образовании Казахской (Киргизской) АССР в ее состав был включен Северный Казахстан и Южный Урал с преобладающим русским населением, а столицей первое время был г. Оренбург. К тому же в сложном процессе становления на местах Советская власть в борьбе против казачества опиралась на местные национальные силы, поэтому в процессе становления административно-территориального деления приграничные русские территории были включены в состав национальных образований.

§ 4. Изменения административно – политического деления страны в 20-е и 30-е годы

В 20-е и 30-е годы продолжается дальнейшее развитие этой сложной системы национальных автономий. Во-первых, растет число союзных республик. В результате национального размежевания в Средней Азии в 1924 - 1925 гг. были упразднены Бухарская и Хивинская республики и образованы Туркменская ССР и Узбекская ССР. В составе последней была выделена Таджикская АССР. В связи с расформированием Туркестанской автономной республики Южный Казахстан вошел в состав Казахской (старое название - Киргизской) АССР, столицей которой стал г. Кзыл-Орда, а Оренбург с тяготеющими к нему районами был передан Российской Федерации. В свою очередь, в

Казахстан вошла Кара-Калпакская АО. Помимо Казахстана в этот период в составе Российской Федерации оставалась Киргизия на правах автономной области. В 1929 г. союзной республикой становится Таджикистан. В 1932 г. Кара-Калпакия уже на правах автономной республики вошла в Узбекистан.

В последующие годы в процессе административных преобразований растет число союзных республик. В 1936 г. этот статус получили Казахстан и Киргизия. В этом же году была расформирована Закавказская Федерация, и Грузия, Армения и Азербайджан непосредственно входят в состав Советского Союза. В 1940 г. статус союзных республик получили включенные в состав СССР прибалтийские государства (Эстония, Латвия, Литва), а также Молдавия, возникшая на территории Бессарабии и Молдавской АССР Украины. Карельская автономная республика несмотря на ее ограниченный демографический и экономический потенциал после советско-финской войны была преобразована в Карело-Финскую ССР.

К концу 30-х годов увеличивается число и возрастает политический статус многих автономий Российской Федерации. В 1923 г. была образована Бурят-Монгольская АССР, в 1924 г. - автономная республика немцев Поволжья, а на месте Горской АССР возникли Северо-Осетинская АО и Ингушская АО. В 1925 г. из автономной области образована Чувашская АССР. В 1934 г. статус автономной республики получили Мордовия и Удмуртия, в 1935 г. - Калмыкия. В 1936 г. возникают Кабардино-Балкарская, Марийская, Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская и Коми автономные республики.

В связи с преобразованием автономных областей в республики число их сократилось. В 1930 г. в составе Красноярского края была выделена Хакасская АО, а в 1934 г. в Хабаровском крае - Еврейская АО. Последняя имела искусственный характер, поскольку была образована на юге Дальнего Востока далеко за пределами расселения евреев. Важной формой национального самоопределения малых народов Севера стали национальные округа. За период 20 - 30-х годов в России было создано 10 национальных округов: Ненецкий НО в Архангельской области, Коми-Пермякский НО в Пермской области, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский НО в Тюменской области, Таймырский и Эвенкийский НО в Красноярском крае, Агинский Бурятский НО в

Читинской области, Усть-Ордынский Бурятский НО в Иркутской области, Чукотский НО в Магаданской области и Корякский НО в Камчатской области. Как форма местного национального самоуправления малых народов в Советском Союзе в довоенный период возникли 250 национальных районов.

§ 5. Изменения административно – политического деления страны в 40-е и 50-е годы

По мере роста демографического, экономического и культурного потенциала народов страны, развития национального самосознания возможности многоступенчатой системы автономий все более исчерпываются. Несмотря на жесткие репрессивные меры, нарастал национализм и сепаратизм. Если в годы Гражданской войны массовые репрессии со стороны Советской власти применялись к казачеству, то в условиях Великой Отечественной войны - против целого ряда национальных меньшинств. В 1941 г. была упразднена Республика немцев Поволжья, в 1943 г. - Калмыцкая АССР, в 1943 - 1944 гг. - автономия балкарцев и карачаевцев, в 1944 г. упразднена Чечено-Ингушская АССР, в 1945 г. - Крымская АССР. При этом поволжские немцы, калмыки, балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, крымские татары были насильно депортированы в восточные районы страны. В 1957 г. права этих народов были частично восстановлены, но до сих пор не преодолены последствия этих событий. Так и не была восстановлена автономия немцев Поволжья и крымских татар. Для последних ситуация осложняется тем, что в 1954 г. Крымская область была передана Украине. В послевоенные годы заметно ослабло внимание к национальному местному самоуправлению; поскольку были расформированы национальные районы.

§ 6. Административно – территориальное устройство русских регионов страны

На протяжении XX в. произошли значительные изменения в административно - территориальном устройстве русских областей России. В большевистской литературе конца XIX - начала XX вв. неоднократно отмечался средневековый, крепостнический и казенно-бюрократический характер губернского деления дореволюционной России. В начале 20-х годов Государственная

плановая комиссия страны провела значительную работу и обосновала 21 экономический район:

1	Центрально - Промышленный	11	Южно-Промышленный
2	Центрально-Черноземный	12	Кавказский
3	Вятско-Ветлужский	13	Обский
4	Северо-Западный	14	Кузнецко-Алтайский
5	Северо-Восточный	15	Енисейский
6	Средне-Волжский	16	Ленско-Байкальский
7	Нижне-Волжский	18	Дальневосточный
8	Уральский	17	Якутский
9	Западный	19	Западно-Казахстанский
10	Юго-Западный	20	Восточно-Казахстанский
		21	Туркестанский.

Выделенные на основе экономических принципов, эти районы должны были составить и сетку административного деления страны. Однако при выделении этих районов не были учтены национальные интересы. Кроме того, начавшаяся с конца 20-х годов индустриализация страны и кооперирование крестьянства потребовали приближения власти к местам, а потому и более дробного административного деления. Экономическое районирование страны никогда не было оформлено административным делением, а старые губернии по существу выжили и трансформировались в современные области и края. В связи с формированием новых социально-экономических центров административно-территориальное деление России стало еще более дробным.

§ 7. Динамика численности населения СССР

На протяжении всего XX в. Советский Союз оставался одной из крупнейших стран мира по численности населения. Однако к концу века в результате войн, социальных экспериментов и массового перехода к малодетной семье страна полностью исчерпала свой демографический потенциал, то есть способность к самовоспроизводству населения. Значительные демографические потери страна понесла во время 1-ой мировой и Гражданской войн. В 1913 г. в СССР проживало 159,2 млн. человек. Военные

потери России в 1-ой мировой войне составили 1,8 млн. человек, то есть в принципе были соизмеримы с военными потерями других воевавших стран. Обескровила страну затяжная Гражданская война и вызванные ею экономическая разруха и голод. Дробижев В.З. оценил демографические потери (убитые, умершие от ран и болезней, эмигрировавшие) во время Гражданской войны порядка 8 млн. человек, Яковлев А.Н. - 13 млн. человек, а Антонов-Овсеенко А.В. считает демографические потери во время Гражданской войны и голода 1921 - 1922 гг. порядка 16 млн. человек.

Исключительно сложными и противоречивыми в аспекте демографического развития страны были 20-е и 30-е годы. С одной стороны, в результате индустриализации, социальных преобразований в сельском хозяйстве, культурной революции, быстрого развития науки и социальной инфраструктуры СССР по сравнению с первыми послереволюционными годами достиг значительных успехов в экономическом и социальном развитии, что нашло отражение в определенном росте уровня жизни населения. С другой стороны, результатом тотальных социальных экспериментов и прямого террора стали огромные человеческие жертвы. По данным Антонова-Овсеенко А. В., насильственная коллективизация и вызванный ею голод 1930 - 1932 гг. унесли 22 млн. жизней, а в результате политического террора в стране за период 1935 - 1941 гг. погибли порядка 19 млн. человек. Многие исследователи считают, что эти цифры явно завышены. Но, по официальным данным КГБ, с января 1935 г. по июнь 1941 г. в стране было репрессировано 19,8 млн. человек, из которых в первый год после ареста были казнены и погибли под пытками 7 млн. человек. Яковлев А.Н. определяет демографические потери от репрессий порядка 15 млн. человек.

В то же время в 20-е и 30-е годы широко сохраняются традиции многодетности, вследствие чего численность населения достаточно быстро растет. Если в 1926 г. в границах СССР проживало 147 млн. человек, то в 1939 г. - уже 170,6 млн. человек, а с вновь приобретенными западными территориями - 190,7 млн. человек. Огромные демографические потери понесла наша страна во время Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. Это было связано с крупными военно-политическими просчетами тогдашнего советско-партийного руководства, недостаточной технической и

мобилизационной готовностью страны, слабой квалификацией военных кадров, пострадавших во время массовых репрессий, с политикой национального геноцида, проводимой фашистскими оккупантами, а также с уже давней российской традицией «не стоять за ценой» своих военных побед. В 1946 г. советские официальные органы определили военные потери нашей страны порядка 7 млн. человек, то есть на уровне потерь Германии на советском фронте. В настоящее время демографические потери Советского Союза во время Великой Отечественной войны оцениваются порядка 30 млн. человек. Страна была обескровлена в полном смысле этого слова на многие десятилетия. Первая послевоенная перепись населения 1959 г. показала, что в СССР проживало 208,8 млн. человек, причем женщин было больше на 21 млн.

В 60-е годы широкие массы населения европейских районов страны переходят к малодетной семье, что снизило темпы роста численности населения. В 1970 г. в границах Советского Союза проживало 241,7 млн. человек, а в 1979 г. - 262,4 млн. человек. По численности населения СССР занимал третье место в мире, уступая лишь Китаю и Индии. Воспроизводственный демографический потенциал страны резко снизился в конце XX века. Если за период 1926 - 1939 гг. среднегодовые темпы роста численности населения составили 1,4%, за военное и послевоенное двадцатилетие 1939 - 1959 гг. - 0,5%, за 1959 -1970 гг. - 1,5%, то за 1970 - 1979 гг. -уже 1%.

§ 8. Основные изменения в социальной структуре населения

На протяжении XX в. коренные изменения произошли в социальной структуре населения страны. Предреволюционная Россия имела по существу крестьянский характер, поскольку крестьяне и кустари составляли 66,7% ее населения. На рабочих приходилось 14,6%, а на буржуазию, помещиков, торговцев и кулаков (богатые крестьяне) -16,3%. Узкий социальный слой представляли служащие - 2,4% населения страны. В этих цифрах - вся трагедия исторического развития страны начала XX века. В России не было достаточной социальной базы для революционных экспериментов. Большевики, создавшие диктатуру своей власти под видом диктатуры пролетариата, и «белое» движение, пытающееся восстановить дореволюционную Россию, имели примерно одинаковую по величине демографическую базу.

Поэтому Гражданская война вылилась в самоистребление, а в последующем общественном развитии видную роль стал играть социальный геноцид.

В процессе Гражданской войны были уничтожены «эксплуататорские классы», а в результате коллективизации крестьянство стало колхозным. В последующем изменения в социальной структуре населения СССР обусловливались индустриализацией страны и формированием ее научно-культурного потенциала. В результате индустриализации быстро увеличивалась численность и удельный вес рабочих, которые официально были основой правящего режима. В 1939 г. рабочие составляли 33,7% населения страны, в 1959 г. - 50,2%, а в 1979 г. - уже 60%. В связи с массовым оттоком населения из села быстро сокращалась численность и снижался удельный вес колхозного крестьянства. На этот процесс повлияло и широкое распространение совхозов, работники которых с позиции официальной статистики относились к категории рабочих. В 1939 г. колхозное крестьянство составило 47,2% населения страны, в 1959 г. - 31,4%, а в 1979 г. - лишь 14,9%. В XX в. в стране быстро растет социальный слой служащих, занятых административными, хозяйственными, канцелярскими и контрольными функциями. В 1939 г. служащие составляли уже 16,5% населения СССР, в 1959 г. - 18,1%, в 1979 г. - даже 25,1%. Исходя из официальной коммунистической идеологии, государственная политика была направлена на формирование безклассового общества и стирание социальных различий. Ее результатом стала определенная социальная однородность общества, но и снижение личной инициативы, поскольку предприимчивость, образование и квалификация не давали достаточных преимуществ в оплате труда.

§ 9. Формирование научно – культурного потенциала страны

В советский период в стране был создан огромный научный и культурный потенциал. Россия конца XIX - начала XX вв. пережила свой «серебряный век» культуры. Русская литература и искусство получили всемирное значение, а развитие фундаментальной науки принесло стране заслуженную славу. Формируется достаточно влиятельный социальный слой интеллигенции, то есть людей, профессионально занимающихся

сложным творческим трудом. Даже сам термин «интеллигенция» был введен в употребление в русской литературе 60-х годов XIX в., а потом проник и в другие языки. Однако эти великие достижения культуры и науки не стали достоянием широких народных масс, поскольку они в своем большинстве были неграмотны. В 1913 г. грамотность среди населения России в возрасте 9 лет и старше составляла только 28%. Среди городских жителей страны неграмотные составляли почти половину, а среди сельских жителей - даже 3/4. Преемственность в развитии российской культуры и науки была прервана Гражданской войной. Во время 1-ой мировой войны создание массовой армии потребовало резкого расширения офицерского корпуса. Призванные в армию образованные люди одели офицерские погоны, что в условиях революции противопоставило их преобладающей пролетарско-крестьянской массе населения. Значительная часть дореволюционной интеллигенции враждебно отнеслась к идее насильственного революционного преобразования страны, поэтому была уничтожена во время Гражданской войны, эмигрировала из страны или даже была из нее выслана.

В условиях противостояния с «буржуазным миром» в Советском Союзе по существу заново был создан значительный научный и культурный потенциал, быстро сформировался достаточно значительный слой «народной» интеллигенции. В предвоенные годы одним из направлений его формирования стала «культурная революция», в процессе которой была быстро ликвидирована массовая неграмотность. В 1939 г. неграмотные среди городского населения составили лишь 6%, а среди сельских жителей - порядка 16%. В послевоенное время страна вышла на уровень поголовной грамотности. Так, в 1979 г. неграмотные среди горожан в возрасте 9-49 лет составили лишь 0,1%, а среди сельских жителей - 0,3%. Таким образом, элементарная неграмотность сохранилась лишь среди небольшой группы старых и больных людей.

На протяжении XX века существенно вырос общий культурный уровень населения, о котором косвенно можно судить по удельному весу лиц с высшим и средним образованием. Так, если в 1939 г. 90% населения имели лишь начальное образование, то в 1979 г. - порядка 36%. Напротив, удельный вес людей со

средним образованием за этот период вырос с 10% до 55%. В то же время в последние годы в связи с проблемой финансирования образования поднимался вопрос о чрезмерно высоком образовательном стандарте, что не соответствует действительности. Даже в 1979 г. высшее и незаконченное высшее образование имели лишь 15% населения страны. К тому же явно видно несоответствие между образовательным уровнем и культурой населения. На этой основе в стране была создана мощная система подготовки высококвалифицированных и научных кадров мирового значения, особенно в области фундаментальных исследований и ВПК.

§ 10. Основные тенденции урбанизации страны

Несмотря на быстрое развитие промышленного производства в конце XIX - начале XX вв. предреволюционная Россия оставалась преимущественно сельской страной. В 1913 г. в городах России проживало лишь 18% ее населения. Гражданская война, голод и разруха явились причиной оттока населения из городов, поэтому в 1923 г. доля городского населения снизилась до 16,1%. В особо сложном положении оказались столичные города. В Москве в 1920 г. проживало лишь 1,1 млн. человек, а население С.-Петербурга уменьшилось на полмиллиона.

Быстрый рост городского населения СССР начался с конца 20-х годов в связи с индустриализацией страны и коллективизацией сельского хозяйства. Индустриализация обусловила все возрастающий спрос на трудовые ресурсы со стороны быстро растущего промышленного производства городов, а коллективизация оторвала крестьян от земли и выталкивала их в города. Уже в 1940 г. города сосредоточили третью часть населения страны. В начале 60-х годов численность городских и сельских жителей сравнялась, а в конце 70-х годов уже свыше 60% населения страны проживало в городах. За советский период произошло коренное изменение самой структуры городского расселения. Если в середине 20-х годов преобладающая часть горожан проживала в малых и средних городах, то в конце 70-х годов их большая часть уже приходилась на крупные города. Концентрированный характер городского расселения своим следствием имел быстрое формирование крупногородских агломераций, то есть локальных систем больших городов и их

пригородных зон. Диспропорциональность городского расселения страны стала значительной общественной проблемой. Со стороны власти неоднократно декларировалась политика ограничения роста крупных и активизация развития малых и средних городов, однако реального успеха она не имела.

§ 11. Межрайонные миграции населения и освоение территории страны в довоенные годы

В XX в. огромный размах получил процесс дальнейшего заселения и хозяйственного освоения страны. В отличие от предшествующего века миграция в основном имела промышленный характер и преследовала задачи освоения природных ресурсов страны. В 20-е и 30-е годы большинство европейских районов стали поставщиками трудовых ресурсов для восточных и северных районов Российской Федерации. Общее количество мигрантов в восточные районы страны (вместе с Уралом) составило порядка 4,7 -5 млн. человек. Среди восточных районов наибольшей интенсивностью миграционного притока выделялись Дальний Восток, Восточная Сибирь, Кузнецкий бассейн. Крупными центрами миграционного притяжения стали и быстро растущие города - промышленные центры Урала. Значительное распространение при этом получила принудительная миграция. Мрачной иронией советского периода является тот факт, что многие «стройки социализма» созданы руками заключенных. Характерной чертой 20-х и 30-х годов являются массовые миграционные притоки русскоязычного населения в национальные районы Средней Азии, Казахстана и Кавказа, что вызывалось необходимостью обеспечения их высококвалифицированными специалистами в условиях проводимой индустриализации и культурной революции.

В европейской части СССР массовый миграционный приток населения происходил в те экономические районы и их промышленные узлы, которые стали ядрами индустриализации страны. Самым крупным ядром миграционного притяжения стала быстро формирующаяся Московская городская агломерация, которая приняла мигрантов больше, чем все восточные районы вместе взятые. Столь же крупным центром миграционного притяжения был и Ленинград с его пригородной зоной. Массовый отток сельских жителей из земледельческих северорусских

областей составил как бы второй акт драмы российского Нечерноземья. Третьим крупным ядром миграционного притяжения выступали Донбасс и Приднепровье, которые сформировались в качестве основной угольно-металлургической базы страны. Помимо северорусских земледельческих областей массовый отток населения происходил из Центрального Черноземья, Правобережного Поволжья и Северо-восточной Украины, где еще в предреволюционный период сформировался значительный избыток трудовых ресурсов.

§ 12. Межрайонные миграции населения и освоение территории страны в послевоенные годы

Межрайонные особенности миграционного движения населения за 1939 – 1959 гг. были обусловлены как последствиями Великой Отечественной войны, так и задачами освоения новых природных ресурсов на Востоке. В начальный период войны из западных районов страны, оказавшихся под угрозой оккупации, было эвакуировано около 25 млн. человек. Это население временно поселилось на территории Урала, Поволжья, южной части Западной Сибири, Северного и Центрального Казахстана, в меньшей степени - в Восточной Сибири и Средней Азии. После окончания войны преобладающая часть населения вернулась в родные места, однако некоторая его часть прижилась на новых местах.

В целом за межпереписной период 1939 - 1959 гг. из европейской части в азиатскую часть (вместе с Уралом) переселилось в общей сложности 8-10 млн. человек. Наибольшей интенсивностью миграционного притока выделялись Урал, Казахстан и Западная Сибирь. Численность сельского населения этого региона выросла в процессе массового освоения целинных и залежных земель, которое было предпринято в 1954 - 1960 гг. для кардинального решения зерновой проблемы. Из европейских районов страны мощный миграционный приток продолжался в Московскую, Ленинградскую агломерации и Донбасс. В послевоенный период значительный приток русскоязычных мигрантов устремился в Прибалтику, что было связано с заселением Калининградской области и необходимостью быстрого промышленного развития республик Прибалтики, обладавших выгодным экономико-географическим положением и развитой производственной и социальной инфраструктурой.

В 60-е годы азиатские регионы Российской Федерации (за исключением Дальнего Востока) стали терять население в процессе миграционного обмена с европейскими территориями страны. Это было связано с тем, что традиционные поставщики населения в Сибирь (Центральный, Центрально-Черноземный и Волго-Вятский районы, Белоруссия) исчерпали мобильные трудовые ресурсы. Кроме того были допущены серьезные просчеты при планировании уровня жизни сибиряков. Поэтому квалифицированные работники из сибирских городов пополняли густонаселенные и трудоизбыточные районы европейской части СССР, а городское население Сибири, в свою очередь, росло за счет выходцев из местных сел. Массовый миграционный отток сельских жителей в значительной степени подорвал сельское хозяйство Сибири, что ухудшило продовольственное обеспечение горожан. Основная часть мигрантов на крупных стройках Сибири не закреплялась на месте.

В то же время произошла поляризация самих сибирских регионов по характеру миграционного движения. В связи с развитием нефтегазового комплекса в Западной Сибири зоной интенсивного и массового миграционного притока населения на длительной время становится Тюменская область, особенно ее район Среднего Приобья. В целом же Российская Федерация превратилась в крупного поставщика трудовых ресурсов для других союзных республик, в результате чего за 1959 -1970 гг. потеряла порядка 1,7 млн. человек. Этот процесс привел к дальнейшему повышению удельного веса русскоязычного населения во многих республиках Советского Союза. Наибольшей интенсивностью миграционного притока выделялась вся южная полоса экономических районов от Молдавии, причерноморской Украины, Северного Кавказа до Казахстана и Средней Азии.

В 70-е годы произошло существенное сокращение межрайонных миграционных потоков. В основе этого лежали как демографические факторы - снижение рождаемости, уменьшение численности молодежи в основных регионах миграционного оттока, так и социально-экономические причины - сближение уровня жизни горожан и сельских жителей, основных регионов миграционного оттока и притока, повсеместно возрастающий спрос на трудовые ресурсы в результате дальнейшего экстенсивного хозяйственного развития страны. В результате

целой системы мер во второй половине 70-х годов удалось сформировать миграционное перераспределение населения в пользу сибирских регионов Российской Федерации. Помимо продолжающегося притока населения в нефтегазовый комплекс Западной Сибири, происходит заселение и хозяйственное освоение трассы Байкало-Амурской магистрали. Однако и в 70-е годы большинство регионов Сибири по-прежнему теряло свое население, причем наиболее сложная ситуация сложилась в земледельческих районах Западной Сибири.

Характерной особенностью 70-х годов является мощный приток населения в Московскую и Ленинградскую агломерации, которые по темпам роста численности населения обгоняли не только европейскую часть, но и всю Российскую Федерацию в целом! Обратной стороной этого явления стал массовый отток сельского населения из российского Нечерноземья, в результате чего на его территории начался распад исторически сложившейся системы сельских поселений. Экономической стороной этого процесса стало массовое сокращение площади сельскохозяйственных угодий в историческом центре России в результате их заболачивания, зарастания лесом и кустарником.

§ 13. Формирование системы плановой социалистической экономики

В связи с победой большевиков и Советской власти на протяжении XX в. в СССР сформировался и развивался особый тип хозяйства - «социалистическая экономика». Ее основой стала государственная собственность на средства производства, в том числе и землю. Еще в период Великой Октябрьской социалистической революции и в первое послереволюционное время были национализированы, то есть взяты государством в свою собственность, банки, крупная промышленность, транспорт, введена государственная монополия внешней торговли. Были конфискованы помещичьи земли, провозглашена национализация всей земли, которая была бесплатно передана крестьянам для хозяйственного использования.

Дальнейшее огосударствление экономики произошло в период Гражданской войны. Политика «военного коммунизма» привела к национализации уже средней и отчасти мелкой промышленности, введению трудовой повинности для всего трудоспособного

населения, вытеснению внутренней торговли продовольственной разверсткой - системой принудительного отчуждения продукции у крестьянских хозяйств, введению государственного регулирования кустарного производства. Результатом явилось почти полное вытеснение рыночных механизмов из сферы экономических отношений и замена их административно-командными методами управления хозяйством.

После окончания Гражданской войны в рамках так называемой «новой экономической политики» - НЭПа продразверстка была заменена продовольственным налогом, а экономическая взаимосвязь города и села стала определяться системой рыночных отношений. Однако уже в конце 20-х годов в связи со сплошной коллективизацией сельского хозяйства рыночные отношения опять были резко ограничены, и процесс огосударствления охватил не только совхозы как государственные предприятия, но и коллективные хозяйства - колхозы. Процесс огосударствления экономики резко усилился во время Великой Отечественной войны, которая потребовала мобилизации всех ресурсов страны во имя сохранения ее национальной независимости. Некоторое усиление роли товарно-денежных отношений в хозяйственном руководстве страны произошло в последние 30 лет, однако рыночные рычаги управления экономикой лишь дополняли сложившуюся централизованную административно-командную систему.

Плановая социалистическая экономика была ориентирована прежде всего на решение общегосударственных задач подчас в ущерб социальным проблемам, региональным и местным интересам. Принципы территориальной организации хозяйства сформировались не только на основе реальной экономической и политической практики, но и с учетом теории марксистско-ленинского обществоведения. В их числе необходимо отметить следующие:

1) равномерное размещение производительных сил по территории всей страны;

2) приближение промышленности к источникам сырья, топливно-энергетическим ресурсам и районам потребления продукции;

3) преодоление существенных социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней;

4) ускорение экономического и культурного развития ранее отсталых национальных районов;

5) правильное территориальное разделение труда на основе специализации и комплексного развития хозяйства экономических районов и союзных республик СССР;

6) рациональное использование природных условий и ресурсов;

7) укрепление обороноспособности страны;

8) планомерное международное социалистическое разделение труда.

В основе этих принципов лежит представление о потенциальном превосходстве социалистической плановой экономики, ориентированной в целях систематического повышения уровня и качества жизни советских людей на повышение производительности труда и достижение оптимальной территориальной организации хозяйства. Хотя в каждом конкретном случае можно найти достаточно много примеров подтверждения этих принципов, однако в целом они имеют искусственно-книжный характер и не отражают существа процессов территориальной организации хозяйства страны на протяжении XX века. Например, вряд ли можно серьезно говорить о «равномерном размещении производительных сил», о «рациональном использовании природных условий и ресурсов», а «укрепление обороноспособности страны», то есть развитие военно-промышленного комплекса (ВПК), было доведено до гипертрофированного абсурда, поскольку ВПК истощил ресурсы страны. «Планомерное международное социалистическое разделение труда» носило искусственный характер и скрывало глубокие экономические противоречия между бывшими социалистическими странами.

§ 14. Индустриализация страны и развитие советской промышленности

На протяжении XX в. СССР стал одной из крупнейших промышленных держав. Это было результатом реализованной в стране политики индустриализации, которая обусловила коренную реконструкцию всего хозяйства. Поэтому ведущей отраслью промышленности становится машиностроение. За годы двух предвоенных пятилеток по существу заново была создана

автомобильная промышленность, тракторостроение, комбайностроение, резко выросли объемы производимого промышленного оборудования и станков. В условиях политического и военного противостояния с окружающим капиталистическим миром к началу 40-х годов в СССР была создана достаточно мощная военная промышленность, включающая производство танков и самолетов. Основная часть машиностроительных предприятий возникла в старопромышленных районах страны (Центральный район, Северо-Запад, Урал и Донецко-Приднепровский район), обладавших высококвалифицированной рабочей силой. Крупнейшими машиностроительными центрами страны стали Московская и Ленинградская агломерации, где сформировалась мощная научная и проектная инфраструктура.

Массовое развитие машиностроения потребовало резкого увеличения производства металла. В европейской части страны, в старых районах металлургии и машиностроения были построены заводы, производящие высококачественную сталь. На Урале и в Западной Сибири была создана вторая угольно-металлургическая база страны. Новые металлургические заводы, возникшие в этих районах, образовали «Урало-Кузнецкий комбинат» и использовали железные руды Урала и коксующийся уголь Кузбасса. В стране возникло производство алюминия и никеля. Помимо Урала мощная медная промышленность сложилась в Казахстане, а производство свинца кроме того на Алтае и в Средней Азии, цинковые заводы в Донбассе и Кузбассе.

В предвоенные годы в стране возникла мощная топливно-энергетическая база. Хотя главным районом угледобычи оставался Донбасс, быстрыми темпами росла добыча каменного угля в Кузбассе и Карагандинском бассейне, началось освоение Печорского бассейна. В связи с близостью к потребителям выросло значение бурого угля Подмосковья. Большие изменения произошли в географии нефтедобычи. Помимо Апшерона и Грозного все большее значение стал приобретать район между Волгой и Уралом - «Второе Баку». В предвоенный период началось освоение богатейших газовых ресурсов Поволжья. Индустриализация страны была проведена на основе приоритетного развития электроэнергетики. На основе планов

ГОЭЛРО и предвоенных пятилеток была построена целая система «районных» тепловых и гидроэлектростанций.

Огромное промышленное строительство 20-х и 30-х годов, осуществленное за счет жесткой централизации всех ресурсов страны, позволило СССР достичь экономической независимости. По объемам промышленного производства страна вышла на 2-ое место в мире. В то же время результатом индустриализации стало гипертрофированное развитие тяжелой промышленности в ущерб отраслям, работающим на потребление населения, что не могло не отразиться на уровне его жизни. Кроме того, одной из составляющих экономического успеха довоенных пятилеток было широкое применение дешевого принудительного труда, а ГУЛАГ выступал в качестве одного из крупнейших экономических ведомств страны, проводивших освоение новых районов. За 20-е и 30-е годы произошел существенный сдвиг промышленного производства на Восток, к источникам сырья.

Во время Великой Отечественной войны в СССР были заложены основы крупнейшего в мире военно-промышленного комплекса, Вся экономика страны была перестроена для нужд фронта. Из западных областей, подвергшихся фашистской оккупации, на Восток было передислоцировано порядка 1300 крупных промышленных предприятий, которые разместились в основном на территории Урала, Западной Сибири, Поволжья и Казахстана.

В послевоенные годы политическое и военное противостояние СССР и ведущих капиталистических стран вызвали гонку вооружений в связи с развитием ядерного и ракетного оружия. Это обусловило еще большую интеграцию ВПК с хозяйственным комплексом страны, особенно машиностроением. В связи с формированием СЭВ'а - экономического союза бывших социалистических стран, а также тесными связями с многими развивающимися странами Советский Союз стал одним из крупнейших экспортеров вооружения и продукции машиностроения.

В последние сорок лет произошли коренные изменения в топливно-энергетической базе страны. В итоге был создан один из самых мощных в мире топливно-энергетических комплексов. В 50-е и 60-е годы развернулось широкое строительство крупных гидроэлектростанций на Волге, Каме, Днепре, реках Сибири.

Одновременно были построены десятки крупнейших тепловых электростанций. Со второй половины 70-х годов дефицит электрической энергии в европейской части страны стали покрывать с помощью строительства мощных атомных электростанций.

Существенно изменилась структура и география топливной промышленности Советского Союза. Так, угольная промышленность, несмотря на возрастающие объемы добычи угля, уступила лидирующее положение в топливном балансе страны нефтяной и газовой промышленности. В связи с выработкой угольных ресурсов и высокой себестоимостью донецкого угля существенно упал удельный вес Донецкого бассейна в общесоюзной добыче угля и возросла роль угольных бассейнов Сибири и Казахстана. Уже к началу 70-х годов первое место в топливном балансе страны заняла нефть. Это стало возможным не только в результате развития нефтедобычи в районе «Второго Баку», но и в связи с массовым освоением гигантских нефтяных ресурсов Среднего Приобья. Поэтому, если в середине 60-х годов основная часть добываемой нефти приходилась на Волго-Уральский район, то к началу 70-х годов свыше половины общесоюзной добычи нефти давала уже Западная Сибирь. В топливном балансе страны быстро нарастало значение природного газа, который в конце 70-х годов оттеснил уголь на третье место. Если в 60-е годы основными районами добычи природного газа были Поволжье, Северный Кавказ и Украина, то в последние десятилетия основными его производителями стали север Тюменской области, Коми и Средняя Азия. Для транспортировки нефти и природного газа в СССР построена огромная по протяженности сеть трубопроводов.

Однако, несмотря на столь впечатляющее развитие топливно-энергетической промышленности, европейские районы Советского Союза, по-прежнему сосредотачивающие и в последние десятилетия основную часть промышленных мощностей страны, испытывали дефицит энергетических ресурсов. Поэтому экономическая политика страны ориентировалась, во-первых, на ограничение строительства топливно- и энергоемких производств в европейской части и на Урале, во-вторых, на более интенсивное использование топливно-энергетических ресурсов восточных районов, а, в-третьих, на создание единой энергетической системы

страны и массовую транспортировку топлива из восточных районов в европейскую часть страны.

В послевоенный период в Советском Союзе формируется мощная металлургическая база. Наряду с технической реконструкцией и наращиванием объемов производства в уже сложившихся металлургических центрах было развернуто значительное новое строительство. Освоение рудных богатств КМА и Карелии привело к увеличению производства черных металлов в историческом центре страны. За счет нового строительства резко выросли мощности черной металлургии Западной Сибири и Казахстана. В связи с массовым строительством электростанций и производством дешевой электрической энергии в Сибири возникло крупномасштабное производство электроемких цветных металлов, особенно алюминия.

В числе приоритетов экономического развития Советского Союза в последние десятилетия находилась химическая промышленность, особенно производство удобрений, средств защиты растений, химических волокон и нитей, синтетических смол и каучуков, пластмасс. В то же время структура промышленного производства страны по-прежнему сохраняла свою деформированность. На периферии государственных интересов оставалась пищевая, текстильная, обувная, швейная отрасли промышленности. Они получали недостаточные капиталовложения, что усиливало их все возрастающую техническую отсталость и низкое качество выпускаемой продукции. Проблема обеспечения населения в какой-то степени решалась за счет массового импорта продовольствия и предметов широкого потребления в обмен на все возрастающий экспорт энергоносителей, цветных и редких металлов, леса и других сырьевых ресурсов.

§ 15. Коллективизация сельского хозяйства и его развитие в советский период

На протяжении XX в. огромные изменения произошли в сельском хозяйстве страны. В 1929 – 1933 гг. была осуществлена сплошная коллективизация села. Вместо мелких единоличных крестьянских хозяйств главной организационной формой сельскохозяйственного производства стали колхозы, в процессе создания которых были обобществлены земля и все основные

средства производства, а в личной собственности колхозников оставлены лишь небольшие приусадебные участки, жилые постройки, мелкий инвентарь и ограниченное количество скота. Уже в первые годы Советской власти на базе национализированных помещичьих имений возникли государственные предприятия - совхозы, ставшие крупными производителями сельскохозяйственной продукции и осваивавшие новейшую агротехнику.

Сплошная коллективизация сельского хозяйства и по методам проведения, и по экономическим и социальным последствиям имела противоречивый характер. С одной стороны, она в значительной степени была проведена принудительно, поскольку сопровождалась раскулачиванием. Были насильственно ликвидированы зажиточные (кулацкие), а подчас и середняцкие крестьянские хозяйства, имущество которых отошло к колхозам, а «кулацкие семьи» были высланы в северные районы. Тем самым сельское хозяйство страны лишилось значительной части трудолюбивых товарных производителей. Очень резко пострадало животноводство, поскольку крестьяне перед вступлением в колхозы в массовом порядке забивали скот. С другой стороны, проведенные социальные преобразования гарантировали государству получение минимально необходимого количества продовольствия, создавали условия для быстрого изменения технической базы сельского хозяйства за счет широкого использования тракторов и других машин. Кооперирование сельского хозяйства хотя и резко сократило возможности зернового экспорта страны, но позволило за счет снижения уровня жизни сельских жителей перераспределить средства для проведения индустриализации. Навязанные сверху колхозы в конечном итоге наложились на вековые традиции крестьянской общины и приобрели устойчивый характер как форма выживания сельских жителей даже в крайне тяжелых, экстремальных условиях.

Сельское хозяйство СССР в предвоенный период сохраняло возможности экстенсивного развития за счет расширения посевных площадей. За 1913 - 1937 гг. посевные площади страны выросли на 31,9 млн. га, или на 30,9%. Хотя почти половина вновь освоенных земель приходилась на восточные районы, однако продолжался процесс распашки как староосвоенных территорий

исторического центра страны, так и областей степного европейского Юга. Важнейшей отраслью сельского хозяйства по-прежнему оставалось производство зерна. Большое значение имело формирование новых зерновых районов на Востоке страны (Южный Урал, Западная Сибирь и Северный Казахстан). Среди зерновых культур основное значение приобрела пшеница, которая оттеснила на второе место рожь. По сравнению с предреволюционной Россией посевные площади пшеницы продвинулись в северном и восточном направлении.

Развитие сельского хозяйства страны з довоенный период происходило за счет широкого распространения технических культур. Резко выросли посевные площади под сахарной свеклой. Помимо Украины, доля которой в посевных площадях сократилась с 82,6% в 1913 г. до 66,9% в 1940 г., и Центрально-Черноземного района сахарная свекла стала выращиваться в Поволжье и Западной Сибири. Еще более значительно - в 3,5 раза выросли посевные площади под подсолнечником. Помимо Северного Кавказа, ЦЧР и Поволжья подсолнечник стал широко высеваться на Украине, в Молдавии и Казахстане. Выросли посевные площади под льном-долгунцом. В Средней Азии и Восточном Азербайджане все более широкое распространение получало возделывание хлопчатника на орошаемых землях. В связи с ростом городского населения выросло производство картофеля и овощей. В отличие от земледелия в целом кризисная ситуация сложилась в животноводстве, которое к началу 40-х годов- так и не оправилось от последствий принудительной кооперации.

В середине 50-х годов для кардинального решения зерновой проблемы в СССР была реализована программа освоения целинных залежных земель. За 1953 - 1958 гг. посевные площади страны выросли на 1/4 или на 38,6 млн. га. Освоение целины привело к значительному расширению посевов зерновых культур, в первую очередь, пшеницы в Казахстане, Западной Сибири, Южном Урале, Поволжье и Северном Кавказе. За счет целинного хлеба страна смогла на какое-то время не только обеспечить свои внутренние потребности, но и стала экспортером зерна для некоторых социалистических и развивающихся стран. Формирование второй крупной продовольственной базы на Востоке страны позволило углубить специализацию сельского хозяйства в староосвоенных районах. Продолжалось расширение

посевных площадей под техническими культурами. В результате крупномасштабной мелиорации резко выросли площади орошаемых земель. В Средней Азии на их базе окончательно сформировалась монокультура хлопчатника. Следствием явилась не только резкая деградация природной среды (широкое вторичное засоление почв, загрязнение рек сточными водами с полей, уничтожение Арала), но и уменьшение площадей под садовыми и продовольственными культурами, что не могло не отразиться на качестве питания коренного населения. На базе орошаемого земледелия возникло значительное производство риса на Северном Кавказе, юге Казахстана и Средней Азии, в Приморье.

Освоение целинных земель позволило расширить в староосвоенных районах страны площади под кормовыми культурами, что создало условия для развития продуктивного животноводства. Широкое распространение получила такая кормовая культура, как кукуруза. Начиная с 60-х годов, экспортные поставки нефти позволили осуществлять массовые закупки фуражного зерна и комбикормов. В области животноводства была реализована программа строительства крупных животноводческих комплексов, которые позволили на новой технологической основе создать крупномасштабное производство животноводческой продукции.

§ 16. Формирование единой транспортной системы и единого народнохозяйственного комплекса страны

На протяжении XX в. в Советском Союзе была сформирована единая транспортная система страны. Уже в 20-е и 30-е годы была проведена коренная реконструкция железнодорожного транспорта и было построено порядка 12,5 тыс. новых железнодорожных линий. Они обеспечивали более надежные и короткие транспортные связи Донбасса, центральных и северо-западных районов страны, дополнительно связали Центр, Урал, Кузбасс, Центральный Казахстан. Особое значение имело строительство Туркестано-Сибирской железной дороги, которая обеспечила прямой путь из Сибири в Среднюю Азию. Была проведена большая работа по реконструкции внутренних водных путей. В 1933 г. был введен в строй Беломоро-Балтийский канал, в 1937 г. - канал Москва -Волга. Уже в 30-е годы основные регионы страны были связаны между собой авиалиниями.

Достаточно крупное железнодорожное строительство осуществлялось в период Великой Отечественной войны. С 1940 по 1945 гг. ежегодно вводилось в строй 1,5 тыс. км новых железных дорог. Так, был построен железнодорожный выход от Архангельска к Мурманску. Железная дорога Котлас - Воркута дала выход печорскому углю на пред-приятия страны в тот период, когда был оккупирован Донбасс. Железная дорога вдоль среднего и нижнего течения Волги обеспечивала действие Красной Армии под Сталинградом. Железная дорога Кизляр - Астрахань сократила выход бакинской нефти к местам потребления.

Крупное железнодорожное строительство развернулось в послевоенное время в восточных районах страны. Южно-Сибирская железная дорога, прошедшая через Северный Казахстан, существенно разгрузила старую Транссибирскую магистраль. Средне-Сибирская железная дорога прошла по основным массивам целинных земель. Значительное железнодорожное строительство развернулось в 60-е и 70-е годы в связи с освоением ресурсов Западной Сибири. К числу великих строек последних десятилетий относится Байкало-Амурская магистраль (1974 - 1984 гг.), которая дала дополнительный транзитный выход к Тихому океану через Восточную Сибирь, в перспективе став базой освоения богатого природными ресурсами, но сурового огромного края.

В послевоенный период в связи с массовой разработкой нефтяных и газовых месторождений в Советском Союзе была создана самая большая в мире по протяженности сеть нефте- и газопроводов, которые связали районы добычи и центры потребления, а также обеспечили широкие экспортные поставки этих энергоносителей через западные границы страны. В последние десятилетия быстро вырастал грузооборот автомобильного транспорта, который стал все в большей степени конкурировать с железными дорогами при перевозке грузов на короткие расстояния, поскольку обеспечивал их поставки от места к месту. В стране быстро росла сеть дорог с твердым покрытием, общая протяженность которых в начале 70-х годов составила порядка 0,5 млн. км. Однако по качеству дорог и их плотности СССР существенно уступал европейским странам. Достаточно большое внимание уделялось строительству новых внутренних

водных путей. В 1945 - 1952 гг. был сооружен Волго-Донской канал, в 1964 г. была завершена реконструкция Волго-Балтийского глубоководного пути, заменившего устаревшую Мариинскую систему. В связи с освоением Сибири новые речные порты были построены на ее крупнейших реках.

Огромная протяженность страны и низкие внутренние цены на нефтепродукты обусловили в последние десятилетия широкое развитие авиационного транспорта, который отобрал у железных дорог значительную часть пассажиров. Густая сеть аэродромов (практически при каждом республиканском, краевом и областном центре) позволяла в считанные часы связаться с любым уголком страны. Для обеспечения внешних экономических связей в 60-е и 70-е годы был построен крупный морской флот. В Азово-Черноморском, Балтийском бассей-

Итогом достаточно длительного советского развития стало формирование Единого народнохозяйственного комплекса (ЕНХК) СССР как сложной, целостной, динамично развивающейся и многоуровневой суперсистемы. ЕНХК СССР сформировался в процессе централизованного управления огосударствленной экономикой в условиях ограничения функций денежного обращения, когда цены не отражали ни реальные затраты на производство товаров, ни спрос на них. Поэтому использование закономерностей и принципов планомерного развития хозяйства позволяло функционировать весьма сложной системе перераспределения национального дохода между предприятиями, отраслями, республиками и регионами, что приводило к видимости некоторой пропорциональности и сбалансированности народного хозяйства.

III. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ (ОБЩЕСТВЕННОЙ) ГЕОГРАФИИ[10]

Проведение общероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора А.Т. Хрущева - одного из крупнейших отечественных экономико-географов последней трети XX в., невозможно без обсуждения современных научных проблем российской социально-экономической (общественной) географии. А.Т. Хрущев в своих работах определил теоретические основы не только отечественной географии промышленности, но и экономической географии в целом. В течение весьма длительного периода он возглавлял секцию экономической географии УМО по географии при тогдашнем Минвузе СССР, что не могло не отразиться на состоянии этой науки во многих вузовских центрах страны. В этой связи мы считаем вполне уместным обратить внимание на некоторые ключевые теоретические проблемы современной российской социально-экономической географии.

По мнению автора, одной из важнейших внутренних проблем современной российской общественной географии выступает необходимость переосмысления некоторых базовых теоретических положений. При этом речь вряд ли может идти о полном переходе на теорию «западной» мировой науки, хотя, не смотря на наличие национальных географических школ, мировая наука все же едина. В тоже время никуда не уйти от ответа на вопрос: в какой степени методология советской экономической (социально-экономической) географии, сформировавшаяся в основном в 20-70-ые годы XX зека в тесной связи с территориальным планированием для нужд плановой

---

[10] Некоторые теоретические проблемы современной Российской социально-экономической (общественной) географии / Ю.В. Поросенков // Территориальная организация общества и управление в регионах : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф., 7-9 окт 2009 г., Воронеж .— Воронеж, 2009 .— С. 21-23

государственной экономики и «социалистического» разделения труда, адекватна современным реальностям рыночной экономики и процесса ее глобализации. От правильного ответа на этот вопрос в немалой степени зависит дальнейшее формирование теоретического потенциала отечественной социально-экономической географии и ее место в системе научного разделения труда.

Современная ситуация в сфере территориальной организации российской экономики и общества в целом заставляет по-новому оценить такие традиционные базовые понятия отечественной науки, как «принцип территориальности», понятия «территориально-производственный (территориально-общественный) комплекс» и «территориальная социально-экономическая система», по-новому выйти на решение проблемы «объективности и субъективности» социально-экономических районов. Принцип территориальности изначально выступал одним из базовых положений в системе географических исследований. Он, прежде всего, подразумевал учет особенностей географического положения изучаемых явлений и процессов, то есть их размещение. Недаром в середине XX века объектом исследования советской экономической географии декларировалось размещение производства (понимаемого как единство производительных сил и производственных отношений), условия и факторы его развития в различных странах и районах. При этом рациональное (в рамках страны) размещение хозяйства достигалось не только за счет специализации и комплексности регионов, эффективного использования их природноресурсного, трудового и экономического потенциала, но и за счет специализации и комплексности регионов, эффективного использования их природноресурсного, трудового и экономического потенциалов, но и за счет минимизации транспортных затрат. Принцип минимизации транспортных затрат лежал в основе многих мировых штандортных теорий второй половины XIX - XX веков. Следствием всего этого стала заметная абсолютизация принципа территориальности в теории экономических и социально-экономико-географических исследований.

Современная научно-техническая революция и глобализация экономики заставляют по-новому оценить проблемы оптимизации территориальной организации хозяйства. С одной стороны, кардинальное совершенствование техники транспортных перевозок, следствием которого стало существенное снижение удельного веса транспортных затрат в себестоимости

производства продукции и услуг. А с другой, - лавинообразное развитие транснациональных корпораций в процессе глобализации мировой экономики резко повысили значимость других факторов организации производства, особенно современных прорывных технологий, различий в обеспеченности ресурсами и стоимости квалифицированной рабочей силы. Это территориально «разорвало» и «разбросало» по всему миру отдельные стадии и циклы производства товаров и услуг. В этих условиях принцип территориальной близости, лежавший в основе теорий отечественной и мировой социально-экономической географии последние полтора столетия, как бы отходит на второй план.

Аналогичная ситуация возникает и с пониманием такого базового термина социально-экономической географии, как территориально-производственный комплекс и ряда производных от него терминов (территориально-хозяйственный комплекс, территориатьно-общественный комплекс). Принцип комплексности развития экономических районов страны был заложен в отечественной науке еще в 20-30-х годах прошлого века и он стал неизбежным «противовесом» формирующейся общесоюзной специализации их хозяйства. Принцип комплексности развития регионов предусматривал наряду с отраслями специализации необходимость развития в них вспомогательных и обслуживающих отраслей, без которых оказывались невозможными производство продукции отраслей специализации и нормальная жизнь населения. В 50-60-е годы XX века в связи с еще недостаточным внедрением экономических расчетов на уровне районов принцип комплексности развития их хозяйства трансформировался в планирование того или иного набора производств и услуг для тех или иных видов районов.

Важнейшим элементом теории отечественной экономической географии второй половины XX века стало понятие «территориально-производственный комплекс», обоснованное Н.Н. Колосовским для исследования и управления внутренними процессами формирования и развития экономических районов. Под ТПК Н.Н. Колосовский понимал в пределах района такое плановое сочетание предприятий, которое бы в процессе тесных и интенсивных технологических и экономических связей между ними обеспечивало дополнительный экономический эффект, в том числе за счет сокращения транспортных затрат и рационального использования местных ресурсов. Понятие ТПК на многие годы

стало важнейшим элементом теории отечественного экономического районирования и трансформировалось по мере расширения объекта исследования экономической географии и превращения ее в общественную (социально-экономическую) географию. В научный оборот вошли такие термины, как территориально-общественный комплекс, территориально-транспортный комплекс, а на уровне страны - не только ВПК и АПК, но и единый народно-хозяйственный комплекс. В 70-е и 80-е годы XX века комплексная методология в отечественной социально-экономической географии стала столь популярной, что этот термин стали весьма широко, но формально использовать и для межотраслевых, и для региональных образований, не особенно заботясь о реальных доказательствах их комплексности, полагая что в условиях планового государственного механизма управления экономические районы даже на разных их иерархических уровнях не могут не быть территориальными комплексами. Такой формализованный подход в значительной степени размыл сущность комплексной методологии на этапе перехода к постсоветскому периоду развития отечественной экономики.

Переход России к рыночной экономике и мировая глобализация заставляют нас по-новому посмотреть на сущность этих понятий: в какой степени они отражают современные процессы экономического и общественного развития. Современная практика использования понятий ТПК, ТХК, ТОК скорее опирается на длительную традицию употребления этих терминов, чем на их сущностную сторону. Высокий уровень межотраслевой и территориальной комплексности был достижим лишь в условиях плановой государственной автаркической экономики, однако эта модель в целом показала свою несостоятельность. К тому же важнейшим достижением современной науки стало широкое использование системной методологии. В отечественной социально-экономической географии все более широко внедряется понятие «территориальная социально-экономическая (общественная) система» и ее частные варианты - «территориальная экономическая система», «территориальная социальная система», «территориальная система расселения» и тому подобные понятия. В самом общем виде, система - это совокупность элементов, находящихся во взаимодействии. К тому же система - это субъективно выделенные части реального мира, и подбор их элементов определяется задачами исследования. На этом происходит разграничение сущностей понятий, с одной стороны,

территориальных комплексов, а с другой, территориальных систем. Поэтому ТПК, ТХК, ТОК - это наиболее развитие формы аналогичных территориальных систем. Вследствие этого на современном этапе состояния российской экономики и общества для обозначения территориальных образований более предпочтительна системная терминология.

Системная методология крайне необходима и для преодоления принципиальных различий в понимании сущности района, сложившихся в мировой западной и отечественной науке. Отечественные экономико-географы в соответствии с методологией этой науки, основы которой были заложены еще 80 лет тому назад, исходили из представления объективности существования экономических районов, что они историчны, то есть когда-то возникли, а потом изменялись и функционально, и территориально под влиянием экономических и социальных процессов. Правда, уже в 70-е и 80-е годы XX века появилось представление, что сетка экономических районов должна учитывать и удобство управления ими. Следовательно, в процессе делимитации районов закладывалась представление о каком-то оптимальном их количестве и степени разброса показателей, характеризующих их параметры. Мировая западная наука изначально исходила из представления об субъективности районирования, по крайней мере при выделении интегральных районов. Внедрение в географию системной методологии позволило снять это противоречие. Представление об «экономических районах» как территориальных социально-экономических системах позволяет утверждать, что они как объекты исследования и управления имеют объективный характер, но само их познание (делимитация, изучение их функциональной, отраслевой и территориальной структур) и управление на основе той или иной концепции национальной и региональной политики, конечно, содержат большую или меньшую долю субъективизма.

Таким образом, одной из важнейших методологических проблем российской социально-экономической географии на этапе перехода страны к рыночной экономике выступает определенное переосмысление теории на предмет ее соответствия современным процессам экономического и общественного развития, так и интеграции отечественной географии в единую мировую науку.

АНТРОПОГЕННЫЕ ЛАНДШАФТЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ[11]

Переход советского общества к интенсивным формам хозяйствования, принятая XXVII съездом КПСС концепция ускорения социально-экономического развития страны предъявляют особые требования и к организации географических научных исследований. Не снижая уровня фундаментальных теоретических работ, на современном этапе в условиях резкого обострения экономических, социальных и экологических проблем необходима приоритетность развития комплексных прикладных географических .исследований по вопросам территориальной организации производства, расселения и природопользования в целях коренного совершенствования регионального социально-экономического планирования и районной планировки.

Подобный общественный заказ, с нашей точки зрения, — основа интеграции географических исследований, о необходимости которой неоднократно ставился вопрос в литературе. На протяжении последних лет интеграционные тенденции все более отчетливо проявляют себя как в физической, так и в экономической географии. В перво.м случае убедительным примером выступает формирование на стыке с экономической географией специального направления физической географии — антропогенного ландшафтоведения, значительный вклад в развитие которого внесла научная школа проф. Ф. Н. Милькова, а во втором случае — трансформация экономической географии в социально-экономическую, важной составной частью которой является география природопользования и экология человека.

Реальные возможности интеграции физико-географических и экономико-географических исследований во многом определяются тем, насколько совпадают объекты (предметы) их изучения. По мнению Ф. Н. Милькова (1986, с. 62—63), предметом антропогенного ландшафтоведения являются антропогенные

[11] Антропогенные ландшафты как объект исследования социально-экономической географии / Ю.В. Поросенков // Антропогенные ландшафты : структура, методы и прикладные аспекты изучения : межвуз. сб. науч. тр. — , 1988 .— С. 26-34.

ландшафты и ландшафтно-технические системы, причем главная отличительная черта антропогенных ландшафтов — саморазвитие в соответствии с природными закономерностями, тогда как в формировании ландшафтно-технических систем ведущим выступает технический блок, развитие которого осуществляется по общественным законам и закономерностям.

Однако в таком понимании граница между антропогенными ландшафтами и ландшафто-техническими системами не .всегда ясна. Во-первых, с точки зрения терминологии, антропогенные ландшафты также являются природно-общественными территориальными системами, как и ландшафтно-технические системы. Следовательно, термин «система» .применим к обоим типам объектов. Во-вторых, в определении сущности антропогенных ландшафтов несколько переоценивается их саморазвитие в соответствии с природными закономерностями. Даже если рассматривать только сельскохозяйственные ландшафты как сохранившие -подобие естественных ландшафтов, то их фитоценозы определяются не столько природным саморазвитием, сколько целенаправленной человеческой деятельностью. Более того, эти антропогенные комплексы в их современном состоянии вообще не могут существовать вне рамок общественного производства. В этих условиях исследование только 'природных процессов развития антропогенных ландшафтов и тем более ландшафтно-технических систем не вскрывает их существа, поскольку в стороне остаются общественные закономерности и тенденции их развития. В современных условиях в связи в возрастающей техногенной нагрузкой на природную среду это недопустимо, поскольку блокирует прогноз и определение рациональных направлений природопользования.

В последние годы в социально-экономической географии наблюдается усиление интереса к 'проблемам исследования природных условий и ресурсов. Традиционное определение экономической географии как общественной науки, «изучающей географическое размещение производства (понимаемого как единство производительных сил и производственных отношений), условия и особенности его развития в различных странах и районах» [Решение II съезда Геогр. о-ва СССР, 1955, с. 97], ориентировало экономико-географов на исследование природной среды лишь как одной из предпосылок развития н размещения

общественного производства. Такая целевая установка была успешно реализована в области крупномасштабных географических исследований сельского хозяйства, сельского расселения, экономической оценки земель. Образцом комплексного географического подхода в исследовании сельскохозяйственной деятельности населения в связи с се природными предпосылками до сих пор остается монография Ю. Г. Саушкина (1947). Комплексный подход в рамках историко-географического исследования природной среды, населения и хозяйства развивается В. С. Жекулиным (1982).

Принципиально новые возможности (интеграции научных исследований территориальных природных, территориальных общественных и территориальных природно-общественных систем (антропогенных ландшафтов и лаедшафтно-технических систем) возникают в результате формирования социаль-но-экономичеекой географии. При этом под социально-экономической географией автор понимает весь комплекс наук, складывающийся в результате трансформации экономической географии, изучающий в целях наиболее эффективного управления законы, закономерности, тенденции, условия и факторы развития территориальных социально-экономических систем, возникающих в процессе функционирования общественного 'производства. Характерной чертой развития социально-экономической географии является стремление охватить исследованием основные структурные элементы территориальных общественных систем, в силу чего в осно-ву аналитической диверсификации этой науки должно быть положено марксистско-ленинское учение о функциональной структуре общества.

В настоящее время внутри социально-экономической географии как системы наук сформировались научные системы 2-го порядка: география хозяйства (или география производства), география населения, география обслуживания, география науки, политическая география. Кроме того, в процессе формирования находится география природопользования. В качестве объектов исследования они имеют конкретные типы территориальных социально-экономических систем: системы производства, населения, расселения, обслуживания населения, административно-политические единицы и т. д. В процессе их

исследования важная роль принадлежит природному фактору. Среди таких отраслевых социально-экономико-географических дисциплин наиболее тесную связь с физическое географией обнаруживает география природопользования, объектом исследования которой выступают территориальные группировки и совокупности природных ресурсов *л* условий в процессе общественного воспроизводства.

С нашей точки зрения, существенное усиление интеграции научных географических исследований территориальных природно-общественных систем возможно по мере формирования нового этапа районного направления социально-экономической географии. Общим объектом ее исследования являются интегральные социально-экономические районы различных иерархических уровней. Внутри каждого из них выделяются четыре 'подсистемы первого порядка: хозяйственный комплекс, система населения и расселения, надстройка и комплекс природных предпосылок [Методологические проблемы исследования основного социально-экономического района, 1979, с. 15—16]. Поскольку социально-экономический район, как правило, охватывает отдельные, не связанные между собой в природном отношении части сопредельных физико-географических провинций и районов, в основе формирования районных социально-экономических природных комплексов может лежать лишь та или иная система использования природных ресурсов. Неразрывная взаимосвязь специфических 'комплексов природы с объектами социально-экономического районирования вытекает и .из сущности территориального сочетания естественных ресурсов, определяемого А. А. Минцем как «источники ресурсов различного .веда, расположенные на определенной целостной территории и объединяемые фактическим ,или перспективным совместным использованием в рамках единого производственно-территориального комплекса» [Минц, 1972, с. 237].

Именно хозяйственное использование природных условий и ресурсов в рамках единых ТПК приводит к формированию природных комплексов социально-экономических районов. Конкретная система их использования, определяемая задачами экономического и социального развития страны в целом и отдельных территорий, достигнутым уровнем развития производительных сил,

обусловливает неодинаковую степень антропогенизации элементов природы, их комплексов, неодинаковую скорость развития природных процессов, создает принципиально новые территориальные кругообороты веществ в природе.

Переход советской экономики на путь .интенсивного развития обусловливает настоятельный поиск ее внутренних резервов, в том числе и за счет более оптимальной территориальной организации на районном уровне. В этой связи одними из основных задач современной социально-экономической географии являются исследование процессов формирования, оценка и обоснование перспективной концепции территориальной структуры района. Территориальная структура социально-экономического района — это внутренняя устойчивая форма его территориальной организации: единство устойчивых взаимоотношений между его основными территориальными элементами [Территориальная структура основного социально-экономического района, 1985, с. 58].

Территориальная структура района характеризуется большой инерционностью, поскольку фиксирует взаиморасположение материальных объектов в пространстве. Она обладает тенденцией к саморазвитию, так как дальнейшее совершенствование материальных форм производства сопровождается углублением территориального разделения труда, все более полным использованием выгод экономико-географического положения. В этой связи 'не случайно территориальная структура определяет географическое лицо районов, их своеобразие. Даже районы, аналогичные по специализации хозяйства, относящиеся к одному и тому же типу, весьма часто резко отличаются территориальной структурой.

Таким образом, территориальная структура выступает территориальным инвариантом не только производительных сил, производства, но и общества в целом и, следовательно, охватывает все функциональные звенья социально-экономического района: его хозяйственный 'комплекс, систему населения и расселения, общественную надстройку, совокупность природных предпосылок и ресурсов. Делимитация отдельных элементов территориальной структуры района происходит в процессе географического разделения труда, их преимущественной специализации на выполнении определенного вида деятельности в рамках как страны, так и района. Территориальная структура социально-экономических районов формируется континуально-дискретной

дислокацией отдельных территориальных звеньев, а территориальная структура каждого конкретного социально-экономического района является результатом сложного и длительного исторического развития его хозяйства, расселения, хозяйственного освоения природной среды. Механизмом развития территориальной структуры социально-экономических районов в условиях социализма выступает (планомерное преодоление постоянно возникающих противоречий между их территориальными элементами (в том числе между производством и природными предпосылками, между населением — расселением и природными условиями и предпосылками) на основе соблюдения общесоюзных и региональных (интересов посредством совершенствования методов управления экономическими, общественными процессами.

Благоприятные возможности для интеграции физико-географических и социально-экономико-географических работ создаются на уровне микрогеографических исследований территориальной структуры социально-экономических районов, поскольку объектами их являются дискретные образования, представляющие определенную целостность и с позиции антропогенного ландшафтоведения. Даже только с этих (позиций желательно восстановление традиции комплексных крупномасштабных полевых (картографических, статистико-экономических, социологических и др.) географических исследований, которые необходимы современной социально-экономической географии как дополнение к наиболее распространенным существующим методам. Объектами совместных микрогеографических исследований служат предприятия, поселения, колхозы, совхозы, группы хозяйств и поселений, низовые административные районы, внутриобластные социально-экономические районы. Масштаб объекта здесь олределяется возможностями полевого исследования.

На уровне микрогеографических исследований основными элементами интегральной территориальной структуры социально-экономических районов являются центры, зоны их влияния и трассы. Важными организующими элементами интегральной территориальной структуры районов выступают социально-экономические центры. Исходя из особенностей существующей географической терминологии [Алаев, 1983, с. 73], они —

одновременно «очага» и «фокусы», поскольку не только распространяют свое влияние на периферию, но и являются центрами притяжения связей. С позиции социально-экономической географии необходимо подчеркнуть комплекс пый характер центров. На уровне исследования интегрального народнохозяйственного комплекса выделяются «народнохозяйственные центры». Промышленному, агропромышленному районированию соответствуют «промышленные» и «агропромышленные центры». В рамках концепции районных систем расселения широкое распространение получило понятие о «центрах расселения».

Одной из главных задач формирования аспектов исследования территориальных структур природопользования является разработка положения о сущности районов природопользования и о внутрирайонных центрах природопользования. С позиции антропогенного ландшафтоведения социально-экономические центры представлены классами селитебных и промышленных ландшафтов [М;илько,в, 1986, с. 65] и характеризуются наибольшей антропогенизацией.

В системе общественного воспроизводства между социально-экономическими центрами и зонами их влияния устанавливается определенная система материальных взаимоотношений, которая предопределяет специфичность использования природных ресурсов и условий. По целому ряду параметров она есть функция расстояния от социально-экономического центра. Следовательно, на формирование территориальной структуры природопользования существенное влияние оказывают не только качественные и количественные различия самих природных условий и ресурсов, но и общая экономическая ситуация страны и района, а также особенности экономико-географического положения конкретных территорий.

Внутри социально-экономических районов их центры взаимообусловливают друг друга различными видами связей. Материальной основой функционирования социально-экономических связей выступают «сети» — системы линейно-узловых инфраструктурных образований и «магистрали» — сети неместного значения — материальные предпосылки реализации территориального разделения труда. В последнее время особое значение для географических исследований приобретает выявление

процесса агломерирования сетей и магистралей, т. е. процесса сближенного, параллельного расположения сетей различного функционального профиля. Такие социально-экономические полимагистрали на территории районов выступают в качестве планировочных осей развития и обладают высоким агломерационным эффектом. Использование заложенных в них преимуществ является одним из существенных элементов территориальной организации народного хозяйства, но в то же время, относясь к классу дорожных ландшафтов, они выделяются высоким уровнем антропогени-зации, что вносит коррективы в их развитие.

Таким образом, дальнейшее развитие антропогенного ландшафтоведения и развертывание крупномасштабных социально-экономико-географических исследований, направленных на изучение процессов формирования территориальной организации производства, расселения, природопользования, усиливают интеграционные тенденции в советской географии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М., 1983.

2. Жекулин В. С. Историческая география: Предмет и методы. Л., 1982.

3. Методологические проблемы исследования основного социально-экономического района/Под ред. Ю. В. Поросенкова. Воронеж, 1979.

4. Мильков Ф. Н. Физическая география: Учение о ландшафте и географическая зональность. Воронеж, 1986.

5. Минц А. А. Экономическая оценка естественных ресурсов. М., 1972.

6. Решение II съезда Географического общества СССР//Изв. Все-союз. Геогр. о-ва. 1955. № 2.

7. Саушкин Ю. Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. М,, 1947.

8. Территориальная структура основного социально-экономического района: Вопросы теории/Под ред. Ю. В. Поросенкова. Воронеж, 1985.

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В 20-30-Х ГОДАХ XX ВЕКА[12]

В 1991 г. автор для учебных целей опубликовал монографию «История и методология географии», которая все последующие годы использовалась в учебном процессе на факультете географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета [20]. Введение в учебный процесс геофаков страны нового курса «Теория и методология географической науки» [4] позволило автору уже с общенауковедческих позиций более глубоко подойти к анализу процессов формирования теории социально-экономической географии.

Российская география на протяжении последних двух десятилетий переживает глубокий кризис. В связи с коренным изменением социальной структуры экономики и формированием принципиально иного механизма ее управления существенно сократился реальный общественный заказ на подготовку вузовских, в том числе и университетских географов. Приватизация производства и ослабление функций государственного управления, снижение масштабов и качества работ по территориальному планированию и проектированию обусловили сокращение спроса на специалистов по большинству направлений географической науки. В то же время подготовка географов широкого профиля, ориентированная на выпуск специалистов для средней и высшей школы, встречает все больше трудностей по причине сокращения контингента учеников и студентов, вызванного сложной демографической ситуацией, а также в связи с низкой конкурентоспособностью рабочих мест в системе образования по причине явно недостаточного уровня оплаты труда.

Среди современных географических наук, пожалуй, в наиболее сложном положении оказалась социально-экономическая география - единственная общественная географическая наука в системе «наук о Земле». Глубинные процессы, происходящие в современной российской рыночной экономике и российском

[12] Поросенков Ю. В. Формирование теоретических основ отечественной экономической географии в 20-30-х годах XX века / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - Воронеж, 2014. - № 3. - С. 116-127.

обществе все в большей степени ставят под сомнение адекватность таких базовых теоретических положений отечественной социально-экономической географии, как «географическое разделение труда», «экономический район», «территориальный производственный комплекс», на основе которых в течение многих десятилетий развивалась «районная школа» Н. Н. Баранского [17, 18, 24, 25, 27, 28, 29, 30]. В условиях современной рыночной экономики и сложного противоречивого процесса интеграции России в систему мирохозяйственных связей стало очевидной определенная несостоятельность сложившейся теории «географического разделения труда», что выступает одной из причин недостаточно глубокой проработки перспективной модели развития страны. В связи с глубокой трансформацией межрегиональных связей реально существовавшие «экономические районы» выпали из числа объектов территориального программирования, и страна в экономическом плане «рассыпалась» на десятки субъектов федерации. Сугубо в административно-управленческих целях были созданы федеральные округа, границы которых вызывают много вопросов и которые в целом ряде случаев вряд ли могут стать объектами полнокровного стратегического и оперативного управления. Трансформация экономических связей в определенной степени «обескровила» сложившиеся «территориальные производственные комплексы», вместо которых в общественно-экономических науках стало употребляться понятие «кластеры», в основе выделения которых лежат уже другие подходы.

По нашему мнению, современная российская социально-экономическая география находится на этапе коренной перестройки своей идеологии. Это связано, с одной стороны, с необходимостью ее более тесной интеграции в рамках отечественной и мировой географии, а, с другой, с необходимостью сохранения особого места в общей системе научного разделения труда. Для понимания этих процессов, вероятно, целесообразно вернуться к истокам формирования советской экономической географии в 20-30-х годах прошлого века. При этом невольно обращаешь внимание на определенную аналогию того прошлого и настоящего. В экономическом плане 20-ые годы XX в. - время перехода страны от рыночной, стихийно развивающейся капиталистической экономики к государственной

плановой, а для современного постсоветского периода - от экономики социалистического типа к современному рынку. При этом оба этапа характеризуются существенными изменениями в идеологии отечественной экономической географии.

Советская экономическая география при всем ее теоретическом отличии от дореволюционных работ стала их дальнейшим развитием, но на новом уровне. Конец XIX века - начало XX века характеризуется для России быстрым развитием производственных сил и глубокими сдвигами в отраслевой и территориальной хозяйственной структурах [16]. В этих условиях существенное оживление экономических и экономико-географических исследований явилось реализацией возникших в них общественных потребностей. К тому же благоприятные предпосылки для развития экономико-географических работ возникли в результате реорганизации правительственной статистики, проведения крупномасштабных исследований. В конце XIX века широкое распространение получает термин «экономическая география», хотя она была еще слабо дифференцирована от статистики, что вызывало довольно часто употребление таких терминов синонимов как «география» и «статистика».

Характерной особенностью российской экономической географии конца XIX века - начала XX века является преобладание работ, выполненных в духе отраслево-статистического направления. Такие исследования, посвященные анализу развития и размещения отдельных отраслей хозяйства, непосредственно отвечали задачам их управления, запросам частных фирм и отраслевых государственных ведомств. Методология таких исследований была обоснована В. Э. Деном (1867-1933 гг.) - профессором кафедры экономической географии экономического отделения Петербургского политехнического института. Он разработал первый в России вузовский курс экономической географии [2].

По мнению В. Э. Дена, основная цель экономической географии заключается в изучении современного состояния отдельных отраслей хозяйственной жизни в их географическом распространении, изучении физических и культурных условий, влияющих на каждую из отраслей. Такой подход требует широкого применения сравнительно-исторического метода и изучения общественных отношений, возникающих на почве

хозяйственной деятельности, исследования сложившихся форм хозяйства. Поэтому, по мнению В. Э. Дена, экономическая география - экономическая наука, составная часть политической экономии как науки о народном хозяйстве. Слова В. Э. Дена о том, что в центре исследования экономической географии должен быть не товар, а человек, его хозяйственная деятельность в системе общественных отношений приобрели особую значимость уже в конце XX века по мере усиления социального фактора в отечественной экономической географии [20].

Таким образом, В. Э. Ден впервые определил сущность экономической географии как географии по изучению отдельных отраслей хозяйственной жизни. В начале XX века В. Э. Ден опубликовал целую серию таких работ. В связи со спецификой хозяйственной структуры России наиболее представительными были отраслево-статистические исследования сельского хозяйства, среди которых особенно выделяются работы А. Ф. Фортунатова, А. И. Скворцова, причем первый из них стоял на позиции единства экономических и географических исследований, употребляя термины «статистика» и «география» как синонимы [20].

В российской географии конца XIX - начала XX веков, помимо изучения отдельных отраслей хозяйства, сложилась и региональная география, тесно связанная еще с середины XIX века (К. И. Арсе-ньев) со страноведением, а в прошлом с описательным государствоведением. Основоположником отечественной региональной экономической географии стал общепризнанный лидер российской географии П. П. Семенов-Тян-Шанский (18271914 гг.). Будучи многолетним руководителем Центрального статистического комитета Российской империи П. П. Семенов-Тян-Шанский обосновал объективную схему экономического районирования России [26]. В 1880 г. в первом томе «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России», посвященном Центральной земледельческой области, он выделил 19 реально существовавших областей (экономических районов). В основу их выделения был положен комплексный подход с учетом не только различий в специализации хозяйства, природных предпосылок, но и особенностей этнического состава населения и специфики исторического развития. Впоследствии такой подход получил широкое распространение в публикациях региональных монографий. П. П. Семенов-Тян-Шанский был

редактором страноведческого издания «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». До 1914 г. вышло 11 томов по выделенным им основным областям (экономическим районам) Европейской России, Западной Сибири, Туркестану и Киргизскому краю.

Таким образом, специфической особенностью российской географии конца XIX - начала XX веков была весьма слабая интеграция отраслевой и региональной частей экономико-географических исследований. Еще в середине XIX века П. П. Семенов-Тян-Шанский под географией - в широком смысле этого слова - понимал систему из четырех самостоятельных наук: математическая география, физическая география, этнография и статистика. Под последней в те годы понимали и экономическую географию, поскольку сам термин «экономическая география» получил широкое распространение лишь в конце века [20]. Такой подход получил развитие и во взглядах Д. Н. Анучина, который понимал географию как науку, всесторонне изучающую поверхность Земли. По его мнению, в географии исторически сложилось четыре отдела: 1) астрономическая (или математическая) география; 2) физическая география; 3) биогеография и 4) антропогеография - изучение численности населения, его плотности, расового и этнического состава. Обращает на себя внимание отсутствие в системе географических наук собственно экономической географии, которая тогда рассматривалась в системе экономических наук. Такой подход ставил под сомнение комплексность географии и возможности ее регионального синтеза. В 1915 г. в своей работе «Предмет и задачи географии» Л. С. Берг считал, что география - естественнонаучная дисциплина, а описание областей, выделяемых на основании административных или политических границ, является ненаучным [20]. Таким образом, российская география конца XIX - начала XX веков находилась на этапе интенсивного определения своих методологических основ, что не могло не сказаться на методологии советской экономической географии на начальном этапе ее становления.

Формирование государственной плановой экономики в СССР поставило перед отечественной экономической географией возможность принять самое активное участие в управлении развитием общественных процессов. Однако для реализации такой возможности была необходима коренная перестройка самой

экономической географии, поиск и развитие такого генерального направления исследования, которое в наибольшей степени отвечало бы решению возникших перед этой наукой задач. В эти годы необходимо было заниматься не только восстановлением разрушенного войной (I-ой Мировой и Гражданской) народного хозяйства, но и его коренной модернизацией рациональной территориальной организацией [3, 8, 9]. Необходимо заметить, что принципы рационального размещения производительных сил нашли свое обоснование еще в дореволюционных марксистских работах [15] и в последующих советских государственных и партийных документах.

Характерной особенностью становления советской экономической географии явился тот факт, что методология этой науки сформировалась в процессе выполнения прикладных проектных работ, выполненных Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО) и экономического районирования страны, проведенного Государственной плановой комиссией. В их работе приняло участие первое поколение специалистов, заложивших основы методологии советской экономической географии (И. Г. Александров, Г. О. Графтио, В. Н. Книпович, Л. Л. Никитин, Е. П. Шульгин) [7, 12, 13]. Кроме того, в разное время в госплановских работах участвовали В. Ф. Васютин, Н. Н. Колосовский, В. И. Лавров, Г. Н. Черданцев, В. М. Четыркин [1, 6, 11, 14, 21].

При всем различии их судеб и профессиональной деятельности можно выделить некоторые общие черты первой группы основателей экономической географии, которые не могли не отразиться на последующем развитии этой науки. Во-первых, все они не имели базового географического образования, поскольку в то время экономическая география не входила в систему географии. И. Г. Александров, Г. О. Графтио, Л. Л. Никитин, Н. Н. Колосовский по первоначальному высшему образованию были инженерами путей сообщения, В. Ф. Васютин, В. И. Лавров, Г. Н. Черданцев - экономистами, Б. Н. Книпович - юристом, В. М. Че-тыркин - инженером-технологом и математиком. Во-вторых, все они обладали богатым опытом планировочных работ. В-третьих, они на пике своей профессиональной деятельности занимали видные посты в системе государственного управления и планирования: В. Ф. Васютин - заместитель председателя Госплана, директор

Института экономических исследований Госплана СССР, а И. Г. Александров, Л. Л. Никитин, Н. Н. Колосов-ский, В. И. Лавров, Г. Н. Черданцев, В. М. Четыркин были сотрудниками Госплана СССР. В-четвертых, их преподавательская деятельность отражала широкий спектр профессиональных интересов и далеко не ограничивалась только географией.

Впервые в истории мировой науки еще при разработке плана ГОЭЛРО были обоснованы основные принципы территориальной организации производства в условиях плановой государственной экономики. При этом концепция была построена на основе комплексной сбалансированности отраслей народного хозяйства. В процессе электрификации страны и приоритетного развития топливной, металлургической промышленности и машиностроения создавались предпосылки для преобразования других отраслей промышленности и особенно сельского хозяйства как наиболее отсталого сектора экономики. На базе электрификации планировалось и формирование экономических районов, ядрами которых выступали «районные электростанции» и их системы. Для каждого из районов была составлена подробная программа исследования, нацеленная на определение рационального экономического профиля, оценку природных ресурсов, использование трудовых навыков, определение мероприятий по перспективам развития хозяйства [20].

В результате работы Госплана по экономическому районированию были обоснованы основные его принципы. 1. Каждый из экономических районов должен представлять крупный территориальный производственный комплекс с общесоюзной специализацией. 2. В основе экономического районирования должен лежать энергоэкономический принцип; каркасом районного хозяйственного комплекса выступает система закольцованных «районных» станций. 3. Каждый экономический район в общесоюзном масштабе специализируется на тех производствах, которые в нем наиболее выгодны; местные отрасли хозяйства развиваются лишь в целях обеспечения потребностей общесоюзных отраслей, снабжая население дешевыми и мало транспортабельными продуктами. 4. Районирование необходимо для рационализации грузовых перевозок и выступает основой проектирования схемы электрификации транспортных магистралей, которые выступают в качестве районообразу-ющих

«осей». 5. Районирование является перспективным, то есть границы районов и территориальная организация производительных сил составляются с учетом перспективных направлений развития техники и производства. 6. В процессе экономического районирования решаются проблемы социального и культурного развития территорий, поэтому при определении границ учитывается тяготение территорий к крупным культурным и промышленным центрам. 7. Выдерживается принцип единства экономического и административного районирования [20]. В целом же такой подход был принят в качестве официальной доктрины государственной власти в сфере планирования и управления народным хозяйством и на многие годы стал методологической основой советской экономической географии.

В самом начале 20-х годов общественная значимость экономической географии резко возросла. Это подтверждалось не только активным участием специалистов в предплановых и плановых работах, возросшим объемом научных исследований, но и особым положением экономической географии в системе высшей школы. С 1921 года экономическая география стала входить в обязательный минимум учебных курсов всех вузов страны вне зависимости от их профиля. В немалой степени это было связано с тем, что в советской системе вузовского образования того времени еще не сложилась номенклатура обязательных общественных дисциплин и экономическая география как составная часть политической экономии могла донести до студентов информацию о тех значительных экономических и социальных переменах, которые происходили в стране.

Важнейшей задачей 20-х годов выступало формирование научных и вузовских центров подготовки экономико-географов. Еще в 1918 году при КЕПСе Академии наук был создан отдел промыш-ленно-географического изучения России. В Петроградском Географическом институте существовала кафедра экономической географии, которая сохранилась в 1925 году, когда институт был включен на правах географического факультета Ленинградского университета. Этой кафедрой последовательно заведовали профессор В. Э. Ден и его ученики: Г. А. Мебус и М. П. Богданчиков. В 20-ые годы возникли вузовские центры подготовки эконо-мико-географов в Москве. В элитарном Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова,

созданном для подготовки высших партийных, советских и хозяйственных работников, существовала кафедра экономической географии, которой с 1921 года по 1925 год заведовал Н. Н. Баранский [23]. В 1926 году была организована кафедра экономической географии во втором Московском государственном университете (впоследствии пединститут им. В. И. Ленина), которой заведовал С. В. Бернштейн-Коган [19]. В 1929 году по решению партийной организации студентов географического отделения физико-математического факультета в Московском университете была создана кафедра экономической географии, которую возглавил Н. Н. Баранский и который привлек к работе на ней известных специалистов в этой области. Кроме того, центры экономико-географической мысли возникли в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, редакции Большой Советской энциклопедии, в Коммунистическом университете трудящихся Востока, во Всесоюзном Ленинградском коммунистическом университете. С 1929 года сложилась большая группа экономико-географов при Институте марксизма. В стране началось формирование и периферийных кадров экономико-географов. Например, в это время начинается деятельность в Иркутске, а потом и в Воронеже - К.Н. Миротворцева [5].

В то же время в первой половине 20-х годов «госплановская методология» экономической географии еще не проникла в вузовскую науку, где широкое распространение имели научные школы, сложившиеся в предреволюционное время (страноведение, антропогеография, отраслево-статисти-ческое и номографическое направления, школа аграрной географии). Отечественная (как и мировая) география начала XX века испытывала определенные сложности в обосновании адекватной теории взаимодействия природы и общества, что не могло не отразиться на развитии страноведения и антропогеографии. Российское страноведение всегда строилось на комплексной характеристике стран и районов, но с конца XIX века усиливается ландшафтный подход, и некоторые исследователи видели в нем истинный объект географии. Например, по мнению Л. С. Берга в рамках сложившегося научного разделения труда экономическая география должна описывать ландшафт с точки зрения его хозяйственной жизни [20]. Такой подход резко сужал

исследовательское поле географии. С. В. Бернштейн-Коган правильно считал, что целью экономической географии выступает экономическое страноведение и поэтому в основу ее теории должно быть положено понятие экономического района. По его мнению, необходимо было разработать типологию экономических районов на основе учета ландшафтно-географи-ческих условий, населенности и обеспеченности минеральными ресурсами [20]. Если с позиции современной географии такой частный подход к типологии экономических районов вполне допустим, то в 20-ые годы XX века он воспринимался как несовместимый с госплановскими принципами.

Российское антропогеографическое направление представляло исследование населения и расселения, но, в первую очередь, через призму влияний природной среды, что в условиях победившей марксистской идеологии воспринималось как отголоски чуждой «буржуазной» идеологии. Не случайно разгром антропогеографии в 20-х годах XX века привел к тому, что географические исследования населения, но уже на марксистской основе, в стране возобновились лишь в конце 40-х -начале 50-х годов. Представители номографического направления (это название дал в 1921 году А. В. Чаянов - выдающийся экономист-аграрник, исследователь проблем крестьянской экономики и кооперации крестьянских хозяйств, основатель первого в стране Института сельскохозяйственной экономики, был репрессирован в 1937 году, а потом посмертно реабилитирован) основную задачу экономической географии видели в открытии законов размещения производства, установлении количественных отношений между территориальными хозяйственными явлениями. В этой связи они серьезное внимание уделяли штандортным теориям, получившим развитие в немецкой географии со второй половины XIX века. В 20-ые годы в нашей стране сложилась сильная школа аграрников-экономистов и экономико-географов. Это прежде всего сотрудники кафедры экономической географии Московской Тимирязевской сельскохозяйственной академии (А. А. Рыбников, Б. Н. Кни-пович, Н. П. Макаров, А. Н. Челинцев). Они занимались проблемами общей теории экономической географии и сельскохозяйственного районирования [22, 20]. Поскольку разработанные ими в эти годы концепции перспективного развития сельскохозяйственного производства страны и особенно

его кооперирования не совпали впоследствии с официальной программой социального переустройства деревни, этот научный подход оказался не реализованным, и географические исследования сельского хозяйства в основном стали носить локальный, крупномасштабный характер и не касались решения крупных государственных программ. Сильные позиции в вузовской экономико-географической науке первой половины 20-х годов принадлежали представителям отраслево-статистического направления ленинградской школы В. Э. Дена.

Становление марксистской концепции экономической географии с ее районным направлением относится ко второй половине 20-х годов XX века. Одним из ее создателей в сфере вузовского специального образования стал Н. Н. Баранский, который занял особое место среди крупнейших географов 20-х - 30-х годов. Профессиональный революционер с большим стажем подпольной работы он в 1914 году (в возрасте 33 лет) окончил факультет банковского и страхового дела в Московском коммерческом институте (впоследствии Институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова), работал в Главном комитете земского и городского союзов (Земгор), после революции выполнял ответственную работу в Высшем Совете Народного Хозяйства, в 1921-1925 годах был членом Коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции. В конце 1921 года он организовал кафедру экономической географии в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова, который был главной высшей школой партийных кадров страны. В 1926 году Н. Н. Баранский опубликовал первый учебник по экономической географии, написанный с марксистских позиций - «Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана». Н. Н. Баранский рассматривал экономические районы в качестве географического синтеза хозяйственных комплексов, населения и природных предпосылок, во взаимодействии внутренних и внешних производственных связей. Эта работа положила начало формированию принципиально нового направления в советской экономической географии - «районной школы Н. Н. Баранского». С этого времени началась активная борьба Н. Н. Баранского и его союзников за становление новой методологии советской экономической географии. В 1926 году на конференции преподавателей экономических дисциплин Н. Н. Баранский и В. А. Тутыхин выступили с сильнейшей критикой

отраслево-статистического направления. Новое научное направление было поддержано Н. Н. Колосовским и И. А. Витвером [27, 30]. Происходило постепенное изменение взглядов у географов старшего поколения. В то же время, естественно, сохраняются и старые взгляды на экономическую географию как на сугубо экономическую науку.

По мнению Ю. Г. Саушкина, конец 20-х - начало 30-х годов был одним из самых продуктивных периодов в истории советской экономической географии [27]. Программа кардинального социально-экономического преобразования страны была заложена в документы первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 19281932 годы. Активное развитие в его составлении приняли и экономико-географы. Так, районный том был составлен под руководством Л. Л. Никитина и заложил перспективы географического разделения труда на основе системы экономических районов и районных хозяйственных комплексов. Советские экономисты и экономико-геогра-фы выступали пионерами проектирования «районных производственных комбинатов». В 1927 году И. Г. Александров разработал проект Днепростроя (ДнепроГЭС в Запорожье) и обосновал его значение для развития Южного горнопромышленного района. Позднее И. Г. Александров выступил с идеей строительства крупных комбинатов в целом ряде районов страны. Н. Н. Коло-совский в работе «Будущее Урало-Кузнецкого комбината» дает обоснование грандиозного межрайонного территориально-производственного комплекса на востоке страны. С идеей строительства крупного «промышленного комбината» на Кольском полуострове выступил А. Е. Ферсман. С. В. Бер-нштейн-Коган принял активное участие в разработке комплексных проблем Большой Волги.

Таким образом, к концу 20-х годов были заложены основы марксистской теории экономической географии. Ядром ее выступало представление об экономическом районе как объективно существующем образовании, являющемся результатом длительного формирования, охватывающем все сферы народного хозяйства и выступающем основным объектом территориального планирования и управления страны. В целом такой подход соответствовал уже сложившимся теоретическим представлениям. Например, еще в предреволюционный период некоторые специалисты считали, что как для региональной физической географии ландшафт выступает в

качестве базового понятия, так и в экономической географии таким понятиям должен стать экономический район. Учение об экономическом районе на многие десятилетия стало основой методологии советской экономической географии. Не даром некоторые специалисты считали районирование основой теории всей экономической географии. Важнейшей заслугой «районной школы Н. Н. Баранского» стала интеграция экономической географии в систему географических наук. Это открывало новые возможности для выполнения комплексных страноведческих (региональных) экономико-географических исследований и подготовки специалистов такого профиля. Поэтому методология и методика Н. Н. Баранского впоследствии легла в основу выполнения большого числа работ по экономико-географическому страноведению.

В то же время как глубинная сущность понятия «экономический район», так и конкретные исторические условия его теоретической разработки и внедрения в систему научных исследований предопределили впоследствии достаточно сложные проблемы и характерные особенности отечественной экономической географии. Прежде всего это касается специфики ее размежевания с исследованием отдельных отраслей хозяйственной деятельности. Излишняя политизация такой борьбы, ярлыки «деновщина», «отраслево-статистичес-кое направление» на многие годы сделали невозможным географическое исследование отдельных отраслей хозяйственной жизни, которое стало объектом экономической науки. Как сам В. Э. Ден, так и его ученики приняли активное участие в планировании хозяйства страны, хотя и в отраслевом разрезе. Когда в 50-60-ые годы XX века в советской экономической географии стали формироваться география промышленности, сельского хозяйства, транспорта, то они получили в виде пограничных наук уже существующие экономики отраслей промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Разрыв с экономистами, несомненно, снизил научный потенциал районной школы. Можно напомнить, что формирование ландшафтоведе-ния в физической географии вовсе не разорвало связи с науками, изучающими отдельные компоненты географической среды.

Сильная сторона районной школы - тесная связь с территориальным планированием в то же время несла в себе потенциальные угрозы для экономической географии, ставила ее в

большую зависимость от экономической и политической конъюнктуры. Конечно, идея экономических районов как планово формируемых и развивающихся «территориальных комбинатах» соответствовала духу государственной плановой экономики, однако вся история последующего развития советской экономики в сфере ее управления знаменовалась явно неодинаковым соотношением отраслевого и территориального управления. В экстремальных условиях при решении стратегических задач территориальное управление нередко отодвигалось на периферию механизма хозяйственного управления, что не могло не отражаться на состоянии экономической географии как науки.

Абсолютизация «объективности» экономического района и принципа «единства экономического и административного деления» обеспечивало все более глубокое изучение внутреннего строения районов, участие их в территориальном разделении труда, но по мере накопления таких работ выявило и ряд трудностей. Такое понимание закрывало дорогу для проведения различных частных, отраслевых видов районирования, позже сводило все проблемы к определению «правильности» и «неправильности» их границ, ставило в тупик теорию по мере разработки разных авторских и ведомственных сеток районов. Позже такой подход превратился в кредо советской экономической географии в отличие от «буржуазной» географии, которая исходила из субъективности выделения районов в зависимости от целей их исследования.

Весьма противоречивым было развитие экономической географии в 30-ые годы [3, 10]. Формирование преимущественно отраслевого командно-административного механизма управления советской экономикой, ликвидация крупных экономических районов как единых экономических и административно-территориальных единиц, резкое усиление догматизма в общественных науках, все большее сужение объективной информации об экономических и социальных процессах в стране поставили экономическую географию в сложное положение.

В 30-ые годы происходит падение общественного интереса к проблемам экономического районирования и рационального размещения производительных сил в целом [20, 27, 30]. Например, во втором пятилетнем плане развития народного хозяйства страны на 1933-1937 годы были поставлены конкретные задачи по

улучшению территориальной организации производства, однако в итогах выполнения второй пятилетки в 1939 году уже нет ни слова об экономических районах и размещении производительных сил. Естественно, что формирование районных хозяйственных комплексов происходило и в 30-ые годы, однако ведом -ственный централизм игнорировал многие объективно складывающиеся производственные связи, что приводило к нерациональным перевозкам и различным как общесоюзным, так и районным диспропорциям в структуре народного хозяйства. Устранение непроизводительных дальних перевозок и обеспечение комплексности развития хозяйства по основным экономическим районам страны фигурирует в качестве задач третьего пятилетнего плана, но первостепенное значение в предвоенной ситуации приобретает лишь строительство предприятий-дублеров на востоке страны [10].

Резкое падение интереса к проблеме комплексной территориальной организации производства отметил Н. Н. Колосовский в 1938 году, когда писал: «За последние десять лет в сущности не появилось ни одной серьезной научной экономико-технической работы по вопросам размещения производительных сил. Отсутствие детально разработанной теории размещения при практическом проектировании предприятий приводило в ряде случаев к делячеству и к ошибкам в размещении предприятий» [30]. Однако такая ситуация вовсе не исключала появление работ с резкой критикой «буржуазных» концепций размещения производства. Сложившаяся отраслево-ведомственная система управления советской экономикой формировала общественный интерес к вопросам теории размещения отдельным (особенно базовых) отраслей народного хозяйства. В 1929-1933 годах выходят пять выпусков «Большого Атласа промышленности СССР», которые дали детальную информацию о размещении промышленности того времени. Среди узкоотраслевых экономических работ необходимо, прежде всего, отметить «Атлас энергетических ресурсов СССР» (1933-1935 годы), монографию «Энергетические ресурсы СССР» (19371938 годы) и работу ученого-экономиста А. Е. Пробста «Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР» (1939 год), выполненную на основе его докторской диссертации.

Тридцатые годы характеризуются и резким обострением идеологической борьбы в экономической географии. Критика

традиционных «буржуазных» направлений, формирование марксистской методологии в экономической географии, определение места этой науки в системе научных исследований - все это способствовало идеологизации экономической географии. Значительное влияние на этот процесс оказало обострение в стране классовой борьбы, общая обстановка критического пересмотра научных идей. В конце 30-х годов обострение идеологической борьбы в экономической географии обернулось репрессиями против ряда видных ученых [20].

Положение экономической географии в качестве одной их ведущих учебных дисциплин в системе вузовского образования и в то же время дефицит достаточно подготовленных кадров вызвали широкий приток молодых специалистов из смежных областей обществоведения, плохо представляющих саму сущность географических исследований. Выступая против вульгарного геогра-физма, они в то же время отрицали возможность развития экономической географии в системе географических наук и рассматривали ее в качестве «конкретизированной политической экономии». Наиболее крайние из них отрицали специфичность географического метода исследования, необходимость исторического анализа территориальных связей между природой, населением и хозяйством. Отсутствие научных знаний в области географии часто прикрывали громкими политическими фразами. Это направление в экономической географии, имевшее определенную политическую окраску, получило название «леваков» («левый уклон» в географии в отличие от «буржуазных» направлений - «правого уклона») [30].

С резкой критикой «левацкого» направления в экономической географии выступили Н. Н. Баранский и В. Ф. Васютин. Н. Н. Баранский еще в 1926 году указал на опасность формирования «географического нигилизма», который выражался в отрыве экономической географии от географических наук. «Леваки» обвинили Н. Н. Баранского в геттнерианстве, использовав факт публикации под его редакцией известной работы А. Геттнера «География, ее история, сущность и методы». В первой трети 30-х годов угроза «географического нигилизма» стала столь реальной, что в декабре 1932 года директор Института экономических исследований Госплана СССР В. Ф. Васютин выступил в Коммунистической академии с программным докладом

«Состояние и очередные задачи экономической географии», в которой обосновал необходимость борьбы на «два фронта» - против буржуазных теорий и против «левачества», поскольку в результате «левацких» извращений отдельные экономико-географы стали сомневаться, нужна ли вообще экономическая география [20, 30]. В целом же возникла ситуация, когда под лозунгом борьбы против правого уклона была нарушена преемственность развития дореволюционных и советских экономико-географических исследований, а вследствие борьбы против левого уклона ослабли связи экономической географии с обществоведением. Тогдашнее понимание системы научных исследований игнорировало формирование пограничных наук, к числу которых относилась и экономическая география, которая развивалась на стыке экономических и географических наук. А предубеждение «истинных» экономико-географов против «экономистов» долгие годы наблюдалось в нашей науке, как и определенное противостояние московской и ленинградской экономико-географических школ.

Отмеченные негативные особенности развития советской науки не могли не отразиться на качестве региональных экономико-географических исследований. В середине и во второй половине 30-х годов появились капитальные академические работы - «Большой Алтай», «Большой Джезка-ган», «Большая Эмба», «Караганда - третья угольная база Союза», в которых характеризовались крупнейшие новостройки страны, однако идея районных хозяйственных комплексов уже не находит в них свое воплощение, и на первый план выходят отраслево-ведомственные интересы.

Значительный объем экономико-географических исследований был выполнен в 30-ые годы сотрудниками хозяйственных, плановых и проектных организаций, особенно Госплана СССР (Н. Н. Колосовский, Л. Л. Никитин, А. И. Лаврищев, В. Ф. Васютин и другие). Появляются первые экономико-географические работы в духе районной школы (Г. Н. Черданцев «Казахстан», 1930; М. И. Помус «Бурят-Монгольская АССР. Экономико-географическая характеристика», 1937) [30]. Таким образом, в 30-ые годы советская экономическая география развивалась как в направлении формирования территориальной организации производства, так и в плане конкретного исследования отдельных отраслей народного хозяйства, республик, районов страны и некоторых зарубежных стран.

Серьезной проблемой экономической географии и географии в целом в 30-ые годы выступало создание системы кадрового потенциала. Самую активную роль в этом сыграл Н. Н. Баранский как признанный авторитет в этой области и тесно связанный с советско-партийным руководством страны [23]. 15 мая 1934 года было принято постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР», реализация которого сформировала новую ситуацию в экономической географии. 14 июля 1934 года вышло постановление Президиума Комитета по высшему техническому образованию при ЦИКе о преподавании экономической географии в высших учебных заведениях [30]. Необходимость данных постановлений вызывалась крайне неудовлетворительным состоянием преподавания экономической географии и географии в целом. При этом основными недостатками преподавания экономической географии выступали абстрактность, дублирование теории империализма, политической экономии и отраслевых экономик, перегрузка статистико-экономическим материалом, игнорирование карты.

Постановление Президиума Комитета по высшему техническому образованию определило, что основное содержание экономической географии должно даваться в районном изложении и что в центре внимания этой науки должны быть вопросы размещения производительных сил и экономического районирования. Следовательно, эти постановление как бы создали «правовую основу» районного направления в советской экономической географии. Постановления 1934 года дали мощный толчок развитию вузовской и школьной географии, определив на многие годы главный вектор ее развития. В плане реализации постановления в 1934 году был основан научно-методический журнал «География в школе», главным редактором которого стал Н. Н. Баранский и где активно сотрудничали все выдающиеся географы того времени. Н. Н. Баранский, И. А. Витвер и Л. Я. Зиман создали высококачественные школьные учебники по экономической географии. Формирование сети географических факультетов в университетах и пединститутах страны в качестве одной из важнейших задач развития экономической географии потребовало решение проблемы кадров. Исключительное значение приобрела аспирантура, особенно на геофаке МГУ, который

становится признанной кузницей кадров. Такая централизованная массовая подготовка высококвалифицированных специалистов явилась базой формирования районного направления советской экономической географии, возглавляемого Н. Н. Баранским.

Научная школа Н. Н. Баранского рассматривала экономическую географию как составную часть общей системы географических наук, то есть в тесной связи с физической географией и картографией. Н. Н. Баранский выдвигал на первый план изучение проблем территориального общественного разделения труда, которое требует органического единства в исследовании процессов территориальной организации общества и его исторического развития. Закладывая основы районного направления экономической географии, Н. Н. Баранский не отрицал правомерности географического исследования отдельных отраслей народного хозяйства, а был лишь противником их формально-статистического описания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алампиев П. М. В. Ф. Васютин / П. М. Алампи-ев, В. Г. Удовиченко / Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 272-275.

2. Вольф М. Б. В. Э. Ден / М. Б. Вольф // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 202-207.

3. Гладкий Ю. Н. Основы региональной политики : учебник / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. - Санкт-Петербург : Издательство Михайлова В. А., 1998. - 659 с.

4. Теория и методология географической науки : учебное пособие / М. М. Голубчик [и др.]. - Москва : Владос, 2005. - 463 с.

5. Гришин Г. Т. К. Н. Миротворцев / Г. Т. Гришин // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 370-374.

6. Ерофеев И. А. В. И. Лавров / И. А. Ерофеев // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 275-279.

7. Заорская-Александрова В. В. Л. Л. Никитин / В. В. Заорская-Александрова, Г. Н. Черданцев // Экономическая и

социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 244-248.

8. История социалистической экономики СССР в семи томах. - Москва : Наука, 1976. - Т. 2 : Переход к НЭПу. Восстановление народного хозяйства СССР: 1921-1925 гг. - 479 с.

9. История социалистической экономики СССР : в 7 т. - Москва : Наука, 1977. - Т. 3 : Создание фундамента социалистической экономики в СССР: 1926-1932 гг. -535 с.

10. История социалистической экономики СССР : в 7 т. - Москва : Наука, 1978. - Т. 4 : Завершение социалистического преобразования экономики. Победа социализма в СССР: 1933-1937 гг. - 519 с.

11. Калашникова Т. М. Н. Н. Колосовский / Т. М. Калашникова // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва, Просвещение, 1987. - С. 235-244.

12. Колосовский Н. Н. И. Г. Александров / Н. Н. Колосовский // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 214-218.

13. Крючков В. Г. Б. Н. Книпович / В. Г. Крючков // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 284-290.

14. Лавров С. Б. В. М. Четыркин / С. Б. Лавров // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва, Просвещение, 1987. - С. 268-272.

15. Ленин В. И. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В. И. Ленин. - Москва : Гос. изд-во политической литературы, 1952. - 583 с.

16. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР / П. И. Лященко. - Москва : Гос. изд-во политической литературы, 1952. - Т. 2. Капитализм. - 732 с.

17. Отечественные экономико -географы XVIII -XX вв. / под ред. Н. Н. Баранского, Н. П. Никитина, Ю. Г. Саушкина. - Москва : Учпедгиз, 1957. - 328 с.

18. Очерки по истории географической науки в СССР. - Москва : Наука, 1976. - 190 с.

19. Покшишевский В. В. С. В. Бернштейн-Коган / В. В. Покшишевский // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. –с.254-259.

20. Поросенков Ю. В. История и методология географии / Ю. В. Поросенков, Н. И. Поросенкова . - Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1991. -224 с.

21. Преображенский А. И. Г. Н. Черданцев / А. И. Преображенский // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. -С. 264-268.

22. Ракитников А. Н. А. А. Рыбников / А. Н. Ракитников // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 259-264.

23. Саушкин Ю. Г. Н. Н. Баранский / Ю. Г. Саушкин // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. -Москва : Просвещение, 1987. - С. 218-235.

24. Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем / Ю. Г. Саушкин. - Москва : Просвещение, 1980. - 369 с.

25. Саушкин Ю. Г. История и методология географической науки (курс лекций) / Ю. Г. Саушкин. - Москва : Издательство Московского университета, 1976. - 423 с.

26. Саушкин Ю. Г. П. П. Семенов-Тян-Шанский / Ю. Г. Саушкин // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 171-177.

27. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю. Г. Саушкин. - Москва : Мысль, 1973. - 559 с.

28. Советская география: Итоги и задачи. - Москва : Гос. из-во географической литературы, 1960. - 635 с.

29. Экономическая география СССР / под ред. Н. Н. Баранского [и др.]. - Москва : Просвещение, 1965. - 663 с.

30. Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. -Москва : Просвещение, 1987. - 540 с.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В 40-50-Х ГОДАХ XX ВЕКА[13]

Отечественная экономическая (социально-экономическая) география, как, пожалуй, единственная общественная наука в системе географии, всегда наиболее остро реагировала на всякое существенное изменение социально-экономической и политической ситуации в стране, формируя свои теоретические подходы в соответствии с общегосударственными интересами. Поэтому этапы развития отечественной экономической географии в значительной степени совпадают с этапами общественного развития страны. В этом отношении 40-50-ые годы XX века - особый период развития советской экономической географии и охватывает временной отрезок Великой Отечественной войны 1941-1945 годы и послевоенного восстановления народного хозяйства. Именно этим во многом определяется как специфика фундаментальных, проектно-прикладных и отраслевых исследовательских работ, так и особенности занятости экономико-географов в учебных, научных и проектных организациях, а также формирование самого кадрового потенциала экономико-географов.

В годы Великой Отечественной войны все усилия советской географии (в том числе и экономической географии) были направлены на обеспечение потребностей фронта. Трагические для страны первые годы войны (1941-1942 гг.) потребовали коренного изменения отраслевой структуры хозяйства (перестройка его на военный лад и формирование мощного военно-промышленного комплекса), передислокации тысячи предприятий и миллионов советских граждан из оккупированных западных районов на восток, коренного изменения всей системы управления [12].

В этой связи необходимо особо отметить работу специалистов экономико-географов, занятых в военное время в сфере управления народным хозяйством. В основном, это представители первого поколения советских ученых, которые не получили в свое время специального географического образования (поскольку его

---

[13] Отечественная экономическая география в 40-50-х годах XX века / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2014 .— № 4. - С.142-149 .— 0,4 п. л.

и не было), а становились экономистами-географами в процессе своей профессиональной деятельности. Впоследствии некоторые из них переходили в систему географии на преподавательскую деятельность в вузах.

А. Н. Лаврищев (по своей вузовской подготовке гидрометеоролог) в предвоенное время работал в Госплане СССР начальником сектора водного хозяйства и начальником отдела капитальных работ, в марте 1941 года был назначен заместителем председателя Госплана и в период Великой Отечественной войны выполнял важные задания Государственного комитета обороны в области планирования и материально-технического снабжения, много сделал для укрепления военно-промышленной базы на востоке страны [1].

Н. Н. Колосовский, сыгравший значительную роль в становлении районной концепции советской экономической географии в 20-30-ые годы, по первоначальному вузовскому образованию - инженер путей сообщения, но ставший экономико-географом в процессе выполнения проектных работ. Во время войны в составе специальной комиссии АН СССР занимался решением проблем размещения оборонной промышленности на Урале. В 1942 году Н. Н. Колосовскому за работу «О развитии народного хозяйства Урала в условиях войны» была присвоена Государственная премия [6, 14, 18].

В. Ф. Васютин, ставший одним из руководите -лей Госплана СССР, по своему первоначальному образованию был экономистом: в 1930 году он закончил экономическое отделение Института красной профессуры. В предвоенный период В. Ф. Васютин возглавил отдел размещения производительных сил и союзных республик Госплана. После заведовал кафедрой экономической географии и размещения производительных сил во Всесоюзной плановой академии Госплана СССР и отделом экономической географии в Институте географии АН СССР. Во время войны В. Ф. Васютин был руководителем Московского отделения ИГАН, выполняющего спецработы, заместителем председателя комиссии АН СССР по военно-географическому обслуживанию Красной Армии. В первые годы войны он работал начальником комплексной экспедиции АН СССР по размещению эвакуированных предприятий в восточных районах страны. В 1942-1945 годах по поручению Генштаба под руководством В. Ф.

Васютина было подготовлено многотомное издание военно-географических и экономических описаний территории фронтов по СССР и многих зарубежных стран [13].

Аналогичными работами по обоснованию схем развития и размещения производительных сил страны и ее регионов в годы войны занимались и другие отечественные экономико-географы: Л. Л. Никитин, М. И. Помус, М. С. Розин, К. М. Попов, А. Е. Пробст. В годы войны Л. Л. Никитин работал в СОПС'е, а потом в ИГАН СССР. В конце 1944 года он был приглашен Госпланом Эстонской ССР для организации Научно-исследовательского института экономики и, работая в нем, написал экономико-географическую характеристику Эстонии [11]. М. И. Помус во время войны руководил сибирской группой ИГАН'а по выявлению возможностей промышленного развития населенных пунктов восточных районов страны и размещения в них эвакуируемых предприятий [17].

М. К. Розин занимал ответственные должности в Комитете по делам геологии при СНК СССР, а позднее в Министерстве геологии СССР [23]. К. М. Попов в годы войны работал в качестве эксперта в системе внешней торговли и в 1942 году дал обзор Тихоокеанского театра военных действий [16]. А. Е. Пробст во время войны работал в комиссии по мобилизации на нужды обороны ресурсов Урала, Сибири и Казахстана, был руководителем топливной группы этой комиссии. За работу по развитию топливного хозяйства Урала во время войны он был удостоен государственной премии [2].

В целях сохранения научного потенциала страны большая группа отечественных экономико-гео-графов во время войны была эвакуирована в восточные районы, где они продолжали свою профессиональную деятельность. В этом отношении весьма показательна деятельность Н. Н. Баранского. В 1941 году Н. Н. Баранский уже в пенсионном возрасте как член-корреспондент АН СССР, наряду с другими учеными, уехал в Казань, потом в Алма-Ату, где в условиях больших бытовых трудностей создал сектор географии в Казахском филиале АН СССР, руководил составлением «Географии Казахстана», проводил большую лекционную деятельность. В эвакуации Н. Н. Баранский продолжает работу над проблемами методологии экономической географии. В 1944 году в журнале «География в школе» выходит

краткое резюме задуманной им книги - статья «Основные положения методологии и методики экономической географии», которая позволяет понять сущность его представлений об этой науке.

По мнению Н. Н. Баранского, душой географии выступает взаимодействие разнородных явлений в пространстве. Экономическая география изучает хозяйственное своеобразие страны или данного района в целом. Для каждой отрасли экономики, как считал Н. Н. Баранский, существует своя отраслевая дисциплина (экономика или статистика сельского хозяйства, промышленности, транспорта и т.д.), как в физической географии существует своя дисциплина для каждого элемента природы. Экономико-географическую характеристику страны или района, по Н. Н. Баранскому, необходимо изучать так, чтобы «ногами» она упиралась в землю (с геологией, геоморфологией, климатологией, почвоведением), «туловищем» проходила через историю, а «головой» упиралась в политику и идеологию. Будучи в Алма-Ате Н. Н. Баранский написал большую книгу «Очерки по методологии и методике экономической географии».

Она оказалась столь теоретически острой, что в урезанном виде была опубликована в 1946 году [4, 24, 25]. Таким образом, Н. Н. Баранский объектом исследования экономической географии считал хозяйственное своеобразие стран и районов, определял положение этой науки в системе географии, но с сохранением тесной связи с историей, политикой и идеологией, однако не мог предвидеть процесс будущей дифференциации экономической географии и формирования в ней большого числа отраслевых дисциплин.

Аналогична была судьба других старейших экономико-географов. Так, К. Г. Воблый во время войны вместе с АН Украины был эвакуирован в Уфу, где в 1943 году в сокращенном виде опубликовал коллективную работу «Народное хозяйство Советской Украины», в 1944 году в Москве на сессии АН УССР сделал доклад о перспективах размещения промышленности Украины после войны [21]. Г. Н. Черданцев в военные годы стал работать в Узбекском филиале АН СССР и занимался сельскохозяйственным районированием республики [20]. В. И. Лавров в годы войны, работая в ИГАН СССР, выполнял исследования о перспективах развития хозяйства Казахстана, а в

конце войны возглавил крупную экспедицию в Молдавию [10]. В. М. Четыркин во время войны работает в Ташкентском университете в должностях заведующего кафедрой экономической географии и декана факультета, совмещая преподавание с научно-исследовательской работой в Узбекском филиале АН СССР [27]. К. Н. Миротворцев в 1941 году в связи с угрозой оккупации Воронежа, где возглавлял кафедру экономической географии Воронежского госуниверситета, эвакуировался в г. Иркутск, где два с половиной года проработал в Иркутском государственном университете [9]. Значительный вклад в развитие отечественной экономической географии внесли ученые, прошедшие испытание в боевых действиях Великой Отечественной Войны (Л. Я. Зиман, Д. И. Богорад, В. В. Покшишевс-кий, И. Ф. Мукомель, В. Г. Давидович, Б. Н. Семевский, И. М. Маергойз, Ю. Г. Саушкин, В. А. Анучин, Г. И. Зардалишвили, А. А. Долинин, К. И. Иванов, А. М. Колотиевский, Г. Д. Кулагин, Е. Л. Шувалов и другие).

Важной задачей экономико-географов в послевоенное время явилось участие в обосновании плана восстановления разрушенного народного хозяйства, его демилитаризации, совершенствование системы его управления. Необходимость концентрации основной части ресурсов в системе общесоюзного управления определялась и «холодной войной» - противостоянием СССР и бывших союзников по антигитлеровской коалиции. Поэтому неизменно сохранялись внеэкономические подходы: оборонные соображения, формально понимаемые принципы комплексного развития, необходимости подъема отсталых регионов, что приводило к волюнтаризму, престижным устремлениям и субъективизму в управлении народным хозяйством [8, 13, 19]. Все это не могло не отразиться на развитии теории экономической географии и на тематике проводимых исследований.

Так, послевоенная «пятилетка» 1946-1950 годы была разработана на основе 13-ти экономических зон. Еще в предвоенное время (1938-1940 гг.) такая схема была разработана А. Н. Лаврищевым (под руководством председателя Госплана СССР академика Н. А. Вознесенского). Эта схема была одобрена правительством и положена в основу территориального планирования в военные годы и на протяжении второй половины 40-х и 50-х годов. По этой схеме А. Н. Лаврищев подготовил

монографию «Экономические районы СССР», за которую ученый совет географического факультета МГУ присудил ему ученую степень доктора географических наук. Однако теоретические основы этой работы явно отличались от методологии госплановского районирования, что невольно закладывало сомнение в объективности экономических районов. В сложных условиях послевоенного времени в основу выделения этих «экономических зон» была положена не общесоюзная их специализация, а принцип обеспеченности каждой зоны собственной топливно-энергетической, металлургической и машиностроительной базой, собственными строительными материалами, продукцией легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства, транспортными средствами [1, 19]. В определенной степени это напоминает более позднюю концепцию «опора на собственные силы», реализованную в КНДР.

В послевоенное время важнейшее значение приобретает дальнейшее развитие теории территориальной организации производства, экономического районирования и экономической географии в целом. Председатель Госплана СССР академик Н. А. Вознесенский обстоятельно проанализировал изменения в размещении производительных сил страны за годы Великой Отечественной войны. В 1947 году им была опубликована книга «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», которая была удостоена государственной премии. Через несколько лет Н. А. Вознесенский - академик АН СССР, Председатель Госплана СССР, заместитель Председателя Совета Министров СССР, член Политбюро ВКП(б) был репрессирован в рамках сфабрикованного «Ленинградского дела», был расстрелян, но в последствии посмертно реабилитирован [7, 19].

Обоснованием теории размещения социалистического производства активно занимались сотрудники Института экономики АН СССР. В это время в рамках института вопросами теории размещения производительных сил активно занимался Я. Г. Фейгин. В 1941 году вышла его монография «Размещение производительных сил СССР». В 1950-1956 годах сотрудники института под его научным руководством провели работу по изучению и разработке гипотезы развития и размещения производительных сил Дальнего Востока, которая была одобрена Госпланом СССР. В 1954 году вышла в свет фундаментальная

работа Я. Г. Фей-гина «Размещение производства при капитализме и социализме», в которой сделан акцент на обоснование закономерностей и принципов размещения социалистического производства. Работа имела широкий научный резонанс. Сформулированные автором закономерности и принципы размещения социалистического производства вошли составной частью в изданные впоследствии учебники и учебные пособия по экономической географии СССР для экономических вузов, а также стали научной основой исследования, выполненного под руководством Я. Г. Фейгина в секторе размещения социалистического производства Института экономики. По результатам исследования в 1960 году вышла обобщающая работа «Особенности и факторы размещения отраслей народного хозяйства СССР», где в первой главе Я. Г. Фейгиным рассматривались процессы взаимосвязей размещения отраслей хозяйства и развития экономических районов, общие закономерности и особенности географического размещения отраслей хозяйства, типы экономических районов, в том числе отраслевые и интегральные районы [26].

Изучением территориальной организации промышленности в отраслевом ее аспекте в первые послевоенные годы занимался П. Н. Степанов, который еще в 20-х годах участвовал в госплановских работах и которого Н. Н. Баранский привлек к работе организованной им кафедры экономической географии МГУ. В 1961 году вышла в свет монография П. Н. Степанова «География тяжелой промышленности СССР». Публикация книги

А. Е. Пробста «Размещение социалистической промышленности» (1962) совпала с подготовкой Госпланом СССР первой генеральной схемы размещения производительных сил. Ведущим теоретическим и методологическим центром в этой области стал СОПС (Совет по изучению производительных сил), свыше 30 лет в котором работал автор. Книга А. Е. Пробста стала основой исследования энергоэкономической характеристики районов, их типов, основных форм организации производства, «концентров» развития комплекса производств и роли транспорта в размещении производства [2].

В то же время серьезным препятствием для формирования научной методологии экономической географии, в том числе и экономического районирования являлись административно-

командные методы управления советской экономикой, ведомственный, а порой и произвольный характер принимаемых решений в условиях закрытости объективной информации и догматизма экономической науки. В этих условиях важное значение имели теоретические работы Н. Н. Баранского и Н. Н. Колосовского. В 1946 году опубликовано первое издание работы Н. Н. Баранского «Очерки по школьной методике экономической географии», которая потом неоднократно переиздавалась [5]. Значение этой работы далеко вышло за пределы собственно школьной методики, поскольку она определяла общие основы советской экономической географии. В последующем выходят такие обобщающие теоретические работы Н. Н. Баранского, как «Экономическая география», «Экономическая картография», «Экономическая география в средней школе», «Экономическая география в высшей школе».

Суть научных идей Н. Н. Баранского, его вклад в советскую географию и экономическую географию показал Ю. Г. Саушкин в историческом обзоре развития экономической географии, вышедшем через 2 года после смерти Н. Н. Баранского. Юлиан Глебович отметил ряд особенностей в творчестве Н. Н. Баранского. 1. Глубокий анализ взаимодействия природы и общества на основе марксистско-ленинской теории, научный метод учета природы при решении народнохозяйственных задач в их территориальном аспекте. 2. Марксистская разработка вопроса о географическом разделении труда как о «пространственной форме общественного разделения труда, характеризующейся разрывом между местом производства и местом потребления». 3. Установление ясных соотношений между пространственным (территориальным) и историческим аспектами в экономической географии.

4. Создание теории экономических районов как одной из центральных в экономической географии.

5. Создание географии городов как отрасли советской экономической географии. 6. Установление методологических принципов советского страноведения. 7. Вклад Н. Н. Баранского в становление экономической картографии, «пограничной» науки между экономической географией и картографией [24]. Через 22 года эти же выводы Ю. Г. Саушкин повторил в следующем

издании исторического обзора развития советской экономической географии [25].

В послевоенный период широкое распространение получили идеи Н. Н. Колосовского. Николай Николаевич Колосовский относился к числу тех ученых, у которых преподавательская деятельность основывалась на большой практической работе и богатом житейском опыте. За его плечами была большая и плодотворная работа по ГОЭЛРО, в Госплане СССР, в качестве заместителя академика И. Г. Александрова в управлении по комплексному исследованию Ангары, и он был одним из инициаторов проекта «Ангарстрой», разработки проекта Урало-Кузнецкого комбината. В 1931 году Н. Н. Колосовский был приглашен читать лекции на географическом факультете МГУ, с которым была связана его педагогическая и научная деятельность. В процессе своей педагогической деятельности он разработал учебный курс «Экономическое районирование СССР», который преподавал почти четверть века. Еще в 1945 году он создал оригинальную концепцию экономического районирования страны. На основании технико-экономического анализа и долгосрочного пятнадцатилетнего экономико-географического прогноза он выделил сетку из 26 крупных экономических районов. На первый план была выдвинута идея комплексного развития их хозяйства: «Добиться в экономических районах полной взаимной согласованности, комплексности и комбинирования между разными отраслями хозяйства - энергетикой, транспортом, водоснабжением, коммунальным хозяйством, металлургией, химией, сельским хозяйством в каждом районе - это значит получить невиданный новый рост производительности труда во всем Союзе...» [15].

Важное значение для советской экономической географии имела теория территориальных производственных комплексов, основы которой заложил Н. Н. Колосовский. В 1947 году в работе «Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии» Н. Н. Колосовский так определил сущность ТПК: «Производственным комплексом называется такое экономическое (взаимообусловленное) сочетание предприятий в одной промышленной точке или в целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного (планового) подбора предприятий в соответствии с

природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением» [15].

Концепция ТПК позволила исследовать внутренние, глубинные процессы районообразования и получила широкое распространение в экономико-географической и экономической литературе. В данной работе обосновывается и понятие об энергопроизводственных циклах как типичной совокупности производственных процессов, основанной на сочетании главных видов сырья и энергии. Выделенные им энергопроизводственные циклы, определяя сущность районных ТПК, позволили на принципиально новом уровне исследовать производственно-технологические связи и более широко использовать для характеристики экономических районов балансовый метод. Однако эта сторона концепции Н. Н. Колосовского была вначале воспринята далеко не всеми. В условиях широко распространенного догматического понимания сущности общественного производства прозвучали обвинения в квазиучености и техницизме. В декабре 1953 года во время обсуждения доклада Н. Н. Колосовского по вопросам экономического районирования на заседании Московского филиала Географического общества СССР у него случился приступ инфаркта, от которого он не смог оправиться и умер в ноябре 1954 года [6].

С течением прошедших десятилетий все эти сложные проблемы становления и развития отечественной экономической географии воспринимаются как закономерные, связанные с процессами формирования ее внутренней структуры и взаимоотношения с географическими и негеографическими науками. При этом особенно сложным представляется размежевание объектов и предметов исследования экономической географии и экономической науки, которое существенно обострилось во второй половине 50-х годов - 60-ые и 70-ые годы.

В первые послевоенные годы районное направление советской экономической географии реализует себя созданием порайонных экономико-географических монографий. Одной из наиболее значительных среди них была «Киргизия» С. Н. Рязанцева, выполненная по предложенной Н.Н. Баранским схеме описания госплановской области и ставшая «эталоном» всей вышедшей впоследствии «синей серии», названной так по цвету переплета.

Наметившиеся интеграционные процессы в географии, стремление к синтезу физико- и экономико-географических исследований, актуальные проблемы преобразования природы человеком отразила монография Ю. Г. Саушкина «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза» (1947 г.).

В 50-ые годы закладываются основы советской географии населения. Ее возрождение связано с широкой практикой градостроительства и районной планировки. В числе первых работ по городской тематике нужно назвать монографии К. И. С-пидченко «Города Кузбаса» (1947 г.), Р. М. Кабо «Города Западной Сибири» (1949 г.), Л. Е. Иофа «Города Урала» (1951 г.). Публикуется целая серия монографий о крупнейших городах нашей страны: Москве, Киеве, Ереване, Тбилиси, Воронеже и других. На стыке градостроительства, районной планировки и экономической географии проводит свои исследования В. Г. Давидович. Появляются первые работы по исследованию миграции населения, в частности монография В. В. По-кшишевского «Заселение Сибири (историко-гео-графические очерки)», 1951 году географические проблемы расселения населения СССР в военные и первые послевоенные годы рассматривал Н. И. Ля-ликов [19].

Усиление международных политических и экономических связей СССР обусловило потребность в дальнейшем развитии экономико-географического страноведения. Уже в первые послевоенные годы вышли в свет монографии И. А. Витвера о Великобритании, И. А. Витвера и А. Е. Слуки о Франции, И.М. Маергойза о Чехословакии, Э. Б. Ва-лева о Болгарии.

Итоги развития советской экономической географии в послевоенный период подвел второй съезд Географического общества СССР, который состоялся в 1955 году. Обобщая весьма значительный опыт экономико-географических исследований и различные точки зрения на сущность этой науки, резолюция съезда гласила: «Большое значение среди географических наук приобрела экономическая география, являющаяся общественной наукой, изучающей географическое размещение производства (понимаемого как единство производительных сил и производственных отношений), условия и особенности его развития в различных странах и районах» [22]. В рамках такого

подхода одной из сложнейших проблем стала интеграция географии, поскольку по существу под общим названием сложились принципиально разные науки, а экономическая география при такой трактовке была существенно ближе к экономическим наукам, нежели чем к физической географии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамеску А. А. Алексей Никитич Лаврищев (1909-1986) / А. А. Адамеску, В. В. Кистанов // Экономическая и социальная география в СССР : История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 406-409.

2. Алаев Э. Б. Абрам Ефимович Пробст (1903-1976) / Э. Б. Алаев // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 320-325.

3. Алампиев П. М. Василий Филиппович Васютин (1900-1979) / П. М. Алампиев, В. Г. Удовенко // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва :

4. Просвещение, 1987. - С. 272-275.

5. Баранский Н. Н. Моя жизнь в экономгеографии / Н. Н. Баранский. - Москва : Московский государственный университет, 2001. - 196 с.

6. Баранский Н. Н. Очерки по школьной методике экономической географии : пособие для учителей / Н. Н. Баранский. - Москва : Гос. учебно-метод. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1958. - 319 с.

7. Белоусов И. И. Николай Николаевич Колосовс-кий (1891-1954) / И. И. Белоусов // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие. - Москва : Просвещение, 1965. - С. 540-547.

8. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. - Москва : Большая российская энциклопедия, 1998. - 1456 с.

9. Гладкий Ю. Н. Основы региональной политики : учебник / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. - Санкт-Петербург : Издательство Михайлова В.А., 1998. - 659 с.

10. Гришин Г. Т. Клавдий Николаевич Миротворцев (1880-1950) / Г. Т. Гришин // Экономическая география в СССР: История

и современное развитие. - Москва : Просвещение, 1965. - С. 579-585.

11. Ерофеев И. А. Владимир Иванович Лавров (1886-1954) / И. А. Ерофеев // Экономическая география в СССР: История и современное развитие. - Москва : Просвещение, 1965. - С. 597-601.

12. Заорская-Александрова В. В. Леонид Леонидович Никитин (1884-1947) / В. В. Заорская-Александрова, Г. Н. Черданцев // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие. -Москва : Просвещение, 1965. - С. 442-446.

13. История социалистической экономики СССР : в 7 т. - Москва : Наука, 1978. - Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938-1945 гг. - 562 с.

14. История социалистической экономики СССР : в 7 т. - Москва : Наука, 1980. - Т. 6. Создание экономики развитого социализма. 1946 - начало 1960-х годов. -589 с.

15. Калашникова Т. М. Николай Николаевич Колосовский / Т. М. Калашникова // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 235-244.

16. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования / Н. Н. Колосовский. - Москва : Госполитиздат. 1958. - С. 96, 138.

17. Машбиц Я. Г. Константин Михайлович Попов (1900-1982) / Я. Г. Машбиц // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 466-470.

18. Назаревский О. Р. Моисей Исаакович Помус (1889-1980) / О. Р. Назаревский // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 341-345.

19. Очерки истории географической науки в СССР. - Москва : Наука, 1976. - 190 с.

20. Поросенков Ю. В. История и методология географии / Ю. В. Поросенков, Н. И. Поросенкова. - Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1991. - 224 с.

21. Преображенский А. И. Глеб Никонорович Чер-данцев (1885-1958) / А. И. Преображенский // Экономическая и

социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 264-268.

22. Пяртли К. П. Константин Григорьевич Воблый (1876-1947) / К. П. Пяртли // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 290-294.

23. Резолюция второго съезда Географического общества СССР // Известия Всесоюзного Географического общества. - 1955. - № 2. - С. 97.

24. Розина И. К. Марк Соломонович Розин (18981981) / И. К. Розина // Экономическая и социальная география в СССР : История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 463-466.

25. Саушкин Ю. Г. Николай Николаевич Баранский (1881-1963) / Ю. Г. Саушкин // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие. - Москва : Просвещение, 1965. - С. 511-540.

26. Саушкин Ю. Г. Николай Николаевич Баранский (1881-1963) / Ю. Г. Саушкин // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 218-235.

27. Удовенко В. Г. Яков Григорьевич Фейгин (19031973) / В. Г. Удовенко // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие : книга для учителя. - Москва : Просвещение, 1987. - С. 325-328.

28. Чертов Л. Г. Владимир Михайлович Четыркин (1892-1958) / Л. Г. Чертов // Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие. - Москва : Просвещение, 1965. - С. 574-578.

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В 60-80-Х ГОДАХ XX ВЕКА[14]

Представленная статья завершает авторский анализ исторических особенностей развития теории советской экономической (социально-экономической) географии. В двух предшествующих статьях были исследованы основные проблемы и особенности формирования советской экономической географии в 20-30-х годах XX века [44] и теоретические основы отечественной экономической географии в военный и послевоенный периоды - 40-х и 50-х годов XX века [45].

По мнению авторов, тщательное исследование процессов развития советской социально-экономической географии на ее классическом этапе имеет принципиальное значение для понимания тех проблем, с которыми столкнулась российская экономико-географическая наука. Все это ставит задачу анализа теоретико-методологических основ отечественной «советской» социально-экономической географии 60-80-х годов XX века для того, чтобы определить какие аспекты и положения ее теории, в принципе, не устарели и могут быть использованы в научных исследованиях нашей страны в первой половине XXI века.

Многие особенности развития советской социально-экономической географии 60-80-х годов XX века в немалой степени обусловлены спецификой экономического и общественного развития СССР в этот период. А объективная оценка этого сложного и противоречивого периода развития нашей страны - дело будущего, поскольку она сейчас осложнена непосредственными личностными впечатлениями. Так, осознанная профессиональная деятельность одного из авторов этой статьи полностью «укладывается» в это тридцатилетие, а для второго автора начало профессиональной деятельности как раз относится к 80-м годам.

Поэтому при всем старании к объективности наша оценка экономического и социального развития страны на этапе 60-80-х годов XX века неизбежно носит авторский характер. На протяжении

---

[14] Советская экономическая география в 60-80-х годах XX века / Ю. В. Поросенков, О. Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - 2015. - № 1. - С. 78-91.

этого тридцатилетия СССР - экономическая, военная и политическая супердержава, которая к этим годам завершила весь цикл своего развития, включающий подъем, стагнацию и упадок. Послевоенное восстановление хозяйства позволило стране уже в начале 60-х годов начать создание экономики «развитого социализма» [13]. Со второй половины 50-х годов политическая жизнь в стране постепенно освобождается от наиболее одиозных сторон сталинской модели социализма. Экономика страны сумела сделать значительный рывок вперед. На протяжении 70-х годов официальная идеология рассматривала модель «развитого социализма» как закономерный этап на пути к коммунизму [14], переход к которому, по декларации партийно-государственного руководителя страны Н. С. Хрущева, ожидался уже в 80-е годы XX века.

Однако в сфере производственных отношений исторически сложившаяся в довоенный, военный и послевоенный периоды командно-административная система управления проявила свою живучесть несмотря на неоднократные попытки ее реформирования. Так, в 1957-1964 годы была попытка реформы управления путем создания совнархозов - советов народного хозяйства [10]. Но при этом сохранились приоритеты ведомственно-отраслевого управления экономикой. Лишь некоторые управленческие функции были переданы на районный уровень. В стране возникло серьезное несоответствие административного и экономического районирования. На этой основе в руководстве страны возникло стремление обеспечить комплексность развития районов и республик, вплоть до их автаркии. Поэтому после ликвидации совнархозов в 1966 году понятие «территориальный производственный комплекс» вошло в важнейшие директивные документы, особенно в виде «программно-целевых комплексов» для вновь развиваемых территорий.

Ю. Н. Гладкий и А. И. Чистобаев в рамках периодизации региональной политики в бывшем СССР выделили как особый этап 1965-1985 годы [10]. Он прежде всего был связан с деятельностью Л. И. Брежнева как Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР. У экономистов либерального направления это время обозначено как «эпоха застоя». В отличие от «экспериментов» Н. С. Хрущева, которые имели тяжелые экономические последствия, в «эпоху Л.

И. Брежнева» преобладал консервативный подход в управлении экономикой страны. К тому же хозяйство СССР развивалось преимущественно экстенсивно, в том числе за счет массовой разработки природных ресурсов, особенно Сибири. Значительный экспорт энергоресурсов и другого сырья позволял использовать возросшие финансовые возможности страны не только для военного противостояния с США и НАТО, но и для роста благосостояния людей. К тому же СССР в тот период был еще не столь глубоко интегрирован в систему мировой рыночной экономики, что позволяло ему сравнительно легко парировать негативные последствия ее экономических кризисов.

В то же время уже тогда обозначилось все большее научно-техническое отставание СССР от передовых капиталистических стран, что в конечном итоге привело к стагнации отечественной экономики. Это стало результатом органического дефекта плановой государственной экономики вследствие отсутствия конкуренции на национальном рынке товаров и услуг. Однако этот вывод противоречил официальной идеологии и был достоянием ограниченного числа ученых и профессионалов. К тому же внешнее благополучие вызвало усиление догматизма в науках, изучающих экономическое и социальное развитие страны. Возникла иллюзия в полной управляемости всех экономических и общественных процессов, в потенциальной возможности решения всех проблем. Поэтому основные усилия науки в сфере территориальной организации хозяйства были направлены на обоснование идеальных схем отраслевой структуры и размещения хозяйства и населения на уровне как страны в целом, так и ее регионов. Это не могло не идеализировать представление об экономических районах, территориальных производственных комплексах, энергопроизводственных циклах и территориальных системах хозяйства и расселения.

Таким образом, неоднократные попытки корректировки отраслево-монополитического механизма управления советской экономикой в период 1957-1985 гг., направленные на некоторое усиление территориального подхода, расширения хозяйственных прав союзных и автономных республик, областей и краев, окончились неудачей [43]. Следствием явилось существенное ослабление территориального планирования и управления, падение реальной общественной значимости экономического районирования

страны. В то же время на уровне директивных государственных документов (решений партийных съездов, материалов пятилетних планов) неизменно подчеркивается необходимость совершенствования методов управления и организации советской экономики на основе рационального сочетания отраслевого и территориального подходов, планомерного и пропорционального развития хозяйства союзных республик и экономических районов. Такая двойственность, определенный разрыв теории и реальной практики хозяйствования не могли не отразиться на развитии советской экономической географии.

Важнейшей стержневой проблемой советской экономической географии 60-80-х годов XX века по-прежнему оставались вопросы интегрального экономического районирования страны. Наибольший интерес к этим проблемам сформировался в советском обществе в конце 50-х - начале 60-х годов в связи с тем, что XX съезд КПСС впервые в послевоенное время поставил задачу улучшения размещения производительных сил, формирования правильной специализации и комплексности развития экономических районов. Была сделана попытка перейти от отраслевого, ведомственного руководства экономикой к территориальному на основе экономических административных районов. В ходе обсуждения проекта Закона о совнархозах были высказаны идеи, которые потом были фундаментально и системно изложены в научных публикациях, но которые, к сожалению, потом так и не были реализованы в практике территориального управления хозяйством [10].

Экономическая география активно реализовала этот общественный заказ. В конце 50-х - в 60-е годы вышла целая серия крупных обобщающих исследований по теоретическим проблемам экономического районирования (Н. Н. Колосовский, Ю. Г. Саушкин, П. М. Алампиев, Л. Н. Телепко, В. В. Кистанов, Э. Б. Алаев, В. М. Четыркин, А. М. Колотиевский) [22, 23, 48, 3, 4, 51, 17, 16, 2, 59, 24]. Однако уже в 70-е и 80-е годы в связи с резким усилением отраслево-монополистического руководства народным хозяйством интерес к проблемам интегрального экономического районирования был потерян настолько, что реальная экономическая ситуация подчас ставила под сомнение саму объективность существования районов. В этой связи исследование проблем экономического районирования в большей степени

приобрело академический характер и потеряло массовость. Среди наиболее значительных работ этого времени можно отметить исследования И. И. Белоусова [7], А. И. Чистобаева [60] и Т. М. Калашниковой [15].

Географические исследования в области интегрального районирования по самой сути изучаемых процессов были тесно связаны с работами в области территориального планирования. При этом междисциплинарным объектом исследования выступали процессы развития территориальной организации производства. Так, специальному исследованию территориальных пропорций народного хозяйства СССР была посвящена работа М. Б. Мазановой [30]. Общие вопросы отраслевого и территориального планирования исследовал В. Ф. Павленко [37, 38, 39]. Проблемами территориальной организации народного хозяйства страны занимались В. В. Кистанов [18], О.А. Кибальчич, М. Д. Ша-рыгин и Е. Г. Анимица [63].

Развитие общей теории советской экономической географии было неразрывно связано с дальнейшим формированием концепции территориально-производственного комплекса (ТПК), основы которой были заложены Н. Н. Колосовским [23]. По мнению А. Т. Хрущева, многочисленные работы по тематике ТПК можно разделить на четыре тематические группы: 1) исследование методологических и методических вопросов; 2) изучение условий и особенностей формирования комплексов; 3) анализ структуры и территориальной организации производства; 4) типология и моделирование комплексов [65].

Общие теоретические вопросы формирования ТПК исследовали Е. Д. Силаев [49] и М. К. Банд-ман [5], территориально-производственное комплексирование страны рассматривал Н. Т. Агафонов [1], а взаимосвязь процессов дробного районирования и формирования локальных ТПК - М. Д. Ша-рыгин [62]. В 70-е годы концепция ТПК получила отражение и в практике территориального планирования. В директивных документах отмечалась необходимость создания ряда локальных ТПК, межотраслевых и отраслевых комплексов, промышленных узлов, особенно во вновь осваиваемых районах. В экономико-географической и экономической литературе тех лет сложились два направления исследования структуры и территориальной организации ТПК. Экономическое исследование ТПК

основывалось на группировке отраслей по их функциональной роли в системе национального хозяйства. Напротив, экономико-геогра-фы изучали процессы формирования ТПК на основе идей Н. Н. Колосовского об энергопроизводственных циклах, которые рассматривались в качестве их материальной основы. В 80-е годы официальная наука и практика были заняты поисками новых моделей социально-экономического развития страны, которые позволили бы устранить кризисные явления и имели бы своим следствием более динамичное развитие хозяйства на базе научно-технического прогресса.

В этой связи в качестве объекта исследований как экономической, так и экономико-географической науки стал выступать «единый народнохозяйственный комплекс» (ЕНХК) страны. Он рассматривался тогда специалистами как суперсистема взаимодействия отраслевых, межотраслевых и территориально-производственных комплексов различного иерархического уровня. В рамках такой (так и не реализованной на практике) концепции планомерное управление развитием ЕНХК страны должно было, в принципе, обеспечить как межотраслевую, так и территориальную пропорциональность развития всех его основных элементов и на этой основе получить дополнительный экономический и социальный эффект.

Важнейшим направлением советской экономической географии 60-80-х годов XX века выступало исследование закономерностей территориальной организации производства, особенно промышленности. В рамках географических исследований промышленности сформировались четыре тематические группы: 1) анализ особенностей и факторов территориальной организации промышленности в целом; 2) характеристика отдельных отраслей промышленности; 3) исследование вопросов промышленного районирования; 4) региональная характеристика промышленности [65]. Главной особенностью географического исследования промышленности на этом этапе выступало ее изучение не только как одной из ведущих отраслей народного хозяйства, но и как ведущего звена территориально-производственных сочетаний, вплоть до ТПК экономического района. Именно такой подход был характерен для работ А. Т. Хрущева [57, 58]. По его мнению, свойственные промышленности территориально-производственные сочетания

представлены промышленными группировками и промышленными комплексами. Последние выделялись тесным взаимодействием предприятий на основе последовательной и комплексной переработки исходного сырья, утилизации производственных отходов и совместного выпуска готовой продукции.

Промышленные комплексы рассматривались в качестве исходной основы районообразования, в качестве форм которого выступали промышленные районы, узлы, центры и пункты. Различные процессы формирования промышленных комплексов в эти годы были исследованы в работах И. В. Никольского [33], Н.Т.Агафонова [1], Н. И. Шрага [64], М. М. Паламарчука и Н.Н.Процко [40], Э. Д. Коба-хидзе [19], А. М. Гаджи-Заде [9], О.И.Шаблия [61], Ю. Н. Коваленко [21].

Традиционным направлением экономико-географических исследований в нашей стране в рассматриваемые годы была география сельского хозяйства, изучающая территориальные проблемы сельскохозяйственного производства и закономерности его размещения. В отличие от промышленного производства территориальная организация сельского хозяйства (наряду с экономическими условиями) в большей степени определяется влиянием природных факторов. Поэтому данная сторона взаимосвязей явилась объектом пристального географического внимания в процессе крупномасштабных исследований. С начала 60-х годов в стране развернулись массовые работы по оценке земель и составлению земельного кадастра. Влияние природных условий на территориальную дифференциацию сельского хозяйства - формирование его региональных типов и процессы его рай-онообразования исследовал А. Н. Ракитников [46].

В последующие годы объектом аграрно-геогра-фических исследований выступали сложные и противоречивые процессы агропромышленной интеграции в стране, проблемы формирования АПК на союзном, региональном и локальном уровнях. Такие географические проблемы сельского хозяйства и агропромышленной интеграции были подняты в работах К. И. Иванова [12], В. Г. Крючкова [26], И. Ф. Мукомеля [31], Н. Д. Пистуна [41]. Сходные проблемы развития сельскохозяйственного производства, процессы его интеграции рассматривались также экономистами, планировщиками и землеустроителями. Однако

нельзя не согласиться с выводом А. Т. Хрущева, что объем публикаций по географии сельского хозяйства был сравнительно невелик [65]. Поэтому географические исследования далеко не охватывали весь круг проблем территориальной организации сельского хозяйства. К тому же на их результативности не могло ни отразиться кризисное состояние экономической науки в области общих проблем сельскохозяйственного производства, которая на протяжении многих лет не могла заниматься исследованием реально происходящих процессов в сельском хозяйстве, а ограничивалась лишь комментированием официальных постановлений по тем или иным вопросам его развития.

Важное место в системе исследования территориальной организации производства в 60-80-е годы принадлежало географии транспорта. Это направление социально-экономической географии рассматривало транспорт не только как одну из отраслей общественного производства, но и было нацелено на анализ транспортно-экономических связей и грузопотоков через призму территориальной организации хозяйства и экономического районирования. Такая экономико-географическая концепция изучения транспорта была развита в первую очередь И. В. Никольским [34] и И. И. Белоусовым [6]. В конце рассматриваемого периода в арсенале географии транспорта появилась концепция единой транспортной сети страны (ЕТС), смысл которой, по мнению Н. Н. Казанского, В. С. Варламова и ряда других специалистов, заключался в пропорциональном и взаимосогласованном развитии всех видов транспорта как по стране в целом, так и на уровне ее отдельных регионов. При этом нельзя не видеть, что концепция ЕТС являлась частным выражением концепции ЕНХК, а следовательно несла в себе как позитивные, так и негативные аспекты этого понятия.

Важнейшей особенностью развития советской экономической географии 60-80-х годов XX века явилось быстрое формирование ее социального направления, в первую очередь географии населения и географии обслуживания. В основе этого лежало резкое повышение значимости социальных факторов в общественном развитии страны. География населения сформировалась в качестве одной из базовых дисциплин социально-экономической географии, изучающей (в целях более

рациональной территориальной организации общества) в пространственно-временном аспекте всю совокупность явлений и процессов населения, расселения в тесной их связи с природной средой, хозяйством, общественными институтами и сложившимся образом жизни, устойчивые тенденции, тренды, условия и факторы развития территориальных систем населения и расселения, их общественные последствия и механизмы управления. В методологическом отношении в становлении советской географии населения решающую роль сыграли Н. Н. Баранский, Р. М. Кабо, Н. И. Ляликов и Ю. Г. Саушкин.

Советская география населения в рассматриваемый период превратилась в довольно развернутую систему научных направлений, которые можно сгруппировать в два блока: 1) исследование территориальных систем населения; 2) исследование расселения, его типов, форм и территориальных систем [65]. В рамках первого направления важное значение приобрело географическое изучение естественного воспроизводства населения, демографической ситуации конкретных регионов, основы которого были разработаны в начале 70-х годов Н. Т. Агафоновым и успешно продолжены впоследствии его учениками. Весьма актуальны географические исследования внутренней миграции населения СССР, основы которых (правда, на дореволюционном материале) еще в 50-е годы были заложены В. В. Покшишевским [42]. В 60-80-е годы проблемы миграционного движения населения были изучены В. И. Переведенцевым [35], Л. Л. Рыбаковским [47], Б. С. Хоревым и В. Н. Чапеком [55]. В последующие годы особую значимость стали приобретать этногеографические исследования и изучение географических различий в образе жизни населения.

В рамках второго блока географических исследований населения необходимо прежде всего отметить географию городов и городского расселения, имевшую в нашей стране глубокие исторические корни. Наибольший вклад в развитие этого направления в 60-80-е годы внесли В. Г. Давидович [11], О. А. Константинов [25], Б. С. Хорев [53], Г. М. Лаппо [27, 28], О. П. Литовка [29]. С конца 50-х годов в связи с повышенным вниманием к проблемам сельского хозяйства развернулись массовые работы по географическому изучению сельского расселения. Теоретические основы этого направления географии населения были заложены С. А. Ковалевым [20]. В

последующем в рамках решения сложных междисциплинарных проблем стало развиваться комплексное географическое исследование сельской местности.

Интеграционная тенденция в советской географии населения нашла свое выражение не только в комплексных региональных исследованиях населения (Грузии - В. Ш. Джаошвили, горных районов Средней Азии - Г. С. Гужин, Восточной Сибири - В. В. Воробьев), но и в формировании теории территориальных систем расселения. В этом отношении особенно следует отметить концепцию единой системы расселения СССР (ЕСР), некоторые положения которой были сформулированы в том или ином виде еще к концу 50-х годов в работах Н. Н. Баранского, Ю. Г. Саушкина, В. В. Покшишевского, О. А. Константинова, С. А. Ковалева, Д. И. Богорада и других, но как единая система научных взглядов эта концепция последовательно обосновывается с конца 60-х годов К. К. Шешельгисом, В. Г. Давидовичем и Б. С. Хоревым.

География сферы обслуживания возникла как географическая научная дисциплина, изучающая как региональные различия в потребностях населения, так и уровне их удовлетворения, а также и территориальную организацию самой сферы обслуживания и ее отдельных отраслей. В условиях повышения значимости социальных факторов в развитии общества формирование этого направления существенно усилило конструктивность социально-экономической географии, выход ее на актуальные общесоюзные и региональные проблемы. В методологическом становлении этого нового направления важную роль сыграли работы В. В. Покшишевского и С. А. Ковалева.

Отечественная социально-экономическая география 60-80-х годов XX века характеризовалась не только аналитическими исследованиями, но и стремлением к выполнению интегральных работ. Одним из проявлений этой тенденции выступили комплексные экономико-географические характеристики союзных республик, крупных экономических районов, а также административно-политических единиц областного ранга. Еще во второй половине 50-х и первой половине 60-х, по инициативе Института географии АН СССР вышла знаменитая «Синяя серия» (названная так по цвету обложки), охватившая все союзные республики и экономические районы страны. При написании этих монографий был использован предшествующий опыт С. Н.

Рязанцева по Киргизии. В последующие годы в нашей науке поддерживался интерес к выполнению крупных региональных работ. К их числу необходимо отнести исследования М. М. Паламарчука - по Украине, И. В. Комара -по Уралу, Е. П. Маслова - по Северному Кавказу, Г. Т. Гришина - по Воронежской области, И. Т. Трухана - по Белоруссии, Л. А. Валесяна и Г. Е. Авякана - по Армении, Г. Г. Гвелесиани и В. Ш. Джа-ошвили - по Грузии, А. М. Гаджи-Заде - по Азербайджану, З. М. Акрамова - по Узбекистану, К. О. Оторбаева - по Киргизии. К числу значительных достижений в области комплексных региональных исследований относилось 22-томное издание «Советский Союз», а также серия прикладных региональных работ под общим названием «Проблемы развития и размещения производительных сил».

В исследуемые годы начался процесс постепенной интеграции советской социально-экономической географии в общую систему мировой науки. Одним из его проявлений выступали исследования мировых, глобальных проблем, территориальной организации хозяйства, расселения и природопользования. При этом резко возросла информационная обеспеченность этого направления. Крупные исследования по географии горнодобывающей промышленности мира, географии мирового сельского хозяйства выполнили М. С. Розин, Л. И. Василевский, М. Б. Вольф. Экономико-экологические проблемы капиталистических и развивающихся стран (в тогдашнем понимании этих терминов) исследовали Ю. Д. Дмитревский и С. Б. Лавров. Произошло становление экономической географии Мирового океана. Общие проблемы международного разделения труда в капиталистическом мире были рассмотрены московскими университетскими географами в работе, опубликованной в 1981 году под редакцией В. В. Вольского и Ю. А. Колосова. В конце 70-х - первой половине 80-х годов вышла 20-томная серия «Страны и народы», в которой был дан популярный географо-этнографический обзор всех стран и континентов.

Особое внимание отечественные экономико-географы в 60-80-е годы уделяли исследованию зарубежных «социалистических» стран, что определялось особым геополитическим положением Советского Союза. Был внесен значительный вклад в изучении таких стран, как Чехословакия (И. М. Майергойз), Болгария (Э. Б. Валев), Куба (Б. Н. Семевский), ГДР (Н. В. Алисов и С. И.

Ледовских). В последние годы на первый план вышло исследование проблем «социалистической экономической интеграции». Была продолжена традиция, заложенная еще Н. Н. Баранским и И. А. Витвером, исследования ведущих высокоразвитых капиталистических стран. В 50-60-х годах сотрудники Института географии АН СССР (В. М. Гохман, Л. Я. Зиман, М. Е. Половицкая) выпустили серию работ по США. Анализ капиталистического опыта освоения новых районов провели Л. Н. Карпов и Г. А. Агранат. Было продолжено монографическое исследование крупнейших стран Европы: Франции (И. А. Витвер и А. Е. Слука), ФРГ (Б. Н. Зиман и С. Б. Лавров), Великобритании (А. С. Добров, Н. М. Польская). Значительная работа была проведена по экономико-географическому исследованию развивающихся стран и их регионов: Африки (Ю. Д. Дмитревский, М. С. Розин), Латинской Америки (Я. Г. Машбиц, В. В. Вольский), Индии (Г. В. Сдасюк). Высокий уровень страноведческих экономико-географических исследований нашел свое отражение и в школьной географии. Так, школьный учебник «Экономическая география зарубежных стран» под редакцией В. П. Максаковского был удостоен Государственной премии СССР.

Характерной особенностью развития отечественной экономической географии на протяжении 70-х и 80-х годов стала интенсивная ее гуманизация, проявившаяся в ускоренном развитии отраслей социальной географии (географии населения, географии обслуживания, географии науки, культуры, образа жизни населения и т. д.), и в существенном изменении представления об интегральном объекте исследования. Традиционное представление о «размещении» или даже «территориальной организации производства» как интегральном объекте исследования экономической географии все в большей степени заменялось понятием о «территориальных социально-экономических системах». На уровне страны в целом интегральным объектом исследования стала выступать «территориальная организация общества», которая, по словам Б. С. Хорева, охватывала все вопросы, касающиеся территориального размещения труда, производительных сил, региональных различий в производственных отношениях, расселения людей, взаимоотношения общества и природы, а также проблемы региональной социально-экономической политики [56]. Все это обусловило трансформацию

экономической географии в социально-экономическую географию, интегральным объектом исследования которой стал выступать социально-экономический район.

Формирование социально-экономической географии и усиление ее прикладных аспектов и интеграции с негеографическими науками вызвали непростые отношения с некоторыми из них. Еще в 60-е годы стала формироваться такая прикладная наука, как районная планировка. Ее функциональное предназначение - определение долгосрочных направлений регионального использования территории, территориальную организацию производства и расселения. При этом районная планировка выступала в качестве связующего звена, с одной стороны, экономической географии, а с другой, - территориального планирования, прогнозирования и строительного проектирования. В таком плане (как конструктивной географии района) основы районной планировки были обоснованы Д. И. Богорадом [8]. Позже экономико-географическую концепцию районной планировки развивал Е. Н. Перцик [36]. К сожалению, конкретные прикладные работы по районной планировке оказались за пределами географии, поскольку были монополизированы землеустроителями и градостроителями. В итоге социально-экономическая география не смогла обеспечить себе широкий фронт прикладных исследований и осталась в значительной степени учебной, вузовской наукой.

Непростые отношения складывались между экономической географией и региональной экономикой. В 1975 г. Н. Н. Некрасов опубликовал монографию «Региональная экономика. Теория, проблемы, методы» [32]. В этой работе дано определение региональной экономики как отрасли экономической науки, изучающей на районном уровне совокупность экономических и социальных факторов и явлений, обусловливающих формирование и развитие производительных сил. По его мнению, главная составная часть региональной экономики - рациональное размещение производительных сил, а основным объектом исследования выступает территориальная организация хозяйства. В связи с тем, что региональная экономика перекрыла значительную часть объекта исследования экономической географии, то, по мнению Н. Н. Некрасова, основной задачей последней должно выступать изучение природных комплексов, их

хозяйственная оценка. Такая позиция вызвала оживленную дискуссию в географической и экономической науках, в рамках которой было определено, что региональная экономика должна исследовать на районном уровне производственные отношения и на этой основе совместно с экономической географией изучать территориальную организацию хозяйства. На этом примере отчетливо видно, что формирование региональной экономики было обусловлено не только потребностями территориального планирования и управления, но и состоянием самой экономической географии в то время, которая при изучении экономических районов «увлеклась» технологическими схемами в виде концепции энерго-производственных циклов и выпустила из объекта своего исследования региональную специфику производственных отношений.

Таким образом, к концу 80-х годов в рамках географии сформировалась как ее самостоятельная подсистема социально-экономическая (или общественная) география, объектом исследования которой стала выступать территориальная организация общества. Внутри общественной географии сформировалась значительная совокупность частных по отношению к ней социально-экономических наук, объектами исследования которых стали отдельные элементы территориальной организации общества. Это, во-первых, совокупность экономико-географических наук, изучающих хозяйство, а во-вторых, совокупность социально-географических наук, изучающих общество. К началу 90-х годов процесс внутренней дифференциации социально-экономической географии был далеко не завершен, но уже тогда весьма актуальной стала проблема ее внутринаучной интеграции.

За длительную историю советского развития отечественная экономическая (социально-экономическая) география сформировала значительный теоретико-методологический потенциал по проблемам исследования экономических районов и управления процессами территориальной организации хозяйства. Это теоретическое богатство необходимо использовать (конечно, критически) и на современном этапе развития страны в условиях «нового капитализма» с его частной собственностью, значительной интегрированностью в мирохозяйственные связи, стремлением предпринимателей к получению (любой ценой)

максимальной прибыли и резким ослаблением рычагов государственной власти в управлении процессами экономического развития. Это привело к тому, что «крупные экономические районы» вышли из системы государственного управления экономикой. Их место заняли федеральные округа, созданные лишь для удобства контроля над деятельностью федеральных чиновников в субъектах Российской Федерации. Субъекты РФ стали основным базовым элементом в государственном управлении процессами формирования территориальной социально-экономической структуры страны. Критический анализ советской теории экономической (социально-экономической) географии позволяет выделить те ее аспекты, которые, как нам представляется, будут полезны для понимания современной ситуации в этой области.

1. Концепция экономического районирования имеет непреходящее значение в научном понимании сущности процессов территориальной организации хозяйства. Как для физической географии районирование выступает одним из старейших методов исследования территориальной дифференциации природы, так и для экономической географии районирование является важнейшим методом исследования территориальной дифференциации хозяйства и общественной жизни в целом. Экономические районы стали формироваться в условиях территориального разделения труда и долгое время их выделение имело лишь сугубо научное значение. В советское время они стали одной из форм управления процессами территориальной организации хозяйства и основным инструментом территориального планирования государственной экономики.

Тот факт, что в настоящее время в условиях рыночной экономики крупные экономические районы перестали использоваться в современной системе государственного управления еще не говорит о том, что таких районов уже не существует. Переход официальной государственной статистики на обработку информации по федеральным округам вовсе не означает, что метод районирования исчерпал свою научную сущность. Несмотря на происходящую их трансформацию, крупные экономические районы России (как территориальные группы субъектов РФ), отражающие глубинную экономическую сущность, более точно позволяют исследовать процессы и результаты территориального разделения труда, нежели чем

федеральные округа, имеющие сугубо административно-управленческий характер.

2. Использование общей теории географии (в том числе и теории географического районирования) на современном этапе развития науки позволяет внести некоторые дополнения в понимание сущности экономических районов (регионов), в том числе в отношении их объективности-субъективности. Советская экономическая география, в принципе, представляла экономические районы как реально существующие, объективные образования. Западная мировая наука представляла экономические районы как сугубо авторские категории, то есть субъективные образования. Современная теория географии позволяет сблизить такие подходы. Конечно, экономические регионы, как отражающие реально происходящие процессы и результаты территориальной дифференциации хозяйства и общества, - объективны. В то же время они делимитируются («оконтуриваются») конкретными исследователями с их авторской оценкой сущности и на основе различных принципов и показателей. В этом отношении экономические районы (регионы) - субъективны.

Экономические регионы по своей сути историчны, то есть они претерпевают неоднозначные процессы формирования на протяжении разных отрезков времени. Границы между экономическими регионами носят не линейный, а, как правило, площадной характер. Поэтому некоторые субъекты РФ, расположенные на границах разных крупных экономических регионов, могут быть отнесены либо к одним, либо к другим в зависимости от представлений авторов или в результате официальных решений, как это было в советское время. Экономические регионы обладают сложной отраслевой и территориальной структурой и не могут быть выделены по принципу объединения однородных образований. Экономические регионы характеризуются наличием ядер (как конкретных территорий), которые характеризуются их наиболее типичными чертами и обладают центрами, к которым тяготеют периферийные территории. Поэтому, если в прошлом (в советское время) основная научная задача охватывала прежде всего достоверность методики делимитации, то есть объективное («правильное») определение границ экономических регионов, то теперь основной

задачей исследования выступают реально происходящие процессы их внутренней и внешней трансформации.

3. В связи с произошедшей в конце XX века трансформацией отечественной экономической географии в общественную (или социально-экономическую), основным объектом которой выступает исследование процессов территориальной организации общества, современные экономические районы (регионы) все в большей степени приобретают социально-экономический характер. При их выделении необходимо учитывать не только общность экономической жизни, но и наличие сложившихся или формирующихся территориальных систем расселения населения, социальной инфраструктуры, природопользования, исторически сложившиеся культурно-бытовые связи. Это все еще в большой степени осложняет проблемы делимитации и исследования таких регионов.

4. По мнению авторов, в нашей стране еще сохраняются возможности использования крупных экономических районов (регионов) в качестве объектов государственного территориального управления и планирования. Принятые странами «западного мира» в отношении России экономические санкции и их попытки оттеснить нашу страну на периферию мирохозяйственных связей неизбежно ставят вопрос об усилении рычагов государственного управления отечественной экономикой. Принятый в июле 2014 года Федеральный Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» содержит положение о стратегии социально-экономического развития макрорегионов [52]. В этой связи весьма актуальной выступает разработка долгосрочных «схем развития и размещения производительных сил» не только на уровне субъектов РФ, но и макрорегионов, и России в целом. Необходимость разработки таких документов вызывается все более усиливающейся территориальной социально-экономической дифференциацией, «расслоением» в этом отношении субъектов РФ, что потенциально поднимает проблему экономической, социально-культурной и политической целостности страны.

5. Современная российская действительность обуславливает необходимость переосмысления теории ТПК. Совершенно очевидно, что в условиях российской «рыночной экономики» ТПК (в их буквальном толковании, как взаимосвязанные и

взаимообусловленные сочетания предприятий и отраслей материального производства, в основе которых лежит формирование энерго-производ-ственных циклов) вряд ли уже существуют. Даже в первые годы своего развития теория ЭПЦ встретила серьезную оппозицию в тогдашней отечественной экономической науке. Что же касается концепции ЕНХК страны, то она изначально поражала своей наивностью и нереальностью даже в условиях плановой социалистической экономики.

В современной экономико-географической науке понятие «ТПК» все в большей степени заменяется понятием «кластер», который определяется как территориальная группа предприятий и организаций, производящая определенную готовую продукцию и специализированные услуги. В понятии «кластер» центр тяжести с технологических связей перенесен на финансовые связи. Поэтому кластер включает не только производство, но и финансовую, и управленческую деятельность, учебные и научно-исследовательские учреждения, и соответствующую инфраструктуру [50]. В отличие от ТПК в основе кластеров лежит не стремление государства на плановой основе повысить эффективность экономики, а взаимовыгодное стремление частных предприятий и корпораций к получению максимальной прибыли.

6. Происходящая на рубеже XX и XXI веков коренная трансформация российской экономики требует существенного уточнения теории отраслевых экономико-географических исследований. Исторически сложилось, что у этого направления отечественных экономико-географических исследований оказалась непростая судьба. На заре становления «районной школы» Н. Н. Баранского временно сложилось такое ошибочное представление, что экономико-географы должны заниматься изучением экономических районов, а изучение отраслей хозяйства - это дело экономистов. Впоследствии была сделана попытка найти «водораздел» между экономико-географической и экономической науками, исходя из понимания термина «производство», как совокупности производительных сил и производственных отношений. При этом считалось, что экономико-географы исследуют территориальную организацию производительных сил, а изучение производственных отношений - это объект экономической науки. В последующем на фоне широкого распространения концепций ТПК и ЭПЦ отраслевые

экономико-географические исследования были ориентированы на исследование отраслей хозяйства как составной части локальных и региональных производственных комплексов.

В современных условиях экономическая география (в узком понимании этого термина) рассматривается как наука, изучающая территориальную организацию хозяйства как на территориальном (мировом, национальном, региональном и локальном) уровне, так и на уровне его отдельных отраслей. Поэтому экономико-географический подход должен обеспечивать адекватное исследование тех объективных процессов, которые в настоящее время происходят в территориальной организации отечественных отраслей хозяйственной деятельности со всеми их глубинными противоречиями и проблемами частного и частно-государственного предпринимательства в условиях их интеграции в мирохозяйственные связи. Однако такой подход, по мнению авторов, возможен только в тесной кооперации с соответствующими экономическими исследованиями. Время «пограничных боев» между экономической географией и экономикой ушло в прошлое. Лишь такой комплексный, междисциплинарный подход открывает для экономико-географов путь к прикладным исследованиям по проблемам территориального управления и планирования.

7. В рамках исторической оценки процессов становления социальных направлений отечественной географии необходимо учитывать методологические особенности их формирования. Советская география населения, начало формирования которой относится еще к концу 50-х годов XX века и которая себя принципиально дистанцировала от дореволюционной «географии человека», изначально возникла на базе марксистско-ленинской идеологии. В ее основе лежали положения о примате материального производства в общественном развитии, об определяющем влиянии материального «базиса» на «надстройку», а в прикладном аспекте - в остаточном принципе планирования социальной сферы. В целом такой подход можно обозначить как своеобразный «экономический детерминизм», который (в отличие от традиционного географического детерминизма с его приматом природной среды) основывался на определяющей роли экономических процессов в социальном развитии. Такой подход долгие годы сдерживал развитие таких направлений географии населения, как геодемография,

геоэтнография, культурная география и других. Поэтому становление все новых направлений географического исследования населения происходило по мере освобождения их от влияния «экономического детерминизма» и все более глубокого понимания сути тех или иных социальных процессов.

Результатом всего этого стало быстрое формирование социального блока в географии в виде отдельных частных направлений. С одной стороны, это отражало объективный процесс дифференциации науки, а с другой, в какой-то степени, стало последствием государственной политики аттестации высших научных кадров через систему ВАК, в рамках которой докторская степень присуждалась тем исследователям, которые смогли обосновать новые научные направления. Недаром в научном географическом сообществе были упреки в адрес его некоторых членов в «неумеренном» открытии все новых наук.

В процессе своего формирования частные направления социальной географии оказались тесно интегрированными с пограничными негеографическими науками: демографией, социологией, экистикой, урбанистикой, отраслевыми экономиками. У них возникло взаимное перекрытие объектов исследования. В отличие от классической советской экономической географии, где сохранялись воспоминания о длительном противоборстве «районщиков» и «отраслевиков», отечественная социальная география быстро развивалась на стыке с сопредельными негеографическими науками, которые были столь же молоды и столь же достаточно далеки от реальной системы территориального управления.

Все это обусловило слабую интеграцию отдельных частных направлений в единую социальную географию, которую долгое время рассматривали как исследование социальных аспектов экономических процессов. Это не смогло ни сказаться на эффективности попыток регионального синтеза социально-географических исследований. Если в классической советской экономической географии таким объектом выступал экономический район, то социальная география с трудом выходила на такие обобщающие понятия (геодемографическая ситуация и обстановка, образ жизни, качество жизни и уровень жизни населения, сельская местность, территориальные системы населения, расселения, социальной инфраструктуры и другие). Решение всех этих

теоретических вопросов социальной географии становится актуальной необходимостью на современном этапе развития социально-экономической географии (после 90-х годов XX века.

8. За период 60-80-х годов в советской социально-экономической литературе был создан внушительный «пласт» региональных и страноведческих работ. Однако в последующие годы коренные изменения экономической, политической и социальной ситуации в России и мире привели к тому, что уже выполненные исследования стали во все меньшей степени отражать сложившуюся реальность. Поэтому возникла настоятельная необходимость дальнейшего проведения региональных и страновых исследований, но на новой теоретической и информационной основе. В настоящее время важнейшей задачей социально-экономической географии (как и всего блока общественно-экономических наук) выступает исследование трендов, тенденций и циклов развития мирового экономического, политического и социального развития и изменяющегося положения России в этих процессах. Без проведения таких работ вряд ли можно понять долгосрочные перспективы развития страны и положение в них отдельных ее регионов.

9. Развитие отечественной социально-экономической географии в 60-80-х годах XX века отражало не только сугубо внутринаучные процессы ее формирования, но и несла на себе «печать» конкретной ситуации в стране и в мире. Такой общественный заказ, несомненно, определяет специфику развития нашей науки и на рубеже XX и XXI веков. Перед Россией как государством стоит задача не только сохранения статуса крупнейшей военной державы в целях обеспечения ее безопасности, но и инновационная перестройка ее экономики и общества. Поэтому в рамках интеграции с другими науками отечественная социально-экономическая география обязана изучать глубинные процессы и проблемы современной трансформации территориальной организации общества и выходить через систему территориального прогнозирования, планирования и управления на наиболее оптимальные пути их решения. Это заставляет в социально-экономической географии выдерживать более оптимальное соотношение как фундаментальных, так и прикладных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов Н. Т. Территориальное производственное комплексирование в условиях развитого социализма / Н. Т. Агафонов. - Ленинград : Наука, 1983. - 187 с.
2. Алаев Э. Б. Эффективность комплексного развития экономического района / Э. Б. Алаев. - Москва : Наука, 1965. - 173 с.
3. Алампиев П. М. Экономическое районирование СССР / П. М. Алампиев. - Москва : Госпланиздат, 1959. -263 с.
4. Алампиев П. М. Экономическое районирование СССР / П. М. Алампиев. - Москва : Экономиздат, 1963. -Кн. 2. - 248 с.
5. Бандман М. К. Подход и основные этапы решения задачи специализации формирования территориально-производственных комплексов / М. К. Бандман. -Новосибирск : ИЭиОПП, 1971. - 338 с.
6. Белоусов И. И. Экономическое районирование как метод перспективного планирования производства и транспорта / И. И. Белоусов // Вестник Московского государственного университета. Сер. География. - 1970. -№ 3. - С. 3-8.
7. Белоусов И. И. Основы учения об экономическом районировании / И. И. Белоусов. - Москва : Издательство Московского государственного университета, 1976. - 320 с.
8. Богорад Д. И. Конструктивная география района. Основы районной планировки / Д. И. Богорад. -Москва : Мысль, 1965. - 407 с.
9. Гаджи-Заде А. М. Азербайджанский промышленный комплекс / А. М. Гаджи-Заде. - Баку : Азербайджанское государственное издательство, 1975. - 201 с.
10. Гладкий Ю. Н. Основы региональной политики : учебник / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. - Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В.А., 1998. - 659 с.
11. Давидович В. Г. Планировка городов и районов. Инженерно-экономические основы / В. Г. Давидович. - Москва : Гос. издательство литературы по строительству, 1964. - 326 с.
12. Иванов К. И. Территориальные системы общественного производства: Географические аспекты аг-рарно-промышленного комплексирования / К. И. Иванов. - Москва : Мысль, 1975. - 270 с.
13. История социалистической экономики СССР : в 7 т. - Москва : Наука, 1980. - Т. 6. Восстановление народного хозяйства

СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 - начало 1960-х годов. - 589 с.

14. История социалистической экономики СССР : в 7 т. - Москва : Наука, 1980. - Т. 7. Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960-1970 годы). - 718 с.

15. Калашникова Т. М. Экономическое районирование : учебное пособие для вузов / Т. М. Калашникова. - Москва : Издательство Московского государственного университета, 1982. - 216 с.

16. Кистанов В. В. Комплексное развитие и специализация экономических районов СССР / В. В. Киста-нов. - Москва : Наука, 1968. - 283 с.

17. Кистанов В. В. Комплексное развитие специализации экономических районов / В. В. Кистанов. -Москва : Экономика, 1965. - 191 с.

18. Кистанов В. В. Территориальная организация производства / В. В. Кистанов. - Москва : Экономика, 1981. - 232 с.

19. Кобахидзе Э. Д. Промышленный комплекс Грузинской ССР / Э. Д. Кобахидзе. - Тбилиси : Мецниере-ба, 1974. - 142 с.

20. Ковалев С. А. Сельское расселение (географическое исследование) / С. А. Ковалев. - Москва : Издательство Московского государственного университета, 1963. - 372 с.

21. Коваленко Ю. Н. Научные основы территориальной организации промышленных комплексов / Ю. Н. Коваленко. - Киев : Будивельник, 1977. - 176 с.

22. Колосовский Н. Н. Основы экономического районирования / Н. Н. Колосовский. - Москва : Госполитиздат, 1958. - 200 с.

23. Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования / Н. Н. Колосовский. - Москва : Мысль, 1969. - 336 с.

24. Колотиевский А. М. Вопросы теории и методики экономического районирования / А. М. Колотиевский. - Рига : Зинанте, 1967. - 249 с.

25. Константинов О. А. Географическое изучение городских поселений в СССР / О. А. Константинов // География населения в СССР. Основные проблемы. -Москва-Ленинград : Наука, 1964. - С. 32-68.

26. Крючков В. Г. Территориальная организация сельского хозяйства / В. Г. Крючков. - Москва : Мысль, 1978. - 257 с.

27. Лаппо Г. М. География городов с основами градостроительства / Г. М. Лаппо. - Москва : Издательство Московского государственного университета, 1969. -184 с.

28. Лаппо Г. М. Развитие городских агломераций в СССР / Г. М. Лаппо. - Москва : Наука, 1978. - 152 с.

29. Литовка О. П. Проблемы пространственного развития урбанизации / О. П. Литовка. - Ленинград : Наука, 1976. - 99 с.

30. Мазанова М. Б. Территориальные пропорции народного хозяйства СССР / М. Б. Мазанова. - Москва : Наука, 1974. - 206 с.

31. Мукомель И. Ф. Экономическое районирование сельского хозяйства как проблема его территориальной организации / И. Ф. Мукомель // Вопросы географии. -1968. - № 75. - С. 66-72.

32. Некрасов Н. Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы / Н. Н. Некрасов. - Москва : Экономика, 1975. - 317 с.

33. Никольский И. В. Роль отраслей хозяйства в формировании районных производственных комплексов / И. В. Никольский // Вестник Московского университета. Сер. География. - 1970. - № 2. - С. 42-51.

34. Никольский И. В. География транспорта СССР / И. В. Никольский. - Москва : Издательство Московского государственного университета, 1978. - 285 с.

35. Переведенцев В. И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири / В. И. Переведенцев. - Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1966. - 191 с.

36. Перцик Е. Н. Районная планировка (географические аспекты) / Е. Н. Перцик. - Москва : Мысль, 1973. -271 с.

37. Павленко В. Ф. Территориальное и отраслевое планирование : (Территориальное планирование в условиях отраслевого управления хозяйством) / В. Ф. Павленко. - Москва : Экономика, 1971. - 103 с.

38. Павленко В. Ф. Территориальное планирование в СССР / В. Ф. Павленко. - Москва : Экономика, 1975. - 278 с.

39. Павленко В. Ф. Планирование территориального развития: (Территориальный аспект планирования) / В. Ф. Павленко. - Москва : Экономика, 1984. - 284 с.

40. Паламарчук М. М. Теоретические основы методики исследования функциональной структуры промышленного

комплекса экономического района: препринт СОПС-3-70 / М. М. Паламарчук, Н. Н. Процко. -Киев : СОПС, 1970. - 60 с.

41. Пистун Н. Д. География сельского хозяйства СССР / Н. Д. Пистун, Г. Е. Колесник. - Киев : Вища школа, 1983. - 303 с.

42. Покшишевский В. В. Заселение Сибири (исто-рико-географические очерки) / В. В. Покшишевский. -Иркутск : Облиздат, 1951. - 207 с.

43. Поросенков Ю. В. История и методология географии / Ю. В. Поросенков, Н. И. Поросенкова. - Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1991. - 224 с.

44. Поросенков Ю. В. Формирование теоретических основ отечественной экономической географии в 20-30-х годах XX века / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - Воронеж, 2014. - № 3. - С. 116-127.

45. Поросенков Ю. В. Отечественная экономическая география в 40-50-х годах XX в. / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - Воронеж, 2014. -№ 4. - С. 142-148.

46. Ракитников А. Н. География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования) / А. Н. Ракитников. - Москва : Мысль, 1970. - 342 с.

47. Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций / Л. Л. Рыбаковский. - Москва : Статистика, 1973. -149 с.

48. Саушкин Ю. Г. Лекции по экономическому районированию СССР / Ю. Г. Саушкин. - Москва : Издательство Московского государственного университета, 1960. - 240 с.

49. Силаев Е. Д. Производственно-территориальные комплексы / Е. Д. Силаев. - Баку : Азернешр, 1968. -262 с.

50. Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - 328 с.

51. Телепко Л. Н. Крупные экономические районы СССР: (некоторые вопросы территориальной организации хозяйства) / Л. Н. Телепко. - Москва : Издательство экономической литературы, 1963. - 199 с.

52. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». - Москва, 2014. - 34 с.

53. Хорев Б. С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение). Очерки географии расселения / Б. С. Хорев. - Москва : Мысль, 1968. - 256 с.

54. Хорев Б. С. Проблемы городов. (Урбанизация и единая система расселения в СССР) / Б. С. Хорев. - Москва : Мысль, 1975. - 428 с.

55. Хорев Б. С. Проблемы изучения миграции населения (Статистико-географические очерки) / Б. С. Хорев, В. Н. Чапек. - Москва : Мысль, 1978. - 254 с.

56. Хорев Б. С. Территориальная организация общества / Б. С. Хорев. - Москва : Мысль,1981. - 320 с.

57. Хрущев А. Т. Промышленные районы и узлы СССР / А. Т. Хрущев. - Москва : Знание, 1972. - 64 с.

58. Хрущев А. Т. География промышленности СССР / А. Т. Хрущев. - Москва : Мысль, 1986. - 415 с.

59. Четыркин В. М. Проблемные вопросы экономического районирования / В. М. Четыркин. - Ташкент : Фан, 1967. - 121 с.

60. Чистобаев А. И. Развитие экономических районов: теория и методы исследования / А. И. Чистобаев. - Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1980. - 127 с.

61. Шаблий О. И. Межотраслевые территориальные системы / О. И. Шаблий. - Львов : Вища школа, 1976. - 199 с.

62. Шарыгин М. Д. Дробное районирование и локальные территориально-производственные комплексы / М. Д. Шарыгин. - Пермь : Издательство Пермского госуниверситета, 1975. - 138 с.

63. Шарыгин М. Д. Территориальная организация производительных сил СССР : учебное пособие по спецкурсу / М. Д. Шарыгин, Е. Г. Анимица. - Пермь : Издательство Пермского госуниверситета, 1983. - 80 с.

64. Шраг Н. И. Промышленные комплексы: (теоретические очерки) / Н. И. Шраг. - Москва : Экономика, 1969. - 158 с.

65. Экономическая и социальная география в СССР : История и современное развитие : книга для учителя. –Москва : Просвещение, 1987. – 542 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ (СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ) ГЕОГРАФИИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ[15]

Представленная публикация завершает авторский обзор истории формирования теории отечественной социально-экономической географии почти за столетний период (20-е годы XX в. - 10-е годы XXI в.) [9, 11, 14]. Такой историко-географический подход, по нашему мнению, позволяет более объективно определить основные тенденции формирования теории современной российской общественной географии, дать им анализ и оценку, исходя как из общественного заказа на такие исследования, так и из сложившегося внутреннего потенциала этого направления научных исследований.

Последние 25 лет стали, пожалуй, одним из сложнейших (а порой и драматичных) периодов развития отечественной социально-экономической географии. Переход России к рыночной экономике, быстрая интеграция ее в систему мировых экономических связей в качестве последствий имели существенный «обвал» производства, кардинальное изменение социальной, отраслевой, технологической и территориальной структур хозяйства. Приватизация экономики обусловила резкое сужение функций государственного управления. Страна надолго превратилась в поставщика сырьевых ресурсов для развитых экономик. Проблемы размещения производительных сил на уровне страны, регионов и субъектов РФ оказались на далекой периферии государственных интересов. В этой связи резко сократилась потребность в разработке проектных документов по проблемам развития и размещения производительных сил. Она вполне удовлетворялась работами региональных экономистов. Экономическая география, вытесненная из этой сферы, превратилась в сугубо теоретическую вузовскую науку в системе подготовки географов широкого профиля. Эта негативная ситуация постепенно стала меняться в лучшую сторону лишь в

[15] Некоторые аспекты теории Российской общественной (социально-экономической) географии на рубеже XX и XXI веков / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2015 .— № 3. - С. 7-18

последние годы, когда в стране была восстановлена система стратегического планирования. Резкая поляризация субъектов РФ по уровню экономического и социального развития, необходимость разработки и реализации более эффективной региональной политики опять поставили вопрос о более рациональном размещении (территориальной организации) производительных сил на уровне страны, ее регионов, субъектов РФ и муниципальных образований.

Все это потребовало определенной переоценки сложившейся до того теории и методологии отечественной социально-экономической географии, основы которой были разработаны для «другой страны» с государственной плановой экономикой. Теоретическая «сумятица» усугубилась и тем, что в отечественной науке все более широкое распространение стали получать теоретические построения мировой «западной» географии. В совокупности это ставит вопрос об адекватности теоретического и методического аппарата отечественной социально-экономической географии тем реальным процессам, которые происходят в России в сфере территориальной организации ее общества.

На формирование теоретико-методологического аппарата в современной отечественной общественной географии существенное влияние оказывают и глубинные процессы развития самой этой науки. Исследуемый период характеризуется самым настоящим «диверсификационным взрывом» ее внутренней структуры. Последовательное расширение объекта исследования (для экономической географии - размещение, а потом и территориальная организация хозяйства, для социально-экономической географии - территориальная организация хозяйства, расселения населения, сферы обслуживания населения и природопользования и, наконец, для общественной географии - территориальная организация общества) неизбежно вводило в сферу ее исследования все новые и новые процессы и явления общественной жизни. Такое развитие отечественной общественной географии привело к формированию пограничных областей исследования с весьма значительным числом наук и усилению внутринаучной и межнаучной интеграции.

Процесс резкого усложнения внутренней структуры общественной географии нашел свое отражение в новейшем словаре-справочнике по социально-экономической географии,

изданном географическим факультетом МГУ под редакцией А. П. Горкина [20]. В этом словаре дается определение более шестидесяти субдисциплин и научных направлений социально-экономической географии, включая сопредельные науки и научные направления, сложившиеся на разных этапах исторического развития географии и сохранившие лишь историко-географическое значение.

Для анализа произошедших изменений во внутренней структуре общественной географии, вероятно, целесообразно выделить отдельные тематические блоки дисциплин. Так, в экономический блок субнаук помимо самой экономической географии, которую В. Е. Шувалов определяет как «ветвь социально-экономической географии о формах, процессах и закономерностях территориальной организации производства и его отдельных компонентов» [27], входят и научные направления, изучающие географию отдельных отраслей производства: география промышленности, география сельского хозяйства (агрогеография, сельскохозяйственная география), география транспорта, география строительства. На глобальном уровне можно говорить о географии мирового хозяйства и географии внешнеэкономических связей. Набор этих отраслей сложился еще к середине прошлого века [18]. Уже в те годы началось формирование географии природных ресурсов и географии природопользования, хотя их становление растянулось на многие годы. В последнее время в связи с развитием рыночной экономики формируется география финансов.

Еще в 70-х годах прошлого века стала формироваться смежная с экономической географией региональная экономика, которая перекрыла значительную часть объекта исследования экономической географии. Один из теоретиков этого направления Н. Н. Некрасов считал, что задачей экономической географии прежде всего должна выступать лишь хозяйственная оценка природных комплексов [12]. Новейшее определение региональной экономики как экономической науки, изучающей территориальную организацию региона, связанную с оптимизацией размещения производительных сил на территории в соответствии с при-родно-экономическими, социально-демографическими, институциональными и экологическими особенностями региона и с учетом его участия в международном разделении труда [8], сохраняет широкую область взаимоперекрытия

экономико-географических и экономических исследований и содержит потенциальную угрозу вытеснения географов.

Аналогичная ситуация с областью взаимного перекрытия возможна и у географии мирового хозяйства с такими новыми в целом экономическими исследованиями, как «геоэкономика» и «новая экономическая география». По мнению Н. С. Ми-роненко, геоэкономика - область знания и концептуальные воззрения, изучающая экономическую деятельность в глобальном пространственном контексте [5]. В свою очередь, новая экономическая география - направление в пространственной экономике, изучающее межрегиональное распределение экономической активности в условиях возрастающей отдачи от масштаба, монополистической конкуренции при учете транспортных издержек [5].

В целом же современная отечественная экономическая география развивается в условиях возрастающей конкуренции со стороны экономистов как на региональном, так и глобальном уровнях. Конечно, сложившаяся ситуация вызывается все изменяющимся общественным заказом на такие исследования, но в немалой степени определялась и теоретическими особенностями отечественной экономической географии. Первый аспект этого процесса имеет объективный характер. На протяжении второй половины XX и начала XXI веков существенно изменились социальная, отраслевая, технологическая и территориальная структуры хозяйства, изменился набор и соотношение факторов его функционирования. Это потребовало исследование все новых и новых сторон хозяйственной деятельности.

Однако этот запрос не мог быть полностью реализован в рамках традиционной теории отечественной экономической географии. У нее сложились весьма непростые отношения с экономикой как наукой. Отечественная экономическая география, возникшая еще в конце XIX - начале XX веков как экономическая наука (отраслево-статисти-ческое направление), в 20-е - 30-е годы XX века на новой методологической основе (районная школа) становится частью системы географических наук. Интеграция в географию позволила принять участие в подготовке географов-комплексников и разработке проектных документов общегосударственного значения. В этот период, находясь в рамках географии, экономическая география сохранила тесные связи с

экономической наукой, особенно политической экономией и такими прикладными направлениями, как планирование народного хозяйства и территориальное планирование.

На этом первоначальном этапе в науке сложилось такое представление о разграничении экономической науки и экономической географии: первая занимается изучением отраслей хозяйства, вторая - экономическими районами. Впоследствии это представление было изменено, поскольку географы стали исследовать и отрасли хозяйства. Был найден новый «водораздел» в рамках исследования производства: географы изучают производительные силы, а экономисты - производственные отношения. Такой подход привел к усилению «технологизма» в экономической географии и стал одной из причин формирования региональной экономики как науки, которая стала значительным конкурентом экономической географии.

Одним из первых проявлений процесса гуманизации отечественной экономической географии стало формирование внутри нее в 60-х -70-х годах XX века таких направлений, как география населения и география сферы обслуживания. Эти направления привели к формированию значительной группы профессионалов-исследователей. Этим обозначился первый отток специалистов из сферы географии хозяйства, который привел к свертыванию исследований в этой области по мере смены поколений. В последние 25 лет география населения и география сферы обслуживания сохранили свои позиции в рамках отечественной социально-экономической географии.

По мнению А. И. Алексеева, современная география населения - раздел социально-экономической географии, исследующий закономерности размещения населения по территории. Традиционно в составе географии населения выделяются разделы: демогеография, география миграций, этническая и конфессиональная география, география рынка труда и занятости, география уровня образования и социального состава населения, география расселения (география поселений) городского и сельского населения, расселение населения (заселенность территории и плотность населения), география уровня и образа жизни. Иногда в состав географии населения включают также «географию восприятия» [1].

Следовательно, на современном этапе развития науки прослеживается определенная преемственность развития основных направлений внутри географии населения. Все-таки окончательно внутренняя структура отечественной географии населения еще не сложилась. Возникли области взаимного перекрытия, например, география городов и геоурбанистика, конфессиональная география хотя и связана с этногеографией, но является по отношению к ней самостоятельным научным направлением. География нселения стала той частью географической науки, на базе которой сформировалось значительное число новых субдисциплин, что вносило коррективы в ее отношениях с социальной и культурной географиями.

Возникшая одновременно с географией населения география сферы обслуживания была ориентирована на изучение значимых для человека элементов социальной инфраструктуры и включала в себя изучение отдельных отраслей (торгового, школьного, медицинского, коммунально-бытового, культурного видов обслуживания), так и территориальной организации их в виде отраслевых и комплексных центров обслуживания. Однако здесь возникло взаимоналожение изучения отдельных отраслей (например, торговли) как элементов сферы обслуживания, так и как отраслей хозяйства. К сожалению, даже в современный период география сферы обслуживания не смогла сформировать своей общей теории.

В словаре-справочнике, изданном МГУ, дается понятие «география третичного сектора» - отрасль социально-экономической географии, изучающая закономерности и особенности развития территориальной структуры третичного сектора экономики, к которому отнесены такие отрасли, как информационные услуги, финансы, транспорт, связь, торговля, бытовые услуги, образование, здравоохранение, НИОКР, спорт, туризм, содержание вооруженных сил, административные услуги [20]. Такой подход далеко вышел за пределы первоначального понимания географии сферы обслуживания. Кроме того, это направление вряд ли можно рассматривать в качестве сложившейся отрасли социально-экономической географии, поскольку оно не имеет общей методологической основы. Среди сложившихся отраслей этого направления можно отметить географию образования, которую А. П. Катровский рассматривает

как направление в социально-экономической географии, предметом исследования которого является территориальная структура общего и профессионального образования [20].

В последние 25 лет интенсивность процесса структурной диверсификации социально-экономической географии резко возросла, следствием стало формирование блоков научных дисциплин в рамках политической, социальной и культурной географий. Формирование политической географии отвечает на четко выраженный общественный запрос о необходимости объективного исследования внутрироссийских и мировых политических отношений. По мнению Н. С. Мироненко, политическая география - отрасль общественной географии, формирующаяся на интеграции с политологией, изучающая территориально-политические системы и их взаимодействия друг с другом. Объектами ее исследования выступают политические и административные границы, центры управления, органы власти, партии, общественные движения на разных территориальных уровнях [7].

Политическая география находится на этапе ее формирования и внутри нее складываются такие направления, как география границ (лимология), география федерализма, география терроризма. В рамках политической географии развивается и электоральная география, изучающая особенности электорального поведения избирателей [20]. Близка к политической географии геоконфликтология, изучающая пространственно проявляющиеся конфликты общественного происхождения.

В блок политико-географических исследований частично входят институциональная география, исследующая территориальное размещение институтов (совокупность норм и правил) и их влияние на комплексное развитие территорий, в том числе и на поведение людей. Если исходить из того, что война - одна из форм проявления внешних государственных отношений, то к этому блоку относится военная география, формирование которой в нашей стране относится еще к XIX и XX векам, но которая получила новые импульсы развития на новейшем этапе отечественной истории. Военная география - отрасль географии, исследующая расстановку политических, экономических и военных возможностей стран и их коалиций. Поскольку в рамках военной географии предусматривается изучение и оценка оперативно-тактических свойств местности, то она находится на

стыке общественной, физической, медицинской географий и военной картографии [20].

С политической географией связана геополитика. Обоснованная еще в конце XIX века немецким географом Ф. Ратцелем, геополитика долгое время рассматривалась в советской географии как биологизация общественных отношений и обоснование территориальной экспансии. Однако этот термин опять вошел в научный оборот общественной географии конца XX века. По мнению Н.С. Мироненко, геополитика - проблемная научная область, которая выявляет и прогнозирует пространственные границы различных силовых полей (политических, военных, экономических, цивилиза-ционных, экологических, естественно-ресурсных) преимущественно на глобальном уровне [20]. В прикладном плане под геополитикой часто понимают международную государственную деятельность, которая учитывает географическое положение стран, их природно-ресурсный, демографический, экономический и военный потенциалы.

Современный период развития отечественной общественной географии характеризуется становлением блока социально-географических дисциплин. В словаре-справочнике «Социально-экономическая география: понятия и термины» [2013 г.]

М. С. Савоскул определяет социальную географию как ветвь социально-экономической географии, изучающей пространственные процессы и формы организации жизни людей, прежде всего с точки зрения условий труда, быта, отдыха, развития личности и воспроизводства жизни человека, взаимосвязь между различными аспектами человеческой деятельности и их проявление в пространстве [17]. Поэтому к сфере ее деятельности практически относят все географические исследования, не затрагивающие материального производства и природных ресурсов.

В современной отечественной науке в понимании «социальной географии» сложились разные точки зрения. Первая - социальная география - это новое научное направление в рамках географии населения. Вторая - социальная география - самостоятельная наука наряду с экономической географией и географией населения. Третья - социальная география - широкое междисциплинарное направление внутри общественной

географии, включающее в себя географию населения, географию сферы обслуживания, географию потребления, рекреационную географию [13].

Помимо собственно социальной географии, если ее рассматривать в качестве самостоятельной науки, к системе социально-географических наук относятся гендерная география и география преступности. Гендерная география изучает региональные соотношения полов в социальной, демографической, трудоресурсной структурах населения, а также территориальные особенности проявления качества жизни, социальной идентичности и социальных ролей мужчин и женщин в обществе. География преступности (или география де-виантных социально-экономических отношений) - направление в социально-экономической географии, изучающее особенности распространения и территориальной структуры девиантных форм деятельности, нарушающих действующие законы и общепринятые нормы. Внутри нее выделяют географию преступности, географию коррупции, географию наркоторговли [20].

Весьма непростые проблемы в настоящее время возникают в общественной географии в связи с формированием блока наук, изучающих культуру. Даже в аспекте основных понятий существуют достаточно близкие и накладывающиеся друг на друга определения «география культуры» и «культурная география» [21, 22]. Термин «культурная география» пришел в отечественную науку из западной мировой географии, где культурная география является одной из четырех ветвей общественной географии, наряду с экономической географией, социальной географией и политической географией. По мнению В. Н. Стрелецкого, культурная география - научная дисциплина, изучающая культуру в географическом пространстве, пространственную дифференциацию и разнообразие ее элементов, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой, а также отображение географического пространства в самой культуре [22]. В таком понимании культурная география связана с пониманием культурных ландшафтов. С точки зрения практики разговорного языка, термин «культурная география» не очень удачен, поскольку предполагает наличие и некультурной географии.

В современной науке сложилось весьма широкое понимание и термина «география культуры«. В определенной степени это

связано со столь же широким пониманием термина «культура« в русском языке. Культура - это совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни [19]. Поэтому можно говорить и о материальной, и о духовной культуре. В более узком смысле «география культуры» - совокупность научных направлений, изучающих территориальную организацию разных сфер объектированной культуры (от артефактов до ментифактов, от высокого профессионального искусства до так называемой народной, бытовой и массовой культуры, территориальную дифференциацию городской и сельской культуры, этнокультурные и социально-культурные различия в обществе в их пространственном преломлении. В предельно узком смысле, география культуры иногда неправомерно отождествляется с географией культурной инфраструктуры как раздела географии сферы услуг [25].

Столь неоднозначное понимание географии культуры (культурной географии) привело к формированию значительного числа частных отраслей, изучающих геокультурные особенности. Среди них необходимо в первую очередь отметить географию религий или конфессиональную географию. По мнению А. И. Даньшина, она является направлением в социальной географии, изучающим распределение религиозных воззрений на территории Земли, как элемента исторической и культурной географии, пространственного поведения человека. В отличие от этнологов и религиоведов, географы чаще рассматривают религию как идентифицирующую культурную особенность общности людей, проживающих на определенной конкретной территории [4]. Близка к географии религий сакральная география, которая рассматривается как направление гуманитарной географии, изучающее пространственную структуру представлений об окружающем мире, закрепленных в религиозных мировоззрениях [20].

К системе географических культурологических наук относится и когнитивная география, изучающая пространственные представления. В широком смысле когнитивная география изучает пространственный срез карты мира, формирующийся в сознании отдельных социальных и культурных групп [20]. К этой группе частных социально-экономико-географических наук относится и лингвогеог-рафия (лингвистическая география), изучающая

географическое разнообразие языков и диалектов и отражающая его на географических картах.

Особое место в системе социально-экономической географии занимает рекреационная география, относительно недавно вошедшая в номенклатуру ВАКовской специальности - «экономическая, социальная, политическая и рекреационная география». По мнению А. Ю. Александровой, рекреационная география изучает пространственные закономерности деятельности людей в свободное время. Рекреационная география занимает пограничное положение между социально-экономической и физической географиями и тесно взаимодействует с целым рядом негеографических наук [12]. Поэтому включение рекреационной географии в ВАКовскую специальность по социально-экономической географии требует дальнейшего более глубокого использования методологии этой науки [16]. По мнению А. Ю. Александровой, разделом социально-экономической географии является и география туризма [20].

Московские университетские коллеги в опубликованном ими словаре-справочнике объективно и обстоятельно отразили ту ситуацию, которая в настоящее время сложилась в структуре современной отечественной социально-экономической географии. Процесс интенсивной структурной диверсификации обусловил «немыслимое» число отраслей и научных направлений, которое сформировалось под общей «крышей» социально-экономической (общественной) географии, что вызвало большие сложности не только в обосновании ее общей методологии, но даже какого-то консенсуса в названии этой науки.

В словаре-справочнике даются определения как социально-экономической, так и общественной географии, которые существенно перекрывают друг друга. В. Е. Шувалов под социально-экономической географией понимает комплекс географических научных дисциплин о формах, процессах и закономерностях территориальной организации общества в целом и ее отдельных компонентов [26]. Автор считает, что социально-экономическая география подразделяется по предметам изучения на экономическую и социальную географию. В рамках последней в виде научных направлений, так и в качестве самостоятельных наук выделяют политическую, культурную и рекреационную географию. Дискуссионным, по мнению автора, остаются вопросы

взаимоотношения социально-экономической географии и географии населения, месте географии городов, рекреационной, военной и медицинской географий.

А. П. Горкин определяет общественную географию как совокупность всех географических научных дисциплин, объектом исследования которых является территориальная организация общества [37]. По его мнению, расширение и углубление географических методов в исследовании общественных явлений и процессов привели к возникновению новых научных исследований, далеко выходящих за рамки размещения производительных сил и расселения населения. Автор считает, что понятие «общественная география» более адекватно отражает интеграционный потенциал обществоведческого направления в географии.

Если исходить из существа вопроса, то термин «общественная география» более адекватно представляет те процессы, которые происходят в нашей науке. Но все же предпочтительней термин «социально-экономическая география» (в понимании ее как общественной географии), поскольку он более широко распространен и напрямую связан с ВАКовским определением специальности. К тому же сейчас не время для терминологических изысков, поскольку названия многих наук превратились в их бренды, то есть условные обозначения, которые не отражают все их содержание. Вряд ли кто сейчас думает, что отличие географии от геологии состоит в том, что первая Землю описывает, а вторая ее изучает. Современная физическая география вовсе не является наукой о неживой природе, которую она исследует преимущественно физическими методами. Ярким примером чрезмерной диверсификации социально-экономической географии является представленная в словаре-справочнике «география социально-экономического развития» - общественно-географическая дисциплина, изучающая пространственные особенности социально-экономических изменений. Это направление связано с процессом более глубокого понимания сущности «развития» как качественного процесса в отличие от просто количественных параметров (динамика, рост и т. д.) [20].

В целом же процесс отраслевой диверсификации социально-экономической географии имеет объективный характер и связан с расширением объекта ее исследования, стремлением наиболее

полно отразить все элементы и их взаимоотношения в рамках исследования территориальной организации общества. Но, с другой стороны, этот процесс представляет реальную угрозу дальнейшему развитию нашей науки. Ограниченность кадрового потенциала профессиональных экономико-гео-графов не позволяет глубоко исследовать эти процессы и сформировать заявленные отраслевые науки в рамках социально-экономической географии. А действие по пословице «если все не съем, то хотя бы просто надкусаю» таит в себе серьезную профанацию науки.

Например, физическая география оказалась в более выгодном положении. Претерпевая в конце XIX - начале XX веков быстрое развитие отраслевых наук, она смогла выработать свое научное ядро - ландшафтоведение как изучение природных территориальных комплексов и все последующие нововведения использовала для дальнейшего углубления этого подхода. В отечественной экономической географии таким интегральным направлением стало изучение экономических районов как территориальных хозяйственных комплексов, изначально связанное с потребностями плановой государственной экономики. Однако в условиях «нового русского капитализма» в связи с резким снижением роли государства в социально-экономическом развитии страны крупные экономические районы уже не выступают инструментом долгосрочного территориального планирования, и интерес к их изучению существенно упал.

Большие сложности с теорией отечественной социально-экономической географии стали понятны широкой географической общественности уже к концу первого десятилетия нового века. В 2010 г. в Ростове-на-Дону была проведена международная научная конференция «Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития» [23]. Организаторами ее выступили Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Географический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт географии РАН, Факультет географии и геоэкологии Санкт-Петербургского государственного университета, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Русское географическое общество. В работе конференции приняли участие около 140 человек, представляющих ведущие центры социально-экономической географии России и некоторых других

стран, среди них 62 доктора наук и 47 кандидатов наук. В 2010 году в издательстве Южного федерального университета вышла книга «Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов», в которой были изложены мнения-интервью 23-х ведущих российских ученых по важнейшим проблемам развития теории и методологии социально-экономической географии [24]. Столь широкое представительство позволяет утверждать, что материалы конференции и мнений-интервью объективно отражают представление профессиональных географов о состоянии современной отечественной социально-экономической географии.

Представленные материалы объективно отразили высокий теоретико-методологический потенциал авторов, глубокое и детальное владение ими ситуацией в отечественной и мировой науке, широчайший спектр взглядов и представлений по данному вопросу. В то же время изучение этих материалов позволяет, к сожалению, сделать вывод, что отечественная социально-экономическая география серьезно больна.

1. Обвальное формирование большого числа частных социально-экономико-географических наук с их собственными теориями и методиками исследования не сопровождалось соответствующим развитием материнской науки. Социально-экономическая география, по существу, лишалась своей общей теоретико-методологической базы, а среди специалистов вообще появились сомнения в возможности создания такой ее теоретической основы.

2. Попытки найти теоретическую основу для отечественной социально-экономической географии привели со стороны экономико-географов к работам по обоснованию общей теории географии, но в этом отношении они оказались неудачными. Общая география как теория всей системы географических наук все-таки не дает ключ к решению проблем самой социально-экономической географии. К тому же обоснование такой теории требует высокого уровня взаимопонимания специалистов как общественно-географического, так и природ-но-географического блоков географии в целом. К тому же взаимоотношения между экономико-географами и физико-географами в нашей стране всегда были непростыми. В 20-30-е годы XX века экономическая география стараниями Н. Н. Баранского и его союзников была

выведена из системы экономических наук и была интегрирована в географию для подготовки географа-комплексника в рамках районной концепции. Но экономическая география сохранила свою методологическую самостоятельность, а в прикладном аспекте была тесно связана с территориальным планированием.

В середине прошлого века дискуссия о единой географии (по примеру западной мировой географии) завершилась тем, что экономическая география сохранила свою самостоятельность, хотя подчеркивалась необходимость более тесных связей между физико-географическими и экономико-географическими исследованиями. По существу было признано, что под общим названием «география» существовали две различные науки - физическая и экономическая географии [9, 14]. Ситуация существенно изменилась на рубеже XX и XXI веков, когда методологические различия между этими науками уменьшились и появилась возможность обоснования общегеографических теоретических конструкций.

3. Преимущественное развитие социально-географических, культурно-географических и политико-географических исследований в социально-экономической географии привело к тому, что такой традиционный объект ее исследования как территориальная организация хозяйства оказался на периферии ее интересов. Дальнейшее развитие этой тенденции может привести к тому, что социально-экономическая география потеряет право называться экономической наукой. В основе этого негативного явления лежат две причины. Процессы развития, в том числе и территориальной организации современной мировой и отечественной экономики вряд ли могут быть объяснены и прогнозируемы лишь на основе исторически сложившейся в условиях раннего индустриального развития (и изолированной от мировой экономики) советской модели развития и размещения производительных сил. Кардинально изменились с тех пор условия современной экономической деятельности, в которой энерго-производственный подход потерял свое основное значение.

Резкое снижение интереса к проблемам территориальной организации хозяйства связано и с естественным процессом смены кадров. Можно вспомнить, что в 20-30-ые годы прошлого века у специалистов районной школы возникло представление, что исследование отдельных отраслей хозяйственной деятельности -

это удел экономистов. Вероятно, это было связано с предубеждением против сложившегося еще в дореволюционной России отраслево-статистического направления. В рамках такой концептуальной модели экономико-географы должны были заниматься исследованием экономических районов.

Ситуация существенно изменилась в 50-60-е годы XX века, когда внутри экономической географии сложились мощные научные школы по географии промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Правда, в отличие от экономистов, акцент был сделан на изучение отраслей хозяйства через призму формирования их территориальных комплексов в тесной связи с процессами районо-образования.

В какой-то степени аналогичная ситуация сложилась с экономическими районами как объектом исследования экономической географии. Уже в 70-80-е годы XX века, в связи с усилением отрасле-во-монополистического руководства советской экономикой, интерес к проблемам экономического районирования был настолько потерян, что исследование районов приобрело сугубо учебно-академический характер [12]. Немалую роль в этих процессах сыграло быстрое формирование региональной экономики, которая во все большей степени стала вытеснять экономическую географию из сферы исследования проблем территориальной организации производительных сил. В этих условиях экономическая география во все большей степени стала трансформироваться в сугубо вузовскую науку, мало связанную с практикой планирования. Все эти процессы своего завершения нашли уже в современной российской социально-экономической географии.

4. Отмеченные процессы в определенной степени осложняют вузовскую подготовку экономи-ко-географов. До сих пор учебные планы строились на основе теории и учета внутренней структуры отечественной социально-экономической географии как науки. В современных условиях теоретического разнобоя и формирования большого числа научных направлений возникает вопрос: какую теорию давать и какие субдисциплины (из огромного их числа) включать в учебный план. К тому же ситуация на рынке труда требует подготовки специалистов с конкретными навыками и умениями в их будущей деятельности.

5. В современных условиях развития страны усилия социально-экономической географии, по нашему мнению, должны

быть направлены на исследование тех изменений, которые произошли на этапе «нового российского капитализма», и на определении хотя бы основных тенденций предстоящего развития. Поэтому полезно вспомнить призыв американского географа еще первой половины XX века К. О. Зауера, который, обращаясь к своим коллегам, писал, что географы должны знать, что происходит с нашей землей [12]. Применительно к современной российской действительности отечественная социально-экономическая география обязана отвечать: что происходит с нашей природной средой, нашей экономикой и нашим обществом.

Решение всех этих сложнейших проблем потребует от специалистов, работающих в сфере социально-экономической географии, предпринять большие усилия по развитию интеграционных процессов в этой науке. В истории отечественной географии уже были периоды, когда интенсивная отраслевая дифференциация вызывала ответное развитие в виде интеграционных направлений. Классическим примером является учение В. В. Докучаева о природных территориальных комплексах, которое впоследствии сформировалось в виде ландшафтоведения. По нашему мнению, интеграционные процессы в социально-экономической географии возможны трех видов: субнаучная интеграция в сфере самой социально-экономической географии, научная интеграция - развитие социально-экономической географии в общей системе географических наук, межнаучная интеграция -развитие связей социально-экономической географии с теми негеографическими науками, которые наиболее важны для развития учения о территориальной организации общества и реализации его в сфере управления.

Субнаучная интеграция для современной социально-экономической географии, пожалуй, имеет важнейшее значение. Интеграция возникших новых субдисциплин в рамках общей социально-экономической географии - залог ее дальнейшего развития. Необходимо, в первую очередь, определить наиболее значимые процессы, которые формируют территориальную организацию общества. На этой основе определить перечень субнаучных дисциплин, которые составят ядро отечественной социально-экономической географии. В их число, вероятно, следует включать экономическую географию, географию

размещения и расселения населения, географию сферы обслуживания населения, географию природопользования и ту часть политической географии, которая исследует процессы управления обществом.

В рамках субнаучной интеграции социально-экономическая география должна определить свой базисный территориальный объект исследования. По нашему мнению, им может выступать социально-экономический район (регион). При этом термин «регион» на современном этапе более предпочтителен, поскольку под термином «район» мы исторически понимали «экономический район», то есть регион определенного типа. Развитие теории социально-экономического районирования должно учитывать не только проблемы их делимитиза-ции, но и формирования их функциональной и территориальной структур. Такие регионы сформировались на разных территориальных уровнях, хотя основными из них в настоящее время выступают мезорайоны (субъекты РФ) и микрорайоны (муниципальные образования). В связи с особенностями современного территориального управления на первый план выступает исследование процессов формирования мезорайонов, их типология и происходящие функциональные изменения. Такой подход позволяет проследить основные тенденции формирования территориально-функциональной структуры страны.

Научная интеграция современной российской социально-экономической географии определяется ее отношениями с другими структурными блоками в рамках общей системы географических наук. Это в определенной степени связано с тем, что граница между естествознанием и обществоведением проходит внутри всех этих структурных блоков. Например, физическая география, конечно, относится к наукам о Земле и изучает территориальную дифференциацию природы в рамках географической оболочки, но там, где она исследует антропогенное воздействие на природу, она частично «перекрывается» социально-экономической географией. С другой стороны, социально-экономическая география, несомненно, относится к группе общественных наук, поскольку исследует процессы территориальной организации общества, но там, где она изучает воздействие на них при-родно-ресурсного потенциала экономического развития и экологические условия жизни людей,

она «перекрывается» физической географией и геоэкологией. Аналогично можно было бы сказать о самой геоэкологии и природопользовании.

В этой связи в рамках научной интеграции первостепенное значение для экономико-географов приобретает не поиск общей теории географии, а участие в разработке конкретных проблем на стыке с другими географическими науками. Например, совместно с физико-географами исследование возможностей определения природно-ресурс-ного потенциала регионов, природных территориальных комплексов и их отдельных элементов. Совместно с геоэкологами разработать эколого-экономическую оценку территорий, а с представителями еще только формирующегося природопользования определить параметры рационального природопользования регионов по видам хозяйственной деятельности не только на основе охраны природы, но и определения целесообразности экономического механизма такой деятельности.

Межнаучная интеграция, то есть тесные взаимные связи с негеографическими науками, всегда была сложнейшей проблемой социально-экономической географии. Можно вспомнить о непростых отношениях отечественной экономической географии с экономикой и историей. Тогда дискутировался вопрос: историческая география - это география или история. На протяжении десятилетий непросто выстраивались отношения экономической географии и экономики. Даже внутри самих экономико-географов было определенное противостояние в основном вузовских теоретиков и тех экономико-географов, которые работали в экономических структурах, а потом стали преподавателями в экономических вузах и факультетах.

Многократно обострилась проблема межнаучной интеграции в современной социально-экономической географии в связи с формированием в ней многочисленных пограничных дисциплин, которые, в принципе, не могут дальше развиваться вне тесных связей с пограничными негеографическими науками. Появились упреки в адрес ряда известных российских экономико-геогра-фов, которые якобы ушли за пределы «географического поля». Вероятно, нужно признать, что широкая межнаучная интеграция - это не ошибочная позиция отдельных исследователей, а объективный процесс в отечественной социально-экономической географии. Можно

вспомнить высказывание выдающегося отечественного исследователя В. И. Вернадского, который писал, что в будущем научные системы будут формироваться не по объектам исследования, а по решаемым проблемам. Теперь, наверное, мы все понимаем, что социально-экономическая география может одновременно входить в разные научные системы.

Для современной социально-экономической географии особенно важны связи с теми прикладными науками, которые выступают базой практической реализации географических исследований, то есть внедрение их в систему современного управления. Среди таких наук необходимо в первую очередь назвать региональное планирование (а более точно, региональное программирование) [20]. В последние годы на государственном уровне сформировалась система стратегического планирования, определяемая специальным федеральным законом [25]. В этом законе определен принцип, задачи и перечень соответствующих документов, причем разработка некоторых из них прямо требует участия в них экономико-географов. Личный опыт одного из авторов статьи [15] позволяет утверждать, что участие в таких работах экономико-географов доброжелательно оценивается региональными и местными властями.

На современном этапе для отечественной социально-экономической географии приобретает более активное участие в регионоведческих исследованиях. Под регионоведением в настоящее время понимают, с одной стороны, широкую междисциплинарную область, направленную на исследование региона, а с другой стороны, комплексную дисциплину [20]. По мнению автора, в настоящее время происходит определенная консолидация таких направлений, как региональная экономика, региональная социально-экономическая география, региональная социология, региональная политология, региональный менеджмент и муниципальное право, поскольку ни одна из названных наук не может претендовать на глубокое, достоверное исследование региона, определение его потенциала, «узких мест» развития, определение внутренних и внешних угроз и на этой основе разработать перспективные планы его развития [10].

Настоящей статьей мы завершаем серию исследований развития теории отечественной социально-экономической географии на протяжении последнего почти 100-летнего периода

и, конечно, высказываем авторскую оценку. Выражаем надежду, что этот цикл работ окажется полезным в аспекте современного обсуждения теоретических основ нашей науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. И. География населения / А. И. Алексеев // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 56.

2. Александрова А. Ю. Рекреационная география / А. Ю. Александрова // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник. отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 214.

3. Горкин А. П. Общественная география / А. П. Горкин // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 164-165.

4. Даньшин А. И. География религий / А. И. Дань-шин // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 60-62.

5. Куричев Н. К. Новая экономическая география / Н. К. Куричев // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ошдтмена, 2013. - С. 162-163.

6. Мироненко Н. С. Геоэкономика / Н. С. Миронен-ко // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. -Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 69-70.

7. Мироненко Н. С. Политическая география / Н. С. Мироненко // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ошдтмена, 2013. - С. 177-178.

8. Мироненко Н. С. Региональная экономика / Н. С. Мироненко // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 212.

9. Поросенков Ю. В. Отечественная экономическая география в 40-50 годах XX века / Ю. В. Поросенков // Вестник

Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - 2014. - № 4. - С. 142-149.

10. Поросенков Ю. В. Регионоведение в системе российского высшего географического образования / Ю. В. Поросенков // Современные проблемы регионоведения : доклады первой Всероссийской конференции. - Санкт-Петербург, 2009. - С. 182-187.

11. Поросенков Ю. В. Формирование отечественной рекреационной географии и проблемы социально-экономико-географических исследований рекреационной деятельности / Ю. В. Поросенков, Т. М. Худякова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - 2009. - № 2. - С. 5-11.

12. Поросенков Ю. В. История и методология географии / Ю. В. Поросенков, Н. И. Поросенкова. - Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1991. - 224 с.

13. Поросенков Ю. В. История формирования и современные особенности методологии российской социальной географии / Ю. В. Поросенков, О. Ю. Суш-кова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - 2015. - № 2. - С. 60-72.

14. Поросенков Ю. В. Советская экономическая география в 60-80-х годах XX века / Ю. В. Поросенков, О. Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - 2015. - № 1. - С. 78-91.

15.Поросенков Ю. В. Региональная схема размещения производительных сил Воронежской области / Ю. В. Поросенков, О. Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - 2015. - № 2. - С. 50-57.

16.Поросенков Ю. В. Формирование теоретических основ отечественной экономической географии в 20-30-х годах XX века / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - 2014. - № 3. - С. 116-127.

17. Савоскул М. С. Социальная география / М. С. Савоскул // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 238-240.

18. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю. Г. Саушкин. - Москва : Мысль, 1973. - 559 с.

19. Словарь русского языка : в 4 т. / Институт русского языка АН СССР. - Москва : Русский язык, 1986.- Т. 2. - 736 с.

20. Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена. - 328 с.

21. Стрелецкий В. Н. География культуры / В. Н. Стрелецкий // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. -Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 54-55.

22. Стрелецкий В. Н. Культурная география / В. Н. Стрелецкий // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 119-120.

23. Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития : материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 4-8 мая 2010 г. / под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова. - Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2010. - 476 с.

24. Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов / под ред. А. Г. Дружинин, В. Е. Шувалов. - Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2010. - 166 с.

25. Федеральный закон «О стратегическом планировании в российской Федерации». - Москва, 2014. - 34 с.

26. Шувалов В. Е. Социально-экономическая география / В. Е. Шувалов // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 240-241.

27. Шувалов В. Е. Экономическая география / В. Е. Шувалов // Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 304-305.

IV. СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ. ГЕОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ И РАССЕЛЕНИЯ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ[16]

Настоящая статья продолжает авторский анализ исторических особенностей развития теории отечественной социально-экономической географии и основных ее направлений [20, 21, 22, 23, 24, 25, 26].

Российская социальная география относится к числу тех отраслей общественной (социально-экономической) географии, сущность которых «выкристаллизовалась» лишь на рубеже XX и XXI веков. Именно это определяет внутреннюю противоречивость и неоднозначность понимания этой науки и круга исследуемых ею явлений и процессов. Если исходить из того, что наука является сферой человеческой деятельности, функциональное предназначение которой заключается в выработке и систематизации объективных знаний о дей -ствительности; система знаний, вскрывающая закономерности в развитии природы и общества и способы воздействия на окружающий мир, то истоки социальной географии уходят в глубокую древность, хотя как самостоятельная наука со своей методологией и методикой, сложившимися научными школами социальная география, без сомнений, - наука новейшего времени.

Сам термин «социальная география» в научных исследованиях появился еще в конце XIX века, хотя в это понятие различные ученые вкладывали неодинаковый смысл. По мнению Г. Дунбара, термин «социальная география» впервые был упомянут в 1884 году П. де Рузье - представителем французской школы экономистов и социологов. Э. Де-молен определил сущность социальной географии в выявлении влияния местных условий, в

[16] История формирования и современные особенности методологии российской социальной географии / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2015 .— № 2. - С. 60-73

том числе природы, на социальное развитие, образование «общественных» типов. В 1895 году термин «социальная география» был использован Э. Реклю (сначала в письмах, а потом в его капитальной работе «Всеобщая география») в обозначении исторически меняющегося влияния природных условий на характер труда и образ жизни людей. Однако точное содержание термина не было раскрыто и не привело к созданию социально-географического направления. По мнению А. Огурцова, в словаре «Современная западная социология», термин «социальная география» впервые был введен в научный оборот в 1913 г. году Штейнметцем, который предложил выделить социогеографию или социальную географию как особую социологическую дисциплину для описания жизни народов той или иной эпохи.

В первой половине XX века мировая социальная география развивалась в тесной связи с социологией. Социология в настоящее время определяется как наука об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, процессах, социальных группах и общностях, отношениях личности и общества, закономерностях массового поведения людей. Как самостоятельная наука социология определилась в конце XIX - начале XX веков, хотя сам термин получил широкое распространение еще раньше. Мировая социология возникла на стыке нескольких различных дисциплин и долгое время не имела своего четко определенного предмета исследования. Вначале социология встречала сильную оппозицию со стороны философии и истории, не вписывалась в консервативную систему классического гуманитарного образования. В конце XIX века социология стала университетской дисциплиной. В 1892 году возникла первая кафедра социологии в Чикагском университете, а в 1893 году организован Международный институт социологии в Париже. В начале XX века возникли первые социологические общества и ассоциации. Преподавание социологии было введено во многих европейских и американских университетах. В результате начавшейся в 1920-х годах интенсивной профессионализации и специализации в науке социология заняла одно из центральных мест в системе общественных наук. Социология стала изучаться и преподаваться в большинстве стран мира и в 70-х годах включала в себя свыше 40 специализированных отраслей [13].

В первые десятилетия XX века в мировой науке происходит формирование географических школ, активно выступавших против геополитики, социального дарвинизма и некоторых других теоретических доктрин. Это прежде всего относится к французской географической школе «география человека», основателем которой выступал Поль Видаль де ля Блаш. Он обосновал концепцию по-сибилизма: природа дает человеку лишь определенные возможности, а общество само определяет, как их использовать. Последователи школы «география человека» считали, что задача географии заключается в анализе ландшафта для выявления образа жизни человеческих коллективов. Работа Поля Видаля де ля Блаша «Принципы географии человека» (1921г.) - первое исследование, с которого начинается региональная социальная география. Географы амстердамской социологической школы, критикуя географический детерминизм, обращали внимание на связи социологии и географии. Задачей социальной географии (как одного из направлений социологии), по их мнению, выступает изучение географического контекста жизни социальных групп. Социальная география в круг своих проблем относит социальное пространство, отношения между населением и территорией, зависимость социальной жизни от окружающей среды, влияние освоения природы на развитие внутриобщинных и межобщинных связей.

Задача исследовать связи человека со средой и обществом стала решаться в рамках возникшей в начале XX века теории «экологии человека» (в аспектах не как непосредственного влияния среды, а как следствие экономической, социальной и политической деятельности). Например, американский географ А. Берроуз способствовал тому, что ряд национальных школ отклонили концепцию географического детерминизма. Экологического подхода придерживался основоположник американской историко-географической школы Карл Зауэр [23]. Он трактовал географию как экологию культуры, поскольку ее исследования происходят в рамках социально-культурных и природных единиц, где велика роль деятельности человека. По мнению К. Зауэра, культурные комплексы постоянно развиваются, но их эволюция не всегда является следствием действия только местных природных факторов. Культуры отдельных народов взаимно переплетаются, характеризуются диффузией и

взаимовлиянием. По мнению К. Зауэра, география как экология человека изучает не причинные связи в природе, а - это наука о человеческой деятельности.

В 20 годы XX века критическая ситуация в развитии социальной географии сложилась в советской экономической географии. Ее идеологизация и полное вытеснение социальных проблем, борьба с «буржуазными пережитками», резкая ограниченность информации приостановили в стране развитие социальной географии. В 1922 году социология как учебная дисциплина была запрещена. По мнению С. Б. Лаврова, А. А. Анохина и Н. Т. Агафонова, первый период развития отечественной социальной географии совпал с послевоенным этапом развития страны (вторая половина 40-х -50-е гг. XX в.) и характеризовался тем, что в рамках экономико-географических и этнографических исследований рассматривались отдельные социальные явления и процессы. Поэтому социальная география в нашей стране первоначально формировалась на основе географии населения. К тому же она сразу приобрела междисциплинарный характер, поскольку исследования территориальных различий социальных групп, как и всего населения, стало предметом не только географии, но и формирующейся региональной социологии. Однако еще в 1976 году у Ю. Г. Сауш-кина в курсе лекций «История и методология географической науки» социальная география отсутствует в перечне социально-экономических географических наук [32].

Особенностью отечественной социальной географии является определенное отставание в обосновании своей идентичности в системе общественной географии. Во-первых, это связано с явной задержкой отечественных социологических исследований, а во-вторых, с тем, что некоторые аспекты территориальной организации жизни (в том числе уровня, качества и образа жизни) традиционно рассматривались в географии населения и в географии сферы обслуживания. На этой основе еще в 70-80-е годы и сложилось убеждение, что самостоятельной социальной географии не существует, поскольку экономическая география должна исследовать и социальные аспекты экономических процессов. Предвестником отечественной социальной географии стал Р. М. Кабо, который еще в 40-х годах XX века не только заложил ее некоторые теоретические основы, но и дал образец

такого регионального исследования на примере Чуйской долины Алтая. В последующем те или иные вопросы, входящие в настоящее время в объект исследования социальной географии, рассматривались в работах Ю. Г. Саушкина, В. В. Покшишевского, С. А. Ковалева, И. В. Бестужева-Лады, Т. А. Заславской, Н. М. Римашевской. В 70 и 80 годы в связи с трансформацией экономической географии в общественную (социально-экономическую) географию формируется уже достаточно большой коллектив ученых, научных и вузовских центров, где исследуются проблемы, в той или иной степени относящиеся к сфере деятельности социальной географии (А.И.Алексеев, Р. В. Рывкина, Н. В. Зубаревич, А. И. Трейвиш, А.А. Ткаченко, Н. Т. Агафонов, А. А. Анохин, А. И. Чистобаев, М.Д. Шарыгин, Е. Г. Анимица, К. Н. Мисевич, Т. В. Райтвийр, П.Я. Бакланова, А. Г. Дружинин, А. П. Катровский и многие другие). Однако, несмотря на весьма заметные успехи развития социальной географии, до сих пор сохраняется неоднозначность ее понимания.

В последнем словаре-справочнике «Социально-экономическая география: понятия и термины» [35] М. С. Савоскул определила социальную географию как ветвь социально-экономической географии, которая изучает пространственные процессы и формы организации жизни людей, прежде всего с точки зрения условий труда, быта, отдыха, развития личности и воспроизводства жизни человека, взаимосвязь между различными аспектами человеческой деятельности и их проявлением в пространстве [30]. Поэтому к сфере ее деятельности практически относят все географические исследования, не затрагивающие изучение материального производства и природных ресурсов. По-существу такой подход принципиально совпадает с определением этой науки, обоснованным Э. Б. Алаевым еще в 1983 году в его понятийно-терминологическом словаре «Социально-экономическая география» [1].

По мнению М. С. Савоскул, предельным объектом социальной географии является «все человечество», а конкретные объекты - различные территориальные общности людей, постоянно трансформирующиеся пространственно-социальные системы. По мнению этого автора, в широком смысле социальная география охватывает всю совокупность всех разделов и направлений общественной географии, изучающих социально-

пространственные группы населения, территориальные различия в условиях, уровне и образе жизни населения. Поэтому к социальной географии относятся география населения, география сферы обслуживания, география потребления, рекреационная география [20]. При такой трактовке социальная география - это комплекс уже сложившихся наук внутри общественной географии.

По мнению Э. Б. Алаева, в социальной географии категории возможности, необходимости, рациональности рассматриваются через оценку условий жизни отдельного человека как биологического вида и личности, различных общностей людей и общества в целом. Потом эти различия получают экономическую, политическую, технологическую и иную интерпретацию. Поэтому основной предмет исследования социальной географии - объяснение и прогнозирование пространственных аспектов поведения людей. Э. Б. Алаев считал, что объектом исследования социальной географии выступают различные территориальные общности людей, их исторические особенности развития, внутренняя структура, связи с производством и окружающей средой, взаимосвязи между разными территориальными общностями, различные группы населения (классовые, национальные, профессиональные) внутри этих общностей. Социальная география исследует и региональные различия в условиях жизни людей (природные, экономические, социальные), «пути выравнивания уровней жизни» между различными районами и типами поселений. По мнению этого ученого, социальная география исследует и региональные различия воспроизводства населения и трудовых ресурсов, пространственные перемещения людей. Конкретными объектами наблюдения социальной географии автор считал и различные типы, формы, сети и системы населенных пунктов, районы и страны. Однако при этом основной «единицей наблюдения» служит человек, который в случае необходимости характеризуется по своей классовой, национальной, семейной, производственной принадлежности, полу, возрасту, образованию, профессии, состоянию здоровья и т.п. Э. Б. Алаев считал, что объекты, отношения и процессы, изучаемые социальной географией, требуют интегрального подхода, включающего экономические и экологические оценки, поэтому четкой грани между социальной и экономической географии не существует [1].

Свое понимание сущности социальной географии представили в 1983 году С. А. Ковалев, А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко [12]. Авторы отмечали, что содержание самого понятия «социальная география» и ее положение в системе географических наук трактуется очень по-разному и выделили три группы взглядов. Первая группа объединяет взгляды исследователей, которые считали, что социальная география - это новая наука в составе географии населения. Так, А. А. Долинин считал, что социальная география - новая наука в составе географии населения, которая занимается изучением региональных особенностей социального состава населения и социальных явлений [8]. А. А. Анохин и А. И. Костяев также определяли социальную географию «новой отраслью» географии населения, которая изучает пространственную организацию социальной жизни районов разных иерархических типов [2].

Вторая группа взглядов объединяет мнение ученых о том, что социальная география - самостоятельная наука наряду с экономической географией и географией населения. Такую точку зрения отстаивали сотрудники Тартуского университета Эстонии. Так, С. Я. Ныммик считала, что социальная география на эмпирическом уровне изучает «систему пространственных отношений в непроизводственной сфере» (от территориальной организации отраслей до географических различий в образе и уровне жизни населения). Поэтому география населения и социальная география частично перекрывают друг друга, хотя и являются самостоятельными науками в системе общественной географии [18]. По мнению Т. В. Райтвийр, в рамках узкой трактовки социальная география - это «социологическая география», изучающая социологические объекты, смысл исследования которой заключается в исследовании и управлении социальной сферой территориальных систем [28]. При этом тоже сохраняется размытость границы между социальной географией и географией населения.

Третья более многочисленная группа взглядов исходила из того, что социальная география не является какой-то самостоятельной наукой в рамках общественной географии, а представляет «социальный срез», социальный подход в исследовании хозяйства, расселения населения и даже отчасти природной среды. Так, Ю. Г. Саушкин полностью отрицал

возможность формирования социальной географии как особой новой отрасли общественной географии, а считал ее лишь социально-географическим аспектом исследования в рамках этой науки [31]. В. М. Гохман выделял в системе общественной географии три направления исследований (социально-географическое, экономико-географическое и культурно-географическое), которые можно выделить в каждом из ее традиционных направлений [7].

Наряду с этими распространенными точками зрения в отечественной географии были и другие взгляды, которые трактовали понятие социальной географии еще более широко. Например, по В. В. Покшишевскому социальная география - единственная из обществоведческих географических наук, которая включает в себя и всю экономическую географию [19], а Н. К. Мукитанов считал, что социальная география должна исследовать социальные функции географической среды, которые у нее формируются в процессе включения ее в хозяйственную деятельность [17]. Оценивая все эти весьма различные подходы, Э. Б. Алаев еще в начале 80-х годов прошлого века сделал вывод, что дальнейшая социологизация и гуманизация географии превратят социальную географию в «венец» географического знания [1]. Однако, несмотря на исключительную важность социально-географических исследований становление этого направления отечественной общественной географии до сих пор встречает немало сложностей.

Столь же неоднозначное понимание сущности социальной географии сложилось и в зарубежной науке. В словаре общегеографических терминов, изданном английскими географами под редакцией Дадли Стампа в 1961 году (в русском переводе в 1976 г.) приведена подборка взглядов разных ученых на понимание этой науки [33]. По мнению Gilbert E.W. и Steel P.W., социальная география имеет 4 основных раздела. 1. Распределение населения на Земном шаре. 2. Распределение и тип сельских поселений. 3. Географическое учение о городах или «география городов». 4. Распределение социальных групп и их «образ жизни» в различных условиях внешней среды, включающее географический анализ жилищных условий, благосостояния и условий труда [33]. Taylor (1951) под социальной географией понимал выявление различных районов земли в зависимости от сочетаний социальных условий на

основе общих влияний внешней среды. J. M. Houston в 1953 году определял социальную географию как учение о сельских и городских поселениях и их населении [33]. W. Fitzgerald в 1945 году считал, что социальная география изучает пространственное распределение или структуру явлений, которые имеют социальную значимость для человека, причем они рассматриваются не изолированно, а во взаимопроникающих соотношениях с общим окружением человека, подвергающегося непрерывному изменению [33]. C.C. Huntington и F.A. Carlson еще в 1931 году писали, что социальная география изучает взаимоотношения между человеком и окружающей его средой с точи зрения человека и его деятельности. При этом люди рассматриваются не как индивидуумы, а в группах, в целом в их отношении к тому миру, составной частью которого они являются [33].

В комментарии составителей словаря о столь неоднозначном понимании сущности социальной географии отмечается, что согласно Хьюстону (J.M. Houston) термин «социальная география» впервые был использован в 1908 году Камилем Валло в значении «география человека» (Human Geography). О формальном понимании термина британскими географами свидетельствует такой факт: когда Лондонский университет в 1948 году создал кафедру социальной географии при Лондонской школе экономики и Дадли Стамп стал ее первым профессором, то название означало не более чем сферу исследований в области, связанной с социальными науками [33].

Такая сложность понимания сущности социальной географии (как в отечественной, так и мировой науке) несомненно имеет объективный характер и связана, во-первых, с неоднозначностью понимания термина «социальный», а во-вторых, с историческими аспектами формирования национальных школ общественной географии. В самом общем виде термин «социальный» [от лат. socialis] - общественный, то есть связанный с жизнью и отношениями людей в обществе [34, 35]. В свою очередь, «общество» в широком смысле - совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей; в узком смысле - исторически конкретный тип социальной системы, определенная форма социальных отношений; совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни; исторически

конкретный тип социальной системы, определенная общественно-экономическая формация.

Некоторые исследователи трактуют термин «социальный» более развернуто и выделяют в нем три аспекта: 1) существенная черта общественного человека - способность к совместной деятельности, существование сообществами и постоянное их воспроизводство через деятельность индивидов и их групп; в результате этого возникает, формируется и устанавливается конкретный тип единства взаимодействующих индивидов и групп;

2) совокупность характеристик взаимодействующих индивидов (как членов различных групп) формируется благодаря статусной динамике и изменения характера взаимодействий и отношений;

3) интерсубъективная реальность «повседневного мира» создается, интерпретируется и воспринимается через типизацию смыслов и значений. Такой анализ рассмотрения термина «социальный» в его воспроизводственном аспекте требует осмысления термина «социализация», который трактуется, с одной стороны, как процесс усвоения и дальнейшего развития индивидом социально-культурного опыта - трудовых навыков, знаний, норм, ценностей, традиций, которые накапливались и передавались от поколения к поколению, а с другой, как процесс введения индивида в систему общественных отношений и формирование у него социальных качеств.

В целом такой понятийно-терминологический анализ весьма полезен, но не может определить сущность «социальной географии» и ее положение в системе географических наук. Решение этой задачи требует ***применения историко-генетической методологии,*** которая позволяет проследить формирование социальных отношений между людьми и их территориальными группами на разных этапах развития географической науки и сопредельных с ней областей знания.

Несмотря на отмеченные сложности, на рубеже XX и XXI веков все же произошел интенсивный процесс становления социальной географии как самостоятельного направления в системе отечественной общественной географии. Резко возросло число проводимых исследований, сформировались кадры профессиональных исследователей и основные научные центры на базе ведущих университетов страны и академических центров. Все

более совершенствуется методика социально-географических работ. В то же время пока сохраняется неодинаковое понимание таких базовых аспектов этой науки, как объект, предмет исследования, основные научные подходы, внутренняя структура социальной географии и ее положение в общей системе отечественной науки, прикладные ее аспекты.

Неоднозначное понимание социальной географии делает необходимым более четкое определение ее основных принципов и методологии. В этой связи кратко остановимся на основных базовых понятиях. «Принцип» (от лат. principium - начало, основа) - не только основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, но убежденность в чем-либо, точка зрения на что-либо, норма или правило поведения. Такое определение уже изначально выявляет двойственный «объективно-субъективный» характер научной методологии. С одной стороны, она должна «фокусировать» основные, базовые положения ее теории,а с другой, неизбежно отражает определенный временной «срез» познания реальной действительности.

«Методология» - (от метод и ... логия) - учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности; методология науки - учение о принципах построения, формах и способах научного познания. Кроме того «методология» понимается как совокупность приемов исследования, применяемых в какой-либо науке и как учение о методе научного познания. Поэтому, если первая трактовка понимания методологии непосредственно связывает ее с принципами научного исследования, то вторая - с методикой науки. При этом «метод» (от греч. methodos) понимается как способ достижения какой-либо цели, решение какой-то конкретной задачи, совокупность приемов и операций практического или теоретического познания действительности [36], а «методика» -как совокупность методов и приемов исследования, как и учение о методах преподавания науки. Изложенную неоднозначность трактовки приведенных базовых понятий, вероятно, необходимо учитывать при определении основных принципов и методологии социальной географии, принимая во внимание периоды ее развития и специфику национальных научных школ.

Современное понимание основных принципов и методологии социальной географии может строиться лишь в тесной

взаимосвязи с существующей методологией общественной (социально-экономической) географии, объектом исследования которой выступает территориальная организация общества (ее формы, процессы, закономерности) [35]. При этом под «обществом» в широком смысле понимается совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей, в узком смысле - исторически конкретный тип социальной системы; совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни. Такому пониманию общества вполне соответствует определение социальной географии как одной из субдисциплин общественной (социально-экономической) географии, изучающей пространственные процессы и формы организации жизни людей, прежде всего в аспекте условий труда, быта, отдыха, развития личности, воспроизводства жизни человека, взаимосвязь между различными аспектами человеческой деятельности.

Столь широкое определение объекта исследования социальной географии (в который, по мнению М. С. Савоскул, включаются все области географических исследований, за исключением материального производства и изучения природных ресурсов [35]), делает достаточно сложным определение предмета ее исследования и внутреннюю структуру. М. С. Савоскул отмечает, что предельным объектом исследования социальной географии выступает все человечество, а конкретными объектами изучения являются различные территориальные общности людей. В то же время, по мнению А. А. Ткаченко, территориальная общность -пространственная форма жизнедеятельности населения, возникающая вследствие проживания населения на общей территории, как отдельного поселения, так и системы расселения. Территориальную общность людей формирует их как непосредственные, так и опосредованные взаимоотношения: межличностное общение, совместное использование территории, инфраструктуры, совместная трудовая деятельность и общая система управления [35].

В зависимости от масштаба исследования территориальная общность людей может быть глобальной, межстрановой, страновой, региональной, локальной. По мнению М. Д. Шарыгина и В. К. Ковылова, региональная общность людей - это совокупность людей, объединяемая множеством социальных,

духовных, экономических, политических и иных связей, характеризующаяся единством отношений к территории проживания. Поэтому региональная общность людей - это социум, население региона, жизнедеятельность которого протекает под влиянием исторических, природных, этнических, производственных и иных условий, а также форм межличностного общения [40]. Несмотря на значительное смысловое наложение понятий, территориальная общность людей выступает не только объектом социальной географии, но и географии населения, географии сферы обслуживания, политической географии, географии культуры и других. Следовательно, территориальная общность людей - междисциплинарный объект исследования многих социально-экономико-географических наук, что делает весьма непростым определение объекта исследования социальной географии в отличие от других близких ей географических наук.

Более четко объект социальной географии (в ее узком понимании) можно определить с помощью системно-структурной методологии. По мнению Э. Б. Алаева, система - это сочетание объектов (с их свойствами, отношениями) с упорядоченными взаимными связями, что придает сочетанию новые качества: целостность, автономность, устойчивость [1]. Внедрение этого подхода в географии привело к обоснованию таких понятий, как «территориальная система», «геосистема», «социально-экономическая геосистема». В таком контексте объект социальной географии можно представить как территориальную систему процессов и форм организации жизни людей, а элементами такой системы выступают условия труда, отдыха, развития личности, воспроизводства (демографического, миграционного, социального, культурно-этнического, экистического и других) жизни территориальных общностей людей.

В целом же все разнообразие современных взглядов на сущность отечественной социальной географии можно обозначить тремя подходами. Первый подход, социальная география - это наука, исследующая в территориальном аспекте социальные процессы, соотношения, структуры; это - геосоциология как часть системы географии населения. Второй подход, социальная география -это междисциплинарный комплекс самостоятельных наук (таких как география населения, география сферы обслуживания, география культуры и т. п.) внутри общественной

географии. Третий подход, социальная география - самостоятельная наука внутри общественной географии с собственным объектом исследования. Нам представляется вполне возможным, что развитие отечественной социальной географии будет и дальше происходить по всем этим направлениям. Однако, по нашему мнению, более желательно развитие социальной географии как самостоятельной субдисциплины в рамках отечественной общественной географии. Такое развитие позволит помимо «отраслевых» аспектов сконцентрировать усилия на комплексном понимании и определении процессов и результатов территориальной организации жизни людей. С нашей точки зрения, таким интегральным ее выражением выступают «образ жизни населения» и такие его частные аспекты, как «уровень» и «качество» жизни населения.

Понятие «образ жизни населения» еще не вошло в перечень понятий современной социально-экономической географии [33, 35], хотя уже давно используется в социологии. Как философско-со-циологическое понятие «образ жизни» охватывает совокупность типичных видов жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом, в единстве с условиями жизни. Такое понимание позволяет рассматривать во взаимосвязи основные сферы жизни людей, труд, быт, культуру, политическую жизнь. По мнению этнографа В. И. Толстых, образ жизни - устоявшиеся, типичные для исторически конкретных социальных отношений формы индивидуальной и групповой жизнедеятельности людей, которые характеризуют особенности их общения, поведения и склада мышления в сфере труда, общественно-политической деятельности, быта и досуга. При такой трактовке «образ жизни» имеет ярко выраженный территориальный характер. Недаром, в 1980 году С. А. Ковалев и Н. Я. Ковальская в своем учебном пособии «География населения СССР» в перечне основных разделов географии населения обозначили географическое изучение культуры, быта и образа жизни территориальных групп населения, хотя и отметили, что это направление находится еще на этапе формирования.

В это же время исследованием образа жизни населения занималась Р. В. Рывкина, обосновавшая его как совокупность конкретных форм жизнедеятельности во всех сферах общественной жизни: труд, потребление, воспроизводство,

управление, общественно-политическая деятельность [29]. По ее мнению, изменения образа жизни выступают важнейшим индикатором социального развития, в процессе которого меняются цели, активность, интересы людей. Автор отмечала тесную связь образа жизни с уровнем жизни, поскольку в основе образа жизни лежат потребности людей, определяющие весь набор их интересов [10]. Большой сложностью исследования и использования оценок образа жизни выступает неформализуемость основных его индикаторов, почти полное отсутствие стандартных статистических показателей, поэтому преобладают социологические методы исследования, что делает крайне сложным, а порой и невозможным определение территориальных различий в образе жизни населения.

Частными аспектами образа жизни населения выступают уровень и качество жизни. Эти понятия еще не вошли в употребляемую терминологию общественной географии, а пока употребительны в философии и социологии. Например, даже в современном словаре-справочнике «Социально-экономическая география: Понятия и термины» приведены понятия «уровень промышленного производства», «уровень промышленного развития», но нет «уровня жизни» [35]. В общесоциологическом смысле «уровень жизни» - это уровень потребления населения, который характеризуется системой показателей: объем реальных доходов на душу населения, уровень и структура потребления продовольственных, непродовольственных товаров и услуг, уровень и динамика цен на основные предметы потребления, величина квартирной платы, плата за транспортные услуги и т. п.. Ведущая российская школа по изучению благосостояния населения сформировалась в ИСЭПН РАН под руководством Н. М. Римашевской, при этом уровень жизни определяется как комплекс условий функционирования человека в сфере потребления, в основе которого лежит развитие потребностей людей и их удовлетворение. Уровень жизни формирует удовлетворение многообразных потребностей или нужд. В ИСЭПН РАН этот комплекс непосредственных человеческих нужд был определен следующим образом: 1) поддержание жизнедеятельности и защита от внешних воздействий (пища, одежда, жилище, предметы обихода, индивидуальная инфраструктура, среда обитания); 2) сохранение и восстановление

здоровья; 3) отдых, развлечения, рекреация; 4) семья и продолжение рода, воспитание, обучение, профессиональная подготовка; 5) передвижение в связи с трудовой деятельностью и удовлетворение других потребностей; 6) потребление культурных благ, информации, обмен и общение с другими членами общества, развитие личности. Как считает Н. В. Зу-баревич, такой широкий подход к оценке уровня жизни населения (при всей его важности) создает методологические и методические проблемы при выявлении территориальных различий, что требует сравнения различных территорий между собой [10].

Что же касается понятия «качества жизни», то его нет и в «Большом энциклопедическом словаре», хотя и даются понятия «качество продукции», «качество труда». В общефилософском понятии «качество» выражает существенную определенность объекта, благодаря которой он является именно этим, а не иным. Поэтому «качество» -характеристика объектов, которая обнаруживается в совокупности их свойств. В конкретных исследованиях качество жизни трактуется весьма различно. В работах ИСЭПН РАН качество жизни населения рассматривается как результатирующее понятие, то есть при определенных условиях, уровне и образе жизни. При таком подходе качество жизни может быть определено системой индикаторов: 1) здоровье, заболеваемость, инвалидиза-ция населения; 2) уровень образования (среднее число лет обучения) и культуры взрослого населения; 3) трудовая активность и эффективность труда; 4) объем свободного времени для развития человеческих способностей; 5) профессиональная, территориальная, социальная мобильность; 6) устойчивость семейной структуры; 7) уровень рождаемости, брачности, детности [10]. В конкретных географических и социологических работах «качество жизни» ориентирует исследователей на изучение тех явлений, которые не могут быть измерены количественно, но существенно влияют на образ жизни населения. Применительно к последнему это может быть экологическая среда жизни, тот или иной уровень преступности и социальной дифференциации в обществе, социальная защищенность населения и многое другое.

Таким образом, если в методолого-теоретичес-ком аспекте прослеживаются различия в понятиях «образ жизни», «уровень жизни» и «качество жизни», то с точки зрения методики

конкретных исследований на уровне конкретных показателей и их группировок наблюдается наложение этих понятий друг на друга. Это связано с несводимостью оценок отдельных показателей к какому-то общему результату. Поэтому в практике региональных социально-географических исследований наибольшее распространение получило использование комплексных, но частных показателей, вскрывающих отдельные стороны образа, уровня и качества жизни населения, хотя и являющиеся комплексными индексами. К их числу относится и индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Он рассматривается на основе трех показателей: долголетия (продолжительность предстоящей жизни при рождении), достигнутого уровня образования (совокупный уровень грамотности - вес 2/3 и совокупная доля учащихся во всех учебных заведениях - вес 1/3) и уровня жизни (реальный ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в долларах США). ИРЧП получил широкое распространение и публикуется в ежегодных Докладах Программы развития ООН [10].

Быстрое формирование отечественной социальной географии обусловило и нарастание числа кандидатских исследований. К числу первых кандидатских диссертаций этого времени относилась работа С. В. Федулова «Географическое изучение образа жизни (методологические и методические аспекты)» [37], выполненная под руководством А. И. Алексеева, вероятно, впервые представившая московскую университетскую школу социальной географии. В понимании С. В. Федулова, образ жизни, в узком смысле, представляется как устойчивая совокупность типичных видов деятельности, характерных для носителей различного уровня - индивида, группы людей, а, в широком смысле, включающая в свой состав условия жизни и системы ценностей. При этом было выделено 5 аспектов географического изучения образа жизни: 1) изучение территориальной его дифференциации по различным типам поселений и разным регионам; 2) исследование комплекса местных условий в их влиянии на формирование и функционирование образа жизни населения; 3) исследование конкретных условий образа жизни; 4) исследование территориальной варьируемости отдельных компонентов образа жизни; 5) изучение образа жизни для целей районирования. Информационной базой диссертации стало

полевое социологическое исследование свыше тысячи сельских семей в 37 населенных пунктах восьми районов Московской области. При этом автор отмечал, что анкета социологических исследований была составлена с учетом опыта новосибирских социологов и эстонских географов. По результатам исследования было выделено шесть типов образа жизни: 1) традиционный сельский; 2) традиционный урбанизированный сельский; 3) традиционный рекреационный сельский; 4) урбано-рекреационный сельский; 5) формирующийся сельскохозяйственный; 6) рекреационный и старческий сельский [37]. Можно констатировать, что такой аспект социально-географических условий органически сформировался в рамках научной школы сельского расселения С. А. Ковалева.

Трансформация российской экономики и российского общества в 90-х годах XX века и в начале XXI века, сопровождающаяся коренными изменениями образа жизни и снижения уровня и качества жизни преобладающей части населения, обусловили «всплеск» исследований в этой области, что привело к формированию социальной географии как самостоятельного научного направления внутри формирующейся общественной географии. Подтверждением этого стало большое число диссертационных работ по исследованию уровня и качества жизни населения, причинах их территориальной дифференциации, мониторингу и прогнозированию таких различий, выполненных в первое десятилетие XXI века. По вполне понятной причине преобладающая часть работ выполнена по отдельным регионам России. Так, в первое пятилетие XX! века появились кандидатские работы по исследованию социально-экономических условий жизнедеятельности Пермского края, по особенностям пространственной дифференциации населения Приволжского федерального округа, по социально-географическому анализу качества жизни населения Самарской области, по территориальной дифференциации качества жизни населения Ставропольского края [5, 9, 11, 27].

Среди кандидатских диссертаций этого периода необходимо особо отметить работу П. Н. Мадюскина «Территориальная дифференциация уровня и качества жизни населения России». Автор рассматривал «качество жизни» как объединяющее две формы оценок - объективную и субъективную, провел оценку

дифференциации качества жизни на основе регрессивной модели с применением социологической оценки [14]. Интерес к этой диссертационной работе определяется и тем, что научным руководителем выступала Н. В. Зубаревич, защитившая в этот период докторскую диссертацию, на основе которой опубликовала работу «Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода» [10]. Социальное развитие автор понимает как изменение благосостояния, структуры потребностей (расширение человеческого выбора) и форм жизнедеятельности людей в меняющейся социальной и экономической среде. В качестве приоритетных концепций в изучении социального развития были выбраны развитие человеческого потенциала и качество жизни. В целом работа заложила «районную концепцию» в отечественной социальной географии.

В последующие годы в отечественной науке сохраняется популярность социально-географических исследований различных регионов страны, в том числе и на уровне выполнения диссертационных работ: 1) мониторинг и прогнозирование территориальной дифференциации качества жизни населения: подходы и методы (на примере Республики Татарстан); 2) экономико-географические аспекты формирования уровня жизни населения аграрного региона периферийного типа (по материалам Республики Калмыкия); 3) развитие и территориальная дифференциация качества жизни населения Центрального федерального округа; 4) территориальная дифференциация условий жизни населения Новгородской области; 5) качество жизни населения нефтегазопромыслового региона на крайнем севере (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа); 6) территориальные особенности качества и образа жизни населения Коми-Пермяцкого округа Пермского края; 7) исследование качества жизни населения с применением ГИС-технологий на примере Республики Мордовия [3, 4, 15, 16, 36, 38, 39].

Понимание социальной географии как одной из общественно-географических наук, изучающей пространственные процессы и формы организации жизни людей (прежде всего в аспекте условий труда, быта, отдыха, развития личности, воспроизводства жизни), итогом которого являются исследования образа, условий и качества жизни населения, требуют более четкого определения основных ее методологических позиций, которые могут найти свое

отражение в понятии «научные подходы». По мнению Ю. Н. Гладкого и А. И. Чистобаева, научный подход - это стратегия, методологическая позиция исследования [6]. Для современной социальной географии можно определить целую систему научных подходов: геосистемный, синерге-тический, геохронологический, воспроизводственный, проблемный.

Геосистемная методология в социальной географии основывается на представлении пространственных процессов и форм организации жизни людей как сложных территориальных социальных системах. Свое интегральное выражение такие системы находят в образе, уровне и качестве жизни населения, а элементами выступают отдельные особенности организации жизни людей, формирующиеся в результате их трудовой деятельности, экологических условий жизни, условий быта, отдыха, развития личности, воспроизводства населения, связанные с историческими особенностями семейных отношений, культуры, идеологии и социальной структурой общества на конкретных этапах его развития. При такой трактовке внешней средой территориальных социальных систем выступают все процессы, оказывающие влияние на формирование их отдельных элементов. Геосистемная методология позволяет решить проблему «объективности - субъективности» территориальных социальных систем. На уровне их отдельных элементов такие системы объективны, но «подбор» элементов в систему, выбор способов их отражения зависит от целей исследования и содержит существенную долю субъективизма. Именно этим определяется столь разное восприятие и определение таких понятий, как «образ жизни», «уровень жизни» и «качество жизни» населения, встречающееся в современных исследованиях. Геосистемная парадигма в социальной географии позволяет, с одной стороны, выделять различные типы и иерархические уровни территориальных социальных систем, а с другой, поставить вопрос об их эмерджетности, т. е. наличия в каждой из них какого-то общего свойства, возникающего в процессе совокупного функционирования их отдельных элементов.

Синергетический подход касается исследования взаимодействия отдельных факторов внутри геосистемы «образ жизни - уровень жизни - качество жизни населения» и взаимодействия этой системы с внешними условиями ее

формирования и функционирования. В самом общем виде синергетика (от греч. sunergetikos - совместный, согласованно действующий) - научное направление, изучающее связи между элементами структуры (подсистемами), которые образуются в открытых системах, благодаря интенсивному обмену веществом и энергией в неравновесных условиях. Синергетическая парадигма позволяет вскрыть как «аккумулятивный», так и «блокирующий» эффекты совместного влияния отдельных условий и факторов, социальных процессов и их тенденций на формирование того или иного образа (уровня, качества) жизни населения. Об синергетическом эффекте, в первую очередь, необходимо помнить при составлении конкретных планов и мероприятий экономического и социального развития регионов, нужна специальная их экспертиза: в какой степени они могут повлиять на уровень и качество жизни населения.

Геохронологический подход означает неразрывность пространственной и временной (истори-ко-генетической) методологии при изучении форм организации жизни людей. В связи с существенными историко-культурными особенностями жизни людей, различными формами их хозяйственной деятельности, сложившийся в конкретных условиях природной среды, образ (уровень, качество) жизни населения характеризуется территориальностью (от локального на уровне конкретных поселений и локальных общностей людей до регионального, странового и междустранового). Однако, существующие в настоящее время конкретные формы организации жизни людей несут на себе отчетливую «печать» прошлого, специфику исторического развития человеческих общностей, наследием которого выступают национальная, субнациональная и региональная психология, трудовые навыки, основные черты быта и культуры.

В основе воспроизводственного подхода лежит определение главных взаимосвязей элементов и условий, формирующих тот или иной тип образа (уровня, качества) жизни населения, которое позволяет обеспечить его определенную однообразность преемственности, несмотря на все пространственные и временные различия. По большому счету, с помощью воспроизводственной парадигмы вскрывается внутренний механизм формирования, изменения и трансформации форм организации жизни людей.

Проблемный подход направлен на выявление наиболее существенных противоречий, диспропорций, несоответствий,

сложившихся в трудовой деятельности людей, экологических условиях жизни, условиях и процессах быта, отдыха, развития личности, семейных отношений и воспроизводства населения, которые на современном этапе стали тормозом в процессе повышения уровня жизни, улучшения качества жизни и позитивного изменения образа жизни людей. Такой подход особенно необходим в процессах реализации социальной политики, если она направлена на искоренение или блокирование негативных тенденций общественного развития.

На основе этих подходов как методологической позиции должна строится конкретная методика социально-географических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. Москва : Мысль, 1983. - 350 с.

2. Анохин А. А. Некоторые направления развития социальной географии / А. А. Анохин, А. И. Костяев // Региональный экономико-географический анализ и прогнозирование. - Фрунзе : Кыргызстан, 1980. - С. 48-56.

3. Благовестова Т. Е. Развитие и территориальная дифференциация качества жизни населения Центрального федерального округа : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Т. Е. Благовестова. - Калининград, 2009. - 22 с.

4. Воронина М. В. Исследование качества жизни населения с применением ГИС-технологий на примере Республики Мордовия : автореф. дис. . канд. геогр. наук / М. В. Воронина. - Воронеж, 2012. - 22 с.

5. Гаврилова Т. В. Территориальная дифференциация качества жизни населения Ставропольского края : автореф. дис. . канд. геогр. наук / Т. В. Гаврилова. -Ставрополь, 2005. - 21 с.

6. Гладкий Ю. Н. Основы региональной политики : учебник / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. - Санкт-Петербург : Издательство В. А. Михайлова, 1998. - 659 с.

7. Гохман В. М. Роль идей Н. Н. Баранского в становлении советской общественной географии / В.М. Гохман // Ученые записки Тартуского государственного университета. - 1981. - Вып. 578.

8. Долинин А. А. Социальная география - особая ветвь географии населения / А. А. Долинин // Теоретические аспекты

экономической географии. - Ленинград : Географическое общество СССР, 1975. - С. 53-61.

9. Жулина М. А. Качество населения регионов Приволжского федерального округа: Особенности пространственной дифференциации : автореф. дис. . канд. геогр. наук / М. А. Жулина. - Воронеж, 2003. - 17 с.

10. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода / Н. В. Зубаревич. - Москва : Едиториал УРСС, 2013. -264 с.

11. Иванова М. Б. Социально-экологические условия жизнедеятельности населения Пермской области :автореф. дис. . канд. геогр. наук / М. Б. Иванова. - Пермь, 2000. - 22 с.

12. Ковалев С. А. География населения и социальная география / С. А. Ковалев, А. И. Алексеев, А. А. Ткаченко // Вестник Московского университета. Сер. 5, География. - 1983. - № 3. - С. 3-10.

13. Кон И. С. Социология / И. С. Кон // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. - 3 изд. - Москва : Советская энциклопедия, 1976. - Т. 24. -С. 253-255.

14. Мадюскин П. Н. Территориальная дифференциация уровня и качества жизни населения России : автореф. дис. . канд. геогр. наук / П. Н. Мадюскин. - Москва, 2005. - 24 с.

15. Малунова Е. Б. Экономико-географические аспекты формирования уровня жизни населения аграрного региона периферийного типа (на материалах Республики Калмыкия) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Е. Б. Малунова. - Ростов-на-Дону, 2007. - 24 с.

16. Мальганова И. Г. Мониторинг и прогнозирование территориальной дифференциации качества жизни населения региона: подходы и методы (на примере Республики Татарстан) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / И. Г. Мальганова. - Ростов-на-Дону, 2006. - 28 с.

17. Мукитанов Н. К. Методологические проблемы теоретизации географии / Н. К. Мукитанов. - Алма-Ата : Наука, 1979. - 187 с.

18. Ныммик С. Я. Социально-экономическая география в системе общественно-географических наук / С. Я. Ныммик // Известия АН СССР. Сер. географическая. - 1982. - № 4. - С. 3-11.

19. Покшишевский В. В. Советская география : шесть десятилетий развития и современные проблемы / В.В.

Покшишевский // Известия Всесоюзного географического общества. - 1977. - Вып. 5. - С. 28-35.

20. Поросенков Ю. В. К вопросу об объекте и предмете исследования современной российской географии / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского отдела Русского географического общества : сборник научных трудов. - Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2010. - Т. 11. - С. 3-7.

21. Поросенков Ю. В. Отечественная экономическая география в 40-50-х XX века / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - 2014. - № 4. - С.142-148.

22. Поросенков Ю. В. Формирование теоретических основ отечественной экономической географии в 20-30 годах XX века / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - 2014. - № 3. - С. 116-126.

23. Поросенков Ю. В. История и методология географии / Ю. В. Поросенков, Н. И. Поросенкова. - Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1991. - 224 с.

24. Поросенков Ю. В. Советская экономическая география в 60-80-х годах XX в. / Ю. В. Поросенков, О. Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. - 2015. - № 1. - С. 78-90.

25. Поросенков Ю. В. Методологические основы отечественной социально-экономической географии: современные тенденции и перспективы / Ю. В. Поросенков, Т. М. Худякова // Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов : материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону 4-8 мая 2010 г.). - Ростов-на-Дону : Издательство Южного Федерального университета, 2010. - С. 242-245.

26. Поросенков Ю. В. Теоретические основы отечественной региональной общественной (социально-экономической) географии / Ю. В. Поросенков, Т. М. Худякова // XIV съезд Русского географического общества (11-14 декабря 2010 г., Санкт-Петербург): сборник научных работ. - Санкт-Петербург, 2010. - С. 53-57.

27. Прокопович А. Б. Социально-географический анализ качества жизни населения (на примере Самарской области) : автореф. дис. . канд. геогр. наук / А. Б. Прокопович. - Самара, 2004. - 22 с.

28. Райтвийр Т. В. Социальная география с основами планирования социального развития / Т. В. Райтвийр // Вестник Московского университета. Сер. 5, География. - 1982. - № 4. - С. 64-67.

29. Рывкина Р. В. Образ жизни сельского населения / Р. В. Рывкина. - Новосибирск : Наука, 1979. - 351 с.

30. Савоскул М. С. Социальная география / М. С. Савоскул // Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - С. 238-240.

31. Саушкин Ю. Г. Аспекты советской социальной географии / Ю. Г. Саушкин // Вопросы географии. -Москва : Мысль, 1980. - Сб. 115. - С. 17-24.

32. Саушкин Ю. Г. История и методология географической науки : Курс лекций / Ю. Г. Саушкин. - Москва : Издательство Московского университета, 1976. - 422 с.

33. Словарь общегеографических терминов. - Москва : Прогресс, 1976. - Т. II. - 394 с.

34. Современный словарь иностранных слов. -Санкт-Петербург : Дуэт, 1994. - 752 с.

35. Социально-экономическая география: понятия и термины : словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. - Смоленск : Ойкумена, 2013. - 328 с.

36. Степанова А. А. Территориальная дифференциация условий жизни населения Новгородской области : автореф. дис. . канд. геогр. наук / А. А. Степанова. -Санкт-Петербург, 2010. - 15 с.

37. Федулов С. В. Географическое изучение образа жизни (методологические и методические аспекты) : автореф. дис. . канд. геогр. наук / С. В. Федулов. - Москва : 1998. - 24 с.

38. Холодилова К. А. Качество жизни населения нефтегазопромыслового региона на крайнем севере (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) : авто-реф. дис. . канд. геогр. наук / К. А. Холодилова. -Санкт-Петербург, 2010. - 17 с.

39. Чеботкова А. Д. Территориальные особенности качества и образа жизни населения Коми-Пермяцкого округа Пермского края : автореф. дис. . канд. геогр. наук / А. Д. Чеботкова. - Пермь, 2010. - 20 с.

40. Шарыгин М. Д. Регионоведение : учебное пособие / М. Д. Шарыгин, В. К. Ковылов. - Воронеж : Лексикон, 2004. - 200 с.

ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РАЗМЕЩЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР ЗА 1970—1981 гг.[17]

Актуальность исследования изменений в размещении населения страны предопределяется существенными территориальными газличнямп в заселенности и обеспеченности трудовыми ресурсами, усложняющимися задачами освоения новых территорий, все большей интенсивностью и многоплановостью формирования региональных и локальных систем расселения. Анализ размещения населения и его территориальных сдвигов выступает в качестве одной из интегральных тем советской социально-экономической географии, ,в рамках которой достигается комплексное, взаимосвязанное исследование природно-ресурсного потенциала территорий, их хозяйственных комплексов и расселения. Причем территориальные различия в динамике численности населения в генерализованном виде отражают суммарное воздействие, с одной стороны, процессов урбанизации и развития сельского расселения, а с другой — естественного воспроизводства населения и его миграционного перераспределения. Сложившиеся в разных районах страны неодинаковые типы динамики населения как бы формируют общий фон, на базе которого развиваются все процессы расселения.

В советской социально-экономической географии всегда велись научные исследования территориальных сдвигов населения за те или иные периоды. Такие исследования, анализ изменений по конкретным этапам социально-экономического развития, проводили Н. И. Ляликов, В. В. Покшишевский, С. А. Ковалев, О. А. Константинов, Б. С. Хорев, А. В. Топилин и другие (Поросенков, 1977). Закономерности и тенденции размещения населения и расселения по территории СССР активно изучались В. Г. Давидовичем (см. список его работ).

Реализация намеченного XXVII съездом КПСС ускорения перехода экономики к интенсивным методам хозяйствования, претворение в жизнь целого ряда региональных комплексных программ и как следствие — постепенное выравнивание на

[17] Основные изменения в размещении населения СССР за 1970-1981 гг. / Ю.В. Поросенков // Вопросы географии. — 1986 .— Вып. 129 .— С. 40-52.

протяжении 70 — 80-х годов различий в уровнях экономического и социального развития по основным регионам — все это в совокупности уже обусловило некоторые новые явления в размещении населения. Их можно рассматривать как проявление глубинных процессов формирования общегосударственной территориальной структуры производства и расселения, и их анализ крайне необходим для более тщательного обоснования территориальной экономической и социальной политики. В рамках такого подхода объектами исследования выступают изменения в размещении расселения по областям, краям, автономным и союзным республикам, основным экономическим районам и макрорегионам страны.

Одна из важнейших задач целенаправленного формирования территориальной структуры населения СССР — обеспечение рационального перераспределения населения между основными макрорегионами страны (Запад, Восток, Юг) в общесоюзных интересах более эффективного использования природных, трудовых ресурсов, созданных фондов производства. Западный макрорегион (европейская часть вместе с Уралом) — основная экономическая и демографическая база страны, где на площади чуть менее ¼ территории сосредоточивается свыше $^{2}/_{3}$ ее населения, характеризуется всевозрастающим дефицитом природных ресурсов. В этой связи необходимо положительно оцеНИТЬ последовательное сокращение удельного веса этого макрорегиона в общей численности населения СССР (1970 г. — 70,8%, 1982 г.—67,9%)- Но он пока сохраняет существенное значение в приросте союзного демографического потенциала. С 1970 по 1982 г. его население увеличилось на 11,3 млн. человек, что составило около 42% всего прироста населения страны. Сокращение относительного демографического потенциала Западного макрорегиона происходит в процессе интенсивной урбанизации. Численность его городского населения увеличилась на 23,6 млн. человек (около 66% всего союзного прироста горожан), в то время как число сельских жителей сократилось на 12,4 млн.

В 80-х годах экономико-демографическая ситуация Западного макрорегиона представляется весьма сложной. Предстоящее резкое сокращение прироста трудовых ресурсов, необходимость полного использования уже созданных производственных фондов даже в условиях перехода на интенсивные методы хозяйствования (а для

такой сложнейшей перестройки экономики требуется время) обусловливают дефицит трудовых ресурсов. В свою очередь такая ситуация в потенции вызывает сокращение оттока трудовых ресурсов в восточные районы страны. К тому же но мере завершения экстенсивного этапа урбанизации размещение населения приобретает все более устойчивый характер. Привлечение дополнительных трудовых ресурсов из Закавказья и Средней Азии становится государственной необходимостью. С целью обеспечения рационального перераспределения трудовых ресурсов между макрорегпонами страны необходимо и дальше проводить политику более быстрого повышения жизненного уровня населения, в том числе ускоренного развития социальной инфраструктуры, в восточных районах РСФСР как меры по предотвращению возможной утечки трудовых ресурсов в западные районы.

Задаче формирования рациональной территориальной организации хозяйства страны соответствует процесс последовательного наращивания демографического потенциала богатого природными ресурсами, но трудодефицитного Восточного макрорегиона. В 1970 г. в пределах Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока проживало 25,3 млн. человек, в 1982 г.— уже 29,0 млн. Но удельный вес Восточного макрорегиона в общей численности населения страны вырос незначительно (с 10,5 до 10,8%).

Одна из причин складывающегося положения — существенное сокращение сельского населения — почти десятой его части. И это при острейшем дефиците трудовых ресурсов сибирского села. В этих условиях снижение темпов оттока сельского населения, особенно в Западной Сибири, приобретает первостепенное значение. В 80-х годах для быстрого хозяйственного освоения природных ресурсов Сибири, без которого уже немыслимо представить развитие общесоюзной экономики, требуется более широкое привлечение трудового потенциала всех союзных республик. Огромное практическое значение приобретает проблема повышения уровня приживаемости переселенцев. В долгосрочной перспективе необходима более четкая специализация сибирской экономики на энерго- и материалсемких, но не трудоемких производствах. Формирование трудосберегающей экономики должно лежать в основе всех концепций развития районов пионерного освоения.

Комплекс сложных проблем складывается в результате ускоренного демографического развития Южного макрорегиона (Средняя Азия, Казахстан, Закавказье). С 1970 по 1982 г. численность населения здесь выросла на 12,1 млн. человек. С каждым годом демографический потенциал страны все в большей степени определяется ростом населения Южного макрорегиона. На протяжении 70-х годов на него приходилось уже 44,7% всего прироста населения страны, хотя там сейчас проживает лишь около *⅕* ее жителей. По общей величине прироста населения южные союзные республики в совокупности обогнали европейскую часть.

В настоящее время Южный макрорегион отличается наиболее высокими в нашей стране темпами урбанизации при одновременном существенном росте численности сельских жителей. С 1970 по 1982 г. сельское население региона выросло на 4,6 млн. человек и составило почти половину от численности сельских жителей европейской части страны, Быстрый рост населения южных национальных республик, имея в основе своей устойчивые тенденции к многодетности, низкой миграционной подвижности, влечет за собой вследствие Ограниченности местных земельных и водных ресурсов проблему более полного использования всевозрастающих трудовых ресурсов. Ее общегосударственное решение возможно, во-первых, при повышении миграционной подвижности сельских жителей, усилении их оттока в местные города и за пределы района, а во-вторых, в результате дальнейшего развития в этом макрорегионе трудоемких производств как в селе, так и в городе.

Особое место в анализе изменений размещения населения СССР занимает исследование межреспубликанских сдвигов. В первой половине 70-х годов наблюдалось снижение в общей численности населения страны удельного веса лишь РСФСР, Украины и Белоруссии, тогда как доля всех остальных республик увеличилась. Во второй половине 70-х годов помимо уже названных республик ниже среднесоюзного уровня росло население также в Эстонии, Латвии, Литве, Молдавии и Грузии. Напротив, существенно повысилась демографическая значимость среднеазиатских республик, Казахстана, Азербайджана и Армении.

В настоящее время изменения в территориальной структуре населения СССР по союзным республикам в первую очередь

сг.язаны с различиями в динамике сельских жителей. За период 1970—1975 гг. коэффициент ранговой корреляции динамики численности всего и городского населения по союзным республикам составил всего лишь 0,489, тогда как аналогичный коэффициент корреляции динамики численности всего й сельского населения был равен 0,943. За период 1975—1979/ гг. коэффициенты корреляции составили 0,254 и 0,850

Таблица 2

Изменение величины индекса концентрации населения СССР по союзным республикам.

НАСЕЛЕНИЕ	Индекс концентрации	
	1970 *г.*	1981 г.
Вес население	30.9	32,1
В том числе:		
городское	26,0	27,5
сельское	37,4	40.6

В 1970—1981 гг. показывает, что структура размещения населения страны, если ее рассматривать в рамках союзных республик, формируется в направлении усиления территориальной неравномерности, т. е. она пришла в определенное противоречие с задачами хозяйственного развития страны. Особенно интенсивно этот процесс протекает среди сельского населения. В немалой степени это обусловливается невысокими темпами демографического развития наиболее богатой сырьевыми ресурсами Российской Федерации.

Рассматриваемый период характеризуется также существенными изменениями как в темпах, так и в территориальной направленности межобластных (межкраевых) сдвигов в размещении населения. Снижение темпов урбанизации вызвало некоторое уменьшение интенсивности прироста числа горожан и замедление оттока сельских жителей. На этот общесоюзный «фон» на-ложились последствия реализации региональных комплексных социально-экономических программ (Нечерноземная зона РСФСР, Центральночерноземный район, Сибирь). Все это обусловило известное улучшение балансов межрайонных и межобластных миграций, что не могло не отразиться на процессах размещения населения (Рыбаковский, 1981).

В плане реализации Продовольственной программы СССР необходимо Позитивно оценить замедление темпов сокращения сельского населения. В первой половине 70-х годов сельское население страны уменьшилось на 4,3 млн. человек, во второй половине—на 3,1 млн. В Российской Федерации темпы сокращения числа сельских жителей уменьшились более чем в 2 раза. Анализ общесоюзных данных начала 80-х годов также подтверждает отмеченную тенденцию. Основные территориальные различия в динамике сельского населения СССР в девятой пятилетке определялись прежде всего наличием двух основных зон с крайне неодинаковыми показателями демографической ситуации.

В пределах Западного и Восточного макрорегионов резко доминировал процесс сокращения сельского населения (см. рис. 2). F3 последнем из них число сельских жителей выросло лишь на Дальнем Востоке и в северных районах пионерного освоения. Наиболее значительное (свыше 15%) сокращение числа сельских жителей произошло в центральных и северных районах РСФСР (ареал Петрозаводск — Псков — Белгород — Свердловск— Пермь — Петрозаводск). В рамках этого региона наименьшее сокращение было характерно для Московской и Ленинградской областей, что отражало процесс формирования пригородной зоны крупнейших агломераций страны. В пределах Южного макрорегиона в целом преобладал процесс увеличения численности сельских жителей. Вне его рамок находились лишь некоторые области Северного и Центрального Казахстана.

Десятая пятилетка характеризуется формированием некоторых новых аспектов в динамике сельского населения страны. В рамках Западного и Восточного макрорегионов темпы сокращения сельского населения снизились. Повысилась сельская заселенность трудодефицитного Дальнего Востока, северных автономных округов Западной и Восточной Сибири, Омской и Томской областей.

Весьма положительной особенностью современного этапа социально-экономического развития можно считать резкое уменьшение зоны интенсивного (свыше 10% за 1970—1982 гг.) сокращения численности сельских жителей. В настоящее время она представлена несколькими ареалами: западная часть российского Нечерноземья, а также полоса смежных областей

Центрального и Центральночерноземного районов. Несмотря на эти некоторые позитивные моменты, в целом современные территориальные различия в динамике сельского населения еще находятся в противоречии с задачами перспективного развития сельского хозяйства.

За период 1970—1982 гг. численность сельских жителей многих сельскохозяйственных районов европейской части страны уменьшилась более чем на % и даже на 7з- Нехватка сельских трудовых ресурсов характерна не только для областей Нечерноземья, Северного Казахстана и Западной Сибири, но и ряда мест Центральночерноземного района. Обращает на себя внимание и некоторое усиление интенсивности сокращения численности сельских жителей в западной полосе европейской части СССР (от Прибалтики до Молдавии и Одесской области). В десятой пятилетке в Южном регионе вполне отчетливо проявилась позитивная тенденция к снижению темпов прироста сельского населения.

Новое в размещении населения СССР связано и с некоторым снижением темпов урбанизации на протяжении 70-х годов. В первой их половине городское население увеличилось на 11,7%, во второй—на 9,4%. В девятой пятилетке территориальные различия в динамике городского населения страны определялись несколькими разрозненными ареалами с высокими темпами урбанизации, в основе которых лежали неодинаковые социально-экономические причины. В то же время крайне медленно росло городское население высокоурбанизированных старых промышленных горнозаводских районов (Донбасс, Кузбасс, северо-восточная часть Урала, Тульская область), а также некоторых верхневолжских областей. Во второй половине 70-х годов отмечается падение темпов урбанизации на преобладающей части страны.

Территориальная картина урбанизации населения СССР приобрела некоторые новые черты. В европейской части страны более интенсивной урбанизацией отличается ее запад, ограниченный линией Кишинев — Белгород — Москва — Вильнюс (см. рис. 3). За ее пределами быстро растет городское население Мурманской области, Коми АССР, некоторых северорусских областей, автономных республик и областей Среднего Поволжья и Северного Кавказа. В пределах Восточного

макрорегиона высокие темпы роста числа горожан по-прежнему характерны для нефтегазового комплекса Тюменской области, а также для большей части Дальнего Востока. В то же время как следствие снижения общего объема межрайонных миграционных потоков наблюдается заметное падение интенсивности урбанизации в южной части Дальнего Востока. Южный регион (за исключением Грузии, областей Центрального, Северного и Восточного Казахстана, Таджикистана, Ошской и Иссык-Кульской областей Киргизии) по-прежнему выделяется быстрым ростом городского населения.

Суммарные изменения в размещении населения СССР (городского и сельского) за 1970—1981 гг. показаны на рис. 4.

Разнообразие процессов формирования городского и сельского населения на территории СССР в 70-х и начале 80-х годов можно свести к 5 основным типам динамики населения; они во многом определяют региональную специфичность развития и систем расселения (см. рис. б).

Первый тип: абсолютный рост сельского населения больше городского, удельный вес городского населения даже уменьшается. Такой тип встречается в СССР редко. Он сохранился в некоторых районах Средней Азии в условиях высокого естественного прироста сельского населения и недостаточного развития городского расселения.

Второй тип: количество сельских жителей в абсолютном исчислении увеличивается больше, чем количество горожан, однако наблюдается повышение удельного веса городского населения. Это один из начальных этапов урбанизации, и территориально он представлен в основном в некоторых областях республик Средней Азии. Оба типа не имеют перспектив дальнейшего существования по мере развития урбанизации.

Третий тип формируется в условиях развития урбанизацноиного процесса при одновременном росте численности сельского населения. Представлен он в областях и республиках Южного макрорегиона, где в основе роста сельского населения лежат высокий естественный прирост и низкая миграционная подвижность, а также на восточных территориях пионерного освоения, сельское население которых растет в процессе миграционного притока. В этом типе динамики выделяются подтип «а», характеризующийся значительным ростом сельского

населения, и подтип «б» — характеризующийся незначительным ростом.

Четвертый тип формируется в условиях значительного развития урбанизационного процесса, когда численность городского населения растет при одновременном сокращении численности сельского. Этот тип охватывает большую часть областей, краев и республик европейской части страны, Западной и Восточной Сибири, Северного Казахстана. При этом подтип «а» характеризуется незначительным сокращением численности сельского населения и ростом общего демографического потенциала, подтип «б> — значительным сокращением численности сельских жителей при одновременном росте общего демографического потенциала, подтип «в» — значительным сокращением числа сельских жителей при одновременной стабильной численности всего населения. Таким образом, демографическая ситуация здесь последовательно ухудшается (от «а» до «в»), хотя ее реальная экономическая оценка неоднозначна. Например, подтип «а» охватывает области Северного Кавказа и Северного Казахстана. Если в первых некоторое сокращение численности сельского населения закономерно, то во вторых оно приходит в противоречие даже со сложившейся системой экстенсивного зернового хозяйства.

Пятый тип отражает наиболее неблагоприятную демографическую ситуацию, когда численность городского населения растет меньше, чем сокращается численность сельских жителей, и происходит абсолютное сокращение региональных демографических потенциалов с целой гаммой отрицательных последствий. Выделяются два подтипа: «а» — при незначительном сокращении общей численности населения, «б»—при значительном ее сокращении. Этот тип охватывает в основном полосу черноземных лесостепных областей и российского Нечерноземья, где проблема дальнейшего сокращения оттока сельского населения требует особого внимания.

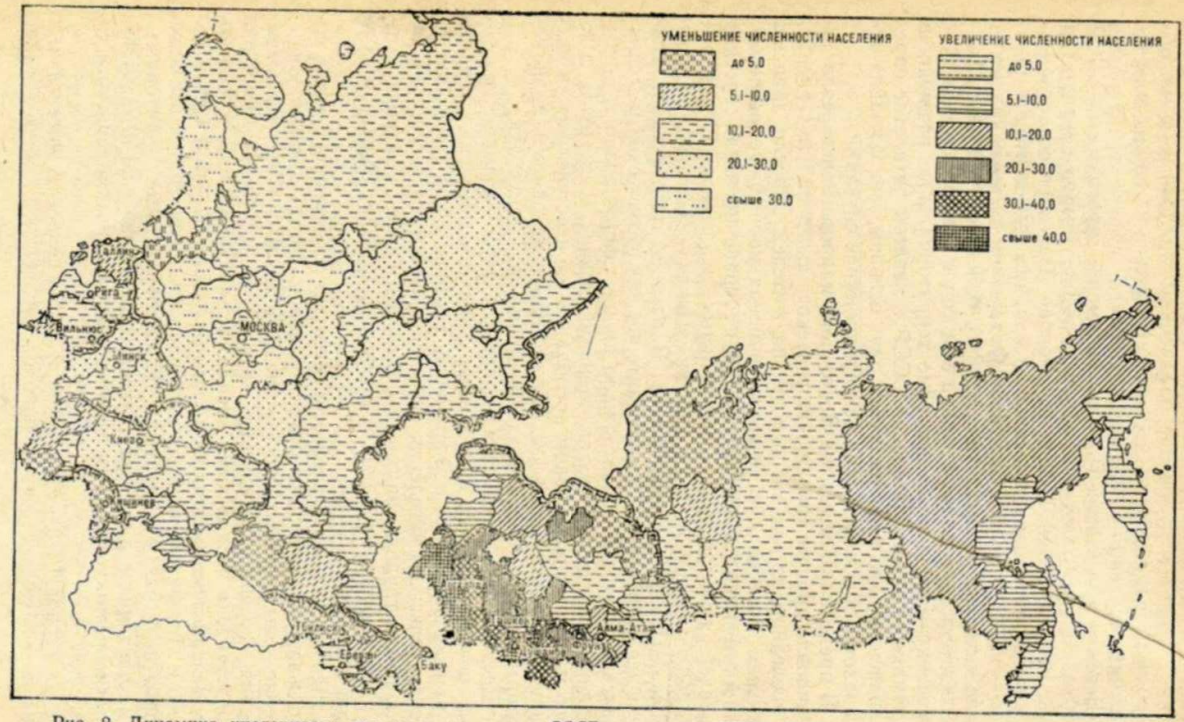


Рис. 2. Динамика численности сельского населения СССР за период 1970—1981 гг. (в % к 1970 г.)

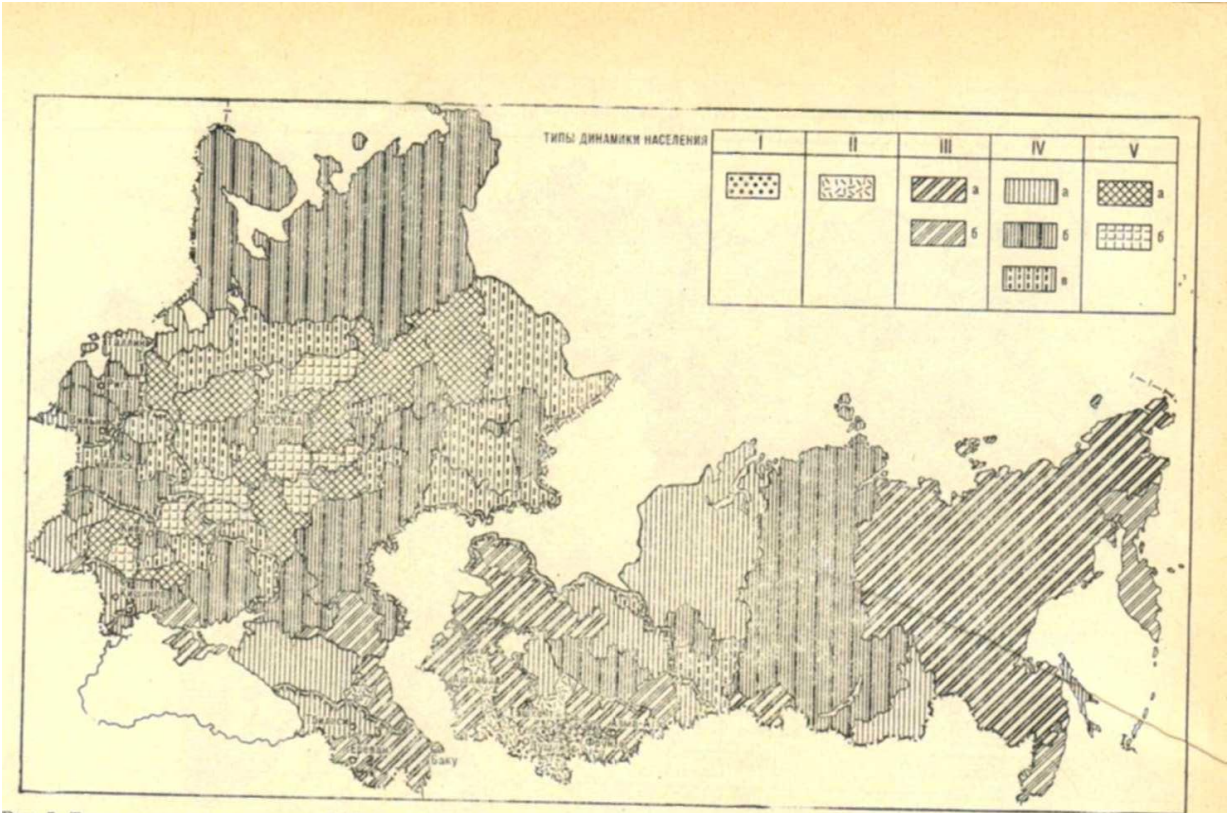


Рис. 5. Типы динамики населения СССР за период 1970—1981 гг. *(Объяснение условных знаков см. в тексте)*

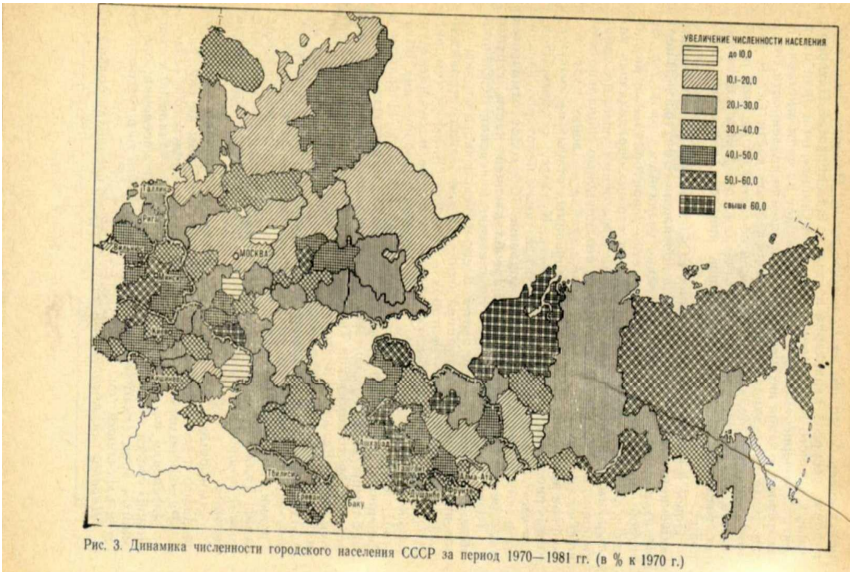


Рис. 3. Динамика численности городского населения СССР за период 1970—1981 гг. (в % к 1970 г.)

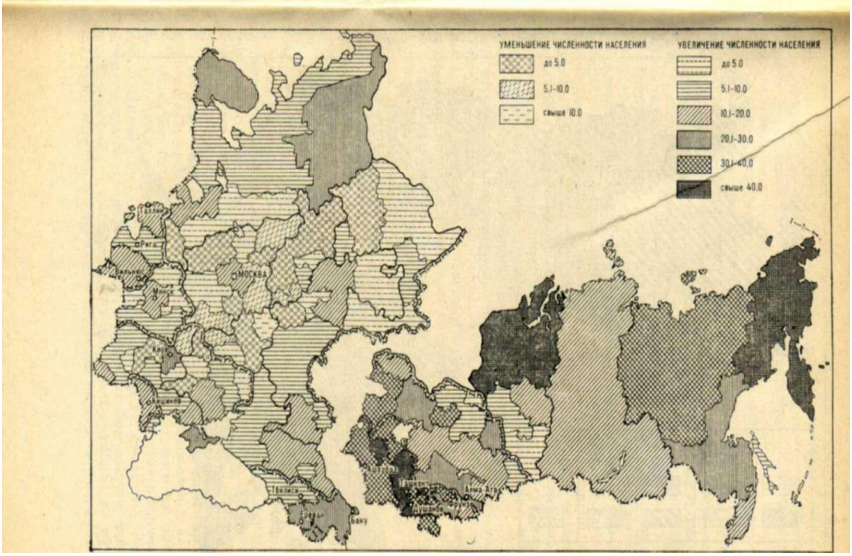


Рис. 4. Динамика общей численности населения СССР за период 1970—1981

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ, ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБОСНОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ[18]

С конца XX в возникшая в результате распада СССР Российская Федерация вступила в длительную полосу глубокого демографического кризиса. Его причины до сих пор являются предметом острейшей дискуссии исследователей в зависимости от их политических взглядов и научной специализации. Чисто демографические истоки этого новейшего для страны демографического кризиса возникли еще в конце 60-х годов прошлого века, когда в российском обществе произошел массовый переход к малодетной семье, в процессе которого сексуальное поведение населения обособилось от репродуктивного и широко распространенным способом регулирования рождаемости стали аборты, следствием которых произошло существенное ухудшение репродуктивного здоровья женщин.

В результате перехода к так называемому «современному типу» воспроизводства населения в формировании его возрастной структуры возникли устойчивые тенденции, с одной стороны, снижение удельного веса детей и подростков, а с другой, повышение удельного веса стариков. В следствие этого процесс «постарения населения» стал набирать все большую силу. Переход к осознанному, планируемому материнству поставил рождаемость населения в тесную зависимость от конкретной экономической и социальной ситуации в стране и ее регионах, от уровня, качества и образа жизни населения. Переход к рыночной экономике в 90-е годы XX в. вызвал в стране глубокий системный экономический кризис, следствием которого стало резкое падение рождаемости населения, повышение его смертности и начавшийся процесс

---

[18] Современная демографическая ситуация в центральных регионах России, проблемы ее исследования, обоснования и реализации региональной демографической политики / Ю.В. Поросенков // Демографическая ситуация центральных районов России и реализация концепции демографической политики Российской федерации : материалы Всероссийской межвед. науч.-практ. конф. — Воронеж, 2008 .— С. 29-37

депопуляции, охвативший большинство регионов России и особенно негативно проявивший себя в ее центре - регионах ЦФО. Повышение смертности населения в этот период стало результатом не столько роста удельного веса стариков, сколько снижения уровня жизни преобладающей части населения, вытеснения трудоспособных из сферы занятости, широкого распространения различных форм асоциального поведения людей, потери обществом уверенности в завтрашнем дне.

Следствием всего этого стало изменение структуры смертности населения. Основными ее причинами стали сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, в основе которых лежит не только рост (в конце XX в) средней продолжительности жизни населения, но и существенные дефекты его образа жизни (массовая алкоголизация, табакокурение и все более широко распространяющееся потребление наркотиков), сложная экологическая ситуация во многих регионах страны. В целом же такая структура смертности населения сближает Россию с развитыми в экономическом отношении, но «старыми» в демографическом отношении западными странам. Экономический кризис 90-х годов обусловил всплеск смертности населения от экстраординарных причин (убийства, отравления, производственный, транспортный и бытовой травматизм, катастрофы, террористические акты и другие чрезвычайные события), а также от эпидемиологических и паразитарных заболеваний, что сближает Россию с развивающимися странами.

В результате всех этих процессов в России все более широкое распространение получила депопуляция населения, то есть его вымирание вследствие того, что смертность населения стала все более значительно превышать рождаемость и происходило уменьшение абсолютной численности населения. Однако в первой половине 90-х годов XX в. снижение численности населения России компенсировалось массовым его миграционным притоком из бывших союзных республик, который стал заметным фактором динамики численности населения в регионах ЦФО. Во второй половине 90-х годов по мере экономической, социальной и политической стабилизации в странах ближнего зарубежья миграционный отток населения из них в Россию все более терял массовость, а процессы естественной депопуляции населения РФ

все более проявляли свою интенсивность, достигнув максимума к середине первого десятилетия XXI века.

Призрак надвигающейся демографической катастрофы перестал беспокоить только российских ученых, а стал объектом государственной политики. По данным прогноза отдела экономических и социальных проблем ООН, численность населения РФ к середине XXI века сократится до 112 млн. человек или почти на 22%. В результате этого Россия по численности населения с 7-го места «откатится» на 17-ое место и станет уступать не только Индии, Китаю, США, Пакистану, Индонезии, Бразилии и Нигерии, но даже Эфиопии, Вьетнаму и Египту. В результате существенного сокращения своего демографического потенциала в случае успешной реализации своей долгосрочной экономической программы Россия по характеру освоения своей территории приблизится к такому типу стран, как Канада, Австралия, Бразилия. В целом же современная, крайне неблагоприятная демографическая ситуация в России становится препятствием не только сохранения ей статуса «великой державы», но и крайне осложняет ее нормальное экономическое и социальное развитие. Все это потребовало разработку и реализацию специальной демографической программы на уровне страны и ее регионов.

Прежде чем давать оценку принятой в стране концепции национальной демографической политики и особенностей ее реализации в последние два года, следует определить концептуальную сущность процессов депопуляции населения. В определении ее глубинной сути существует несколько научных подходов, каждый из которых имеет право на объективность, поскольку определяет ту или иную сторону воспроизводства населения. В рамках общеэкологического подхода, депопуляция - закономерный и неизбежный этап в развитии человеческого общества как совокупностей биологического вида «человек разумный», который бурно увеличивал свою численность на этапе освоения присущей ему среды обитания и который неизбежно перейдет к стабилизации своей численности по мере дальнейшего сокращения необходимых ему ресурсов жизни. По этой причине рано или поздно начнется сокращение численности населения, то есть депопуляция. Поскольку разные страны и регионы находятся на неодинаковых этапах такого перехода, то для них характерна и

неодинаковая демографическая ситуация. С этой точки зрения, депопуляция в России - объективный процесс, изменить который в принципе невозможно.

В рамках культурно-цивилизационного подхода, депопуляция -закономерный демографический процесс для тех обществ, которые «искусственно» регулируют рождаемость и рассматривают некоторые особенности бытового поведения населения, наносящие вред его здоровью, через призму «прав человека». Поэтому при культурно-цивилизационном подходе можно выделить такие контрастные (в аспекте демографического воспроизводства) типы обществ, как, с одной стороны, традиционно исламское, а с другой, современную западную (христианскую) цивилизацию. Если для исламского общества в силу его внутренних этических норм характерны высокие темпы роста населения, то для западной, европейской цивилизации в условиях ее индивидуализма и культа потребления не случайным стало широкое распространение депопуляции. Особенно непростая демографическая ситуация возникает в странах со сложной, а подчас и деформированной культурно-цивилизационной структурой (например, Россия), где демографические процессы по-разному протекают в различных этнических и конфессиональных группах населения. В таких странах активная, но не продуманная демографическая политика, проводимая в течение длительного времени, в принципе может привести к обострению межнациональных отношений.

Комплексный региональный подход в оценке демографических процессов был заложен еще в конце XIX века в работах П.П. Ссменова-Тян-Шанского, который обосновал теорию емкости регионов для населения. По его мнению, как депопуляция населения, так и его массовый миграционный отток из тех или иных регионов являются следствием особенностей использования их природно-ресурсного потенциала, специфики экономического и социального развития. Во второй половине XX века советские демографы поднимали схожую теоретическую проблему определения оптимальной численности населения страны и регионов. В целом же в рамках комплексного регионального подхода, депопуляция населения - это следствие особенностей экономического, социального, демографического и экологического развития конкретных регионов.

Прикладной программно-целевой подход к проблемам депопуляции населения строится на убеждении, что демографическими процессами в стране в принципе можно управлять, корректируя их в соответствии с определенными целевыми установками. При этом такая политика лимитируется той или иной стоимостью реализации соответствующих управленческих решений. Естественно, что такой подход разделяют представители органов власти. В тоже время на уровне широкого общественного мнения формируются свои определенные стереотипы понимания демографических процессов и региональной демографической ситуации. Их необходимо изучать для обоснования тех или иных управленческих решений, поскольку решения в сфере управления демографических процессов, принятые сверху, но не понятые или не принятые обществом, вряд ли будут реализованы. Вполне понятно, что все эти научные подходы в определении сущности депопуляции в конкретных работах и решениях не представлены в «чистом виде», а встречаются в виде сложных взаимосочетаний. На этой теоретической основе сделаем попытку оценить концепцию национальной демографической политики РФ и Воронежской области и ее реализацию в последние два года.

В начале XXI века одной из серьезных угроз национальной безопасности России является ее катастрофическая демографическая ситуация. С 1992 г. смертность населения все более значительно превышала его рождаемость, вследствие чего за период 2000-2005 годов убыль населения в стране ежегодно составляла порядка 700 тыс. человек, а поколение детей замещало поколение родителей лишь на 60%. По оценке Минэкономразвития РФ, за период 2006-2010 годов численность экономически активного населения сократится на 3,2 млн. чел, что вызывает дефицит рабочей силы. В этих условиях президент РФ В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию 10 мая 2006 г. обозначил основные направления решения в стране острого демографического кризиса, поставив задачу с 1.01.2007 г. «запустить» экономический механизм его решения. На этой основе уже через год, к маю 2007 года были разработаны «Направления и основные мероприятия по улучшению демографической ситуации в Российской Федерации на 2007-2010 годы, а также параметры их реализации», которые были

утверждены Президиумом Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике.

На этой основе позже была разработана «Национальная программа демографического развития России», целью которой стало обеспечение к 2015 году стабилизации численности населения РФ на уровне не ниже 140-

142 млн. человек с обеспечением в дальнейшем предпосылок для роста численности населения. Для достижения этой цели в программе были определены следующие ожидаемые показатели демографического развития: прекращение убыли населения в 2011-2015 г.г.; сокращение в 2013-2015 гг. ежегодной естественной убыли населения до 270-275 тыс. человек или в 2,5 раза по сравнению с периодом 2000-2005 гг.; повышение суммарного показателя рождаемости до уровня 1,65-1,7 по сравнению с показателем 1,3, который был в 2006 г.; снижение младенческой смертности до 7-8‰ вместо 11‰; снижение к 2015 г. числа разводов и ежегодно производимых абортов; увеличение ожидаемой продолжительности жизни с 65,3 до 70 лет; увеличение ежегодного миг рационного прироста населения страны до 420-440 тыс. человек, преимущественно за счет притока постоянных иммигрантов из числа русских и русскоязычных граждан республик бывшего СССР. «Национальная программа демографического развития России» охватывает два этапа: первый этап - 2006-2010 годы, второй этап - 2011-2015 годы.

По оценке экспертов, объем финансирования на первом этапе программы, начиная с 2007 года, даже без учета затрат на выплату «материнского капитала» должен составить порядка 2% ВВП, что соответствовало бьг общеевропейским стандартам затрат на выплату семейных пособий и компенсаций. В программе демографического развития России выделяется шесть направлений: 1. Материальная поддержка семей при рождении и воспитании детей. 2. Развитие учреждений родовспоможения и улучшения медицинской помощи женщинам во время беременности и родов. 3. Содействие устройству на воспитание в семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. 4. Снижение смертности от предотвратимых причин, заболеваний, определяющих высокую смертность населения, и профессиональных заболеваний. 5. Повышение занятости женщин,

имеющих малолетних детей, их профессиональная подготовка и переподготовка. 6. Регулируемая замещающая миграция.

На первом этапе реализации программы порядка 2/3 всех средств планируется израсходовать на материальную поддержку семей при рождении и воспитании детей. Еще порядка 1/5 всех средств в 2008-2009 годах планируется затратить на развитие учреждений родовспоможения и улучшение медицинской помощи женщинам во время беременности и родов. Эта задача должна быть решена уже к 2010 году, поэтому удельный вес этого направления в общей сумме демографических затрат снижается в конце первого периода в 2,5 раза. Предусматривается постепенное повышение удельного веса затрат на снижение смертности населения от предотвратимых причин, заболеваний, определяющих высокую смертность населения, и профессиональных заболеваний - с 5% в 2007 году до 8,1% в 2010 году. Следовательно, исходя из структуры финансовых затрат, современная программа демографического развития России предусматривает прежде всего повышение рождаемости, а следовательно имеет отсроченный экономический эффект.

По аналогии с общероссийской демографической программой создавались программы по субъектам РФ, в том числе и в Воронежской области. Целью областной целевой программы «Демографическое развитие Воронежской области на 2008-2010 годы и на период до 2016 года» является обеспечение к 2016 году стабилизации численности населения на уровне 2200 - 2250 тыс. человек за счет осуществления мер по снижению естественной убыли населения и оптимизации миграционного прироста. Определены два этапа реализации программы: I этап - 2008-2010 годы; II этап - 2011-2015 годы. Ожидаемыми конечными результатами реализации программы и показателями социально-экономической эффективности выступают: 1. снижение естественной убыли населения, 2. повышение суммарного показателя рождаемости до уровня 1,65 (в 2006 году было 1,12), 3. снижение на 30% смертности населения, 4. повышение миграционного прироста до 16,2 человек на 10 тысяч человек населения (в 2006 году было 5,9), 5. увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 70 лет (в настоящее время 67,1 года), 6. семейное жизнеустройство детей-сирот и детей,

оставшихся без попечения родителей - до 90% от числа ежегодно выявленных детей данной категории.

На реализацию областной программы даже на первом ее этапе потребуются значительные финансовые средства - свыше 21 млрд. рублей, причем 65,2% их за счет средств областного бюджета, 28,6% - федерального бюджета, 2,6% - муниципальных бюджетов и 3,6% - за счет внебюджетных источников. Такая структура источников финансирования областной демографической программы предопределила распределение средств по основным ее подпрограммам: 83,6% всех средств планируется затратить на улучшение здоровья населения и снижение смертности, 10,8% средств - на стимулирование рождаемости, поддержку семьи, материнства и детства, 4,8% средств - на содействие устройству в семьях детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, 0,8% средств - на улучшение миграционной ситуации. Следовательно, если общероссийская демографическая программа нацелена прежде всего на повышение рождаемости, то Воронежская областная программа - на сохранение здоровья и снижение смертности ныне живущих людей.

Хотя с момента начала активной реализации демографической программы в РФ пока прошло чуть менее двух лет, однако уже возникает проблема определения ее влияния на демографические процессы, особенно в ЦФО, где демографическая ситуация наиболее сложная по сравнению с другими регионами России. В 2007 году рождаемость населения в ЦФО составила 9,7‰, что на 14,2% ниже, чем в среднем по стране. Смертность населения в ЦФО составила 16,1‰ (на 10,3% больше, чем в среднем по РФ). В целом же в 2007 г. естественная убыль населения в ЦФО была 6,4‰, что в 1,9 раза превышало средний уровень депопуляции населения страны. Воронежская область в ЦФО выделяется наиболее значительным уровнем развития депопуляционных процессов. В 2007 г. рождаемость населения Воронежской области составила 9‰, что на 7,2% ниже, чем в среднем по ЦФО. Из 18-ти субъектов РФ, входящих в ЦФО, по уровню рождаемости Воронежская область заняла 16-ое место, опередив лишь Тульскую и Тамбовскую области.

В 2007 году смертность населения Воронежской области составила 17,7‰, что на 9,9% больше, чем в среднем по ЦФО. По величине показателя смертности населения Воронежская область

из 18-ти субъектов ЦФО заняло 9-ое место. По сравнению с Воронежской областью смертность населения была существенно ниже в Москве, заметно ниже - в Белгородской и Московской областях, несколько ниже - в Липецкой, Калужской, Орловской, Ярославской и Тамбовских областях. В 2007 году естественная убыль населения Воронежской области составила 8,7‰, что на 35,9% больше, чем в среднем по ЦФО. По величине естественной убыли населения Воронежская область (вместе с Тамбовской областью) заняла 12-ое место среди регионов ЦФО. Еще более высокий уровень депопуляции населения отмечался лишь в Ивановской, Рязанской, Смоленской, Тверской и Тульской областях. По сравнению с Воронежской областью существенно меньший уровень депопуляции сложился в соседних с ней Белгородской, Липецкой и даже Курской областях.

Динамика демографических процессов по-разному проявляет себя на внутриобластном уровне, поскольку конкретные субъекты административно-территориального деления Воронежской области (городские округа и муниципальные районы) находятся в неодинаковой не только демографической, но и экономической, и социальной ситуации. По данным экспресс-информации Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Воронежской области, за январь-декабрь 2007 года по сравнению к соответствующему периоду 2006 года рождаемость увеличилась во всех трех городских округах (г. Воронеж, г. Борисоглебск, г. Нововоронеж) и в 23-х муниципальных районах области. Наиболее значительно она выросла в Верхнемамонском (на 41,4%), Репьевском (на 22,2%) и Поворинском (на 21,1%) районах. Кроме того к этой категории нужно отнести Бутурлиновский, Кантемировский, Семилукский и Россошанский районы, где увеличение составило от 15 до 20%, а также Острогожский, Павловский, Нижнедевицкий, Ольховатский, Каширский и Новоусманский районы, где увеличение составило от 10 до 15%. В тоже время в восьми муниципальных районах области отмечалось снижение рождаемости населения, особенно значительное в Грибановском (на 14%), Терновском (на 12,2%) и Воробьевском (на 10,4%) районах. Кроме того сокращение рождаемости наблюдалось в Хохольском, Калачеевском, Эртильском и Верхнехавском районах.

По данным экспресс-информации Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Воронежской области, за январь-декабрь 2007 года по сравнению с соответствующим периодом 2006 года смертность населения сократилась во всех г юродских округах (г.

Борисоглебск - на 5,5%, г. Нововоронеж - на 4,6% и г.Воронеж - на 1,7%) и в свыше $^{3}/_{4}$ всех муниципальных районов области. Наиболее значительное сокращение смертности населения произошло в Каширском (на 15,5%) и в Терновском (на 13,9%) районах. Кроме того, среди муниципальных районов, где произошло заметное (от 5 до 10%) сокращение смертности населения, необходимо назвать Грибановский, Верхнехавский, Новоусманский, Рамонский, Новохоперский, Павловский, Петропавловский, Репьевкий и Панинский районы области. Напротив, в двух районах (Бобровский и Бутурлиновский) численность умерших осталась на уровне 2006 года, а в пяти районах она выросла, особенно значительно в Богучарском (на 9,1%) и в Ольховатском (на 8,4%) районах. К этой же группе относятся Эртильский, Подгоренский и Хохольский муниципальные районы. Следовательно, существенные внутриобластные различия в процессах воспроизводства населения, которые сложились в конце XX - начале XXI веков, должны быть объектом не только научных исследований, но и региональной демографической политики.

Переживаемый страной демографический кризис и реализуемая национальная программа по его преодолению существенно повысили актуальность научного исследования демографических процессов и подготовки кадров специалистов в этой области. Однако ситуация в этой учебно-научной среде на «провинциальном» уровне явно негативная. Например, даже в Воронеже, который входит в число полутора десятков самых крупных учебно-научных центров России, можно назвать немногих специалистов, которые занимаются проблемами демографии. К тому же изучение проблем народонаселения оказалось в рамках достаточно большого числа научных направлений. Помимо демографии изучением проблем народонаселения в той или иной степени занимаются социально-экономическая география, социология, экология человека, антропология, этнология, экономика труда, медицина и

медицинская география, многие другие направления науки. Поэтому на региональном уровне (особенно субъектов РФ) крайне необходима их интеграция. Вероятно, следует вспомнить идею профессора МГУ Д.И. Валентея о системе наук о народонаселении. Необходимость интеграции научных исследований в сфере изучения демографических процессов диктуется практической потребностью в таких работах, которые бы не ограничивались сугубо узко отраслевыми научными вопросами, а выходили на широкие практические аспекты решения демографических проблем, а это возможно за счет реализации принципа комплексности научных исследований процессов народонаселения.

На уровне страны и субъектов федерации важнейшей научной задачей выступает определение совместимости их современных и перспективных экономических, социальных и демографических потенциалов, анализ того, в какой степени формирующаяся демографическая ситуация соответствует долгосрочным планам их экономического и социального развития. Именно лишь на такой основе можно оценить эффективность реализуемой демографической политики. В условиях предстоящей дефицитности финансовых средств в целях их экономного, но эффективного расходования крайне важно выявить те сферы и элементы экономики и общественной жизни, которые в первую очередь определяют формирование демографических процессов. В этой связи необходимо осмыслить саму сущность, цели, задачи и формы реализации демографической политики как на национальном, так и на региональном уровне. Пока она имеет узко административный, «верхушечный» характер. Региональная демографическая политика в принципе должна быть инструментом управления не только органов государственной власти, но и местного самоуправления по мере его реального формирования и функционирования.

Однако такой выход на внутриобластные (внутрикраевые, внутриреспубликанские) аспекты региональной демографической политики требует соответствующего не только информационного, но и научного обеспечения. Реализация затратной демографической программы на уровне страны и ее субъектов невозможна без проведения регулярной демографической экспертизы, которая должна обеспечить органы государственной

власти и местного самоуправления на уровне муниципальных районов, городских округов, первичных городских и сельских муниципалитетов соответствующей статистической информацией. Неизбежность регулярных демографических инвестиций ставит в практическую плоскость вопрос об их эффективности не только в аспекте воздействия тех или иных мероприятий на демографические процессы, но и в их территориальном аспекте. На уровне субъектов федерации одним из путей их программирования становится работа по типологии городских округов и муниципальных районов не только по особенностям их демографической динамики, но и комплексной экономико-социально-демографической ситуации.

О ПРОБЛЕМЕ ДЕПОПУЛЯЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ[19]

(в соавторстве с В.А. Беловой)

Для понимания сущности рассматриваемой проблемы необходимо коренным образом изменить оценку сложившейся демографической ситуации. До сих пор для области в целом употреблялся термин "сложная демографическая ситуация", то есть непростая, с наличием каких-то проблем. Это было в одном ряду с такими понятиями, как " сложная экономическая ситуация", " сложная экологическая ситуация", т. е. подразумевается, что есть проблемы, которые, в общем-то, будут решены. Оценивая современные демографические процессы, следует сделать принципиальное заявление, что Воронежская область (как и некоторые соседние области Центрального Черноземья) в своем демографическом развитии превысила предел прочности и вступила в этап, который ведет к демографической катастрофе. Такое развитие будет иметь самые негативные экономические, социальные и политические последствия. Современные негативные демографические процессы в принципе не могут быть блокированы в рамках сформировавшейся модели управления развитием страны и региона.

Не смотря на широкое распространение сущность самого процесса депопуляции (в том числе и на территории области) слабо исследована. Существуют принципиально разные подходы в понимании депопуляции. Первый подход заключается в том, что депопуляцию рассматривают как неизбежный конечный результат развития человеческой популяции и ее территориальных групп. Рано или поздно все страны н народы подойдут к этапу вымирания.

Россия наряду с некоторыми другими странами просто "забежала" вперед. Второй подход заключается в том, что объективно существуют разные типы демографического развития отдельных человеческих популяций, а, следовательно, стран и регионов. Одни из них в пределах видимого прогноза будут

---

[19] О проблеме депопуляции населения Воронежской области / Ю.В.Поросенков, В.А.Белова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. география и геоэкология. — 2003 .— N 2 .— С. 55-59.

характеризоваться существенным приростом населения, а другие - его вымиранием. Воронежская область и Россия в целом относятся ко второй группе. Третья точка зрения заключается в том, что депопуляцию понимают как отклонение от нормального развития под влиянием неблагоприятных экономических, политических, социальных и экологических процессов. Такой подход преобладает в современном российском обществе: депопуляция в России - это реакция на структурный кризис, который переживает страна. Поэтому в обществе еще сохраняется иллюзия, что по мере нормализации экономической ситуации произойдет нормализация и демографической ситуации.

Конечно, можно ожидать какое-то улучшение демографических процессов, но область все же из демографического кризиса в ближайшие годы вряд ли выйдет. В 2002 г. число родившихся в Воронежской области составило 19 тыс. человек, а число умерших 45 тыс. человек. Следовательно, естественная убыль населения в Воронежской области составила 26 тыс. человек и выросла по сравнению с прошлым годом на 1,2% несмотря на некоторый рост рождаемости. Следует иметь в виду, что *в* 2002 г. механический прирост населения Воронежской области за счет миграции составил 4,7 тыс. человек и смог компенсировать лишь 18,2% его естественной убыли.

В 2002 г. депопуляция получила самое широкое распространение по территории области. Она охватила все ее административные районы и города. О глубине депопуляции говорит такой факт, что в 2002 г. соотношение смертности и рождаемости населения в целом по области составило 2,4 раза. Ниже среднеобластного уровень депопуляции (соотношение смертности и рождаемости населения до 2-х раз) наблюдается в городах Воронеж, Нововоро-неж, в Каменском, Россошанском и Богучарс-ком районах. На среднеобластном уровне (соотношение смертности и рождаемости составляет от 2,1 до 2,5 раза) депопуляция характерна для сельской местности Воронежского горсовета, для территории Лискинского и Острогожского горсоветов, а также для Новоусманского, Борисоглебского, Поворинского, Бутур-линовского, Воробьевского, Павловского, Калачеевского и Кантемировского районов. Высокий уровень депопопуляции (соотношение смертности и рождаемости населения от 2,6 до 3-х раз) наблюдается в 13 районах области (Ра-

монский, Репьевский, Лискинский, Панинс-кий, Эртильский, Терновский, Аннинский, Таловский, Новохоперский, Ольховатский, Подгоренский, Верхнемамонский, Петропавловский). В 8 районах области отмечается очень высокий уровень депопуляции: превышение смертности над рождаемостью от 3,1 до 3,5 раз - в Семилукском, Верхнехавском, Каширском, Бобровском, Грибановском районах; превышение смертности над рождаемостью от 3,5 до 4-х раз - в Хохольском и Острогожском районах, в Нижнедевицком районе этот показатель составляет 4,8 раза. В этих условиях совершенно не реально ожидать стабилизации численности населения. Напротив, следует ожидать систематическое и существенное сокращение численности населения Воронежской области. В 2020 г. численность населения Воронежской области может сократиться до 2 млн. человек, а в 2050 г. - до 1,5 млн. человек.

С нашей точки зрения, на современной этапе общественного развития центр тяжести демографической политики Воронежской области необходимо перенести на мероприятия по снижению смертности населения, то есть сохранению тех людей, которые уже появились на свет и живут. Это связано с тем, что депопуляция населения Воронежской области определяется не только низким уровнем рождаемости, но и крайне высоким уровнем смертности, которая в 2002 г. составила 18,7 человек в расчете на 1000 населения. При этом, по сравнению с 2001 г. смертность населения выросла на 2,5% .Смертность населения в Воронежской области существенно выше, чем в соседних Липецкой (на 7%) и Белгородской (на 13%) областях. В 2002 г. по сравнению с предыдущим годом смертность населения возросла в 25 регионах области, особенно существенно в Панинском, Репьевском районах и г. Но-вороронеже, а также в г. Лиски, в Семилукс-ком, Верхнехавском, Лискинском, Каширском и Кантемировском районах.

В тоже время демографическая политика, направленная на снижение смертности населения Воронежской области, вряд ли может рассчитывать на легкий успех. Современный уровень смертность населения определяется целым комплексом демографических, экономических и социальных процессов, образом жизни населения и условиями его обитания, зависит от состояния медицинского обслуживания и экологии. Основными

причинами смертности взрослого населения являются болезни системы кровообращения (52,5% от общего числа умерших в 2002 г.), причем рост числа умерших от этой группы причин (на 3,2% по сравнению с 2001 г.) почти в 1,3 раза опережает темпы роста общей смертности населения. На втором месте по числу умерших (10,2%) находятся новообразования. Третье место по численности умерших в Воронежской области занимают несчастные случаи, отравления и травмы.

Социально-экономические изменения конца XX века, вызвавшие падение уровня жизни населения, ухудшение его медицинского обслуживания, снижение санитарно-гигиенического уровня, массовые потоки беженцев, ослабление внимания к технике безопасности на производстве и в быту, рост негативных привычек населения - все это вызвало существенные изменения в структуре причин смертности населения. Обращает на себя внимание, что в последние годы сложилась достаточно устойчивая тенденция повышения смертности населения от неестественных причин. За 1991-2001 гг. число умерших от неестественных причин увеличилось на 31,9%. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время. В 2002 г. от несчастных случаев, отравлений и травм в Воронежской области погибло 4255 человек, что на 7,7% более, чем в прошлом году. При этом темп роста смертности от несчастных случаев, отравлений и травм в 3 раза превышает общее повышение смертности населения. Если в 2000 г. на несчастные случаи, отравления и травмы приходилось 8,5 % всех смертей населения области, в 2001 г. - 9%, а в 2002 г. - 9,4%. Иными словами, в настояще время каждый десятый житель области умирает от неесте-ственых причин. Одной из основных причин высокой смертности населения Воронежской области является высокий уровень его алкоголизации. В 2001 г. отравления алкоголем стали причиной смерти 444 человек (11,2% всех умерших от несчастных случаев, отравлений и травм, порядка 1% от общей численности всех умерших). Из числа умерших от отравлений алкоголем почти 9/10 пришлось на мужчин. В целом число "алкогольных" смертей за 1991-2001 гг. увеличилось на 1/4. Употребление алкоголя весьма часто является причиной смерти в результате транспортных травм и утоплений. В 2001 году от транспортных травм всех видов в области погибло 333 человека, а от случайных утоплений - 331 человек. С алкоголизацией

населения тесно связана смертность от самоубийств и убийств. В 2001 году от суицида погибло 460 человек, причем за 1999-2001 гг. численность погибших от самоубийства выросло на 36,5%. В 2001 г. в Воронежской области от убийств погибло 391 человек, по сравнению с 1999г. их число выросло на 41,9%. Высокий уровень потребления алкоголя населением Воронежской области существенно ухудшил состояние его здоровья, что является одной из причин широкого распространения сердечно-сосудистых заболеваний, на которые приходится 52,4% всех причин смертности. Употребление населением некачественных продуктов питания вызывает случайные отравления, от которых в 2001 г. погибло 180 человек; по сравнению с прошлым годом их число выросло на 1/3. Область получила известность своими ежегодными отравлениями от дикорастущих грибов.

Сложной проблемой остается гибель людей от производственного травматизма, хотя по этому показателю в расчете на 1000 работающих область занимает одну из лучших позиций в Центральном Федеральном округе, хотя и находится на одном из последних мест по размерам расходов на мероприятия по охране труда в расчете на одного работающего. Тем не менее в 2002 г. в Воронежской области от производственного травматизма с утратой трудоспособности на один рабочий день и более пострадало 1477 человек, в том числе 421 женщина. Производственный травматизм стал причиной смерти 57 человек, в том числе 5 женщин. По сравнению с прошлым годом в расчете на 1000 работающих уровень травматизма со смертельным исходом вырос с 0,1 до 0,116 и составил 1,3% от общего числа умерших от неестественных причин. На гибель людей от производственного травматизма существенное влияние оказывают процессы формирования социальной и отраслевой структуры хозяйства. В расчете на 1000 работающих на частных предприятиях гибель людей от производственных травм в 2,2 раза превышает аналогичный показатель государственных предприятий. Среди отраслей хозяйства наиболее высокий уровень травматизма со смертельным исходом в расчете на 1000 работающих выделяются строительство, оптовая торговля, а также материально-техническое снабжение и сбыт (соответственно в 3,5 раза, в 2,2 раза и в 2 раза выше среднеобластного показателя). Кроме того выше среднеобластного уровня гибель людей от

производственного травматизма существует в промышленности стройматериалов, в пищевой промышленности и в сельском хозяйстве (соответственно на 66,4 %, на 27,6% и на 21,5%). Среди районов Воронежской области гибелью людей от производственного травматизма особенно выделяются Острогожский, Борисоглебский, Хо -хольский, Россошанский и Новохоперский районы, где показатель смертности на 1000 работающих выше среднеобластного уровня соответственно в 8,7 раза, в 6 раз, в 3,5 раза, в 3,1 раза и в 2,7 раза.

Крайне негативной стороной современного естественного воспроизводства населения является быстрый рост его смертности в трудоспособном возрасте. Естественной основой процесса выступает постарение трудоспособных, однако резкий скачок смертности в рабочем возрасте вызвал экономический кризис 90-х годов XX века. За 1990-1999 гг. число умерших в трудоспособном возрасте выросло на 32,7%, тогда как их доля - на 7,6%. Процесс повышения смертности трудоспособных наиболее интенсивно захватил городское население, при этом сельские жители выделяются более высокими показателями смертности. В 1999 г. в расчете на 1000 трудоспособного населения области смертность составила 6,6 промилле, что почти на 1/3 выше уровня 1990 г. В Воронежской области сформировался резкий разрыв в смертности трудоспособных мужчин и женщин. Среди горожан мужская смертность превышает женскую в 4,3 раза, но среди сельских жителей это соотношение составляет 4,9 раза. Это связано не столько с более поздним пенсионным возрастом мужчин, сколько с более высокими у них показателями возрастной смертности, характером трудовой деятельности, сложившимися бытовыми привычками.

Структура смертности населения Воронежской области в трудоспособном возрасте значительно отличается от структуры общей смертности населения. Если в картине общей смертности резко доминирует смертность от болезней органов кровообращения, то у трудоспособных примерно равна доля смертей от неестественных причин и от болезней системы кровообращения. Смертность от неестественных причин даже несколько превышает смертность от болезней системы кровообращения, при этом от несчастных случаев, отравлений и травм среди трудоспособных умирает почти 1/3 от общего их

числа. Учитывая значительную устойчивость стереотипа демографического поведения, сформировавшегося на современном этапе социально-экономического развития области, высокую капиталоемкость программ повышения рождаемости, невысокую эффективность их отдачи, современная демографическая политика Воронежской области должна быть направлена в первую очередь на максимально возможное снижение смертности населения, особенно от неестественных причин и в трудоспособном возрасте.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ ЕМКОСТИ ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ГЕОГРАФИИ[20]

Некоторые недостатки современных работ по географии населения, на наш взгляд, вызваны излишне нигилистическим отношением к теоретическому наследию .русской буржуазной /географии. Общий методологический порок дореволюционных исследований в этой области не зачеркивает всех теоретических построений прошлого. Некоторые из этих теорий, преобразованные на базе марксистско-ленинской политической экономии, могут быть использованы в советской географин населения. К их числу относится и теория емкости территорий для. населения П. П. Семенова-Тян-Шанского.

В 1871 г. вышла в свет фундаментальная работа Семенова-Тян-Шанского о населенности Европейской России, в которой автор предпринял попытку научно объяснить особенности размещения населения, его плотность (П. П. Семенов, ! 871 У. Для анализа конкретного соотношения степени экономического развития районов и плотности их населения П. П. Семенов-Тян-Шанский устанавливает понятие «емкость или вместимость территории».

Основные положения теории Семенова-Тян-Шанского можно свести к следующему: 1) емкость территории зависит., от ее физико-географических, экономических и исторических условий, географического положения, а также от общих, особенностей исторического развития всей страны; 2) одна и та же территория в различные исторические эпохи обладает различной ёмкостью; 3) из экономических условий сильнейшее влияние на емкость территории оказывает развитие товарного обмена, особенности хозяйственной специализация; 4) не существует обязательного совпадения понятий плотности населения и емкости территории. Таким образом, несмотря на существенные недостатки (механистичность, отсутствие четкого понимания взаимодействия между производительными • силами и производственными

[20] Критический анализ теории емкостей территории для населения в советской географии / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. об-ва СССР. — 1974 .— Вып. 1 .— С. 118-128.

отношениями, а отсюда игнорирование социально-экономических и ограниченное толкование экономических условий), эта теория явилась минимально необходимой основой научного объяснения размещения населения. Предложенный П. П. Семеновым термин широко употребляется русскими географами и экономистами (Воейков, 1911; Скворцов, 1925; Лященко, 1930; Огановский, 1914; Кауфман, 1905).

В западноевропейской науке приоритет в научной постановке анализа размещения населения принадлежит французскому демографу Левассеру, который в 1883 г. пришел к выводу об обусловленности размещения населения средствами существования, о наличии зависимости между плотностью населения и ступенями экономического развития (Левассер, 1888). Впоследствии этот вывод был развит крупнейшими антропогеографами, в первую очередь Ф. Ратцелем (см. Ля-ликов, 1947J, который различия в плотности населения положил в осноёу классификации народов по уровню социального развития.

Таким образом, рост населения и его плотность обосновывались как ведущие силы в социально-экономическом развитии общества. Реакционность, ненаучность такого подхода неоднократно' отмечались в советской географической литературе (Ляликов, 1947), и на этом вопросе нет необходимости останавливаться подробнее. Если оставить в стороне социальные выводы данной теории, в ней можно отметить определенное рациональное «зерно» — установление корреляционной связи между видами производства и плотностью населения. Советский этнограф С. И. Брук (1961.) считает, что хотя и было бы ошибочным искать во всех случаях непосредственную связь между плотностью населения и его хозяйственной деятельностью, тем не менее анализ районов с различными плотностями населения позволяет примерно указать, с какими типами хозяйства связана та или иная плотность. Аналогичных взглядов придерживается и Б. Ц. Урланис (1941).

Своеобразным западноевропейским аналогом теории емкости территорий является теория оптимума населения. Она претендует на комплексное отражение взаимоотношений численности, структуры населения и процессов социально-экономического развития, в связи с чем находит сторонников и среди прогрессивных ученых (Смулевич, 1969). Теория оптимума

населения в настоящее время является наиболее распространенной в буржуазной демографической науке; под идейным флагом этой теории был проведен ряд международных демографических конгрессов. Суть ее сводится к тому, что для любой конкретной территории в определенное время существует максимальный уровень доходов, который может быть достигнут лишь в том случае, если численность населения настолько точно соотносится с условиями жизни, что ее сокращение или увеличение повело бы к уменьшению доходов (Вадиа, Мёрчент, 1957). Этот оптимум населения время от времени изменяется по мере изменения условий производства.

Важнейшим методологическим пороком данной теории является игнорирование социально-экономических условий, однако ее оценка как новейшего варианта мальтузианства и как свидетельства кризиса буржуазной науки (Афанасьев, 1963) не соответствует действительности. Тщательный и объективный анализ этой теории нужно считать одной из- актуальнейших задач географии населения, тем более что в советской демографии уже предпринимаются первые шаги в поисках методологии и методики по определению демографических оптимумов (Боярский, 1968; Кваша, 1970).

Рассмотрению теории емкости территорий и ее значимости в советской географии населения посвящен целый ряд работ. Эта теория была положена в основу исследований созданного в Москве в 1922 г. первого советского научно-исследовательского института по изучению миграционного движения. Одной из основных задач института являлась разработка теории колонизационного и миграционного движения в условиях Советской России и выработка рекомендаций для управления им. Сотрудники института сделали первую попытку развить теорию емкости на основе марксистско-ленинской политической экономии и разработать некоторые аспекты этой теории применительно к условиям социалистической экономики. Особенно показательны в этом отношении статьи И. Л. Ямзина (1924), Л. И. Лубны-Герцыка (1924), а также монография И. Л; Ямзина и В. П. Вощинина (1926) о колонизации и переселениях.

И. Л. Ямзин в своих работах значительно продвинул вперед Факторный анализ хозяйственной емкости территорий.

обосновав схему отражения региональных взаимосвязей хозяйственной специфики, использования трудовых ресурсов и миграционного движения. Основные выводы автора можно свести к следующим положениям:

1. Миграционные процессы органически связаны с конкретными стадиями экономического развития и закономерно вытекают из сложившихся соотношений уровня производства и степени плотности населения.

2. Плотность населения не представляет собой самодовлеющую категорию и обусловливается емкостью территории.

3. Емкость территорий является продуктом социальных условий и находится в постоянном движении.

4. Емкость территорий определяется сложным взаимодействием как географических, так и экономических факторов; среди последних ведущим является диалектическое равновесие; уровней интенсивности сельского хозяйства, общественно**г о** разделения труда (имеется в виду, в первую очередь, развитие внутреннего и внешнего рынка, промышленности) и потребностей населения.

5. Поскольку каждый хозяйственный строй имеет свой уровень интенсификации сельского хозяйства, свой уровень; потребностей населения и свою степень разделения общественного труда и товарных отношений, то для каждого характерна различная динамика емкости территорий, а следовательно, и плотности населения.

6. Увеличение плотности населения выше существующей емкости (или нормы заселенности) возможно при дальнейшей интенсификации хозяйства или снижении уровня потребления.

7. Различия в емкости территорий определяют характер миграционного движения: малая емкость территорий является причиной эмиграции, большая емкость приводит к иммиграции.

Не ограничиваясь общими теоретическими рассуждениями, И. Л. Ямзин обосновывает элементарную формулу емкости территории для сельскохозяйственного населения (Е): Е = Р/П, где Р — общее количество пригодной для хозяйственного использования территории, П — земельная норма, необходимая для правильного построения отдельного хозяйства. При этом автор обращает особое внимание на то обстоятельство, что земельная

норма; — понятие социальное, она чрезвычайно изменчива. В числе главных факторов, определяющих ее изменения, И. Л. Ямзин называет природные условия, степень производительности труда, системы сельского хозяйства, характер общественных земельных отношении.

Л. И. Лубны-Герцык впервые предпринял попытку .обосновать емкость "территории (или, как он писал, нормы населенности) для условий социалистической экономики. Он считает, что вопрос о нормах органически чужд буржуазной науке, но имеет первостепенное значение при новой организации хозяйства, в условиях новой общественной системы. Хозяйственную емкость территорий автор! рассматривает и неразрывной связи с основной задачей организации народного хозяйства — подъемом благосостояния народа, теснейшим образом связанным с развитием производительности труда. В свое определению хозяйственной емкости автор вводит новые параметры использования природных богатств и трудовых ресурсов в условиях социализма, коренным образом отличающегося от капиталистического расхищения. Результаты его исследований можно свести к трем основным выводам:

1. Емкость территории не нарушает естественного равновесия природных веществ и представляет собой гармоничное, «оптимальное» соотношение между численностью населения и внешней природой.

2. Емкость территорий дает возможность производить потребное человеческому обществу количество хозяйственных благ с наименьшими затратами человеческого труда.

3. Нормальной населенностью (или емкостью территории) можно признать лишь такую, при которой рабочая сила могла бы быть наиболее совершенно использована, а снабжение населения хозяйственными благами достигло бы оптимальных размеров.

Автор также считает, что формирование хозяйственной емкости территорий лежит в основе миграционного движения, хотя и подчеркивает чрезвычайную трудность определения перенаселенности или недонаселенности территорий и ставит вопрос о выявлении экономического эффекта миграционного движения.

Вместе с тем нельзя не отметить, что развитие теории емкости на марксистской основе в начальный период носит поверхностный

характер, поскольку главные закономерности социализма были выявлены гораздо позже. Кроме того, авторы были не всегда последовательны в своих взглядах. Так, они явно переоценивали роль демографического фактора. Л. И. Лубны-Герцык объясняет перенаселенностью и войны, и обострение классовой борьбы, в перенаселенности он видит единственную причину всех миграций, даже религиозных и политических, а главным в сфере материальных отношений .считает отношение численности населения к запасам природных благ.

Несмотря на отмеченные недостатки, труды И. Я. Ямзина, В. П. Вощинина и Л. И. Лубны-Герцыка сыграли важную роль в дальнейшем развитии теории хозяйственной емкости территорий. Вызывает недоумение тот факт, что научная заслуга этих ученых в советской географии населения почти полностью забыта и на них нет ссылок даже в работах, посвященных истории данного вопроса. Не подобный ли подход к истории отечественной науки позволяет противникам теории емкости утверждать, что это всего лишь случайная, ошибочная идея «нашего великого земляка», которая не получила дальнейшего развития?

Только в 1947 г. в первом сборнике «Вопросы географии», посвященном проблемам населения, была опубликована статья Н. И. Ляликова о некоторых вопросах плотности населения в географической литературе. В этой статье дан марксистский анализ теории емкости населения, отмечены основные ее недостатки, предложен новый термин для ее обозначения — «хозяйственная емкость» и сделан вывод о том, что изучение хозяйственной емкости территорий в условиях социалистического планового хозяйства, научная разработка карты хозяйственной ёмкости применительно к достигнутому на данном этапе уровню развития производительных сил могли бы сыграть некоторую вспомогательную роль при решении вопросов перераспределения населения на территории нашей страны (Ляликов, 1947).

В основу марксистской перестройки теории Н. И. Ляликов кладет тщательный учет производственных отношений, без которого невозможно разобраться в пространственных различиях и динамике емкости. Исходя из этого принцип а, он делает, например, вывод о том, что емкость территорий в капиталистическом обществе определяется не только уровнем развития производительных сил, но и свойственными ему

социальными условиями, в частности относительным перенаселением. Последнее снижает емкость территории по сравнению с той, которая возможна при условии полного использования производительных сил. В социалистическом обществе емкость территории непосредственно связана с развитием производительных сил, но она не может быть равномерной повсеместно вследствие неодинакового развития производительных сил и неоднородности природных условий на-территории страны.

Таким образом, указанная статья Н. И. Ляликова могла бы стать важным этапом в создании марксистской теории размещения населения, однако она вызвала ряд возражении, появление которых было обусловлено догматическим подходом к проблемам населения. Кроме того, некоторых исследователей ввело в заблуждение и то обстоятельство, что аналогичные проблемы ставились в буржуазной науке. Примером такой негативной критики можно назвать статью Л. Я.Зимина (1951) в сборнике «Буржуазная география на службе американского империализма», изданном Институтом географии Академии наук СССР. Вне всякой связи с содержанием критикуемой статьи и без всяких доказательств Л. Я. ЗимаН сделал следующее замечание: «Совершенно недопустимым является стремление некоторых советских географов перенести в советскую экономическую географию придуманное апологетами капитализма метафизическое понятие возможной емкости территории для населения, ныне усиленно пропагандируемое мальтузианцами-людоедами в США» (стр. 72).

В 1953 г. в «Известиях Всесоюзного географического общества» была опубликована статья М. С. Волобуева-Артемова, в которой весь пятый сборник «Вопросов географии» охарактеризован как «своеобразная коллекция антимарксистских высказываний» (стр. 178). Касаясь статьи Н. И. Ляликова, М. С. Волобуев-Артемов почти так же бездоказательно делает вывод о том, что «это поистине чудовищное в устах марксиста утверждение ведет автора прямым путем в объятья буржуазных экономистов-географов-неомальтузианцев...» (Волобуев-Артемов, 1953, стр. 179).

На всю эту негативную критику Н И . Л яликов ответил достаточно веско (Ляликов, 1951, 1954), однако, вполне

естественно, она не прошла бесследно в своем ответе Л. Я. Зиману Н. И. Ляликов предлагает вместо «емкости территории, для населения» другой термин — «возможная плотность населения». Исходя из особенностей развития экономической географии последнего времени, мы считаем в данном случае неубедительным основной его довод, который сводится к тому, что первоначальный термин взят из наук не социально-экономического цикла. Теория емкости территорий П. П. Семенова-Тян-Шанского существует. под таким названием уже около сотни лет, хорошо известна в нашей географической литературе, и пет необходимости вводить новый термин. Кроме того, «возможная, плотность населения».— не вполне эквивалентная замена. «Емкость территории» **и** «плотность населения» — понятия не одинакового плана. Согласно теории Семенова-Тян-Шанского, емкость территорий выступает в качестве внутреннего регулятора плотности населения, сам термин отражает эту сущность, чего нельзя сказать о термине «возможная плотность населения».

Теория хозяйственной емкости территорий была специально рассмотрена в советской географической литературе. Ей посвятили свой доклад на I междуведомственном совещании о географии населения в 1961 г. Е. Б. Лопатина и В. В. Покшишевский. Авторы сделали вывод, что теоретическое значение этой категории для географии населения (независимо от конкретного ее терминологического выражения) стало ясным только после того, как Н. И. Ляликов наполнил ее марксистским содержанием (Лопатина, Покшишевский, 1961).

Однако думается, что методологическое значение теории емкости территорий раскрыто еще далеко не в полной мере. Вполне справедливо критикуя данную теорию за идеализм **и** механистичность, противники ее совершенно упустили из виду определенные рациональные моменты и возможности ее трансформации в свете марксистско-ленинской политической экономии. В свою очередь, сторонники этой теории, отмечая ее положительные стороны, недостаточно способствовали ее развитию. В результате возникло весьма курьёзное положение, когда многие географы, признавая «дух» этой теории, избегают называть ее своим именем.

Построение материально-технической базы коммунизма неразрывно связано с рациональным использованием трудовых ресурсов, что, в свою очередь, требует научной разработки методологии формирования размещения,, населения. В связи с этим вопрос о емкости территорий неоднократно поднимается в целом ряде научных работ. Так, Г. Г. Гвелесиани (1968), анализируя связи плотности населения с формами хозяйства в горной стране, прямо обращается к понятию, емкости территории. Он пишет: «Емкость территории для населения... нужно понимать как существующее на каждой стадии развития соотношение между населением и сферой приложения общественного труда, как большую или меньшую степень обеспеченности трудоспособной части населения -данной территории фондом рабочих мест. Это соотношение • динамическое, изменяющееся в зависимости от социально-экономических условий» (стр. 4-7). Из приведенной цитаты, явствует, что Г. Г. Гвелесиани отметил как основную черту емкости территории в условиях товарного хозяйства именно то, что она выражается в занятости населения, спросе на рабочую силу.

В современной советской географической науке существуют благоприятные условия для развития теории емкости территорий, поскольку в демографии предпринимаются попытки обоснования близкой ей теории оптимума населения, имеющие первоочередной целью выработку ; рекомендации в проведении демографической политики. Так, В. И. Козлов (1969) отмечает, что конкретная политика народонаселения должна приводить к достижению оптимума населения; Под оптимумом населения он понимает такие его численность и состав, которые обеспечивают наибольший прирост дохода на душу населения при данном исторически сложившемся уровне производительных сил и социально-экономических условий.

Отмечая важное значение разработки указанной проблемы, Д. И. Валентей (1971) пишет, что мы крайне медленно и робко приступаем к определению оптимального населения для страны, союзной республики и экономического района. Научность теории оптимума населения признает также восточногерманский демограф Ф. Буркхардт (1971). Экономический оптимум населения он определяет как такое количество населения, которое обеспечивает жителям определенной области наибольшее материальное благосостояние.

В заключение необходимо привести мнение крупнейшего советского специалиста по вопросам народонаселения проф. Б. Я. Смулевича (1971). Выступая против буржуазной «теории оптимума населения», он не отвергает самой; концепции оптимума в области проблем роста народонаселения. Б. Я. Смулевич критикует буржуазный, неклассовый подход к демографическим явлениям и считает весьма актуальной проблему исследования с марксистских позиций взаимосвязи экономики и народонаселения для отыскания наиболее рациональных путей использования рабочей; силы и . формирования политики народонаселения в целом.

Таким образом, можно спорить в отношении конечной цели политики народонаселения, однако нельзя не видеть того, что принятая трактовка оптимума населения представляет собой по существу обратную сторону теории хозяйственной емкости территорий. Следовательно, в основу методологии советской географии населения могут быть положены и некоторые теоретические достижения русской буржуазной географии, в частности теория хозяйственной емкости территорий, условиях обостренной состязательности наук по проблемам народонаселения мы придаем большое значение ее дальнейшему развитию. Реконструированная, на базе марксистско-ленинской политической экономии, теория хозяйственной емкости явится тем инструментом, с помощью которого можно открыть и исследовать внутренние механизмы территориального размещения и перемещения населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Л. Аграрное перенаселение. М., 1963.
2. Боярски й А. Я- К проблеме демографического оптимума. Сб. «Изучение воспроизводства населения». М., 1968. •
3. Брук С. И. Население земного шара. М., 1961.
4. Буркхардт Ф. Методологические проблемы изучения демографических процессов. В кн. «Марксистско-ленинская теория народонаселения». Под -'ред. проф. Д. И. Валентея. М., 1971.
5. Вадиа П. А., Мёрчент К. Т. Экономические проблемы Индии. М., 1957.

6. Воейков А. И. Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб., 1911.

7. Волобуев-Артемов М. С. Еще о методологических основаниях экономической географии и о борьбе с пережитками гетнерианства. «Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», т. 85, вып. 2. Л., 1953.

8. Гвелесиани Г. Г. География плотности населения и связь ее с формами хозяйства в горной стране. «Мат-лы второго междуведомств, гсовещ. по географии населения», вып. 1. М., 1968.

9. Зиман Л. Я. Американские географы на Службе поджигателей войны. Сб. «Буржуазная география на службе американского империализма». :М., 1951.

10. Кауфман **А.** А. Переселение и -колонизация. СПб., 1905.

11. Кваша А. Я- Об оптимальном типе воспроизводства населения СССР. Сб. «Вопросы демографии». М., 1970.

12. Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.

13. Левассер. Основы политической экономии. СПб., 1888.

14. Лопатина Е. Б., По к шиш е в с кий В. В. К истории понятия «емкость территории» в отечественной литературе по географии населения. Вопросы географии населения СССР. Сб. статей к I междуведомств. совещ. по географии населения». М., 1961.

15. Лубны-Герцык Л. И. О нормах населенности. «Тр. Гос. колонизанионного науч.-исслед. ин-та», т. I. М., 1924.

16. Ляликов Н. И. Некоторые вопросы плотности населения в географической литературе. «Вопросы географии», сб. 5. М., 1947.

17. Ляликов Н. И. Письмо в редакцию. «Вопросы географии», сб. 25. М., 1951.

18. Ляликов Н. И. О некоторых утверждениях М. С, Волобуева-Артемов а. «Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», 1954, № 1.

19. Лященко П. И. Социальная экономия сельского хозяйства, т. I.M.,1930.

20. Марксистско-ленинская теория народонаселения. Под ред. проф. Д. И Валентея. -М., 1971.

21. Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции, т. III. Саратов, 1914.

22. Семенов П. П. Населенность Европейской России в зависимости от причин, обусловливающих распределение населения империи. «Статистический временник Российской империи», серия вторая, вып. I, СПб., 1871

23. Скворцов А. А. Основы экономики земледелия, т. I. М., 1925.

24. Смулевич Б. Я. Критика буржуазных теорий народонаселения ; ее методологические принципы. Сб. «Вопросы марксистско-ленинской ,теории народонаселения. Всесоюзный симпозиум. Москва, 24—26 ноября 1966», М., 1969.

25. Смулевич Б. Я Буржуазные теории народонаселения. В кн. «Марксистско-ленинская теория народонаселения». Под ред. - проф. Д. И. Валентея, М., 1971.

26. Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.

27. Ямзин И. Л. О постановке колонизационных миграционных проблем в России. «Тр.-. Гос. колонизационного науч.-исслед. ин-та», т. I. М. 1924.

28. Ямзин И. Л., Вощинин В. П. Учение о колонизации и переселеннях. М.—Л., 1926

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИБИТЮЖЬЯ (ТАЛОВСКИЙ И БУТУРЛИНОВСКИЙ РАЙОНЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)[21]

Восточное Прибитюжьс относится к числу густонаселенных райо-нов Воронежской области. В начале 1965 г.[22] на его территории проживало 170,8 тыс. человек, что составляет около 7% населения области. На рассматриваемой территории расположены лишь три городских поселения: в Бутурлиновском районе — г. Бутурлиновка (14 тыс. чел.)[23] и поселок городского типа Нижний Кисляи (7,4 тыс. чел.); в Таловском районе — поселок Таловая (11,4 тыс. чел.). Все эти городские поселения относятся к числу мелких и ненамного превосходят крупнейшие села. Так, Козловка имеет одинаковую людность с Нижним Кисляем и всего вдвое меньше г. Бутурлиновки.

Характерной чертой Восточного Прибитюжья является постепенное сокращение общей численности его населения в результате растущей механизации сельскохозяйственного производства. С 1959 по 1964 г. число сельских жителей уменьшилось на 15 тыс. чел., или на 10%, в то время городское население возросло всего лишь на 9 тыс.

По отдельным сельским Советам изменение численности населения колеблется от +14 до -18,7%.

Уменьшение населения преобладает на большей территории района: из 42 сельских Советов число жителей увеличилось только в 10. Это, в первую очередь, Советы с преимущественным развитием совхозного производства (Александровский, Вознесенский, Терновский, Квашинский и др.). Совхозы в условиях Восточного Прибитюжья уже давно превратились в

---

[21] Экономико-географическая характеристика населения Восточного Прибитюжья (Таловский и Бутурлиновский районы Воронежской области / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. о-ва СССР. — 1966 .— Вып. 7 .— С. 110-114.

[22] В дальнейшем изложении всюду приводятся данные учета населения на 1.1 1965 г.

[23] В настоящее время численность населения города возросла до 22 тысяч человек *б* результате включения ряда пригородных сел.

мощные социалистические хозяйства с гарантированной высокой оплатой труда и высоким уровнем культурно-бытового обслуживания.

Наибольшее" сокращение сельского колхозного населения произошло в Таловском районе. Особенно выделяются два ареала: западный (вдоль р. Чиглы) со старейшими крупными селами и центральный (к востоку от пос. Таловая) с мелкими выселками и поселками, возникшими преимущественно в XX в. В первом из них в дореволюционное

время сформировались крупные торгово-ремеслснно-земледельчесяие села. В последующие годы они потеряли свои торговые и ремесленные функции, а сельское хозяйство не смогло удержать значительную их людность. За шесть лет с 1959 г. население Орловского сельского Совета уменьшилось, например, на 16,7%, Никольского — на 15,9%.

В центральном ареале мелконаселенность обусловливает *низкий* уровень культурно-бытового обслуживания и отрицательно влияет на колхозную экономику. Этот ареал выделяется особенно высокими темпами сокращения. Так, численность населения Первого Шанинского сельского Совета уменьшилась иа 17,9%, Анохинского — на 17% и т. д.

В Бутурлиновском районе сокращение менее интенсивно. Наибольшее уменьшение наблюдается в некоторых Советах со старыми крупными селами (Козловский, Васильевский, Кучеряевский).

Большой научный и практический интерес имеет анализ изменения численности населения по группам поселений различной людности. Он отражает определенную степень соответствия населенных пунктов производственным и культурно-бытовым условиям.

За 1959—1964 гг. население увеличилось лишь в средних группах, причем наибольший процент прироста наблюдается среди населений с людностью от 501 до 1000 человек (4,3%). В целом же население возросло в группах поселений от 300 до 3000 чел. Наиболее сократилось число жителей в «крайних» группах людности. Так, среди крупнейших селений (свыше 3 тыс. человек) оно составляет 9%. На них приходится около половины всего уменьшения числа сельских жителей Восточного Прибитюжья. Все это лишний раз доказывает, что современное

сельскохозяйственное производство без достаточного развития промышленности и предприятий культурно-бытового обслуживания не может являться экономической базой подобных населенных пунктов.

Еще более высокие темпы сокращения населения имеют мельчайшие населенные пункты (31—100 чел.) и одиночные жилые точки (до 30 чел.): число жителей первой группы уменьшилось на 12%, второй — на 73,8%. Таким образом, современное формирование сельского расселения приводит к постепенному выравниванию размеров населенных пунктов за счет мелких и крупнейших поселений.

Общая плотность населения Восточного Прибитюжья в настоящее время составляет 41,8 чел. на 1 км^2, в том числе сельского — 31,7 чел. Различия в плотности сельского населения по отдельным Советам достигают десятикратной величины: от 156,6 до 14,5 чел. на 1 км^2, что косвенным образом отражает и обеспеченность сельского хозяйства трудовыми ресурсами.

Размещение сельского населения сохраняет основные закономерности, сложившиеся к началу 30-х годов нашего века. Наибольшей плотностью выделяется по-прежнему приосередский ареал (свыше 50 человек на 1 *км^2).*

Повышенной плотностью населения характеризуется северо-западная часть Таловского района (до 42 чел.). Наименее заселены восточные части Таловского и Бутурлиновского районов (15—20 чел.). Подобное размещение сельского населения в значительной степени является результатом исторической особенности развития Восточного Прибитюжья: первые два ареала относятся к числу наиболее старых по заселению частей района.

Социальный состав населения Прибитюжья представляется в следующем виде: 56,3% приходится на колхозников, к рабочим и служащим нами отнесено 43,4% всех жителей района. В сельской же местности рабочие и служащие составляют лишь 29,9% всех жителей.

Свыше половины всех рабочих и служащих Восточного Прибитюжья (около 40 тыс.) проживает в городских поселениях. Оставшаяся их часть почти поровну приходится на совхозы и колхозы. Для хозяйственной деятельности местных органов крайне немаловажное значение имеет знание внутрирайонных особенностей размещения рабочих и служащих. О том, что

указанная социальная категория размещена неравномерно, говорит тот факт, что на 14 сельских Советов (из общего их числа 44) приходится 80,2% рабочих и служащих.

В целом по колхозным поселениям удельный вес рабочих и служащих составляет 15%. Однако в каждом отдельном случае он довольно различен. Численность рабочих и служащих в колхозных поселениях определяется их функциональными типами, местом отдельных селений во внутрихозяйственном разделении труда, особенностями географического положения, следовательно, и их общей людностью.

Наибольшей прослойкой рабочих и служащих выделяются колхозные населенные пункты с людностью свыше 3 тыс. человек. На них приходится около 80% всех лиц указанной социальной категории. Это объясняется тем, что значительное число крупнейших населенных пунктов относится к аграрно-промышленным селениям (с. Клеповка — 34,3%). или спутникам близлежащих городов (с. Заречное -54,1%).

Колхозные поселения с людностью 501 — 1000 чел. и 1001—3000 чел. характеризуются приблизительно одинаковым удельным весом рабочих і: служащих —5,6% и 6,2%. Такой сравнительно высокий процент объясняется их положением в качестве организационных центров колхозного производства, а следовательно, и более высоким уровнем культурного и бытового обслуживания.

В национальном отношении Восточное Прпбптюжье представлено почти исключительно р\сокими. Но, в отличие от многих древнерусских областей, национальный состав района является результатом развития последних 50 лет. В первоначальный период заселения (конец XVII— начало XVIII вв.) Прпбптюжье находилось в пограничной зоне русского и украинского народов. В 1897 г. в Восточном Прибитюжье проживало около 65 тыс. украинцев, треть из которых в сл. Бутурлнновке. В общей численности населения украинцы составляли 43,8%.

В 1959 г. среди населения Таловского, Елань-Коленовского, Бутур-линовского и Воробьевского районов Воронежской области русские составляли 97,8%. Еще больший удельный вес их в сельской местности. В общей численности Восточного Прибитюжья на украинцев в настоящее время приходится лишь

1,4%. О далеко зашедшем процессе ассимиляции украинского населения на изучаемой территории говорит тот факт, что из 2,7 тыс. украинцев своим родным языком считают рус-ский 52,4%.

Состав населения по полу н возрасту в значительной степени определяет численность трудовых ресурсов. Нормальная, т. е. приблизительно одинаковая численность мужчин и женщин, создает наиболее благоприятные условия для роста населения. Однако в годы Великой Отечественной войны советский народ потерял около 20 млн. человек, преимущественно мужчин[24].

Диспропорция в численности мужчин и женщин до сих пор является характерной чертой в структуре населения Восточного Прибитюжья. На сельской территории этих двух административных районов проживает 79,9 тыс. женщин и только 57,9 тыс. мужчин. Таким образом, численное превосходство женщин составляет около 23 тыс. человек (57,6% всего населения).

В настоящее время происходит постепенное выравнивание этого соотношения. Об 'этом свидетельствуют данные отдельных возрастных групп населения. Вследствие более высокой рождаемости мальчиков они преобладают среди населения до 16 лет. Нормальное соотношение мужчин и женщин складывается и в возрастах 16—19 и 25—29 лет. Довольно повышенная численность женщин в группе 20—24 года (57,4%) объясняется тем, что значительное число мужчин после демобилизации их из армии в Прибитюжье не возвращается. Кроме того, выезд населения в другие районы на постоянное место жительства особенно характерен в этих группах для мужчин.

Последствия Великой Отечественной воины оставили неизгладимый след среди лиц старшего возраста. Женщины среди населения 30— 39 лет составляют почти 55%, а в группе 40—49 лет — уже 63,4%. Максимальная диспропорция в численности мужчин и женщин (69,5%) характерна для возрастной группы 60—64 года, где к числу многих факторов добавляется и повышенная смертность мужчин. Наиболее неблагоприятной половой структурой выделяются большая часть Бутурли-повского, северо-восток и северо-запад Таловского районов, что, по сути дела, совпадает с ареалами наиболее старейшего заселения, отличающимися в последнее время повышенным оттоком

[24] - Население мира. Под ред. проф. Б. Ц. Урлаииса. М., 1965, стр. 16.

населения. Возрастная структура сельского населения Восточного Прибитюжья характеризуется средними для СССР цифрами. На группу до 16 лет приходится 31% всего населения, к лицам трудоспособного возраста относится 53,3%.

Относительная численность возрастов до 16 лет по отдельным сельским Советам изменяется более, чем в 1,5 раза (от 23,6% до 38,1 % общей численности всего населения). Наименьшим количеством детей и подростков выделяются запад Таловского и центр Бутурлиновского районов. Более молодым является население удаленных от райцентров и характеризующихся повышенной рождаемостью сельских Советов.

Численность лиц трудоспособного возраста обнаруживает более устойчивое отношение ко всему населению.

Очень резко (в 2, 3 раза) изменяется относительная численность лиц в пенсионном возрасте по отдельным сельским Советам. Наиболее «старым» населением выделяются крупнейшие села: Новая Чнгола, Никольское, Абрамовка, Козловка, Заречное, Красное, Гвазда и Во-робка.

В Восточном Прибитюжье на внутрирайонные особенности размещения населения оказывают влияние его естественное и механическое движения.

Прибитюжье выделяется низким коэффициентом рождаемости. Так, в 1964 г. рождаемость составляла всего лишь 16,1 чел. на тысячу среднею населения. Рождаемость населения в Советском Союзе в 1963 г. составляла 21,2 промилле[1].

Неблагоприятной особенностью естественного движения населения является в настоящее время тенденция к понижению рождаемости. Она появилась в самом начале 60-х годов как следствие Великой Отечественной войны. Падение рождаемости отчетливо прослеживается и в Восточном Прибитюжье: в Бутурлнновском районе в 1962 г. родилось 1476 человек, а в 1964 г. — только 1269.

Уровень рождаемости по отдельным сельским Советам достигает почти четырехкратного отклонения. Наименьшей рождаемостью в 1964 г. характеризовались два крупнейших сельских населенных пункта рассматриваемого района: с. Козловка — 7,9 промилле и с. Новая Чнгла— 8,5.

К числу сельских Советов с низким коэффициентом рождаемости относятся крупнейшие населенные пункты и

сельсоветы с мелкими поселениями. Для всех них характерен высокий удельный вес населения пенсионного возраста вследствие значительного оттока молодежи. Высокой рождаемостью (20—30 промилле) выделяется восточная часть района.

Смертность населения Прибитюжья составляла в J964 г. 8,7 человек на тысячу населения, что несколько больше, чем в целом но Воронежской области. Более высоким уровнем смертности выделяются запад Таловского (11 —12 промилле) и центр Бутурлнновского района (свыше-10 промилле), что также объясняется возрастным составом населения.

Воспроизводство населения Восточного Прибитюжья в настоящее время складывается неудовлетворительно в результате низкой рождаемости. В 1964 г. естественный прирост составлял 7,4 чел. на тысячу населения.

Территориальные различия естественного прироста довольно существенны (от -3,3 до +20,2 промилле). Бросается в глаза тот факт, что в 1964 г. существовала естественная убыль населения в двух крупнейших селах: Новой Чигле (-3,3 промилле) и Козловке (-0,8 промилле). Очень низким естественным приростом выделяются юго-западная и центральная части Таловского района. Повышенный естественный прирост характерен для центрально-восточного и юго-западного ареалов Прибитюжья (10—12 промилле).

Численность населения Восточного Прибитюжья также определяется его выездом в областной центр и восточные районы страны. За счет превышения выбытия над прибытием в 1963 г. население уменьшилось на 1098 человек, в 1964 г. — на 2320. Основной контингент выбывающих дает сельская местность. Почти половина выезжающих приходится на Бутурлиновский район.

XXIII съезд КПСС поставил задачи по наиболее полному и рациональному использованию трудовых ресурсов села, резкому повышению уровня культурно-бытового обслуживания населения. В свете этого изучение формирования и размещения сельского населения приобретает несомненное практическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брук С. И. Основные проблемы этнической географии. Л\.. 1964.

2. Валентей Д. И. Проблемы народонаселения. М., 1961. Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963.

3. Ляликов Н. И. Некоторые вопросы плотности населения в географической литературе. «Вопросы географии», сб. 5, М., 1947.

4. Народное хозяйство СССР в 1963 г., М., 1965.

5. Население мира. Справочник, под ред. проф. Б. Ц. Урлариса. М., 1965.

6. Невельштейн Г. С. Территориальные различия естественного движения населения СССР, «География населения в СССР. Основные проблемы». М.—Л., 1964.

7. Трудовые ресурсы СССР (Проблемы распределения и использования), под. ред. Н. И. Шишкина. М.. 1961.

8. У р л а н и с Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.. 1963.

9. Экономико-географическое районирование Черноземного Центра, под. ред. проф. Г. Т. Гришина. Воронеж, 1963.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ТИПЫ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВОСТОЧНОГО ПРИБИТЮЖЬЯ (Таловский и Бутурлиновский районы Воронежской области)[25]

Немаловажное значение в наши дни приобретает рационализация внутрихозяйственного расселения и ликвидация на этой основе отставания культурно-бытового обслуживания населения в сельской местности. Чтобы избежать необоснованных волюнтаристских решении, перестройка сельского расселения должна опираться на базу экономических расчетов. Рассматриваемое Восточное Прибитюжье принимается нами в качестве типичного «ключевого» района для всей территории Окско-Донской низменности и Калачской -возвышенности в пределах ЦЧЭР.

Процесс заселения на указанной территории происходил в конце XVII — начале XVIII столетий, когда возникла редкая сеть крупнейших поселений. В последующем происходило в основном территориальное перераспределение населения и образование выселкоз из уже существовавших местных поселений. Таким путем проходило формирование генетически связанных сетей поселений, наложивших значительный отпечаток на последующее административное деление.

По данным Генерального межевания 1778—1781 годов, в Восточном Прибитюжье насчитывалось уже 28 поселений, из них 18 населенных пунктов с числом жителей более 30 человек. Существенное влияние на сельское расселение оказывало различие в формах земельной собственности: около 1/3 всех населенных пунктов находилось на помещичьей земле, а остальные земли принадлежали государственным крестьянам. Сельское расселение характеризовалось чрезвычайно низкой плотностью населенных пунктов — менее 1 на 200 $км^2$ и низкой плотностью населения — около 8 чел. на 1 $км^2$. Характерной чертой этого периода является резкая концентрация населения в крупных поселениях: свыше 89% населения проживало в поселениях с людностью свыше 1000

[25] Генетические типы сельских поселений Восточного Прибитюжья. (Таловский и Бутурлиновский районы Воронежской области / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. о-ва СССР. — 1965 .— Вып. 6 .— С. 145-148.

человек, в том числе в поселениях свыше 3 тыс. человек проживало свыше половины населения.

К периоду конца XVIII — первой половины XIX веков относится резкое увеличение в Восточном Прибитюжье числа населенных пунктов (с 18 до 71), значительное повышение плотности населения — до 24 чел. на 1 $км^2$. Эти явления имели в своей основе растущую товарность земледельческого хозяйства. Распашка территории приводила к резкому увеличению затрат на единицу площади и вызывала переселение крестьян на дальние земли. В связи с этим плотность поселений достигла 2 на 100 $км^2$. Переселение крестьян и образование выселков происходило как у государственных крестьян, так и у помещичьих. Наиболее мощным этот процесс наблюдается у первых, тогда как помещики были более заинтересованы в развитии экстенсивного животноводства, что не могло не отразиться на заселении этих территорий.

Поэтому окончательное формирование сельского расселения в районах с преобладанием помещичьего землевладения произошло на 60 с лишним лет позднее.

Образование многочисленных выселков, с одной стороны, уменьшило концентрацию населения: на населенные пункты с числом жителей свыше тысячи в 1859 г. приходилось около 84% всего населения; с другой стороны, значительный рост старых поселений привел к тому, что в сверхкрупных населенных пунктах (свыше 5 тыс. человек) проживало почти 45% всего населения.

В капиталистический период происходит в основном формирование общей картины сельского расселения и в районах преобладания помещичьего землевладения. Но окончательно сеть сельских поселений сложилась лишь в 20-х годах XX века в результате ликвидации помещичьего землевладения и заселения бывших помещичьих земель крестьянами. Процесс расселения населения прослеживается подробно по данным первой русской переписи населения 1897 г. и переписи 1926 г., хотя последняя отразила и большие изменения, происшедшие за годы советской власти.

Проникновение капитализма в русскую деревню во второй половине XIX века вызвало имущественную и социальную дифференциацию крестьянства, из среды которого выделилась мелкая буржуазия — кулачество. В руках кулаков сосредоточивалась значительная часть товарной продукции и денежных средств. Зажиточное крестьянство Восточного Прибитюжья еще задолго до столыпинской реформы переселялось на хутора, ему же

принадлежали многочисленные пасеки. Большое число мелких поселений возникло для обслуживания железных дорог. Капиталистическое развитие вызвало значительное увеличение числа хуторов, принадлежавших предпринимателям — землевладельцам и помещикам. Все же основная часть мельчайших поселении принадлежала крестьянам. Общее их число к 1897 г. достигло 315. Социальное расслоение крестьянства наиболее далеко зашло в крупных торгово-промыслово-земледельческих селениях, поэтому в границах их же земельных обществ возникло преобладающее число мельчайших поселений. Так, в 1897 г. на территории нынешнего Чигольского сельского Совета существовало 7 населенных пунктов и 95 отдельных усадеб, на территории Козловского сельского Совета соответственно 2 и 29.

Общее же число населенных пунктов Восточного Прибитюжья за рассматриваемый период возросло всего на 20% и составило 90, поэтому их плотность осталась почти без изменений, тогда как общая плотность поселений возросла очень резко и составила около 10 на 100 км^2. Но этот -процесс рассредоточенности населения не затронул основной его массы. Вновь образованные поселения были слишком малы. Хотя удельный вес населения в мелких поселениях (до 100 человек) и возрос в 5 раз, они в 1897 г. составляли всего 2% общей численности населения. Процесс капиталистического развития приводил к дальнейшей концентрации населения в сверхкрупных (по сельским масштабам) торгово-ремесленно-земледельческих - поселениях. Люд-ность этих населенных пунктов делала совершенно невозможным только земледельческое занятие населенна. В 1807 *г.* в сверхкрупных заселенных пунктах (свыше 5 тыс человек) проживала почти половши населения Восточного Прнбитюжья. Указанные процессы лежали в основе повышения средней плотности населения с 24 до 37 человек на 1 *км*^{2}

Столыпинская реформа и крушение общинной формы собственности на землю способствовали более интенсивному выселению крестьян и образованию поселений — хуторов и выселков. Интенсивное выселение стало возможным также в результате ликвидации (покупки по частям) некоторых помещичьих латифундий. Так, в Восточном Прибитюжье были скуплены Крестьянским банком и перепроданы крестьянам земли Шивлягиных на водоразделе Чиглы и Елани, где в результате этого возникло свыше 40 поселков, имеющих вместо названия номерные знаки.

Большие изменения в сельском расселении произошли в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Ликвидация помещичьей собственности привела к возникновению большого числа крестьянских поселков на бывших помещичьих землях. Одновременно произошло резкое сокращение числа кулацких хуторов. В результате высокого естественного прироста населения его плотность к 1928 г. увеличилась до 50 человек па 1 *км*^{2}. Резко возросла плотность населенных пунктов около 7 на 100 *км*^{2}*).* Численность же отдельных усадеб и их групп сократилась почти в 2 раза. Многочисленные крестьянские выселения уменьшили степень концентрации населения в крупнейших населенных пунктах. В 1928 г. на населенные пункты с людностью свыше 1000 человек приходилось около 76% всего населения, в сверхкрупных *поселениях проживало всего лишь 32% населения. Около* 16% населения стало приходиться на мелкие поселения (до 300 человек).

Коллективизация сельского хозяйства привела к шестикратному уменьшению числа мельчайших хуторов и выселков, тогда как число населенных пунктов ненамного увеличилось. Общая плотность населения в 1932 г. возросла максимально за всю историю развития района и составила около 51 человека на 1 *км*^{2}*,* плотность населенных пунктов — около 8 человек на 100 *км*^{2}.

Последующее развитие сельского расселения происходило в условиях крупных социалистических хозяйств и характеризовалось процессомпостепенного сокращения числа населенных пунктов (преимущественно мелких). Если в 1932 г. в Восточном Прибитюжье насчитывалось 317 населенных пунктов, то в 1963 г. их было 264. Плотность населенных пунктов при этом уменьшилась до 6,6 на 100 *км*^{2}. Интересно при этом отметить, что число усадеб и их групп соответствует потребностям отраслей народного хозяйства, которые они обслуживают (железнодорожный транспорт, лесоохранная служба и др.) и за последнее время почти не меняется.

Технический прогресс в сельском хозяйстве, который в настоящее время принимает все большие размеры, неизбежно приводит к сокращению сельского населения. На сокращение сельского населения повлияло и образование местных городских поселений. В результате этого плотность сельского населения уменьшилась с 51 человека на 1 км^2 в 1932 г. до 36 человек в 1959 г.

Реконструкция сельского расселения происходит в условиях уменьшения концентрации населения. Если в 1932 г. на поселения с людностью свыше 1 тыс. человек приходился 71% всего населения, то в 1959 г.—только 59%;в 1932 г. в сверхкрупных населенных пунктах проживало 30/о сельского населения, в 1963 г. — только 25%.

Соответственно этому возрастает удельный вес населения, проживающего в мелких и средних населенных пунктах.

По технико-экономическим расчетам, наилучшие условия культур-но-бытового обслуживания населения возможны в населенных пунктах с людностью свыше 1 тыс. человек. Существующее пропорциональное сокращение численности населения как крупных, так и мелких по-селеяий в этом плане нерационально.

В 1963 г. в Восточном Прибитюжье насчитывалось 20 центров хозяйств (почти 40% общего числа) с численностью населения, меньшей указанной оптимальной величины. В перспективе сельское население Восточного Прибитюжья по рассмотренным выше причинам будет сокращаться. В связи с этим необходимо уменьшить или ликвидировать его сокращение в перспективных хозяйственных центрах. По нашему мнению, сокращение сельского населения должно происходить почти исключительно за счет неперспективных селений. Для этого в перспективных хозяйственных центрах должны быть построены в возможно минимальное время культурно-бытовые комплексы (средние школы, больницы, кинотеатры, клубы и пр.).

Литература

1. Ковалев С. А. Реконструкция сельского расселения и географическая наука. «Советская география в период строительства коммунизма», М., 1963.

2. Населенные места Воронежской губернии за 1928 г. Воронеж, 1928.

3. Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. Воронеж, 1900.

4. Населенные пункты ЦЧО на 1. I 1932 г. Воронеж. 1932.

5. Список населенных мест по сведениям 1859 г. IX Воронежская губерния. СПб., 1865.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ПОСЕЛЕНИИ ВОСТОЧНОГО ПРИБИТЮЖЬЯ (ТАЛОВСКИЙ И БУТУРЛИНОВСКИЙ РАЙОНЫ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)[26]

Для целой районной планировки важное значение имеет изучение функциональных типов сельских поселений. Они являются результатом сочетания различных поселкообразующих отраслей. Преобладающее значение среди них имеют сельскохозяйственное производство, охрана и эксплуатация леса, обслуживание железнодорожного транспорта и культурно-бытовое обслуживание населения. Последнее обусловливает существование нескольких типов местных центров обслуживания. В Восточном Прибитюжье автор выделяет 13 функциональных типов сельских поселений и 2—городских.

Типичным выражением местных центров Восточного Прнбнтюжья оказываются городские поселения — районные центры, наиболее крупные среди прочих городских поселении, в которых проживает около 15% всего населения. Характерной чертой данных райцентров является высокий удельный вес населения, занятого в промышленности, на транспорте, в сфере обслуживания. Количество населения, работающего в сельском хозяйстве, незначительно.

Райцентры — наиболее развитые промышленные пункты Приби-тюжья. Они сосредоточивают около 57% всей промышленности, валовая их продукция (в оптовых ценах 1955 г.) превышает 31 млн. рублей. В промышленности здесь занято около 29% всего населения, имеющего общественную занятость. Доля райцентров в численности рабочего и служащего персонала еще более высока — около 63%.

Наибольшим развитием промышленности выделяется г. Бутурли-новка, в котором работает около двух десятков промышленных предприятий. Наиболее крупными ил них являются мелькомбинат, маслозавод, птицекомбинат, молочный завод и стройкомбинат.

---

[26] Функциональные типы поселений Восточного Прибитюжья. /Таловский и Бутурлиновский районы Воронежской области / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. об-ва СССР. — 1967 .— С. 110-116.

В городском поселке Таловая находятся лишь два крупных промышленных предприятия: маслозавод и промкомбинат. В связи с этим Таловая выступает больше как местный центр культурно-бытового обслуживания. Промышленное влияние райцентров распространяется на всю территорию соответствующих районов и отчасти за их пределами.

Несмотря на значительное развитие промышленности, около половины всего населения, имеющего общественные занятия, работает в сфере культурно-бытового и прочего обслуживания. При этом, к сожалению, не представляется возможным выделение поселкообразующей группы данной сферы занятости, но она в райцентрах достаточно велика.

Кроме промышленности, крупным потребителем городской рабочей силы является строительство — около 17% занятых рабочих и служащих. Оно представлено различными районными строительными организациями (межколхозстрой, сельэлектрострой, водстрой, СМУ и другие) и в определенной степени обслуживает нужды сельского населения, т. е. имеет поселкообразующий характер.

Почти пятая часть всего занятого населения приходится на торговлю, общественное питание и материально-техническое снабжение. Наиболее велико значение этой деятельности для п. Таловая, в котором в указанной сфере работает третья часть всего общественно занятого населения. Как уже отмечалось выше, райцентры выделяются наиболее высоким уровнем культурно-бытового обслуживания, в том числе торгового.

Десятая часть всего общественно занятого населения районных центров приходится на долю транспорта и связи. Они представлены автоколоннами, ротами, различными дорожными эксплуатационными участками и отделами, районными конторами связи и имеют в значительной степени поселкообразующий характер.

В медицинском обслуживании в районных центрах работает около 6,5% всего занятого населения, причем свыше $^3/_4$ его приходится на учреждения, имеющие общерайонное значение (райбольницы, тубдиспансеры, санэпидстанции, аптеки и аптечные склады, зубопротезные мастерские).

Около 5% занятого населения приходится на работающих в сфере народного образования и обслуживания сельского

хозяйства. Эти организации имеют общерайонное значение и являются неизбежным атрибутом районных центров (производственные управления, госплем-станция, мясоконтрольные станции, контрольно-семенные лаборатории, станции по борьбе с вредителями сельского хозяйства, конторы зоовет-снаба, гидрометеостанции и пр.).

Поселок Нижний Кисляй относится к распространенному в Воронежской области типу поселений — узкоспециализированным центрам пищевой промышленности. Промышленность в Нижнем Кисляе сосредоточивает свыше половины общественно занятого населения и представлена двумя технологически увязанными предприятиями: сахарным заводом с валовой продукцией 4,7 млн. рублей и заводом молочных консервов с плановой продукцией 8 млн. рублей. Весьма существенная часть занятого населения (около 30%) работает в сельском хозяйстве, так как Нижний Кисляй одновременно является центральной усадьбой свеклосахарного совхоза. Обращает на себя внимание относительно невысокий удельный вес населения в сфере культурно-бытового обслуживания, которая рассчитана исключительно на местное население.

Значительными центрами промышленного производства и культурно-бытового обслуживания в сельской местности выступают населенные пункты, бывшие районными центрами до укрупнения административных районов. Позднее, в связи с ликвидацией некоторых административных районов, они потеряли свое политико-административное значение, но до сих пор являются крупными центрами обслуживания населения прилегающих территорий (однако в рамках старых границ).

На территории Восточного Прибитюжья расположены три бывших районных центра: с. Воробьевка, с. Новая Чигла и п. Абрамовка. В них проживает свыше 15 тысяч человек, в том числе около половины рабочие и служащие. В среднем по этим поселениям в промышленности и строительстве занято свыше 11% имеющихся трудовых ресурсов. Наибольшим промышленным развитием выделяется Абрамовка.

Гораздо меньшим промышленным развитием характеризуются бывшие районные центры Воробьевка и Новая Чигла. Промышленность представлена в них комбинатом бытового обслуживания, заводом! стройматериалов, мельницей в первом

поселении, кирпичным заводом— во втором, в обоих из них находятся филиалы РТС. Суммарная валовая продукция промышленности Воробьевки составляет около 880 тыс рублей, в то время как в Новой Чигле в десять раз меньше. Невелик» значение промышленности и в занятости населения анализируемых сед: на нее приходится лишь около 8% трудоспособного населения.

Основной поселкообразующей отраслью этих бывших районных центров является сельскохозяйственное производство, в сфере которого работает около 45% трудоспособного населения. Сельскохозяйственное производство дает большую часть всей производимой продукции. В 1964 г. общественные хозяйства Воробьевки и Новой Чиглы произвели сельскохозяйственной продукции соответственно на 2 240.2 и 2464,1 тыс. рублей.

Рассматриваемые районные центры второго порядка выделяются высоким уровнем культурно-бытового обслуживания, в котором занято свыше десятой части всего трудоспособного населения. Отрицательным моментом является неполное использование трудовых ресурсов в общественном хозяйстве: вне его сферы находится около трети всего населения в трудоспособном возрасте.

На территории Восточного Прибитюжья находится три аграрно-промышленных поселения. В целом в них проживает свыше 7.5 тыс. человек. К крупным аграрно-промышленным населенным пунктам относятся села Клеповка и Березовка Бутурлиновского района, к мелким—п. І-Веревка Таловского района.

Село Клеповка является одним из сверхкрупных поселении Прибитюжья. В нем проживает 5 885 человек, тогда как в Березовке — лишь 1 495. Крупные аграрно-промышленные поселения характеризуются высоким удельным весом рабочих и служащих в общей численности населения (около трети).

Ведущей поселкообразующей функцией данных поселений выступает общественное сельское хозяйство. На него приходится около половины трудоспособного населения. Промышленность как вторая ведущая функция рассматриваемых поселений дает занятость 13% трудоспособного населения. Представлена она единичными предприятиями. Тесно связан со специализацией сельскохозяйственных предприятий Березовский головной

сырзавод. Стоимость его валовой продукции в 1964 г. составляла 1 713 тыс. рублей, а среднегодовая численность промышленно-производственного персонала — 77 человек. Березовский сырзавод перерабатывает молоко из восточной части Бутурлиновского района и выпускает масло, сыр, цельное молоко, сливки, творог, казеин и пр.

Таким образом, доля промышленности в занятости населения в Березовке сравнительно невелика, тогда как по стоимости валовой продукции она почти равна общественному сельскому хозяйству. В 1964 г. валовая продукция всего сельского хозяйства в колхозе им. Свердлова (с. Березовка — центр этого хозяйства) составляла 2 791 119 рублей. Можем считать, что на Березовку приходится около половины или несколько больше указанной суммы.

Промышленность с. Клеповки совершенно не связана с сельским хозяйством и представлена Ново-Шиповским деревообрабатывающим заводом. Сырье, высококачественную дубовую древесину, завод получает из близлежащего Шилова леса, а также из Закарпатья. Завод выпускает пиломатериалы, тарную дощечку, винную клепку и преимущественно паркет. Продукция реализуется централизованным порядком и совершенно не связана с местным потреблением. На заводе в 1964 г. работало в среднем около 400 человек. Более значительна доля промышленности в выпуске валовой продукции, стоимость которой составляет 1 387 тыс. рублей. Для сравнения укажем, что стоимость валовой продукции общественного сельского хозяйства в 1964 г. составляла 1 715 тыс. рублей.

Рассматриваемые аграрно-промышленные поселения являются значительными местными центрами культурно-бытового обслуживания (особенно с. Березовка), в которых занято около 7,5% трудоспособного населения. Существенным недостатком использования населения здесь является невысокая его общественная занятость: в личном и подсобном хозяйстве в Березовке работает свыше 17%, а в Клеповке — около 30% трудоспособных.

К типу мелких аграрно-промышленных селений относится поселок 1-Веревка Таловского района. Общая численность его населения составляет 195 человек, причем половина из них рабочие и служащие. Свыше трети всего трудоспособного

населения поселка работает в общественном сельском хозяйстве. Сельское хозяйство преобладает и в производстве валовой продукции.

Промышленность здесь представлена небольшим кирпичным заводом с производством кирпича 1.2 млн. штук в год. На заводе работает свыше десятой части трудоспособных поселка. Почти третья часть всего трудоспособного населения работает в районном центре.

Особый функциональный тип составляют пригородные селения г. Бутурлиновки. К ним относятся села Заречное, Красное и Березовка[1]. В них проживает около 9,8 тыс. человек, 78% из которых приходится на рабочих и служащих. Основной поселкообразующей функцией этих поселений выступает работа в городе, где занята почти половина трудоспособного населения; в общественном сельском хозяйстве занято около 15%. Почти пятая часть всего трудоспособного населения занята в личном и подсобном хозяйстве. В культурно-бытовом отношении эти населенные пункты в значительной степени обслуживаются за счет города.

Процесс включения пригородных поселений в состав г. Бутурлиновки требует своего логического завершения. В настоящее время вне города остается с. Заречное, которое в территориальном отношении представляет его северную часть. На его территории уже сейчас размещены некоторые городские учреждения. В общественном сельском хозяйстве Заречного занято немногим более пятой части трудоспособного населения, а в городских учреждениях почти в два раза больше.

Особенностью приводимой функциональной типологии является выделение сельскохозяйственных поселений с функциями местных центров культурно-бытового обслуживания. Все они являются центрами колхозов и совхозов и от аналогичных сельскохозяйственных поселений отличаются учреждениями культурно-бытового обслуживания местного значения (участковыми больницами, средними школами, конторами сельских потребительских обществ). К каждому из выделяемых поселений в культурно-бытовом отношении тяготеют несколько хозяйств. Сельскохозяйственные поселения с функцией местных центров в культурно-бытовом обслуживании занимают промежуточное положение между бывшими районными центрами

(к которым тяготеют территории бывших районов) и центральными поселками колхозов и совхозов, которым в организационно-хозяйственном и культурно-бытовом отношениях подчиняются остальные поселения.

В Восточном Прибитюжьс автором выделяется 12 сельскохозяйственных населенных пунктов с функцией местных центров. В них проживает в общей совокупности 27,8 тыс. человек. В отличие от остальных сельскохозяйственных поселений они отличаются большей долей *рабочих и служащих — свыше* 12% всего населения. Основной поселко-образхющей 'функцией здесь выступает сельскохозяйственное производство, в котором занято свыше $^{2}/_{3}$ всего трудоспособного населения.

Из других функций выделяется культурно-бытовое обслуживание. К сожалению, для этой группы поселений трудно определить его по-селкообразующую часть. В целом в этой сфере работает около 8% всего трудоспособного населения. Таким образом, по степени развития культурно-бытового обслуживания эта группа сельских поселений уступает лишь бывшим районным центрам. Сельсеохозяйственные поселения с функцией местных центров сосредоточивают половину контор сельской потребительской кооперации, свыше половины средних школ и около $^{2}/_{3}$ участковых больниц в сельской местности. Вполне естественно, что преобладающая часть указанных поселений относится к крупным и сверхкрупным населенным пунктам.

Наиболее распространенным функциональным типом являются сельскохозяйственные селения (около $^{3}/_{4}$ от общего числа). Они представлены колхозными и совхозными населенными пунктами. К последним очень близко примыкают лесопитомники и рыбхозы, а также мелкие селения заготовительных организаций и филиалов РТС.

В Прибитюжье находится свыше 200 колхозных поселений[2], из них 27 населенных пунктов — центры хозяйств. Во всех этих колхозных поселениях проживает 60,6 тыс. человек. Основной и почти единственной ведущей функцией этих поселений выступает сельскохозяйственное производство, в котором занято около 3/4 всего трудоспособного населения. По сравнению с рассмотренными функциональными типами в сельскохозяйственных поселениях более полно используются трудовые ресурсы. В личном подсобном хозяйстве работает от 15

до 20% трудоспособного населения. Для колхозных поселений характерен невысокий уровень культурно-бытового обслуживания: если в центральных поселках хозяйств в рассматриваемой сфере занято свыше 6% всего трудоспособного населения, то в остальных колхозных селениях — только 2%.

Здесь располагается 27 совхозных поселений, среди них пять центральных поселков совхозов[3]. В них проживает свыше 10 тыс. человек) сельских жителей. В отличие от колхозных совхозные населенные пункты выделяются несколько меньшей долей занятости населения в общественном сельскохозяйственном производстве: в центральных поселках совхозов - около $^{2}/_{3}$ всего трудоспособного населения. В совхозных поселениях большая часть лиц занята в личном и подсобном хозяйстве и более высок уровень культурно-бытового обслуживания.

К сельскохозяйственным поселениям относятся также селения заготовительных организаций и МТС. Они представлены селениями организаций заготскот. заготзерно, свеклопунктами[4] и обособленно расположенными усадьбами МТС. Средняя их людность не достигает и двадцати человек. По этой причине все они лишены культурно-бытового обслуживания.

Семь поселений Прибитюжья относятся к типу поселков научно-исследовательских организаций. Они представлены селениями Научно-исследовательского интитута Центрально-Черноземной полосы им. В. В. Докучаева и Верхне-Озерского сельскохозяйственного техникума. В целом в них проживает около 4 тыс. человек. Поселкообразу-ющими функциями в этих селениях выступают общественное сельскохозяйственное производство, в котором занято около $^{2}/'_{3}$ всего трудоспособного населения, и научное обслуживание. На него приходится около 14% населения трудоспособного возраста. Рассматриваемые селения выделяются и высоким уровнем культурно-бытового обслуживания. В сфере последнего работает почти десятая часть трудоспособного населения.

Оставшиеся функциональные типы сельских поселений по существу совершенно не связаны с сельскохозяйственным производством. К ним относятся малые селения промышленных предприятий, лесо-охранные и лесоэксплуатационные поселения, прижелезнодорожные и поселения отдыха и здравоохранения. Первый и последний типы не получили существенного

распространения в Прибитюжье. Малые промышленные поселения представлены двумя небольшими поселками в Бутурлиновском районе — при охро- и кирпичном заводах.

Почти 9% всех поселений Прибитюжья принадлежат к лесоэксплуатационным и лесоохранным, однако в них проживает лишь 4% сельского населения. По своей людности лесные поселения неоднородны. Около половины их имеет людность от одного до шести человек, на группу от 6 до 11 человек приходится около 15% поселений, вдвое меньшее число поселений относится к группам 11—30 и 31 —100 человек; к числу мелких относится лишь 11 % лесных селений. Интересно отметить, что за период с 1959 г. увеличился удельный вес «средних» поселений — от 6 до 30 человек. Различная людность лесных поселении объясняется неодинаковым хозяйственным положением: $^{2}/_{3}$ от общего их числа относится к наиболее простому виду—кордонам. Оставшиеся селения почти поровну представлены поселками лесоучастков, рабочих кварталов и лесничеств.

Около 8% поселений Прибитюжья занято обслуживанием железнодорожного транспорта. В них проживает 1.3 тыс. человек. Прижелезнодорожные поселения в своей преобладающей массе очень мелки: почти 80% их относится к одиночным жилым точкам, среди которых свыше трети имеют людность до б человек. Среди железнодорожных поселений средней людностью обладает лишь 6% от общего их числа. Подобная различная людность обслуживающих железнодорожный транспорт поселений объясняется их различным иерархическим положением: резко преобладающая их часть относится к будкам, казармам, а на более крупные станции, разъезды приходится лишь пятая часть от общего их числа.

Таким образом, выделенные функциональные типы сельских поселений характеризуются различными особенностями географического положения, соподчиненности. внутренней структуры, исторического прошлого и перспектив развития.

Заметки

1. Два последних из них уже в 1965 г. вошли в состав города

2. Здесь имеются в виду не все населенные пункты в колхозах, а лишь колхозные поселения, как функциональный тип. В широком понимании к колхозным поселениям относится ряд

функциональных типов: бывшие районные центры, пригородные села, аграрно-промышленные поселения, сельскохозяйственные поселения с функциями местных центров.

3. Имеются в виду совхозные поселения как функциональный тип

4. по функциональной структуре свеклопункты приближаются к железнодорожным поселениям

ЛИТЕРАТУРА

1. Директивы XXIII съезда кпсс по пятилетнему плану развития народного хозяйства ссср на 1966—1970 гг. Материалы XXIII съезда кпсс. М.. 1966.

2. Ковалев С.А. Опыт систематизации материалов для характеристики сельского расселения в пределах черноземного центра. «Вопросы географин», сб. 14. М. 1949.

3. Ковалев С. А. География сельских населенных пунктов в областях черноземного центра. «Вопросы географии», сб. 32. М., 1953.

4. Ковалев С. А. Типы поселений — районных центров ссср. «вопросы географии», сб. 56. М.. 1962.

5. Ковалев С. А. Сельское расселение. М., 1963.

6. Миркин В. О статистическом изучения вопросов укрупнения мелких населенных пунктов. «Вестник статистики», 1961, .№ 10.

7. Покшишевский в. В. Населенные пункты — местные центры и проблемы их соподчинения. «Вопросы географии», сб. 50. М., 1962.

РАЙОНИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ (ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РАЙОННОЙ ПЛАНИРОВКИ)[27]

Широкий размах работ по составлению схем районных планировок требует углубленного географического изучения сельского расселения с целью выявления внутриобластных и внутрирайонных различий.

В основу районирования сельского расселения Воронежской области положены признаки, характеризующие его современное состояние людность хозяйственных центров, степень концентрации населения и поселениях определенной величины, различные типы внутрихозяйственного расселения, степень многоселенности хозяйств, плотность сельско го населения и густота сельскохозяйственных поселений. По этим показателям произведены сплошные расчеты по всем колхозам, совхозам области и составлены картограммы. При районировании учитывалась также специализация и уровень интенсивности сельскохозяйственного производства, исторические особенности формирования сельского расселения, преобладание определенных типов -физико-географического положения поселений.

Практическая направленность работы вызывает необходимость вы делении внутриобластных районов на базе группировки низовых административных районов. Автор в Воронежской области выделяет десять районов сельского расселения. Каждый из них имеет от 100 до 300 тыс. человек сельского населения и объединяет от 30 до 110 хозяйств или 160—370 сельскохозяйственных поселений. Каждый из выделенных внутриобластных районов сельского расселения характеризуется общими чертами функциональной структуры поселений, определенной людностью хозяйственных центров, сходной структурой концентрации населения, а в силу этого и общими перспективами развития.

Внутриобластные районы, естественно, не могут учитывать местные (внутрирайонные) особенности сельского расселения.

---

[27] Районирование сельского расселения Воронежской области для целей районной планировки / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. об-ва СССР. — 1968 .— Вып. 9 .— С. 106-109.

Однако проведение планировочных работ требует знания именно этих особенностей. Поэтому возникает необходимость выделения микрорайонов сельского расселения, которые представляют собой группы хозяйств (колхо*зов, совхозов),* характеризующихся наибольшим сходством расселения *Всего автором в Воронежской* области выделено 49 таких микрорайонов. Каждый из них строго индивидуален. Но для определения сходных черт расселения, а следовательно, и сходных перспектив развития нами выделено б групп в зависимости от людности хозяйственных центров с до полнительным подразделением но числу поселений в хозяйствах.

1.Самым большим является Бобровско-Калачеевский район (около 291 тыс. чел.). Он расположен в центре и юго-востоке области и отличается среднеобластной структурой сельского хозяйства, которое специализировано на производстве сахарной свеклы, зерна, продуктов животноводства, а на юге и подсолнечника. Район характеризуется значительным распространением долинно-речных поселении, в которых проживает почти две трети всего населения. Бобровско-Калачеесскии раной отличается наиболее выгодным характером размещения населении: около 75% всех жителей приходится на крупные поселения, причем в населенных пунктах с людностью свыше 3 тыс. человек проживает почти половина населения. Столь же благоприятны в районе размеры хозяйственных центров. Район отличается в силу этого преимущественной малоселенностью (в среднем 3,3 пос. на хозяйство), низкой густотой сельскохозяйственных поселений (4 на 100 кв. км).

Перспективная реконструкция сельского расселения в этом районе будет проходить по линии улучшения внутренней планировки для преобладающей части хозяйственных центров с сохранением и даже некоторым уменьшением их населения, однако пятая часть хозяйственных центров требует увеличения их людности в 1,5—2 раза. Процесс сселения в этом районе не будет иметь широкого распространения, поэтому общее число сельскохозяйственных селений уменьшится не намного. Примером такой реконструкции выступает Калачеевский район, в схеме районной планировки которого (разработанной Воронежским проектным зональном институтом «Гипросельхозстрой») предусматривается уменьшение поселений всего лишь на 25°/о.

2. Очень близок к рассмотренному Терновско-Борисоглебский район (160 тыс. чел.). Он расположен на крайнем северо-востоке

области и также характеризуется широким распространением приречно-.долинных поселений. Он полностью совпадает с аналогичным внутриобластным экономико-географическим районом и выделяется более низкой интенсивностью сельского хозяйства преимущественно зернового направления. По степени концентрации населения, по людности хозяйственных центров Терновско-Борисоглебский район аналогичен выше рассмотренному, отличаясь от него лишь большим распространением мелких поселений, а следовательно, большим числом поселений в хозяйствах (около 4). Реконструкция сельского расселения осуществляется по тем же направлениям, несколько отличаясь большим удельным весом сселяемых селений.

3.Неблагоприятным характером размещения населения выделяется Таловско-Новохоперский район (116 тыс. чел.). Он занимает восточную часть области и является одним из основных районов свеклосеяния. Среди сельских поселений наибольшее распространение получила приводораздельная, приистоковая форма. Сельское расселение данного района наименее благоприятно для его реконструкции. В поселениях оптимальной величины (свыше тысячи) проживает лишь половина сель ского населения. Однако среди них имеется значительное число крупнейших поселений (свыше 3 тыс. чел). Большое распространение получили населенные пункты людностью от 100 до 500 человек. Район отличается многоселенностью колхозов и совхозов (в среднем около 6. а бывает 20—25 поселений) и высокой густотой сельскохозяйственных селений (8 на 100 кв. км). Почти половина всех хозяйственных центров не достигает оптимальной величины, поэтому в перспективе требует увеличения в 1,5—5 раз. Некоторые же крупнейшие хозяйственные центры уменьшат свое население. Сселению подлежит очень большое число населенных пунктов.

4. Еще более неблагоприятно размещение населения в Верхне -Хавско-Эртильском районе (203 тыс. чел.). Он находится в северной част, области и имеет четко выраженный водораздельный характер. Сельское хозяйство отличается наибольшей интенсивностью в области и определяется производством сахарной свеклы и товарного зерна. Большая часть всех сельских поселений молода и возникла в конце XIX начале XX веков. В силу этого на водораздельные населенные пункта

приходится две трети от общего их числа, но в них проживает около половины всех сельских жителей. Приистоково-водораздельный характер поселений вызывает их небольшие размеры. Здесь также свыше поло вины всех сельских жителей приходится на поселения недостаточной людности (от 100 до 1000 чел.), почти половина хозяйственных цен тров не достигает оптимальной величины. Район характеризуется ещё более высокой густотой поселений (9 на 100 кв. км) и еще большей многоселенностью (в среднем 7 нос. на одно хозяйство). В перспекти ве требуется значительное увеличение людности хозяйственных цен тров при очень интенсивном процессе сселения. Так, по Аннинскому. району планируется уменьшение числа сельских поселений в 3 с лиш ним раза.

5. Ново-Усманский (98,7 тыс. чел.) и 6. Хохольско-Репьевский (148,8 тыс. чел.) районы занимают северо-запад Воронежской области. Оба района отличаются старейшим заселением и в силу этого выделяются высокой плотностью сельского населения (45—47 чел. на кв. км. Хохольско-Репьевский район является одним из наименее экономически насыщенных в области. Его сельское хозяйство характеризуется развитием зернового хозяйства и быстро развивающимися свеклосеянием и свиноводством. Западная часть данного района и Ново-Усманский район, выделяются пригородным сельским хозяйством с его специализацией на молочном животноводстве и овощеводстве.

Рассматриваемые районы выделяются значительной концентрацией населення в крупных населенных пунктах (66—70%), причем около 30% населения проживает в крупнейших поселениях (свыше 3 тыс. чел.). Это же относится и к хозяйственным центрам. В силу указанных фактов реконструкция сельского расселения осуществляется здесь с наименьшими затратами. Оба этих района отличаются типами физико географического положения поселений: в первом из них преобладают приречные поселения, а во втором — долинно-балочные. Ново-Усманский район, кроме того, отличается повышенным числом поселений по хозяйствам, а следовательно, и большим перспективным сселением.

7. Семилукско-Рамонский район (196,7 тыс. чел.) занимает крайнюю северо-западную часть области и также характеризуется повышенной плотностью сельского населения (44 чел. на кв. км). Сельское хозяйство его относится к числу наиболее экстенсивных в

области и отличается преимущественными посевами зерновых культур. Восточная часть Семилукского района имеет пригородный характер. По особенностям сельского расселения Семилукско-Рамонский район сходен с мелко и густоселенным Верхне-Хавско-Эртильским, отличаясь от него большим удельным весом оптимальных по людности хозяйственных цент ров, более высокой густотой поселений и преобладанием долинно-балоч-ных форм.

8. Острогожско-Георгиу-Дежский район (136,6 тыс. чел.) имеет промежуточный .характер между центральными и северо-западными крупноселенными и юго-западными мелкоселенными районами. В силу этого здесь особенно контрастны различия между его северными в южными частями. Сельское хозяйство района характеризуется разносторонней структурой посевов технических культур, специализации на пшенице, развитым садоводством, овощеводством и повышенным по головъем всех видов скота, в целом по району большинство населения проживает в населенных пунктах достаточной людности всех хозяйственных центров относится к данной категории.

9.Неблагоприятным характером размещения населения отличается Подгореиско-Россошанский район (124,1 тыс. чел.). Он расположен на юго-западе области и в сельскохозяйственном отношении аналогичен только что выше рассмотренному. Подгореиско-Россошанский район характеризуется очень широким распространением приистоково-водораздельных поселений, хотя около половины населения проживает в приречно-долинных. Рассматриваемый район выделяется особенно высокой густотой сельскохозяйственных поселении (8 на 100 кв. км^2), большой многочисленностью хозяйств (7). Свыше половины сельского населения проживает в поселениях с явно недостаточной людностью (от 100 до 1000 чел.), причем свыше 1/3 — в мелких населенных пунктах (от 100 до 500 чел.). Большая часть хозяйственных центров не достигает оптимальной величины. Реконструкция сельского расселения в этом районе будет осуществляться путем резкого сселения мельчайших и мелких поселений (общее их число уменьшится в 5 раз) и дальнейшего развития хозяйственных центров колхозов и совхозов.

10. Кантемировско-Петропавловский район (117,6 тыс. чел.) расположен на крайнем юге области и отличается самой низкой плотностью сельского населения (19,5 чел. на кв. км). Сельское хозяйство этого района выделяется посевами пшеницы,

подсолнечника, всесторонне развитым животноводством. Район характеризуется широким распространением приречно-долинных и приводораздельных поселений. В первых из них проживает около трех четвертей всего населения. Кантемировскэ-Петропавловский район выделяется сравнительно небольшой густотой поселений (4,7 на 100 кв. км) и небольшим числом их по хозяйствам (4,4). Отрицательной особенностью сельского расселения района является слабая концентрация населения в крупных поселениях. Почти половина всех сельских жителей приходится на населенные пункты менее тысячи человек, в том числе около 30% населения живет в поселениях менее 500 человек. Район выделяется также широким распространением мелких и средних хозяйственных центров: почти четверть центральных поселений колхозов и совхозов насчитывает менее 500 человек и свыше четверти — от 501 до 1000 человек. В перспективе в этом районе стоит задача увеличения людности многих хозяйственных центров при очень ограниченном числе сселяемых поселений.

Таким образом, указанные особенности сельского расселения Воронежской области в значительной степени вызывают различный подход к его реконструкции. В Бобровско-Калачеевском, Терновско-Борисоглебском и Хохольско-Репьевском районах основное значение приобретает внутренняя реконструкция хозяйственных центров при сохранении или некотором уменьшении их людности; в Ново-Усманском и Острогожско Георгиу-Дежском — внутренняя реконструкция хозяйственных центров и сселение мелких поселений. Для остальных районов необходим рост людности почти половины существующих хозяйственных центров в процессе резкого сселения мелких поселений

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалев С. А. Сельское расселение. М., 1963.
2. Кузнецов Г. А.. Кирсанов В. А.. Татур П. К. [и др.] Сельскохозяйствен, пая раненная планировка. М., 1966.
3. Экономико-географическое районирование Черноземного Центра. Под. ред. проф. Г. Т. Гришина. Воронеж. 1963

КОМПЛЕКСНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРУПНЫХ ГОРОДОВ ЦЕНТРА РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ УСИЛЕНИЯ ИХ ПРИКЛАДНОГО ХАРАКТЕРА[28]

Крупные города России всегда были объектами отечественных географических исследований. Еще на этапе становления российской экономической географии в середине XIX века помимо фундаментальных статистических и статистико-географических обзоров российских городов Н.А. Милютина и К.И. Арсеньева были опубликованы первые монографии В.П.. Андросова и А.П. Заблоцкого-Десятовского о Москве и Санкт-Петербурге [1]. В конце XIX - начале XX веков как региональные исследования, так и по отдельным городам стали проводиться не только в рамках общего статистического направления, но и антропогеографии. Примером такого фундаментального исследования является экономико-географическая работа В.П. Семенова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России» (1910 г.).

В советское время, в довоенный его период в центре внимания экономической географии оказались, прежде всего, проблемы территориальной организации хозяйства. Кроме того исследования крупных городов сдерживались ограниченностью и закрытостью их информационной базы. Тем не менее, работы по географии городов начались еще до войны в Москве Н.Н. Баранским и в Ленинграде группой экономико-географов во главе с О.А. Константиновым. Проблематика крупных городов оказалась весьма востребованной в первые послевоенные десятилетия в связи с необходимостью восстановления разрушенных городов, составления и официального принятия генеральных планов их предстоящего развития. Наряду с региональными историко-географическими обзорами городов (Р.М. Кабо и А.Е. Иофа) появились первые тоже в значительной степени историко-

[28] Комплексные географические исследования крупных городов центра России и проблемы их использования в рамках территориального прогнозирования / Ю.В. Поросенков // Стратегии и ресурсы развития крупных городов Центра России : материалы III международной научной конференции 15-16 ноября 2012 года .— Воронеж, 2012 .— С. 90-95

географические монографии по крупнейшим городам (по Москве - Ю.Г. Саушкина, по Петербургу - В.В. Покшишевского, по Воронежу - Г.Г. Гришина). Инженерно-экономические основы планировки городов и районов с учетом их географической специфики заложил В.Г. Давидович [2].

В 70-80-ые годы XX в. в связи с быстрым ростом городского населения, строительством большого числа новых городов, реконструкцией старых, формирования локальных и региональных систем расселения быстро развивается такое направление отечественной географии населения как геоурбанистика. Без выявления и оценки ее характерных особенностей весьма сложно разобраться в современных географических исследованиях крупных городов. Это «наследство» теории советской геоурбанистики в той или иной степени используется и в современных комплексных социально-экономико-географических исследованиях крупных городов. Характерные особенности отечественной геоурбанистики 70-80-х годов можно выразить следующим образом. Во-первых, была обоснована теория и методика комплексного географического исследования городов (в том числе и крупных) и городского расселения. В той части, в какой она была связана с попытками определения методологических проблем урбанизации, исследования и планирования городского расселения при социализме, с обоснованием социалистического города как объекта исследования управления, то это часть теории отечественной геоурбанистики вряд; ли может быть использована в современной России в связи с коренным изменением социально-экономического типа развития страны. Но значительная часть теоретического наследия прошлого вполне может быть использована в современных исследованиях. Это прежде всего системно-структурный подход к исследованию, с одной стороны, локальных, а с другой, региональных систем расселения. Такая методология нашла свое выражение в агломерационной теории (Г.М. Лаппо) и в теории единой системы расселения (Б.С. Хорев).

Во-вторых; либерализация научной жизни открыла доступ отечественным ученым к трудам зарубежных исследователей (У. Изард, Б. Дж. Гарнер, Р. Мерфи, П. Хаггет и др), что подготовило условия для последующей интеграции отечественной геоурбанистики в мировую науку. В третьих, наряду с

публикацией монографических исследований по конкретным городам признание города Kaic сложной социально-экономико-техногенной системы привело к появлению работ, в которых исследованы особенности функционирования его отдельных подсистем и элементов. В таких работах рассматривались города как экономико-географические комплексы; города в системе расселения и пространственного урабанизационного развития; города и окружающая среда, экологические аспекты городских систем, города и природопользование, градостроительная оценка городских территорий; экономические, социальные и демографические проблемы больших городов. Такая диверсификация исследования городов привела, с одной стороны, к формированию достаточно сложной внутренней структуры геоурбанистики как науки, а с другой, к появлению смежных «областей перекрытия» с другими науками. В четвертых, формирование междисциплинарного прикладного направления в городской тематике: комплексное планирование и управление экономическим и социальным развитием городов. В-пятых, геоурбд-нистика вошла в систему отечественной вузовской географической подготовки специалистов (Г.М. Лаппо, Е.Н. Перцик).

В постсоветской России, в последнее 20-летие комплексное социально-экономическое исследование крупных городов приобрело особую актуальность. Переход к рыночной экономике обусловил весьма значительную трансформацию функционально-территориальной структуры крупнейших городов. Развитию исследований в сфере крупногородской тематики способствовала возрастающая доступность информационных материалов в виде текущей статистики, паспортов, генпланов городов, концепций и стратегий их развития, а также возможность проведения социологических исследований. По мере завершения переходного периода интенсивность исследования нарастала. Особенно большое число исследований, в том числе диссертационных работ было выполнено в последние 2-3 года.

В 1999 г. на соискание ученой степени доктора географических наук по специализации экономическая, социальная и политическая география В.Г. Глушковой была выполнена работа по проблемам реструктуризации географического комплекса Москвы, гуманизации ее пригородов,

которая подвела итог больших исследовательских работ по Московской агломерации. В последующие годы Московский мегаполис стал объектом исследования по различным проблемам: трансформации производственных территорий, дифференциации качества городской среды, рынка недвижимости. Итоги комплексного исследования Большой Москвы были отражены в публикации «Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития», выполненной московскими университетскими географами во главе с В.Л. Бабуриным [3]. Исследованию трансформации общественно-географического пространства метрополиса в постсоветской России на примере Санкт-Петербурга посвящена докторская диссертация К.Э. Аксенова в 2011 г. Этот город стал и объектом исследования субурбанизации как инструмента решения жилищной проблемы.

Крупные города Центральной России неоднократно исследовались в различных социально-экономико-географических работах: г. Белгород - процессы формирования его функционально-территориальной структуры, г. Тверь - территориальная организация общественного транспорта и его взаимодействие с расселением населения, г. Смоленск - пространственная дифференциация социальной инфраструктуры, г. Самара - внутригородское районирование, г. Ульяновск - селитебные территории. В последние годы вышел целый ряд обобщающих работ по проблемам урбанизации на рубеже веков [4], концептуальным основам исследования глобальных городов [5], по информационным и политическим аспектам развития крупных городов, особенностям городского агломерирования, эколого-экономической оптимизации территориальной структуры крупнейших городов постсоветской России.

Таким образом, современная отечественная геоурбанистика представляет уже достаточно сложную научную систему, что требует переосмысления ее роли в современных исследованиях городов и городского расселения. При **этом** определенную озабоченность вызывает отрыв научных исследований от сложившейся практики управления, проектирования и программирования крупных городов. Конечно, в основе этого лежат не совсем одинаковые целевые установки. Если научные исследования крупных городов исходят из представления о них как сложных территориальных социально-экономико-техногенных

системах и направлены на выявление их глубинных процессов функционирования, то проектные и программные работы, кроме того, должны учитывать и сложившиеся механизмы и стандарты управления городами и составления программных документов. Дальнейшее совершенствование работ по крупным городам настоятельно требует определенной интеграции усилий всех специалистов в сферах экономки, социологии, менеджмента, геоурбанистики, ландшафтоведения и геоэкологии, истории, архитектуры и строительства. При реализации такого подхода возможно формирование специальной научной общности по проблемам развития, управления и программирования крупных городов.

Литература:

1. Поросенков Ю.В. История и методология географии/ Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова.- Воронеж: Изд-во В ГУ, 1991.- 224с.

2. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика/ Ю.Г. Саушкин.- М., «Мысль», 1973.- 559с.

3. Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития/ Бабурин В.Л., Битюкова В.Р., Казьмин М.А., Махрова А.Г. - Смоленск: Ойкумена, 2003.- 184 с.

4. Проблемы урбанизации на рубеже веков/ Отв. ред. А.Т. Махрова.- Смоленск: Ойкумена, 2002.-328 с.

5. Глобальный город: теория и реальность / Под. ред. Н.А. Слу-ки.- М.: ООО «Аванолион», 2007.-243 с.

ОСНОВЫ ТЕОРИИ КОМПЛЕКСНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ОБЛАСТНОГО РЕГИОНА [29]

(в соавторстве с О.В. Диденко)

В российской географии существуют давние традиции комплексного исследования сельской местности. Такой подход был представлен еще в лучших страноведческих работах второй половины Х1Х - начала ХХ вв. Эти работы с большим статистико-экономическим материалом по размещению отдельных отраслей хозяйства (преимущественно сельского) содержали необходимую информацию и по другим сферам сельской местности [4]. В этом плане большое значение имеет деятельность таких ученых, как П.П. Семенов-Тян-Шанский, В.П. Семенов-Тян-Шанский, А.И. Воейков и др.

Однако весь этот значительный научный задел российской географии был почти не использован в первой половине ХХ в. Это связано с политическими событиями, которые привели к кардинальным социальным преобразованиям и изменениям на селе, а также со слабым развитием частных наук, изучающих сельскую местность. В условиях быстрой дифференциации отечественной географии на физическую и экономическую комплексное изучение сельской местности сначала не находило должного места. Разработка новых методологических основ географического изучения сельской местности серьезно отставала от развития всей отечественной географии. При этом география сельской местности стала складываться значительно позднее, во второй половине ХХ в. [4].

Долгое время экономико-географическое исследование сельской местности было представлено в основном географией сельского хозяйства и географией сельского расселения. Однако стремление к комплексности проявилось и в те годы в работах Р.М. Кабо и Ю.Г. Саушкина. Комплексный подход Р.М. Кабо попытался реализовать в исследовании Чуйской долины Алтая.

---

[29] Основы теории комплексного географического исследования сельской местности областного региона / Ю.В. Поросенков, О.В. Диденко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия География. Геоэкология .— Воронеж, 2007 .— № 2. - С. 54-58

Ю.Г. Саушкин создал первую комплексную программу географического изучения сельских населенных пунктов, в которой сочетались вопросы как экономической, так и социальной характеристики причем не только самого сельского населенного пункта, но и сельской местности определенного типа. Глубокие образцы комплексной географической характеристики сельской местности Ю.Г. Саушкин представил в первой своей крупной работе - «Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза», 1947 г., созданной на основе докторской диссертации [8].

Со второй половины XX в. все в большей степени усиливаются связи отечественной и мировой географии. Среди иностранных работ следует отметить книгу П.Жоржа «Сельская местность», который одним из первых поставил проблему комплексного географического исследования этого уникального образования, а также работы Клаута, Брейси, Митчела, Линтона и др. Главным достоинством европейской сельской географии, по мнению С.В. Федулова, представляется большое количество детальных исследований конкретных местностей и населенных пунктов с привлечением знаний широкого спектра научных дисциплин [10].

Хотя становление российской географии сельской местности связано с развитием мировой науки, но в тоже время имеет самобытный характер. В настоящее время комплексное географическое исследование сельской местности приобретает все большее значение с формированием сложных междисциплинарных проблем в отечественной науке [7]. Оно направлено на изучение сельской местности как территориальной общественно-природной системы. Сложность структуры сельской местности, наличие в ней экономических, социальных, природных элементов требует подходить к их изучению с разных позиций и оценок. В основе комплексного изучения сельской местности лежит, прежде всего, географический подход, которой определяет специфику исследования. Еще в 1976 году необходимость комплексного изучения сельской местности при значительном участии географов обосновал П.Л. Фактор [3].

При комплексном географическом исследовании сельской местности важное значение имеет изучение природной среды

обитания и хозяйственной деятельности людей. Взаимоотношения человека и природы нашли отражение в одном из научных направлений физической географии - в ландшафтоведении. В результате повсеместной хозяйственной деятельности человека образовалась целая группа антропогенных ландшафтов, в том числе сельскохозяйственные ландшафты [6]. В этой связи большое значение для понимания процессов изменения сельской местности приобрели крупномасштабные ландшафтные исследования. В исследование сельской местности активно включились и российские социологи. Для многих из них характерен высокий методологический уровень, отлично разработанная и проверенная на практике методика исследования. Например, в работах Т.И. Заславской по Новосибирской области на основе анкетно-опросных обследований дана, по мнению С.А. Ковалева, многоплановая региональная характеристика образа и уровня жизни сельского населения [3].

В последние десятилетия XX в. в российской социально-экономической географии существенно усилился подход к изучению сельской местности не как изолированного элемента, а как неотъемлемой части территориальной организации общества. Современная научная и межнаучная интеграция требует усиления комплексных исследований, развития географии сельской местности на базе достижений общественно-географических, естественно-географических и смежных с географией наук [5]. В условиях взаимопереплетаемос-ти острейших проблем исторически сложившиеся отраслевые направления в современной географической науке не в состоянии выявить существо процессов в сельской местности, дать надежную основу для управленческих решений. Для этого необходима интеграция всех исследований (географических и негеографических), изучающих сельскую местность, в единую систему руральных наук. Сельская местность выступает междисциплинарным объектом исследования, в процессе изучения которого и складывается система руральных наук. Ядром этой системы выступает такая формирующаяся географическая наука, как георура-листика, исследующая процессы, результаты, тенденции, закономерности территориальной организации сельской местности и потенциально являющаяся основой формирования региональной ру-ральной политики.

Такое понимание объекта георуралистики соответствует сложившемуся представлению об объекте исследования социально-экономической географии. В рамках географии возможно формирование георуралистики как единой интегральной науки, исследующей на основе теории и методики как интегральных, так и частных географических наук все явления и процессы, проблемы функционирования сельской местности, основные пути и методы повышения эффективности ее территориальной организации. Этот вывод подкрепляется тем, что всякая система научных взглядов и воззрений развивается в определенной общественной среде, а главными мотивами в развитии любой науки являются запросы жизни, которые формируются в определенную историческую эпоху [2]. Поэтому становление георуралистики является результатом развития как самой социально-экономической географии, так и общественным заказом на такие исследования.

Поскольку в отечественной науке георуралис-тика в таком понимании еще не сложилась, то исследование процессов и результатов территориальной организации сельской местности обеспечивает довольно значительное число социально-экономико-географических наук. Георуралистика не должна повторять и подменять более частные исследования сельской местности, поэтому необходимо определить ее методологические подходы. По нашему мнению, теория современных геору-ралистических исследований должна строиться на основе системного подхода. Его смысл заключается в том, что сельская местность рассматривается как сложная территориальная система, включающая в себя в качестве элементов и подсистем всю совокупность природно-ресурсных, экологических, технологических, экономических, социальных, демографических, культурных, политических и иных явлений и процессов. Конкретный их набор определяется самой спецификой сельской местности и целями ее исследования.

Территориально-морфологический подход к исследованию сельской местности заключается в том, что в отличие от частных социально-экономико-географических наук георуралистика должна выходить на проблемы определения и делимитации интегральных территориальных элементов сельской местности (центры, узлы и ядра, транс-портно-планировочные оси,

центральные, промежуточные и периферийные зоны и т.д.). В условиях современного переходного этапа развития сельской местности требуется трансформационно-ди-намический подход, который позволяет обратить внимание на те изменения, которые произошли как на уровне ее функциональных подсистем и элементов, так и на уровне ее интегрально-территориальной структуры. Необходимость структурно-типологического подхода определяется тем, что в отличие от частных социально-экономико-географических исследований, одной из важнейших задач георуралистики выступает типология элементов интегральной территориальной структуры сельской местности, в том числе по основным типам динамики (прогресс, регресс, стагнация). Поскольку выполнение всех этих методологических подходов требует использования объемной и репрезентативной информационной базы, надежных методов ее обработки, то георуралистика широко использует ГИС-технологии.

Основная сложность в географическом исследовании сельской местности состоит в выявлении, делимитации, типологии ее интегральных территориальных элементов, их морфологии, условий и факторов, тенденций и закономерностей развития. Сельская местность имеет большое значение в жизни общества не только как источник получения продовольствия, возобновляемых лесных и других растительных ресурсов, различных видов минерального сырья, поддержания экологического равновесия природной среды, но и как социально-демографический ресурс, хранительница национальных традиций, культуры, самобытности населяющих ее людей. К сельской местности, по мнению С.А. Ковалева, следует относить всю обитаемую территорию (страны, области, района), находящуюся внегородских поселений, и все поселения и основные фонды, которые на этой территории находятся [3]. Изучение сельской местности в таком широком аспекте можно рассматривать одновременно как часть учения о географических типах освоения территории и как часть учения об определенных типах геосистем, отличных от городских с их совершенно иными соотношениями элементов.

Комплексное социально-экономико-географическое исследование сельской местности определяется ее функциональной ролью, которую нельзя рассматривать лишь в качестве «придатка» городов. Конечно, под влиянием урбанизации

сельская местность трансформируется. В результате сближения индустриального и сельскохозяйственного труда, повышения уровня благоустройства сельских поселений, проникновения «городских» элементов в образ жизни и бытовые условия сельских жителей, вложения крупных капиталов в производство и инфраструктуру в сельской местности появляются новые черты. Однако и в этом случае сельская местность не исчезает, потому что в рамках исторически сложившегося разделения труда она выполняет функции, необходимые для общества и недоступные или нецелесообразные для городов.

Сельские поселения вызваны к жизни территориально рассредоточенными ресурсами, прежде всего агроклиматическими. Поэтому при всей полифункциональности сельской местности ее главная производительная функция в староосво-енных регионах страны - сельскохозяйственная, а в лесных регионах нового освоения - разработка и транспортировка леса, охота, рыболовство. По мере социально-экономического развития и роста уровня жизни населения все более важным становится рекреационная функция сельской местности. В тоже время сельская местность традиционно в значительной степени была «самообеспечивающейся» в отношении продуктов питания и даже одежды, утвари, хозяйственного инвентаря и другого. С развитием товарного хозяйства эта экономико-бытовая замкнутость сельской местности разрушилась, но не до конца. Село по-прежнему осталось в какой-то мере самообеспечивающимся [1]. Эта особенность сельской местности еще более усилилась на этапе рыночных преобразований конца XX в. - начала XXI в., которые вызвали значительную дезорганизацию ее хозяйственных связей.

Одним из важнейших методологических вопросов географического изучения сельской местности выступает необходимость органического сочетания экономических, социальных и экологических аспектов такого исследования. Экономический аспект заключается в определении экономической эффективности материального производства, а также в изучении всех остальных элементов сельской местности (сферы обслуживания, самого населения и его расселения, природных условий и ресурсов) через «призму» их влияния на материальное производство. Однако при этом суть комплексных социально-

экономико-географических исследований сельской местности состоит, прежде всего, в оценке всех ее сторон с точки зрения самого населения, условий его жизни и деятельности. Смысл эколого-географических исследований сельской местности заключается в изучении взаимодействия хозяйства и населения с природой средой, выявление ее изменений, определение устойчивости ландшафтов к антропогенному воздействию. Все эти аспекты исследований тесно взаимосвязаны. Поэтому очевидна взаимообусловленность экономического, социального и экологического развития сельской местности.

Системно-структурная методология комплексного географического исследования сельской местности предопределяет в качестве одного из ведущих его направлений морфологический аспект, т. е. исследование ее основных внутренних элементов. Сельская местность воспринимается современными исследователями как полисистема, элементы которой сами представляют собой системы более низкого ранга (или подсистемы по отношению к сельской местности как сложной системе). В системе «сельская местность» при достаточно высоком уровне генерализации можно выделить такие основные подсистемы, как экономическая, социальная, институциональная, природ-но-экологическая. Таким образом, в качестве подсистем сельской местности можно рассматривать целостные социально-экономические объекты, имеющие, с одной стороны, функциональную, а, с другой, - территориальную проекции. Поэтому задача исследования заключается в выделении такой экономической подсистемы сельской местности, функциональный аспект которой был бы близок к понятию «территориально-хозяйственного комплекса» или же АПК, а социальная подсистема, в принципе, должна быть аналогична широкому пониманию региональной или локальной системы населения (и поселений). Институциональная подсистема сельской местности охватывает все звенья и элементы ее управления, что находит свое выражение в административно-территориальном устройстве областного региона и в специфике его муниципального управления. В свою очередь, природно-экологическая подсистема сельской местности включает в себя как ее природно-ресурсный потенциал - первичную основу хозяйственной деятельности, так и природно-экологическую среду как первичную основу

жизнедеятельности людей. При управленческом аспекте понимания, сельская местность - это вся территория, административно подведомственная тем или иным органам управления. В этой связи объектами крупномасштабного географического исследования сельской местности выступают как конкретные поселения, так и сельские муниципалитеты, и муниципальные районы.

Важнейшими структурными элементами сельской местности являются взаимосвязи территориальных групп поселений и среды обитания населения. Процессы функционирования и развития территориальных общностей населения предполагают активное его взаимодействие со средой, и заключаются, в конечном счете, в производстве определенной продукции - материальных благ и услуг. Эти процессы осуществляются в рамках задаваемых обществом политических, экономических и правовых отношений, обеспечивая управление территорией, нормальные условия жизнедеятельности и воспроизводства людей в их границах. Не менее важным структурным элементом сельской местности выступает природная среда обитания людей, которая понимается как совокупность целого ряда различных факторов, условий и процессов, влияющих на хозяйственную деятельность и жизнь людей.

Типология сельской местности должна проводиться с целью поиска и обоснования оптимального соотношения между природным потенциалом территории, природно-экологическими условиями проживания людей и реальными экономическими и социальными процессами и явлениями. При этом данное соотношение неизбежно имеет определенные различия от места к месту. В системе «общество - природная среда», обе эти составляющие сельской местности находятся во взаимосвязанном развитии. Общество является более активной составляющей этой системы, а по силе воздействия на природу соизмеримой с ее силами, а порой и превосходящей их. Поэтому нередки случаи, когда на локальных и региональных пространствах сельской местности человеческая деятельность создает кризисные экологические ситуации и может привести к непредсказуемым и даже необратимым экологическим последствиям [9].

Таким образом, сельская местность, являясь междисциплинарным объектом географических исследований, обладает определенными свойствами, отношениями,

количественными и качественными показателями, что позволяет говорить о разнообразии процессов ее функционирования и развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. И. Многоликая деревня / А. И. Алексеев. - М.: Мысль, 1990. - 272 с.

2. Баранский Н. Н. Становление советской экономической географии / Н. Н. Баранский // Избранные труды / под ред. В. А. Анучина [и др.]. - М., 1980. -С. 28-63.

3. Ковалев С. А. Изучение сельской местности в экономической и социальной географии / С. А. Ковалев // Вопросы географии. - М., 1980. - Вып. 115. -С. 172-184.

4. Ковалев С. А. Сельское расселение: географическое исследование / С. А. Ковалев. - М.: Изд-во МГУ, 1963. - 371 с.

5. Кузина И. М. Современные проблемы агрогеографического изучения сельской местности и задачи усиления взаимосвязи социально-экономических и экологических исследований / И. М. Кузина // Социально-экономические и экологические проблемы развития сельской местности: сб. науч. тр. / Мордов. гос. ун-т. - Саранск, 2000. - С. 29-33.

6. Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты / Ф. Н. Мильков. - М.: Мысль, 1973. - 224 с.

7. Поросенков Ю. В. История и методология географии / Ю. В. Поросенков, Н. И. Поросенкова. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. - 272 с.

8. Саушкин Ю. Г. Избранные труды / Ю. Г. Саушкин. - Смоленск: Универсум, 2001. - 416 с.

9. Томилин В. Ф. Сельская среда обитания : социально-экологические основы : учеб. пособие / В. Ф. Томилин. - Тамбов: Тамбов. ун-т, 1997. - 31 с.

10. Федулов С. В. Некоторые аспекты социально-географического изучения сельского населения в странах Западной Европы (на примере Великобритании) / С. В. Федулов // Сельская местность: территориальные аспекты социально-экономического развития: сб. науч. тр. / Башкир. гос. ун-т. - Уфа, 1985. - С. 132-140.

V. РЕКРЕАЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕКРЕАЦИОННОЙ ГЕОГРАФИИ[30]

Одной из особенностей развития отечественной географии последних 40 лет выступает быстрое формирование такого ее направления, как рекреационная география. Современное общество с его резко возросшей интенсивностью человеческой деятельности, физическими, психическими и эмоциональными перегрузками людей, ухудшающейся экологической средой их обитания, возрастающей сложностью межличностных отношений - все это в совокупности предопределяет важнейшую роль рекреации -деятельности, направленной на организацию отдыха населения, охрану и восстановления его здоровья. На этой основе формируется большой комплекс рекреациологических наук, в котором представлена и рекреационная география.

С момента публикации первых отечественных работ в этой области прошло уже несколько десятилетий, поэтому в рекреационной географии достаточно четко определились ее основные научные направления и проблемы. Среди крупных направлений географического исследования рекреационной деятельности в первую очередь сложились география туризма и география санитарно-курортной деятельности. При этом рекреационная география сформировалась как междисциплинарное научное исследование в рамках системы географических наук. Так, с одной стороны, появились конкретные рекреационно-географические исследования на стыке с физической географией и ландшафтоведением, а с другой стороны, на стыке с социально-экономической географией, географией населения и географией сферы обслуживания. В

[30] Теоретические основы и проблемы современной отечественной реакрационной географии / Ю.В. Поросенков // Рекреационная деятельность в регионе: современные проблемы развития, территоральной организации и управления : материалы Всеросс. межвед. науч.-практ. конф., 20-21 окт. 2009 г., Воронеж .— Воронеж, 2009 .— С. 8-12 .

последние годы выполняется все больше рекреационных исследований в тесной связи с геоэкологией и экологией человека. Вероятно, можно предположить, что по мере становления географии природопользования последняя станет базой выполнения специальных исследований по рекреационной географии.

Решение ВАКа РФ о включении рекреационной географии в перечень научной специальности по социально-экономической географии, которая теперь официально звучит как «экономическая, социальная, политическая и рекреационная география», ставит перед социально-экономической и рекреационной географией целый ряд теоретических проблем. Среди них -основная: в какой степени возможна интеграция теоретических основ этих наук? В этой связи необходимо отметить определенную общность понимания объектов исследования, сложившуюся в среде экономико-географов и специалистов по рекреационной географии. И те и другие считают, что объектом их исследования выступают территориальные системы. У экономико-географов - это экономические, социальные, политические и иные территориальные системы разных типов и иерархических уровней, а на глобальном, страновом и региональном уровнях речь может идти об интегральных социально-экономических системах. Объектом исследования

рекреационной географии выступают территориальные рекреационные системы, которые могут рассматриваться как «частный» вариант территориальных социально-экономических систем. Это позволяет в процессе исследования рекреационной деятельности региона использовать богатейший теоретический арсенал современной социально-экономической географии.

При определении «контуров» территориальных рекреационных систем необходимо исходить из того, что в отечественной науке сложилось неоднозначное понимание термина «рекреация». При узкой трактовке этого термина, под рекреацией понимается совокупность явлений и отношений, возникающих в процессе использования свободного времени для оздоровительной, познавательной, спортивной и культурно-развлекательной деятельности людей на специализированных территориях за пределами мест их постоянного проживания. А при широком понимании рекреации к ней относится вообще вся

перечисленная деятельность людей, в том числе и в местах их постоянного проживания. В последнем случае речь идет об инклюзивной рекреации, встроенной в ежедневную бытовую и трудовую деятельность, и об ежедневной рекреации, то есть постоянной краткосрочной рекреационной деятельности в течении суток. По нашему мнению, в условиях современного российского общества с его низким уровнем благоустройства жизни, большими проблемами с состоянием здоровья людей и необходимостью его систематического, каждодневного восстановления и сохранения широкое понимание термина «рекреация» более предпочтительное. В этом случае термин «рекреация» и «отдых» становятся почти синонимами.

Одним из следствий системной методологии в изучении рекреационной деятельности выступает морфологический подход, то есть исследование ее внутренней структуры, процессов и результатов ее формирования. В самом общем виде территориальные рекреационные системы состоят из таких основных подсистем, как сами рекреанты, используемые ими рекреационные ресурсы, а также рекреационная инфраструктура, обслуживающий рекреантов персонал и управление. В свою очередь, каждая из этих подсистем является системой более низкого порядка и имеет свою, подчас весьма сложную внутреннюю структуру. Так, рекреанты - это категории людей, занимающихся деятельностью, направленной на реализацию своих рекреационных потребностей, восстановление и развитие физических и духовных сил, интеллектуальное совершенствование. Казалось бы, что рекреанты должны охватывать всю совокупность населения региона. Но это - не так. Рекреационная деятельность связана с использованием личного свободного времени, то есть времени, свободного от труда, бытовой деятельности и не связанного с удовлетворением естественных потребностей и вынужденной деятельности нетрудового характера. Свободным временем субъект рекреации должен располагать самостоятельно. Следовательно, в состав рекреантов не входят люди, у которых нет или почти нет свободного времени (малолетние дети, тяжело больные, заключенные и некоторые другие категории населения).

В функциональном отношении среди рекреантов выделяются следующие группы населения: 1) жители городов и сельских поселений, которые не выезжают за их пределы и у которых

рекреация имеет инклюзивный и ежедневный характер, а также в виде уик-энда, то есть поездок за город, отдых на даче и т.д.; 2) экскурсанты - временные (однодневные) посетители местности, населенных пунктов, территорий или даже другой страны в целях туризма, но на срок не более суток; 3) туристы-рекреанты, совершающие временные выезды из мест постоянного жительства на срок не менее суток, но и не более 6 месяцев в течение календарного года в оздоровительных, познавательных, профессионально-деловых, спортивных, религиозных и иных целях без занятия оплачиваемой деятельностью в стране временного пребывания; 4) из большой и весьма пестрой группы туристов можно выделить курортников - рекреантов, которые в целях профилактики, терапии и медицинской реабилитации посещают специализированные лечебно-профилактические учреждения, расположенные в курортных местностях с благоприятными природными лечебными факторами. Таким образом, контингент рекреантов в значительной степени зависит от социально-экономической, демографической и природно-экологической ситуации регионов проживания, что приводит к возникновению обширных территориальных рекреационных систем, охватывающих как регионы формирования самих туристов и курортников, так и регионы удовлетворения их рекреационных потребностей.

Важнейшей подсистемой территориальной рекреационной системы выступают рекреационные ресурсы. Под ними понимают компоненты природной среды, объекты хозяйственной деятельности, феномены социокультурного характера, объекты историко-культурного наследия, обладающие уникальностью, целебно-оздоровительными свойствами, эстетической привлекательностью, которые выступают основой для организации различных видов и форм рекреационных занятий. В дискретном виде рекреационные ресурсы представлены конкретными рекреационными объектами, под которыми понимают любые ограниченные по площади места, обладающие особо привлекательными для рекреантов свойствами. Для систематизации природных рекреационных объектов и определения условий их формирования используется ландшафтная методология. Однако надо иметь в виду, что она в первую очередь применима для исследования лишь природных рекреационных объектов и относительно мало применима к исследованию

объектов хозяйственной деятельности, феноменов социокультурного характера и объектов историко-культурного наследия. Для изучения последних необходима методология территориальных социально-экономических систем и культурных ландшафтов.

Важной стороной исследования рекреационных ресурсов выступает определение рекреационного потенциала региона. Под ним понимается совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок для организации рекреационной деятельности, способность рекреационных объектов в процессе отдыха человека оказывать на него положительное физическое, психическое и социально-психологическое воздействие. В этой связи рекреационный потенциал региона определяет его рекреационную емкость, то есть совокупную предельно допустимую рекреационную нагрузку, превышение которой ведет к разрушению отдельных элементов и даже совокупного рекреационного потенциала региона. Сложность понятия «рекреационные ресурсы» приводит к разным подходам в рекреационном районировании. Если природоведческое направление в рекреационном районировании вполне возможно на ландшафтной основе, то комплексное ресурсно-рекреационное и тем более интегральное рекреационное районирование должно учитывать все подсистемы и элементы территориальных рекреационных систем. К тому же на теоретические аспекты рекреационного районирования существенное влияние оказывают иерархические уровни (локальный, микрорайонный, мезорайонный, региональный, страновой и мировой) рекреационных систем.

Функционирование территориальной рекреационной системы становится возможным лишь при наличии в ее составе специальной инфраструктуры и

'остуживающего персонала. Рекреационная инфраструктура представляет совокупность сооружений, инженерных и коммуникационных сетей, дорог, предприятий и учреждений, систем и служб, обеспечивающих информационное, транспортное, гостинично-бытовое, лечебно- оздоровительное, спортивно-познавательное, культурно-развлекательное и иное обеспечение рекреантов. Рекреационная деятельность помимо инфраструктуры требует и соответствующего кадрового обеспечения, то есть специалистов по всему спектру как самих рекреационных, так и

сопутствующих услуг. Следовательно, важной стороной всего этого хозяйственного блока» рекреации выступает ее хозяйственный потенциал, куда входят как основные фонды, так и кадры, обеспечивающие производство, продажу и предоставление услуг и товаров рекреантам, а также те дополнительные средства труда, которые прямо не относятся к рекреации, но способствуют улучшению ее условий.

Целевая функция территориальных рекреационных систем - возможно иное удовлетворение рекреационных потребностей отдыхающих -пзуется только при наличии в этих системах специальных подсистем управления. Это связано с тем, что сам процесс рекреации в своем функционировании включает в себя элементы природы, населения и хозяйства. В условиях рыночной экономики использование природных и трудовых ресурсов в рекреационной деятельности определяется экономическим расчетом на получение максимальной прибыли. Поэтому, с одной стороны, в установленном законом порядке выделяются относительно небольшие по площади земли строго рекреационного назначения, в которых запрещается всякая другая деятельность. С другой стороны, на преобладающей территории рекреационная деятельность осуществляется совместно с другими видами деятельности. Все это требует в рамках территориальных рекреационных систем функционирования специальных органов управления и реализации специальной общенациональной (общегосударственной) и региональной рекреационной политики.

Такая достаточно сложная внутренняя структура территориальных рекреационных систем предопределила научное разделение труда в процессе их исследования различными направлениями географии. Физико-географы и ландшафтоведы основное внимание обращают на исследование природно-ресурсного потенциала территорий и его рациональное использование и сохранение в условиях интенсивной хозяйственной деятельности. Предметом исследования геоэкологов в рамках рекреационной географии выступает среда обитания живых организмов, в том числе и людей как рекреантов. Социально-экономическая география рассматривает рекреацию как сферу экономической и социальной деятельности.

ФОРМИРОВАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕКРЕАЦИОННОЙ ГЕОГРАФИИ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ [31]

(в соавторстве с Т.М. Худяковой)

Решение Президиума ВАК РФ о включении рекреационной географии в состав специальности 25.00.24, которая теперь называется «экономическая, социальная, политическая и рекреационная география», означает принципиально новый этап развития этой науки. Первые работы по рекреационной географии в отечественной науке появились еще в первой половине и особенно в середине 70-х годов XX века. В общесоюзном академическом географическом журнале - «Известиях АН СССР. Серия географическая» были опубликованы статьи Ю.А. Веденина и Н.Н. Мирошниченко [3], ЛИ. Мухиной, Ю.А. Веденина, Н.А. Даниловой, И.В. Зорина [19], И.И. Пирожник [18], в которых обосновывались географические подходы к оценке условий рекреационной деятельности. В середине 70-х годов под редакцией В.С. Преображенского вышла работа «Теоретические основы рекреационной деятельности» [26] и научный сборник «Географические проблемы организации туризма и отдыха», в котором В.С. Преображенский, Л.И. Мухина, Н.С. Казанская, Ю.А. Веденин, Н.Н. Мирошниченко, Н.М. Ступина, Л.С. Филиппович, В.Б. Ядков и Е.Г. Шеффер обосновали методические указания по характеристике природных условий рекреационного района, Б.Н. Лиханов и Н.М. Ступина дали программу характеристик природных компонентов и ландшафтов при проектировании рекреационных комплексов, Ю.А. Веденин - методику определения избирательности систем занятий во время отдыха по отношению к природным комплексам, а И.Т. Твер-дохлебов и Н.С. Мироненко - программу экономико-географической характеристики

[31] Формирование отечественной рекреационной географии и проблемы социально-экономико-географических исследований рекреационной деятельности / Ю.В. Поросенков, Т.М. Худякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «География, геоэкология». - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. - С. 5-11

рекреационного района [12]. Ю.А. Веденин [4] и И.В. Зорин исследовали социальные аспекты изучения и динамичность территориальных рекреационных систем.

Во второй половине 70-х годов в «Известиях АН СССР. Серия географическая» были опубликованы статьи Ю.А. Веденина об изучении эволюции рекреационных функций территории [5], Л.А. Багровой, Н.В. Багрова и В.С. Преображенского - об подходах к анализу понятия «рекреационные ресурсы» [1]. В это время выходят материалы совещаний и конференций по рекреационной географии: «Рекреационная география: материалы совещания» [20], «Вопросы рекреационной географии Северного Кавказа« [12], «Географические аспекты исследования рекреационных систем» [8].

Становление рекреационной географии как самостоятельной географической науки относится к началу 80-х годов XX века. В это время вышли в свет такие основополагающие работы, как «Рекреационная географии СССР: курортологические аспекты» П.П Царфиса [28], под редакцией В.С.Преображенского и В.М. Кривошеева «География рекреационных систем СССР» [9], «Рекреационная география» Н.С. Мироненко и И.Т. Твердохлебова [13], «Динамика территориальных рекреационных систем» Ю.А. Веденина [6]. В «Известиях АН СССР. Серия географическая» В.С. Преображенский, Ю.В. Веденин, И.В. Зорин и ЛИ Мухина выступили со статьей о территориальной рекреационной системе как объекте изучения географических наук [12]. В этот период были опубликованы коллективные обобщающие работы и сборники: «Рекреационные ресурсы и методы их изучения» [22], «Рекреационная география СССР» [21]. Вышла в свет монография Л.С. Филлипович по картографическому моделированию территориальных рекреационных систем [12]. В связи с внедрением рекреационной географии в систему высшей школы начинается публикация учебных пособий: «Физико-географические (природоведческие) основы рекреационной географии» Л.А. Багровой и П.Д. Подгородецкого [2], а Ю.А. Веденин защитил докторскую диссертацию по теме: «Принципы и методы исследования функционирования территориальных рекреационных систем» [7].

Во второй половине 80-х годов отечественная рекреационная география развивается как вглубь, так и вширь, то есть как в

аспекте все более глубокого проникновения в сущность территориальных рекреационных систем, так и в процессе появления все новых центров исследования. В сборнике «Теоретические проблемы рекреационной географии» [12] В.С. Преображенский и В.А. Квартальнов изложили основные концепции и модели рекреалогии, Н.С. Мироненко, И.И. Пирожник и И.Т. Твердохлебов - теоретические основы рекреационного районирования, О.И. Вендина - пути оптимизации территориальной организации рекреационной деятельности, а И.П. Чалая - основные концепции и модели рекреационной географии. В 1986 году под редакцией Н.С. Мироненко и М. Бочварова вышел сборник «Рекреационные системы» [24], а в 1982 году Н.С. Мироненко и Э.М. Эльдаров в «Известиях ВГО» опубликовали статью о новых аспектах рекреационной географии [14]. Институт географии Сибирского отдела АН СССР (г. Иркутск) в 1988 году выпустил работу по рекреации и охраняемым территориям [25]. На следующий год в Черновцах было издано учебное пособие А.И. Игнатенко «Рекреационные территориальные системы: научные основы развития и функционирования» [12].

Новейший период российской истории (90 - е годы XX века и первое десятилетие XXI века) оказался достаточно сложным и противоречивым для развития отечественной рекреационной географии. С одной стороны, рекреационная география уже сформировала теорию и методику исследования, получила широкое общественное признание и могла рассчитывать на все более широкие прикладные результаты своей деятельности. К тому же такие конкретные аспекты рекреации (отдыха), как туризм и санаторно-курортный оздоровительный отдых и лечение стали неотъемлемой частью образа жизни людей в условиях ее интенсификации. Все это привело к быстрому развитию целой системы рекреациологических наук. С другой стороны, распад СССР и дробление сложившихся рекреационных регионов, переход к рыночной экономике, сопровождавшийся резким падением уровня жизни преобладающей части населения, резкой его социальной стратификацией, вывел проблемы рекреации на периферию общественных интересов и обусловил значительную трансформацию самой системы рекреационных учреждений.

Включение рекреационной географии в систему высшего географического образования встретило определенные сложности

в условиях чрезмерно резкой дифференциации географии на ее физико-географическую и общественно-географическую (социально-экономико-географическую) подсистемы. При этом отечественные физико-географы в большей степени проработали проблемы исследования и оценки природного рекреационного потенциала и ландшафтного рекреационного районирования, тогда как объектом конкретных социально-экономико-географических исследований рекреации выступали санитарно-курортная сфера обслуживания и туризм (внутренний и международный) как отрасли хозяйственной деятельности.

По всем этим причинам первая половина 90-х годов XX века характеризуется определенным спадом объема исследований в области рекреационной географии. Среди работ этого периода можно отметить такие обобщающие публикации, как «Рекреационные ресурсы СССР. Проблемы рационального использования» [23] и «Теория рекреации и рекреационной географии» В.С. Преображенского, И.В Зорина, В.А. Квартального, Ю.А. Веденина и других [12]. Более частный характер имели статьи Э.М. Эльдарова о тенденциях и перспективах развития экономико-географического аспекта рекреации [29] и Н.В. Бекетова о структуре, особенности исследования и освоения территории в рамках пригородного рекреационного комплекса. В середине 90-х годов вышел сборник «Проблемы и прогнозирование туристско-рекреа-ционного использования природного и историко-культурного потенциала в регионах России» [41], в одной из статей которого Ю.А. Веденин исследовал тенденции развития рекреации в России в новых политико-экономических условиях.

С самого конца 90-х годов XX века по мере оживления российской экономики и роста уровня жизни населения наблюдается повышение интереса к рекреационно-географическим исследованиям. В 1997 году были опубликованы монография М.М. Амирханова, А.А. Татаринова и А.Д. Тру-сова об экономических проблемах развития рекреационных регионов и Е.В. Колотовой «Рекреационное ресурсоведение» [12]. В «Вестнике МГУ. Серия география» Н.С. Мироненко и В.Б. Нефедова обобщили опыт исследования рекреационных систем на географическом факультете Московского университета [12], а Н.С Мироненко и Э.М. Эль-даров в этом же журнале подняли вопросы гуманитарных аспектов исследования рекреационных систем [15]. В статье Л.Б. Башалханова

были подняты методические подходы к стоимостной оценке рекреационных ресурсов, а в статье И.В. Шаба-лина - вопросы оценки рекреационного потенциала северных территорий [12]. Целый ряд научных статей был посвящен исследованию рекреационных ресурсов регионов России, например, Приморского края и Якутии. Д.В. Николаенко связал формирование рекреационной специализации с эволюцией освоения региона, а в 2001 году выпустил учебное пособие для студентов высших учебных заведений - «Рекреационная география» [17]. Аналогичное учебное пособие в 2003 году в Омске издал П.В. Большаник [12] В последнее годы значительный учебно-методический материал был издан в Саратове: А.С. Кусков, О.В. Понукалина, Т.Н. Одинцова «Рекреационная география», Л.Ю. Горшкова, Т.Д. Крысанова, Н.В.Пичугина, О.В. Ушакова «Рекреационная география. Словарь справочник», А.С. Кусков, В.Л. Голубева, О.В. Лысикова, Е.Б.Лопатина «Основы рекреационной географии. Курс лекций», А.С. Кусков, В.Л. Голубева, Т.Н. Одинцова «Рекреационная география: учебно-методический комплекс» [12]. Среди последних работ по отдельным аспектам рекреационной географии необходимо отметить изданную в Смоленске в 2008 году Л.Ю. Мажар монографию «Территориальные туристско-рекреационные системы».

К числу учебно-вузовских центров, в которых осуществляются рекреационно-географические исследования, относится и г. Воронеж, где подобные работы выполняются как в Воронежском госуниверситете, так и в Воронежском госпедуниверситете. В 2003 году В.Н. Жердев и Т.В. Зязина опубликовали монографию «Научные основы рекреационного природопользования Воронежской области» [10], в 2006 году В.И. Федотов и С.В. Федотов в монографии «Земля Воронежская» [11] обосновали рекреационное районирование Воронежской области, а в 2008 годы вышло в свет учебное пособие для вузов В.Б. Михно «Рекреационная география России: природоведческий аспект» [16]. Кандидатские диссертации по тематике рекреационной географии неоднократно защищались в диссертационных советах ВГУ и ВГПУ: по специальности «экономическая, социальная и политическая география» - В.В. Храбовченко «Географические особенности горного туризма в горных районах Краснодарского края и республики Адыгея», М.С. Безуглова «Культурно-исторический ту-ристско-рекреационный потенциал Астраханской области и его использование». О.Н. Толстых «Санаторно-

курортный комплекс: размещение, современное состояние и перспективы развития (на примере Самарской области)», по специальности «физическая география и биогеография, география почв и геохимия ландшафтов» - Т.В. Зязина «Основы рекреационного природопользования Воронежской области», по специальности «геоэкология» - А.В. Холоденко «Ландшафтно-экологичес-кая оптимизация природопользования в природных парках степной зоны (на примере Волгоградской области)», Н.В. Полуэктова «Геоэкологическая оценка рекреационного природопользования территории г. Тамбова и Притамбовья». Рекреационная география достаточно широко вошла в учебно-методическую работу факультета географии и геоэкологии ВГУ как в аспекте учебных курсов, выполнения дипломных и курсовых работ, так и в процессе подготовки специалистов в рамках географии по специализации «туризм».

Таким образом, одной из особенностей развития отечественной географии последних 40 лет выступает быстрое формирование такого ее направления, как рекреационная география. Современное общество с его резко возросшей интенсивностью человеческой деятельности, физическими, психическими и эмоциональными перегрузками людей, ухудшающейся экологической средой их обитания, возрастающей сложностью межличностных отношений - все это в совокупности предопределяет важнейшую роль рекреации - деятельности, направленной на организацию отдыха населения, охрану и восстановления его здоровья. На этой основе формируется большой комплекс рекреациологических наук, в котором представлена и рекреационная география.

С момента публикации первых отечественных работ в этой области прошло уже несколько десятилетий, поэтому в рекреационной географии достаточно четко определились ее основные научные направления и проблемы. Среди крупных направлений географического исследования рекреационной деятельности в первую очередь сложились география туризма и география санатарно-курор-тной деятельности. При этом рекреационная география сформировалась как междисциплинарное научное исследование в рамках системы географических наук. Так, с одной стороны, появились конкретные рекреационно-географические исследования на стыке с физической географией и лан-дшафтоведением, а с другой стороны, на стыке с социально-

экономической географией, географией населения и географией сферы обслуживания. В последние годы выполняется все больше рекреационных исследований в тесной связи с геоэкологией и экологией человека. Вероятно, можно предположить, что по мере становления географии природопользования последняя станет базой выполнения специальных исследований по рекреационной географии.

Решение ВАКа РФ о включении рекреационной географии в перечень научной специальности по социально-экономической географии ставит перед социально-экономической и рекреационной географией целый ряд теоретических проблем. Среди них основная: в какой степени возможна интеграция теоретических основ этих наук? В этой связи необходимо отметить определенную общность понимания объектов исследования, сложившуюся в среде экономико-географов и специалистов по рекреационной географии. И те и другие считают, что объектом их исследования выступают территориальные системы. У экономико-гео-графов - это экономические, социальные, политические и иные территориальные системы разных типов и иерархических уровней, а на глобальном, страновом и региональном уровнях речь может идти об интегральных социально-экономических системах. Объектом исследования рекреационной географии выступают территориальные рекреационные системы, которые могут рассматриваться как «частный» вариант территориальных социально-экономических систем. Это позволяет в процессе исследования рекреационной деятельности региона использовать богатейший теоретический арсенал современной социально-экономической географии.

При определении «контуров» территориальных рекреационных систем необходимо исходить из того, что в отечественной науке сложилось неоднозначное понимание термина «рекреация». При узкой трактовке этого термина, под рекреацией понимается совокупность явлений и отношений, возникающих в процессе использования свободного времени для оздоровительной, познавательной, спортивной и культурно-развлекательной деятельности людей на специализированных территориях за пределами мест их постоянного проживания. А при широком понимании рекреации к ней относится вообще вся перечисленная деятельность людей, в том числе и в местах их

постоянного проживания. В последнем случае речь идет об инклюзивной рекреации, встроенной в ежедневную бытовую и трудовую деятельность, и об ежедневной рекреации, то есть постоянной краткосрочной рекреационной деятельности в течении суток. По нашему мнению, в условиях современного российского общества с его низким уровнем благоустройства жизни, большими проблемами с состоянием здоровья людей и необходимостью его систематического, каждодневного восстановления и сохранения широкое понимание термина «рекреация» более предпочтительнее. В этом случае термин «рекреация» и «отдых» становятся почти синонимами.

Одним из следствий системной методологии в изучении рекреационной деятельности выступает морфологический подход, то есть исследование ее внутренней структуры, процессов и результатов ее формирования. В самом общем виде территориальные рекреационные системы состоят из таких основных подсистем, как сами рекреанты, используемые ими рекреационные ресурсы, а также рекреационная инфраструктура, обслуживающий рекреантов персонал и управление. В свою очередь, каждая из этих подсистем является системой более низкого порядка и имеет свою, подчас весьма сложную внутреннюю структуру. Так, рекреанты - это категории людей, занимающихся деятельностью, направленной на реализацию своих рекреационных потребностей, восстановление и развитие физических и духовных сил, интеллектуальное совершенствование. Казалось бы, что рекреанты должны охватывать всю совокупность населения региона. Но это - не так. Рекреационная деятельность связана с использованием личного свободного времени, то есть времени, свободного от труда, бытовой деятельности и не связанного с удовлетворением естественных потребностей и вынужденной деятельности нетрудового характера. Свободным временем субъект рекреации должен располагать самостоятельно. Следовательно, в состав рекреантов не входят люди, у которых нет или почти нет свободного времени (малолетние дети, тяжело больные, заключенные и некоторые другие категории населения).

В функциональном отношении среди рекреан-тов выделяются следующие группы населения: 1) жители городов и сельских поселений, которые не выезжают за их пределы и у которых рекреация имеет инклюзивный и ежедневный характер, а также в

виде уик-энда, то есть поездок за город, отдых на даче и т.д.; 2) экскурсанты - временные (однодневные) посетители местности, населенных пунктов, территорий или даже другой страны в целях туризма, но на срок не более суток; 3) тури-сты-рекреанты, совершающие временные выезды из мест постоянного жительства на срок не менее суток, но и не более 6 месяцев в течение календарного года в оздоровительных, познавательных, профессионально-деловых, спортивных, религиозных и иных целях без занятия оплачиваемой деятельностью в стране временного пребывания; 4) из большой и весьма пестрой группы туристов можно выделить курортников - рекреантов, которые в целях профилактики, терапии и медицинской реабилитации посещают специализированные лечебно-профилактические учреждения, расположенные в курортных местностях с благоприятными природными лечебными факторами. Таким образом, контингент рекреантов в значительной степени зависит от социально-экономической, демографической и природно-экологической ситуации регионов проживания, что приводит к возникновению обширных территориальных рекреационных систем, охватывающих как регионы формирования самих туристов и курортников, так и регионы удовлетворения их рекреационных потребностей.

Важнейшей подсистемой территориальной рекреационной системы выступают рекреационные ресурсы. Под ними понимают компоненты природной среды, объекты хозяйственной деятельности, феномены социокультурного характера, объекты историко-культурного наследия, обладающие уникальностью, целебно-оздоровительными свойствами, эстетической привлекательностью, которые выступают основой для организации различных видов и форм рекреационных занятий. В дискретном виде рекреационные ресурсы представлены конкретными рекреационными объектами, под которыми понимают любые ограниченные по площади места, обладающие особо привлекательными для рекреантов свойствами. Для систематизации природных рекреационных объектов и определения условий их формирования используется ландшафтная методология. Однако надо иметь в виду, что она в первую очередь применима для исследования лишь природных рекреационных объектов и относительно мало применима к исследованию объектов хозяйственной деятельности, феноменов социокультурного характера и объектов историко-культурного наследия. Для изучения последних

необходима методология территориальных социально-экономических систем и культурных ландшафтов.

Важной стороной исследования рекреационных ресурсов выступает определение рекреационного потенциала региона. Под ним понимается совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок для организации рекреационной деятельности, способность рекреационных объектов в процессе отдыха человека оказывать на него положительное физическое, психическое и социально-психологическое воздействие. В этой связи рекреационный потенциал региона определяет его рекреационную емкость, то есть совокупную предельно допустимую рекреационную нагрузку, превышение которой ведет к разрушению отдельных элементов и даже совокупного рекреационного потенциала региона. Сложность понятия «рекреационные ресурсы» приводит к разным подходам в рекреационном районировании. Если природоведческое направление в рекреационном районировании вполне возможно на ландшафтной основе, то комплексное ресурсно-рекреационное и тем более интегральное рекреационное районирование должно учитывать все подсистемы и элементы территориальных рекреационных систем. К тому же на теоретические аспекты рекреационного районирования существенное влияние оказывают иерархические уровни (локальный, микрорайонный, мезорайонный, региональный, страновой и мировой) рекреационных систем.

Функционирование территориальной рекреационной системы становится возможным лишь при наличии в ее составе специальной инфраструктуры и обслуживающего персонала. Рекреационная инфраструктура представляет совокупность сооружений, инженерных и коммуникационных сетей, дорог, предприятий и учреждений, систем и служб, обеспечивающих информационное, транспортное, гостинично-бытовое, лечебно-оздоровительное, спортивно-познавательное, культурно-развлекательное и иное обеспечение рекреан-тов. Рекреационная деятельность помимо инфраструктуры требует и соответствующего кадрового обеспечения, то есть специалистов по всему спектру как самих рекреационных, так и сопутствующих услуг. Следовательно, важной стороной всего этого «хозяйственного блока» рекреации выступает ее хозяйственный потенциал, куда входят как основные фонды, так и кадры,

обеспечивающие производство, продажу и предоставление услуг и товаров рекреантам, а также те дополнительные средства труда, которые прямо не относятся к рекреации, но способствуют улучшению ее условий.

Целевая функция территориальных рекреационных систем - возможно полное удовлетворение рекреационных потребностей отдыхающих - реализуется только при наличии в этих системах специальных подсистем управления. Это связано с тем, что сам процесс рекреации в своем функционировании включает в себя элементы природы, населения и хозяйства. В условиях рыночной экономики использование природных и трудовых ресурсов в рекреационной деятельности определяется экономическим расчетом на получение максимальной прибыли. Поэтому, с одной стороны, в установленном законом порядке выделяются относительно небольшие по площади земли строго рекреационного назначения, в которых запрещается всякая другая деятельность. С другой стороны, на преобладающей территории рекреационная деятельность осуществляется совместно с другими видами деятельности. Все это требует в рамках территориальных рекреационных систем функционирования специальных органов управления и реализации специальной общенациональной (общегосударственной) и региональной рекреационной политики.

Такая достаточно сложная внутренняя структура территориальных рекреационных систем предопределила научное разделение труда в процессе их исследования различными направлениями географии. Физико-географы и ландшафтоведы основное внимание обращают на исследование природно-ресурсного потенциала территорий и его рациональное использование и сохранение в условиях интенсивной хозяйственной деятельности. Предметом исследования геоэкологов в рамках рекреационной географии выступает среда обитания живых организмов, в том числе и людей как рекреантов. Социально-экономическая география рассматривает рекреацию как сферу экономической и социальной деятельности.

Список литературы:

1. Багрова Л.А. Рекреационные ресурсы (подходы к анализу понятия) / Л.А. Багрова, Н.В. Багров, В.С. Преображенский // Изв. АН СССР. Сер. геогр. - 1977. - №2. - С. 5-12.

2. Багрова Л.А. Физико-географические (природоведческие) основы рекреационной географии: учеб.пособие / Л.А. Багрова, П.Д. Подгородецкий. - Симферополь: Симф. гос. ун-т, 1982. - 63 с.

3. Веденин Ю.А. Оценка природных условий для организации отдыха / Ю.А. Веденин, Н.Н. Мирошниченко // Изв. АН СССР. Сер. геогр. - 1969. - №4. - С. 51-60.

4. Веденин Ю.А. Социальные аспекты изучения территориальных рекреационных систем / Ю.А. Веденин, И.В. Зорин // Вопросы географии. - М., 1973. - Вып. 93. - С. 21-28.

5. Веденин Ю.А. К изучению эволюции рекреационных функций территории / Ю.А. Веденин // Изв. АН СССР. Сер. геогр. - 1977. - №4. - С. 69-82.

6. Веденин Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем / Ю.А. Веденин. - М.: Наука, 1982. - 190 с.

7. Веденин Ю.А. Принципы и методы исследования функционирования территориальных рекреационных систем: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук / Ю.А. Веденин. - М., 1982. - 52 с.

8. Географические аспекты исследования рекреационных систем. - М.: БКМП ВЦ статупр., 1979. - 180 с.

9. География рекреационных систем СССР / под ред. В.С. Преображенского, В.М. Кривошеева. - М.: Наука, 1980. - 219 с.

10. Жердев В.Н. Научные основы рекреационного природопользования Воронежской области / В.Н. Жердев, Т.В. Зязина. - Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2003. - 164 с.

11. Земля Воронежская / под ред. В.И. Федотова. - Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2006. - 531 с.

12. Кусков А.С. Рекреационная география: учеб.- метод. комплекс/ А.С. Кусков, В.А. Голубева, Т.Н. Одинцова. - М.: Флинта, 2005. - 496 с.

13. Мироненко Н.С. Рекреационная география / Н.С. Мироненко, И.Т. Твердохлебов. - М.: Изд-во МГУ, 1981. - 208 с.

14. Мироненко Н.С. Новые аспекты рекреационной географии / Н.С. Мироненко, Э.М. Эльдаров // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. - 1987. - №1. - С. 75-81.

15. Мироненко Н.С. Гуманитарные аспекты исследования рекреационных систем / Н.С. Мироненко, Э.М. Эльдаров / Вестн. МГУ Сер. География. - 1998. - №1. -С. 22-27.

16. Михно В.Б. Рекреационная география России (природоведческий аспект) : учеб. пособие для вузов / В.Б. Михно. - Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. - 180 с.

17. Николаенко Д.В. Рекреационная география: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Д.В. Ни-колаенко. - М.: Гуманит. издат. центр «ВЛАДОС», 2001. -288 с.

18. Пирожник И.И. Применение факторного анализа для рекреационной оценки территорий / И.И. Пирожник // Изв. АН СССР. Сер. геогр. - 1975. - №2. -С. 113-119.

19. Подходы к оценке условий рекреационной деятельности / Л.И. Мухина [и др.] // Изв. АН СССР. Сер. геогр. - 1974. - №3. - С. 112-121.

20. Рекреационная география: материалы совещания / под ред. В.С. Преображенского; Б.Н. Лиханова. -М.: МФГО, 1976. - 112 с.

21. Рекреационная география СССР: (Аспекты развития и размещения). / Моск. фил. Геогр. о-ва СССР. -М.: МФГО, 1983. - 128 с.

22. Рекреационные ресурсы и методы их изучения / под ред. Б.Н. Лиханова; В.М. Кривошеева. - М: Гео-графгиз, 1981. - 137 с.

23. Рекреационные ресурсы СССР: проблемы рационального использования / отв. ред. Ю.А. Веденин. -М.: Наука, 1990. - 168 с.

24. Рекреационные системы / под ред. Н.С. Мироненко, М.М. Бочварова. - М.: Изд-во МГУ, 1986. - 134 с.

25. Рекреация и охраняемые территории. - Иркутск: ИГ СО АН СССР, 1988. - 128 с.

26. Теоретические основы рекреационной географии / отв. ред. В.С. Преображенский. - М.: Наука, 1975. - 245 с.

27. Факторы и механизмы устойчивости геосистем / отв. ред. Т.П. Куприянова. - М.: АН СССР; Ин-т географии, 1989. - 333 с.

28. Царфис П.Г. Рекреационная география СССР: курортологические аспекты / П.Г. Царфис. - М.: Мысль, 1979. - 312 с.

29. Эльдаров Э.М. Тенденции и перспективы развития экономико-географического аспекта рекреалогии / Э.М. Эльдаров // География и природные ресурсы. -1990. - №1. - С. 13-20.

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕГИОНЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ[32]

В последние годы в общественно-экономическом развитии многих регионов РФ все большее значение приобретает устойчивая тенденция к повышению значимости туристско-рекреационной деятельности. В целом это, по крайней мере, со второй половины XX века, связано с возрастанием роли социальных факторов в развитии страны. А современная Российская Федерация в ее конституциональном устройстве декларируется как социальное государство. Поэтому по мере роста благосостояния людей уровень общественного развития во все большей степени определяется объемами у них свободного (но есть за пределами трудовой, бытовой деятельности и удовлетворения физиологических потребностей) времени, которое необходимо для формирования их личности, культурного, нравственного и эстетического облика.

К тому же интенсификация жизни и деятельности в условиях частых стрессов, все более возрастающей транспортной усталости, ухудшающегося экологического окружения вызывает у людей настоятельную необходимость в сбережении и восстановлении здоровья, работоспособности, хорошего психического самочувствия, которые выступают одним из основных функциональных предназначений туризма и рекреации. Одной из причин повышения значимости туристско-рекреационной деятельности выступает и определенная надежда на нее со стороны управленческой элиты как наиболее территориально широкий и доступный фактор повышения экономической активности и решения финансовых проблем на региональном уровне. Все это в совокупности сформировало общественный

[32] Туристско-рекреационная деятельность в регионе: основные проблемы исследования и управления / Ю.В. Поросенков // Рекреация и туризм в регионе : современные проблемы развития, территориальной организации и управления : материалы международной научно-практической конференции. - Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет. - 2010. - С 3-6.

заказ на научные исследования в сфере рекреации и туризма, как и на подготовку кадров в этой области.

К сожалению, современная отечественная наука пока оказалась не в состоянии в полной мере удовлетворить потребности практики. Это было вызвано, с одной стороны, многофункциональностью и многоаспектностью самой туристско-рекреационной деятельности, а с другой, тем, что она стала междисциплинарная объектом исследования разнообразных наук, к тому же относящихся к разным научным системам. Например, только в рамках системы географических наук туристско-рекреационная деятельность стала предметом исследования как физической, так и социально-экономической географии, а потенциально - и геоэкологии, и природопользования. Хотя ВАК РФ в самое последнее время расширил научную специальность социально-экономической географии (25.00.24), которая теперь обозначается как «экономическая, социальная, политическая и рекреационная география», но ведь не меньше исследовательских работ по туристско-рекреационной тематике выполняется в рамках физической географии, а формирующаяся рекреационная географии ставится одним из направлений интеграции многих географических наук.

Помимо географии туристско-рекреационная тематика выступает предметом исследования многих других наук, особенно региональной экономики, регионоведения, социологии, менеджмента и права. Не смотря на частичное наложение предметов их исследования, специфика рекреационной географии состоит в том, что она рассматривает все процессы и аспекты туристско-рекреационной деятельности через призму интегральных природно-социально-экономико-техногенных территориальных геосистем. Поскольку пока в современной науке преобладают отдельные, порой разрозненные частные исследования, то в научном изучении туристско-рекреационной деятельности необходима интеграция усилий всех заинтересованных научных направлений и формирование на этой основе системы рекреациологических наук. Только на этой основе возможно удовлетворение общественных потребностей в таких работах, особенно на уровне российских регионов.

В современной России пока не сложилась единая система подготовки специалистов в сфере туристско-рекреационной

деятельности. В связи со слабым развитием такой деятельности в большинстве регионов на них нет пока массового спроса В тоже время коммерциализация обучения обусловила стремление со стороны различных как государственных, так и коммерческих вузов обеспечить подготовку таких специалистов в рамках их уже сложившихся учебных планов по линии планирования соответствующих спецкурсов, дисциплин по выбору, курсовых и выпускных квалификационных работ. В этих условиях среди общего объема выпускаемых специалистов выпускники по интегральной специальности «туризм и рекреация» занимают относительно небольшой удельный вес. В итоге в современной отечественной системе образования сложились диспропорции в подготовке специалистов различного профессионального уровня и профессиональных направлений.

Туристско-рекреационная деятельность в регионах России в настоящее время становится предметом долгосрочного программирования в рамках их концепций долгосрочного социально-экономического развития. В июне 2010 г. была утверждена «Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на долгосрочную перспективу». В этом документе отмечается, что в сфере туризма область может рассчитывать на развитие проектов лишь в определенных нишах, поскольку ее стартовые условия не позволяют конкурировать за массового потребителя туристических услуг в России. Туристско-рекреационный потенциал Воронежской области (как и в большинстве областей ЦЧР) оценивается как средний, а доля туризма в областном ВРП даже с учетом хозяйственной деятельности смежных отраслей составляет менее 1%. К числу позиций, характеризующих туристскую привлекательность региона, относятся: политическая и социальная стабильность, выгодное геополитическое и географическое положение, высокая транспортная доступность, благоприятные природно-климатические условия, богатейшее историческое и культурное наследие, проведение событийных мероприятий регионального и всероссийского значения. Однако этой туристско-рекреационный потенциал пока используется далеко не в полной мере.

В соответствии со «Стратегией социально-экономического развития Воронежской области на долгосрочную перспективу» основным направлением развития туристско-рекреационной

деятельности региона должны стать внутренний туризм и рекреация, представленная «рекреационными зонами, зонами отдыха и досуга, парками развлечений». Дополнительными направлениями могут быть развитие событийного туризма (фестивали, выставки, форумы), делового туризма (Экспоцентры, логистика), санаторно-курортного туризма (санатории, турбазы), образовательного и медицинского туризма. Отдельным направлением может стать туризм «выходного дня», ориентированный в основном на туристов-автолюбителей из соседних областей. Однако одним из условий реализации последнего является придание г. Воронежу признаков цивилизованности и культуры.

В соответствии с представленной стратегией в Воронежской области разрабатывается долгосрочная комплексная программа развития внутреннего и въездного туризма. В основу такой программы (как это декларируется в стратегии) должны быть положены мероприятия, направление на решение наиболее значимых проблем регионального туризма: создание современной туристкой инфраструктуры, в первую очередь, объектов туристского показа, гостиниц и других средств размещения, предприятий питания; создание привлекательных условий для малого и среднего бизнеса в туристской сфере; совершенствование транспортной инфраструктуры; совершенствование федерального и регионального законодательства, касающихся всех секторов туризма; создание информационно-статистической базы, объективно отражающей показатели деятельности хозяйственных субъектов в туристской сфере; разработка стратегии развития внутрирегиональных узлов туристического imacrepa.

Решение этих проблем требует обоснования и использования принципиально новой, интегральной методики исследования и управления развитием туристско-рекреационной деятельности в регионах страны. Такая методика предусматривает определенную последовательность работ.

1. Исследование и определение уровня аттрактивности артефактов природного, исторического, экономического и культурного характера.

2. Определение частных и общего туристско-рекреациоиного потенциалов и их территориальной структуры методами районирования, типологии и группировки.

3. Исследование территориальных особенностей населения и расселения (в том числе агломерации, локальные и линейные системы расселения) в аспекте определения потенциальных потребителей туристско-рекреационной деятельности.

4. Изучение сложившейся инфраструктуры туристско-рекреационной деятельности региона: состояние и оборудованность объектов показа, транспортное обеспечение туристов, условия их размещения, питания, культурного досуга, а при необходимости - медицинского обслуживания.

5. Исследование основных сложившихся туристско-рекреационных потоков (внешних, внутренних, по функциональным видам), туристско-рекреационных зон и узлов, определение динамики их развития.

6. Исследование всей совокупности хозяйствующих субъектов в регионе, занимающихся туристско-рекреационных бизнесом; их интегриро-ванность на национальном (страновом) и международном уровнях; процессы проникновения сетевой организации в туристско-рекреационной бизнес; финансово-экономические результаты туристско-рекреационной деятельности в регионе.

7. На основании анализа мировой и страновой ситуации, выявленного туристко-рекреационного потенциала региона определение возможных сценариев развития бизнеса в этой сфере хозяйственной деятельности.

8. Разработка долгосрочной концепции развития туристско-рекреационной деятельности в регионе.

9. На ближайший временной период (сроком до 5 лет) обоснование приоритетных направлений развития туристско-рекреационной деятельности с разработкой программы развития ее конкретных узлов и маршрутов; обоснование бизнес-плана с расчетом выделения необходимых финансовых средств и получения возможной прибыли и новых рабочих мест.

Список литературы

1. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на долгосрочную перспективу. - Воронеж. - 2010. - 324 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ[33]

Одним из перспективных направлений социально-экономического развития Воронежской области в ближайшем пятилетии выступает более значительное (по сравнению с современным периодом) развитие туристско-рекреационной деятельности. Это стало одной из причин формирования комплексного социально-экономико-географического исследования областной рекреации и туризма [5, 6, 7, 8].

Воронежская область обладает значительным природным и культурно-историческим рекреационно-туристским потенциалом. На ее территории расположены 5 особо охраняемых объектов федерального, 28 объектов регионального уровня, 127 памятников природы, сотни археологических памятников, памятников истории и культуры. Однако этот относительно богатый и разнообразный потенциал исполь^ется не в полной мере. В 2009 году объем внутреннего туристского потока в Воронежской области составил 256,7 тыс. человек или 0,8% от общероссийского показателя, хотя доля области в численности насепения страны вдвое больше. Доля добавленной стоимости в ВРП области в 2008 г. от деятельности турагентств, гостиниц и прочих мест временного размещения составила 0,1%, тогда как доля туризма в ВВП России составила 2,5%, а на долю туризма в мировом масштабе приходится 3,2% ВВП [4].

В структуре внешнего туризма области резко преобладает выездной туризм. В 2009 году за границу выезжали 18,3 тыс. жителей Воронежской области (0,2% от общероссийского объема выездного туризма), что отражает меньшую развитость выездного туризма в области по сравнению со среднероссийским уровнем. Для решения всех этих проблем туристско-рекреационной деятельности областной департамент по развитию

[33] Использование рекреационного потенциала как один из способов решения проблем расселения населения Воронежской области / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Рекреация и туризм в регионах России: современное состояние и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 22-24 сент. 2011) .— Воронеж, 2011 .— С. 53-59

предпринимательства и потребительского рынка разработал «Концепцию развития внутреннего и выездного туризма в Воронежской области до 2016 года». Анализ этого документа позволяет проследить основные направления развития туристско-рекреационной деятельности и их влияние на процессы расселения населения Воронежской области.

Обработка материалов Всероссийской переписи населения 2010 года и их сравнение с материалами предшествующей переписи 2002 г. позволяют выявить устойчивые тенденции расселения населения Воронежской области, которые уже достаточно четко сложились в условиях перехода страны к рыночной экономике, и показать их взаимосвязь с рекреационно-туристской деятельностью. По-прежнему происходит снижение общей численности населения Воронежской области при сохранении ее значительного демографического потенциала. В 2010 г. в Воронежской области проживало 2335,2 тыс. человек, то есть на 43,6 тыс. человек меньше (или на 1,8% меньше), чем в 2002 г. По-прежнему наблюдается разнонаправ-ленность динамики численности городского и сельского населения. Если численность горожан за 2002-2010 гг. выросла на 58,5 тыс. человек (или на 4%), то численность сельских жителей сократилась на 102,1 тыс. человек (или на 11,3%). Следствием стало повышение удельного веса горожан с 61,9% до 65,5%. Темпы урбанизации населения постепенно падают, хотя по результатам этого процесса область существенно отстает от общероссийского уровня. Таким образом, в области сохраняются две большие группы населения - горожан и сельских жителей, различающихся структурой рекреационных потребностей.

Определяющее влияние на формирование территориальной структуры населения области оказывает процесс создания Воронежской крупногородской агломерации (или как сейчас говорят, мегаполиса), которая включает в себя как сам областной центр, так и его пригородную зону. За межпереписной период произошли существенные изменения в административном статусе областного центра. Был образован городской округ город Воронеж, в состав которого вошел не только сам областной центр, но и его ближайшие пригородные поселки и села, но без внешнего пояса агломерации. Юридически городские и сельские населенные пункты, вошедшие в состав городского округа, получили статус

изолированно расположенных массивов в составе соответствующих административных районов городского округа. За период 2002-2010 гг. численность населения ГО г. Воронеж выросла с 928,4 тыс. человек до 979,9 тыс. человек, то есть на 51,5 тыс. человек или на 5,5%. Следовательно, на Воронежский городской округ приходится 88% всего прироста численности горожан области. Продолжается процесс концентрации населения Воронежской области в пределах ее городского округа: 39% - в 2002 г., 42% - в 2010 г. Реально же сосредоточение населения в пределах Воронежского мегаполиса проявляется еще более значительно. За пределами Воронежского городского округа осталось большое число городских и сельских поселений, расположенных на его границах и тесно связанных с ним трудовыми поездками жителей пригородной зоны в областной центр. В силу этого данные муниципалитеты - сельские и городские поселения - характеризуются за переписной период 2002-2010 гг. устойчивостью и даже ростом их демографического потенциала.

К числу таких муниципалитетов в Рамонском районе относятся Рамон-ское городское и Айдаровское, Новоживотинное, Русскогвоздевское, Ямен-ское сельские поселения; в Семилукском районе - Семилукское и Латнен-ское городские и Девицкое, Латненское и Семилукское сельские поселения; в Хохольском районе - это Еманчинское, Гремяченское, Новогремяченское, Петинское и Рудкинское поселения. Еще более значительное развитие пригородная зона Воронежского мегаполиса получила в левобережье Дона и Воронежа. В Новоусманском районе она представлена Бабяковским, Волен-ским, Воронежским, Орловским, Отрадненским, Рогачевским, Рождественско-Хавским, Тимирязевским, Трудовским, Усманским первым, Усманским вторым, Хлебенским и Шуберским сельскими поселениями. В Каширском районе к числу пригородных для Воронежского мегаполиса относятся Боевское, Дзержинское, Колодезянское и Круглянское сельские поселения, а в Верхнехавском районе - Парижскокоммунское и Углянское сельские поселения. К внешнему поясу Воронежской крупногородекой агломерации относятся и те сельские поселения пригородной зоны, в пределах которых расположены садово-огородные кооперативы воронежцев. Они стали весьма заметным явлением в жизни мегаполиса. В вегетационный период (весна, лето, ранняя осень) численность людей, проживающих в этом «втором жилье», подчас *превышает*

численность постоянного населения ближайших сельских населенных пунктов. К сожалению, этот аспект расселения совершенно не учитывается нашей официальной статистикой.

Территориально Воронежский мегаполис приурочен к Северодонскому и Усманско-Воронежскому подрайонам Донского особо перспективного ландшафтно-рекреационного района Воронежской области, характеризуется высокой комфортностью экологических условий жизни населения, однако выделяется высоким уровнем техногенной нагрузки на окружающую среду, особенно в его центральной части [3]. Еюронежская туристская зона, охватывающая весь северо-запад области, - наиболее освоенная туристами часть областной территории, а сам Воронеж выступает главным туристским центром области. Однако в связи с огромным демографическим потенциалом Воронежского мегаполиса для нет на первый план выходит не столько туризм, сколько рекреация. В пределах мегаполиса его постоянное население, в принципе, должно удовлетворять все свои рекреационные потребности в достаточном объеме и соответствующей номенклатуре.

Характерной особенностью формирования расселения населения Воронежской области выступает концентрация населения в локальных системах расселения, ядрами которых выступают средние и полусредние города (Лиски, Россошь, Павловск, Калач, Борисоглебск). Некоторые из них имеют благоприятные перспективы развития в качестве туристских центров. В 2010 г. численность г. Лиски составила 55,8 тыс. человек, то есть осталась неизменной за последний межпереписной период. Однако в локальную систему Лисок входят сельские поселения, ргюположенные в его ближнем и даиьнем пригороде, в которых численность населения выросла за период 2002-2010 годов (Высокинское, Залуженское, Краснознаменное, Нижнеикорецкое, Ка-панищевское и Коломицевское) Эта локальная система расположена в пределах Нововоронежско-Лискинского подрайона Донского ландшафтно-рекреациоиного района и характеризуется высоким уровнем комфортности экологических условий жизни населения. Кроме того, Лиски выступают связующим элементом в линейной системе городов «Острогоже к-Лиски-Бобров», в которой Острогожск и Бобров относятся к категории исторических городов. На основе

этой линейной системы формируется центральная туристская зона, для которой в связи с ее расположением на автостраде «Дон» все большее значение будет приобретать транзитный туризм.

Численность населения г. Павловска в 2010 г. составила 25.1 тыс человек, то есть сократилась на 4,9%. Однако численность населения его пригородных сельских поселений сохранилась на прежнем уровне (Александров-ско-Донское) и даже существенно выросла (Гаврильское, Елизаветовское), в чем прослеживается позитивное влияние ГОКа по добыче и переработке гранитного щебня. Павловская локальная система расселения расположена в пределах Павловского подрайона Донского ландшафтно-рекреационного района и характеризуется самой высокой комфортностью экологических условий жизни населения. Павловская туристская зона имеет большие перспективы для своего развития, в том числе за счет жителей Севера и транзитных туристов по трассе «Дон».

Несколько на особом положении находится Борисоглебская туристская зона, представленная прекрасным лесными и долинными ландшафтами и входящая в Савало-Хоперский ландшафтно-рекреационный район. Однако ее основным недостатком выступает периферийное расположение на стыке Воронежской, Волгоградской, Саратовской и Тамбовской областей, вдали от значительных центров расселения населения. Этим определяется депрессивное состояние ее экономики и населения, в том числе и исторических городов. В 2010 году по сравнению с 2002 годом численность населения г. Бори-соглебска составила 65,5 тыс. человек, то есть сократилась на 5,6%. Численность г. Новохоперска в 2010 г. составляла 6,8 тыс. человек (сокращение на 10,5%), а расположенного рядом Новохоперского городского поселка - 7,5 тыс. человек (сокращение на 3,9%). Пригородные сельские поселения этих городов невелики и также депрессивны. Поэтому оживление Борисоглебской туристской зоны (не смотря на ее высокий потенциал) возможно в более отдаленной перспективе.

Расчет динамики численности населения городских и сельских муниципалитетов за период 2002-2010 гг. позволил выявить обширную группу из 88 сельских поселений Воронежской области, в которых сложилась резко депрессивная демографическая ситуация, где население за межпереписной

период сократилось более чем на 20%. Широкое распространение такие сельские муниципалитеты получили в северных районах области: Грибановский - 12 поселений, Эртильский - 10, Аннинский - 9, Верхнехавский - 7. В Петропавловском районе отмечается 6 таких поселений, по пять поселений -в Калачеевском, Нижнедевицком, Хохольском районах, по четыре - в Бобровском, Панинском, Терновском районах, по три - в Семилукском и Таловском районах, по два поселения - в Новохоперском и Рамонском районах, по одному поселению - в Кантемировском, Каширском, Ольховатском, Павловском, Поворинском, Подгоренском и Репьевском районах.

Их интенсивная экономическая и демографическая деградация ставит проблему поиска направлений активизации, в том числе за счет туристской деятельности. Некоторые из таких поселений обладают для этого необходимыми предпосылками. Это, в первую очередь, относится к сельским поселениям, находящимся в зоне непосредственного влияния Воронежского мегаполиса. Однако и здесь - это весьма непростая задача поиска дополнительных факторов традиционной рекреационно-тури стской деятельности. Так, из 19 депрессивных сельских поселений этой зоны для традиционного туризма и рекреации подходят лишь Горожанское поселение в Рамонском районе, Архангельское и Борщевское поселения в Хохольском районе. Для остальных необходимо искать новые формы, в том числе агротуризма.

Из большого числа депрессивных сельских поселений северных, северо-восточных и центральных муниципальных районов Воронежской области по наличию крупных лесных массивов и больших речных долин интерес для туристской деятельности представляют лишь Рамонское и Старочигольское поселения в Аннинском районе, а также Липовское поселение в Бобровском районе. В Грибановском районе к их числу относятся Большеалабухское, Кутковское поселения, а при изменении режима использования внешнего пояса Теллермановской рощи - Васильевское, Малоалабуховское, Малогрибановское и Нижнекарачанское поселения.

Таким образом, рекреационная деятельность и туризм могут выступать одним из факторов активизации сельских поселений, но для этого требуется проведение специальной областной политики, направленной не только на более полное и рациональное

использование имеющегося туристско-рекреационного потенциала, но и на формирование соответствующих потребностей населения.

Список использованной литературы

1. Атлас Воронежской области. - Воронеж, 1994.
2. Воронежская область. Общегеографическая карта. Масштаб 1:300000.-Омск, 2006.
3. Земля Воронежская / под ред. В.И. Федотова. - Воронеж : Воронежский государственный университет, 2006. - 531 с.
4. Концепция развития внутреннего и въездного туризма в Воронежской области до 2016 года / Департамент по развитию предпринимательства и потребительского рынка Воронежской области. - Воронеж, 2010.
5. Поросенков Ю.В. Теоретическая основы и проблемы современной отечественной рекреационной географии / Ю.В. Поросенков //Рекреационная деятельность в регионе: современные проблемы развития, территориальной организации и управления : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: «Истоки», 2009. - С. 8-12.
6. .Поросенков Ю.В. Туристско-рекреационная деятельность в регионе: основные проблемы исследования и управления / Ю.В. Поросенков // Рекреация и туризм в регионе : современные проблемы развития, территориальной организации и управления : материалы международной научно-практической конференции. - Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет. - 2010. - С 3-6.
7. Поросенков Ю.В. К вопросу об оценке рекреационного потенциала территории / Ю.В. Поросенков, Е.В. Мишон // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «География, геоэкология». - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. - С. 12-16,
8. Поросенков Ю.В. Формирование отечественной рекреационной географии и проблемы социально-экономико-географических исследований рекреационной деятельности / Ю.В. Поросенков, Т.М. Худякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «География, геоэкология». - Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. - С. 5-11

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ[34]

(в соавторстве с Е.В. Мишон)

Переход России к рыночной экономике и ее интеграция в систему мировых финансово-экономических связей поставили перед отечественной рекреационной географией необходимость быстрейшего решения такой непростой задачи, как оценки (в том числе экономической) рекреационного потенциала российских регионов. В научном плане интеграция рекреационной и социально-экономической (общественной) географии делает неизбежным уточнение сущности самого понятия «рекреационный потенциал территории». Это связано с тем, что конкретная практика рекреационных исследований в рамках различных направлений географической науки привела к неоднозначности его понимания.

Во-первых, достаточно часто встречается «узкая», только природоведческая трактовка рекреационного потенциала. Например, Н.Ф. Реймерс под рекреационным потенциалом понимает одно из частных отражений (один из показателей) природно-ресурсного потенциала, как ту или иную степень способности природной территории оказывать на человека связанное с отдыхом положительное физическое, психическое и социально-психологическое воздействие. С нашей точки зрения, в соответствии с комплексной географической системно-структкурной методологией в состав рекреационного потенциала должны входить все

объекты рекреационной деятельности - не только природные, но и исторические, и социально-культурные, т. е. различного рода достопримечательности, обладающие аттрактивностью - привлекательностью для рекреационной деятельности.

Во-вторых, в конкретных региональных географических работах весьма часто рекреационный потенциал территорий выполняется в виде некоего кадастра, то есть исчерпывающей и

[34] К вопросу об оценке рекреационного потенциала территории / Ю.В. Поросенков, Е.В. Мишон // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2009 .— № 2. - С. 12-15

систематизированной сводки данных обо всех объектах и явлениях, представляющих рекреационный интерес, но без их сравнительной оценки.

Прежде, чем выходить на понимание сущности рекреационного потенциала территории, рассмотрим сам термин «потенциал». Как следует из «Большого энциклопедического словаря» [2], «потенциал (от латинского слова potentia - сила)» -источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели. «Современный словарь иностранных слов» [10] определяет потенциал как совокупность имеющихся средств, возможностей в какой-либо области, а академический «Словарь русского языка» [9] под потенциалом определяет совокупность всех средств, запасов, источников, которые могут быть использованы в случае необходимости с какой-либо целью. По мнению Э.Б. Алаева, потенциал это возможность, реализацию которого требует нестандартного подхода, дополнительные условия [1].

С учетом всех этих соображений в качестве основы для последующих исследований можно взять понимание рекреационного потенциала как совокупности природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок для организации рекреационной деятельности на определенной территории [7]. Оценка рекреационного потенциала территории должна учитывать не только сами рекреационные объекты, но и потребности рекреантов, возможности рекреационной инфраструктуры, организационные особенности и задачи органов управления рекреационной деятельностью. В этом случае речь может идти о современном рекреационном потенциале территории, фактически сложившимся на момент его исследования, и о перспективном рекреационном потенциале исследуемой территории, которого можно достичь при реализации проектных решений по его улучшению.

В процессе своего использования рекреационный потенциал территории характеризуется такими важнейшими параметрами, как нагрузка, емкость и уровень использования. Под рекреационной нагрузкой понимается фактически сложившаяся численность рекреантов в течение года или периода в расчете на площадь региона, или численность обслуживающего персонала, или имеющиеся мощности рекреационной инфраструктуры. Под

рекреационной емкостью понимается предельно возможная рекреационная нагрузка, превышение которой приводит к регрессии как отдельных элементов, так и всей рекреационной системы в целом. В этом случае уровень использования рекреационного потенциала территории понимается как отношение ее фактически сложившейся нагрузки и возможной емкости.

Сложная структура рекреационного потенциала территории создает весьма непростое решение проблем его оценки. В самом общем виде, как следует из академического «Словаря русского языка» [9], оценка - это мнение, суждение о качестве, достоинстве, значении. «Большой энциклопедический словарь» [2] определяет оценку как отношение к социальным явлениям, человеческой деятельности, поведению, установление их значимости, соответствия определенным нормам и принципам морали. Поэтому оценка определяется социальной позицией, мировоззрением, уровнем культуры, интеллектуального и нравственного развития человека. Необходимым элементом правильной оценки при этом выступает учет мотивов, средств и целей действия, его условий и места в системе поведения личности. Теория географических оценок основывается на углублении анализа различных аспектов взаимодействия в рамках геосистем, в том числе и территориальных рекреационных систем. В этом плане оценка рекреационного объекта или рекреационной территории является экспертной процедурой, проводимой для установления его иерархического положения в общей системе рекреационной деятельности

С позиции теории географических оценок в оценке рекреационного потенциала территории выделяются три их основных вида: технологическая оценка, экономическая и антропоэкологическая. При технологической (или производственной) оценке выявляется мера пригодности тех или иных природных, культурно-исторических и экономических объектов для рекреационной деятельности с учетом современных или перспективных технологий их использования. Целью экономической оценки рекреационного потенциала территории выступает определение уровня экономической эффективности освоения рекреационных ресурсов, поэтому она имеет стоимостное выражение. Антропоэкологическая оценка рекреационного потенциала территории исходит из критериев

сохранения и даже приумножения рекреационных ресурсов. При этом одним из ее критериев выступает определение предельно допустимого уровня антропогенного воздействия.

Технологическая оценка рекреационного потенциала территорий может выполняться на качественном и количественном уровнях. Качественная оценка отдельных рекреационных объектов и рекреационных территорий выполняется по принципу «пригоден - не пригоден», «благоприятен -неблагоприятен», но может выполняться с использованием количественных показателей (баллы, ранги, рейтинги). Если в основу качественной оценки отдельных элементов и подсистем рекреационных территорий может быть использована методика отраслевых физико-географических, экономико-географических и социально-географических характеристик и описаний, но через призму пригодности для осуществления той или иной рекреационной деятельности, то для комплексной оценки локальных и региональных объектов требуется более сложная методика.

В современный отечественной рекреационной географии широко используется типологический подход в качественной оценке тех или иных объектов. Так, в зависимости от функционального характера используемых природных территорий выделяются такие типы, как ландшафтный парк, лесопарк, памятник природы, микрозаказник, микрозаповедник, заказник, национальный парк, природный заповедник, биосферный заповедник и т.д. Этот же принцип в отношении исторических и социально-культурных объектов позволяет различать аналогичные типы, как памятник истории и культуры, усадьба, архитектурный ансамбль, мемориальный ансамбль, исторические города и местности, а по их значимости выделяют памятники всемирного, национального и местного культурного наследия. Среди лечебно-оздоровительных местностей выделяются курорты, дома отдыха, пансионаты, детские лагеря и т.д. Для комплексной оценки рекреационного потенциала все объекты рекреационной деятельности подразделяются на функциональные группы, внутри которых они, в свою очередь, классифицируются по территориальной значимости: мирового, национального (странового), регионального и местного значения. В этом случае для комплексной оценки применим метод баллов. Если же для

оценки отдельных элементов рекреационного потенциала территорий используются количественные показатели и их территориальные группировки, то применяется метод рангов.

В рамках физико-географических исследований рекреационного потенциала территорий весьма широко используется ландшафтная методология [3, 6]. Ее сущность сводится к тому, что на исследуемой территории осуществляется ландшафтное районирование или типология ландшафтных комплексов. Следующим этапом выступает оценка их пригодности к осуществлению тех или иных видов рекреационной деятельности. На такой основе может проводиться специальное рекреационное районирование или рекреационная типология более дробных ландшафтных комплексов. Принимая такой подход, необходимо помнить об его ограниченности, поскольку он оставляет за своими границами культурно-исторические и экономические объекты рекреации. Для преодоления такой ограниченности необходимо выходить на концепцию и «культурного ландшафта», в рамках которой ландшафт включает не только природные, но и культурно-исторические, и экономические объекты рекреационной деятельности. Для усиления социальных аспектов оценки рекреационного потенциала территорий применяется специальная методика оценки привлекательности (аттрактивности) тех или иных ландшафтов, которая основывается на их пейзажности. Не возражая против такого подхода, следует обратить особое внимание на учете различий в эстетичности различных социальных и этнических групп населения.

Пожалуй, наиболее сложной научной проблемой в исследовании рекреационного потенциала территорий выступает его экономическая оценка. Во-первых, это связано с некоторой неопределенностью разграничения рекреационной, хозяйственной и бытовой деятельности. Особенно это касается инклюзивной рекреации, встроенной в ежедневную бытовую и трудовую деятельность, и даже значительной части рекреационной деятельности, реализуемой в рамках уик-энда (поездки на природу за город - в лес, на речку, отдых вперемежку с работой на даче). В более широком плане вообще не решена проблема экономической оценки рекреации в обеспечении здоровья и необходимого уровня трудоспособности населения. Поэтому в принципе возможна «широкая» и «узкая» трактовка экономической оценки рекреационного потенциала территорий. Широкое понимание

экономической оценки исходит из экономического определения стоимости здоровья, трудоспособности. Она возможна на основе сложной системы расчетов лишь для страны в целом и ее крупных регионов, например субъектов РФ. Следовательно такой подход в целом находится за пределами массовых рекреационно-географических исследований. Узкая трактовка экономической оценки рекреационного потенциала строится на основе исследований конкретных предприятий, учреждений, фирм, центров, которые на территории изучаемых регионов профессионально занимаются рекреационным обслуживанием населения и к которым применимы такие категории их экономической деятельности, как стоимость и структура основных производственных фондов, производственный персонал, производительность труда, валовая и чистая продукции, а в целом по стране и регионам - национальный и региональный доход.

Во-вторых, экономическая оценка рекреационного потенциала территорий должна включать оценку не только самих объектов рекреации, но и всех элементов и подсистем территориальных рекреационных систем. Важнейшим аспектом решения этого вопроса выступает определение аттрак-тивности конкретных объектов рекреации и их территориальных сочетаний (например, маршрутов экскурсий, туристских туров, курортных карт) для конкретных социально-возрастных, образовательно-профессиональных, территориально-этнических и конфессиональных групп населения как страны, так и иностранцев. Это связано с тем, что традиционно сложившаяся в отечественной науке оценка рекреационного потенциала территорий в виде исчерпывающего рекреационного кадастра рассчитана больше на рекреантов, профессионально подготовленных в этой области. Немаловажный стороной оценки помимо аттрактив-ности рекреационных объектов выступает определение финансовых возможностей рекреантов, что весьма существенно в условиях современного мирового финансово-экономического кризиса. С этим аспектом связана экономическая оценка рекреационной инфраструктуры, степени ее соответствия потребностям рекреантов, что в целом определяет не только объемы, структуру рекреационных потоков, но и саму возможность рекреационной деятельности. Такой подход должен включать оценку не только материально-технической базы рекреации, но и оценку ее кадрового потенциала, всех систем и

служб, необходимых для функционирования территориальных рекреационных систем.

Таким образом, реальная оценка рекреационного потенциала конкретных территорий требует дальнейшего совершенствования ее теоретических и методических основ, что возможно лишь в процессе внутригеографической интеграции с использованием опыта других рекреалогических наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. -М.: Мысль, 1983. - 350 с.

2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Большая Рос. энцикл., 1998. - 1434 с.

3. Жердев В.Н. Научные основы рекреационного природопользования Воронежской области / В.Н. Жердев, Т.В. Зязина. - Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2003. - 164 с.

4. Кусков А.С. Рекреационная география : учеб.-метод. комплекс /А.С. Кусков, В.А. Голубева, Т.Н. Одинцова. - М.: Флинта; МПСИ, 2005. - 496 с.

5. Мироненко Н.С. Рекреационная география / Н. Мироненко, И. Твердохлебов. - М.: Изд-во МГУ, 1981. - 208 с.

6. Михно В.Б. Рекреационная география России: (природоведческий аспект): учеб. пособие для вузов / В.Б. Михно. - Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. - 180 с.

7. Николаенко Д.В. Рекреационная география: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Д.В. Николаенко. - М.: Гуманит. издат. центр «ВЛА-ДОС», 2001. - 288 с.

8. Рекреационные ресурсы СССР: проблемы рационального использования / отв. ред. Ю.А. Веденин. -М.: Наука, 1990. - 168 с.

9. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. - 3-е изд., стереотип. - М.: Рус. язык, 1985-1988. - Т. 3. - 1982.

10. Современный словарь иностранных слов. -СПб.: Дуэт, 1994. - 752 с.

11. Теоретические основы рекреационной географии / отв. ред. В.С. Преображенский. - М.: Наука, 1975. - 245 с.

VI. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ

ГЛАВА I
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАЙОН

Построение материально-технической базы развитого социализма в СССР, сопровождающееся всемерным внедрением результатов и достижений научно-технической революции, ставит в практическую плоскость решение одного из основных вопросов современного социального и экономического развития — полное овладение механизмами их регулирования. Не случайно в связи с этим исключительную актуальность в советской науке получили исследования проблем управления. Однако успешное их решение возможно лишь на основе фундаментальных теоретических исследований. Не последнюю роль здесь играет изучение закономерностей и законов развития процессов, которые отражают глубинные, внутренне необходимые связи явлений. Актуальность такого подхода вытекает из решения XXVII съезда КПСС: «Основной задачей советской науки является дальнейшее расширение и углубление исследований закономерностей природы и об- щества…» [11, с. 213]. Этот общественный заказ, сформулированный партийным директивным органом, определил основное направление научных поисков.

Советская экономическая география, развивающаяся на стыке географических, экономических и социальных наук, в последние десятилетия достигла значительных результатов. Сегодня в ее развитии можно выделить два основных направления - вглубь и вширь[35]. Первое из них представлено, главным образом, учением о территориальных совокупностях производства различных

[35] Здесь мы специально не рассматриваем проблемы внедрения математических методов в экономико-географические исследования. Хотя системно-структурный математический подход прежде всего характеризует развитие экономической географии вглубь, однако эти методы успешно используются и в процессе исследования ее новых частных объектов и проблем.

иерархических рангов — территориальных производственных комплексах (ТПК). Созданное на основе системно-структурного анализа научное понятие о ТПК явилось фундаментальным инструментом исследования процессов районообразования. Второе направление в экономической географии связано со стремлением выйти за пределы традиционного объекта — размещения производства. Уже в настоящее время в круг интересов экономической географии (помимо условий, особенностей и 398аконномерностей размещения производства и его территориальных комплексов) входят 'проблемы географии населения и расселения, территориальной организации непроизводственной сферы, социальной жизни и многое другое.

Расширение объекта исследований экономической географии предопределяется, во-первых, объективным процессом научного познания мира. Все более глубокое исследование причин того или иного формирования территориальной организации производства приводит к необходимости более тщательного учета факторов, лежащих за пределами общественного воспроизводства в собственном смысле слова. Во-вторых, развитие экономической географии вширь вызывается появлением новых, пограничных с нею дисциплин, а следовательно, формированием новых перспективных научных «стыков», обладающих тенденцией к ускоренному развитию. В-третьих, обе выше отмеченные тенденции развития экономической географии получили возможность проявить себя лишь на фоне все расширяющегося общественного заказа этой науке. Если в прошлом такой общественный заказ состоял в выработке и эффективном применении методов регулирования территориальной организации производительных сил, производства, то в настоящее время перед экономической географией стоит задача обоснования методов управления территориальной организацией всей общественной жизни. Следовательно, развитие экономической географии вширь представляет собой объективный процесс.

Экономическая география в нашей стране в настоящее время переживает переломный этап развития, который характеризуется сменой научной парадигмы, или системы научных представлений и взглядов. Такая смена научных представлений возможна лишь в рамках общей марксистско-ленинской методологии научных исследований. Как и всякая смена научной парадигмы, развитие

идей экономической географии протекает в процессе острых теоретических споров.

В плане концепции расширения объекта исследования южно более объективно подойти и к определению предмета экономической географии. Еще в 1927 г. /Н. Н. Баранский определил ее как науку «о размещении хозяйства по земной поверхности» [26, с. 11], понимая под экономическими явлениями не только производство, потребление и перемещение продукции, но и формы хозяйства. Следовательно, объектом экономической географии Н. Н. Баранский считал общественное воспроизводство в его территориальных формах. В то же время он указывал на необходимость исследования «самого производителя, т. е. человека со всем его своеобразием от места к –месту» [26, с. 80].

Объект экономической географии был официально определен в 1955 г. В решении II съезда Географического общества СССР: «Большое значение среди географических наук приобрела экономическая география, являющаяся общественной наукой, изучающей географическое размещение производства (понимаемого как единство производительных сил и производственных отношений), условия и особенности его развития в различных странах и районах» [133, с. 97]. Это определение является коллективным выражением мнения многих ученых.

Расширение объекта исследования экономической географии вызвало ряд новых трактовок этой науки. Так, Б. Н. Семевский отмечает, что «в системе географических наук экономическая география является социальной наукой, изучающей закономерности размещения общественного производства во всей сложной системе влияющих на него факторов, особенности проявления этих закономерностей по странам и районам» [139, с. 63]. Признавая весьма важным включение в определение экономической географии основной цели исследования — изучения ее закономерностей, мы в то же время считаем, что определение этой науки Б. Н. Семевским не соответствует ее новым задачам. В отличие от официального определения, экономическая география в системе географических дисциплин трактуется как социальная наука (и определении 1955 г. — общественная), кроме того подчеркивается сложность, системообразность факторов размещения общественного

производства Однако по-прежнему объектом исследования экономической географии названо размещение общественного [производства, в то время как многие отраслевые экономико-географические науки уже далеко вышли за пределы рассмотрения только этой проблемы.

Более кардинально к пересмотру определения экономической географии подошел Ю. Г. Саушкин. По его мнению, «экономическая география — это наука о процессах формирования, развития и функционирования территориальных социально-экономических систем и об управлении этими системами» [136, с. 5]. С нашей точки зрения, это определение в большей степени соответствует сущности современной экономической географии, поскольку полностью охватывает объект ее исследования. Ценной стороной этого определения является и трактовка объекта экономической географии с позиции системно-структурного анализа, диалектический подход и четкое указание на конечную цель исследования — выработку рекомендаций по управлению территориальными социально – экономическими системами.

Однако это новое, более широкое определение объекта экономической географии вызывает возражение со стороны традиционно мыслящих исследователей, которые считают, что оно уводит экономическую географию от решения главной ее задачи — исследования закономерностей размещения общественного производства. В этом возражении есть доля истины. Даже если считать предметом экономической географии территориальные системы общественного производства различных иерархических уровней, то задача их исследования далеко еще не решена и не может быть решена к какому-то конкретному сроку: процесс познания бесконечен, а территориальные системы общественного производства находятся в развитии. Поэтому задача изучения закономерностей размещения общественного производства (или его территориальных систем различных иерархических рангов) по-прежнему остается стержневой проблемой современной экономической географии.

Выход из создавшегося положения заключается в том, чтобы признать образование более широкой научной общности, чем экономическая география. Процесс внутренней дифференциации экономической географии отчетливо проявился еще в конце

прошлого века. В настоящее время особенность этого процесса заключается в том, что экономическая географии, внутри которой развивается группа отраслевых экономико-географических дисциплин, таких, как экономическая оценка природных условий и ресурсов, география промышленности, география сельского хозяйства, география транспорта и т. д., в свою очередь, превратилась в составную, хотя и стержневую, часть более широкой научной системы — социально-экономической географии. Возможность такого развития экономико-географической науки предвидел II. Н. Баранский. В 1947 г. Он писал: «…за последние годы начинает отрастать молодая поросль географии населения, которая своей собственной «жилплощадью» еще не обзавелась и существует внутри экономической географии» [26, 185]. В настоящее время со .всей определенностью можно оказать, что собственной «жилплощадью» обладает не только география населения, но и география обслуживания, рекреационная география, хотя они и сохраняют тесные связи с экономической географией в узком смысле этого слова.

Социально-экономическую географию /признает все большее число исследователей. Так, С. Я. Ныммик считает ее наукой о социально-экономических пространственных системах, включающих все виды деятельности общества в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Важно при этом отмерить, что общей методологической основой социально-экономической географии является признание определяющей роли общественного производства в формировании территориальных социально-экономических систем [108, с. 45—49; 107, с.31].

Болгарские географы М. Бачваров и Т. Христов отмечают, что теории и практике современных экономико-географических исследований присущ один и тот же недостаток — их предмет ограничивается только производством и лишь отдельными элементами непроизводственной сферы – и что такое ограниченное изучение не дает реальных результатов. Эти авторы также приходят к выводу, что в настоящее время, по существу, происходит трансформация экономической географии в социально-экономическую [28, с. 75]. В то же время они замечают, что смена названия не имеет реального смысла, если не будет вложено и новое содержание.

Концепция социально-экономической географии получает все более широкое распространение, подтверждением чему является Первое Всесоюзное совещание-семинар по проблемам развития и совершенствования преподавания экономической географий в университетах Советского Союза, проведенное в мае 1978 г. На базе геофака МГУ. Таким образом, формирование социально-экономической географии в нашей стране — объективно происходящий процесс, и его необходимо использовать для более глубокого исследования действительности. То или иное отношение к этому явлению неизбежно скажется и па позициях нашей пауки. Центробежные тенденции в современной экономической географии .могут привести к ослаблению связей отдельных ее частей, в силу чего они попадут в орбиту влияния сопредельных негеографических наук. Поскольку все составные части современной экономической географии имеют единую методологическую основу, вряд ли можно признать эту тенденцию рациональной. Более эффективным, с нашей точки зрения, является такой вариант развития исследуемой науки, когда все ее составные части, сохраняя известную самостоятельность, своими результатами и открытиями «работают» на весь комплекс социально-экономической географии.

Что же следует понимать под социально-экономической географией? В определении этой науки, как нам представляется, необходимо отразить ее внутреннюю структуру, объект, главную и конечную цели, основную методологическую линию исследования. Внутренняя структура социально-экономической географии определяется тем, что она формируется как единый комплекс самостоятельных научных дисциплин в процессе трансформации экономической географии. Объект исследования этой пауки — территориальные социально-экономические системы. Главная цель географического исследования заключается в выявлении закономерностей и тенденций их формирования и развития. Конечная цель — выработка принципов, рекомендаций, а следовательно, и участие в управлении территориальными социально-экономическими системами. Основная методологическая линия географических исследований, которая позволяет четко определить границы социально-экономической географии, - определяющее влияние общественного производства в процессе формирования

территориальных социально-экономических систем. Следовательно, **под социально-экономической географией** автор понимает **весь комплекс наук, складывающийся в результате трансформации экономической географии, изучающий в целях наиболее эффективного управления закономерности, тенденции, условия и факторы развития территориальных социально-экономических систем, возникающих в процессе функционирования общественного производства.**

Какие научные дисциплины входят в состав социально-экономической географии? Ответить на этот вопрос непросто, поскольку социально-экономическая география находится в процессе формирования. Не беря на себя смелость определения дальнего прогноза развития этой научной общности и принимая во внимание реально складывающуюся ситуацию, мы включаем в состав социально-экономической географии следующие науки: экономическую географию в узкой ее трактовке как географию хозяйства, географию населения, географию обслуживания, политическую географию, социальную географию, рекреационную географию. К настоящему времени степень развития этих научных дисциплин неодинакова. Если экономическая география, являющаяся «материнской» наукой для всех остальных, обладает зрелой методологией, методикой и практически важными результатами исследований, то география населения, география обслуживания и рекреационная география находятся на этапе формирования методологии. Что же касается политической географии, то, несмотря на настоятельную необходимость ее ускоренного развития, она не существует еще в качестве самостоятельной научной дисциплины [81, с. 32]. В самое последнее время была сделана научная заявка на развитие социальной географии, объектом которой являются территориальные общности людей [51, с. 53—61; 52, с. 427]. Хотя эта научная дисциплина трактуется пока как ветвь географии населения, дальнейшее ее развитие будет приводить к все большему обособлению.

Представленная структура социально-экономической географии в основном совпадает с уже существующими в советской научной литературе. Например, М. Ф. Грин выступает с обоснованием понятия «социальная география» (в нашем представлении — социально-экономическая) — наука о

территориально-временной организации общества. В составе социальной географии он выделяет два главных раздела: экономическая география и география населения [44, с. 22- 26]. О формировании разветвленной системы общественно-географических паук пишет *Б.* С. Хорев. По его мнению, в эту новую научную общность входят собственно экономическая география, география народонаселения, география обслуживания, политическая и культурная география [141, с, 176]. С. А. Ковалев внутри социально-экономической географии (сам автор употребляет термин «экономическая география» **в** широком его понимании как социально-экономическая география) выделяет следующие самостоятельные ее части: география хозяйства, география населения, география потребления, география обслуживания, рекреационная география [73, с. 8]. По мере развития социально-экономических исследований структура этой научной общности будет все более усложняться.

Представленная структура социально-экономической географии имеет непосредственное отношение и к ее региональной части. Поддерживая вывод А. М. Колотиевского о бесперспективности универсальной региональной науки и о существовании системы региональных наук [79,с.33], можно заметить, однако, что в выделенной этим исследователем группе предметных общественных наук (региональная геоэкономика, региональная экономическая география, региональная экономика, региональная социология, региональная социальная география, региональная политическая география, региональная история, региональная история народного хозяйства, региональная историческая география, региональная демография[36], региональная география культуры, региональная этнография) отношения их друг к другу явно не равнозначны, поскольку они входят в различные более широкие научные системы. И наиболее представительной среди них (что вытекает из методологии исследования) является система социально-экономической географии.

Если исходить из концепции социально-экономической географии, сразу возникает вопрос об объективности

[36] Нам представляется неудачным выделение такой науки, поскольку j этот термин маскирует различие между географией населения и действительной региональной демографией

существования социально-экономических районов. Не вызывает сомнения, что каждая составная часть социально-экономической географии разрабатывает свод, собственные представления о районировании, совершенствует методику выделения экономических, политических, социальных, рекреационных районов, районов расселения и обслуживания. В основе их выделения лежат объективно существующие специфические территориальные системы. Проблема заключается в том, существуют ли интегральные социально-экономические районы, адекватные этой новой общности наук.

К настоящему времени в экономической географии уже накопилось достаточно фактов, чтобы ответить на этот вопрос утвердительно. Например, С. Я. Ныммик разработала методику выделения внутриреспубликанских районов подобного типа. М. Бачваров и Т. Христов утверждают, что понятие экономического района в узком значении этого слова не соответствует реально протекающим процессам интегрального районирования, которое носит четко выраженный социально-экономический характер.

Таким образом, параллельно с трансформацией экономической географии в социально-экономическую происходит (аналогичная трансформация интегральных экономических районов. Т. М. Калашникова, например, пишет: «Естественно интегральный экономический район является более сложным образованием, чем отраслевые районы… При интегральном районировании это будет **народнохозяйственный комплекс, охватывающий все стороны деятельности общества**» (выделено нами. — *Ю. П.)* [65, с. 35]. Это подтверждает и вся история советского экономического районирования. В условиях общественной собственности на средства производства и планового характера ведения хозяйства экономическое районирование является не только средством познания действительности, но и одним из методов управления развитием общественно-экономических процессов. Поэтому методология советского экономического районирования не могла строиться только на учете одних экономических факторов районообразования (таких, как специализация, комплексность развития хозяйства и т. д.). Еще методология госплановского районирования 20-х гг. включала в себя учет таких социально-экономических принципов, как единство административно-

территориального и экономического районирования, национально-политического государ-ственного устройства, использование в процессах районообразования ведущей роли индустриальных рабочих центров [20, с. 116, 122]. В последующем в результате формирования районов их социально-экономический характер значительно усилился. Это было связано с тем, что в своей практической деятельности советские государственные органы использовали метод районирования не только в целях наиболее рационального размещения производительных сил по территории нашей страны, но и для более рациональной территориальной организации всей общественной жизни. Достаточно, например, назвать хотя бы одну такую важнейшую проблему, как планомерное преодоление исторически сложившихся различий в жизненном уровне населения. Кроме того, социально-экономический характер основных экономических районов страны постепенно усиливался по мере формирования территориальных систем расселения и обслуживания. Все это позволяет сделать вывод, что современные интегральные экономические районы страны по существу протекающих процессов имеют социально-экономический характер. Вместе с тем мы не отрицаем правомерности экономического (экономико-географического) районирования в собственном смысле этого слова. Наиболее ясно этот подход проявляется при выделении отраслевых производственных районов.

ГЛАВА II
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАЙОН КАК СЛОЖНАЯ СИСТЕМА

Социально – экономический район — одна из форм территориальной организации общественной жизни и, следовательно относится к классу сложных систем. Поэтому одной из задач географического изучения является исследование внутренней структуры социально-экономических районов, или определение самостоятельно функционирующих его подсистем. Хотя проблемам экономического (социально-экономического) районирования посвящена огромная научная литература, вопрос о структуре районов относится к числу дискуссионных. Так, Т. М. Калашникова считает, что экономический район представляет собой совокупность производительных сил, производственных отношений и надстройки [65,с. 3]. Следовательно, по ее мнению, задача экономического районирования заключается в анализе территориальной дифференциации трех вышеназванных сфер. По Э. Б. Алаеву, экономический район складывается из следующих «элементов общественных и естественных производительных сил»: непосредственно производства, трудовых, природных ресурсов, непроизводственной сферы, территории (понимается как территориально-производственная [17,с. 25]. По мнению М, М. Паламарчука и Н. П. Процко, экономический район объединяет в себе производство материальных благ, природные ресурсы, население и трудовые ресурсы, а также непроизводственную сферу [144, с. 30]. Авторы подчеркивают, что каждая из этих составных частей района должна рассматриваться как соответствующий комплекс. Как видим, в определении состава социально-экономического района при некоторых общих подходах наблюдается м местная противоречивость.

Определение структуры социально-экономического района относится к числу фундаментальных проблем нашей науки, поскольку в значительной степени предопределяет весь ход последующего исследования. Выделенные подсистемы социально-экономического района должны, во-первых, характеризоваться внутренним единством, а во-вторых, различаться | специфическими «механизмами» собственного развития. Поэтому подсистемы социально-экономического района

различаются факторами формирования и являются объектом исследования различных научных дисциплин.

В основу исследования внутренней структуры социально-экономического района как территориальной общественной системы должна быть положена методология марксистско-ленинского исторического материализма, которая позволяет выявить значение отдельных понятий и принципов в социально-экономическом развитии. Подходя с общенаучных методологических позиций, мы внутренне (структурно) подразделяем социально-экономический район как сложную систему на 4 самостоятельные подсистемы: 1) общественное производство, 2) народонаселение, 3) природная (географическая) среда, 4) общественная надстройка[37]. Внутренняя структура социально-экономического района определяет формирование комплекса региональных наук, каждая из которых занимается исследованием процессов развития какой-то определенной его подсистемы. Особое положение в этом комплексе наук учение о районообразовании, или социально-экономико-географическая районология, которая исследует процессы формирования и закономерности развития района в целом, а следовательно, охватывает и процессы взаимодействия его подсистем. Поэтому с позиции социально-экономико-географической районологии район как территориальная система состоит из 4 подсистем: 1) районного хозяйственного комплекса, 2) районного комплекса расселения, или единой системы расселения, 3) районной социально-политической общности, 4) опосредствованного хозяйством комплекса природных предпосылок.

Выделенные подсистемы социально-экономического района, характеризуясь собственными внутренними структурами, факторами и закономерностями развития, находятся в тесной взаимосвязи. Связующими звеньями- являются элементы межсистемного значения, т. е. одновременно входящие в

[37]Американский географ Р. Тейта [143, с. 52] также рассматривает район как сложную систему, состоящую из 4 подсистем: природной, экономической, социальной и политической. Однако в данном случае не может быть речи об аналогичности взглядов, поскольку эти выводы касаются районов различных типов. Так, в первом случае рассматривается район социально-экономический, а во втором — общегеографический

несколько подсистем. Например, общим элементом районного хозяйственного комплекса и единой системы расселения являются трудовые ресурсы; районный хозяйственный комплекс и районный природный комплекс имеют много общих элементов в процессе использования природных условий и ресурсов; в свою очередь, районный природный комплекс взаимосвязан с районной социально-политической общностью посредством государственных учреждений, управляющих использованием природных ресурсов и охраной природной среды. Следовательно, элементы межсистемного значения выступают в роли своеобразных передаточных механизмов, при помощи которых внутренние процессы развития каждой из подсистем становятся общим состоянием всей социально-экономической системы.

ТПК – ведущая подсистема социально-экономического района

Сердцевиной исследования социально-экономического района является изучение районных хозяйственных комплексов, ибо развитие общественного воспроизводства, способ производства определяют все другие стороны функционирования территориальных социально-экономических систем. Основываясь на методологии марксистско-ленинской общественной науки, принципиально важно подчеркнуть следующие моменты экономико-географических исследований: районные хозяйственные комплексы рассматриваются в неразрывной связи производительных сил и производственных отношений; районные хозяйственные комплексы охватывают весь процесс общественного воспроизводства.

Необходимость категоричного подчеркивания столь широко известного принципа исследования экономических явлений вызывается тем, что в экономической географии, по крайней мере в прошлом, существовала тенденция ограничивать объект исследования производительными силами. Она вызывалась, с нашей точки зрения, следующими причинами. Определенная часть экономико-географов видела в этом разграничение объектов исследования экономической географии и экономики (в их представлении экономическая география изучает территориальные системы производительных сил, а экономика исследует

производственные отношения; не случайно такой подход использовался в попытках разграничимте экономической географии и региональной экономики).

В советской общественной науке прошлого существовало догматическое представление о сущности производственных отношений, которые сводились только к их базису - отношениям собственности на средства производства[38], а поскольку в условиях развитого социализма нет существенных региональных различий в формах собственности на средства производства, то и исследование территориальных различий производственных отношениях выпало из поля зрения части ученых.

В настоящее время исследование территориальных хозяйственных систем с точки зрения единства производительных сил и производственных отношений превратилось в одну из первоочередных проблем нашей науки. Необходимость проведения конкретных региональных исследований с указанных методологических позиций вызывается следующими причинами.

1. В любой экономической науке (а экономическая география и в систему экономических наук) принципиально нельзя исследовать процессы развития и размещения производительных сил вне рамок производственных отношений, ибо тем самым разрушается неразрывное целое - общественное производство. Не случайно в связи с этим в экономической географии мало внимания уделяется исследованию закономерностей изучаемых явлений.

2. Производственные отношения даже в условиях развитого социализма имеют явный региональный аспект и находят свое выражение в таких факторах районообразования, как территориальная дифференциация цен и тарифов, та или иная система распределения национального дохода, рентные отношения [105, с. 34]. Этот механизм экономического руководства развитием и размещением общественного производства почти не исследовался экономико-географами; не случайно он берется на вооружение региональной экономикой.

3. Игнорирование производственных отношений в конкретных экономико-географических исследованиях приводит к

---

[38] Критика такого подхода содержится, например, в одной из последних монографий кафедры марксистско-ленинской политэкономии Академии общественных наук **при** ЦК КПСС [55 с. 334].

тому, что в них, как травило, не рассматриваются проблемы управления в их отношении к размещению производи тельных сил. В то же время в связи с осуществлением хозяйственной реформы происходят очень важные изменения в территориальной организации общественного производства, которые еще не стали объектом экономико-географических исследований.

4. Необходимо ликвидировать разрыв -между общими теоретическими установками и конкретными практическим ; исследованиями. Напомним, что в определении экономической географии географическим съездом в 1955 г. специально подчеркивалось положение о единстве производительных сил и производственных отношений.

5. Быстро развивается «конкурирующее» научное направление - региональная экономика, которая использует не только «организационную» бедность экономической географии (отсутствие научно-исследовательских институтов и лабораторий в академической системе и их крайняя ограниченность в вузовской), но и ее некоторые просчеты в методологической области. Поскольку региональная экономика еще только формируется как самостоятельная научная дисциплина, для некоторых ее теоретиков характерно стремление к расширительной трактовке объекта исследований за счет экономической географии. Например, академик Н. Н. Некрасов считает, что «...научной основой экономической географии» должны быть «...глубокое и всестороннее изучение природных комплексов и особенно оценка природных условий территорий...» [105, с. 31]. Нетрудно заметить, что в случае реализации подобного пожелания экономическая география уступит региональной экономике основную часть традиционно рассматриваемых явлений и потеряет научную самостоятельность. Во 2-м издании монографии Н. Н. Некрасов уже абсолютно правильно считает оценку природных условий территорий «одним из важных направлений (а отнюдь не научной основой. - Ю. П.)... исследований экономической географии» [105, с. 39].

Однако экономико-географы и организационно, и теоретически должны быть готовы к тому, что в условиях научного разделения труда параллельно с экономико-географическими исследованиями будут все более широко вестись региональные экономические изыскания, причем рассматриваемые

проблемы будут в значительной степени совпадать. Например А. М. Колотиевский следующим образом разграничивает предметы исследования экономической географии и региональной экономики: предметом исследования первой из них являются «...структура, динамика и взаимодействие региональных систем производительных сил в связи с развитием производственных отношений...», а предметом второй - «...структура, динамика и взаимодействие региональных систем производственных отношений в связи с развитием и размещением производительных сил...» [79, с. 36], что представляет собой, делает вывод автор, две стороны одной и той же медали.

В условиях параллельного существования наук, когда предметы их исследования во многом совпадают, а методологическая база характеризуется определенной общностью, каждая из них отстаивает право на существование прежде всего результативностью и практической применимостью как теоретических, так и конкретных региональных исследований. В связи с этим жизненно важным для экономической географии является включение в круг исследуемых вопросов проблем территориального хозяйственного (и шире—социально-экономического) управления. В противном случае экономическая география превратится в чисто вузовскую науку, да и то лишь на факультетах с педагогическим профилем. Аналогичное поражение региональной науки исключено, потому что она возникает в своеобразной «экологической нише» научных экономических исследований и их практического применения.

Исследование хозяйственного комплекса социально-экономического района (в отличие от других его подсистем) давно уже находится в центре внимания советской экономико-географической и экономической науки. Учение о ТПК, которое было создано в послевоенный период, олицетворяет стержневое, генеральное направление в развитии методологии советского экономического районирования. Перефразируя слова В. Бунге, можно даже сказать, что экономическая география, несомненно, относится к числу фундаментальныл наук, если она смогла создать такое емкое, синтетическое понятие.

Впервые идея ТПК была обоснована видным советским, теоретиком в области экономической географии Н. Н. Колосовским. «Производственным комплексом, - по мнению этого

исследователя, — называется такое экономическое (взаимообусловленное) сочетание предприятий в одной промышленной точке или в целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного (планового) подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным экономико-географическим положением» [77, с. 138]. В последующем учение о ТПК было развито в работах Н. Т. Агафонова, Э. Б. Алаева, П. М. Алампиева, М. К. Бандмап Т. М. Калашниковой, О. А. Кибальчича, А. Г. Лиса, Н. Н. Некрасова, И. В. Никольского, М. М. Паламарчука, А. Е. Про ста, Ю. Г. Саушкина, Е. Д. Силаева, М. Н. Степанова, А. Т. Хрущева и др.

В то же время нельзя не согласиться с мнением М. К. Бандмана, что в нашей литературе еще нет общепринятого представления о месте ТПК в системе территориального разделения труда, перспективного планирования, о составе и классификации элементов хозяйства отдельного комплекса и т. д. [101, с. 20]. Не считая возможным рассмотрена всех этих спорных вопросов в рамках данной работы, мы тем не менее вынуждены затронуть две проблемы, имеющие не посредственное отношение к теме данного исследования внутренний состав (структура) районного территориальной производственного комплекса, взаимоотношение понятий сущности ТПК и социально-экономического района.

С определенной долей условности в современной экономико-географической и экономической литературе можно вы явить две противоположные точки зрения на состав ТПК Одни исследователи считают, что территориальный производственный комплекс охватывает лишь предприятия и отрасли материального производства, а при более широкой трактовке в него включают и непроизводственную сферу и расселение. Наиболее узко трактуется состав ТПК в работах О.А. Кибальчича, который считает, что «территориально-производственный комплекс необходимо рассматривать как единичную территориальную структуру социалистического народного хозяйства ...это не дает основания расширять этот объект за счет непроизводственной сферы. Она всегда лишь условие функционирования территориально-производственных комплексов и, строго говоря, не должна входить в состав элемента комплекса» [106, с. 22—23].

Еще раньше О.А. Кибальчич выступил с утверждением, что эта точка зрения вытекает из идей Н. Н. Колосовского [68, с. 17]. Следовательно О. А. Кибальчич ограничивает ТПК лишь сферой материального производства, по отношению к которому как внешние факторы развития выступают природные условия и ресурсы, трудовые ресурсы и расселение, вся сфера обслуживания.

Гораздо большее распространение получила широкая трактовка ТПК- Например, А. Е. Пробст в состав территориально-промышленного комплекса центра включает не только промышленные, сельскохозяйственные предприятия, транспорт и связь, но и всю сферу социальной инфраструктуры (торговые, культурно-просветительные, лечебные и другие предприятия по обслуживанию населения) [127, с. 112 – 113].

Определяя сущность внутрирайонного территориально-производственного комплекса, А. Е. Пробст указывает, что он состоит из группы производственных и непроизводственных предприятий, расположенных в непосредственной близости друг к другу совместно с населенным пунктом (городом или городской агломерацией), сообща использующих производственную и социальную инфраструктуру, местные трудовые (иногда и природные) ресурсы, тесно связанные в определенных пропорциях между собой и местным населением в единое экономическое целое (систему)» [129, с. 54]. На позициях -широкой трактовки ТПК стоят Ю. Г. Саушкин [136,с.132], Э. Б. Алаев [17, с. 20, 25], М. К. Бандман. Последний считает, что «ТПК является территориально-производственной системой, в составе которой взаимодействуют элементы трех более крупных систем: экономической, демографической и природной» [101, с. 22]. Поэтому основными элементами ТПК, в представлении этого автора, являются производство продуктов, производство услуг объектами инфраструктуры, население и местные природные ресурсы.

Каким же должен быть принципиальный подход к сущности районного ТПК с позиции концепции социально-экономического района? Во-первых, исходя из наличия четырех подсистем социально-экономического района, его ТПК представляет **собой территориальную систему общественного производства,** а следовательно, должен включать все его элементы в совокупности: **производительные силы, производственные отношения, все**

отрасли материального производства. Во-вторых, районный ТПК должен рассматриваться в процессе воспроизводства, а следовательно, должен содержать весь комплекс элементов для собственного внутреннего развития; в этой связи неотъемлемой частью районного ТПК являются **используемые природные** ресурсы и **условия, трудовые ресурсы, производственная инфраструктура.** В связи с тем, что процесс общественного воспроизводства включает и воспроизводство рабочей силы, в состав районного ТПК входит и **сфера социальной инфраструктуры.** В то же время необходимо заметить, что процесс общественного воспроизводства в условиях социалистического хозяйства немыслим без планомерной деятельности государственных хозяйственных органов, которые активно регулируют процесс формирования районных ТПК. Поэтому в состав районного ТПК необходимо включать и **органы его хозяйственного** управления. Ю. Р. Архипов и С. В. Григорьев, представители казанской школы экономической географии, специализирующейся на решении проблем моделирования экономико-географических систем, трактуют этот класс территориальных систем как системы управления [23, с. 33—40]. В-третьих, районный ТПК является определяющим среди всех других подсистем социально-экономического района, в связи с чем отдельные его элементы входят в состав других подсистем.

Не менее сложной представляется и проблема взаимоотношений и взаимосоответствия ТПК и социально-экономического района. При решении ее необходимо исходить из сущности явлений и принимать во внимание их территориальный аспект.

В современной экономико-географической и экономической литературе есть попытки полного отождествления понятий «ТПК» и «экономический район». Эта точка зрения возникла еще на этапе формирования учения о ТПК. Так. Н. Н. Колосовский определял в свое время основной экономический район как территориально-производственный комплекс со специализацией в общесоюзном масштабе [66, с. 12].Эту точку зрения разделяют и некоторые современные исследователи. Например, Э. Б. Алаев определяет экономический район как территориальный производственный комплекс с эффективной народнохозяйственной специализацией [17,с. 13]. Однако по мере формирования учения о территориально производственных комплексах накапливалось все больше фактов,

свидетельствующих о том, что экономический район не сводится лишь к ТПК. Еще Н. Н. Баранский считал, что территориально-производственный комплекс «...не подменяет и не отменяет более сложного понятия экономично района...», хотя и является основным звеном в этой цепи [5, с. 160], Эту точку зрения в настоящее время разделяют Ю. Г. Саушкин [136, с. 431], Н. Т. Агафонов [15, с.30] и др. Исходя из сущности концепции социально-экономической географии, мы должны поддержать указанную точку зрения, поскольку ТПК —лишь одна из четырех (хотя и решающая) подсистем социально-экономического района. Поэтому исследование сущности процессов районообразования нельзя сводить к изучению лишь явлений формирования территориальных хозяйственных систем.

Современный этап развития социально-экономической географии характеризуется нерешенностью и такой проблемы, как соответствие границ ТПК и района. Некоторые ученые например Ю. Г. Саушкин, стоят на позиции соответствия границ экономического района и территориального производственного комплекса. Он пишет: «... Каждому верно выделенному экономическому району соответствует определенная организация в виде районного ТПК» [136, с. 432]. М.К. Бандман считает, что ТПК (по крайней мере в условиях Сибири может не охватывать всю территорию экономического района [101, с. 13]. Н. Т. Агафонов настаивает на неидентичности границ районов и производственных комплексов [15, с. 30]. Он считает, что данные явления формируются не в одно и то же время, что экономические районы включают не только ТПК, но и межкомплексные пространства и что факторы надстройки сильнее сказываются на процессах формирования районов, нежели ТПК.

На наш взгляд, ТПК представляет собой первичную основу социально-экономического района. Границы этого комплекса формируются в процессе развития производственных экономических связей между отдельными его территориальными элементами. Одним из видов таких экономических связей являются связи по линии использования трудовых ресурсов. Эти связи предопределяют согласованное размещение производства и селитьбы, а также пути ликвидации возникающих диспропорций между ними (с одной стороны, маятниковая и сезонная миграции, переселения, а с другой— сдвиги самого производства). Кроме

того, вхождение социальной инфраструктуры в ТПК предопределяет в нем территориальные связи по линии обслуживания населения. Вес это создает принципиальное единство территориальных границ районных ТПК и территориальных систем расселения (ТОР). Однако между ними существуют и определенные несоответствия, поскольку они относятся к разным классам систем и обладают разными факторами формирования. Сов падение границ ТПК и ТСР определяется функционированием государственных учреждений по управлению этими процессами.

Таким образом, в условиях развитого социализма на территориях с давно сложившейся организацией хозяйства существует принципиальное единство границ ТПК и социально-экономического района; немаловажная роль в этом единстве принадлежит факторам социально-экономического управления. Вместе с тем мы считаем необоснованной переоценку значимости факторов управления и игнорирование объективно складывающихся ТПК, что характерно для взглядов В. В. Кистанова. Этот автор пишет, например, что «разработку любых систем планового районирования надо начинать не с абстрактных поисков региональных комплексов, а с обоснования, формирования концепции (замысла) проектируемой схемы районов, отражающей условия и особенности территориального планирования на данном этапе» [71, с. 59]. Присоединяясь к мнению В. В. Кистанова о бесперспективности «абстрактных поисков» региональных комплексов, мы вместе с тем не можем согласиться с противопоставлением им субъективных и объективных факторов экономического районирования и особым выделением первых. Такой подход, с нашей точки зрения, противоречит диалектико-материалистическому методу исследования процессов районообразования и ставит под сомнение объективность существования районов.

Районная система расселения в свете теории социально-экономического районирования

В отличие от экономико-географических исследований районных ТПК, которые характеризуются достаточно зрелой методологией и история которых насчитывает уже не одно

десятилетие, изучение районных систем расселения сравнительно молодо. Это связано с тем, что лишь в самое последнее время была создана необходимая методологическая база таких исследований — концепция единой системы расселения (ЕСР). Хотя некоторые ее положения были разработаны в том или ином виде еще к концу 50-х гг. [152, с. 91] в работах П. Н. Баранского, Ю. Г. Саушкина, В. В. Покшишевского, О. А. Константинова, С. А. Ковалева, В. Г. Давидовича, Д. И. Богорада и других, но как единая научная теория, как единая система научных взглядов эта концепция создается с конца 60-х гг. Б. С. Хоревым. Он пишет: «В самом общем виде под ЕСР подразумевается функционально разграниченная и структурно -взаимосвязанная сеть всех поселений определенной большой территории, формируемая в нескольких соподчиненных ступенях, закономерно развиваемая, планово регулируемая в целесообразном для общества направлении и охваченная единой системой районной планировки» [151, с. 211—212]. Основные моменты теории единой системы расселения, созданной Б. С. Хоревым, таковы:

1. На основе рационального размещения производительных сил отдельных районов (или же по мере формирования районных ТПК) их **исторически сложившееся расселение постепенно преобразуется в целостные региональные системы населенных мест,** взаимосвязанные в социально-экономическом отношении.

2. В рамках ЕСР поселения разного размера и типа получают планомерное и пропорциональное развитие в соответствии со своим функциональным назначением.

3.Рациональность формирования ЕСР определяется не только экономическими основами перспективного размещения производительных сил, но и целями достижения равных условий обитания (или относительно равноценных условий труда и жизни людей) на всей территории освоенной части страны.

4. Формирование региональных систем расселения происходит в процессе развития территориальных производственных комплексов в рамках интегральных экономических районов, комплексность развития которых служит одним из признаков ЕСР. Поэтому теория экономического районирования, формирования ТПК должна быть одной из основ концепции расселения.

5. Специфическая функция ЕСР заключается в том, что она в системе ТПК предопределяет рациональную территориальную организацию социальной инфраструктуры.

6. Концепция ЕСР, как общая теория расселения, прел полагает не только целостность и единство сети расселения, но и ее системность и структурность, а это, в свою очередь делает необходимым в исследовании: а) сплошной территориальный охват, б) учет единства расселения в городской и сельской местности, в) интегрированное рассмотрение различных дополняющих друг друга типов поселений в региональных системах расселения [153, с. 112—114, 121 —122; 154, с. 9, 13].

Таким образом, концепция ЕСР утверждает в экономико-географических исследованиях населения и населенных пунктов системно-структурную, комплексную методологию, обосновывает неразрывное единство таких исследований с теорией и практикой социально-экономического районирования и формирования ТПК. Эта концепция позволяет выявить, и исследовать цели, факторы, тенденции и закономерности формирования районных систем расселения, местные географические особенности их проявления и обосновать на этой основе главные принципы управления развитием этих процессов. Все это позволяет утверждать, что концепция ЕСР есть важная составная часть общей теории социально-экономической географии.

Однако концепция ЕСР находится еще в стадии формирования, в связи с чем не все ее стороны разработаны в одинаковой степени. Исходя из потребностей формирования методологии социально-экономической географии, необходимо остановиться на двух моментах концепции ЕСР: 1) со отношении понятий ЕСР и ТПК и **2)** адекватности границ районных систем расселения и социально-экономических районов.

Несмотря на определенную близость понятий ТПК и ЕСР, между ними существует принципиальное различие, обусловленное неодинаковыми целями их функционирования. Основная функция районного ТПК — обеспечение страны продукцией отраслей специализации, а основная функция районной системы расселения — создание благоприятных условий для труда, быта, отдыха людей, для воспроизводства населения и трудовых ресурсов [19, с. 32]. В соответствии с этим мы и определяем внутреннюю структуру районной системы расселения. Принципиальная важность такого

аспекта обусловлена тем, что в теории и практике научных исследований территориальных систем расселения возможен самый широкий подход, когда населенный пункт, локальная группа поселений рассматриваются как первичная территориальная ячейка общества. Такое понимание ЕСР выходит за пределы круга вопросов географии населения и; по существу, смыкается с концепцией социально-экономического района. Однако нужно отметить, что и узкоцелевое понимание районной системы расселения означает ее рассмотрение, с одной стороны, как системы населенных пунктов, а с другой - как территориальной системы населения. Вполне естественно, что первый из этих подходов более широк, чем второй.

Диалектико-материалистический подход к исследованию общественных территориальных систем в качестве первого шага предусматривает выделение ведущих блоков, функционирование которых выражает целевую установку систем. Таким ведущим блоком в системе общественной жизни выступает производство материальных благ, в системе районного ТПК - производство продукции отраслей специализации. А ведущим блоком в районной системе расселения, с нашей точки зрения, является **сфера общественной занятости населения.** Именно она в значительной степени определяет все остальные аспекты территориальных систем расселения. В то же время целевой блок районной системы расселения оказывается тесно связанным с районным ТПК путем такого межсистемного элемента, как трудовые ресурсы. Сфера районной общественной занятости населения определяет результаты проявления регионального спроса на трудовые ресурсы и возможности его удовлетворения. В свою очередь сфера общественной занятости определяет в рамках концепции районной системы расселения требования к количеству и качеству трудовых ресурсов, с одной стороны, и к их территориальной дислокации (расселению), с другой.

Поскольку сущность территориальных систем расселения выражается в обеспечении наиболее рациональных условий жизни, деятельности и воспроизводства населения, то следующий блок, который мы выделяем в структуре понятия «районная система расселения», — это сфера **воспроизводства населения.** Она охватывает естественное, миграционное, социальное движение населения и обеспечивает необходимые

количественные, качественные и территориальные пропорции его динамики (воспроизводство трудовых ресурсов, социальной, профессиональной, возрастной, половой структуры и т. д.). Следовательно, указанная сфера обеспечивает как вое производство самого населения, так и территориального аспекта его размещения — той или иной системы расселения.

Включение в состав районной системы сферы воспроизводства населения делает неизбежным и вхождение в нее **сферы обслуживания** населения в самом широком понимании этого термина. Сфера обслуживания относится к числу межсистемных элементов, поскольку в составе ТПК нами уже выделялась социальная инфраструктура. При весьма значительном совпадении этих понятий между ними все же (существует то различие, что социальная инфраструктура (как один из элементов ТПК) охватывает прежде всего производство услуг, а сфера культурно-бытового обслуживания (как один из элементов территориальных систем расселения) — прежде всего потребление услуг.

Таким образом, сфера обслуживания населения территориальной системы расселения обеспечивает в условиях со идеалистической общественной формации удовлетворение вес более возрастающих потребностей населения в различных видах услуг. Заметим, во-первых, что исключительно важное значение для нее имеет комплексность в развитии, поскольку отдельные виды услуг, как правило, друг друга не заменяют. Во-вторых, в связи с тем, что сфера обслуживания населения в основном перераспределяет уже созданные материальные ценности и что значение социальной инфраструктуры и жизни общества все более возрастает, первостепенное значение приобретает проблема рационального территориального размещения предприятий обслуживания. Актуальность экономико-географического исследования сферы обслуживания определяется тем, что она наряду со сферой общественной занятости обусловливает тот или иной жизненный уровень населения.

Широкий, комплексный подход к исследованию территориальных систем расселения делает совершенно необходимым включение в их состав **отдельных элементов природной среды.** Еще С А. Ковалев выделял следующие составные части населенного пункта: постройки и сооружения, население природная среда. В составе территориальных систем

расселения природная среда рассматривается в трех аспектах: как часть самой сущности человека, что находит свое выражение в процессах его естественного воспроизводства, потребления и т. д.; как экологическая среда обитания человека; как инженерная среда расселения.

Основная сущность концепции ЕСР, что выгодно отличает ее от других теоретических представлений в этой области, заключается в идее планомерности и пропорциональности развития демогеографических процессов. К настоящему времени социалистическое общество почти полностью овладело механизмом регулирования процессов развития и размещения производства, однако аналогичная задача в отношении явлений расселения и населения еще не решена. Все это делает особенно актуальным включение в состав территориальных систем расселения их **надстроечных, управленческих звеньев.**

Еще далеко не полностью решена и такая проблема концепции ЕСР, как адекватность границ районных систем расселения и социально-экономических районов. В области интегрального районирования расселения существует два различных направления. Первое из них преследует цель выделения более или менее однородных районов со сходными проблемами. Удачные примеры такого районирования дали О.А. Константинов [80] и С. А. Ковалев [72]. Однако такое районирование не имеет прямого отношения к концепции ЕСР. Этот наш вывод вовсе не означает, что мы стоим на позиции отрицания или преуменьшения значимости такого подхода в районировании. Несомненно, оно имеет важное научно-познавательное значение и, кроме того, является одним из методов выработки мероприятий по управлению процессами расселения и населения.

Второе поправление в районировании расселения, непосредственно вытекающее из методологии ЕСР, означает выделение территориальных систем различных иерархических рангов. Вполне естественно, что они выделяются по принципу общности связей и объединяют разнородные территории, которых имеет свои особенности и проблемы. Лишь районирование позволяет комплексно решить проблемы управления процессами развития систем расселения.

Одним из основных положений концепции ЕСР является постулат о принципиальном совпадении границ территориальных

систем расселения и социально-экономических районов. Это утверждение вытекает из сущности ЕСР, которая формируется на основе ТПК. Вместе с тем в реальной действительности всегда имеется достаточно случаев не совпадения границ. В какой-то степени это несовпадение можно объяснить и особенностями методики исследования районных систем расселения. Поскольку территориальные системы расселения выделяются по принципу общности связей, то определение границ территориальных систем в немалой степени зависит от того, какие виды связей принимаются во внимание. Так, Э. Б. Алаев и Б. С. Хорев в локальной системе расселения выделяют следующие виды связей: прозводственные, демографические, по обслуживанию населения, транспортные, в системах природопользования, информации и управления [19, с. 28—29].

Если в основу выделения районных систем расселения положить производственные связи, то их территориальные границы совпадают с границами основных социально-экономических районов, поскольку происходит совпадение понятий районных систем расселения и ТПК. С другой стороны, если районные системы расселения выделять лишь на основе демографических и социально-инфраструктурных связей, то в границах основных социально-экономических районом часто можно выделить несколько территориальных систем расселения. Например, И. А. Фомин в пределах Донецко-Приднепровского экономического района выделяет 3 большие системы расселения: Харьковскую, Донецкую и Днепропетровскую. Аналогичные системы расселения выделяются им и внутри Южного и Юго-Западното районов [114, с. 162]. Такое соотношение социально-экономических районов и территориальных систем расселения получило широкое распространение в нашей стране, в связи с чем мы специально выделяем полицентрические районные системы расселения [121, с. 102].

Таким образом, районные системы расселения на территории нашей страны характеризуются неодинаковой степенью развитости. Для начальной стадии их формирования характерны лишь производственные связи населенных пунктом, тогда как зрелая стадия формирования отличается распространением также демографических и социально-инфраструктурных связей. Это позволяет сделать вывод, что в границах реально существующих

социально-экономических районов складываются районные системы расселения, даже если их элементы объединены лишь производственными связями. Что же касается так называемых больших систем расселения, в основе выделения которых лежат как производственные, так и демографические и социально-инфраструктурные связи, то они могут быть территориальными системами расселения как основного социально-экономического района, так и его подрайона.

Утверждение о принципиальном совпадении границ социально-экономического района и районной системы расселения вытекает из сущности концепции ЕСР, которая носит выраженный перспективный характер. ЕСР предусматривает окончательное преодоление различий между городом и деревней, между различными группами людности населенных как в отношении условий труда, его производительности, так и в отношении условий жизни и воспроизводства населения. Она предусматривает также высокую мобильность населения, полное подчинение (миграционных процессов интересам общества. По мере вызревания единой системы расселения ее районный уровень будет все в большей степени интегрироваться с сущностью социально-экономического района.

Сущность районной социально-политической общности

Рассмотренные нами подсистемы социально-экономического района (районный территориально-производственный комплекс и районная территориальная система расселения) в целом уже получили достаточное - хотя и не равнозначное – освещение в научной литературе. В отличие от них понятие о районной социально-политической общности встречается лишь изредка и сущность ее не определена. Мы считаем возможным определить основные параметры районной социально-политической общности лишь в той мере, в какой она связана с социально-экономическим районом.

Географические исследования районных социально-политических систем еще только планируются, хотя для такого рода работ уже создан минимально необходимый задел в процессе социологической науки. Так, польский социолог Я. Щепаньский обосновал одно из первичных понятий в этой области —

«территориальные социальные общности», т. е. общности людей, вытекающие из самого факта их проживания в границах определенной территории [163, с. 160]. Одним из их видов является общность людей, складывающаяся в пределах административно-территориальных единиц. Следует со всей категоричностью подчеркнуть неодинаковость функций административно-территориального устройства в условиях капитализма и социализма. Если буржуазное местное самоуправление — лишь форма административной децентрализации и местные коллективы не могут выполнять политических функций, то в условиях социалистического общества в рамках территориальных единиц осуществляются функции единой государственной власти и административно-территориальное деление страны перерастает в политико-территориальное [63, с. 183]. Вследствие этого политико-территориальное деление социалистических стран служит целям не только организации государственного аппарата, но и наиболее целесообразной территориальной организации всей общественной жизни. Эта целевая функция политико-территориального устройства социалистических стран предопределяет и основные принципы его организации. В числе таких принципов И. Г. Ильинский называет: укрепление народной власти и политического руководства со стороны рабочего класса, учет экономических и естественно-географических условий (по мнению этого автора, территориально-политическая единица должна представлять экономический район со сложившимися или складывающимися внутренними связями), учет национального состава и бытовых особенностей населения, максимальное приближение государственного аппарата к населению, всемерное удовлетворение социальных запросов населения [63, с. 198]. Осуществление последнего принципа означает, что каждая политико-территориальная единица не только характеризуется общностью экономической жизни, но и выступает в качестве территориальной системы социальной инфраструктуры.

Все большее число социологов, по мнению И. Г. Ильинского, признает, что в большинстве социалистических стран практика политических отношений развивается в направлении фактического признания территориальных коллективом как субъектов государственного (конституционного) права [63, с. 190]. Каждый

такой территориальный коллектив обладает границами, закрепленными в государственных актах, собственным наименованием, правом создания на своей территории органов государственной власти, имеет местный бюджет, определяет и выполняет планы хозяйственного и социального развития. Следовательно, районная социально-политическая система охватывает всю совокупность социально-политических (государственных) отношений, существующих в процессе развития территориальных социальных общностей людей.

Какова же внутренняя структура районной социально-политической общности? Ответ на этот вопрос вытекает из анализа основных его функций. Ленинградские социологи А.С. Машков и М. Н. Межевич характеризуют деятельность территориальных коллективов выполнением пяти основных функций: экономической, социально-политической, культурно-воспитательной, социально-демографической и экологической [63, с. 185]. Ведущим в структуре районной социально-политической общности мы считаем его **социально-политическое звено.** Именно здесь решаются проблемы территориальной организации государственной власти как одного из выражений социалистической демократии, участия партийных и общественных организаций в управлении государством. Отличительной чертой социалистического государственного устройства является массовый характер участия населения в функциях государственной власти, в связи с чем она превращается в один из самых мощных факторов коммунистического воспитания.

Экономическое звено районной социально-политической общности охватывает учреждения, предприятия, их структурные подразделения, обеспечивающие рациональное планирование и эффективное руководство процессами развития социалистической экономики. Основная специфика функций местного хозяйственного управления заключается в обеспечении наиболее оптимального соотношения между общегосударственными и местными (региональными) интересами. В условиях научно-технической революции, когда внимание общегосударственных хозяйственных органов концентрируется на решении узловых проблем и обеспечении магистральных направлений экономического развития, резко возрастает значение местных

хозяйственных органов в процессах комплексного развития подведомственных им территорий.

Социально-инфраструктурное звено районной социально-политической общности включает в себя элементы управления развитием сферы социального обслуживания населения в самом широком значении этого термина. Необходимость эффективного управления развитием сферы социальной инфраструктуры определяется тем, что она в немалой степени обеспечивает повышение жизненного уровня населения и является необходимой основой его воспроизводства. Кроме того, территориальный уровень управления социальной инфраструктурой (в отличие от экономики) имеет в большей степени универсальный характер.

В соответствии с концепцией социально-экономической географии, в рамках районной социально-политической общности необходимо выделить специальное **социально-демографическое звено.** Это учреждения и структурные подразделения организаций и предприятий, непосредственно осуществляющие руководство региональной демографической политикой, к числу проблем которой относится управление процессами естественного и миграционного воспроизводства как трудовых ресурсов, так и населения в целом, обеспечение рациональной социальной, половозрастной, профессионально квалификационной структуры населения, полной и эффективной занятости трудовых ресурсов. Сюда же относятся учреждения, занятые планированием (проектированием) и оперативным руководством процессами расселения не только в и демографических аспектах, но и в инженерно-строительных формах. Социально-демографическое звено районной социально-политической общности и в настоящее время характеризуется определенной незавершенностью, поскольку, во первых, отсутствует организация, координирующая управление региональной демографической ситуацией в целом, а во вторых, существует недостаточная преемственность между перспективным планированием (прогнозированием, проектированием) и оперативным, текущим руководством демографическими и расселенческими процессами.

В настоящее время, когда все большее значение приобретают вопросы рационального использования природных условий и ресурсов, охраны природной среды, в рамках районной социально-

политической общности усиливается значимость его социально-экологического звена.

Остановимся на некоторых аспектах взаимоотношении районных социально-политических общностей и интегральных экономических районов. Полное их соответствие характерно для страны в целом, союзной республики, мезорайона (области, края) и низового административного района. Основные же экономические районы, их подрайоны и субрегионы (внутриобластные, внутрикраевые и внутриреспубликанские районы) не имеют сложившихся социально-политических систем. В чем заключается причина этого несоответствия в иерархии территориальных социально-политических общностей в интегральных экономических районов?

Еще П. М. Алампиев заметил, что экономическое районирование, стремящееся отразить все многообразие видов экономического единства территорий, неизмеримо сложнее и богаче, чем районирование административное [21, с. 125]. Поскольку в условиях социализма административное районирование непосредственно воздействует на территориальную организацию общественного воспроизводства, его организационно-иерархическая структура определяется критерием экономической целесообразности. Именно этот критерий не позволяет административно оформить все сложившиеся о интегрального экономического районирования, поскольку это вызвало бы значительное увеличение числа звеньев территориального управления хозяйством. Такой путь реорганизации системы хозяйственного управления маловероятен, как показывает современная реформа отраслевого управления промышленностью — переход на двух - и трехзвенную систему.

Сторонники принципа полного единства административного экономического районирования абсолютизируют территориальный аспект хозяйственного управления, в то время как его сущность определяется рациональным сочетанием отраслевой и территориальной форм. В связи с этим необходимо сделать оговорку и в отношении структуры территориальных социально-политических систем. При широком всестороннем подходе к их исследованию мы должны выделять в их составе не только территориальные звенья управления, но и структурные подразделения общесоюзных и общереспубликанских органов

(как отраслевых, так и интегральных), специализирующиеся на управлении конкретными территориями. Поэтому было бы ошибочным отрицать полное ион- социально-политической общности в рамках основного экономического района. Хотя эти экономические районы, как правило, не оформлены в административно-политическом отношении, они (наряду с союзными республиками) являются территориальной основой руководства экономическими и социальными процессами и потому выступают как основа формирования специфических территориальных общностей людей. В меньшей степени это относится к внутриобластным и внутрикраевым субрегионам.

Территориальная социально-политическая общность является фактором интегрального социально-экономического районообразования. Именно процесс политического, социального и хозяйственного управления, совершающийся административно-политических границах, обусловливает интеграцию самостоятельных территориальных экономических и расселенческих систем в единый социально-экономический район. Поэтому мы считаем необходимым поддержать вывод П. М. Алампиева о мощном районообразующем значении административно-территориального деления [21, с. 122].

Большое влияние надстроечных факторов на процессы районообразования неизменно учитывалось в практике советского районирования. Еще в 20-х гг. в работах Госплана СССР выкристаллизовался принцип единства экономического и административного районирования [20, с. 67, 123]. Однако процесс социально-экономического развития обусловил затем значительные несовпадения в иерархической структуре экономических и административных районов, чем мы уже говорили. Принцип единства экономического и административного районирования стал трактоваться в том смысле, что границы экономических районов сохраняют целостность административно-политических единиц. Нельзя не видеть, однако, что действенность некоторых звеньев экономического районирования существенно ослабляется, поскольку они не подкреплены соответствующим административно-политическим аппаратом. Этот недостаток основного и внутриобластного экономического районирования является, по нашему мнению, одной из причин чрезмерной

территориальной концентрации производства и населения в областных центрах, в силу чего наблюдаются элементы диспропорциональности в развитии территориальной структуры хозяйства и расселения. Поэтому мы согласны с мнением Н. Н. Казанского и Б. С. Хорева о необходимости комплексного подхода к разработке конкретных предплановых предложений по совершенствованию экономического, административного районирования, размещения производства, рационализации систем расселения и обслуживания [64, с. 19]. Именно такой комплексный подход, по нашему глубокому убеждению, соответствует сущности социально-экономической географии.

Сущность районного комплекса природных предпосылок

Одной из подсистем социально-экономического района мы считаем территориальный комплекс природных предпосылок его развития. Как известно, исследованием территориальных природных систем занимаются естественные науки, и в первую очередь ландшафтоведение. В основе формирования и функционирования территориальных природных систем лежат закономерности развития природы, тогда как формирование и развитие социально-экономических районов определяется действием общественных, экономических закономерностей. Границы природных и социально-экономических районов в принципе не совпадают, что обусловливает, на первый взгляд, сомнительность исходного тезиса о существовании комплексов природных предпосылок в рамках социально -экономических районов. Тем не менее опыт советских экономико-географических исследований доказывает, что в границах действительно существующих экономических районов происходит формирование и определенных специфических взаимосвязей их природных элементов.

Поскольку социально-экономический район, как правило, охватывает отдельные, не связанные между собой в природном отношении части сопредельных физико-географических провинций и районов, в основе формирования районных социально-экономических природных комплексов может лежать та или иная система использования природных ресурсов. О таком двойственном характере территориальных сочетаний

естественных ресурсов пишет, например, А. А. Минц. Он отмечает, что в материальной, вещественной форме такие территориальные сочетания охватывают тела и силы природы, цементирующие их связи определяются социально-экономическими факторами [98, с. 228]. Неразрывная взаимосвязь специфических комплексов природы с объектами социально-экономического районирования вытекает и из сущности территориального сочетания естественных ресурсов, определяемого А. А. Минцем как «источники ресурсов различного вида, расположенные на определенной целостной территории и объединяемые фактическим или перспективным совместным использованием в рамках *единого производственно-территориального комплекса»* (курсив наш. — Ю. Я.) [98, с. 237]. Именно хозяйственное использование природных условий и ресурсов в рамках единых ТПК и приводит **к** формированию природных комплексов социально-экономических районов. Конкретная система использования -природных ресурсов социально-экономических районов, определяемая задачами эконом тес кого и социального развития страны о целом и отдельны;: территорий, достигнутым уровнем развития производительных сил, обусловливает неодинаковую степень антропогенизации элементов природы, их комплексов, неодинаковую скорость развития природных процессов, создает принципиально новые территориальные кругообороты веществ в природе.

Процесс формирования специфических взаимосвязей природных элементов в рамках социально-экономических районов все в большей степени определяется мощным воздействием общественного производства и народонаселения на природную среду. Во-первых, в настоящее время, по мнению некоторые исследователей, антропогенный фактор стал ведущим в формировании и изменении существующих природных ландшафтов [95; 96]. Во-вторых, что исключительно важно с точки зрения рассматриваемых здесь проблем, культурные (точнее говоря, антропогенные) ландшафты не обладав природным саморазвитием [87, с. 62], т. е. их существование невозможно вне рамок постоянной человеческой деятельности. Ф. И. Мильков по содержанию выделяет 5 групп (классов) антропогенных ландшафтов: сельскохозяйственные комплексы, лесные

комплексы, водные комплексы, промышленные комплексы, селитебные комплек**сы** [96, с. 40]. Даже если рассматривать только сельскохозяйственные, лесное и водные комплексы, как сохранившие наибольшее подобие естественных ландшафтов, то и их фито и зооценозы определяются не столько их природным само развитием, сколько целенаправленной человеческой деятельностью. Более того, эти антропогенные комплексы в их современном состоянии вообще не могут существовать вне рамок общественного производства.

Исключительно важное значение в этой связи приобретают вопросы охраны природы и ее рационального использования. Не случайно эта проблема становится объектом исследования целого комплекса научных, в том числе и географических дисциплин, профилирующими среди которых являются антропогенное ландшафтоведение, природопользование и экономическая оценка естественных ресурсов. Таким образом, было бы весьма серьезной ошибкой сводить предмет экономической географии лишь к исследованию и оценке природных ресурсов, как это предлагают некоторые из теоретиков региональной экономики. Не менее серьезной ошибкой было бы и устранение экономической географии от решения такого сложного и многогранного вопроса, как рациональное использование и охрана природной среды. Более того, в настоящее время в связи с быстрым развитием антропогенного ландшафтоведения и экономической оценки природных ресурсов система географических наук получает цементирующую, сквозную проблему.

Не имея возможности в рамках данной работы рассмотреть все аспекты формирования районных комплексов природных предпосылок, мы лишь бегло коснемся соотношения этого понятия с природным комплексом вообще и сделаем попытку выявить его структуру. Во-первых, мы считаем, что природная подсистема социально-экономического района не охватывает полностью весь природный комплекс на его территории. Соотношение этих понятий в целом аналогично соотношению природной (географической) среды и природы. Природная подсистема социально-экономического района выступает лишь как комплекс природных предпосылок хозяйственной, общественной деятельности людей и условий их жизни на его территории. В то же время по мере удовлетворения растущего

спроса общественного производства на все новые природные ресурсы и по все более широкого использования природных предпосылок существует устойчивая тенденция, сущность которой заключается в том, что районный комплекс природных предпосылок все в большей степени охватывает всю совокупность природы, хотя этот процесс никогда не будет закончен.

Во-вторых, «районный комплекс природных предпосылок», в нашем понимании, «антропогенные комплексы» (в трактовке Ф. Н. Милькова) [96, с. 25], «социогенные компоненты ландшафта» (как их представляет А. Б. Басаликас) [27,с.110] - понятия принципиально различные, хотя и имеющие много общего. Так, в районный комплекс природных предпосылок хозяйственного развития и условий жизни людей могут не входить те антропогенные ландшафты, использование которых (в широком смысле этого слова) в настоящее время не имеет практического значения. С другой стороны, в состав этого понятия необходимо включить те элементы естественной, непреобразованной природной среды и их комплексы, использование которых имеет жизненно важное значение. В целом сама реальная практика общественного хозяйствования, опосредованная достижениями и последствиями научно-технической революции, приводит к все большему совмещению понятий «районный комплекс природных предпосылок» и «район соотношения антропогенных и природных комплексов», и это обусловливается тем, что по мере хозяйственного освоения в границах социально-экономических районов остается все меньше естественных, непреобразованных ландшафтов, а те антропогенные ландшафты, которые выводятся из сферы общественного производства, начинают играть все большую роль как экологическая среда жизни людей.

Одним из принципиальных вопросов исследования природного комплекса социально-экономического района является определение его внутренней структуры, позволяющее выявить устойчивые тенденции и закономерности использования природной среды, обосновать принципы рационального природопользования и охраны. Вполне естественно, что определение должно исходить из функциональной сущности природного комплекса как вспомогательной, «предпосылочной» подсистемы социально-экономического района. В рамках понятия

природного комплекса социально-экономического района возможно выделить две основные части: **сферу деятельности природных процессов и сферу деятельности общественных, экономических процессов.**

Вполне понятно, что подобное деление условно и скорее относится к методологии и методике исследования, чем отражает сущность происходящих явлений, ибо в настоящее время в староосвоенных районах страны не осталось природных комплексов, развитие которых происходило бы независимо от деятельности людей. Однако выделение этих частей природного комплекса социально-экономического района позволяет объяснить существующее научное разделение труда. Сфера деятельности природных процессов является объектом исследования естественных наук, в том числе и антропогенного ландшафтоведения. Вполне естественно, что этот подход в целом находится за пределами социально-экономико-географической районологии, которая рассматривает природные процессы, в том числе и обусловленные человеческой деятельностью, их последствия лишь как предпосылки развития и размещения общественного производства, как экологическую среду человека. В этой связи в составе районного комплекса природных предпосылок выделим две части: 1) природные предпосылки формирования и функционирования районных ТПК и 2) природно-экологическую среду населения, или несколько шире — природные предпосылки формирования и функционирования районных систем расселения. Характерная особенность этих специфических природных комплексов социально-экономических районов заключается и том, что процессы их природного развития в условиях социализма управляются в интересах человеческого общества. Поэтому при широкой трактовке социально-природного комплекса необходимо в нем выделить экономико-экологическое и социально-экологическое звено, в состав которого входят учреждения и подразделения предприятий, которые осуществляют перспективное планирование и оперативное руководство процессами общественного использования, воспроизведена и охраны природной среды.

Одним из свойств районного природного комплекса является его территориальность, что позволяет связать понятия «территория» и «социально-экономический район». Хотя термин

«территория» широко употребляется в географических исследованиях, значение его до сих пор весьма неопределенно. Использование же этого понятия представляется нам целесообразном, поскольку оно несет значительный информационный потенциал и позволяет раскрыть внутреннюю структуру социально-экономического района. Удачная, на наш взгляд, попытка методологического рассмотрения сущности понятия «территория» была предпринята Д. Л. Минцем и Т. И. Петряковой, которые считают возможным установление связи между понятиями «территория» и «естественные ресурсы», поскольку рассматривают территорию как специфический комплексный ресурс [99, с. 7, 8]. Включенная в сферу человеческой деятельности и управляемая действием общественных законов и закономерностей, территория» как природно-ресурсное понятие трансформируется в общественную категорию. Это положение является необходимой методологической базой любой оценки природного комплекса социально-экономического района.

В социально-экономической районологии можно выделить два основных направления в оценке комплексов «природных предпосылок: 1) экономическая оценка природных предпосылок развития и размещения районных ТПК, их звеньев и отраслей хозяйства; 2) оценка природно-экологических условий жизни населения. В рамках районных экономико-географических исследований наибольшее развитие получило первое из этих направлений. Оно, в свою очередь, представлено работами по оценке природных предпосылок развития и размещения отдельных отраслей и исследованиями по оценке природного комплекса в целом. Одно из важнейших понятий в экономической оценке природного комплекса - природно-ресурсный потенциал, сущность, методология и методика оценки которого, а также конкретные исследования в границах основных экономических районов страны и мезорайонов были выполнены сотрудниками Института географии АН СССР под руководством А. А. Минца [100; 134]. Однако более дробное исследование природно-ресурсного потенциала, выявление устойчивых тенденций развития его отраслевой и территориальной структуры внутри экономических районов до сих пор не получили развития. В определенной степени это связано с общим отставанием работ по

исследованию территориальной структуры социально-экономических районов, что начинает тормозить рациональное территориальное планирование.

Сама сущность природно-ресурсного потенциала отражает не только природные предпосылки развития общественного производства, но и определенный уровень развития производительных сил. Поэтому оценка территориальных аспектов природно-ресурсного потенциала включает ту или иную специфику современного и перспективного ведения хозяйства. В связи с этим существует определенная аналогия с экономико-географическими работами по комплексной экономической оценке использования природных ресурсов. Что же касается оценки природно-экологических условий жизни населения, то, как показало Первое Всесоюзное совещание по географическим аспектам экологии человека [94], *эта* проблема уже в ближайшей перспективе должна получить всестороннее рассмотрение.

Таким образом, представленная концепция социально-экономического го района позволила нам определить и взаимно согласовать друг с другом внутреннюю структуру всех его четырех подсистем. Считая основной задачей экономической географии исследование закономерностей развития и функционирования- территориальных социально-экономических систем, мы рассмотрим в следующей главе проблему и взаимосоответствия и взаимообусловленности закономерностей развития ТПК, единой системы расселения, социально-политическом общности и комплекса природных предпосылок в рамках сущности социально-экономического района.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РОССИЙСКОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ[39]

После достаточно длительного периода снижения как общественного, так и сугубо научного интереса к проблемам районирования. Это направление опять становится один из важнейших для российской социально - экономической географии, регионоведения, регионального программирования и управления. Связано это с тем, что на рубеже XX и XXI веков в России произошла смена гапов экономики, общества и государственного устройства. Переход к рыночной экономике наряду с распадом Советского Союза и СЭВа обусловили резкое обострение внутриотраслевых межотраслевых и территориальных диспропорций в рамках сложившихся в условиях «плановой социалистической экономики» хозяйственного комплекса страны. В то же время еще не завершился первоначальный этап передела собственности, который сопровождается достаточно жесткой борьбой общенациональных, региональных и локальных элит за власть. С этим связана и незавершенность процесса формирования общественного и экономического управления, обострение проблем административно - территориального устройства страны.

Вследствие этого с сетками экономического районирования страны на школьном и вузовском уровнях преподавания географии царит полный разнобой. Психологически это понять можно: если нет официальной, признанной государственными органами сетки районов страны, то каждый исследователь волен ее выделять по-своему на основании той теории и методики, которые он применяет. На чисто научно, исследовательском уровне такое положение оправдано. А вот на преподавательском уровне, особенно в общеобразовательных школах, разнобой с сетками экономических районов в базовом страноведческом курсе России

---

[39] Актуальные проблемы теории российского социально-экономического районирования на этапе перехода к рыночной экономике / Ю.В.Поросенков // Изв. Воронеж. педуниверситета: Сб. науч. тр. — 2001 .— Т. 251. Территориальная организация общества и управления и управление в регионах .— С. 17-23

вызывает большую тревогу. Результатом такого авторского «субъективизма» является снижение авторитета в школе самой социально-экономической географии, и это в канун реформирования системы общеобразовательной школы.

Теория районирования занимает особое место в научном потенциале российской социально-экономической географии. Во второй половине XIX в., т.е. в период массового появления специальных работ по исследованию отдельных отраслей хозяйства. Метод районирования позволил создать региональные экономико-географические работы страноведческого направления. В рамках «районного направления» в 20-30-е годы XX в. теория экономического районирования стала ядром методологии «советской экономической географии», а некоторые исследователи в ней почти полностью сводили и всю теорию этой науки. Российская социально-экономическая география начала XXI века выходит на новую парадигму. Это связано как с новым общественным заказом этой науке, с дальнейшим развитием ее внутренних тенденций, так и с интеграцией в мировую географическую науку. Однако при этом важно сохранить преемственность развития теории, использовать богатейший опыт исследования и управления развитием экономических районов страны на протяжении XX века. В то же время в процессе конкретных исследований придется отвечать на вопрос: в какой степени теория советского экономического районирования, созданная при плановой государственной экономики, соответствует проблемам современной рыночной экономики России?

Российская наука обладает богатейшим, почти 200-летним опытом проведения исследований по социально-экономическому районированию. Эти опыты районирования не могли не отражать характерные особенности территориальной организации хозяйства и общества России на конкретных этапах ее развития. В понимании сущности района (вне зависимости от его терминологического обозначения) на каждом этапе была своя специфика. Кроме того, каждый исследователь решал и свои научные задачи. Поэтому исторические опыты районирования России, хотя в целом и отражают процесс формирования ее районов, однако не всегда сопоставимы по сути.

Социально-экономическая география не может претендовать на монополизацию проблем районирования. С момента своего

возникновения они имели междисциплинарный характер. Как метод исследования районирование появилось в начале XIX в. одновременно в страноведении (его дифференциация на физико- и экономико-географическое произошла позже) и в описательном государство ведении. От тех далеких времен экономическая география унаследовала дилемму: как выделить район - на основе административного деления или по совокупности каких-то других признаков? В периоды своего расцвета «центр тяжести» работ по районированию находился за пределами собственно экономической географии как науки. Так общеизвестно, что методология советской экономической географии вытекает из работ комиссии ГОЭЛРО и Госплана 20-х гг. На основе таких работ помимо экономической географии возникла такая прикладная наука в системе экономических наук, как «Территориальное планирование», тесно связанное с «Планированием народного хозяйства». Историческая заслуга Н.Н. Баранского как основоположника советской экономической географии состоит в том, что он методологию районирования, созданную в практических прикладных работ, применил в вузовской и школьной географии, т.е. к исследовательскому и преподавательскому процессу. Такие двойные корни советского экономического районирования впоследствии нашли свое отражение в формировании в этой области двух отечественных школ - географической и экономической.

На разных этапах развития страны работы по экономическому районированию имели неодинаковое функциональное предназначение. В дореволюционный период они преследовали прежде всего познавательные цели. В 1819 г. К. Ф. Герман использовал метод районирования, чтобы «обозреть успехи народонаселения в различных климатах». Один из основоположников районирования в русской географии - К.И. Арсеньев уже в 1848 г. поставил задачу установить «физиогномию отдельных частей страны», т.е. определить их внутреннее состояние по внешним признакам.

В 1871г. П.П. Семенов-Тян-Шанский использовал районирование для изучения территориальных аспектов динамики населения Европейской России, однако эта работа оказалась непонятой современными исследователями. В 1880 г. П.П. Семенов-Тян-Шанский разработал другую сетку районов для

изучения территориальных различий в статистике поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Поскольку динамика поземельной собственности и расселения затрагивала глубинные процессы территориальной организации общества, то эта схема экономического районирования оказалась ближе всего к интегральному варианту и получила широкое признание. В конце XIX и начале XX веков метод районирования активно используется в работах, исследовавших формирующееся под влиянием капиталистических отношений территориальное разделение труда в сельском хозяйстве (А.Ф. Фортунатов, А.И. Скворцов), в промышленности и торговле (Д.И. Менделеев, В.П. Семенов-Тян-Шанский).

В дореволюционной России прикладные исследования в области районирования были весьма немногочисленны. К ним относятся, например, работы декабристов (начало XIX века) по новому административно-территориальному устройству России, которое они хотели осуществить после политического переустройства страны. Политико-прикладной характер в целом имеет марксистские, в т.ч. и ленинские работы, которые рассматривали проблемы развития капитализма в России. В этих работах метод районирования использован не только для исследования производительных сил, территориального разделения труда, но и для изучения производительных отношений. На этой основе были определены уровни капитализации районов России, что послужило основной организацией политической борьбы. Таким образом, в российской географии за столетний период ее дореволюционного развития были заложены основы социально-экономического районирования, разработаны варианты сеток районов разных функциональных типов иерархических уровней.

Принципиально иное значение получает социально-экономическое районирование нашей страны в XX веке. В связи с формированием в СССР «плановой социалистической экономики» районирование становится одним из важнейших методов управления процессами развития хозяйства и общественной жизни в целом, хотя сохраняет научно-познавательные и учебные цели. Во второй половине XX в. по мере дифференциации советской экономической географии отдельные ее отраслевые направления разработали свои представления о районах, однако наибольшую

общественную значимость и наибольший научный интерес на протяжении всего советского периода сохраняют исследования интегральных экономических (социально-экономических) районов. Поскольку 70-летний период развития страны сопровождался внутренними трансформациями, то для каждого этапа характерна своя специфика теории и практики социально-экономического районирования.

Первый этап охватывает 1920-1932 гг. и характеризуется пристальным вниманием Советской власти к проблемам регионального развития. На основе работ комиссии ГОЭЛРО и Госплана были обоснованы основные принципы экономического районирования страны. На государственном уровне была принята сетка основных экономических районов, ставшая основной для долгосрочного планирования и административно-территориального деления. Поскольку одним из принципов территориальной организации хозяйства становится комплексность и сбалансированность развития его отраслей по стране в целом и по районам, то формируется представление об экономическом районе как о «комбинате». Экономические районы стали рассматриваться как крупные территориальные комплексы со специализацией во всесоюзном масштабе. Эти представления в экономической географии стали ядром «районного направления», созданного Н.Н. Баранским.

Второй этап охватывает 1933-1956 гг. Он характеризуется резким падением общественного интереса к проблемам экономического районирования и размещения производительных сил. Это связано с тем, что осуществление крупных структурных преобразований в стране (индустриализация и создание фундамента ВПК, кооперирование сельского хозяйства), и потом военные и послевоенные годы сопровождались централизацией власти и доминированием ведомственного (отраслевого) и внеэкономического подходов в управлении экономикой. Происходит измельчение административно-территориальных единиц, нарушается принцип соответствия экономического и административно-территориального деления. Экономическое районирование приобретает формальный характер! Однако экономическая география в этой столь неблагоприятной ситуации переживает период внутреннего территориального развития. Развернутая в 1934 г. широкая подготовка профессиональных

географов в университетах и пединститутах страны потребовала развития самой теории советской экономической географии. Важное значение для *нее* имели концепции ТПК и ЭПЦ, разработанные КН. Колосовским для исследования внутренней организации экономического районообразования. Поэтому советское экономическое районирование 20-х гг. стало той теоретической базой, на основе которой свою профессиональную подготовку получило целое поколения российских географов, активно включившихся в научную и педагогическую жизнь в послевоенное время.

Третий этап *охватывает* небольшой временной *отрезок* (1957-1964 гг.). На *этом этапе* была предпринята попытка реформирования социалистической экономики за счет передачи некоторых функций управления в регионы, в созданные для этих целей совнархозы. Одновременно сохранялась приоритетность отраслево-ведомственного управления предприятиями. Паллиативный характер реформ обрек ее на неудачу и имел следствием дезорганизацию экономической и общественной жизни страны. Однако для теории экономической районирования этот этап был весьма продуктивен. Организация совнархозов импонировала ученым, воспитанным на научных традициях 20-30-х гг. Кроме того, внимание экономико-географов было привлечено к проблемам соответствия совнархозов существовавшему административно-территориальному делению и экономическому макрорайонированию страны. В научном плане исследовались объективность границ макрорайонов, взаимность макрорайонов и ТПК. Организация совнархозов и усиление управленческих функций в сфере экономики регионов привели к обоснованию понятия экономического ме-зорайона на уровне областей, краев, автономных республик. А исследование ТОО хозяйств мез-районов вывело ученых на проблемы внутриобластного районирования и совершенствование административно-территориального деления. Весь этот набор проблем стал объектом исследования и основоположников воронежской экономико-географической школы - проф. Г.Т. Гришина (ВГУ) и доц. Н.И. Коржова (ВГПИ).

Четвертый этап охватывает целое двадцатилетие (1965-1985 гг.). Он характеризуется экстенсивной направленностью развития советской экономики, ориентированной прежде всего на

максимально возможное вовлечение в эксплуатацию все новых природных ресурсов. В области управления экономикой для этого этапа характерно сочетание отраслевого и территориального подходов при приоритете ведомственно-отраслевых интересов. Идеи ТПК широко используются в сфере территориального планирования. Формирующееся программно-целевые ТПК стали самостоятельными объектами долгосрочного планирования. Сама идея экономического районирования была широко внедрена в общественное сознание через систему школьного образования и СМИ. Однако в конце рассматриваемого этапа в связи с резким усилением отраслево-монополистического руководства общественный интерес к проблемам интегрального экономического районирования на всех его уровнях был потерян настолько, что реальная экономическая ситуация подчас ставила под сомнение саму объективность существования районов. В этой связи исследование проблем экономического районирования приобрело в большей степени академический и вузовский характер. В конце 70-х-80-е гг. на все это нал ожил ся процесс трансформации самой экономической географии в социально-экономическую географию. Это соответствовало как мировым тенденциям развития самой науки, так и было созвучно повышению социального фактора в развитии страны. В свою очередь социально-экономическая география разработала понятие об интегральном объекте исследования - социально-экономическом районе.

Под социально-экономической географией мы понимаем весь комплекс наук, сложившихся к настоящему времени в результате трансформации экономической географии. Если традиционная советская экономическая география в качестве объекта исследования изучала географическое размещение производства, условия и особенности его развития в различных странах и районах, то объектом исследования современной социально-экономической географии выступает территориальная организация общества (ТОО). В этой связи становится понятным процесс внутренней дифференциации социально-экономической географии. Внутри нее уже сформировалась целая группа наук второго порядка, которые в качестве объектов исследования имеют отдельные элементы ТОО. К числу таких наук относятся: собственно экономическая география, или география хозяйства

(внутри нее уже давно сложились такие самостоятельные научные направления, как география промышленности, география сельского хозяйства, география транспорта, география торговли и др.). география населения, география обслуживания, география потребления, социальная география, география культуры, политическая география, рекреационная география, география природопользования и др. Каждая из этих социально-экономико-географических наук второго или третьего порядка развивает свои теории и методы районирования. В этой связи одной из сложнейших научных проблем выступает понимание сущности интегрального социально-экономического района.

По нашему мнению, фундаментом социально-экономико-географической районологии в начале XXI в. может быть системно-структурная методология, в рамках которой социально-экономические районы можно рассматривать в качестве территориальных систем. Такой подход более широк и универсален для понимания сущности современных процессов районообразования в условиях развития рыночных отношений по сравнению с концепцией территориальных комплексов. Традиционное для советской экономической географии понимание основного экономического района как территориально-производственного комплекса с общенациональной специализацией хозяйства предусматривает, в теории, достижение дополнительного эффекта за счет планового подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением, за счет устойчивости и ритмичности хозяйственных связей между всеми предприятиями района. Итогом должно быть сокращение транспортных затрат и рациональное использование местных ресурсов. Однако реальная практика хозяйственного развития страны была весьма далека от этого теоретического постулата.

Рассмотрение социально-экономического района в качестве территориальной системы предусматривает такое развитие, при котором его отдельные подсистемы и элементы развиваются по своим внутренним законам, имеют свои факторы и последствия. Поэтому существующие в социально-экономических районах проблемы - это не роковое стечение обстоятельств, а имманентно присущее состояние таких систем. Развитие социально-экономических районов и происходит в процессе снятия таких их внутренних противоречий.

Системно-структурная методология позволяет по-иному взглянуть на проблему объективности - субъективности социально-экономического районирования, которая до сих пор противопоставляла отечественную науку мировой. Системный подход определяет системы как совокупности элементов с упорядоченными взаимными связями. В реальной действительности существует большое множество полностью или частично накладывающихся друг на друга территориальных социально-экономических систем различных типов и уровней. Сложная внутренняя структура интегральных социально-экономических районов и разнообразие формирующихся их связей обусловливают большие трудности определения границ районов.

Интегральным объектом исследования социально-экономической географии выступает ТОО, поэтому социально-экономический район формируется как территориальная ячейка общества. Вследствие этого внутри социально-экономического района как территориальной системы при самом высоком уровне обобщения выделяются четыре самостоятельные подсистемы: экономическая, социальная, природная и политическая. При более дробном подходе можно выделить и эолылее число подсистем. Все элементы и подсистемы внутри социально-экономических подрайонов взаимосвязаны разнообразными видами связей: технологическими, воспроизводственными, информационными, финансовыми, распределительными, трудовыми, демографическими, природно-ресурсными, экологическими, культурно-бытовыми, институциональными и другими. При зтом приоритетность тех или иных связей меняется в зависимости от иерархического уровня рай-на и даже специфики конкретного экономического и общественного этапа развития страны.

Это приводит к тому, что границы между районами, как правило, имеют не линейный, а пло-ллной характер. Помимо ядер районов формируется окраинная периферийная зона, которая как 5ы пограничнa для соседних районов. Кроме того, для повышения эффекта своей деятельности 'тество на разных этапах своего развития для решения конкретных задач использует различные :етки районов. Это связано с тем, что, как научная теория, социально-экономическое районирова--ие выработало такой большой набор сеток районов, что затрудняет их использование в практике [г] лественного и экономического развития. В целом же оказывается, что различие между объективным пониманием

сущности социально-экономического района в российской географии и субъективным его пониманием в западной географии не столь уж и непреодолимо.

Переход к рыночной экономике и вызванный этим глубокий структурный кризис в хозяйстве сии обусловили существенную трансформацию процессов социально-экономического районообразования в 90-е гг. XX в. Проведенная приватизация и разгосударствление имели своим следствием кардинальные изменения в структуре форм собственности. Планово возникшие в советское время ТПК разных типов на этапе приватизации «рассыпались» на отдельные элементы, производственные связи между которыми не обязательно сохранялись. К тому же принятый в стране механизм приватизации привел к разрыву даже технологически взаимосвязанных производств. В последние годы к аналогичным последствиям приводит и процедура банкротства крупных предприятий, которая предусматривает их расчлените на юридически самостоятельные производства зачастую в ущерб сложившимся технологическим связям. В целом же сиюминутное стремление к получению максимально возможной прибыли конкретными субъектами производства, низкий уровень этики предпринимательства у отечественных бизнесменов привели к формированию значительной неустойчивости, конъюнктурности экономических связей.

Интеграция России в мировую экономику в 90-е гг. потребовала либерализации внешних экономических связей, перехода на мировые цены. Следствием стала долларизация страны, а интеграция России в мировой финансовый рынок, в свою очередь, обусловила хроническую валютную дистрофию. Поскольку систематический вывоз валюты за пределы страны намного превысил ее ввоз, сформировался валютный дефицит, следствием которого стало отсутствие средств не только на новое строительство и реконструкцию производства, но и на простое воспроизводство основных фондов. Результатом всего этого стало резкое падение технологического уровня производства и снижения качества товаров, нарастание угрозы технологических катастроф, обострение трудноразрешимых проблем на национальном и региональном уровнях.

В 90-е годы произошло резкое усиление зависимости России от конъюнктуры мирового рынка, усилилась сырьевая направленность национальной экономики. Россия на многие десятилетия

превратилась в сырьевой придаток высокоразвитого «западного мира». Массовый импорт в Россию высокотехнологичной продукции обрекает на застой староосвоенные промышленные регионы Европейской части и Урала. Следствием стала деградация хозяйства как сырьевых регионов, так и регионов с обрабатывающей промышленностью. В последние десятилетия наблюдается существенное снижение интеграционного потенциала страны/Россия оказалась в сильном «магнитном поле», с одной стороны, высокоразвитых и быстро интегрирующихся европейских стран, а с другой, динамично развивающихся экономик стран Восточной и даже Юго-Восточной Азии. К тому же российское влияние все в большой степени вытесняется из приграничных государств СНГ. Все эти неблагополучные тенденции обусловили обострение экономических противоречий между европейскими и азиатскими районами России. В этих условиях важнейшей общенациональной задачей является сохранение территориальной целостности страны.

На этапе завершающегося кризиса и начавшейся структурной перестройки экономики России можно выделить некоторые основные тенденции формирования ее социально-экономических районов:

- основные черты территориального разделения труда, сложившегося в России в конце XX в., обладают значительной инерционностью, однако предстоящая кардинальная перестройка структуры российской экономики не может не отразиться как на самой сущности процессов интегрального социально-экономического районообразования, так и на конкретных его результатах;

- снижение интенсивности и устойчивости районообразующихся связей на уровне интегральных социально-экономических районов потенциально имеет своим следствием увеличение вариативности их типов, а в пределах конкретных типов - усиление вариативности границ районов;

-снижение интенсивности экономических и локализация социальных связей повышают значимость институционных (управленческих) связей в процессах районообразования; эта тенденция усиливается за счет формирования в стране модели «бюрократического капитализма», то есть срастания власти и капитала;

- усиление институциональности интегрального социально-экономического районирования по-разному проявляет себя.на разных его территориальных уровнях;

- в рамках микрорайонного подхода в настоящее время и на ближайшую перспективу возможна уникальная ситуация, когда объектами территориального прогнозирования и управления одновременно могут выступить не только экономические микрозоны и традиционные крупные экономические районы, но и территории ассоциаций экономического взаимодействия субъектов

Российской Федерации и ее федеральные округа; при этом по мере наполнения федеральных округов экономическим и социальным содержанием они могут все в большей степени выполнять функции крупных экономических районов;

- в рамках мезорайоннного подхода в настоящее время и на ближайшую перспективу (если не будет совершена кардинальная перестройка административно-территориального деления страны), объектами территориального программирования и управления, помимо республик, краев и

областей, могут выступать те национальные округа, которые сформировали значительный экономический и демографический потенциал;

- на уровне микроэкономического районирования в стране формируется широкий вариативный подход; это связано с тем, что по существующему конституционному устройству этот тип районирования в принципе находится вне пределов государственной власти, а является функцией местного самоуправления;

- исторически сложившееся громоздкое внутриобластное административно-территориальное устройство России все в большей степени не соответствует потребностям ее капитализирующейся экономики, в принципе не может обеспечить на местах приемлемый уровень развития социальной инфраструктуры и слишком обременительно для местных бюджетов; в то же время выделяемые в научной литературе «внутриобластные районы» в значительной степени имеют авторский характер;

- в зависимости от местной специфики, которая обусловливает неодинаковую степень остроты процессов внутриобластной территориальной организации общества, возможны варианты

определения объектов территориального программирования и управления на местном уровне: 1) в случае, если негативные последствия сложившейся сетки административно-территориального деления не столь велики, то в качестве микрорайонов используются низовые административные районы и города областного подчинения; 2) если негативные последствия сложившейся сетки административно-территориального деления значительны, но не представляется возможным ее реформирование, то формируются региональные ассоциации экономического взаимодействия низовых административных районов и городов областного подчинения; 3) кардинальный вариант решения проблемы сводится к реформированию административно-территориального деления на основе «экономических округов», которые становятся на местном уровне основными объектами программирования и управления.

Библиографический список

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. - М: Мысль, 1983. - 312 с.

2. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики: учебник. - СПб: Изд-во Михайлова В.А., 1998. - 659 с.

3. Методологические проблемы исследования основного социально-экономического района. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. - 167 с.

4. Поросенков Ю.В., Поросенкова Н.И. История и методология географии. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991.-219 с.

5. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. - М: Мысль, 1973.-560 с.

6. Территориальная структура основного социально-экономического района (Вопросы теории). - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. - 162 с.

7. Хорев Б.С. Территориальная организация общества: (Актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). - М: Мысль, 1981. - 320 с.

8. Экономическая и социальная география в СССР: История и современное развитие. - М: Просвещение, 1987. - 540 с.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ РОССИИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ЕЕ РАЗВИТИЯ

(в соавторстве с Р.Е. Рогозиной)[40]

На рубеже XX-XIX вв. в России началась смена типов экономики, государства и государственного устройства. Страна вступила в переходный период, продолжительность которого определить очень сложно. За период реформ в России плановая экономика была разрушена, а неуправляемые рыночные механизмы не привели к формированию оптимальных рыночных отношений.

Анализ положения в реформируемой российской экономике свидетельствует о том, что реального оздоровления здесь не произошло. Хотя следует отметить, что в последнее пятилетие в промышленности достигнута определенная стабилизация и даже рост объемов производства, главным образом, за счет сырьевого сектора экономики. Но наметившиеся тенденции еще нельзя считать устойчивыми. Поэтому очевидна необходимость дальнейшего углубления реформы.

Несмотря на некоторые позитивные результаты реформ, структура хозяйства страны, в силу ее большой инерционности, осталась прежней, характерной для административно-командной системы хозяйствования. В таком виде в условиях либерализации экономики, развития рыночных методов хозяйствования она не жизнеспособна и экономически не эффективна. Основными ее направлениями являются свертывание и перепрофилирование объективно ненужных и недееспособных предприятий, замедление падения и стабилизация выпуска продукции, пользующейся спросом на внутреннем и внешнем рынках; создание условий для оживления и развития перспективных видов деятельности, формирующих реальный экономический потенциал страны.

---

[40] Основные проблемы социально-экономического районирования России в переходный период ее развития / Ю.В. Поросенков, Р.Е. Рогозина // Районирование в современной экономической, социальнойи политической географии: потенциал, теория, методы, практика: тез.докл. Всерос. науч. конф. с международ. участием (23-26 сент. 2004г., г.Ростов-на-Дону) .— 2004 .— С. 156-159.

Кроме того, в стране до сих пор не завершился процесс передела собственности, который сопровождается достаточно жесткой борьбой общенациональных, региональных и локальных элит за власть. С этим связана и незавершенность процесса формирования общественного и экономического управления, обострения проблем административно-территориального устройства страны. Очевидно, что существующая система административных единиц, разнообразие их видов и уровней делает систему управления страной громоздкой и несовершенной.

В связи с изменением экономического уклада изменилась и роль объективно существующих территориальных единиц-экономических районов, которые в условиях плановой экономики служили объектами долгосрочного прогнозирования и планирования развития территорий. В российской экономико-географической науке отработан аппарат районирования, сделаны богатейшие наработки для управления. Но, к сожалению, они не учитываются при очередном таксонировании территории. Кроме того, в последние десятилетия происходит процесс трансформации понятия «экономический район» в «социально-экономический район» как сложную территориальную социально-экономическую систему. Это связано с возрастанием роли социальных факторов при выделении районов.

Социально-экономическое районирование имеет целью совершенствование территориальной организации общества (ТОО) Российской Федерации. Оно серьезно ставит вопрос об обязательном сочетании государственного управления и местного самоуправления. В теории управления для любой административной единицы минимальное число нижестоящих уровней - 7 единиц, оптимальное - 19. Очевидно, что управлять существующими в России 89 субъектами очень сложно. Кроме того, многие органы территориального управления просто не вписываются в границы существующих субъектов. Таким образом, если Россия - государство федеративное, то количество единиц управления не должно быть многочисленным.

Поэтому, в целях оптимизации управления, усиления власти Президента на макроуровне были выделены федеральные округа, границы и содержание которых до сих пор вызывает разногласия как в Администрации Президента, так и в научных кругах.

В связи с происходящими структурными преобразованиями экономики страны можно выделить некоторые основные тенденции формирования социально-экономических районов, ТОО в целом:

- основные черты ТРТ, сложившегося в России к концу прошлого века, обладают значительной инерционностью, но происходящие изменения в национальной экономике не могут не отразиться на самой сущности процессов, на конкретных его результатах;

- снижение интенсивности и устойчивости районообразующих связей на уровне интегральных социально-экономических районов потенциально имеет своим следствием усиление вариативности их типов, а в пределах конкретных типов - усиление вариативности границ районов;

- снижение интенсивности экономических и локализация социальных связей повышают значимость управленческих связей в процессах районо-образования, причем это неодинаково проявляется на разных иерархических уровнях;

- в рамках макрорайонного подхода в настоящее время и на перспективу возможна уникальная ситуация, когда объектами территориального прогнозирования и управления одновременно могут выступать не только экономические макрозоны и традиционные экономические районы, но и территории федеральных округов;

- в рамках мезорайонного подхода (если не будет совершена кардинальная перестройка административно-территориального деления страны) объектами территориального программирования и управления помимо республик, краев и областей могут выступать те национальные округа, в которых сформирован значительный экономический и социально-демографический потенциал;

- на микроуровне возможно развитие нескольких вариантов районо-образования, так как этот тип районирования находится, в принципе, вне пределов государственной власти, а является функцией местного самоуправления: 1) в случае, если негативные последствия сложившейся сетки административно-территориального деления не столь велики, то в качестве микрорайонов используются низовые административные районы и города областного подчинения; 2) если необходимо кардинально

изменить существующую сетку территориального деления, то решение проблемы сводится к реформированию административно-территориального деления на основе социально-экономических округов (ассоциаций экономического взаимодействия существующих низовых административных районов), которые становятся на местном уровне основными объектами программирования и управления. Возможны промежуточные варианты решения этой проблемы, в зависимости от остроты процессов внутриобластной ТОО. На наш взгляд наиболее предпочтительным является второй вариант. Разработка оптимальной сетки социально-экономического районирования, приведение в соответствие с ней административного районирования мо- *1* жет способствовать улучшению условий жизни и хозяйственной деятельности населения.

Сложный, противоречивый и многоплановый процесс формирования ТОО по своей сути перманентен. В его основе лежит неодинаковое соотношение таких процессов, как интеграция-дезинтеграция, диверсификация-симплификация, поляризация-выравнивание, концентрирование и деконцентрирование, которые формируют те или иные особенности территориальной структуры общества.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ МЕТОДОВ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ [41]

(на примере Воронежской области)

(в соавторстве Рогозина Р. Е., Шевцов И. С.)

Происходящее реформирование российской экономики своим следствием имеет резкое обострение территориальных проблем, в том числе на уровне отдельных субъектов Российской Федерации. Воронежская область (даже по сравнению с соседними областями Центрального Черноземья) оказалась в более сложном экономическом и социальном положении. Ее промышленность основывалась прежде всего на крупнейших предприятиях машиностроения и электротехники, интегрированных в систему военно-промышленного комплекса и приуроченных в основном к областному центру, в меньшей степени к нескольким средним по людности городам. Кроме того, общероссийское значение получили химическая промышленность Воронежа и Россоши, а также многочисленные предприятия аграрно-промышленного комплекса, относительно равномерно расположенные по территории области.

Переход к рыночной экономике повсеместно вызвал обвальное падение производства, свертывание социальных программ, снижение уровня жизни преобладающей части населения, его социальную поляризацию и дальнейшее обострение демографической обстановки. Большинство городских поселений на этом этапе лишились функций центров роста тяготеющих к ним территорий. В этих условиях все в большей степени проявляются негативные стороны современного административно-территориального деления. Оно является слишком дробным и малообоснованным. Многие административные районы и центры не обладают достаточным демографическим, производственным и социально-культурным потенциалом для эффективного самоуправления и обеспечения необходимого уровня

[41] Социально-экономическое районирование как один из методов реализации региональной политики (на примере Воронежской области / Р.Е.Рогозина, Ю.В.Поросенков, И.С.Шевцов // География и региональная политика: Материалы междунар. науч. конф. — Ч. 1 .— С. 106-108.

обслуживания населения. Поэтому в области резко преобладают (свыше 80%) дотационные районы, в которых крайне мала налогооблагаемая база. Наиболее сложная ситуация при этом складывается в тех девяти районах области, райцентрами которых выступают села. В них, а также во многих райцентрах — поселках городского типа с людностью порядка 5—7 тыс. человек создание сколько-нибудь полноценной материально-технической и социально-инфраструктурной базы в современных условиях практически невозможно.

Администрация Воронежской области одной из первых в России использовала метод социально-экономического районирования для решения ее территориальных проблем. На основе достаточно большого числа научных проработок в Воронежской области было образовано 7 экономических округов, в каждом из которых в зависимости от достигнутого потенциала, условий и проблем формируется система координа ции деятельности органов местного самоуправления, предприятий и учреждений хозяйства и социальной инфраструктуры.

Самый большой по территории Воронежский округ охватывает 7 административных районов, расположенных в крайней северо-западной части области и непосредственно тяготеющих к областному центру, хотя последний не был включен в состав округа. Воронежский округ выделяется в области самым выгодным транспортно-географическим положением, наилучшей обеспеченностью транспортной инфраструктурой, благоприятными предпосылками, меньшим драматизмом демографической ситуации, самыми большими трудовыми ресурсами, а с учетом областного центра и наивысшим уровнем урбанизации. Структура городского и сельского расселения достаточно развита. Наиболее сложными проблемами выступают: сохранение предприятий машиностроения и электроники даже при изменении их специализации, обеспечение должного уровня развития ТЭК, развитие пригородной специализации сельского хозяйства, адаптация мигрантов.

Восточный округ охватывает 5 самых удаленных от областного центра восточных районов, тяготеющих к г. Борисоглебску. Округ обладает выгодным транспортно-географическим положением, но наиболее сложной демографической ситуаций. При среднем уровне урбанизации

сформировалась наименьшая в области плотность сельского населения и достаточно высокая незанятость трудоспособных. Сложными проблемами выступают слабая социальная ориентация промышленности и самый низкий в области уровень развития АПК, недостаточная развитость отдельных отраслей социальной инфраструктуры. Социальная ситуация округа усложняется и массовым притоком мигрантов.

Один из самых небольших по территории Лискинский экономический округ включает 4 административных района Среднего Придонья. По особенностям транспортно-географического положения — аналог Восточного округа. Также обладает средним уровнем урбанизации, но высокой плотностью населения, более благоприятной демографической ситуацией. Достаточно высокий уровень промышленного развития сочетается с меньшим (чем в среднем по области) душевым производством основных сельскохозяйственных продуктов.

Россошанский округ охватывает 4 юго-западных района области. Он выделяется средним уровнем урбанизации, низкой плотностью сельского населения, густой сетью относительно мелких поселений, более благоприятной (чем область) демографической ситуацией. Округ характеризуется высоким коэффициентом промышленного развития и высоким среднедушевым производством продуктов животноводства.

Аннинский округ объединяет 5 районов бассейна Битюга, Калачеевский округ — 4 крайних юго-восточных района, а Павловский округ — 3 района Нижнего Подонья. Общими чертами этих округов выступает глубинное транспортно-географическое положение (кроме Павловского округа), низкий уровень урбанизации, далеко зашедшее постарение населения. Для них в целом характерны низкий уровень промышленного развития, но достаточно высокие среднедушевые объемы производства основных сельскохозяйственных культур, пока не сложившиеся системы городского расселения и недостаточный уровень социальной инфраструктуры.

VII. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ[42]

Муниципальные образования образуют самый нижний уровень территориальной организации российского общества. Поэтому их эффективное функционирование в принципе предопределяет судьбу дальнейшего развития современной Российской Федерации. В соответствие с федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в нашей стране существуют два территориальных уровня муниципальных образований [МО]. С одной стороны - это муниципальные (в прошлом административные) районы и городские округа в составе субъектов РФ: республик, областей, краев и автономных округов. Особое место занимают городские округа, образованные городами федерального значения (Москва, Санкт-Петербург).

Как следует из федерального закона № 131, муниципальный район представляет совокупность нескольких поселений (или поселений и межселенных территорий), в границах которого население непосредственно и (или) через выборные органы местного самоуправления осуществляет решение вопросов местного значения. Органы местного самоуправления могут осуществлять и отдельные государственные полномочия, передаваемые им федеральными законами и законами субъектов РФ [14]. Городской округ -городское поселение, которое не входит в состав муниципального района, и органы его местного самоуправления осуществляют полномочия по решению вопросов местного значения, а также отдельные государственные полномочия, передаваемые им федеральными законами и законами субъектов РФ. В состав городских округов кроме самого образующего их города могут входить тесно связанные с ним пригородные городские и сельские населенные пункты.

---

[42] Географическое исследование муниципальных образований / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования России (регионоведческий анализ) .— Воронеж, 2014 .— С. 3-15

С другой стороны, нижний территориальный уровень МО представлен городскими, сельскими поселениями и внутригородскими территориями городов федерального значения. Городское поселение (в трактовке ФЗ № 131) -город или поселок с прилегающей территорией, в котором местное самоуправление осуществляется непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. В состав городских поселений могут входить сельские населенные пункты, не являющиеся сельскими поселениями. Сельское поселение - один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (сёл, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов), в котором местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. При этом городские и сельские поселения входят в состав муниципальных районов. Аналогично, внутригородская территория города федерального значения - часть территории города федерального значения, в границах которой осуществляется местное самоуправление. Следует заметить, что на отдельных территориях (вроде административных районов) внутри городских округов, как это вытекает из сути федерального закона № 131, местное самоуправление, в принципе не существует. В целом же все эти законодательные положения в значительной степени определили ту конкретную экономическую, социальную, финансовую и институциональную ситуацию, которая сложилась на уровне муниципальных образований России.

Административно-территориальное устройство России всегда было производным от решения конкретных политических и социально-экономических проблем на каждом этапе ее развития и неизбежно отражало внутренние тенденции формирования территориальной организации российского общества. Отдельные элементы внутреннего административно-территориального устройства страны стали формироваться еще на этапе создания централизованного Русского государства в XIV-XV веках и последующей его территориальной экспансии в XVI-XVII веках. Но как единая стройная система административно-территориальное устройство сложилось в конце XVIII века [3]. При образовании губерний и уездов, прежде всего, учитывалось удобство их управления, а следовательно и специфика социально-

экономического развития территорий. Поскольку при образовании губерний учитывался их демографический потенциал, то наиболее дробное губернское деление возникло в плотно заселенном историческом центре страны, где границы определялись по тяготению к губернским центрам. На редко заселенных северных и восточных окраинах страны губернии выделялись по бассейнам крупнейших рек, которые там являлись основными транспортными путями.

Во второй половине XIX в. в связи с быстрым формированием капиталистических отношений, строительством железных дорог, развитием промышленности и усилением процессов урбанизации возникли новые торгово-промышленные центры, которые создали свои зоны влияния и в ряде случаев перехватили функции не только многих уездных, но и некоторых губернских центров. На этой основе в русской географической литературе возникло понятие «экономический подход» (в терминологии В.П. Семенова-Тян-Шанского). В советский период административно-территориальное устройство страны существенно изменилось и стало более дробным. Во-первых, формирование РСФСР в процессе так называемого «национального строительства» обусловило выделение большого числа национальных автономий. Основой административного устройства страны стали края, области и автономные республики, а другие типы национальных автономий входили в состав краев и областей с преобладающим русским населением. Во-вторых, с учетом формирования крупных промышленных центров были образованы новые области на территориях с преобладающим русским населением, причем этот процесс прослеживается до середины 50-х годов XX в. В третьих, в конце 20-х - в 30-ые годы XX в. в связи с необходимостью коллективизации и советизации села была проведена кардинальная реформа административно-территориального деления областей и краев России. Основной их территориальной единицей стали административные районы, а внутри них -сельские и городские советы [3]. В последующем в процессе укрупнения общественных хозяйств (колхозов и совхозов) произошло и укрупнение как сельских советов, так и административных районов, что привело к деградации бывших сельских райцентров. Одновременно по мере формирования новых местных промышленных и транспортных

центров существенно выросло число городских советов и советов поселков городского типа.

В постсоветской России в 90-ые годы XX в. административно-территориальное устройство страны стало еще более дробным. Субъектами РФ стали не только существовавшие до того края, области, республики, созданные на базе автономных республик, но и автономных областей (такой статус сохранила лишь Еврейская АО), автономные округа и два города федерального подчинения. Только дробность административно-территориального устройства стала настолько очевидной, что в начале XXI в. наметилась тенденция к укрупнению за счет включения маломощных автономных округов в состав краев.

Всю эту историю формирования административно-территориального деления России необходимо принимать во внимание при его современной оценке. В соответствие со сложившимся административно-территориальным устройством РФ верхний уровень ее муниципальных образований на 01.01.2010 г. был представлен 1829 муниципальными районами, 512 городскими округами и 236 внутригородскими территориями городов федерального значения (г. Москва и г. Санкт-Петербург) [12]. Поскольку территории городов федерального значения выделены лишь в двух столичных городах, то они обладают особой спецификой и выделены нами за пределы представленного исследования. Поэтому в качестве верхнего уровня местного самоуправления субъектов РФ нами рассматривается совокупность их муниципальных районов и городских округов в количестве 2341 единиц.

В среднем на один субъект РФ приходится порядка 29 муниципальных образований верхнего уровня [12]. Свыше половины всех субъектов РФ имеют в своем составе от 16 до 36 МО. Наименьшее число МО (до 10) характерно для северных и восточных территорий пионерного освоения (Ненецкий и Чукотский АО, Еврейская АО, Магаданская область) и небольших горских республик Северного Кавказа (Ингушетия, Адыгея, Северная Осетия-Алания). Наибольшее число муниципальных образований (45 и более) отмечается в крупных по площади субъектах РФ в Сибири (Алтайский и Красноярский края), в целом ряде областей Урала и Поволжья (Республики Башкортостан и Татарстан, Свердловская, Нижегородская, Пермская области), в

Дагестане и Ростовской области, а также в столичной Московской области. В составе последней выделяются 74 муниципальных образований (муниципальных районов и городских округов). На соотношение численности городских округов и муниципальных районов несомненное влияние оказывают характер освоения территории, уровень промышленного развития субъектов РФ и принятая в каждом из них концепция выделения городских округов. В первом случае, можно отметить, что в Свердловской области и на Сахалине на городские округа приходится порядком 90% всех их МО, в Московской и Кемеровской областях - порядка половины, а в Челябинской, Самарской областях и Красноярском крае - порядка 1/3. Во втором случае, влияние принятой концепции выделения округов можно показать на примере областей Центрального Черноземья, которые в принципе сравнимы по уровню хозяйственного развития и территориальной организации населения. Если в Воронежской области удельный вес городских округов составляет порядка 9%, в быстро развивающихся на базе КМА Липецкой и Белгородской областях соответственно 10% и 14%, в Курской области 15%, а в наиболее отстающей Тамбовской области 23%. Однозначно, при выделении городских округов в Воронежской области (3 ГО) и в Тамбовской области (7 ГО) использованы разные подходы.

Нижний уровень муниципального управления представлен городскими и сельскими поселениями в составе муниципальных районов. На начало 2010 года в среднем на один район России приходилось 11,7 поселений [12]. Наибольшей многочисленностью (свыше 15-ти) при одновременной значительной людности сельских населенных пунктов выделяются плотно заселенные земледельческие регионы страны: в Центральном ФО - Курская, Липецкая, Воронежская и Белгородская области, в Приволжском ФО -республики Татарстан, Мордовия, Башкортостан и Оренбургская область. На востоке страны к этой категории относятся Курганская и Новосибирская области. Кроме того, по рассматриваемому показателю к этой группе субъектов федерации относятся Дагестан с его горным расселением и Ненецкий АО с изреженной сетью постоянных сельских населенных пунктов, сложившейся в условиях северного оленеводства и очагово расположенных поселков по добыче нефти и газа. Напротив, наименьшим числом (до 5) поселений в составе

муниципальных районов страны, как правило, выделяются северные редконаселенные территории с очаговым характером их освоения (Мурманская, Магаданская, Сахалинская области и Камчатский край). Исключение составляют Ярославская, Калининградская и Свердловская области. Все эти существенные различия во внутренней структуре муниципальных образований России не могут не отражаться на территориальной организации их общественной жизни.

Для общей характеристики МО необходимо использовать такие показатели, как средняя площадь, средняя численность населения и средняя плотность населения по субъектам РФ. Средняя площадь муниципальных образований РФ составляет 7,3 тыс. км^2[12]. Гигантские размеры страны, наличие в ней как староосвоенных , так и регионов пионерного освоения, резервных («пустопорожних», как писал Н.Н. Баранский) территорий объясняют вариационный размах показателей порядка 230 раз (от минимального 0,45 тыс. км2 в Республике Ингушетия до максимального 103,1 тыс. км2 в Чукотском АО. В целом же в этом отношение прослеживается достаточно четкое деление страны на две зоны - освоенную и пионерного освоения, разделом между которыми выступают северные границы Ленинградской, Вологодской, Кировской, Пермской, Свердловской, собственно Тюменской (без автономных округов), Омской, Новосибирской, Кемеровской областей, включая и Алтайский край. В освоенной зоне наименьшие площади имеют МО в историческом центре страны (Московская, Ивановская, Курская, Орловская и Тульская области), горские республики Северного Кавказа (Адыгея, Чеченская Республика, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Республика Дагестан). За пределами этих двух регионов наименьшей площадью МО выделяются эксклавная Калининградская область и Чувашская Республика. В зоне пионерского освоения наибольшими размерами территории характеризуются (помимо уже упомянутого Чукотского АО) Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО, Магаданская область, Красноярский и Камчатский края. Такой колоссальный разрыв в размерах территории МО в России обуславливает неодинаковые требования к территориальной организации их хозяйства и населения. Например, средняя

территория одного МО Чукотского округа превышает площадь Белгородской, Воронежской и Курской областей вместе взятых.

Больший интерес вызывает анализ средней численности населения МО по субъектам РФ, поскольку численность населения отражает не только демографический потенциал, а опосредованно и экономические возможности этих ячеек местного самоуправления. Но 01.01.2010г. в пределах одного МО России в среднем проживало 54,1 тыс. человек [12]. Вариационный размах этого показателя составлял 17 раз, что в 13,5 раза меньше аналогичного показателя по площади. Здесь тоже наблюдаются существенные различия между староосвоенными и территориями пионерского освоения, однако границы между ними в какой-то степени «размыты». Наименьшим демографическим потенциалом (до 30 тысяч человек) в России выделяются МО пионерного освоения (Чукотский и Ненецкий АО, Магаданская, Сахалинская, Амурская области, Камчатский край, Республика Саха-Якутия), некоторые республики с экстенсивными формами хозяйственной деятельности (Тыва, Алтай и Калмыкия), некоторые русские лесные области с выборочным характером освоения территории (Псковская, Новгородская и Костромская). В целом же муниципальные образования всего исторического густо заселенного центра России (Орловская, Тверская, Курская, Смоленская, Тамбовская, Брянская, Ивановская, Калужская, Рязанская области) характеризуются несколько меньшим демографическим потенциалом - до 40 тыс. человек, чем средний показатель по России. Напротив, наибольшая (свыше 80 тыс. человек) численность населения МО характерна для Краснодарского края, двух столичных (Московская, Ленинградская) и некоторых индустриально развитых субъектов РФ (Самарская, Челябинская, Кемеровская области и Татарстан). Весьма немного им уступают по численности населения МО некоторых русских регионов Юга России (Астраханская, Ростовская области, Ставропольский край), некоторые горские республики Северного Кавказа (Северная Осетия-Алания, Чечня), а также Новосибирская область и Хабаровский край.

Территориальные различия в размерах территории и численности населения МО страны находят свое отражение в показатели их средней плотности населения по субъектам РФ. Такой показатель на начало 2010г. составил 7,4 чел./км^2. Вариационный

размах этого показателя оказался порядка 2,5 тысяч раз (от 0,06 чел./км2 в Чукотском АО до 149, 5 чел./км2 в Московской области, что отражает колоссальные различия в демографическом потенциале МО России. При этом четко выражены различия между территориями сплошного, выборочного и очагового освоения страны. Наиболее заселенные (свыше 50 чел./км2) МО полностью приурочены к Европейской части страны: Северный Кавказ (Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Чечня, Кабардино-Балкария, Адыгея, Дагестан, Краснодарский край), ЦФО (Московская, Тульская, Белгородская и Ивановская области), Приволжский ФО (Чувашия, Татарстан и Самарская Область). За пределами этих регионов в обозначенную группу МО попадает лишь Калининградская область. В целом же МО с высоким уровнем заселенности охватывают лесостепные, степные территории, зону смешанных лесов исторического Центра России, Поволжья и Северного Кавказа. Горские республики последнего характеризуются самой большой в стране реальной заселенностью, если принять во внимание горный характер их рельефа.

В свою очередь, незначительным (до 1 чел./км2) уровнем заселенности выделяются самые северные МО России (помимо Чукотского еще Ненецкий и Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха-Якутия, Магаданская область и Камчатский край). Плотностью населения от 1 до 5 чел./км2 характеризуется вся огромная северо-восточная зона России, граница которой с освоенной частью страны проходит по северным окраинам Ленинградской, Вологодской, Кировской областям, Пермского края, Свердловской, Тюменской (без АО), Омской, Новосибирской, Кемеровской областям и Хакасии. На этой огромной территории несколько большим уровнем заселенности выделяются Мурманская, Сахалинская области, Приморский край и Еврейская АО. Столь неодинаковый характер заселенности МО России требует реализации принципиально разных сценариев территориальной организации их общественной жизни.

Экономические возможности МО России в какой-то степени можно определить по величине валовой региональной продукции (ВРП). При этом ВРП характеризует стоимость товаров и услуг, созданных в регионе и исчисляется в фактических рыночных ценах. В 2008г. величина ВРП в расчете на одно МО России составила 10,4 млрд. рублей[12]. Вариационный размах этого

показателя по МО страны составил 21,8 раза (от 1,3 млрд. рублей в Республике Тыва до 28,1 млрд. рублей в Ханты-Мансийском АО). Наименьшей величиной ВРП выделяются некоторые республики Северного Кавказа (Калмыкия, Ингушетия, Карачаево-Черкессия и Чечня), территории северной окраины исторического центра России (Костромская, Псковская и Кировская области, Марий Эл), некоторые центральные российские области (Ивановская, Орловская и Брянская), некоторые регионы юга Сибири (Республики Тыва, Алтай и Алтайский край). Максимальной величиной ВРП (от 45 до 88 млрд. рублей) в России особенно выделяются три автономных округа, специализация хозяйства которых почти исключительно строится на добыче нефти и газа (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий). Кроме того, к этой категории (от 15 до 23 млрд. рублей) относятся наиболее индустриально развитые регионы как в Европейской (Московская и Ленинградская области, Татарстан, Самарская область и Краснодарский край), так и в Азиатской России (Тюменская, Сахалинская, Кемеровская и Челябинская области).

Конечно, на общую величину ВРП МО России несомненно влияет численность их населения и размеры территории, поэтому целесообразно использовать показатель среднедушевой ВРП. Этот показатель по МО России характеризуется относительно небольшой величиной и составил в 2008г. 193,1 тыс. рублей. В тоже время вариационный размах показателя достигает еще большей величины - 58,4 раза (от 37,1 тыс. рублей в Ингушетии до 2168,8 тыс. рублей в Ненецком АО). Среднедушевой показатель ВРП схематично разделяет все субъекты РФ на две зоны - слабоосвоенную северо-восточную с наиболее значительным среднедушевым уровнем производства и староосвоенную юго-западную часть с наименьшей ее величиной. Низкой величиной среднедушевой ВРП характеризуются все республики Северного Кавказа, а кроме того Ивановская и Брянская области, республики Тыва, Алтай и Марий Эл. В целом же почти все регионы центральной России существенно уступают среднему показателю по стране. Наибольшей величиной (порядка 1,3 - 2,2 млн. рублей) среднедушевой ВРП в стране в 2008г. выделялись МО Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. К этой же группе лидирующих регионов относились Чукотский АО и Сахалинская область с показателями порядка 635-660 тыс. рублей, а также республики Саха (Якутия) и

Коми, Тюменская область (без автономных округов) с показателями порядка 310-370 тыс. рублей.

В целом же ВРП выступает первичной основой формирования денежных доходов МО, на величины которых несомненное влияние оказывают сложившиеся в стране механизмы его социального и территориального перераспределения, а также принятая концепция формирования доходной части бюджетов муниципальных образований. В 2008г. среднедушевой доход местных бюджетов всех уровней России составил лишь 15 тыс. рублей[12]. Вариационных размах этого показателя был порядка 46 раз (от 3,5 тыс. рублей в Ингушетии до 161,3 тыс. рублей в Чукотском АО). Территориальные различия этого показателя совпадают с территориальными особенностями среднедушевого ВРП по субъектам страны. Наименьшими среднедушевыми доходами местных бюджетов - до 10 тыс. рублей - выделяются горские республики Северного Кавказа (Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания), в Центральном федеральном округе - Брянская и Орловская области, в Приволжском ФО - республики Башкортостан и Марий Эл, а в Сибирском ФО - Алтайский край. В целом же все регионы Центрального, Приволжского, Кавказского и Южного федеральных округов отличаются существенно меньшей (чем среднероссийская) величиной среднедушевых доходов местных бюджетов. Наибольшей величиной среднедушевых доходов местных бюджетов (105-460 тыс. рублей) в 2008г. выделялись прежде всего самые северные автономные округа России - Чукотский, Ненецкий и Ямало-Ненецкий. Среднедушевой доход местных бюджетов порядка 50-53 тыс. рублей отмечен в Сахалинской области, Республике Саха (Якутия) и Ханты-Мансийском АО, а порядка 20-30 тыс. рублей - в Мурманской, Камчатской областях и в Красноярском крае.

Настоятельная необходимость полноценного финансирования муниципальных бюджетов России вызывается помимо всего прочего задачами содержания принадлежащих им учреждений социальной инфраструктуры. На 01.01.2010г. в Российской Федерации насчитывалось 98,6 тыс. учреждений образования, 7,4 тыс. учреждений здравоохранения, 34,6 тыс. учреждений культуры и 5,5 тыс. учреждений спорта муниципального уровня [12]. Особенно большую финансовую нагрузку несут при этом органы

самоуправления высшего уровня - муниципальные районы и городские округа. Так, на бюджете муниципальных районов находилось финансирование 63,4% всех учреждений образования, 45,5%учреждений здравоохранения, 34,5% учреждений культуры и 37,7% учреждений спорта. В свою очередь, на бюджете городских округов находилось 32,2% учреждений образования, 44,9% учреждений здравоохранения, 15,6% учреждений культуры и 42,1% учреждений спорта. Для городских поселений заметна доля учреждений спорта (11%) и культуры (6,7%), а для сельских поселений - культуры (43,2%), здравоохранения (8%) и спорта (6,5%). В последнем случае культура представлена сельскими клубами, а здравоохранение - фельдшерско-акушерскими пунктами и в меньшей степени -участковыми больницами.

Проблемы с финансированием МО России находят и некоторое отражение в дефицитности их бюджетов. В 2010г. дефицитность бюджета МО, то есть превышение расходов над доходами составила 78,7 млрд. рублей или 3,7% по отношению к уровню доходов [12]. Принципиальное несовершенство финансовой системы местного самоуправления отражает тот факт, что только в восьми субъектах РФ (Вологодская область, республики Ингушетия, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия-Алания, Чечня, Пермский край и Ульяновская область, Ямало-Ненецкий АО) муниципальные бюджеты бездефицитны или профицитны, а в 90% субъектов страны они сведены с дефицитом. Обращает на себя внимание, что наиболее значительным (свыше 10%) дефицитом местных бюджетов выделяются не самые бедные в финансовом отношении субъекты страны (Сахалинская и Ярославская области, Краснодарский край и Татарстан). Это объясняется тем, что существенное превышение расходов над величиной доходов местных бюджетов могут позволить себе лишь регионы, которые смогли найти внутренние или внешние дополнительные источники финансирования уже после официального утверждения бюджетов. От 5% до 10% дефицит бюджета характерен для таких разных по их экономическому состоянию регионов России, как Брянская, Смоленская, Тверская, Костромская, Мурманская, Калининградская и Амурская области, республики Чувашия, Адыгея и Дагестан. Остаточный принцип финансирования местных бюджетов и хроническая их дефицитность четко прослеживается по типам муниципальных образований за 2010 год. Прослеживается

тенденция снижения уровня дефицитности с верхнего слоя муниципальных образований к нижнему: городские округа - 5%, внутригородские территории городов федерального значения - 3,7%, городские поселения - 2,8%, муниципальные районы - 2,4% и сельские поселения - 1,9%.

Многие сложнейшие проблемы местного самоуправления России возникли еще в 90-ые годы прошлого века на этапе формирования новой политической системы. Концепция местного самоуправления в постсоветской России оказалась непродуманной, поскольку исходила из абстрактных теоретических представлений о демократии и не учитывала реалий страны. В результате произошел разрыв вертикали власти. Государственная власть была представлена федеральным уровнем и органами власти субъектов РФ. Все, что ниже - даже областные центры и бывшие административные, а ныне муниципальные районы, стали относить к сфере местного самоуправления. Страна пережила этап местничества - по-существу неподотчетность глав районных администраций и областных центров руководству субъектов РФ. В последующем «вертикаль власти» была восстановлена, но фактические функции управления МО (районов и городских округов, не говоря уже о городских и сельских поселениях) стали весьма ограниченными. Такая неопределенность нашла свое отражение и на законодательном уровне. Так в законе о местном самоуправлении весьма подробно определены полномочия органов госвласти, но весьма кратко и не совсем четко определены полномочия органов управления самих МО. Создается иллюзия, что городские и сельские муниципалитеты отвечают «за все и ни за что», как бывшие сельские советы. Законодательно слабо определена финансово-экономическая база местного самоуправления, в силу чего преобладающая часть муниципалитетов (особенно сельских) не имеют достаточно средств для решения своих элементарных проблем. К тому же широко практикуется порочная практика, когда на федеральном и субъектном уровнях принимаются решения по тем или иным социальным проблемам, а их реализация возлагается на органы местного самоуправления в зависимости от их финансовых возможностей.

В условиях сложившегося в стране механизма рыночной экономики возникла кризисная ситуация во многих сельских

муниципалитетах, мелких городах и городских поселений. Деградация их экономической базы происходит в условиях сложнейшей демографической ситуации, обострения экономической обстановки и мало эффективного механизма управления. Все это в совокупности обуславливает значительную актуальность научных исследований процессов развития, организации и управления муниципальных образований. В этой связи особое значение приобретают комплексные (на стыке социально-экономической географии и регионоведения, региональной экономики, региональной социологии, региональной политологии, муниципального права) исследования небольших по площади территорий и локалитетов, имеющие прикладное значение, то есть нацеленные на решение их острейших местных проблем. Такой подход неизбежно приводит к смещению «центра тяжести» социально-экономической географии на прикладные крупномасштабные исследования.

Для реализации такого направления исследований на факультете географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета 25-26 ноября 2011г. была проведена Всероссийская межведомственная научно-практическая конференция «Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления» [9]. В работе конференции приняли участие около 80 специалистов разных отраслей науки, но преимущественно социально-экономической географии из Воронежа, Москвы, Белгорода, Твери, Ростова и других городов. Помимо региональной тематики преимущественно по центральным регионам России на конференции были сделаны доклады общетеоретического характера [2,4,6,7,8,10,11,13]. Для закрепления подобной тематики было принято решение провести аналогичную конференцию в конце 2012г., обратив особое внимание на анализ современной системы правового обеспечения деятельности органов муниципальной власти, на оценку современной системы управления на уровне муниципальных образований, их финансового и кадрового обеспечения, на исследования экономического, социального, демографического, природно-ресурсного и рекреационного потенциалов и проблем их эффективного использования.

Переход к рыночной экономике и представительной демократии вызывает необходимость осмысления с позиции теории регионоведения конечного результата самого процесса совершенствования и управления муниципальных районов. С нашей точки зрения, основной целью муниципального управления района должно выступать достижение такой, упорядоченности и взаимосогласованности управленческих решений, которые, во-первых, должны обеспечить максимально возможное в данных сложившихся условиях производство ВРП и дохода, чтобы обеспечить возможности МО самостоятельно формировать свой бюджет, во-вторых, создать условия и обеспечить уверенный рост уровня и качества жизни населения, что гарантирует преемственность власти в условиях представительной демократии, в третьих, управленческие решения должны обеспечить рациональное природопользование и благоприятную среду обитания людей.

Достижение этой триединой цели возможно лишь при последовательном решении на уровне муниципальных районов целого ряда задач: 1. Определение потенциала муниципального района. При этом под потенциалом понимаются возможности развития района как в настоящее время, так и в ближайшей перспективе. В функциональном отношении выделяются различные виды потенциалов: экономический, финансовый, инновационный, транспортно-логистический, трудоресурсный, природно-ресурсный, природно-экологический, демографический, социально-культурный и другие. 2. Выявление «узких мест» (проблем, диспропорций, неблагоприятных явлений и тенденций), которые сдерживают развитие данного муниципального района. 3. Анализ реализуемых программ социально-экономического развития муниципального района, краткосрочный прогноз (до 5 лет) его развития и обоснование основных направлений муниципальной политики[10].

В отличие от традиционных научных описательно-фактологических исследований регионоведческий подход обладает определенной специфичностью, которая находит свое отражение в некоторых принципах такого исследования (системность, конструктивность, достаточность, моделирование).Системность - муниципальное образование рассматривается как сложная территориальная социально-

экономическая система, целью управления которой выступает оптимизация взаимодействия всех элементов такой системы. Конструктивность - в отличие от традиционных географических описаний и характеристик регионоведение имеет прикладной характер. На первый план выходит не исследование ради исследования, а анализ, прогноз и конкретные предложения по управлению муниципалитетами. Достаточность - для каждого типа работ должны быть определены нормативы информации и проведения ее генерализации (отбор). Моделирование - широкое использование экономико- и социально-статистических моделей, на основе которых определяются потенциал, «узкие места» и основные варианты развития муниципалитета.

Таким образом, на уровне муниципальных образований России сложились исключительно сложные институциональные, экономические, финансовые, демографические и социальные проблемы, эффективное решение которых требует проведения междисциплинарных комплексных географо-регионоведческих исследований.

Список литературы

1. Воронин А.Г. Муниципальное хозяйствование и управление: проблемы теории и практики / А.Г. Воронин.- М.: Финансы и статистика, 2006.-176с.

2. Диденко О.В. Местное самоуправление в современных научных исследованиях / О.В. Диденко // Муниципальные образования центральных регионов России: Проблемы исследования, развития и управления: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 25-26 ноября 2011). Воронежский государственный университет. - Воронеж: Воронежский государственный университет.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.- с. 64-68.

3. Дробышев В.З. Историческая география СССР: учебное пособие / В.З. Дробышев, И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьевю.- М.: изд-во «Высшая школа», 1973.- 320с.

4. Зеленцова С.Ю. Проблемы оптимизации муниципального управления и социальной безопасности Воронежской области / С.Ю. Зеленцова // Муниципальные образования центральных регионов России: Проблемы исследования, развития и управления:

материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 25-26 ноября 2011). Воронежский государственный университет.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.- с.79-85

5. Игнатов В.Г. Местное самоуправление: российская практика и зарубежный опыт / В.Г. Игнатов, В.И. Бутков.- М.: Наука, 2007.- 307с.

6. Кирьянчук В.Е. Проблемы совершенствования территориальной организации местного самоуправления Воронежской области / В.Е. Кирьянчук, З.В. Пономарева // Муниципальные образования центральных регионов России: Проблемы исследования, развития и управления: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 25-26 ноября 2011). Воронежский государственный университет.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.- с.16-21.

7. Комов И.В. Проблемы формирования бюджетов муниципальных образований в Российской Федерации / И. В. Комов // Муниципальные образования центральных регионов России: Проблемы исследования, развития и управления: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 2526 ноября 2011). Воронежский государственный университет.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.-с. 44-49

8. Крупко А.Э Проблемы развития муниципального управления ЦЧР / А.Э. Крупко // Муниципальные образования центральных регионов России: Проблемы исследования, развития и управления: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 25-26 ноября 2011). Воронежский государственный университет.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.-с. 36-41

9. Муниципальные образования центральных регионов России: Проблемы исследования, развития и управления: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 25-26 ноября 2011). Воронежский государственный университет.- Воронеж:

Воронежский государственный педагогический университет, ред. кол.: Ю.В. Поросенков, И.В. Комов.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.- 220с.

10. Поросенков Ю.В. Проблемы исследования, развития и управления муниципальными образованиями (на примере Воронежской области) / Ю. В. Поросенков // Муниципальные образования центральных регионов России: Проблемы исследования, развития и управления: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 25-26 ноября 2011). Воронежский государственный университет.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.-с. 8-16

11. Поросенков Ю.В. Паспорт городских и сельских поселений как базовый источник их исследования / Ю.В. Поросенков, О.Ю, Сушкова // Муниципальные образования центральных регионов России: Проблемы исследования, развития и управления: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 25-26 ноября 2011). Воронежский государственный университет.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.-с. 100-103

12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб./ Росстат.- М., 2010.- 996с.

13. Шарыгин М.Д. Теоретико-методические основы изучения проблем местного самоуправления / М.Д. Шарыгин, В.А. Столбов, А.А. Телепнев // Муниципальные образования центральных регионов России: Проблемы исследования, развития и управления: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 25-26 ноября 2011). Воронежский государственный университет.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.-с. 21-26

14. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 года №131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской федерации».- М., 2011.

ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[43]

Административно-территориальное устройство России всегда было производным от решения конкретных политических и социально-экономических проблем на каждом этапе ее развития и неизбежно отражало внутренние тенденции формирования территориальной организации российского общества. Отдельные элементы внутреннего административно-территориального устройства страны стали формироваться еще на этапе создания централизованного Русского государства в XIV-XV веках и последующей его территориальной экспансии в XVI-XVII веках. Но как единая стройная система административно-территориальное устройство сложилось в конце XVIII века [3]. При образовании губерний и уездов, прежде всего, учитывалось удобство их управления, а следовательно и специфика социально-экономического развития территорий. Поскольку при образовании губерний учитывался их демографический потенциал, то наиболее дробное губернское деление возникло в плотно заселенном историческом центре страны, где границы определялись по тяготению к губернским центрам. На редко заселенных северных и восточных окраинах страны границы губерний выделялись по бассейнам крупнейших рек, которые там являлись основными транспортными путями.

Во второй половине XIX в. в связи с быстрым формированием капиталистических отношений, строительством железных дорог, развитием промышленности и усилением процессов урбанизации возникли новые торгово-промышленные центры, которые создали свои зоны влияния и в ряде случаев перехватили функции не только многих уездных, но и некоторых губернских центров. На этой основе в русской географической литературе возникло понятие «экономический подход» (в терминологии В. П. Семенова-Тян-Шанского). В советский период административно-

[43] Задачи и проблемы географического исследования муниципальных образований Российской Федерации / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета: География. Геоэкология.- 2012.- №1, Воронеж.- ВГУ.-2012, С.5-14

территориальное устройство страны существенно изменилось и стало более дробным. Во-первых, формирование РСФСР в процессе так называемого «национального строительства» обусловило выделение большого числа национальных автономий. Основой административного устройства страны стали края, области и автономные республики, а другие типы национальных автономий входили в состав краев и областей с преобладающим русским населением. Во-вторых, с учетом формирования крупных промышленных центров были образованы новые области на территориях с преобладающим русским населением, причем этот процесс прослеживается до середины 50-х годов XX в. В третьих, в конце 20-х - в 30-ые годы XX в. в связи с необходимостью коллективизации и советизации села была проведена кардинальная реформа административно-территориального деления областей и краев России. Основной их территориальной единицей стали административные районы, а внутри них - сельские и городские советы [3]. В последующем в процессе укрупнения общественных хозяйств (колхозов и совхозов) произошло и укрупнение как сельских советов, так и административных районов, что привело к деградации бывших сельских райцентров. Одновременно по мере формирования новых местных промышленных и транспортных центров существенно выросло число городских советов и советов поселков городского типа.

В постсоветской России в 90-ые годы XX в. административно-территориальное устройство страны стало еще более дробным. Субъектами РФ стали не только существовавшие до того края, области, республики, созданные на базе автономных республик, но и автономных областей (такой статус сохранила лишь Еврейская АО), автономные округа и два города федерального подчинения. Дробность административно-территориального устройства стала настолько очевидной, что в начале XXI в. наметилась тенденция к укрупнению за счет включения маломощных автономных округов в состав краев.

В настоящее время в территориальной организации российского общества самый нижний уровень закреплен за муниципальными образованиями (МО). Их эффективное функционирование в принципе предопределяет судьбу дальнейшего развития современной Российской Федерации. В соответствие с федеральным законом от 6 октября 2003 года №

131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» существуют два территориальных уровня муниципальных образований. Первый, верхний уровень - это муниципальные (в прошлом административные) районы и городские округа в составе субъектов РФ: республик, областей, краев и автономных округов. Особое место занимают городские округа, образованные городами федерального значения (Москва, Санкт-Петербург).

Как следует из федерального закона № 131, муниципальный район представляет совокупность нескольких поселений (или поселений и межсе-ленных территорий), в границах которого население непосредственно и (или) через выборные органы местного самоуправления осуществляет решение вопросов местного значения. Органы местного самоуправления могут осуществлять и отдельные государственные полномочия, передаваемые им федеральными законами и законами субъектов РФ [13]. Городской округ (ГО) - городское поселение, которое не входит в состав муниципального района, и органы его местного самоуправления осуществляют полномочия по решению вопросов местного значения, а также отдельные государственные полномочия, передаваемые им федеральными законами и законами субъектов РФ. В состав городских округов кроме самого образующего их города могут входить тесно связанные с ним пригородные городские и сельские населенные пункты.

Второй, нижний территориальный уровень МО, представлен городскими, сельскими поселениями и внутригородскими территориями городов федерального значения. Городское поселение (в трактовке ФЗ № 131) - город или поселок с прилегающей территорией, в котором местное самоуправление осуществляется непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. В состав городских поселений могут входить сельские населенные пункты, не являющиеся сельскими поселениями. Сельское поселение - один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов (сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов), в котором местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. При этом городские и сельские поселения входят в состав муниципальных

районов. Аналогично, внутригородская территория города федерального значения - часть территории города федерального значения, в границах которой осуществляется местное самоуправление. Следует заметить, что на отдельных территориях (вроде административных районов) внутри городских округов, как это вытекает из сути федерального закона № 131, местное самоуправление в принципе не существует. В целом же все эти законодательные положения в значительной степени определили ту конкретную экономическую, социальную, финансовую и институциональную ситуацию, которая сложилась на уровне муниципальных образований России.

В соответствие со сложившимся административно-территориальным устройством РФ верхний уровень ее муниципальных образований на 01.01.2010 г. был представлен 1829 муниципальными районами, 512 городскими округами и 236 внутригородскими территориями городов федерального значения (г. Москва и г. Санкт-Петербург) [12]. Поскольку территории городов федерального значения выделены лишь в двух столичных городах, то они обладают особой спецификой и выведены нами за пределы представленного исследования. Поэтому в качестве верхнего уровня местного самоуправления субъектов РФ нами рассматривается совокупность их муниципальных районов и городских округов в количестве 2341 единиц.

В среднем на один субъект РФ приходится порядка 29 муниципальных образований верхнего уровня [12]. Свыше половины всех субъектов РФ имеют в своем составе от 16 до 36 МО. Наименьшее число МО (до 10) характерно для северных и восточных территорий пионерного освоения (Ненецкий и Чукотский АО, Еврейская АО, Магаданская область) и небольших горских республик Северного Кавказа (Ингушетия, Адыгея, Северная Осетия-Алания). Наибольшее число муниципальных образований (45 и более) отмечается в крупных по площади субъектах РФ в Сибири (Алтайский и Красноярский края), в целом ряде областей Урала и Поволжья (Республики Башкортостан и Татарстан, Свердловская, Нижегородская области, Пермский край), в Дагестане и Ростовской области, а также в столичной Московской области. В составе последней выделяются 74 муниципальных образований (муниципальных районов и городских округов). На соотношение численности городских

округов и муниципальных районов несомненное влияние оказывают характер освоения территории, уровень промышленного развития субъектов РФ и принятая в каждом из них концепция выделения городских округов. В первом случае, можно отметить, что в Свердловской области и на Сахалине на городские округа приходится порядком 90% всех их МО, в Московской и Кемеровской областях - порядка половины, а в Челябинской, Самарской областях и Красноярском крае -порядка 1/3. Во втором случае, влияние принятой концепции выделения округов можно показать на примере областей Центрального Черноземья, которые в принципе сравнимы по уровню хозяйственного развития и территориальной организации населения. Если в Воронежской области удельный вес городских округов составляет порядка 9 %, то в быстро развивающихся на базе КМА Липецкой и Белгородской областях соответственно 10% и 14%, в Курской области 15%, а в наиболее отстающей Тамбовской области 23%. Анализ показывает, что при выделении городских округов в Воронежской области (3 ГО) и в Тамбовской области (7 ГО) использованы разные подходы.

Нижний уровень муниципального управления представлен городскими и сельскими поселениями в составе муниципальных районов. На начало 2010 года в среднем на один район России приходилось 11,7 поселений [12]. Наибольшей многочисленностью (свыше 15-ти) при одновременной значительной людности сельских населенных пунктов выделяются плотно заселенные земледельческие регионы страны: в Центральном ФО - Курская, Липецкая, Воронежская и Белгородская области, в Приволжском - республики Татарстан, Мордовия, Башкортостан и Оренбургская область. На востоке страны к этой категории относятся Курганская и Новосибирская области. Кроме того, по рассматриваемому показателю к этой группе субъектов федерации относятся Дагестан с его горным расселением и Ненецкий АО с изреженной сетью постоянных сельских населенных пунктов, сложившейся в условиях северного оленеводства и очагово расположенных поселков по добыче нефти и газа. Напротив, наименьшим числом (до 5) поселений в составе муниципальных районов страны, как правило, выделяются северные редконаселенные территории с очаговым характером их освоения (Мурманская, Магаданская, Сахалинская области и

Камчатский край). Исключение составляют Ярославская, Калининградская и Свердловская области. Все эти существенные различия во внутренней структуре муниципальных образований России не могут не отражаться на территориальной организации их общественной жизни.

Для общей характеристики МО необходимо использовать такие показатели, как средняя площадь, средняя численность населения и средняя плотность населения по субъектам РФ. Средняя площадь муниципальных образований РФ составляет 7,3 тыс. км^2 [12]. Гигантские размеры страны, наличие в ней как староосвоенных, так и регионов пионерного освоения, резервных («пустопорожних», как писал Н. Н. Баранский) территорий объясняют вариационный размах показателей порядка 230 раз (от минимального 0,45 тыс. км^2 в Республике Ингушетия до максимального 103,1 тыс. км^2 в Чукотском АО. В целом же в этом отношении прослеживается достаточно четкое деление страны на две зоны - освоенную и пионерного освоения, разделом между которыми выступают северные границы Ленинградской, Вологодской, Кировской областей, Свердловской, собственно Тюменской (без автономных округов), Омской, Новосибирской, Кемеровской областей, Пермского края, включая и Алтайский край. В освоенной зоне наименьшие площади имеют МО в историческом центре страны (Московская, Ивановская, Курская, Орловская и Тульская области), горские республики Северного Кавказа (Адыгея, Чеченская Республика, Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Республика Дагестан). За пределами этих двух регионов наименьшей площадью МО выделяются эксклавная Калининградская область и Чувашская Республика. В зоне пионерного освоения наибольшими размерами территории характеризуются (помимо уже упомянутого Чукотского АО) Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО, Магаданская область, Красноярский и Камчатский края. Такой колоссальный разрыв в размерах территории МО в России обуславливает неодинаковые требования к территориальной организации их хозяйства и населения. Например, средняя территория одного МО Чукотского округа превышает площадь Белгородской, Воронежской и Курской областей вместе взятых.

Больший интерес вызывает анализ средней численности населения МО по субъектам РФ, поскольку численность населения отражает не только демографический потенциал, а опосредованно и экономические возможности этих ячеек местного самоуправления. На 01.01.2010 г. в пределах одного МО России в среднем проживало 54,1 тыс. человек [12]. Вариационный размах этого показателя составлял 17 раз, что в 13,5 раза меньше аналогичного показателя по площади. Здесь тоже наблюдаются существенные различия между старо-освоенными и территориями пионерного освоения, однако границы между ними в какой-то степени «размыты». Наименьшим демографическим потенциалом (до 30 тысяч человек) в России выделяются МО пионерного освоения (Чукотский и Ненецкий АО, Магаданская, Сахалинская, Амурская области, Камчатский край, Республика Саха-Якутия), некоторые республики с экстенсивными формами хозяйственной деятельности (Тыва, Алтай и Калмыкия), некоторые русские лесные области с выборочным характером освоения территории (Псковская, Новгородская и Костромская). В целом же муниципальные образования всего исторического густо заселенного центра России (Орловская, Тверская, Курская, Смоленская, Тамбовская, Брянская, Ивановская, Калужская, Рязанская области) характеризуются несколько меньшим демографическим потенциалом - до 40 тыс. человек, чем средний показатель по России. Напротив, наибольшая (свыше 80 тыс. человек) численность населения МО характерна для Краснодарского края, двух столичных областей (Московская, Ленинградская) и некоторых индустриально развитых субъектов РФ (Самарская, Челябинская, Кемеровская области и Татарстан). Весьма немного им уступают по численности населения МО некоторых русских регионов Юга России (Астраханская, Ростовская области, Ставропольский край), некоторые горские республики Северного Кавказа (Северная Осетия-Алания, Чечня), а также Новосибирская область и Хабаровский край.

Территориальные различия в размерах территории и численности населения МО страны находят свое отражение в показателе их средней плотности населения по субъектам РФ. Такой показатель на начало 2010 г. составил 7,4 чел/км^2. Вариационный размах этого показателя оказался порядка 2,5 тысяч раз (от 0,06 чел/км^2 в Чукотском АО до 149, 5 чел/км^2 в

Московской области, что отражает колоссальные различия в демографическом потенциале МО России. При этом четко выражены различия между территориями сплошного, выборочного и очагового освоения страны. Наиболее заселенные (свыше 50 чел/км^2) МО полностью приурочены к Европейской части страны: Северный Кавказ (Ингушетия, Северная Осетия-Алания, Чечня, Кабардино-Балкария, Адыгея, Дагестан, Краснодарский край), ЦФО (Московская, Тульская, Белгородская и Ивановская области), Приволжский ФО (Чувашия, Татарстан и Самарская область). За пределами этих регионов в обозначенную группу МО попадает лишь Калининградская область. В целом же МО с высоким уровнем заселенности охватывают лесостепные, степные территории, зону смешанных лесов исторического Центра России и Поволжья. Горские республики Северного Кавказа характеризуются самой большой в стране реальной заселенностью, если принять во внимание горный характер их рельефа.

В свою очередь, незначительным (до 1 чел/км^2) уровнем заселенности выделяются самые северные МО России (помимо Чукотского еще Ненецкий и Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха-Якутия, Магаданская область и Камчатский край). Плотностью населения от 1 до 5 чел/км^2 характеризуется вся огромная северо-восточная зона России, граница которой с освоенной частью страны проходит по северным окраинам Ленинградской, Вологодской, Кировской областям, Пермского края, Свердловской, Тюменской (без АО), Омской, Новосибирской, Кемеровской областям и Хакасии. На этой огромной территории несколько большим уровнем заселенности выделяются Мурманская, Сахалинская области, Приморский край и Еврейская АО. Столь неодинаковый характер заселенности МО России требует реализации принципиально разных сценариев территориальной организации их общественной жизни.

Экономические возможности МО России в какой-то степени можно определить по величине валовой региональной продукции (ВРП). При этом ВРП характеризует стоимость товаров и услуг, созданных в регионе, и исчисляется в фактических рыночных ценах. В 2008 г. величина ВРП в расчете на одно МО России составила 10,4 млрд. рублей [12]. Вариационный размах этого показателя по МО страны составил 21,8 раза (от 1,3 млрд. руб -лей в Республике Тыва до 28,1 млрд. рублей в Ханты-Мансийском

АО). Наименьшей величиной ВРП выделяются некоторые республики Северного Кавказа (Ингушетия, Карачаево-Черкессия и Чечня), Калмыкия, территории северной окраины исторического центра России (Костромская, Псковская и Кировская области, Марий Эл), некоторые центральные российские области (Ивановская, Орловская и Брянская), часть регионов юга Сибири (Республики Тыва, Алтай и Алтайский край). Максимальной величиной ВРП (от 45 до 88 млрд. рублей) в России особенно выделяются три автономных округа, специализация хозяйства которых почти исключительно строится на добыче нефти и газа (Ханты-Мансийский - Югра, Ямало-Ненецкий и Ненецкий). Кроме того, к этой категории (от 15 до 23 млрд. рублей) относятся наиболее индустриально развитые регионы как в Европейской (Московская и Ленинградская области, Татарстан, Самарская область и Краснодарский край), так и в Азиатской России (Тюменская, Сахалинская, Кемеровская и Челябинская области).

Конечно, на общую величину ВРП МО России несомненно влияет численность их населения и размеры территории, поэтому при анализе целесообразно использовать показатель среднедушевой ВРП. Этот показатель по МО России характеризуется относительно небольшой величиной и составил в 2008 году 193,1 тыс. рублей. В тоже время вариационный размах показателя достигает значительной величины - 58,4 раза (от 37,1 тыс. рублей в Ингушетии до 2168,8 тыс. рублей в Ненецком АО). Среднедушевой показатель ВРП схематично разделяет все субъекты РФ на две зоны -слабоосвоенную северо-восточную с наиболее значительным среднедушевым уровнем производства и староосвоенную юго-западную часть с наименьшей ее величиной. Низкой величиной среднедушевой ВРП характеризуются все республики Северного Кавказа, а кроме того Ивановская и Брянская области, республики Тыва, Алтай и Марий Эл. В целом же почти все регионы Центральной России существенно уступают среднему показателю по стране. Наибольшей величиной (порядка 1,3-2,2 млн. рублей) среднедушевой ВРП в стране в 2008 году выделялись МО Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. К этой же группе лидирующих регионов относились Чукотский АО и Сахалинская область с показателями порядка 635-660 тыс. рублей, а также республики

Саха (Якутия) и Коми, Тюменская область (без автономных округов) с показателями порядка 310-370 тыс. рублей.

В целом же ВРП выступает первичной основой формирования денежных доходов МО, на величины которых несомненное влияние оказывают сложившиеся в стране механизмы его социального и территориального перераспределения, а также принятая концепция формирования доходной части бюджетов муниципальных образований. В 2008 году среднедушевой доход местных бюджетов всех уровней России составил лишь 15 тыс. рублей [12]. Вариационных размах этого показателя был порядка 46 раз (от 3,5 тыс. рублей в Ингушетии до 161,3 тыс. рублей в Чукотском АО). Территориальные различия этого показателя совпадают с территориальными особенностями среднедушевого ВРП по субъектам страны. Наименьшими среднедушевыми доходами местных бюджетов - до 10 тыс. рублей - выделяются республики Северного Кавказа (Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Северная Осетия-Алания), в Центральном федеральном округе - Брянская и Орловская области, в Приволжском - республики Башкортостан и Марий Эл, а в Сибирском - Алтайский край. В целом же все регионы Центрального, Приволжского, Кавказского и Южного федеральных округов отличаются существенно меньшей (чем среднероссийская) величиной среднедушевых доходов местных бюджетов. Наибольшей величиной среднедушевых доходов местных бюджетов (105-460 тыс. рублей) в 2008 году выделялись самые северные автономные округа России - Чукотский, Ненецкий и Ямало-Ненецкий. Среднедушевой доход местных бюджетов порядка 50-53 тыс. рублей отмечен в Саха -линской области, Республике Саха (Якутия) и Ханты-Мансийском АО, а порядка 20-30 тыс. рублей - в Мурманской области, Камчатском и в Красноярском краях.

Настоятельная необходимость полноценного финансирования муниципальных бюджетов России вызывается помимо всего прочего задачами содержания принадлежащих им учреждений социальной инфраструктуры. На 01.01.2010 года в Российской Федерации насчитывалось 98,6 тыс. учреждений образования, 7,4 тыс. учреждений здравоохранения, 34,6 тыс. учреждений культуры и 5,5 тыс. учреждений спорта муниципального уровня [12]. Особенно большую финансовую нагрузку несут при этом органы самоуправления высшего уровня - муниципальные районы и

городские округа. Так, на бюджете муниципальных районов находилось финансирование 63,4% всех учреждений образования, 45,5% учреждений здравоохранения, 34,5% учреждений культуры и 37,7 % учреждений спорта. В свою очередь, на бюд -жете городских округов находилось 32,2 % учреждений образования, 44,9% учреждений здравоохранения, 15,6 % учреждений культуры и 42,1 % учреждений спорта. Для городских поселений заметна доля учреждений спорта (11%) и культуры (6,7%), а для сельских поселений - культуры (43,2%), здравоохранения (8%) и спорта (6,5%). В последнем случае культура представлена сельскими клубами, а здравоохранение - фельдшерско-акушерскими пунктами и в меньшей степени - участковыми больницами.

Проблемы с финансированием МО России находят и некоторое отражение в дефицитности их бюджетов. В 2010 году дефицитность бюджета МО, то есть превышение расходов над доходами, составила 78,7 млрд. рублей или 3,7% по отношению к уровню доходов [12]. Принципиальное несовершенство финансовой системы местного самоуправления отражает тот факт, что только в восьми субъектах РФ (Вологодская область, республики Ингушетия, Карачаево-Черкессия, Северная Осетия-Алания, Чечня, Пермский край, Ульяновская область, Ямало-Ненецкий АО) муниципальные бюджеты бездефицитны или профицитны, а в 90% субъектов страны они сведены с дефицитом. Обращает на себя внимание, что наиболее значительным (свыше 10%) дефицитом местных бюджетов выделяются не самые бедные в финансовом отношении субъекты страны (Сахалинская и Ярославская области, Краснодарский край и Татарстан). Это объясняется тем, что существенное превышение расходов над величиной доходов местных бюджетов могут позволить себе лишь регионы, которые смогли найти внутренние или внешние дополнительные источники финансирования уже после официального утверждения бюджетов. От 5% до 10% дефицит бюджета характерен для таких разных по их экономическому состоянию регионов России, как Брянская, Смоленская, Тверская, Костромская, Мурманская, Калининградская и Амурская области, республики Чувашия, Адыгея и Дагестан. Остаточный принцип финансирования местных бюджетов и хроническая их дефицитность четко прослеживается по типам муниципальных образований за 2010 год. Прослеживается тенденция снижения

уровня дефицитности с верхнего слоя муниципальных образований к нижнему: городские округа - 5%, внутригородские территории городов федерального значения -3,7%, городские поселения - 2,8%, муниципальные районы - 2,4 % и сельские поселения - 1,9%.

Многие сложнейшие проблемы местного самоуправления России возникли еще в 90-ые годы прошлого века на этапе формирования новой политической системы. Концепция местного самоуправления в постсоветской России оказалась непродуманной, поскольку исходила из абстрактных теоретических представлений о демократии и не учитывала реалий страны. В результате произошел разрыв вертикали власти. Государственная власть была представлена федеральным уровнем и органами власти субъектов РФ. Все, что ниже - даже областные центры и бывшие административные, а ныне муниципальные районы, стали относить к сфере местного самоуправления. Страна пережила этап местничества - по-существу неподотчетность глав районных администраций и областных центров руководству субъектов РФ. В последующем «вертикаль власти» была восстановлена, но фактические функции управления МО (районов и городских округов, не говоря уже о городских и сельских поселениях) стали весьма ограниченными. Такая неопределенность нашла свое отражение и на законодательном уровне. Так, в законе о местном самоуправлении весьма подробно определены полномочия органов госвласти, но весьма кратко и не совсем четко определены полномочия органов управления самих МО. Создается иллюзия, что городские и сельские муниципалитеты отвечают «за все и ни за что», как бывшие сельские советы. Законодательно слабо определена финансово-экономическая база местного самоуправления, в силу чего преобладающая часть муниципалитетов (особенно сельских) не имеют достаточно средств для решения своих элементарных проблем. К тому же широко практикуется порочная практика, когда на федеральном и субъектном уровнях принимаются решения по тем или иным социальным проблемам, а их реализация возлагается на органы местного самоуправления в зависимости от их финансовых возможностей.

В условиях сложившегося в стране механизма рыночной экономики возникла кризисная ситуация во многих сельских

муниципалитетах, мелких городах и городских поселений. Деградация их экономической базы происходит в условиях сложнейшей демографической ситуации, обострения экономической обстановки и мало эффективного механизма управления. Все это в совокупности обуславливает значительную актуальность научных исследований процессов развития, организации и управления муниципальных образований. В этой связи особое значение приобретают комплексные (на стыке социально-экономической географии и регионоведения, региональной экономики, региональной социологии, региональной политологии, муниципального права) исследования небольших по площади территорий и локалитетов, имеющие прикладное значение, то есть нацеленные на решение их острейших местных проблем. Такой подход неизбежно приводит к смещению «центра тяжести» социально-экономической географии на прикладные крупномасштабные исследования.

Для реализации такого направления исследований на факультете географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета 25-26 ноября 2011 г. была проведена Всероссийская межведомственная научно-практическая конференция «Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления» [9]. В работе конференции приняли участие около 80 специалистов разных отраслей науки, но преимущественно социально-экономической географии из Воронежа, Москвы, Белгорода, Твери, Ростова и других городов. Помимо региональной тематики преимущественно по центральным регионам России на конференции были сделаны доклады общетеоретического характера [2, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 14]. Для закрепления подобной тематики было принято решение провести аналогичную конференцию в конце 2012 года, обратив особое внимание на анализ современной системы правового обеспечения деятельности органов муниципальной власти, на оценку современной системы управления на уровне муниципальных образований, их финансового и кадрового обеспечения, на исследования экономического, социального, демографического, при-родно-ресурсного и рекреационного потенциалов и проблем их эффективного использования.

Переход к рыночной экономике и представительной демократии вызывает необходимость осмысления с позиции теории регионоведения конечного результата самого процесса совершенствования и управления муниципальных районов. С нашей точки зрения, основной целью муниципального управления района должно выступать достижение такой, упорядоченности и взаимосогласованности управленческих решений, которые, во-первых, должны обеспечить максимально возможное в данных сложившихся условиях производство ВРП и дохода, чтобы обеспечить возможности МО самостоятельно формировать свой бюджет, во-вторых, создать условия и обеспечить уверенный рост уровня и качества жизни населения, что гарантирует преемственность власти в условиях представительной демократии, в третьих, управленческие решения должны обеспечить рациональное природопользование и благоприятную среду обитания людей.

Достижение этой триединой цели возможно лишь при последовательном решении на уровне муниципальных районов целого ряда задач.

1. Определение потенциала муниципального района. При этом под потенциалом понимаются возможности развития района как в настоящее время, так и в ближайшей перспективе. В функциональном отношении выделяются различные виды потенциалов: экономический, финансовый, инновационный, транспортно-логистический, тру-доресурсный, природно-ресурсный, природно-эко-логический, демографический, социально-культурный и другие.

2. Выявление «узких мест» (проблем, диспропорций, неблагоприятных явлений и тенденций), которые сдерживают развитие данного муниципального района.

3. Анализ реализуемых программ социально-экономического развития муниципального района, краткосрочный прогноз (до 5 лет) его развития и обоснование основных направлений муниципальной политики [10].

В отличие от традиционных научных описательно-фактологических исследований регионо-ведческий подход обладает определенной специфичностью, которая находит свое отражение в некоторых принципах такого исследования (системность, конструктивность, достаточность, моделирование).

Системность - муниципальное образование рассматривается как сложная территориальная социально-экономическая система, целью управления которой выступает оптимизация взаимодействия всех элементов. Конструктивность -в отличие от традиционных географических описаний и характеристик регионоведение имеет прикладной характер. На первый план выходит не исследование ради исследования, а анализ, прогноз и конкретные предложения по управлению муниципалитетами. Достаточность - для каждого типа работ должны быть определены нормативы информации и проведения ее генерализации (отбор). Моделирование - широкое использование экономико-и социально-статистических моделей, на основе которых определяются потенциал, «узкие места» и основные варианты развития муниципалитета.

Таким образом, на уровне муниципальных образований России сложились исключительно сложные институциональные, экономические, финансовые, демографические и социальные проблемы, эффективное решение которых требует проведения междисциплинарных комплексных географо-регионоведческих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронин А. Г. Муниципальное хозяйствование и управление: проблемы теории и практики / А. Г. Воронин. - М. : Финансы и статистика, 2006. - 176 с.

2. Диденко О. В. Местное самоуправление в современных научных исследованиях / О. В. Диденко // Муниципальные образования центральных регионов России : Проблемы исследования, развития и управления : материалы Всерос. межведом. науч.-практ. конф. (Воронеж, 25-26 нояб. 2011 г.). - Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун -т, 2011. - С. 64-68.

3. Дробижев В. З. Историческая география СССР : учеб. пособие / В. З. Дробижев, И. Д. Ковальченко, А.В. Муравьев. - М. : Высш. шк., 1973. - 320 с.

4. Зеленцова С. Ю. Проблемы оптимизации муниципального управления и социальной безопасности Воронежской области / С. Ю. Зеленцова // Муниципальные образования центральных регионов России : Проблемы исследования, развития и управления

: материалы Всерос. межведом. науч.-практ. конф. (Воронеж, 2526 нояб. 2011 г.). - Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2011. - С. 79-85

5. Игнатов В. Г. Местное самоуправление : российская практика и зарубежный опыт / В. Г. Игнатов, В. И. Бутков.- М. : Наука, 2007. - 307 с.

6. Кирьянчук В. Е. Проблемы совершенствования территориальной организации местного самоуправления Воронежской области / В. Е. Кирьянчук, З. В. Пономарева // Муниципальные образования центральных регионов России : Проблемы исследования, развития и управления : материалы Всерос. межведом. науч.-практ. конф. (Воронеж, 25-26 нояб. 2011 г.). - Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2011. - С. 16-21.

7. Комов И. В. Проблемы формирования бюджетов муниципальных образований в Российской Федерации / И. В. Комов // Муниципальные образования центральных регионов России : Проблемы исследования, развития и управления : материалы Всерос. межведом. науч.-практ. конф. (Воронеж, 25-26 нояб. 2011 г.). - Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2011. - С. 44-49.

8. Крупко А. Э. Проблемы развития муниципального управления ЦЧР / А. Э. Крупко // Муниципальные образования центральных регионов России : Проблемы исследования, развития и управления : материалы Всерос. межведом. науч.-практ. конф. (Воронеж, 2526 нояб. 2011 г.). - Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2011. - С. 36-41.

9. Муниципальные образования центральных регионов России : Проблемы исследования, развития и управления : материалы Всерос. межведом. науч .- практ. конф. (Воронеж, 25-26 нояб. 2011 г.) / ред. кол. : Ю. В. Поросенков, И. В. Комов. - Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2011. - 220 с.

10. Поросенков Ю. В. Проблемы исследования, развития и управления муниципальными образованиями (на примере Воронежской области) / Ю. В. Поросен-ков // Муниципальные образования центральных регионов России : Проблемы исследования, развития и управления : материалы Всерос. межведом. науч.-практ. конф. (Воронеж, 25-26 нояб. 2011 г.). - Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2011. - С. 8-16.

11. Поросенков Ю. В. Паспорт городских и сельских поселений как базовый источник их исследования / Ю. В. Поросенков, О. Ю. Сушкова // Муниципальные образования

центральных регионов России : Проблемы исследования, развития и управления : материалы Всерос. межведом. науч.-практ. конф. (Воронеж, 2526 нояб. 2011 г.). - Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2011. - С. 100-103.

12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010 : стат. сб. / Росстат. - М., 2010. - 996 с.

13. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской федерации». -М., 2011.

14. Шарыгин М. Д. Теоретико-методические основы изучения проблем местного самоуправления / М. Д. Шарыгин, В. А. Столбов, А. А. Телепнев // Му- ниципальные образования центральных регионов России : Проблемы исследования, развития и управления : Воронеж, 25-26 нояб. 2011 г.). - Воронеж : Воронеж. гос. материалы Всерос. межведом. науч.-практ. конф. (Вор.гос. пед. ун -т, 2011. - С. 21-26.

ЗАДАЧИ И ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО РЕГИОНОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ[44]

Современные задачи исследования муниципальных образований (МО) Российской Федерации в значительной степени определяются самим пониманием сущности и реально сложившихся сложнейших проблем становления местного самоуправления в стране. МО выступают нижними звеньями административно-территориального деления страны, особенности которого определялись необходимостью решения конкретных проблем социально-экономического развития. Местное самоуправление всегда выступало в качестве одного из элементов того или иного механизма управления обществом, но его значимость была неодинаковой на разных исторических этапах страны.

В XIX веке таким элементом местного самоуправления на уровне отдельных сельских населенных пунктов выступала «крестьянская община», а после освобождения крестьян в результате земской реформы 1864 года на уровне уездов и губерний возникли так называемые «земства». В советское время после коренных социально-экономических преобразований 20-30-х годов XX в. самой низшей ячейкой административно-территориального деления страны стали сельские, поселковые и городские Советы, а уровнем выше — административные районы. Тем самым на локальном и региональном уровнях была создана жесткая «вертикаль власти». Однако сельские и поселковые советы как низший элемент административно-территориального деления страны, как правило, не обладали самостоятельным финансовым обеспечением и полностью зависели, с одной стороны, от местных хозяйственных субъектов (колхозов, совхозов, промышленных и транспортных предприятий), а с

[44] Задачи и проблемы комплексного регионоведческого исследования муниципальных образований России / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования регионов России : проблемы исследования, развития, управления : материалы II Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, 6-7- декабря 2012 г., г. Воронеж .— Воронеж, 2013 .— С. 3-14

другой, от финансирования из областных, краевых и республиканских бюджетов. Особенно это проявлялось в содержании учреждений социальной инфраструктуры, прежде всего школ, больничной сети и учреждений культуры. В крайних случаях, собственных финансовых средств в значительной части сельских, а иногда и поселковых, городских советов хватало лишь для содержания аппарата их управления. В немалой степени это стало результатом жесткой концентрации налоговых поступлений местных советов на общесоюзном, в меньшей степени, на республиканских уровнях, что было совершенно неизбежным в условиях хронического дефицита финансов для коренного социально-экономического реформирования страны. К тому же нормальное функционирование сельских, поселковых советов и административных районов весьма часто дезорганизовывалось изменениями их границ в результате укрупнения и разукрупнения. Все это привело к тому, что сам механизм местного самоуправления в советский период был в значительной степени ослаблен, если не полностью разрушен.

В постсоветский период было произведено реформирование всей системы территориальной организации власти, в том числе на ее самом нижнем уровне. Это звено административно-территориального деления страны было определено как уровень местного самоуправления. Федеральный закон № 131 от 2003г. «Об общих принципах организации местного самоурправления в РФ» определил два территориальных уровня МО. Верхний уровень МО — это муниципальные (в прошлом административные) районы и городские округа (ГО) в составе субъектов РФ. В соответствии с этим законом, муниципальный район представляет совокупность нескольких поселений (или поселений и межпоселенных пространств), в границах которого население непосредственно и (или) через выборные органы местного самоуправления осуществляет решение вопросов местного самоуправления [8]. Органы местного самоуправления могут осуществлять и отдельные государственные полномочия, передаваемые им федеральными законами и законами субъектов РФ. Городской округ (ГО) — городское поселение, которое не входит в состав муниципального района и органы его местного самоуправления осуществляют полномочия по решению вопросов местного значения, а также отдельные государственные

полномочия, передаваемые им федеральными законами и законами субъектов РФ. В состав ГО кроме самого образующего их города могут входить тесно связанные с ним пригородные городские и сельские населенные пункты.

Нижний территориальный уровень МО, в трактовке ФЗ — 131, представлен, во-первых, городским поселением, представленным городом или поселком с прилегающей территорией, в котором местное самоуправление осуществляется непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. В состав городских поселений могут входить сельские населенные пункты, не являющиеся сельскими поселениями. Во-вторых, нижний территориальный уровень МО представлен сельским поселением. Под последним понимается один или несколько сельских населенных пунктов (сел, станиц, деревень, хуторов, кишлаков, аулов и других сельских населенных пунктов). В сельском поселении местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления. При этом городские и сельские поселения входят в состав муниципальных районов. Как вытекает из сути ФЗ — 131 на отдельных территориях, например, в административных районах внутри городских округов, местного самоуправления, в принципе, не существует.

В целом же принятое федеральное законодательство в значительной степени предопределило конкретную институциональную, а в значительной степени и экономическую, социальную, финансовую ситуацию, сложившуюся на уровне муниципальных образований России. В соответствии с существующим административно-территориальным устройством России ее верхний уровень МО на 1 января 2010г был представлен 512 городскими округами и 1829 муниципальными районами. В свою очередь, в составе муниципальных районов функционировали порядка 21,4 тысячи городских и сельских поселений. Огромная территория России с резкими различиями природно-ресурсного потенциала и экологическими условиями жизни населения, различный характер освоенности территории, уровня социально-экономического развития, весьма сложная этно-культурная структура населения, а в целом весьма неодинаковая территориальная организация всей общественной жизни имеют

своим следствием резкие различия по конкретным муниципальным образованиям [6]. Все это выступает общим объектом исследования не только социально-экономической географии, но и более широкой системы регионоведческих наук.

Не смотря на определенную уникальность каждого из многочисленных МО России, для значительной, а порой и преобладающей их части в той или в иной степени характерны острейшие проблемы социально-экономического развития, обусловленные самим фактом расположения МО на самом нижнем уровне административно-территориального деления в условиях жесткой «властной и финансовой вертикали» [4]. Об этом необходимо помнить как при проведении исследований, так и при решении проблем управления и программирования конкретных МО. С определенной степенью генерализации можно выделить 7 основных типов проблем МО: правовые, экономические, социальные, социально-инфраструктурные, экологические, финансовые, институционально-кадровые.

Правовые проблемы МО:

1. Отсутствие четкого и детально определенного правового статуса МО, особенно в условиях восстановления «вертикали власти».

2. Недостаточно четкое разграничение полномочий, с одной стороны, между органами власти сельских и городских поселений и органами власти муниципальных районов и городских округов, а с другой стороны, между органами власти муниципальных районов, городских округов и субъектов РФ.

3. Несоответствие между перечнем функциональных обязанностей МО и финансовыми, а также кадровыми возможностями их реализации.

4. Формально-декларативный характер таких базовых документов МО, как Уставы сельских, городских поселений, муниципальных районов и городских округов, что обуславливает низкую эффективность их практического применения.

Экономические проблемы функционирования МО.

1. Экономическая деятельность на территории МО прямо не относится к функциям управления их администрации, но состояние экономики определяет многие стороны жизни населения и финансовые возможности органов управления.

2. Длительный структурный кризис как следствие реформирования хозяйства в 90-ые годы XX в. и начала XXI в. болезненно отразился на сфере экономики МО, особенно сельских поселений. Экономическая ситуация сельских поселений в значительной степени определяется кардинальными изменениями в социальной структуре сельского хозяйства: с одной стороны, сформировался товарный сектор в виде крупных агрофирм, корпораций, холдингов, крупных предприятий, возникших на основе реформированных колхозов и совхозов, а так же фермерских хозяйств, а с другой стороны, обширный полунатуральный и мелкотоварный сектор в виде личных подсобных крестьянских хозяйств; при этом личные подсобные хозяйства функционируют, как правило, на основе мелких приусадебных участков в пределах границ сельских населенных пунктов, а основная часть сельхозземель за пределами сельских населенных пунктов для крестьян оказалась не доступной.

3. Экономическая ситуация сельских поселений вследствие социальных и демографических изменений существенно ухудшилась за счет выведения из хозяйственного оборота значительной части сельскохозяйственных, особенно пахотных земель, хотя этот процесс в степных и лесостепных регионах и не принял катастрофического характера, как в староосвоенной лесной зоне исторического центра страны.

4. Приватизация промышленных предприятий по переработке сельхозсырья, расположенных в основном в мелких городских и немногих сельских поселениях, обусловила во многих случаях диспропорцию между мощностями переработки и возможностями сырьевой базы.

5. Рыночный характер экономики и ее интеграция в мирохозяйственные связи на уровне МО обострила проблемы ее неустойчивости в процессе жесткой конкуренции не только с отечественными, но и зарубежными производителями, внесла существенный элемент ее неустойчивости и в результате рейдерских захватов и банкротства предприятий. 6. Все это в совокупности обусловило снижение финансовых возможностей мелких городских и преобладающей части сельских поселений; при этом более благоприятные условия для повышения уровня товарности хозяйства, а следовательно для роста благосостояния населения сложились в сельских поселениях, расположенных в

пригородных зонах крупнейших городов за счет близости расположения к емким и устойчивым рынкам потребления продовольствия.

Социальные проблемы функционирования МО.

1. Кризисная демографическая ситуация в большинстве сельских поселений, малых и средних городских поселений, муниципальных районов Центральной России как следствие перехода к малодетной семье, постарения населения и устойчивого многолетнего миграционного оттока молодежи.

2. Реальная угроза в ближайшие годы «провала в демографическую яму» несмотря на некоторые позитивные изменения в ходе реализации государственной демографической программы.

3. Усложнение этнической структуры городских поселений и городских округов в Центральной России за счет нарастающего миграционного притока коренных жителей из Средней Азии и Кавказа; реальная угроза формирования за счет мигрантов моноэтничной структуры некоторых сельских населенных пунктов и сельских поселений, усиление межэтнических противоречий и размывание традиционной русской культуры.

4. Как результат трансформации сельской экономической жизни формирование, с одной стороны, застойной и скрытой безработицы, а с другой, формирование дефицита трудовых ресурсов, что делает невозможным обеспечение уже сложившейся структуры хозяйства и дальнейшее интенсивное использование уже освоенных земель.

5. Низкий уровень жизни и архаизация образа жизни, консерватизм общественного сознания в преобладающей части сельских поселений; интенсивно происходящий процесс «гибели традиционного российского села».

Социально-инфраструктурные проблемы функционирования МО.

1. Развитие рыночных отношений стало причиной сложной ситуации в социальной инфраструктуре особенно сельских и мелких городских поселений.

2. Прежде всего сформировался устойчивый диспаритет в развитии отдельных ее отраслей: с одной стороны, довольно успешная трансформация рыночно ориентированных отраслей (торговая, общественное питание, финансовые учреждения, ремонт жилищ и бытовой техники), а с другой, длительная

стагнация учреждений образования, медицины, социальной защиты и культуры.

3. Хотя значительная часть средств (особенно зарплата) на содержание не рыночно ориентированных учреждений сферы обслуживания приходится на защищенные статьи и производится за счет бюджета, однако существует острый дефицит средств на их содержание, ремонт и материально-финансовое обеспечение.

4. Сложнейшей проблемой функционирования госучереждений медицины, образовании, социальной защиты и культуры выступает обеспечение достойной оплаты труда занятых в них высоко квалифицированных специалистов, следствием чего выступает их отток в другие отрасли хозяйства и снижение их профессионального уровня.

5. Экономический подход вызвал значительную трансформацию сети учреждений и ее концентрацию, что сделало ее менее доступной для населения, а многие сельские населенные пункты и даже сельские поселения вообще лишились таких учреждений.

6. Длительная стагнация не рыночно ориентированных отраслей социальной инфраструктуры вызвала ухудшение социального обеспечения населения: снижение уровня здоровья, образования, культуры и социальной защиты.

Экологические проблемы функционирования МО.

1. В сельских поселениях и муниципальных районах России сложилась сложная и неоднозначная экологическая ситуация.

2. Массовое изъятие из хозяйственного оборота сельскохозяйственных земель привело к тому, что они в лесостепной и степной зонах зарастают сорными травами, а в лесной зоне — еще кустарником и лесом.

3. Отсутствие четкой системы собственности на землю привело к ее хищнической эксплуатации со стороны арендаторов и временщиков.

4. Дефицит финансовых возможностей у основной массы производителей и у местной администрации привел к свертыванию природоохранных технологий.

5. Как следствие невысокого качества и низкого уровня жизни преобладающей части населения в условиях отсутствия четкой системы собственности сложившаяся низкая бытовая

культура населения привела к замусоренности и деградации среды его обитания.

6. Недостаточно эффективное природное законодательство в условиях широкого распространения убыточности хозяйственной деятельности, в принципе, не может компенсировать ущерб, наносимый среде обитания.

Финансовые проблемы функционирования МО.

1. Преобладающая часть сельских поселений, значительная часть мелких городских поселений и муниципальных районов пока не в состоянии самостоятельно сформировать свои бюджеты без трансфертов за счет федеральных органов и органов субъектов РФ, причем преобладающая часть последних тоже не в состоянии сформировать свои бюджеты без помощи федеральной власти.

2. Одной из основных причин хронического бюджетного дефицита преобладающей части МО выступает исторически сложившаяся многоканальная система сбора налогов и распределения дотаций, следствием чего является концентрация значительной части финансовых средств на уровне федеральных органов и столичных городов.

3. Такая система распределения финансовых средств обусловила слабую заинтересованность органов управления МО в достижении финансовой самостоятельности, поскольку просить проще, чем самим зарабатывать.

4. Можно предположить, что такая финансовая система вполне устраивает современную правящую элиту: с правой точки зрения, муниципальные органы не входят в систему государственного управления, а фактически от нее полностью зависят, что сводит на нет саму сущность местного самоуправления.

Институционально-кадровые проблемы функционирования МО.

1. С нашей точки зрения, пока не доработана сама система органов управления МО, поскольку она принималась на «верхушечном уровне» без широкого обсуждения самой общественностью.

2. На уровне муниципальных районов и городских округов структура управления в определенной степени аналогична системе управления субъектов РФ.

3. На уровне сельских и городских поселений система органов местного самоуправления (при ограниченной численности

жителей и малых финансовых возможностях) чрезмерно громоздка и вызывает большие затраты на содержание управленческого персонала: в некоторых муниципалитетах почти весь бюджет уходит на содержание аппарата.

4. Проблемы функционирования местного самоуправления связаны и с кадровой ограниченностью: почти отсутствуют квалифицированные кадры на уровне сельских поселений, поэтому существует реальная угроза прихода к власти случайных людей, в том числе и из криминальной среды.

5. Все эти институциональные проблемы заставляют искать новые формы управления МО: на пути укрупнения муниципальных районов, сельских и городских поселений или при сохранении сложившейся сетки административно-территориального деления на основе соглашений, с одной стороны, между муниципальными районами, а с другой, между городскими и сельскими поселениями внутри районов с передачей их друг другу части функций и финансирования.

6. Для МО пока характерен недостаточно высокий уровень как текущих отчетных документов (например «Паспортов»), так и документов долгосрочного программирования («Схемы территориального планирования», «Стратегии социально-экономического развития», «Генпланы»), которые в определенной степени имеют формальный характер.

Конечно, приведенный автором перечень проблем функционирования МО имеет обобщающий характер, поскольку для каждого конкретного муниципального района, городского округа, городского и сельского поселения характерен свой набор проблем и неодинаковая степень их актуальности. В тоже время для решения всех этих проблем необходима более тесная интеграция всех направлений отечественной науки. Современная ситуация в российской науке такова, что ни одно из существующих ее направлений не может все эти проблемы решить самостоятельно. В качестве одного из вариантов более глубокой и адекватной проработки проблем развития МО страны, по нашему мнению, выступает интеграция различных существующих научных исследований в междисциплинарный комплекс регионоведческих наук, который бы включал в себя региональную социально-экономическую географию, региональную экономику, региональную социологию, региональную политологию, региональный

менеджмент, муниципальное право, региональное программирование, а так же другие науки, как региональную культурологию, историю, рекреационную географию, ландшафтоведение, геоэкологию и природопользование [1,2.3,5,6,7].

Переход к рыночной экономике и представительной демократии заставляет по-новому определить конечную цель процесса совершенствования и управления МО. Основной целью управления любого МО, по нашему мнению, должно выступать достижение такой упорядоченности и взаимосогласованности управленческих решений, которое бы обеспечивало: во-первых, формирование условий для роста уровня и качества жизни населения, что гарантировало бы преемственность власти; во-вторых, максимально возможное и целесообразное в данных сложившихся условиях производство ВРП и дохода, а следовательно и создание возможностей самостоятельного формирования своего бюджета; в-третьих, управленческие решения должны гарантировать рациональное природопользование и сохранить благоприятную среду обитания людей.

Все проводимые научные исследования МО необходимо, по нашему мнению, сосредоточить на решение их основных проблем: 1. Определение экономического, финансового, инновационного, транспортно-логистического, трудоресурсного, природно-ресурсного, экологического, демографического, социально-культурного, институционального и иного потенциала. 2. Выявление «узких мест» (проблем, диспропорций, неблагоприятных явлений и тенденций), которые сдерживают развитие МО. 3. Анализ реализуемых программ социально-экономического развития МО, краткосрочный прогноз и обоснование основных направлений муниципальной политики.

Таким образом, муниципальная организация современного российского общества переживает сложнейший этап своего развития, характеризуется многоаспектным комплексом проблем и требует координации усилий отечественной науки, занимающийся исследованием и решением этих проблем.

Список литературы

1. Кирьянчук В. Е. Проблемы совершенствования территориальной организации местного самоуправления Воронежской области/ В.Е. Кирьянчук, З.В. Пономорева//

2. Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. Воронеж, 25-26 ноября 2011 г.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.- С.16-21

3. Комов И.В. Проблемы формирования бюджетов муниципальных образований в Российской Федерации / И.В. Комов // Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. Воронеж, 25-26 ноября 2011 г.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.- С. 44-49

4. Крупко А.Э. Проблемы развития муниципального управления ЦЧР / А.Э. Крупко // Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. Воронеж, 25-26 ноября 2011г.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.- С. 36-41

5. Милов В. Муниципалитеты без гроша / В. Милош // Известия. 21/12-2012г.

6. Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления: материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 25-26 ноября 2011г.)/ Воронежский государственный университет; ред. кол.: Ю.В. Поросенков, И.В. Комов.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университете, 2011.- 220с.

7. Поросенков Ю.В. Задачи и проблемы географического исследования муниципальных образований Российской Федерации / Ю. В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета: География. Геоэкология.- 2012.- №1, Воронеж.- ВГУ.-2012, С.5-14

8. Поросенков Ю.В. Проблемы исследования, развития и управления муниципальными образованиями (на примере Воронежской области) / Ю. В. Поросенков // Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы

исследования, развития и управления: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. Воронеж, 25-26 ноября 2011г.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.- С. 8-16

9. Федеральный закон № 131-ФЗ от 6.10.2003г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации. М.; 2003.

10. Шарыгин М.Д. Теоретико-методологические основы изучения проблем местного самоуправления / М.Д. Шарыгин, В.А. Столбов, А.А. Телепнев // Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления: Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. Воронеж, 25-26 ноября 2011г.- Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2011.- С. 21-26

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ[45]

Данной статьей автор продолжает серию своих работ о проблемах развития муниципальных образований России *[3,4,5]*. Актуальность темы исследования определяется острейшими проблемами современного социально-экономического развития муниципальных образований России, которые в своей основе имеют объективный характер — исторически сложившиеся особенности их организации и управления, хотя немаловажное значение имеют и личностные особенности управленцев. Если для традиционной социально-экономической географии проблемы организации и управления, как правило, находились на периферии научных исследований, то в рамках регионоведческой методологии они выступают в качестве одного из ключевых аспектов. В этой связи задачей представленного исследования выступает определение и структурный анализ основных проблем организации и управления на уровне муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений на примере Воронежской области и ее Новохоперского муниципального района.

В рамках рассматриваемой темы необходимо хотя бы кратко остановиться на сущности употребляемых терминов: «проблема», «совершенствование», «организация», «управление». «Проблема» *(* с греч. *problema* - задача, задание) - теоретический или практический вопрос, требующий разрешения, исследования *[2*,с.*962]*. "Совершенствование» - делать лучше, совершеннее *[6]*. «Организация» (от фр. о^*ашБатюп)* — совокупность процессов и действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого *[2,* с. *846]*. «Управление» - элемент, функция организмов, систем различной природы, обеспечивающее сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию их программ *[2,* с.*1252]*. Таким образом, управление неразрывно связано с

[45] Совершенствование организации и управления муниципальными образованиями / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования России (регионоведческий анализ) .— Воронеж, 2014 .— С. 24-34

системно-структурной методологией исследования. Управление — одно из частных проявлений взаимоотношения объекта и субъекта исследования, на каждый из них и на их взаимодействие распространяется системно-структурная методология.

В рассматриваемом аспекте муниципальные образования — сложные территориальные системные образования, обладающие своей функциональной и территориальной структурой. В функциональном отношении элементами такой структуры (применительно к принятой структуре паспортов муниципальных районов, муниципальных и городских поселений Воронежской области) выступают: правовые основы и органы управления, природно-ресурсный потенциал (в том числе земельные ресурсы), население и трудовые ресурсы, хозяйственная деятельность (сельское хозяйство, промышленность, транспорт, связь, капитальное строительство, потребительский рынок), социальная деятельность (образование, здравоохранение, социальное обеспечение, культура и искусство, физическая культура и спорт, жилищный фонд, коммунальное хозяйство, уровень жизни населения), финансовые ресурсы и бюджет, программы перспективного развития. В территориальном отношении выделяются такие элементы административно-территориального деления: городские и сельские поселения внутри муниципальных районов, городские и сельские населенные пункты внутри поселений. Интегральными элементами территориально-функциональной структуры внутри муниципальных районов выступают районные центры, различные функциональные типы населенных пунктов, их «агломерационные» и локальные образования, оси расселения.

Системно-структурная методология исследования определяет специфику понимания территориальной организации и управления муниципальных образований. В рамках регионоведческого подхода территориальное управление муниципальными образованиями — не наука, а форма деятельности органов местного самоуправления, поскольку на нее большее или меньшее воздействие оказывает поведенческий фактор, в том числе и личностный. При самом общем подходе управленческая система состоит из двух подсистем: реально существующие объекты, явления, процессы и реально существующие органы управления. В таком аспекте управленческое воздействие есть результат влияния

органов управления на объективную действительность. В абстрактном виде управленческое воздействие может быть объективным и субъективным, правильным и неправильным, тактическим и стратегическим, формально-бюрократическим и научно-проблемным.

Объективное управление функционирует в интересах всего муниципального образования, а субъективное управление исходит прежде всего из интереса отдельных социальных слоев, групп или отдельных лиц, находящихся у власти в конкретный момент. Правильное управление муниципальными образованиями возможно лишь в условиях глубокого научного и практического знания процессов и явлений, тенденций их социально-экономического развития. Неправильное управление является результатом реализации частного, сугубо субъективного мнения того или иного конкретного менеджера или определенной иерархической структуры территориального менеджмента. Тактическое (или конъюнктурное) управление — в основе его лежит попытка решения лишь острейших «сиюминутных» проблем. В отличие от него стратегическое управление характеризуется тем, что тактические решения выступают частью долгосрочного стратегического подхода. «Формально-бюрократическое» управление характеризуется тем, что безусловное выполнение решений вышестоящих органов осуществляется вне зависимости от оценки их рациональности для конкретного муниципалитета и самой возможности их реализации. Научно-проблемное управление возможно лишь на основе реализации наиболее целесообразных решений с учетом существующего потенциала и наиболее рационального развития конкретного муниципалитета. В реальной практике конкретные управленческие решения в виде генеральных планов, программ, концепций, стратегий, как правило, содержат все эти аспекты.

С нашей точки зрения, во всех документах и управленческих решениях необходимо выдерживать реализацию триединой цели управления муниципальными образованиями: неуклонное повышение уровня жизни населения, улучшение качества его жизни и выход на более высокие стандарты образа жизни; максимально возможное (с условием реальных предпосылок развития конкретного муниципалитета) увеличение объема производства ВРП и денежных доходов, что требует выход на

инновационное производство товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью и гарантированными рынками сбыта; неукоснительное соблюдение уровня экологической безопасности и выход на инновационные параметры природопользования. В то же время в зависимости от специфики муниципального образования и необходимости решения конкретных проблем его развития на отдельных этапах реализации управленческих решений акцент, как правило, делается на тех или иных аспектах этой триединой цели. Таким образом, эти соображения в духе формирующейся методологии и методики отечественного регионоведения могут служить какой-то теоретической основой для анализа организационных структур регионального менеджмента и принятых решений.

Многие современные проблемы муниципальных образований России — результат просчетов при обосновании их юридического статуса. В федеральном законе ФЗ №131 от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12] была сделана попытка совместить европейско-северо-американскую идеологию и практику местного самоуправления с российской действительностью, которая оказалась неудачной и содержит многочисленные противоречия. На основе этого закона были написаны и утверждены Уставы муниципальных образований как районного уровня, так и городских и сельских поселений, определяющие их правовые основы.

Правовые проблемы муниципальных образований рассмотрены на примере «Устава Новохоперского муниципального района Воронежской области», принятого в новой редакции в 2009 г. [10]. Можно отметить три основные проблемы: взаимодействие государственных органов субъекта РФ и органов местного самоуправления; проблемы взаимоотношений различных ветвей самой муниципальной власти; проблемы распределения полномочий и финансирования между ветвями государственной власти и органов местного самоуправления.

Обращает на себя внимание заложенный законом весьма сложный характер взаимоотношений государственных органов и органов местного самоуправления. С одной стороны, органы государственной власти не вправе принимать решения и совершать действия, ограничивающие права органов местного

самоуправления (за исключением случаев, предусмотренных законами). Поэтому органы государственной власти и местного самоуправления взаимодействуют друг с другом посредством реализации областных программ, заключения договоров, создания координационных, консультативных, совещательных и иных органов. Должностные лица местного самоуправления городских и сельских поселений не подчинены должностным лицам местного самоуправления муниципальных районов. Не допускается назначение должностных лиц городских и сельских поселений должностными лицами местного самоуправления муниципальных районов. Реализация такого подхода в недавнем прошлом привела к разрыву «вертикали власти», устранение которого потребовала осуществления необходимость определенных корректив. Поэтому, с другой стороны, глава местной администрации района назначается по контракту Советом народных депутатов на срок 5 лет, но кандидаты на конкурс отбираются Конкурсной комиссией, которая на 2/3 формируется Советом народных депутатов, а на 1/3 — Воронежской областной думой по представлению губернатора. К тому же контракт с главой администрации района может быть расторгнут не только по инициативе Совета народных депутатов, самого главы, но и по решению губернатора.

Весьма сложными представляются проблемы взаимоотношений различных ветвей муниципальной власти. Организационная структура органов местного самоуправления на уровне муниципального района, с нашей точки зрения, излишне громоздка и представлена следующими звеньями: 1. Совет народных депутатов как представительный орган выбирает из своего числа главу муниципального района. 2. Администрация муниципального района как исполнительный орган возглавляется Главой администрации. 3. Ревизионная комиссия выступает как контрольным органом муниципального района. Следовательно, в систему органов местного самоуправления не входят «силовые» органы (полиция, суд, прокуратура). В состав Совета народных депутатов Новохоперского муниципального района, как следует из его Устава, входят 23 депутата. Учитывая, что в состав района входят 20 городских и сельских поселений, а значительная часть населения сосредоточена в таких локальных группах, как г. Новохоперск — п. Новохоперский и п. Елань-Коленовский — с. Елань-Колено, то достаточно трудно обеспечить более или менее

равное представительство избирателей в Совете всех территориальных групп населения. Законом Воронежской области от 25 ноября 2011 года № 16103 число поселений Новохоперского района сократилось в два раза,что несколько сменило проблемы управления. Кроме того, на постоянной основе могут работать не более 10% депутатов, следовательно — всего 2-3 человека. Остальные депутаты, в основном, работают периодически на заседаниях Совета, а вся конкретная управленческая работа является функцией Администрации района и Главы администрации. К тому же численность администрации не определяется Уставом. Ревизионная комиссия осуществляет контроль за исполнением бюджета, за соблюдением установленного порядка управления муниципального имущества, но формируется Советом народным депутатов, ему подотчетна и назначается по представлению Главы муниципального района. Сложившаяся структура муниципальной власти на уровне района делает ее привлекательной для «деловых людей», поскольку статус народного депутата дает дополнительные преимущества для их деятельности.

Исключительно сложными являются проблемы распределения полномочий и соответствующего им финансирования между ветвями государственной власти и властями местного самоуправления. К вопросам местного значения Новохоперского муниципального района, ответственность за решение которых в соответствие с Уставом несут муниципальные власти за счет местного бюджета, относятся свыше 30 позиций, которые охватывают все стороны жизни населения. Исключение составляет финансовое обеспечение учебного процесса, которое осуществляет государственная власть. Дополнительное образование дается в учреждениях регионального значения. Существует и ведомственный подход в организации медицинской помощи. За счет бюджета муниципального района осуществляется выравнивание уровня бюджетной обеспеченности городских и сельских поселений, входящих в район. Органы местного самоуправления муниципального района вправе принимать участие в решении и других вопросов, выходящих за пределы их компетенции, но только за счет собственных доходов. При этом не допускается тратить субвенции и дотации, представляемые из федерального бюджета и бюджета Воронежской области.

Экономическую основу местного самоуправления муниципального района составляют средства местного бюджета, имущество, находящееся в муниципальной собственности, и имущественные права. Так, в Уставе Новохоперского района обозначены 24 позиции по муниципальному имуществу. Муниципальный район имеет свой собственный бюджет. Бюджет района и бюджеты городских и сельских поселений в совокупности образуют консолидированный бюджет муниципального района. Серьезной проблемой выступает недостаточная обеспеченность местного бюджета его доходами, хотя в Уставе района обозначено 10 позиций по доходам местного бюджета. К сожалению, приходится констатировать, что в рамках современного механизма экономического развития и существующей системы налогообложения, которая постоянно меняется на государственном уровне, муниципальные районы, городские и сельские поселения обречены на хроническую дефицитность бюджета. Решение проблем дефицита муниципальных бюджетов на основе получения коммерческих займов приводит к формированию муниципальных долгов, а невозможность их своевременного погашения в качестве последствий приводит по решению областного арбитражного суда к введению временной финансовой администрации.

Этот частный пример с анализом Устава Новохоперского муниципального района отражает типичную ситуацию с муниципальными образованиями всей России. 8 ноября 2013 г. в г. Москве был проведен первый всероссийский съезд муниципальных образований, в котором приняли участие представители порядка 54 муниципальных образований из общего их числа по стране более 23 тысяч[11]. Принятые решения съезда в последствии предполагается в той или иной степени законодательно оформить. Среди общих рассматриваемых проблем можно выделить: межмуниципальное сотрудничество по вопросам финансирования отдельных программ и направленной деятельности, наделить органы местного самоуправления правом собирать налоги, софинансирование муниципальных образований из федерального бюджета. Обсуждался вопрос о передаче органам местного самоуправления контрольно-надзорных функций в сфере строительства, транспорта, экологии и ЖКХ [7]. Для этого предлагалось формирование структурных подразделений с правом

проверок, создание Общероссийского антикоррупционного муниципального центра с филиалами по всей стране, разработка комплекса мероприятий по введению на муниципальном уровне антикоррупционных стандартов, формирование системы мониторинга общественного мнения о результативности муниципальной власти. В целом же все это отражает наличие серьезной кризисной ситуации на уровне муниципальной власти. С делегатами Всероссийского съезда муниципальных образований в Кремле встретился Президент РФ В. В. Путин [7]. Президент отметил, что муниципальные образования должны быть самостоятельными, в том числе и в финансовом плане. Нужно найти баланс в сфере межбюджетных отношений и закрепить ответственность на каждом уровнем власти. Правительство, по словам Президента, проведет инвентаризацию всех типов муниципалитетов и подготовит соответствующие законодательные отношения. В тоже время в оценке возможных изменений правового статуса муниципальных образований России, по мнению автора, необходимо, проявить понимание того, что в ближайшие годы в условиях сокращающихся финансовых ресурсов федерального бюджета вряд ли возможно кардинальное решение всех этих сложнейших проблем.

Существующие пробелы в организации и управлении муниципальными образованиями России помимо современных их правовых основ определяются и несовершенством долгосрочных плановых документов - стратегий социально-экономического развития и схем территориального планирования. Рассмотрим их на примере Новохоперского муниципального района «Стратегия социально-экономического развития Новохоперского муниципального района до 2020 года» как юридический документ существует с 01. 01. 2012 г. [8]. При ее составлении были использованы такие документы, как Закон Воронежской области от 23.06.2010 г. №65-03 «О стратегии социально-экономического развития Воронежской области на долгосрочную перспективу» и «Методологические рекомендации по разработке стратегии социально-экономического развития муниципального района (городского округа) Воронежской области». На этой основе были определены главные цели стратегического развития Новохоперского муниципального района: достижение высокого качества жизни населения, повышение инвестиционной

привлекательности территории, устойчивое и эффективное социально-экономическое развитие района за счет развития существующих предприятий, а также внедрения инновационных технологий. Для реализации этих целей в Стратегии декларируется решение следующих задач: до 2020 г. обеспечить превышение на 20% среднеобластного уровня производства, для этого необходимо обеспечить рост ВРП в 3,4 раза, числа малых и средних предприятий - не менее чем на 10 %, увеличение оборота по ним - в 2 раза, снижение смертности населения в трудоспособном возрасте - на 37,5 %, рост реальных располагаемых доходов населения - в 3 раза, повышение обеспеченности жильем - до 28,5 кв. м. на одного человека. Не ставя под сомнение важность решения поставленных задач, не понятна их целесообразность и возможность решения в обозначенные сроки.

Стратегия содержит развернутое обоснование по разделам: общие сведения о районе, природные ресурсы района в целом и в разрезе городских и сельских поселений, экономического развития, анализ социальной сферы, анализ экологической обстановки, анализ инфраструктуры, анализ бюджетной и финансовой политики. Обращает на себя внимание неодинаковая глубина проработки разделов. В анализе природных ресурсов лишь 12 строк уделено почвам - одному из главных богатств района. Достаточно противоречиво охарактеризована ситуация с сульфидными медно-никелевыми месторождениями. Отмечается трудность их освоения, сложность обогащения из-за большого количества сульфидных минералов, большая мощность вскрытий, сложные гидрогеологические условия, значительные финансовые затраты, хотя и высказана целесообразность принятия о целесообразности постановки поисково-оценочных работ. Вывод о том, что в Новохоперском районе организация горнопромышленного производства представляется возможной лишь в далекой перспективе, не отражает остроту современных противоречий по этому вопросу.

В Стратегии подчеркивается преемственность социально-экономического развития Новохоперского района, поскольку основой для ее разработки стала Комплексная программа экономического и социального развития муниципального района на 2006-2010 годы и на период 2011 г., которая была утверждена в новой редакции Советом народных депутатов 30.12.2009 г.. В

разделе, посвященном анализу социальной сферы, детально анализируется демографическая ситуация, трудовые ресурсы, занятость населения. Вряд ли можно сомневаться в том, что главной стратегической целью Новохоперского района в развитии демографических процессов и в демографической политике на ближайшую и долгосрочную перспективу должно выступать смягчение негативных тенденций и улучшение демографической ситуации в целом. Однако за общей декларацией целей не видны конкретные механизмы реализации. Весьма обстоятельно (по 13-ти позициям) дается анализ экологической обстановки.

В целом же документ производит двойственное впечатление. С одной стороны, Стратегия содержит в целом правильную формулировку целей и задач, охватывает все стороны экономической и социальной жизни района, сохраняет преемственность с более ранним плановым документом, построена на базе соответствующего документа областного уровня. С другой стороны, в Стратегии, с нашей точки зрения, можно выделить принципиальные недостатки: 1. Нет реальной оценки экономических и социальных процессов, как и современного уровня развития района. В стратегии приводится анализ показателей, отражающих современное состояние и динамику процессов, но нет понимания конкурентной специфики Новохоперского района, поскольку нет сравнений со среднеобластным уровнем, с соседними районами, существующими нормативами и социологическими данными, отражающими мнение районной общественности. 2. Поэтому в Стратегии не выделены проблемы экономической и социальной жизни, особенно характерные для района. Нет иерархии проблем: какие из них требуют скорейшего решения, а какие могут быть решены в долгосрочной перспективе. Вероятно, из большей цепочки проблем следовало бы выделить главные звенья, решение которых позволило бы решить всю систему районных проблем. 3. В Стратегии обозначены конкретные цели на 2020 год (в виде определенных показателей), но нет «дорожной карты» их решения. Так проведенный анализ не смог прогнозировать возможность массовых протестов населения при проведении пока лишь разведочных работ на Еланском месторождении медно-никелевых руд.

С нашей точки зрения, отмеченные недостатки не являются недоработкой конкретного исследовательского коллектива, а вытекают из коренных методологических и методических проектов разработки плановых документов такого типа. В этой связи существует реальная опасность, что разрабатываемые Стратегии социально-экономического развития муниципальных образований превращаются скорее в декларации о добрых намерениях, нежели чем в реальные плановые документы. Более детальную территориальную проработку содержит «Схема территориального планирования Новохоперского муниципального района», принятая Советом народных депутатов района 5 октября 2012 г. [9]. Проект был разработан авторским коллективом Государственного унитарного предприятия Воронежской области «Нормативно-проектный центр». Документальной основой проекта стали: Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 г., Инструкция, утвержденная постановлением Госстроя РФ от 29.10.2002 г. «О порядке разработки, согласования, экспертизы и утверждения градостроительной документации СНиП 11-04-2003 г., Схема территориального планирования Воронежской области, утвержденная правительством Воронежской области 05.03.2009 г. №158. Функциональное предназначение Схемы территориального планирования определяется тем, что она выступает в качестве основного документа территориального планирования муниципального района, нацеленного на определение назначения территорий, исходя из совокупности социальных, экономических, экологических и других факторов в целях обеспечения устойчивого развития территорий, развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, обеспечения учета интересов граждан и их объединений РФ, субъекта РФ, муниципальных образований. В качестве цели Схемы декларируется разработка комплекса мероприятий для сбалансированного и устойчивого развития региона как единой градостроительной системы.

Схема территориального планирования Новохоперского муниципального района содержит решение 4-х задач: анализ существующего состояния территории, выявление сильных и слабых сторон территории как единой градостроительной системы, прогнозирование развития территории, разработка рекомендаций и предложений по улучшению среды

жизнедеятельности людей. Схема рассчитана на этапы: исходный год - 2010 г., первая очередь реализации схемы - 2020 г., расчетный срок - 2030 г. Схема не является директивным документом по развитию района, но представляет собой модель развития территории.

Представленная схема территориального планирования Новохоперского муниципального района содержит исчерпывающий фактический анализ его современного состояния. Она содержит три тома: Том I. Положение о территориальном планировании Новохоперского муниципального района (18 страниц машинописного текста), Том II. Материалы по обоснованию проекта Схемы территориального планирования Новохоперского муниципального района (пояснительная записка) - 217 страниц, Том III. Перечень основных факторов риска возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. В материалы Схемы территориального планирования входят 14 утверждаемых карт, в том числе «Схема территориального планирования (основной чертеж)», «Схема развития транспортной инфраструктуры», «Схема развития систем инженерного обеспечения», «Схема административно-территориального устройства»; предложения по изменению границ муниципальных образований, входящих в состав района», схемы территориальной доступности объектов здравоохранения, образования, культуры и спорта, торговли, общественного питания и бытового обслуживания.

Таким образом, Схема территориального планирования дает исчерпывающий фактологический анализ современного состояния Новохоперского муниципального образования, однако ее серьезным недостатком выступает отсутствие демографического прогноза по городским и сельским поселениям, что делает невозможным объективный прогноз развития социальной и инженерной инфраструктуры и затрудняет достоверный экономический прогноз из-за отсутствия прогноза численности трудовых ресурсов, их занятости, уровня жизни населения, характера использования земельных ресурсов. Последнее приобретает особо важное значение в процессе составления Схем территориального планирования сельских и городских поселений, что было доказано на примере некоторых территорий Ярославской области [1].

Таким образом, необходимость скорейшего решения острейших проблем социально-экономического развития муниципальных образований России формирует общественный заказ на их исследование для всей системы регионоведческих наук, в том числе географии. Необходимо научное решение целого ряда проблем: обоснование теории и методики исследования природно-ресурсного, природно-экологического, экономического, социального и демографического потенциалов муниципальных образований, вариантных прогнозов их долгосрочного развития, определение на этой основе поэтапности решения поставленных целей и задач.

Список литературы

1. Кондакова Т.Ю. Комплексный социально-экономико-географический анализ сельской местности для целей территориального планирования на примере депрессивных районов Ярославской области. Автор. Диссер. На соискание ученой степени кандидата географических наук Воронеж, - 2013-24 с.

2. Большой энциклопедический словарь. Гл. Ред. А.М. Прохоров — Изд. 2-с, перераб. и дополнен., М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия; 1998. - 1434 с.

3. Поросенков Ю.В. Задачи и проблемы географического исследования муниципальных образований Российской Федерации/Вестник Воронежского государственного университета. - Серия: География. Геоэкология. - 2012. - №1, с. 5-13

4. Поросенков Ю.В. Задачи и проблемы комплексного регионоведческого исследования муниципальных образований России./Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления: материалы II Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 6-7 декабря 2012 г.)// Воронежский государственный университет; ред. колл: Ю.В. Поросенков, И.В. Комов, Р.Е. Рогозина. - Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2013 - 332 с. - с. 3-14.

5. Поросенков Ю.В. Проблемы исследования, развития и управления муниципальными образованиями (на примере Воронежской области)./Муниципальные образования центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления//Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 25-26 ноября 2011).

Воронежский государственный университет; ред. кол. Ю. В. Поросенков, И. В. Комов. - Воронежский государственный педагогический университет, 2011 -220 с.- с. 8-16

6. Словарь русского языка в четырех томах., том IV. Академия наук СССР. Институт русского языка. М.: «Русский язык»,1988.- 796 с.

7. Созаев-Гурьев Е. Президент рассказал о муниципальной реформе. Владимир Путин встретился с главами сел и городов «Известия», 12 ноября 2013 г.

8. Стратегия социально-экономического развития Новохоперского муниципального района Воронежской области до 2020 г. Новохоперск, 2012.

9. Схема территориального планирования Новохоперского муниципального района г.Новохоперск, 2012 г.

10. Устав Новохоперского района Воронежской области (Новая редакция. 2009 г.) Новохоперск, 2009

11. Теслова Е. Муниципалитетам не дадут денег, но расширят полномочия. Власть делает ставку на усиление самостоятельности органов местного самоуправления. «Известия», 8 ноября 20013 г.

12. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации». - М., 2011.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И УПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ)[46]

Муниципальные образования составляют самый нижний уровень территориальной организации российского общества. Поэтому их эффективное функционирование в принципе предопределяет судьбу дальнейшего развития современной Российской Федерации. В нашей стране существуют два территориальных уровня муниципальных образований (МО). С одной стороны, это - муниципальные (административные) районы и городские округа в составе республик, областей, краев и национальных округов как субъектов РФ, а с другой, внутри муниципальных районов выделяются города, прочие городские поселения (поселки городского типа, рабочие поселки), сельские поселения, в состав которых может входить несколько сельских населенных пунктов.

Многие современные проблемы МО Воронежской области были заложены еще в середине 90-х годов XX в. на этапе становления областного законодательства, в основе которого была использована идея о местном самоуправлении. Устав Воронежской области дает следующее представление о местном самоуправлении как форме «осуществления народом своей власти... самостоятельно и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций» [1]. Этот подход стал реакцией на жесткую централизацию и авторитарность советского государственного устройства.

Однако концепция местного самоуправления в постсоветской России оказалась непродуманной, поскольку исходила из абстрактных теоретических представлений о демократии и не учитывала реалий страны. В результате произошел разрыв вертикали власти. Государственная власть была представлена федеральным уровнем и органами власти субъектов РФ. Все что

---

[46] Проблемы развития и управления муниципальными образованиями (на примере Воронежской области) / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования России (регионоведческий анализ) .— Воронеж, 2014 .— С. 66-74

ниже - даже областные центры и бывшие административные, а ныне муниципальные районы стали относить к сфере местного самоуправления. Страна пережила этап местничества - по существу не подотчетность глав районной администрации и областных центров руководству субъектов РФ. В последующем «вертикаль власти» была восстановлена, но фактические функции управления МО (районов и городских округов) стали весьма ограниченными. Такая неопределенность нашла свое отражение и на законодательном уровне. Так, в уставе Воронежской области весьма подробно определены полномочия органов госвласти в сфере местного самоуправления, но весьма кратко и не совсем четко определены полномочия органов управления самих МО. Создается иллюзия, что городские и сельские муниципалитеты отвечают «за все и ни за что». Законодательно слабо определена финансово-экономическая база местного самоуправления, в силу чего преобладающая часть муниципалитетов (особенно сельских) не имеют достаточных средств для решения своих элементарных проблем. К тому же широко практикуется порочная практика, когда на федеральном и субъектном уровнях принимается решение по тем или иным социальным проблемам, а их реализацию возлагается на органы местного самоуправления в зависимости от их финансовых возможностей.

Все это в совокупности обуславливает значительную актуальность научных исследований процессов развития, организации и управления муниципальными образованиями. В условиях сложившегося в стране механизма рыночной экономики возникла системная кризисная ситуация во многих сельских муниципалитетах, мелких городах и городских поселений. Деградация их экономической базы происходит в условиях сложнейшей демографической ситуации, обострения экологической обстановки и неэффективного механизма управления. В этой связи особое значение приобретают комплексные (на стыке социально-экономической географии и регионоведения, региональной экономики, региональной социологии, региональной политологии, муниципального права) исследования небольших по площади территорий и локалитетов, имеющих прикладное значение, то есть нацелено на решение их конкретных местных проблем. Такой подход неизбежно приводит к смещению «центра тяжести» социально-экономической

географии на прикладные крупномасштабные исследования. По словам руководителя департамента по развитию муниципальных образований Воронежской области В. Тарасенко, в этом году заканчивается срок реализации программ комплексного социально-экономического развития 18-ти муниципальных районов области и возникает необходимость в разработке и внедрение новых программных документов. Кроме программ все муниципальные районы области должны разработать и утвердить стратегии социально-экономического развития на долгосрочный период. [7]

Перечень муниципальных образований Воронежской области определен реестром «Административно-территориальное устройство Воронежской области».[2011] В Воронежской области функционируют три городских округа: «Городской округ г. Воронежа», который помимо областного центра включает в себя еще 4 городских поселка и 18 сельских населенных пунктов; «Борисоглебский городской округ», в составе которого г. Борисоглебск и все 24 населенных пункта бывшего Борисоглебского района; «Городской округ г. Нововоронеж», представленный лишь этим городом как специализированным центром атомной энергетики. В прошлом это вносило определенные ограничения в развитии его градообразующей базы по соображениям безопасности. В социально-экономическом отражении к Нововоронежу тяготеет западная часть Каширского района, но в состав этого сельского района он не входит. Это необходимо помнить, чтобы оценить предложение АНО «Агентство региональных социально-экономических проектов» включаемых Каширский район в состав «Городского округа г. Нововоронежа».[4]

В составе Воронежской области функционирует 31 муниципальный район. Организационно внутри районов, с одной стороны, выделяются 29 городских муниципалитетов, которые помимо городов, поселков городского типа и рабочих поселков включают в себя 53 сельских населенных пунктов, а с другой стороны, в составе муниципальных районов находится 471 сельское муниципальное поселение (образованные на основе бывших сельских советов), которые включают в себя 1 623 сельских населенных пунктов. Эта - весьма громоздкая и мало эффективная территориальная структура области стала, в свою

очередь, одной из причин формирования застойной кризисной ситуации. Простое сравнение Воронежской области с другими областями Центрального Черноземья по числу муниципальных районов (Белгородская область - 21, Липецкая область - 18, Курская - 30) мало что дает, поскольку по сравнению со своими соседями Воронежская область - наиболее крупная как по территории, так и по численности сельских населенных пунктов. Расчет численности постоянного сельского населения за 2010г., приходящегося на один муниципальный район (Воронежская область - 26,8 тыс. человек, Белгородская область - 24,8 тыс. человек, Липецкая область - 23,2 тыс. человек, Курская область - 13,1 тыс. человек) не подтверждает вывод о какой-то чрезмерной удобности административно территориального устройства Воронежской области по сравнению с ее соседями [4], хотя это не снижает достаточно острой проблемы ее совершенствования.

Административно-территориальное устройство Воронежской области (как и всякой другой) должно способствовать решению конкретных социально-экономических задач на современном этапе ее развития, но неизбежно отражает внутренние тенденции ее формирования. Поэтому процессы формирования административно-территориального устройства Воронежской области традиционно были объектом исследования вузовских ученых (В.П. Загоровский, Г. Т. Гришин, Н.Н. Коржов).

Уездное деление Воронежской губернии сложилось еще в XVII-XVIII веках в процессе заселения ее территории выходцами из Центральной России и Украины. Например, Бобровский уезд возник на основе Битюцкой дворцовой волости, расположенной в бассейнах рек Битюг и Икорец. Острогожский уезд, исторически связанный с территориальной организацией «Острогожского черкесского полка», в свое время занимал всю возвышенную юго-западную часть Воронежской губернии между Тихой Сосной и Черной Калитвой [Воронежская энциклопедия. Том I, II. Воронеж, 2008]. В свою очередь, Богучарский уезд занимал крайнюю южную часть Воронежской губернии в бассейнах Черной Калитвы, Богучара и Толучеевки. Во второй половине XIX в. строительство железных дорог в условиях капиталистической экономики привело к формированию местных торгово-промышленных центров, которые сформировали свои зоны

влияния, и в ряде случаев перехватили функцию некоторых уездных городов.

В советский период административно-территориальное деление Воронежской области существенно изменилось. В конце 20-х годов XX в. в связи с необходимостью проведения коллективизации и советизации села была проведена кардинальная реформа административно-территориального деления Воронежской области. Основной территориальной единицей стал административный район. В современных границах Воронежской области было образовано 43 района, в основе которых лежали зоны влияния местных торгово-промышленных центров. В конце 50-х - начале 60-х годов в процессе укрупнения колхозов и совхозов в Воронежской области произошло резкое сокращение числа административных районов, в результате которого свыше 20 сельских населенных пунктов потеряли статус районных центров, причем зоны тяготения некоторых из них (Митрофановка, Рождественская Хава, Елань-Колено , Коротояк, Воронцовка, Землянск, Щучье) оказались «разрезанными» новыми районными границами. А в целом все эти населенные пункты, потерявшие функцию райцентров, в последствии сильно деградировали.

Эту историю реформирования административно-территориального деления необходимо признать во внимание для того, чтобы обеспечить минимум социального негатива при реализации тех или иных концепций его современного реформирования. Вряд ли можно сочетать целесообразные массовые укрупнения современных муниципальных районов, хотя при этом нельзя исключить выборочный подход. Во всяком случае, необходима тщательная проработка таких решений.

Переход к рыночной экономике и представительной демократии вызывает необходимость осмысления с позиции теории регионоведения конечного результата самого процесса совершенствования организации и управления муниципальных районов. С нашей точки зрения, основной целью муниципального управления района должно выступать достижение такой упорядоченности и взаимосогласованности управленческих решений, которые, во-первых, должны обеспечить максимально возможное в данных сложившихся условиях производство ВРП и дохода, чтобы обеспечить возможности МО самостоятельно формировать свой бюджет; во-вторых, создать

условия и обеспечить уверенный рост уровня и качества жизни населения, что гарантирует преемственность демократии; в-третьих, управленческие решения должны обеспечить рациональное природопользование и благоприятную среду обитания людей.

Достижение этой триединой цели возможно лишь при последовательном решении на уровне муниципальных районов ряда задач:.

1. Определение потенциала муниципального района. При этом под потенциалом понимаются возможности развития как в настоящее время, так и в ближайшей перспективе. В функциональном отражении выделяются различные виды потенциалов: экономический, финансовый, инновационный, транспортно-логистический, трудоресурсный, природно-ресурсный, природно-экологический, демографический, экистический, социально-культурный и другие.

2. Выявление «узких мест» (проблем, диспропорций, неблагоприятных явлений и тенденций), которые сдерживают развитие данного муниципального района.

3. Анализ реализуемых программ социально-экономического развития муниципального района, краткосрочный прогноз (до 5-ти лет) его развития и обоснование основных направлений муниципальной политики.

В отличие от традиционных научных описательно-фактологических исследований регионоведческий подход определяется определенной специфичностью, которая находит свое отражение в некоторых принципах такого исследования. Относительность - муниципальное образование рассматривается как сложная территориальная социально-экономическая система, целью управления которой выступает оптимизация взаимодействия всех элементов такой системы. Конструктивность - в отличие от традиционных географических описаний и характеристик регионоведения имеет прикладной характер. На первый план выходит не исследование ради исследования, а анализ, прогноз и конкретные предложения по управлению муниципалитетами. Достаточность - для каждого типа работ должны быть определены нормативы информации и проведена ее генерализация (отбор). Моделирование - широкое использование экономико- и социально-математических моделей, на основе

которых определяется потенциал, и «узкие места» и основные варианты развития муниципалитета.

На основании высказанного теоретического подхода можно дать оценку конкретным планам совершенствования административно-территориального деления Воронежской области, которые получили распространение в последние время. Пожалуй, наиболее последовательный и глубокий план реформирования административно-территориального деления Воронежской области представило «Агентство рациональных социально-экономических проектов», информацию о котором дал доктор политических наук, эксперт и руководитель доклада Д. Нечаев в журнале «Экономика и жизнь - Черноземье», №12 за 2011г. в докладе выделены 6 групп (типов) муниципальных районов по специфике их современного и социально-экономического развития: 1) районы опережающего развития (Бобровский, Лискинский, Рамонский); 2) районы догоняющего развития (Рсоссошанский, Аннинский, Верхнемамонский, Калачеевский, Кантемировский, Хохольский); 3) районы с разнонаправленными тенденцией развития (Павловский, ГО г. Новоронеж, Новоусманский, Таловский, Нижнедевицкий, Семилукский); 4) «проблемные» регионы (Борисоглебский ГО, Острогожский, Бутурлиновский, Ольховатский, Вернехавский, Подгоренский, Эртильский, Каширский); 5) районы с депрессивной экономикой (Богучарский, Новохоперский, Грибановский, Терновский, Каменский, Панинский); 6) бесперспективные районы (Поворинский, Воробъевский, Петропавловский, Репьевский). Хотя к такой типологии возникает много вопросов, но на ее основе был предусмотрен один из вариантов кардинального реформирования административно-территориального деления Воронежской области.

В соответствие с этим проектом в среднесрочной перспективе (то есть через 5 лет) число муниципальных районов и городских округов должно сократиться до 17 (без Воронежа), а из 534 сельских и городских муниципалитетов должно сохраниться около 100. В статье предлагается следующие деление: 1) Рамонский район (+ Верхнехавский); 2) Новоусманский район (+ Панинский); 3) Аннинский район (+ Эртильский); 4) Семилукский район (+ Нижнедевицкий); 5) Хохольский район (+ Репьеский); 6) Острогожский район (+ Каменский); 7) Лискинский район; 8)

Бобровский район (+ Бутурлиновский); 9) Грибановский район (+ Терновский); 10) Борисоглебский район (+ Поворинский); 11) Новохоперский район (+ Таловский); 12) Калачеевский район (+ Воробьевский и Петровский); 13) Павловский район (+ Верхнемамонский); 14) Кантемировский район (+ Богучарский); 15) Подгоренский район; 16) Россошанский (+ Ольховатский); 17) городской округ г. Нововоронежа (+ Каширский район).

Хотя реализация этого плана находится в концепции областных и районных органов власти, однако, по нашему мнению, его полная реализация вряд ли целесообразно. Как показала «богатая» советская практика кардинального реформирования административно-территориального устройства области, его последствием, несмотря на временный экономический эффект, стали существенные экономические и социальные проблемы формирования территориальной областной структуры. В настоящее время, когда Воронежская область, наконец, стала постепенно выходить из периода затяжной деградации, вряд ли целесообразно ослаблять функции управления ее районами. К тому же при всей сформировавшейся «вертикали власти» объединение районов потребует проведение референдумов (плебесцитов) среди населения как принимающих, так принимаемых районов. А поскольку в своей значительной части предлагаемые для объединения районы не обнаруживают экономическое и социальное взаимотяготение, то результаты волеизъявления народа могут быть не предсказуемыми.

В то же время предлагаемый подход может быть использован для решения проблем бесперспективных районов. На основании данных за 2010 г. о стоимости отгруженных товаров, работ и услуг, выполненных собственными силами в обрабатывающих производствах, в производстве и распределения электроэнергии, газа и воды, в строительстве и сельском хозяйстве по всем городским округам и муниципальным районам Воронежской области (за исключением областного центра) автором был рассчитан индекс экономического развития как отражения доли в областном производстве и доли в областной численности населения. Этот показатель в генерализованном виде отражает уровень хозяйственной деятельности в районах и городских округах по отношению к средне областному уровню. При этом индекс экономического развития Репьевского района составил

0,01, Петропавловского района - 0,02, Воробъевского района - 0,1, а Поворинского - 0,25. Этим определяется их принципиальная невозможность формирования бюджетов за счет собственных доходов. Например, в 2010г. в консолидированном бюджете Репьевского района собственные доходы составили 22,1 %. [2]

К тому же бесперспективные и депрессивные районы характеризуются весьма ограниченным демографическим потенциалам. По данным Всероссийской переписи населения 2010г, к числу самых маленьких по численности постоянного населения относились Репьевский (16,5 тыс.чел), Воробьевский (18,6 тыс.чел), Каменский (20 тыс.чел), Верхнемамонский (20,6 тыс.чел), Петропавловский (21,1 тыс.чел) и Нижнедевицкий (21,4 тыс.чел) районы. Кроме того ограниченность трудоресурсного потенциала бесперспективных районов формируется и за счет их неблагополучной возрастной структуры и структуры занятости населения. Например, в Репьевском районе на лиц старше трудоспособного возраста приходится 35,6 % всего населения и, в свою очередь, ветераны составляют 36,8 % их численности. Поэтому на трудовые ресурсы приходится 53,1 % всей численности постоянного населения района, но не занятые в экономике составляет 20% трудовых ресурсов, а среди занятых в экономике 42,6% приходится на занятых в личном домашнем хозяйстве [2]. В условиях продолжения высокой депопуляции все эти районы не имеют шансов сохраниться уже в ближайшем будущем.

Все эти проблемы становятся на порядок сложнее на уровне некоторых городских и преобладающей части сельских муниципалитетов. Современные сельские поселения как самое нижнее звено административно-территориального деления Воронежской области были созданы на основе бывших сельских советов и включали в себя от одного до нескольких сельских населенных пунктов, в свое время взаимосвязанных интенсивным социально-экономическим взаимоотношением в пределах бывших колхозов. Поэтому как первичная ячейка административно-территориального деления сельских муниципалитетов возникли и на основе локальных систем расселения и несли в себе зональные черты расселения, историческую специфику заселения речных долин и водоразделов, различных в специализации сельского хозяйства. Среди них в зависимости от особенностей транспортно

- географического положения сформировались местные центры переработки сырья и особенно социального обслуживания населения. В последние 20 лет в связи с переходом к рыночной экономике, коренные изменения социальной структуры хозяйства и его отраслевой специализации многие сельские муниципалитеты оказались в кризисной ситуации.

К тому же депопуляция и миграционный отток сельских жителей привели к изменению сети сельских поселений. Многие сельские муниципалитеты стали обладать столь ограниченным демографическим потенциалом, что делает невозможным их дальнейшее самостоятельное развитие. По результатам Всероссийской переписи населения 2010г, 6,9 % всех сельских поселений имеют численность жителей менее 500 человек. На численности от 501 до 1000 человек приходится 34,2% всех поселений, от до 1,5 тыс.чел.- 22,4% поселений, от 1,5 до 2 тыс.чел. - 13,1%, от 2до 2,5 тыс.чел. - 7,7%, от 2,5 до Зтыс.чел. - 3,9%, от 3 до 5 тыс.чел. - 6,9% и выше 5 тыс.чел. - 4,9%.

Существенное влияние на формирование демографического потенциала сельских и городских муниципалитетов оказывают внутриобластные и внутрирайонные тенденции динамики численности населения. Анализ материалов переписи населения 2002 и 2010 годов позволяет выявить следующие тенденции динамики населения Воронежской области: 1) расширенное воспроизводство населения в природной зоне областного центра и некоторых районных центров; 2) простое воспроизводство населения вдоль целого ряда транспортных магистралей; 3) суженное воспроизводство населения на значительной части области; 4) депрессивное развитие в ряде глубинных территорий в основном в северной части области. В целом динамика численности населения формируется по модели «центр - периферия».

Следовательно, одной из актуальных задач совершенствования самого нижнего уровня административно-территориального деления Воронежской области выступает укрупнение сельских поселений. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что их число уже в ближайшей перспективе необходимо сократить чуть ли ни в 5 раз. На первом этапе нужно ограничить нижний уровень численности населения сельских поселений одной тысячью жителей, а это уже требует сокращения

в два раза числа сельских муниципалитетов. Современная структура сельского расселения уже сейчас не позволяет иметь все органы самоуправления на уровне конкретных сельских населенных пунктов, а укрупнение сельских поселений еще более усложнит ситуацию. Для предотвращения отрыва органов власти от населения в каждом населенном пункте необходимо иметь ответственного представителя от местного самоуправления по типу старост.

К настоящему времени в Воронежской области уже накоплен определенный опыт по реформированию муниципалитетов. Например, в Семелукском районе пошли на укрупнение поселений в его западной части. Так, в состав Новосильского сельского поселения вошли Троицкое и Голосновское, в состав Землянского сельского поселения вошли Казинское, Маловерейское и Малопокровское, в состав Староведугского поселения вошло Новоольшанское, а в состав Нижнедевицкого поселения - Гнилушенское и Меловатское. Большая работа по реформированию первичных муниципальных образований проводится в Новохоперском районе с целью уменьшения затрат на содержание управленческого персонала. В рамках формирования муниципального округа в Новохоперском районе предлагается сформировать четыре поселения - город Новохоперск (в составе райцентра, аналогичного по названию рабочего поселка и ближайших сельских поселений), Краснянское сельское поселение, Елань-Коленовское городское поселение и, возможно, Коленовское сельское поселение с соответствующим перераспределением полномочий, и источников финансирования. В итоге управление администрации Новохоперского района будет распространено на 2/3 его территории [5].

Таким образом, на уровне муниципальных образований Воронежской области происходит существенная трансформация их экономической, социальной, демографической, экологической и институциональной ситуации, которая требует междисциплинарных научных исследований в целях их эффективного управления.

Список литературы

1. Устав Воронежской области. Гл.4 «Местное самоуправление». Статья 54. Воронеж. -2010.

2. Воронежская область. Паспорт муниципального образования. Репьевский муниципальный район. 2010.

3. Воронежская энциклопедия. Под ред. М.Д. Корпачева. - Воронеж. - 2008. - т. 1.-524с, т.11 524с.

4. Дорожная карта для Воронежской области «Экономика и жизнь - Черноземье», № 12. Воронеж, 2011.

5. Объединившись, станем сильнее. Местное самоуправление. Новохоперск сделал свой выбор: поселения должны образовать муниципальный округ. «Коммуна», 11 октября 2011.

6. Реестр «Административно-территориальное устройство Воронежской области». Воронеж, 2011.

7. Тарасенко В. За системный подход. Местное самоуправление: проблемы, перспективы, опыт. «Коммуна», 4 октября 2011.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ[47]

Одной из главных задач современной российской географии выступает необходимость усиления ее как внутринаучной, так и межнаучной интеграции на региональном уровне. Это определяется не только общественным заказом, но и сложившейся тенденцией развития самих научных исследований. Б основе нового общественного заказа региональной географии лежат коренные изменения в территориальной организации российского общества в связи с переходом страны на новые модели экономического, социального и политического развития. При этом центр тяжести преобразований во все большей степени смещается на уровень российских регионов. В тоже время исключительно сложные и весьма противоречивые проблемы их развития настоятельно требуют интеграции различных подходов и методов решения. На этой основе формируется регионоведение как комплекс наук, включающий региональную (в первую очередь социально-экономическую) географию, региональную экономику, региональную социологию, региональный менеджмент, региональное (муниципальное) право и ряд других научных дисциплин.

Комплексный регионоведческий подход позволяет обозначить следующие наиболее существенные задачи, в том числе и географического исследования Центрального Черноземья.

- Определение социальной, отраслевой, технологической и территориальной структуры и необходимого уровня развития хозяйства Центрального Черноземья и его регионов в условиях дальнейшего развития рыночных отношений и интеграции России в систему мирохозяйственных связей в процессе вступления в ВТО. Учитывая реально существующую многоукладность современной экономики, определение перспектив развития Центрального Черноземья должно преследовать не только

[47] Основные задачи современного регионоведения Центрального Черноземья / Ю.В.Поросенков // Территориальная организация общества и управление в регионах: Материалы V всерос. науч.-практ. конф., сент. 2002 г., Воронеж .— 2002 .— С. 111-112.

получение максимально возможной прибыли субъектами производства, хотя такой подход при правильной налоговой политике решает проблемы сбалансированности бюджетов и формирует надежную финансовую базу решения социальных проблем, но и обеспечение экономической (в том числе продовольственной) независимости страны и региона, общественной занятости населения. В более узком аспекте постановки этой задачи необходимо определить ту «экономическую цену», которую необходимо заплатить Центральному Черноземью за окончательный переход к системе рыночных отношений.

- Рыночные реформы 90-х годов XX в. вызвали обвальное падение уровня жизни преобладающей части населения, обусловили застойную ситуацию на рынке труда, существенно усугубили переживаемый страной и регионом демографический кризис. Это выдвигает в число главных задач исследование населения Центрального Черноземья три проблемы: 1. изучение уровня качества и образа жизни населения - его динамики, основных тенденций развития в разрезе социальных и профессиональных групп и территориальных единиц; особое внимание следует обратить на процессы социальной дифференциации, поскольку резкая поляризация населения по уровню жизни вообще ставит под сомнение целесообразность и правомерность реализуемой модели общественного переустройства; 2. исследование рынка труда и занятости населения, их взаимосвязи с экономическими и социальными процессами на разных иерархических уровнях; 3. изучение воспроизводства населения, его механизмов и факторов формирования, тенденций, экономических и социальных последствий; все более набирающий силу процесс депопуляции в Центральном Черноземье выдвигает проблемы обоснования и реализации демографической политики в число первоочередных.

На стыке экономических и социальных ладач находятся проблемы социальной инфраструктуры, по уровню развития и качеству которой Центральное Черноземье традиционно отставало от среднероссийских показателей. Переход к рынку обусловил ее не только существенную трансформацию, но и в значительной степени деградацию, что крайне негативно сказалось на уровне и образе жизни населения.

- В перечне социально-экономических проблем Центрального Черноземья в последние годы все большее значение приобретают вопросы, связанные с природной средой. Во-первых, распространение рыночных отношений на сферу природных ресурсов, что наглядно показали законы о продаже земли, преимущественно сырьевой характер российского экспорта обусловливают особую значимость исследований по определению природно-ресурсного потенциала Центрального Черноземья и его регионов. Во-вторых, начавшееся, хотя и крайне медленное и неустойчивое восстановление экономики региона неизбежно приводит к дальнейшему обострению его экологических проблем.

Ключевое значение в современном процессе социально-экономического реформирования Центрального Черноземья приобретают вопросы совершенствования механизмов управления и административно-территориального устройства. В условиях, когда власть рождает капитал, современные управленческие структуры как на уровнях областей, так и районов оказались слишком затратными и в значительной степени ориентированными на решение своих внутренних проблем. Поэтому для Центрального Черноземья и его регионов возникает насущная проблема исследования административно-территориального устройства и поиска более оптимальных моделей управления

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА[48]

В самом общем виде под региональной политикой понимают сферу деятельности государственных и муниципальных органов власти по управлению социально-экономическим развитием страны и ее регионов **в** его пространственном аспекте. При этом эффективная региональная политика возможна лишь как составная часть общей национальной или региональной стратегии социально-экономического развития. По своим функциональным особенностям и решаемым проблемам в теории выделяется несколько видов региональной политики: экономическая, социальная, демографическая, экистическая (поселенческая), экологическая и научно-техническая.

Экономическая региональная политика направлена на смягчение региональных и внутрирегиональных экономических диспропорций, а в ряде случаев на достижение регионального экономического равновесия. В конечном итоге региональная экономическая политика должна обеспечить максимально возможную работоспособность региона на конкретном этапе его развития, выраженную в величинах ВРП, денежных доходах, приходной части бюджета региона и тому подобное. В поле зрения социальной региональной политики находятся процессы и формы организации жизни людей с|точки зрения условий их труда, быта, отдыха и развития личности. В связи [с тем, что развитие рыночной экономики своим следствием имеет резкую социальную и территориальную дифференциацию уровня жизни населения, то социальная региональная политика в принципе направлена на его выравнивание по различным территориям, локалитетам и разным типам поселений. Демографическая региональная политика предусматривает определенное регулирование процессов

[48] Основные принципы и направления региональной политики в условиях современного финансово-экономического кризиса / Ю.В. Поросенков // Кризис и социально-экономическая и политическая ситуация в регионе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 27 мая 2009 г., Воронеж .— Воронеж, 2009 .— Ч.2. - С. 90-94 .

естественного и миграционного воспроизводства населения для достижения обществом таких целей, как блокирование депопуляционных процессов в результате роста рождаемости, снижения смертности населения, положительного сальдо его миграционного обмена. Гораздо меньшую реализацию в последние годы получила экистическая региональная политика, целью которой выступает достижение сбалансированности развития региональных и локальных систем расселения, в том числе и крупногородских агломераций. Целью экологической региональной политики выступают охрана экологической среды обитания и рациональное использование природно-ресурсного потенциала регионов. К сожалению, экологическая политика, как правило, является «заложницей» сложной экономической ситуации. В сферу региональной научно-технической политики входит обеспечение наиболее приемли-мого для региона (на конкретном этапе экономического развития) технологического уровня производства, формирование наиболее рациональных организационных и территориальных форм соединения науки и производства, управление подготовкой и региональным перемещением высоко квалифицированных кадров.

Мировой финансово-экономический кризис, ярко проявившийся еще в конце 2008 г., поставил экономику России и Центрально-Черноземного региона в весьма сложное положение. Крах мирового деривативного механизма финансовой деятельности, вызвавший кризис неплатежей, стал одной из причин сокращения объемов производства. Следствием этого на мировом рынке стало уменьшение спроса и падение цен на основную экспортную продукцию российской экономики - энергоресурсы, металлы и прочее сырье. Существенное снижение стоимости российского экспорта уменьшило возможности формирования как федерального бюджета, так и бюджетов субъектов РФ в Центрально-Черноземном районе. Совсем еще недавно Белгородская и Липецкая области (на уровне Министерства регионального развития) определялись как «опорные регионы» страны, а Воронежская, Курская и Тамбовская области относились к числу ее «депрессивных» регионов. В настоящее время в связи с резким падением спроса на черные металлы и снижением их производства Белгородская и Липецкая области в большей степени пострадали от кризиса. В тоже время

«депрессивные» Воронежская и Тамбовская области пострадали от кризиса меньше, поскольку они слабее связаны с мировым рынком в аспекте экспорта своей продукции.

Проведенная правительством «мягкая девальвация» рубля вызвала удорожание импорта, что не могло не отразиться на снижении уровня жизни населения. Это связано с тем, что в процессе предшествующей «перестройки» страна по-существу потеряла или резко сократила собственное производство многих потребительских товаров (медикаменты, обувь, одежда, бытовая электроника и даже мясо, животное масло). Большой проблемой стал и быстрый рост безработицы, и это на фоне и без того невысокой занятости трудоспособного населения. Все это в совокупности не может не поставить перед отечественной наукой такие сложнейшие проблемы, как оценки эффективности реализуемой общенациональной и региональной политики, определения ее основных принципов и направлений в условиях современного финансово-экономического кризиса. Для этого необходим хотя бы общий прогноз продолжительности современного кризиса и оценка тех изменений, которые он вносит в социально-экономическую ситуацию региона. К настоящему времени появилось все больше симптомов того, что вряд ли можно ожидать кратковременности наблюдаемых кризисных явлений и что мировая и отечественная экономика уже в ближайшей перспективе полностью восстановят свой докризисный облик. К тому же в силу своих особенностей российская экономика вряд ли будет выходить из кризиса в числе первых. Поэтому современному российскому обществу в финансовом, экономическом, организационном и психологическом отношениях необходимо себя готовить к длительному периоду преодоления тех негативных явлений в регионе, которые возникают или усугубляются под влиянием наблюдаемого финансово-экономического кризиса.

Эффективная региональная политика возможна лишь на основе четкого понимания решаемых проблем. Если абстрагироваться от задач, которые функционально предназначены для их решения федеральными властями или крупными корпоративными структурами, то в субъектах РФ - регионах ЦЧР основные усилия в этот период должны быть сосредоточены на решении трех взаимосвязанных проблем -

развитие малого и среднего бизнеса, восстановление АПК и налаживание нормального функционирования жилищно-строительного комплекса. Все эти проблемы имеют многоаспектный характер. Они прежде всего затрагивают сферу производства товаров и услуг, необходимость (особенно на этом этапе) конкурентной борьбы за внутренние рынки сбыта, сохранение рабочих мест и нормализацию процессов формирования рынков труда, выполнение всех социальных обязательств, взятых государственной властью перед населением. В этой связи на время кризиса и ликвидации его последствий первостепенное значение приобретает экономическая, социальная и демографическая региональная политика.

В рамках регионального менеджмента для преодоления негативных последствий современного финансово-экономического кризиса региональные и муниципальные органы власти разработали, приняли и в той или иной мере реализуют специальные антикризисные программы. Однако многоаспектный характер кризиса требует обоснования определенной теоретической базы оценки таких программ. В этом аспекте можно говорить о таких основных принципах региональной антикризисной политики, как адекватность, своевременность, результативность, перспективность, инициативность, а также о ее мониторинге и общественном признании. При этом под адекватностью понимается соответствие мер региональной политики сущности решаемых проблем и возможностям региона по их реализации. В условиях кризиса принцип адекватности позволяет пересмотреть все до того принятые и реализуемые программы на предмет их дальнейшего выполнения или свертывания. В основе принципа своевременности лежит признание, с одной стороны, факта быстрой смены социально-экономической ситуации на разных этапах развития кризиса, а с другой, в обычных условиях достаточно большого временного лага от принятия решений до их реализации. В условиях же кризиса темпы реализации решений должны соответствовать темпам его развития. Результативность региональной политики в условиях кризиса означает, что ее определенные на конкретных этапах и, как правило немногочисленные цели должны быть непременно реализованы, что требует применения всей совокупности методов управления. Принцип перспективности

региональной политики означает, что мероприятия по ее реализации должны учитывать социально-экономическую ситуацию региона не только на этапах развития кризиса, но и по его завершению. Принцип инициативности региональной политики должен строиться на глубоком понимании внутреннего потенциала и проблем развития региона, а следовательно и на наиболее целесообразной для региона реализации принимаемых федеральных программ и решений. Реализация мер региональной политики требует их мониторинга, то есть системы постоянного наблюдения и оценки их эффективности. Региональные и муниципальные власти должны быть заинтересованы в общественном признании принимаемых и реализуемых мер по преодолению современного финансово-экономического кризиса, а, следовательно, все эти меры должны быть понятны населению.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДЕПРЕССИВНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ[49]

(в соаторстве с Н.В. Яковенко)

Важнейшими проблемами современной трансформации и модернизации российской экономики выступают настоятельная необходимость поддержания рациональных для страны территориальных пропорций и недопущение чрезмерно большой дифференциации ее регионов по уровню социально-экономического развития. Сложившаяся в постсоветский период диспропорция в уровне развития российских регионов свидетельствует о наличии как объективных факторов (неодинаковый природно-ресурсный потенциал, тип и уровень хозяйственного освоения территории, сформировавшаяся структура экономики, система расселения и демографическая ситуация), так и субъективных факторов, обусловленных реализацией принятых региональных стратегий социально-экономического развития, в основе которых нередко лежат интересы региональных элит и которые часто не соответствуют общегосударственной политике регионального развития России. При этом в последние десятилетия тенденция усиления дифференциации уровня развития российских регионов приводит к прогрессирующему отставанию их большой группы, в числе которых наиболее проблемные регионы принято называть депрессивными.

В современной социально-экономической географии и регионоведении проблемам исследования пространственного развития страны, типологии экономических регионов, трансформационной экономики посвящено множество работ [1, 2, 5, 7, 8, 15, 21, 22], среди которых выполнены специальные исследования по депрессивным территориям [3, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 18, 23]. Однако, несмотря на это среди экономико-географов и регионалис-тов-практиков еще не сложилось общепринятого

[49] Теоретико-методологические подходы к исследованию депрессивных регионов России / Н В Яковенко, Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: география, геоэкология. - 2013. -№2. - С. 10-22.

представления о внутреннем механизме проблем-ности и депрессивности российских регионов, возможности использования их социально-экономического потенциала для выхода на тренд устойчивого развития. В этой связи представляется весьма актуальным исследование проблем диагностики социально-экономического развития депрессивных регионов России и возможностей их перехода к фазе устойчивого развития. Одним из подходов к решению этих проблем выступает обоснование методологии и методики, логических положений и инструментария социально-экономико -географического исследования депрессивных регионов России.

Прежде всего, необходимо остановиться на сущности базового термина «социально-экономический депрессивный регион» [СЭДР]. В современной науке нет единства в его понимании. Еще 30 лет тому назад Э. Б. Алаев отмечал многозначность термина «регион» (синоним термина «район»; для обозначения сопоставимых таксонов, принадлежащих к различным системам таксонирова-ния или к различным порядкам одной и той же системы таксонирования; для обозначения любых территорий, по своим признакам не «подходящих» к принятой системе территориального членения и не позволяющих обозначить их другими терминами; для обозначения территориальных таксономических единиц определенного класса в конкретной системе таксонирования) и отмечал, что в литературе того времени уже происходило вытеснение слова «район» термином «регион» [1, с. 6970]. В настоящее время термин «экономический (социально-экономический) регион» получил более широкое распространение как в связи с формированием региональной экономики и регионо-ведения, так и в связи с усиливающейся интеграцией с мировой англоязычной наукой, но по-прежнему сохранил свою многозначность. В регио-новедческой литературе он постепенно вытесняет термин «экономический район», под которым в советское время понимали территориальный хозяйственный или социально-экономический комплекс, обладающий (в условиях плановой государственной экономики) тесными связями и пропорциональностью развития всех его составных элементов. При переходе к рыночной экономике такое понимание «района» во все большей степени теряет свой смысл. Применительно к рассматриваемой проблеме социально-экономический регион России понимается нами как исторически

сложившаяся территория, обладающая не только общностью природно-ресурных, социально-экономических, инфраструктурных, культурно-исторических предпосылок, но и возможностями самоуправления в виде органов законодательной и исполнительной власти, собственных материальных и финансовых ресурсов. На макроуровне к этой категории социально-экономических регионов относятся, прежде всего, субъекты Российской Федерации, а также их территориальные группы, например, в виде федеральных округов и экономических районов, если по последним реализуются долгосрочные программы социально-экономического развития.

До настоящего времени в социально-экономической географии и регионоведении пока нет единства в понимании сущности термина «депрессивный регион». В Большом Энциклопедическом словаре под депрессией (от лат. depressio - подавление) в экономике понимается фаза экономического цикла, наступающая после кризиса перепроизводства, которая характеризуется прекращением упадка производства, постепенным рассасыванием «излишка» товарных масс, вялой хозяйственной конъюнктурой, большей безработицей [4, с. 343]. При этом синонимом данного термина обозначена «стагнация» (от лат. stagno - делаю неподвижным), под которой понимается застой в производстве, торговле и т.д. [4, с. 343]. Применительно к экономико-географической терминологии Э. Б. Алаев обосновал понятие «депрессивный регион», который в прошлом демонстрировал относительно высокие темпы развития, но затем, в силу ряда причин, пришедший в упадок [1, с. 233]. Таким образом, в современной науке сложилось «широкое» и «узкое» понимание термина «депрессивный регион». В рамках первого подхода к депрессивным регионам относятся те из них, в которых наблюдается длительный застой в развитии, а узкая трактовка термина связывается с медленным выходом из кризисного состояния регионов, в прошлом демонстрировавших высокие темпы развития. Этим объясняется, что в современной науке существуют различные теоретические и методические подходы к выделению регионов депрессивного типа. Диагностика региональной депрессивной социально-экономической ситуации проводится как в различных временных интервалах, так и с помощью оценки разнообразных индикаторов. Поэтому конечные результаты разных исследователей имеют как расхождения, так и

совпадения в определении группы депрессивных регионов. Это определяется как использованием для анализа различных показателей, так и различными методиками обработки, оценки данных, типологизации и ранжирования регионов. Помимо этого присутствует еще один фактор, который играет важную роль в исследовании, а именно - изучение динамики процесса усиления или ослабления территориальной неравномерности.

Современный рыночный механизм порождает и углубляет территориальные диспропорции в социально-экономическом развитии регионов, ведет к кризисным и стагнационным их состояниям. При этом депрессивные регионы представляют собой особую (временами численно расширяющуюся, временами относительно небольшую) типологическую группу, определяемую благодаря характерным признакам: глубокий и интенсивный спад на кризисной стадии циклической ритмики и замедленное (запаздывающее) вхождение в фазу роста, повышенная социально-экономическая неустойчивость. Эти особенности приводят депрессивную территорию к длительному по времени социально-экономическому отставанию от ведущих регионов и центров хозяйственной активности страны. Поэтому с нашей точки зрения, «социально-экономический депрессивный регион» (СЭДР), как правило, является субъектом РФ, в котором имеются вполне достаточные природный, социально-экономический, инфраструктурный, научно-технический, кадровый и экологический потенциалы, однако в динамике - не менее 5 лет темпы роста основных показателей его социально-экономического развития ниже, чем в среднем по стране, или определенного норматива, принятого в рамках конкретного исследования. Депрессивные регионы поэтому не могут рассчитывать на саморазрешение проблем и на самостоятельный выход из депрессивной ситуации, что требует для них осуществления чрезвычайных (адекватных и специально организуемых) регулирующих воздействий со стороны государства.

Основой теории географического исследования депрессивных регионов России должна выступать, по нашему мнению, системно-структурная методология. Это связано с представлением о том, что объектом исследования отечественной социально-экономической географии выступает территориальная организация общества, охватывающая процессы не только экономического, но и социального, политического, демографического, экисти-ческого,

историко-культурного и экологического развития регионов. Поэтому социально-экономический регион воспринимается как сложная территориальная социально-экономическая система, состоящая из отдельных блоков и элементов. Социально-экономический район характеризуется наличием определенных процессов и свойств, наиболее существенными из которых являются: целостность, структурность, динамичность, саморегуляция, эмерджентность, иерархичность. В тоже время процессы депрессивности в развитии социально-экономических регионов, как правило, существенно ослабляют и даже блокируют многие из этих взаимосвязей. Однако, учитывая все эти потенциальные признаки и особенности СЭДРов, их географическое изучение актуализируется с позиций определения и формирования возможностей их саморазвития. Все подсистемы СЭДР, в принципе, потенциально комплиментарны, то есть совместимы в функциональном и институциональном отношениях, что обеспечивает возможность достижения общей цели. Общая цель управления СЭДРов - это прежде всего формирование условий для эффективного и устойчивого развития экономики и социальной сферы, повышения благосостояния населения, обеспечения благоприятной экологической среды обитания с минимальными затратами на их достижение на основе формирования и реализации инновационного пути развития, что требует проведения особой инвестиционной политики. Специфика, структура и сущность каждого конкретного СЭДРа, определяется, прежде всего, внутренней природой образующих его элементов и компонентов, характером внутреннего взаимодействия. Поэтому внешние воздействия всегда преломляются через внутреннюю сущность СЭДР.

По степени влияния на функционирование и развитие депрессивного региона, внутренние его противоречия можно разделить на три группы: 1) противоречия между общественной (национальной и региональной) необходимостью экономического развития и интересами конкретных производителей; 2) противоречия между региональными и локальными воспроизводственными процессами, распределительными и обменными отношениями; 3) противоречия как следствие различий в динамике функционирования и пространственной организации подсистем региона. В развитии СЭДР важную роль играют и другие внутренние противоречия, в первую очередь,

противоречия между сопряженными функционально-структурными подсистемами, которые обусловлены их разноуровневостью, различной динамикой и ритмикой функционирования, спецификой связей территориальной организации элементов. В сфере управления они усугубляются наличием разноведомственной и частнособственнической принадлежности, несогласованностью между собой частных прогнозов и планов развития, субъективностью подходов с позиции достижения частных оптимумов.

Теоретические основы географического исследования состава оценочных индикаторов-показателей депрессивности дают возможность определить содержание структурообразующих компонентов внутри исследуемых регионов и сформировать схему их интегральной оценки социально-экономического развития. Определение депрессивнос-ти российских регионов стало частью официальной методики комплексной оценки уровня социально-экономического развития субъектов РФ. Еще в Программе Правительства РФ «Реформы и развитие российской экономики в 1995-1997 годах» была предпринята попытка идентифицировать различные типы проблемных регионов для определения приоритетов региональной политики. В соответствии с этим были выделены регионы - доноры российского бюджета и регионы - реципиенты. Среди последних выделялись отстающие, депрессивные, кризисные и регионы особого стратегического значения. При этом преобладающее большинство регионов России попали в группу реципиентов, функционирование которых было невозможно без денежных дотаций из федерального бюджета [16]. В 2001 году (с последующей коррекцией в 2006 г.) было принято постановление Правительства РФ от 11.10.2001 г. № 717 «О Федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002-2010 гг. и до 2015 г.)» [14]. В основу этой методики положены 13 базовых индикаторов: внутренний региональный продукт; объем инвестиций в основной капитал; объем внешнеторгового оборота; финансовая обеспеченность региона на душу населения; доля среднесписочной численности работников, занятых на малых предприятиях; уровень зарегистрированной безработицы; соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума; доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума;

суточный оборот розничной торговли, общественного питания, платных услуг; основные фонды отраслей экономики; коэффициент плотности автомобильных дорог (коэффициент Энгеля); сводный показатель уровня развития отраслей социальной инфраструктуры; обеспеченность дошкольными образовательными учреждениями. Представленная официальная методика все же имеет в большей степени экономический характер и не охватывает в полной мере другие сферы деятельности регионов. К тому же некоторые официальные показатели (например, уровень зарегистрированной безработицы, соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума, сводный показатель уровня развития отраслей социальной инфраструктуры) не отражают реальной ситуации в социальных процессах регионов.

Поэтому наряду с методикой, принятый Правительством РФ, существуют другие методики, разработанные исследователями проблем формирования и оценки индикаторов социально-экономического развития субъектов РФ. Например, в методике, разработанной в Совете по изучению производительных сил, используется 40 первичных индикаторов, объединенных в 9 блоков [7]. Экономисты Центра социально-экономических проблем федерализма ИЭ РАН для оценки уровня социально-экономического развития регионов используют систему показателей, включающую следующие элементы: население, рынок труда, уровень жизни, социальное обеспечение и социальные услуги, экология и общественная безопасность [13].

Сопоставляя уже разработанные методики оценки уровня социально-экономического развития, в том числе депрессивных регионов РФ, друг с другом, можно утверждать, что наблюдается определенная их схожесть по подбору оценочных показателей. Однако различия между ними состоят в большей или меньшей ориентированности на экономические или на социальные показатели, что связано с конкретными практическими потребностями их разработки. Такой анализ в большей степени направлены на определение уровня социально-экономического развития регионов, чем на специальное комплексное исследование депрессивных регионов, в том числе внутренних механизмов их состояния. Поэтому возникает необходимость формирования системы оценочных показателей развития именно депрессивных

регионов, выработки определенного инструментария диагностики их социально-экономического состояния.

Нами предлагается специальная методика идентификации депрессивных регионов РФ. В основе ее лежит использование инструментария существующих поливариативных методик, поскольку моновариативные методики в большинстве случаев отражают специфику функционирования отдельного конкретного региона и не являются в достаточной степени универсальными. Предложенная методика оценки депрессивных регионов основывается на исчислении интегральных показателей на базе данных официальной статистики. Она дает возможность сформировать систему критериальных признаков депрессивного состояния регионов в аспекте следующих направлений оценки: производственной, инфраструктурной, социальной, демографической и экологической. При этом предусматривается выделение двух уровней показателей: положительно и отрицательно влияющих на развитие региона.

В проведенном нами исследовании в 5 блоках было выделено 15 индикаторов, характеризующих уровень социально-экономического развития регионов: 1) экономический блок (среднедушевой объем продукции промышленного производства, среднедушевой объем продукции сельскохозяйственного производства, стоимость основных фондов на душу населения, суммарный оборот розничной торговли и платных услуг в расчете на душу населения, среднедушевой объем инвестиций); 2) демографический блок (коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста/убыли населения, коэффициенты миграционного притока, миграционного оттока населения, сальдо миграции); 3) социальный блок (уровень преступности населения, средняя заработная плата работников организаций); 4) инфраструктурный блок (плотность автодорог - коэффициент Энгеля, ввод в действие жилых домов); 5) экологический блок (выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, сброс сточных вод). Выбор этих конкретных показателей в значительной степени определяется доступностью и достоверностью статистической базы по регионам РФ.

Результаты функционирования регионов в значительной степени обуславливаются взаимодействием позитивных и негативных факторов их развития, в связи с чем необходима их качественная и количественная оценка. Преобладание в регионе

позитивных факторов развития определяет устойчивость и сбалансированность в нем социально-экономических процессов. Если же в регионе превалируют негативные факторы, то это приводит к снижению устойчивости общественного развития, экономики, а вследствие этого обуславливает разбалансированность социальных, экономических, демографических и экологических процессов. Применяемые в рамках данной методики количественные показатели дают возможность оценить как уровень развития регионов, так и основные направления его динамики. Такой подход выступает основой для определения интегрального показателя. В тоже время вспомогательные показатели предназначены для более детального изучения причин и тенденций развития регионов в различных сферах, и тоже должны рассматриваться в динамике.

Основу статистической базы исследования составили официальные статистические материалы

Федеральной службы государственной статистики РФ. Основными принципами использования тех или иных статистических показателей для оценки уровня социально-экономического развития регионов РФ, по нашему мнению, могут быть приняты: 1) комплексность оценки, т.е. учет всех важнейших составляющих показателей уровня социально-экономического развития; 2) системность оценки - учет взаимосвязей базовых показателей и характеристик регионального социально-экономического развития; 3) достоверность исходных данных при выборе базовых показателей регионального социально-экономического развития; 4) соответствие системы индикаторов задачам ежегодного анализа и прогнозирования экономического и социального развития регионов; 5) максимальная информативность результатов оценки уровня социально-экономического развития регионов, следовательно, возможность принятия оптимальных решений на федеральном и региональном уровнях управления; 6) сочетание общих социально - экономических индикаторов с показателями, отражающими результативность деятельности органов государственной власти по решению важнейших экономических и социальных проблем.

Предлагаемая нами методика исследования состоит из шести этапов. Первый этап исследования - группировка системы социально-экономических показателей по двум блокам: блок позитивных и блок негативных факторов развития. Позитивные

показатели будут демонстрировать положительную динамику, поэтому их увеличение в целом и по отношению к среднероссийскому показателю свидетельствует о благоприятном функционировании региона (например, коэффициент рож - даемости, коэффициент миграционного притока населения). Негативные факторы (например, коэффициент смертности, коэффициент миграционного оттока населения) будут оказывать отрицательное влияние на функционирование региона, и поэтому их снижение в целом (и по отношению к среднероссийскому уровню) будет благоприятно.

Второй этап исследования - расчет коэффициентов соотношения позитивных и негативных факторов с соответствующими значениями среднероссийских показателей. Превышение показателя региона над среднероссийским выражается коэффициентом их соотношения свыше 1,0, что отображает в соответствующей сфере положительную динамику развития и характеризует его социально-экономическую устойчивость. Напротив, превышение регионального показателя, отражающего негативный фактор, над его среднероссийской величиной свидетельствует об неустойчивости социально-экономического развития данного региона. При проведении анализа используются среднее значение и величина размаха показателя.

На третьем этапе рассчитывается соотношение коэффициентов позитивных и негативных факторов развития, что позволяет определить и количественно оценить уровень устойчивости функционирования региона. Превышение позитивных факторов развития над негативными (интегральный коэффициент регионального развития свыше 1,0) свидетельствует об устойчивом развитии, тогда как превышение негативных факторов развития над позитивными (интегральный коэффициент регионального развития равен и меньше 1,0) характеризует неустойчивые социально-экономические процессы в регионе. В этом случае коэффициент регионального развития 1,0 показывает границу между позитивными и негативными тенденциями динамики. Такой подход позволяет выделить группу потециально неустойчивых регионов, у которых коэффициент регионального развития близок к 1,0 и которые могут попадать в группу депрессивных или выходить из нее в случае чередования циклов экономического развития.

На четвертом этапе предложенного алгоритма производился расчет показателя отклонения позитивных и негативных факторов

развития при помощи формул, представляющих относительное отклонение анализируемых значений от соответствующих среднероссийских показателей.

На пятом этапе определяется интегральный показатель оценки условий развития региона, который рассчитывается как разница показателей позитивных и негативных факторов развития. Рассчитанный интегральный показатель оценки условий развития региона показывает, насколько отклонение позитивных факторов региона превышает, либо занижает отклонение негативных факторов региона над среднероссийскими значениями.

На шестом этапе проводится группировка регионов в соответствии с полученными результатами расчетов.

Универсальность предлагаемого подхода позволяет применять его как на региональном, так и федеральном уровнях. С учетом полученных результатов проводится позиционирование регионов по интегральному уровню социально-экономического развития. Исходя из предлагаемого показателя социально-экономического развития, все регионы (субъекты) РФ в целом или по федеральным округам можно распределить на 5 групп: 1) регионы с высоким уровнем развития и высоким социально-экономическим потенциалом; 2) регионы с уровнем развития выше среднего и относительно высоким социально-экономическим потенциалом; 3) регионы со средним уровнем развития и достаточным социально-экономическим потенциалом; 4) отсталые или слаборазвитые регионы - с низким уровнем развития и недостаточным социально-экономическим потенциалом; 5) депрессивные регионы с крайне низким уровнем развития. Таким образом, предложенная методика позволила выявить основные детерминанты пространственного социально-экономического развития Российской Федерации и определить основные типологические группы регионов по уровню их развития и глубине депрессивного состояния.

На этапе кризисного развития российской экономики все регионы, так или иначе, стали проблемными. Среди них можно выделить территории с той или иной степенью депрессивности. Предложенная методика и алгоритм диагностики уровня социально-экономического развития регионов РФ позволили выделить два типа депрессивных регионов, которые подразделяются на фоновые и кризисные. Для проблемных регионов была проанализирована динамика развития за временной период 1990-2010 гг. и выполнена их типологическая группировка.

В зависимости от разнообразных объективных и субъективных причин некоторые регионы традиционно развивались значительно медленнее остальных, становясь постепенно «отсталыми» (или «слаборазвитыми»). К слаборазвитым среди субъектов РФ относятся регионы с крайне малой интенсивностью и низкими параметрами хозяйственной деятельности, недиверсифицированной структурой экономики, резким отставанием по развитию производственной базы, социальной сферы и рыночной инфраструктуры, с высокой безработицей и низким уровнем жизни населения, наибольшей дотационностью бюджетов.

Принципиальным отличием депрессивных регионов является то, что при значительном отставании в социально-экономическом развитии, выявляющемся на момент исследования, на предшествующем этапе они проявляли все признаки стабильно развивающихся территорий, а по некоторым позициям даже занимали видное место в экономике страны. Такие регионы имеют существенный потенциал саморазвития (развитую промышленность и инфраструктуру, высококвалифицированную рабочую силу, относительно высокий уровень развития науки, культуры, образования и пр.). Но в связи с резкими изменениями условий (внешних по отношению к региону) их функциональная ориентация может не совпадать с общими направлениями развития экономики страны. Вследствие этого внутренние возможности таких регионов и их богатый потенциал оказываются невостребованными.

К фоновым относятся те российские регионы, где наблюдается низкий уровень жизни населения, устаревшая технологическая база, недостаточное рыночное позиционирование, дефицит кадров. Особенностью же кризисных регионов являются существенное отставание от других регионов страны по уровню социально-экономического развития; высокий уровень безработицы; слабая инфраструктурная обеспеченность и высокий уровень социальных конфликтов. При этом депрессивно-кризисное состояние российских регионов в целом может характеризоваться как устойчивая стагнация их социально-экономического состояния, связанная с действием не только макроэкономических, но и макрополитических, макродемогра-фических факторов и одновременным отсутствием или недостаточностью внутренних стимулов к саморазвитию. Такое состояние определяет большую глубину и интенсивность деструктивных процессов,

обусловленных стагнацией традиционно ведущих отраслей хозяйства, крайне неблагоприятной демографической ситуацией, коррумпированностью систем управления, следствием чего являются резкие нарушения воспроизводственных процессов.

Расчеты на 1990 г., 2000 г. и 2010 г. по изложенной выше методике, позволили выделить на территории РФ достаточно большую группу депрессивных регионов. Проблема интервала по времени ретроспективного анализа детерминировалась тем фактом, что официальный статистический материал, более или менее пригодный для такой типологии регионов и их анализа, появился только с середины 1990-х гг. Так как в период 1995-1996 гг. в связи с переходом к рыночной экономике уже сложилась определенная дифференциация регионов, то оценка изменения ситуации за 1990-2010 гг., по нашему мнению, дает достаточно объективное представление о динамике макротерриториальной структуры России. При этом она фактически отражает ситуацию до финансового кризиса 1998 г., сразу же после него и на весь период до 2010 г.

Анализ изменения ситуации в российских регионах за период 1990-2010 гг. показывает как определенные территориальные сдвиги в проблем-ности регионов, так и увеличение самой степени остроты ситуации в них (таблица 1). В тоже время общее количество депрессивных регионов остается примерно одинаковым, поскольку методика, предусматривающая комплексную социально-экономическую оценку всех регионов по отношению к среднероссийскому уровню, позволяет относить к числу депрессивных примерно пятую их часть. В 1990 г. к депрессивным было отнесено 26 регионов РФ. Анализ данных на 1990 г. позволил выявить ту ситуацию, которая сложилась в российских регионах как результат глубокого и системного кризиса государственной плановой экономики и советского общества в последние годы перед распадом СССР. Совершенно не случайно, что в числе депрессивных регионов оказались 10 национальных республик. В советское время их нормальное функционирование обеспечивалось значительными трансфертами из общегосударственного бюджета. Однако в последние советские годы такое финансирование по объективным причинам становилось все более ограниченным. Экономическая ситуация в них быстро ухудшалась, вследствие чего резко упал уровень жизни многодетных семей, а с другой стороны, нарастали

коррупция и националистические движения, которые на Северном Кавказе приняли форму вооруженной борьбы. Поэтому к категории особо кризисных регионов, в рамках принятой методики исследования, на Кавказе относились Чеченская и Ингушская республики, а на юге Сибири - Тыва.

Таблица

Типология депрессивных регионов РФ на 1990, 2000, 2010 гг.

	1990 г.	2000 г.	2010 г.
Фоновые	Архангельская область	Архангельская область	Алтайский край
	Астраханская область	Иркутская область	Архангельская область
	Владимирская область	Карачаево-Черкесская Республика	Брянская область
	Воронежская область	Курганская область	Владимирская область
	Кабардино-Балкарская республика	Мурманская область	Забайкальский край
	Кемеровская область	Нижегородская область	Иркутская область
	Московская область	Омская область	Кемеровская область
	Новосибирская область	Пермский край	Кировская область
	Омская область	Республика Адыгея	Костромская область
	Республика Адыгея	Республика Алтай	Курганская область
	Республика Алтай	Республика Бурятия	Мурманская область
	Республика Бурятия	Республика Карелия	Приморский край
	Республика Дагестан	Республика Северная Осетия-Алания	Республика Адыгея
	Ростовская область	Свердловская область	Республика Алтай
	Самарская область	Ульяновская область	Республика Бурятия

	1990 г.	2000 г.	2010 г.
	Свердловская область	Хабаровский край	Республика Дагестан
	Тамбовская область	Челябинская область	Республика Ингушетия
	Тульская область	Чеченская Республика	Республика Калмыкия
	Челябинская область		Республика Карелия
	Чувашская Республика		Республика Хакасия
			Томская область
			Тульская область
			Ульяновская область
			Хабаровский край
			Челябинская область
			Ярославская область
Кризисные	Нижегородская область	Ивановская область	Ивановская область
	Пермский край	Еврейская автономная область	Республика Тыва
	Республика Ингушетия	Кемеровская область	Чеченская Республика
	Республика Северная Осетия-Алания	Приморский край	
	Республика Тыва	Республика Дагестан	
	Чеченская Республика	Республика Ингушетия	
		Республика Калмыкия	
		Республика Тыва	

Вторую большую группу депрессивных регионов составили староосвоенные индустриально-аграрные территории исторического центра страны, Урала и южной части Западной Сибири. Их депрессия прямо связывается с коренной трансформацией промышленного потенциала, деградацией

машиностроения и особенно предприятий, связанных с ОПК, разрушением предприятий аг-рарно-промышленного комплекса. О глубине деп-рессивности свидетельствует тот факт, что в эту категорию попали регионы, которые в советское время являлись ядрами экономического развития страны (Московская, Владимировская, Тульская, Самарская, Ростовская, Нижегородская, Воронежская, Свердловская, Челябинская, Новосибирская, Омская, Кемеровская области и Пермский край).

К 2000 г. количество депрессивных регионов сохранилось неизменным - 26, но территориально произошли существенные изменения. Это связано с тем, что на период 1990-2000 гг. приходит- ся наиболее тяжелый этап реформирования отечественной экономики. Разгосударствление и приватизация предприятий привели к коренным изменениям социальной структуры производства. Интеграция в мировую экономику шла по линии резкого усиления сырьевого сектора и свертывания обрабатывающей промышленности. На этом этапе характерна стала массовая безработица и резкое снижение уровня жизни населения. Поскольку этот этап легче переживали староосвоенные индустриально-аграрные регионы с диверсифицированной структурой экономики, поэтому число депрессивных регионов исторического центра страны сократилось почти в три раза, но в их число помимо Нижегородской области вошли Ульяновская и Ивановская области. В последней на этот период приходится «крах» текстильного производства, не выдержавшего конкуренцию импортных тканей. Депрессивные регионы остались в том же составе, добавилась лишь Курганская область. В Сибири депрессивность сохранили Кемеровская и Омская области, в эту же группу стала входить Иркутская область. Крайне неблагоприятная экономическая и демографическая ситуация сложилась на Дальнем Востоке, где в группе депрессивных регионов оказались Приморский, Хабаровский и Забайкальский края и Еврейская АО, то есть почти вся наиболее заселенная часть этого самого отдаленного экономического района России. Депрессивный характер имела по-прежнему Архангельская область, в 90-ые годы в эту группу попала и Мурманская область. По-прежнему депрессивная ситуация сохранялась в республиках Северного Кавказа, в которых на этот период пришелся пик политического и военного обострения.

За последующие годы как следствие дальнейшего развития рыночной экономики несколько изменилась территориальная «структура проблем-ности» российских регионов. К 2010 г. количество депрессивных регионов выросло до 29. Первое десятилетие XXI века (в отличие от последнего десятилетия XX в.) стало периодом определенной стабилизации экономической и политической жизни в стране. Отраслевая структура экономики стабилизировалась на новом уровне. Страна окончательно превратилась в сырьевой придаток не только высокоразвитых, но и некоторых динамично развивающихся стран. Это стало одной из причин депрессивности значительного числа областей центральной России. По сравнению с 2000 г. помимо Ивановской и Ульяновской областей к этой категории регионов стали относиться Брянская, Владимировская, Кировская, Костромская, Тульская, Ярославская области. Одной из причин этого на этапе 2000-2010 гг. выступает крайне неблагоприятная демографическая ситуация и гибель традиционной российской деревни в условиях деградации и распада исторически сложившейся сети сельского расселения. На Урале депрессивное состояние сохранили Курганская и Челябинская области, на юго-востоке Западной Сибири - Алтайский край, Кемеровская и Томская области, а на Дальнем Востоке - Приморский и Хабаровский края. По-прежнему сложнейшими проблемами выделяются республики Северного Кавказа (особенно Чечня, Ингушетия, Дагестан, Калмыкия) и некоторые северные регионы Европейской России (Архангельская и Мурманская области, республика Карелия).

Таким образом, примененная методика исследования при всей ее относительности позволила установить, что депрессивные регионы имеются во всех федеральных округах России. Это тормозит развитие страны, замедляет процессы ее модернизации. При этом можно выделить три основные территориальные группы депрессивных регионов: республики Северного Кавказа, регионы юга Сибири и Дальнего Востока и локально некоторые старопромышленные, агропромышленные и даже добывающие регионы европейского Центра и Севера-Запада. Все они характеризуются устойчивым и глубоким спадом экономической активности, более низким, чем в среднем по стране уровнем жизни населения. Для большинства депрессивных регионов выход на траекторию устойчивого развития экономики может быть

обеспечен собственными силами путем осуществления диверсификации производства, его модернизации. Одной из труднейших, но неизбежных в своем решении задач выступает переход к инновационной экономике, который требует стимулирования развития малого и среднего бизнеса, кардинального улучшения инвестиционного климата, поиска новых рынков сбыта и т.д. Однако регионы с наиболее глубокой степенью депрессивности, характеризующиеся многолетним кризисом хозяйства (как например, Ивановская область), должны стать объектами целевой государственной поддержки. При этом нужно иметь ввиду, что проблема многолетней отсталости значительно шире проблем депрессивности. В группу отсталых регионов входит также значительная часть северных территорий, где типичные негативные факторы (неблагоприятный климат, высокая стоимость жизни, повышенные производственные и транспортные издержки, экологическая уязвимость и т. п.) не могут компенсироваться сильными конкурентными преимуществами в виде используемых природных ресурсов. Бедственное положение ряда регионов Севера (свертывание основных и обслуживающих производств, высокий уровень безработицы, низкие доходы населения, трудности с завозом топлива и продовольствия) требует специальных мер государственной помощи.

На основе представленной методики была осуществлена также диагностика уровня социально-экономического развития регионов Центрального федерального округа и выявлены его депрессивные субъекты (таблица 2). При этом необходимо иметь ввиду, что перечень депрессивных областей ЦФО при учете средних показателей для станы в целом и для федерального округа, в принципе, совпадает не полностью. К тому же в рамках ЦФО совершенно особая ситуация складывается со «столичным ядром» (город Москва и Московская область), которое существенно завышает средний показатель по округу. Поэтому при таком «окружном» подходе выделяется существенно больше депрессивных территорий, нежели чем при расчете с использованием средних показателей по стране в целом. Депрессивные регионы ЦФО больше всего пострадали на этапе постсоветского развития вследствие специфики структуры их промышленности, ориентированной в течение многих лет

преимущественно на внутренний потребительский рынок, ограниченный для внешних поставщиков, и гипертрофированного развития оборонно-промышленного комплекса. Поэтому депрессивные старопромышленные регионы ЦФО сохранили определенный экономический потенциал, но характеризовались устойчивым спадом промышленного производства, имеющим долговременные причины.

Таблица

Типология депрессивных регионов ЦФО

Год	Регионы с крайне низким уровнем развития (депрессивные регионы)	
1990	Фоновые регионы	Кризисные регионы
	Владимирская область	Ярославская область
	Тверская область	Тульская область
	Рязанская область	
	Тамбовская область	
	Липецкая область	
	Ивановская область	
2000	Брянская область	Ивановская область
	Тверская область	Ярославская область
	Костромская область	Тульская область
	Смоленская область	
	Владимирская область	
2010	Костромская область	Ивановская область
	Тульская область	Ярославская область
	Брянская область	Тверская область
	Смоленская область	Владимирская область

За весь рассматриваемый период 1990-2010 гг. число депрессивных регионов в ЦФО осталось неизменным, но изменилась их география. Среди областей ЦФО в течение всего рассматриваемого периода преобладали депрессивные регионы «фонового типа», которые характеризовались сравнительно высоким уровнем экономического потенциала, значительной долей промышленности в структуре хозяйства, высокой квалификацией местных трудовых ресурсов, однако в результате низкой конкурентоспособности профилирующих отраслей отличались низким уровнем ВРП и доходов населения. В тоже

время нельзя не обратить внимание на углубление уровня депрессивности. Если в 1990 г. соотношение фоновых и кризисных депрессивных регионов ЦФО составляла 3:1, в 2000 г. - 1,7:1, то в 2010 г. - уже 1:1. К тому же за исследованный 20-летний период произошло «оттеснение» депрессивности в северные и северозападные регионы ЦФО, экономическая ситуация в которых существенно усложняется критическим состоянием в сельской местности. В 2010 г. к числу фоновых депрессивных регионов относились Смоленская, Костромская, Тульская и Брянская области, а в категорию «кризисные регионы» попали Владимирская, Ярославская, Тверская и Ивановская области.

Причины формирования депрессивности регионов ЦФО определяются резким снижением конкурентоспособности основных видов продукции в градообразующих отраслях; падением инновационной активности вследствие горизонтальной и вертикальной миграции кадров с предприятий, продуцирующих инновации; снижением инвестиционного спроса на продукцию основных предприятий из-за стремления к первоочередному удовлетворению текущих потребностей; утратой производственно-технического потенциала вследствие морального и физического износа основных фондов. Поэтому развитие депрессивных регионов ЦФО характеризуется целым рядом общих проблем: структурная деформированность экономики вследствие территориальных диспропорций в размещении производства, дезинтеграции сложившихся хозяйственных комплексов, высокий уровень износа основных фондов, низкая конкурентоспособность выпускаемой продукции, технологическая отсталость большинства отраслей и низкий потенциал инновационного развития.

Несмотря на депрессивность многих регионов ЦФО пока они достаточно успешно встроены в общероссийский и региональный рынки по отдельным видам деятельности. Однако типичной проблемой их развития является существенное несоответствие сложившейся еще в советское время хозяйственной системы новым социально-экономическим условиям рыночной экономики. Эти регионы пока не занимают ключевых позиций в хозяйстве России и вынуждены играть роль периферийных территорий, окружающих интенсивно развивающееся столичное «ядро». Реальными лидерами социально-экономического развития в ЦФО являются Москва и Московская область, которые уже в ближайшей перспективе могут выступить в качестве «локомотива

роста» для окружающих их территорий. Однако наблюдаемый до настоящего времени процесс дивергенции регионов в ЦФО показывает, что отношения между столичными и нестоличными регионами пока складываются по типу «центр - периферия», когда окружающие столицу регионы (кроме, имеющих явные конкурентные преимущества) выступают как источник ресурсов для столичного «ядра».

Таким образом, использованная методика диагностики уровня социально-экономического развития регионов России позволяет сделать следующие выводы. 1. Сложившаяся современная территориальная неравномерность развития регионов в значительной степени обусловлена спецификой их социально-экономического развития в постсоветский период. 2. Выявленные депрессивные регионы в настоящее время отличаются друг от друга региональностью проблем их социально-экономического развития. 3. Депрессивные кризисные регионы для стабилизации и повышения уровня социально-экономического развития особо нуждаются в дополнительных источниках финансирования. 4. Одной из важнейших проблем современной российской экономики является выравнивание сложившихся неравномерностей социально-экономического развития ее регионов. Наиболее эффективным рычагом решения этой проблемы должны быть взаимосогласованные действия федеральных и региональных властей, в том числе и в сфере привлечения иностранных инвесторов. А в совокупности они должны быть направлены на эффективное использование факторов, сглаживающих пространственную экономическую и социальную неоднородность регионов РФ и на более эффективную нейтрализацию негативных факторов и последствий неравномерного социально-экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э. Б. Алаев. - Москва : Мысль, 1983. - 350 с.

2. Бакланов П. Я. Структуризация географического пространства - основа теоретической географии / П. Я. Бакланов // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции. - Ростов-на-Дону, 2010. - С. 12-21.

3. Баланина Г. Ф. Стратегия развития депрессивного региона / Г. Ф. Баланина. - Кызыл : ТувИКОПР СО РАН, 2009. - 344 с.

4. Большой энциклопедический словарь. - 2-е изд. - Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. - 1456 с.

5. Гладкий Ю. Н. Основы региональной политики : учебник / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. - Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 1998. - 659 с.

6. Гонова О. В. Интегральный критерий развития территории как основа мониторинга экономики региона / О. В. Гонова, А. Н. Ильченко // Труды Кубанского государственного аграрного университета. - 2008. -№ 2 (11). - С. 33-35.

7. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики / А. Г. Гранберг. - 2-е изд. - Москва : Государственный университет - Высшая школа экономики, 2001. - 495 с.

8. Зырянов А. И. Регион: пространственные отношения природы и общества / А. И. Зырянов. - Пермь : Пермский университет, 2006. - 372 с.

9. Исакин М. А. Построение интегральных индикаторов качества жизни населения регионов / М. А. Иса-кин // Региональная экономика и социология. - 2005. -№ 1. - С. 92-109.

10. Лексин В. Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. - Москва : Либроком, 2009. - 368 с.

11. Леонов С. Н. Типология проблемных регионов на основе оценки межрегиональных социально-экономических и финансовых различий / С. Н. Леонов // Известия РАН. Сер. географическая. - 2005. - № 2. -

12. С. 68-76.

13. Мансуров П. М. Депрессивный регион: сущность, критерии отнесения, основные проблемы /

14. П. М. Мансурова, Г. И. Мансуров // Fundamental Research. - 2012. - № 6. - С. 506-510.

15. Мацкевич Т. Н. Проблемы социально-экономического развития региона: монография / Т. Н. Мацкевич. - Ставрополь : Аргуз, 2004. - 120 с.

16. О Федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002-2010 годы и до 2015 года)» : постановление Правительства РФ от 11.10.2001 г. № 717 (ред. от 22.06.2006 г. с изм. от 20.10.2006 г.). - URL: www.consultant.ru.

17. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов / отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. - Москва : Вузовская книга, 2012. - 336 с.

18. Региональная социально-экономическая политика: разработка, реализация, оценка эффективности : учебно-методическое пособие / под ред. С. М. Верте-шева, В. Е. Рохлина. - Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, 2003. - 320 с.

19. Скопин А. О. Проблемы устойчивого развития регионов России в условиях формирования рыночных отношений / А. О. Скопин, О. В. Скопин. - URL: uecs.ru/regio№al№aya-eko№omika/item/238-2011-03-2412-28-31.

20. Толчинская М. Н. Типизация отсталых регионов России и пути преодоления их депрессивности / М. Н. Толчинская. - URL:http ://www.rppe .ru/wp-content/ uploads/2010/02/tolchinskaj a-mn.pdf.

21. Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: материалы Международной научной конференции / под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова. - Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2010. - 476 с.

22. Шарыгин М. Д. Современные проблемы экономической и социальной географии : учебное пособие / М. Д. Шарыгин. - Пермь : Изд-во Пермского университета, 2008. - 427 с.

23. Шарыгин М. Д. Регионоведение : учебное пособие / М. Д. Шарыгин, В. К. Ковылов. - Воронеж : ООО ИД «Лексикон», 2004. - 200 с.

24. Штульберг Б. М. Региональная политика России: теоретические основы, задачи и методы реализации / Б. М. Штульберг, В. Г. Введенский. - М. : Гелиос АРВ, 2000. - 208 с.

25. Яковенко Н. В. Социально-экономическая устойчивость депрессивного региона // Н. В. Яковенко // Вестник Тамбовского университета. Сер. Естественные и технические науки. - Тамбов, 2013. - Т. 18, вып. 2. - С. 731-735.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ИНДИКАТОРЫ РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕЕ ПРОСТРАНСТВА[50]

Формирующаяся в последние годы система долгосрочного социально-экономического прогнозирования страны стала охватывать не только общенациональный уровень, уровень субъектов РФ, но и муниципальные образования как в виде городских округов и муниципальных районов, так и городских, и сельских поселений. Все это делает крайне необходимым соответствующую дифференциацию социальных ориентиров и индикаторов их развития. При этом выделяющаяся система оценки эффективности деятельности органов территориального управления должна учитывать явно неодинаковые стартовые возможности и существенно разные потенциалы социально-экономического развития регионов и муниципальных образований. Формальное сравнение напоминало бы одинаковый подход к учету результатов] с одной стороны, спортсменов - профессионалов, а с другой стороны, людей с ограниченными физическими возможностями.

Существенные различия в результатах социально-экономической деятельности на территории Воронежской области существовали всегда, на всех этапах ее общественного развития, хотя уровень этих различий был явно неодинаков. В последние десятилетия советского периода эти территориальные различия были не столь существенны. Государственная собственность на средства производства, плановый характер экономики, централизованная система капиталовложений имели своим результатом экономическую политику, ориентированную на

---

[50] Социальные ориентиры и индификаторы развития муниципальных образований Воронежской области в условиях современной социально-экономической трансформации ее пространства / Ю.В. Поросенков // Инновационные доминанты в социальной сфере : материалы ежегодной Международной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений 24 мая 2013 г. — Воронеж, 2013 .— С. 114-116 .

полное, но экстенсивное использование как природных, так и трудовых ресурсов. Такой этап экстенсивного развития экономики позволял на управленческом уровне поддерживать слабо развитые регионы и обеспечивать более или менее сбалансированную территориальную структуру области. Отражением такого аспекта экономического развития были и территориальные аспекты социальной сферы при происходящей их трансформации в направлении «центр-периферия».

Развитие рыночной экономики в последние 20 лет обусловило формирование принципиально иных тенденций в формировании территориальной организации хозяйства и социальной сферы Воронежской области. Приватизации предприятий, изначальная ориентация их собственников на получение максимально возможной прибыли, тяжелое налоговое бремя малых и средних предприятий и как результат перехода их в «теневой сектор» экономики, значительная коррупционная составляющая, потеря внутреннего рынка как результат массового импорта товаров, рейдерские захваты предприятий - все это привело к радикальным изменениям не только социальной и отраслевой, но и территориальной структуры производства и социальной сферы. В итоге многие мелкие и средние предприятия были по существу «вымыты» из сельских и мелких городских поселений, чем была подорвана их налогооблагаемая база. Хотя основные социальные выплаты были гарантированы федеральным бюджетом, но многие отрасли социальной сферы оказались в сложном положении.

За этот период существенно выросла территориальная поляризация социального пространства Воронежской области. Об этом свидетельствуют данные по самым общим показателям. Например, в 2010 г. вариационный размах среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по муниципальным районам Воронежской области составил 1,8 раза, хотя вариационный размах начисленных пенсий, которые почти полностью обеспечиваются из федерального бюджета, был на уровне 1,2 раза. Соотношение максимальной и минимальной общей площади жилых помещений, приходящихся в расчете на одного жителя, по районам области составил 1,8 раза, а соотношение по муниципальным районам области в степени обеспеченности легковыми машинами в расчете на тысячу населения оказалась на уровне 2,3 раза и даже по обеспеченности

населения врачами территориальный разрыв оставил 2,4 раза, а больничными койками - 1,2 раза.

Существенно территориальная дифференциация городских округов и муниципальных районов в социальной сфере - давно уже общеизвестный факт, но он сейчас более остро переживается в связи со сложной демографической и миграционной ситуацией, проблемами на рынке труда и обострением восприятия различий в уровне и качестве жизни населения. Все это требует разработки и реализации социальной региональной политики по отношению к отстающим районам области. Еще более острый характер эта проблема имеет место на уровне городских и сельских поселений. Решение всех этих аспектов должно стать одним из ведущих направлений долгосрочного планирования.

Разработка долгосрочных планов как регионов, так и их муниципальных образований требует определения по каждому из них социальных ориентиров и социальных индикаторов. Социальные ориентиры, то есть основные направления развития социальной сферы, должны в значительной степени совпадать с декларируемыми на национальном уровне направлениями развития социальных отношений. В тоже время социальные индикаторы, определяя по временным этапам конкретные уровни развития социальной сферы, не могут не зависеть от реально складывающейся ситуации не только в субъектах РФ, но и их муниципальных образованиях. Поэтому одним из предварительных этапов долгосрочного планирования должна выступать типология муниципальных районов, городских и сельских поселений, для каждого типа которых необходимо обосновать свои социальные индикаторы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПРОГРАММИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ СТАРОЗАСЕЛЕННЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ[51]

В последние годы в РФ явно прослеживается тенденция восстановления роли долгосрочного программирования (планирования) социально-экономического развития регионов страны и ее крупнейших городов. Смена общественного и экономического строя в стране в последние 20 лет негативно отразилась на сущности и качестве прогнозных документов как одном из инструментов управления социально-экономического развития. В условиях массовой приватизации предприятий государственные органы лишились директивных рычагов управления. В этих условиях на смену советского долгосрочного территориального планирования пришло стратегическое программирование. Функция последнего заключается прежде всего в информировании субъектов производства, общественных и политических объединений, органов государственной власти и местного самоуправления, а также профессионалов-исследователей из вузов и научных учреждений об возможных перспективных направлениях социально-экономического развития страны, ее регионов и крупнейших городов.

Возможные сценарии такого перспективного развития, их цели, задачи, механизмы и этапы реализации определяются не только на основе глубокого анализа существующих и формирующихся тенденций и закономерностей мирового и национального (страно-вого) развития, но и с учетом интересов и представлений правящей элиты. По сравнению с 90-тыми годами XX в. и первой половиной первого десятилетия XXI века, когда на поверхности экономической и общественной жизни преобладало беспорядочное «броуновское движение», к настоящему времени

[51] Теоретические подходы к стратегическому программированию социально-экономического развития крупнейших городов старозаселенных регионов России / Ю.В. Поросенков // Стратегии и ресурсы развития крупных городов Центра России : материалы 2-ой Междунар. науч. конф. — Воронеж, 2010 .— С. 61-67

достаточно четко определились основные тенденции и закономерности экономического, социального, политического и демографического развития страны, что позволяет их использовать для долгосрочного прогноза. С другой стороны, в последние годы дефекты управления, связанные с отсутствием четких ориентиров в развитии страны, регионов и крупных городов, стали приобретать такой объемный и массовый характер, что стало основой формирования сомнений в профессиональности современной управляющей элиты.

Особенно нетерпимая ситуация сложилась в тех крупнейших городах староосвоенных регионов страны, где в связи с закрытием значительной части предприятий обрабатывающей промышленности произошла резкая смена их функционального облика. К тому же «черный передел» земельных ресурсов и стихийная застройка потребовали существенной коррекции генеральных планов их развития. Реакцией на все эти негативные процессы со стороны государственных органов и органов местного самоуправления стала разработка и принятие стратегических планов развития крупных городов и регионов. Примером таких документов выступают «Стратегический план социально-экономического развития городского округа город Воронеж на период до 2020 года», разработанный рабочей группой сотрудников ВГУ под руководством профессора В.Н. Эй-тингона (2010 г.), и «Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на долгосрочную перспективу» (2010 г). С учетом аналогичных документов по другим областям ЦЧР возможно высказать некоторые теоретические обобщения.

Современные крупнейшие города страны по сути происходящих в них процессов в принципе являются междисциплинарным объектом исследования и управления. Поэтому к решению этих проблем необходимо привлечь не только экономистов, но и градостроителей, урбанистов, демографов, социологов, политологов, географов и экологов, юристов, специалистов по городской планировке и городскому менеджменту. Такой межнаучный подход дает больше гарантий реалистичности и эффективности принимаемых решений. Этот вывод явно напрашивается при изучении аналогичных документов, разработанных на протяжении всего предшествующего постсоветского периода развития региона.

С нашей точки зрения, стратегическое программирование крупнейших городов страны должно основываться на системно-структурной методологии. На ее основе крупные города воспринимаются как исключительно сложные локальные, а вместе с пригородной зоной - территориальные системы. Если сам крупный город даже в границах вновь созданных городских округов (включая городские поселки и села) представляет территориальную организацию жизни общества в пределах ее суточного ритма, то крупногородская агломерация, включающая в себя всю пригородную зону ее ядра - крупного города, приобретает региональный характер.

Этот аспект усложняет проблему делимитации городских границ. Во-первых, крупный город в его широком понимании может выделяться в пределах компактного застроенной территории, во-вторых, в официально признанных административных границах, в том числе в границах городского округа. В-третьих, крупный город может быть выделен в границах всей агломерации, включая территории, где проживают «скрытые горожане» и где расположено «второе», летнее жилье горожан. Без последнего подхода непонятны перспективы территориального роста города и пограничных с ним территорий. Поэтому при обосновании стратегической программы развития крупнейших городов к ним необходим двойной подход: как в рамках административных границ, так и в границах уже реально сформировавшихся крупногородских агломераций.

Крупнейшие города как сложные территориальные социально-экономические системы для целей стратегического программирования внутри себя подразделяются на отдельные подсистемы-блоки, которые выделяются на основе специфики выполняемых ими функций и требуют для определения перспектив развития особых методических подходов. С этих позиций внутри каждого крупного города можно выделить шесть функциональных блоков: хозяйство, население, социальная инфраструктура, инженерно-техническая инфраструктура, природно-ресурсный и экологический потенциал, управление. Ведущим блоком крупнейших городов для решения задач их стратегического программирования выступает экономика, формирующая их материальный фундамент. Крупнейшие города высокоразвитых стран в принципе могут существовать лишь в

системе национального (странового) и международного разделения труда. В этом кроется исключительная сложность определения экономических прогнозов крупнейших городов РФ, где в советский период доминировала обрабатывающая промышленность в виде машиностроения и электротехники. Интеграция страны в мировую рыночную экономику сопровождалась стагнацией, деградацией и почти полным уничтожением этих высоко-технологичных производств. В итоге значительная часть крупнейших городов страны переживают период деиндустриализации, когда в их городском хозяйстве на первый план вышли другие функции, особенно тор-гово-распределительные, финансовые, сервисные, научно-образовательные и культурные. При этом для большинства городов почти не остается надежд на восстановление их прежних промышленных функций.

По степени Участия в территориальном разделении труда предприятия и организации экономики крупнейших городов страны можно разделить! на три группы: местного, национального (странового) и международного значения, прогнозирование развития которых требует разных методических подходов. Перспективы развития городской экономики местного значения относительно легко прогнозируемы, поскольку такое производство почти исключительно ориентируется на местные сырьевые и финансовые ресурсы, имеет устоявшиеся рынки сбыта за счет сложившихся предпочтений потребителей. Однако при этом не исключено, что инновационные товары и услуги российских и иностранных организаций и предприятий, вышедшие на местный рынок, могут существенно изменить его внутреннюю структуру. Намного сложнее ситуация с определением долгосрочных прогнозов развития городских производств, ориентированных на национальный и мировой рынок, хотя именно такие производства в принципе определяют экономическую сущность крупнейших городов. Для определения таких прогнозов необходимо глубокое знание конъюнктуры, основных тенденций и территориальных сдвигов на мировом и отечественном рынке, принятых и реализуемых соответствующих российских программ, а также реальная оценка возможностей самого конкретного города в аспекте развития таких производств. Все это повышает влияние фактора случайности, как и

использование административного ресурса и личных связей управленческой элиты.

В отличие от экономического блока достоверный прогноз населения, социальной и инженерно-технической инфраструктуры, использования природной и экологической среды встречает потенциально меньше методических трудностей. Так, прогноз населения опирается на достаточно устойчивые тенденции его естественного воспроизводства, в основе которых лежат сложившаяся половозрастная структура, устойчивый уровень и динамика рождаемости, смертности и в целом естественного воспроизводства, определенная зависимость демографических процессов от экономических и социальных факторов, а также влияние общероссийской и региональной демографической политики. Значительно больший уровень неопределенности характерен для миграционного обмена населения, но положительное сальдо миграции крупнейших российских городов - один из показателей степени их экономического, социального, да и экологического благополучия. Кроме того, решение заявленных задач о желаемой численности населения решается и за счет административного расширения территории городских округов. Например, в Воронежской области г. Семилуки и с. Новая Усмань уже давно являются частью Большого Воронежа, но их включению в Воронежской городской округ пока препятствует статус райцентров. Важнейшей стороной рассматриваемого функционального блока территориальной системы крупного города выступает долгосрочное прогнозирование уровня и качества жизни населения. Методической основой такого прогноза выступают как сложившиеся тенденции развития этих процессов, так и государственные (общероссийские и региональные) гарантии трудовой деятельности, занятости и оплаты труда, в целом уровня жизни населения.

Социальная и инженерно-техническая инфраструктура выступают необходимым элементом любого крупногородского организма. В основе долгосрочного программирования сферы социальных услуг крупного города лежит предполагаемая численность населения, его социальный и профессиональный состав, поло-возрастная структура населения, его культурный уровень, сложившиеся и проектируемые стандарты потребления

социальных услуг. При этом значительное число организаций и предприятий больших городов обслуживают не только свое население, но имеют и региональное, страновое, а подчас и международное значение. Поэтому основой задачей программирования блока социальной инфраструктуры крупного российского города в условиях рыночной экономики является не только обеспечение приемлемого уровня обслуживания собственного населения, но и расширение участия в сфере международного разделения труда не только как потребителя, но и производителя услуг. Для некоторых крупнейших городов РФ (и для Воронежа в том числе) такой функцией становится наука и подготовка высококвалифицированных кадров для других стран. Напротив, функции инженерно-технической инфраструктуры крупных городов ограничиваются в основном удовлетворением местных потребностей, но некоторые их них (например транспорт и связь) могут выходить на общероссийский и международный уровень. Весьма важным при долгосрочном программировании инженерно-технической инфраструктуры имеет обеспечение ее необходимого задела на будущее с учетом перспектив азвития города, ее рациональную территориальную дислокацию, поскольку просчеты в этой области весьма трудноустранимы и затратны.

Относительно небольшое число крупнейших городов РФ с преимущественным развитием обрабатывающей промышленности обладает собственным значительным природно-ресурсным потенциалом для развития промышленного производства и строительства. Поэтому природНо-ресурсный потенциал таких городов представлен прежде всегб земельными и рекреационными ресурсами. Первые из них крайне необходимы для любой хозяйственной деятельности как участки ее дислокации, поэтому стали объектом интенсивного передела при переходе к рыночной экономике, что существенно ограничивает значение генеральных планов городов как директивньгх документов. Рекреационные ресурсы городов и городских округов являются базой сохранения и восстановления здоровья населения как в течении всех рабочих дней, так и в конце недели на протяжении двух ее выходных дней. Жаркое лето 2010 года выявило всё органические дефекты экологической и рекреационной сфер городского округа город

Воронеж, что необходимо учесть при определении его стратегической перспективы.

Крупнейшие города России с их сложнейшими проблемами экономического, демографического, социального, культурного и рекреационного развития представляют особые требования к их управленческому блоку - городскому менеджменту, функция которого и состоит в быстром и рациональном разрешении городских проблем. Поэтому генеральное программирование управленческого блока крупного города должно строиться на объективном анализе современного властного механизма его управления, учитывать тенденции формирования управленческих структур, формирующиеся на российском уровне, и соответствующие правые документы. В целом же эффективность развития любого крупного города России в немалой степени определяется профессионализмом и реальным выполнением служебного долга местной управленческой элитой.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБОСНОВАНИЮ ГЕНЕРАЛЬНОЙ СХЕМЫ РАЗВИТИЯ И РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ[52]

Как результат глубокой рыночной трансформации российской экономики в последние 20 лет произошли кардинальные изменения в развитии и размещении производительных сил на общенациональном уровне, на уровне ее регионов — субъектов РФ и внутри них. В результате этого произошла резкая поляризация регионов страны, которые стали подразделяться на регионы-доноры и регионы-реципиенты, на регионы с постиндустриальным, индустриальным и доиндустриальным развитием, регионы инновационного и традиционного развития, староосвоенные регионы и регионы пионерного освоения.

Как следствие глубинных и сложнейших процессов перестройки отечественной экономики и ее интеграции в мирохозяйственные связи стало формирование большого числа отстающих регионов: отсталых фоновых, депрессивных и кризисных. К отсталым фоновым регионам относятся те, в которых уже на протяжении многих лет (чуть ли ни с советских времен) наблюдается затяжной социально-экономический кризис, следствием чего происходит систематическое отставание от уровня и темпов развития хозяйства и уровня жизни населения. В основе этого, как правило, лежат объективные причины (неблагоприятное транспортно-географическое положение, ограниченный или уже выработанный природно-ресурсный потенциал, дефицит трудовых ресурсов и их низкое качество, слабая производственная и социальная инфраструктура, клановость управляющей элиты). Для этих регионов переход к рыночной экономике лишь усугубил и без того сложную ситуацию. Депрессивные регионы стали результатом рыночной трансформации российской экономики. В прошлом они, как правило, относились к числу развитых, но под влиянием процессов

[52] Теоретические подходы к обоснованию генеральной схемы развития и размещения производительных сил Воронежской области / Ю.В. Поросенков // Инновационные доминанты социальной сферы : материалы ежегодной международной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений .— Воронеж, 2014 .— С. 133-139.

структурной и технологической перестройки в условиях прямого влияния мирового рынка в значительной степени на какой-то отрезок времени потеряли возможности своего внутреннего развития. Немалое значение в этом процессе имело ограничение функций государственного регулирования и наивная вера в то, что сам рынок все поставит на свои места. При этом необходимо иметь в виду, что с каждым новым мировым финансово-экономическим кризисом, как и изменением внешнеэкономических условий деятельности, последствием чего является дальнейшая структурная реорганизация отечественной экономики, возможно появление все новых депрессивных регионов. Кризисные регионы характеризуются, как правило, столь острыми противоречиями в экономическом, социальном, этнокультурном, экологическом и институциональном развитии, что делает невозможным их нормальное функционирование [15]. В целом же накопившиеся проблемы в развитии и размещении производительным сил страны носят столь острый характер, что без их успешного решения вряд ли возможно дальнейшее устойчивое развитие России.

Решение назревших проблем в размещении производительных сил становится важнейшей задачей как федеративных государственных органов, так и органов управления субъектов РФ. На региональном уровне уже сложилась и реализуется стройная система долгосрочного планирования [1, 4, 6, 10, II]. В Воронежской области реализуется подобная система документов, например «Стратегия социально-экономического развития на долгосрочную перспективу», разработан Прогноз научно-технического развития до 2030 года [3, 12, 14], определилась потребность в разработке и реализации «Генеральной схемы развития и размещения производительных сил до 2030 г.». Попытки разработки таких схем были сделаны в ряде субъектов [7, 13]. Однако существует вероятность того, что по мере осуществления разработки таких планов субъектами РФ они могут не только снять, но и усилить территориальные диспропорции в социально-экономическом развитии страны. Поэтому возникает необходимость разработки такого документа на федеральном уровне.

Генеральные схемы развития размещения производительных сил были широко распространенным документом в условиях советской плановой экономики [2, 5, 8, 9]. Даже была предпринята попытка (хотя и неудачная) разработать такой документ для

РСФСР на этапе распада Советского Союза [8]. Конечно, опыт таких работ можно использовать, но помнить, что они были приняты для страны с государственной плановой экономикой. В этой связи в полном объеме методологию и методику составления таких документов вряд ли можно применить для современной РФ с ее рыночной экономикой.

Одной из сложнейших теоретических задач современного отечественного регионоведения выступает определение самой сущности «Генеральной схемы развития и размещения производительных сил». Во-первых, в советских концепциях развития и размещения производительных сил основной акцент делался на их технологическом понимании как совокупности средств, предметов труда и трудовых ресурсов. При таком подходе за пределами понимания оставались производственные отношения, в основе которых лежат отношения собственности на средства производства. Это приводило к исключению из схемы размещения производительных сил экономических укладов (например, натуральный потребительский -определенная часть личных подсобных хозяйств, мелкотоварный - «серый сектор» экономики, в том числе и некоторая часть ЛПХ, частный отечественный крупнотоварный, частный иностранный и государственный). Без анализа современных аспектов развития производственных отношений вряд ли можно понять современную и перспективную сущность развития как страны в целом, так и ее регионов.

Во-вторых, понимание термина «размещение» включает в себя одновременно как порядок и систему размещения чего-либо, так и действие, и состояние. Следовательно, современное и перспективное «размещение производительных сил» понимается одновременно как процесс, и как результат этого процесса. Это обстоятельство при разработке Генеральной схемы размещения производительных сил заставляет совмещать как экспертный, нормативный, так и экстраполяционный подходы. В рамках предстоящего долгосрочного прогноза развития и размещения производительных сил возможно формирование ситуаций, которые нельзя предвидеть заранее с высокой степенью достоверности, а также «точек бифуркации» - проблем, решение которых формирует принципиально разную социально-экономическую ситуацию. Все это делает неизбежной разработку вариантной схемы развития размещения производительных сил.

В-третьих, широко распространенная в системе современных научных исследований системно-структурная методология позволяет рассматривать «размещение производительных сил» как сложную территориальную социально-экономическую систему, то есть совокупность подсистем и элементов, находящихся во взаимосвязи и взаимодействии. Такой подход позволяет выделить внутри системы «развитие и размещение производительных сил» такие подсистемы, как материально-технический потенциал, природно-ресурсный и природно-экологический потенциал, трудоресурсный потенциал как составная часть подсистем производства, демографии и расселения, производственно-инфраструктурный потенциал, социально-инфраструктурный потенциал, институционально-управленческий потенциал и финансовый блок как составную часть экономической и управленческой подсистем. Поскольку конструирование такой системы и ее внутреннего строения определяется задачами обоснования схемы развития и размещения производительных сил, то в зависимости от определения ее основных задач в каждом конкретном случае оно приобретает индивидуальный характер. При таком подходе происходит более широкое понимание схемы размещения производительных сил как их территориальная организация.

При обосновании Генеральной схемы развития и размещения производительных сил страны и ее регионов необходимость учитывать как существующие, ггак и потенциально возможные внешние и внутренние угрозы. Основные внутренние угрозы связаны с исчерпанием в дальнейшем потенциала ресурсной модели отечественной экономики, неспособностью современной России быстро выйти на мировой рынок с высокотехнологичными потребительскими товарами и услугами, исключительной сложностью широкого внедрения инновационных технологий (за исключением весьма узкого круга отраслей, особенно в сфере ОПК), ограниченностью, невысоким профессионализмом и низким качеством (если иметь в виду инновационное развитие) трудовых ресурсов, существенное отставание по сравнению с развитыми странами в переходе к постиндустриальной стадии развития. Основные внешние угрозы: 1. Происходящее усложнение геополитического и геоэкономического положения России как реакция «Запада» на проведение страной самостоятельной внешней политики в защиту ее национальных интересов. Существующая ситуация явно выходит за пределы краткосрочной

проблемы. Следствием этого выступает необходимость приоритетного развития ОПК и всего «силового» блока государства, определенная переориентация внешних экономических связей. 2. Глубокая интеграция России в систему мирохозяйственных связей в последние годы, вступление в ВТО делают экономику страны особенно уязвимой в случае мировых финансово-экономических кризисов и крупных технологических сдвигов. Это обуславливает необходимость более резкой дифференциации основных задач национальной экономической политики: помимо приоритетного развития ОПК и связанных с ним отраслей обеспечение продовольственной безопасности страны, функционирования магистральной транспортной инфраструктуры и приоритетное развитие регионов, занимающих стратегическое военно-политическое положение. К числу последних относится и Воронежская область в свете резкого украинского политического кризиса.

Основной целью Генеральной схемы развития и размещения производительных сил Воронежской области (как и любого другого субъекта РФ) выступает решение триединой задачи: обеспечить устойчивое повышение уровня и качества жизни населения, выход на инновационный уровень развития и вхождение Воронежской области в число 15-20 наиболее развитых регионов страны, обеспечение благоприятной экологической среды и рационального использования природно-ресурсного потенциала. Понятно, что у каждого конкретного субъекта РФ существуют свои пути и методы решения этих задач. На всех этапах реализации программы необходимо обеспечить наибольшую целесообразность как развития, так и размещения производительных сил. Для этого необходимо определить ограниченное число базовых индикаторов, по которым можно объективно судить об уровне и качестве развития производительных сил, об их территориальной организации. Элементами такой территориальной структуры на уровне РФ могут быть федеральные округа (лучше бы экономические районы, но они, к сожалению, выпали из числа объектов территориального планирования), крупнейшие финансово-хозяйственные центры мирового и национального значения — реально существующие и быстро развивающиеся крупногородские агломерации и основные транспортные коридоры.

На уровне Воронежской области элементами территориальной организации производительных сил могут быть внутриобластные зоны, городские округа и муниципальные районы, крупногородская агломерация Воронежа, наиболее крупные локальные системы городов — центров расселения внутриобластных зон, другие центры расселения вплоть до внутрирайонных, а также основные транспортные магистрали, различные функциональные зоны, включая особо охраняемые природные территории. Для реализации такого подхода крайне желательно на базе областной Генеральной схемы развития и размещения производительных сил развернуть аналогичную работу по всем городским округам и муниципальным районам. Для увязки отраслевого и территориального подходов областная Генеральная схема развития и размещения производительных сил помимо общей теоретической схемы должна содержать схемы развития и размещения предприятий АПК, промышленных предприятий, строительной индустрии, транспорта и другой производственной инфраструктуры, расселения населения, предприятий социальной инфраструктуры, природопользования и охраны природы, возможных административно-территориальных преобразований и сводную схему размещения производительных сил.

Литература*:*

1. Генеральная схема развития и размещения производительных сил России. - URL: http://knigi-uchebniki.corn/predpriyatiy-ekonomika/511-generalnaya-shema-razvitiya-razmescheniya.html

2. Гранберг А.Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства / А.Г. Гранберг - М: Экономика, 1973. - 248 с.

3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Воронежской области. - URL: hnp://wvw.lerc.ru/?part=articles&art=2&page=10

4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р - URL: http://ww\v. khabkrai.ru/information/doc/kon_2020_29062011 doc

5. Некрасов НИ. Региональная экономика / Н.Н. Некрасов. - М.: Экономика, 1978. - 344 с.

6. Основы стратегического планирования в Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации № 536 от 12 мая 2009 года. - URL: hUp://www.dagmol.ni/storage /filesArkaz%20prezidenta_536.doc

7. О схеме развития и размещения производительных сил Свердловской области на период до 2015 года. Постановление Правительства Свердловской области, Союза местных властей Свердловской области, Свердловского областного Союза промышленников и предпринимателей и Федерации профсоюзов Свердловской области от 31 декабря 2002 года № 1481-ПП/12. - URL: http://zakon.law7.ru/Icgal2/se9/pravo9663/index htm

8. О размещении производительных сил на территории РСФСР. Проект Постановления совета Министров РСФСР от 14.03 1991 года.

9. Планирование народного хозяйства СССР: учебник для экономических факультетов университетов / под ред. ЛЯ. Берри. - М.: Экономика, 1973. - 527 с

10. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Министерство экономического развития Российской Федерации. - М, 2013. - URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/ 70209010/

11. Смирнова О.О. Правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации.- URL: http://cyberleninka m/article/n/pravovye-osnovy- stratcgicheskogo-planirovaniya-v-rossiyskoy-federatsii

12. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2010 года (актуализированный вариант) - Воронеж, 2012.

13. Стратегия социально-экономического развития республики Татарстан до 2020 года и на период до 2030 года. - Казань, 2008 - URL: http://mert latarstan.ru/nis/file/pub/pub_22656 doc

14. Схема территориального планирования Воронежской области - Воронеж, 2012.

15. Яковенко II.B. Теоретико-методологические подходы к исследованию депрессивных регионов России / Н В Яковенко, Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: география, геоэкология. - 2013. -№2. - С. 10-22.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ НИКЕЛЕВЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ В НОВОХОПЕРСКОМ РАЙОНЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ[53]

Обсуждаемые в настоящее время планы разработки никелевых месторождений - симптом того, что Воронежская область вступает в новый этап своего социально-экономического развития. Воронежские геологи во главе с членом корреспондентом РАН Н.М. Чернышовым в 70-80-е годы прошлого века в докембрийском фундаменте края открыли 5 сульфидных платиноидно-медно-никелевых месторождений, которые в совокупности с многочисленными рудопроявлениями по запасам и ресурсам представляют третью после Норильского и Кольского регионов никель-платиноносную провинцию России. Однако в последующие годы вопрос об их освоении по целому ряду причин не ставился в практическую площадь.

В 2012 году Уральская горно-металлургическая компания (УГМК) выиграла конкурс на разработку Еланского и Ёлкинского месторождений, расположенных в Новохопёрском районе Воронежской области и относящихся к ранее неизвестному в России и за рубежом высоконикелистому платино-медно-кобальтоваму типу. Переход к практической стадии подготовки месторождений к эксплуатации вызвал большой общественный резонанс. С одной стороны, с экономической точки зрения, освоение никелевых месторождений области, по мере истощения его запасов в других регионах страны, становится, всё более целесообразным. С другой стороны, возникло достаточно широкое протестное движение жителей восточных районов области (Новохопёрский, Поворинский районы, Борисоглебский ГО) и даже г. Урюпинска Волгоградской области. В это движение оказались втянутыми и хопёрские казаки, которые становятся в этом регионе всё более влиятельной силой. На этом фоне сформировалось общественно-экологическое движение,

[53] Возможности и проблемы разработки никелевых месторождений в Новохоперском районе Воронежской области / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования регионов России : проблемы исследования, развития, управления : материалы II Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, 6-7- декабря 2012 г., г. Воронеж .— Воронеж, 2013 .— С. 64-73

целью которого выступает запрет на разработку никеля или по-крайней мере отложить на долгий срок решение этого вопроса. В основе этого движения лежит вполне понятная обеспокоенность жителей в связи с возможным ухудшением экологической среды их обитания в результате предстоящих горных разработок, неизбежного обогащения руды, строительства «хвостохранилища» для технологических отходов. Особую озабоченность вызывают такие возможные последствия, как снижение уровня грунтовых и подземных вод и их загрязнение в районе предполагаемых разработок, нарушение гидрологического режима Елани, Савалы и Хопра, ухудшение экологической среды Хопёрского заповедника. С этими реальными, а в определенной степени и надуманными проблемами необходимо считаться как в аспекте их научного исследования, так и повышения реальной экологической культуры местных жителей.

Для публичного обсуждения этих проблем в июне 2012 г. был создан Общественный совет по контролю за освоением никелевых месторождений Воронежской области, который возглавил Н.М. Чернышов. В совет вошли учёные воронежских вузов (особенно ВГУ) и научных организаций, депутаты городской и областной думы, руководители и активисты общественных экологических движений.

Решение вопроса о разработке никелевых месторождений и минимизации возможных экологических последствий требует проведения глубокого регионального социально-экономико-экологического анализа как непосредственной 18-ти километровой зоны Еланского и Ёлкинского месторождений, так и всего Новохопёрского района. При этом наибольший эффект такого исследования может быть лишь в том случае, если оно будет проводиться на основе междисциплинарной, регионоведческой методологии на стыке социально-экономической географии, геоэкологии, природопользования, ландшафтоведения, региональной экономики, социологии, менеджмента и муниципального права. Основой такого подхода выступает базовое положение, что любой муниципальный район является сложной управляемой территориальной социально-экономико-экологической системой, все подсистемы и элементы которого, в принципе, должны находиться в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Поэтому нужно быть готовым к тому, что создание никелевого производства будет иметь как позитивные,

так и негативные последствия для всех сторон жизнедеятельности района. Конечной задачей выступает получение весомого экономического и социального эффекта при возможно минимальных экологических издержках.

Сейчас становится более или менее понятной предполагаемая общая технологическая последовательность подготовки месторождения к эксплуатации. Руководитель ООО «УГМК-холдинг» Г. Рудой заявил, что вначале необходимо провести предварительные исследования, а разработка месторождений (при положительном на это решении) начнётся не ранее, чем через 10 лет. Отчёты об этих этапах работ будут согласовываться с местными контролирующими органами. На стадии поисково-оценочных работ предполагается использовать 5 специальных скоростных станков, которые будут бурить скважины глубиной до 1200 метров, а полученные пробы будут исследовать в лабораториях. На этапе разведочных работ будет создана более частая сеть скважин для получения более подробной информации о рудных телах. Принципиальное решение о целесообразности или нецелесообразности разработки месторождений будет принято после того, как государственная комиссия утвердит запасы полезных ископаемых. При положительном решении УГМК приступит к горным работам по добыче руды шахтным способом. Одновременно начнётся строительство горно-обогатительной фабрики и специального сооружения «хвостохранилища». Продукт горно-обогатительного производства сульфидный концентрат будут отправлять по железной дороге на металлургические предприятия Свердловской области. Отходы горнообогатительного производства - «хвосты» будут перерабатывать в сгущённую массу, и складировать в герметичном хранилище. Вокруг хранилища предполагается насыпать заградительный вал от сильных ветров. В радиусе до 5 км будут пробурены мониторинговые скважины для оценки воздействия производства на окружающую среду.

Поскольку ещё нет принципиального решения о разработке месторождений, то нет и схемы технико-экономического обоснования такого производства. Изложенная технологическая концепция пока оставляет неясным целый ряд вопросов:

- какова технология проходки вскрышных пород, лежащих над рудным телом - шахта или карьер?

- какова технология предотвращения истощения водных горизонтов?

- в какой степени технология обогащения руды повлияет на состояние природной среды и ландшафт?

- в какой степени технология складирования вскрышных пород повлияет на состояние природной среды и ландшафт?

Если принимать во внимание чисто экономические соображения, то разработку никелевых месторождений Новохопёрского района можно считать целесообразной. Это, прежде всего, вытекает из необходимости обеспечения устойчивых более высоких темпов развития хозяйства Воронежской области. Без этого она вряд ли может решить свою стратегическую задачу - войти в число 15-20 наиболее развитых регионов России. Всего лишь четыре года назад Воронежская область по величине среднедушевого ВРП уступала среднероссийскому показателю в 1,9 раза и на 21% показателю по ЦЧР. В этом отношении Воронежская область имела в Центральном Черноземье самый низкий показатель, превосходя только Тамбовскую область, уступая Липецкой области в 1,8 раза, Белгородской области в - 1,6 раза и Курской области в - 1,1 раза.

На тот же период времени Воронежская область по величине среднедушевого объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по таким видам экономической деятельности, как добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, уступала среднероссийскому показателю в 2,1 раза и на 40,3% показателю по ЦЧР. И в этом отношении Воронежская область имела самый низкий уровень производства в Центральном Черноземье (кроме Тамбовской области), уступая Липецкой области в 2,9 раза, Белгородской области в 2,6 раза и Курской области в 1,5 раза. При этом в объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, на добычу полезных ископаемых в Воронежской области приходилось 1,7%, тогда как в Белгородской области 12%, в Курской области 12,6 %. Хотя в последние годы хозяйство Воронежской области развивалось опережающими темпами, но область пока не стала «локомотивом» развития Центрального Черноземья.

В условиях предстоящей деформации экономики (как результат вступления России в ВТО), что, в принципе, может поставить под сомнение возможность дальнейшего сохранения некоторых видов производств, как в сельском хозяйстве, так и в обрабатывающей промышленности, Воронежская область заинтересована в диверсификации своего хозяйства, в развитии производств, ориентированных на мировой рынок. Формирование «центра роста» в восточной части области также является целесообразным в виду исторически сложившегося отставания в социально-экономическом развитии этого региона. В 2010 году в Новохоперском районе на душу населения было отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами на сумму 33,7 тыс. рублей, то есть в 2,2 раза меньше, чем по области в целом. В 2009 году среднедушевой объем производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий в действующих ценах в Новохопёрском районе составил 32,7 тыс. рублей, то есть соответствовал среднеобластному показателю (32,2 тыс. рублей), однако, половина (55,5%) объёма производства приходилось на хозяйства населения, то есть на натуральное и мелкотоварное производство.

Следствием всего этого является сложное финансовое положение Новохопёрского района - неготовность его к самостоятельному финансовому обеспечению. Так, удельный вес собственных доходов в общей величине доходов этого муниципального района в 2006 году составлял лишь 17,4 %, в 2007 году - 32,9 %, в 2008 году - 31,6 %, в 2009 году - 27,9 % и в 2010 году - всего 17,8 Следовательно, без безвозмездных перечислений от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации Новохопёрский район пока, в принципе, нормально функционировать не может. Если принять во внимание специфику социальных процессов и существующий уровень социального развития, то Новохопёрский район нуждается в дополнительных финансовых источниках.

Новохопёрский район Воронежской области характеризуется сложной демографической ситуацией. Во вторую половину первого десятилетия XXI века численность населения последовательно сокращалась (за 2006-2009 годы на 2005 человек или на 4,9 %) и лишь в 2010 году население района выросло на 1,5 тыс. человек или на 3,9 % . При этом, однако, надо разобраться, в какой степени на всё это повлияла методика учета населения -

ежегодная оценка, с одной стороны, и перепись 2010 года, с другой. В целом же за период 2005-2009 годов районные темпы сокращения численности населения были в 2,6 раза выше, чем по области в целом.

В сокращении численности населения Новохопёрского района свыше 2/3 приходится на естественную убыль, а 1/3 на отрицательное сальдо миграции тогда как в Воронежской области свыше 1/3 естественной убыли её населения компенсируется за счёт миграционного притока. За период 2006-2010 годов в Новохопёрском районе (как и области в целом) наблюдалось некоторое увеличение рождаемости - с 7,5 ‰ до 10,8 ‰[3] , которая даже стала несколько превышать среднеобластной уровень. Отмеченная тенденция стала результатом, как реализуемой демографической программы, так и увеличения численности женщин в молодом фертильном возрасте на фоне соответствующей «демографической волны». Напротив, смертность населения в районе по-существу стабилизировалась на весьма высоком уровне (2006 - 22,1 ‰, 2007 -20,9 ‰ ,2008 - 20,1 ‰, 2009 - 21,1 ‰, 2012 - 20,9 ‰). В результате такого соотношения рождаемости и смертности пока сформировался тренд некоторого снижения естественной убыли населения (2006 год - 14,6 ‰, 2007 год - 12,6‰, 2009 год- 10,3‰, 2010 год - 11‰). Однако, не смотря на это, современная естественная убыль населения в Новохоперском районе в 1,6 раза превышает среднеобластной показатель.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что Новохопёрский район находится на этапе глубокой депопуляции (вымирания) населения: смертность населения в нём превышает рождаемость в 2 раза, тогда как по области их соотношение составляет 1,7 раза. Судя по сложившимся тенденциям вряд ли в ближайшее время можно ожидать дальнейшее сокращение естественной убыли населения. Это связано с тем, что в репродуктивный возраст вступает малочисленное поколение молодёжи, рождённой в «обвальные» 90-е годы. К тому же налицо пока суженная возрастная структура молодёжи. Современная возрастная структура населения района существенно деформирована. Лица трудоспособного возраста в последние годы составляют 55 - 57 % всего населения, а удельный вес населения пенсионного возраста в 1,9 раза превышает число детей и подростков. В итоге бюджет Новохопёрского района обременён

необходимостью достойно содержать социально защищенные группы населения. В 2009 году 12,8 % населения района приходилось на ветеранов и 16,5 % на инвалидов. В тоже время данные за 2010 год (11,5 % и 5,6 %), приведенные в Паспорте Новохоперского муниципального района, вызывают вопросы. В 2010 году по сравнению с предыдущим годом число ветеранов сократилось на 6,9 %, а число инвалидов в 2,8 раза. На это повлияли, с одной стороны, изменение правовых норм определения этой категории населения, а с другой, закрытие двух (из общего числа трех) домов - интернатов для престарелых.

Определённое экономическое и социальное неблагополучие в Новохопёрском районе отражается на сущности процессов миграционного движения населения. В результате миграционного обмена за 2006 - 2010 годы район потерял свыше 1150 человек или 2,8 % от средней численности населения за рассматриваемые годы. За 2006 - 2010 годы интенсивность миграционного прибытия колебалась от 6,5 ‰ в 2007 году до 10,7 ‰ в 2010 году. Аналогичный показатель по Воронежской области за эти годы находился в интервале от 14 ‰ до 15,4 ‰, то есть был выше в 1,5 - 2 раза больше. В свою очередь, интенсивность миграционного выбытия населения Новохопёрского района колебалась по годам от 14,5 ‰ в 2006 году до 15,8 ‰ в 2010 году. Аналогичный показатель по Воронежской области за период 2006-2010 гг.изменится от 11,4‰ до 13, 4 ‰, то есть по сравнению с районом был в 1,1 -1,3 раза меньше. В итоге отрицательное сальдо миграции населения Новохопёрского района в 2007 году составило 8,7 ‰, в 2009 году уменьшилась до 4,1 ‰, а в 2010 году опять выросло до 5,1 ‰ . Наоборот, в Воронежской области положительное сальдо миграционного обмена непрерывно росло за период 2006 - 2009 годов(от 0,6 ‰ до 2,6 ‰) и лишь в 2010 году сократилось до 2,2 ‰ . Анализ данных естественного воспроизводства и миграционного движения ставит под сомнение достоверность учёта населения. Каким образом, численность населения Новохоперского района в 2010 году смогло увеличиться на 4,1%, если в 2009 году совокупная убыль от естественного воспроизводства и миграционного обмена составила 569 человек, а в 2010 630 человек. В целом же сложившийся механизм миграционного движения в Новохопёрском муниципальном районе, не смотря на его прижелезнодорожное расположение и наличие в нем трёх городских поселений (г. Новохопёрск, п.

Новохопёрский и п. Елань-Коленовский) отражает стагнационные (застойные) тенденции в его демографической ситуации.

Новохопёрский муниципальный район, если исходить из официальных статистических данных, характеризуется низким уровнем жизни населения. В 2010 году среднемесячная заработная плата одного работника по всем видам экономической деятельности составила 10 тыс. рублей, то есть была на 29,6 % ниже, чем по Воронежской области в целом [1,3]. Особенно существенное отставание района от областного уровня по наиболее ориентированным на рынок таким видам экономической деятельности, как «финансовая деятельность» (на 68%), «транспорт и связь» (на 44,2 %), «оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» (на 37,3 %). К сожалению, к этой группе относится и такая массовая сфера деятельности, как «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» (на 31,4 %). На эту сферу в Новохопёрском районе приходится 47,3 % всех занятых в экономике и 17,6 % всей среднесрочной численности работников всех организаций, расположенных на территории района. Обращает на себя внимание и более низкий (по сравнению с областью в целом) уровень оплаты труда в таких массовых бюджетных отраслях, как образование (на 15,2%), здравоохранение и представление социальных услуг (на 4%). Оплата в этих массовых видах экономической деятельности пока отстает от среднерайонного уровня: в сфере сельского хозяйства - на 32%, в образовании - на 8,3%,в здравоохранении - на 1,8 %. Нужно иметь ввиду, что в

Воронежской области оплата труда в сфере добычи полезных ископаемых на 10% превышала среднемесячную номинальною начисленную заработную оплату работников организаций по всем видам экономической деятельности. Поэтому можно предположить, что в перспективе разработка никелевой руды в Новохопёрском районе при жёстком соблюдении экологической безопасности в принципе приведет к повышению уровня жизни населения.

Увеличение собственных источников финансирования в районе крайне необходимого для решения проблем развития социальной инфраструктуры. В 2010 году в районе все 15 постоянных детских дошкольных учреждений не имели горячего водоснабжения, 4 учреждения были расположены в зданиях, требующих капитального ремонта. Из 23 общеобразовательных

школ района 5 были расположены в приспособленных зданиях, а 4 школы требовали капитального ремонта, 6 школьных зданий не имели канализации. Из 31-го больничного учреждения Новохопёрского района 28 были расположены в приспособленных зданиях, 4 требовали капитального ремонта 19 учреждений не имели водопровода, 27 - горячего водоснабжения, а 19 - канализации.

Значительные средства в Новохоперском муниципальном районе необходимы для благоустройства жилищного фонда. Общая площадь жилищного фонда, находящегося в ветхом и аварийном состоянии или требующего капитального ремонта в 2010 году составляла 19 тыс. кв. метров или 1,8 % от всей его величины, однако уровень благоустройства квартир и домов был явно недостаточным. Так, обеспечение водопроводом составляло 70 %, канализацией - 57 %, горячим водоснабжением - 51,4 %, сетевым природным газом - 52 %, ванной и душем - 48 %, центральным отоплением - 3,4 % от общей величины жилищного фонда. Существенных затрат требует поддержание и развитие коммунального хозяйства и дорожной сети.

Таким образом, если принять во внимание все экономические, демографические и социальные проблемы современного Новохопёрского муниципального района Воронежской области, то можно считать целесообразным разработку никелевых месторождений, но при самом жестком обеспечении экологической безопасности. Развитие современного инновационного производства в сфере горнодобывающей промышленности -один из аспектов декламируемого в настоящее время инновационного развития России.

Список литературы

1. Паспорт Новохопёрского муниципального района Воронежской области. - Воронеж, 2011

2. Светачев Ю. Безопасная добыча. Победители конкурса на право добычи никеля намерены работать открыто / Ю. Светачев // АиФ-Черноземье. - № 25, 2012.

3. Социальное положение и уровень жизни населения Воронежской области. 2011: стат. сб. - Воронеж: Воронежстат 2011. - Вып. 75. - 240 с.

Библиография трудов Ю.В. Поросёнкова

1961

1. Об экономической оценке типов местности колхоза им. Ленина Кирсановского района Тамбовской области / Н.Н. Бельский, Ю.В. Поросенков // Изв. Воронеж. отд. Геогр. о-ва СССР. — 1961 .— Вып. 3 .— С. 29-35.

1965

2. Вопросы методологии изучения сельского хозяйства расселения внутриобластного экономико-географического района / Ю.В.Поросенков // Материалы отчетной научной конференции за 1964 год .— 1965 .— С. 16-18.

3. Генетические типы сельских поселений Восточного Прибитюжья. (Таловский и Бутурлиновский районы Воронежской области / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. о-ва СССР. — 1965 .— Вып. 6 .— С. 145-148.

4. К вопросу о функциональной классификации сельских населенных пунктов центрального Левобережного экономико-географического района Воронежской области / Ю.В.Поросенков // Сб. работ аспирантов ВГУ. — 1965 .— Вып. 1 .— С. 108-111.

1966

5. Использование трудовых ресурсов колхозного населения В. Прибитюжья Воронежской области (Таловский и Бутурлиновский районы / Ю.В.Поросенков // Материалы отчетной научной конференции за 1966 год .— 1966 .— С. 24-26.

6. Отображения населения, народного образования, культурно-массовых учреждений и здравоохранения на картах / В.Я.Пащинская, Ю.В.Поросенков // Материалы отчетной научной конференции за 1966 год .— 1966 .— С. 58-61.

7. Экономико-географическая характеристика населения Восточного Прибитюжья (Таловский и Бутурлиновский районы Воронежской области / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. о-ва СССР. — 1966 .— Вып. 7 .— С. 110-114.

1967

8. Географические аспекты проблемы обслуживания населения Воронежской области / Г.Т.Гришин, В.Кудосева,

Г.С.Легеня, Ю.В.Поросенков, Н.И.Поросенкова // Материалы отчетной научной конференции, посвященный 50-летия Советской власти .— 1967 .— С. 46-50.

9. Некоторые вопросы географического изучения обслуживания населения / на примере Восточного Прибитюжья Воронежской области / Ю.В.Поросенков // Материалы отчетной научной конференции, посвященный 50-летия Советской власти .— 1967 .— С. 74-76.

10. Роль сельского расселения в формировании административных районов Восточного Прибитюжья /Таловский и Бутурлиновский районы Воронеж. обл. / Ю.В.Поросенков // Сб. работ аспирантов ВГУ. Геогр. об-ва СССР. — 1967 .— Гуманитарные науки, вып. 3, ч.2 .— С. 89-92.

11. Функциональные типы поселений Восточного Прибитюжья. /Таловский и Бутурлиновский районы Воронежской области / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. об-ва СССР. — 1967 .— С. 110-116.

12. О выделении городских и сельских населенных пунктов с преобладанием городских функций /В условиях Воронеж. обл. / И.С.Шевцов, Ю.В.Поросенков // Сб. работ аспирантов ВГУ. — 1967. Гуманитарные науки .— Вып. 3, ч. 2 .— С. 99-104.

1968

13. Опыт внутриобластного районирования сельского расселения для целей районной планировкм /на примере Воронежской области / Ю.В.Поросенков // Материалы 2-го Межведомств. совещ. по географии населения. — 1968 .— Вып. 1 .— С. 196-197.

14. Районирование сельского расселения Воронежской области для целей районной планировки / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. об-ва СССР. — 1968 .— Вып. 9 .— С. 106-109.

15. Карта плотности населения / В.Я.Пащинская, Ю.В.Поросенков // Атлас Воронежской области .— 1968 .— С. 19.

1969

16. География торговых центров Воронежской области / Н.И.Поросенкова, Ю.В.Поросенков // Проблемы развития МТБ розничной торговли на селе : материалы к науч.совещ. по

проблемам сел. расселения и дальнейшего развития МТБрозничной торговли на селе. — 1969 .— Ч. 1 .— С. 137-145.

1970

17. Географические работы Н.И.Второва / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. об-ва СССР. — 1970 .— Вып. 2 .— С. 132-139.

1971

18. В.И.Ленин и географическая наука : Учебно-метод. разработка по основным проблемам географ. науки для студентов геогр. ф-та ВГУ / Сост. Г.Т.Гришин, И.С.Шевцов, В.М.Жмыхов, Н.Н.Бельский,Ю.В.Поросенков,В.И.Ледовских,Н.К.Ковалев,Ш.С. Полетаева,В.И.Федотов .— Воронеж : ВГУ, 1971 .— 38с. — 2,38п.л.

19. Методологические основы географии населения в трудах В.И.Ленина / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. об-ва СССР. — 1971 .— Б.в .— С. 13-19.

1972

20. Некоторые моменты методики чтения лекций по экономической географии / Н.Н.Бельский, Ю.В.Поросенков // Научно-методическая конференция по высшему географическому образованию : тез. докл .— 1972 .— С. 4-6.

1973

21. Географические проблемы миграционного движения населения Центрально-Черноземного района / Ю.В.Поросенков // Уч. записки / Перм. гос. ун-т. № 307. Проблемы регулирования систем расселения. Материалы к 3-му Межвед. совещ. по географиии населения. — 1973 .— Вып. 1 .— С. 222-223.

22. Значительное событие в области наук о народонаселении / Ю.В.Поросенков // География в школе. — 1973 .— № 2. - С. 94-95 .— Рец. на кн. : Марксистско-ленинская теория народонаселения. - М., 1971.

23. Картосхема глобальной географии городских ландшафтов / Ю.В.Поросенков // Человек и ландшафты. Очерки антропогенного ландшафтоведения .— 1973 .— 144 с.

24. Некоторые закономерности формирования размещения населения при социализме / Ю.В.Поросенков // Методологические

проблемы изучения народонаселения всоциалистическом обществе : материалы Всес. конф., г. Киев, 6-8дек. 1973 г. — , 1973 .— С. 73-77.

1974

25. Некоторые закономерности формирования размещения населения капиталистической России / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. об-ва СССР. — 1974 .— Вып. 2 .— С. 92-104.

26. Развитие идей экономической географии воронежскими учеными / Н.Н.Бельский, Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. об-ва СССР. — 1974 .— Вып. 2 .— С. 145-150.

27. Критический анализ теории емкостей территории для населения в советской географии / Ю.В.Поросенков // Науч. записки Воронеж. отд. Геогр. об-ва СССР. — 1974 .— Вып. 1 .— С. 118-128.

28. Методика составления и использования диафильмов в курсе "История географии" / Ю.В.Поросенков // Материалы региональной научно-методической конференции по высшему географическому образованию .— 1974 .— С. 46-49.

29. Особенности освещения вопросов экономической географии на вступительных экзаменах / Ю.В.Поросенков, И.С.Шевцов // Подготовка и проведение вступительных экзаменов в вузах : тез. докл. конф., май, 1974 .— 1974 .— С. 108-110.

1975

30. Современные проблемы народонаселения в курсе "География населения СССР" / Ю.В.Поросенков // Актуальные проблемы улучшения подготовки специалистов в университете : материалы 6-й науч.-метод. конф. ВГУ .— 1975 .— С. 97-98.

1976

31. Изменение региональных различий в обслуживании населения ССР за послевоенный период / Ю.В.Поросенков // Географическое изучение территориальной организации сферы обслуживания .— 1976 .— С. 37-42.

32. Некоторые закономерности размещения населения СССР / Ю.В.Поросенков // География населения: материалы международ. симп., Минск, 22-26 мая 1976 г. — , 1976 .— С. 126.

1977

33. Закономерности размещения населения СССР (экономико-географическое исследование / Ю.В. Поросенков .— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1977 .— 168 с.

34. Основные проблемы географии населения и трудовых ресурсов ЦЧР / Ю.В.Поросенков, А.В.Пономарева // Проблемы территориальной организациии производительных сил Центрально-Черноземного района .— 1977 .— С. 37-51.

1978

35. Демографическая ситуация района КМА / А.В.Пономарева, Ю.В.Поросенков, И.С.Шевцов; науч. ред. М.В.Гончаров .— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1978 .— 119 с.

1979

36. Социально-экономическая география и социально-экономический район / Ю.В.Поросенков // Методологические проблемы исследования основного социально-экономического района. — 1979 .— Гл. 1 .— С. 5-14.

37. Введение / Ю.В.Поросенков // Методологические проблемы исследования основного социально-экономического района .— 1979 .— С. 3-4.

38. Заключение / Ю.В.Поросенков // Методологические проблемы исследования основного социально-экономического района .— 1979 .— С. 160.

39. Общее понятие системы закономерностей социально-экономического района / Ю.В.Поросенков // Методологические проблемы исследования основного социально-экономического района. — 1979 .— Гл. 3 .— С. 43-74.

40. Социально-экономический район как сложная система / Ю.В.Поросенков // Методологические проблемы исследования основного социально-экономического района. — 1979 .— Гл. 2 .— С. 14-43.

41. Географические проблемы изучения культурно-бытового обслуживания населения ЦЧР как фактора его миграционной мобильности / Н.И.Поросенкова, Ю.В.Поросенков // Вопросы совершенствования территориальной организации производительных сил ЦЧЭР .— 1979 .— С. 23-28.

1980

42. Методологические проблемы социально-экономической географии как научной и вузовской дисциплины / Ю.В.Поросенков, Н.И.Поросенкова // Методология наук и формирование научного мировоззрения в учебном процессе .— 1980 .— С. 149-153.

1981

43. Демографические закономерности формирования крупногородских агломераций / Ю.В.Поросенков // Социалистический город как объект исследования и управления : тез. докл. Всесоюз. науч. конф., 21-28 окт., 1981 г. — , 1981 .— С. 95-96.

1982

44. Методические указания для семинарских занятий и темы контрольных работ по курсу "Экономическая и политическая география капиталистических и развивающихся стран" / сост. : Ю.В.Поросенков, Н.И.Поросенкова .— Воронеж : ВГУ, 1982 .— 31 с. — 1,9 п.л.

45. О направлениях районной экистической политики во взаимосвязи с демографической политикой / Ю.В.Поросенков // Проблемы демографической политики в социалистическом обществе: тез. докл. Всесоюз. науч. конф., Киев, 26-28 окт., 1982. — 1982 .— Вып. 2 .— С. 132-135.

46. Проблемы совершенствования организации розничной торговли - важнейшее звено социальной инфраструктуры ТПК КМА / Ю.В.Поросенков // Роль потребительской кооперации и торговли вразвитии территориального производственного комплекса /ТПК/ набазе минеральных ресурсов Курской магнитной аномалии на XIпятилетку и на период до 1990 года .— 1982 .— С. 61-63.

47. Проблемы формирования территориальной структуры населения и воспроизводства трудовых ресурсов ЦЧР / Ю.В.Поросенков // Роль потребительской кооперации и торговли в развитиитерриториального производственного комплекса /ТПК/ на баземинеральных ресурсов Курской магнитной аномалии на XIпятилетку ина период до 1990 года .— 1982 .— С. 150-155.

48. Проблемы совершенствования организации розничной торговли - как важнейшего звена социальной инфраструктуры ТПК КМА / Поросенков Ю.В., Поросенкова Н.И., Швора О.А. // Тезисы

докладов предстоящей научной конференции "Роль потребительской кооперации и торговли в развитии территориально-производственного комлекса (ТПК) на базе минеральных ресурсов Курской магнитной аномалии в одиннадцатой пятилетке и на период до1990 г. — , 1982 .— С.61-62.

1983

49. Из истории заселения и хозяйственного освоения / Ю.В.Поросенков // Посеймье .— 1983 .— С. 61-69.

1984

50. Методические указания к написанию и оформлению дипломных работ по кафедре экономической географии для студентов заочной формы обучения / сост. : Ю.В.Поросенков, И.С.Шевцов, Н.И.Поросенкова, Л.В.Анисимова .— Воронеж : ВГУ, 1984 .— 24 с. — 1,5 п.л.

1985

51. История заселения и хозяйственного освоения / Ю.В.Поросенков // Среднерусское Белогорье .— 1985 .— С. 159-166.

52. Статистико-географическое изучение процессов крупногородских агломераций Центрально-экономического района / Ю.В.Поросенков // Совершенствование функционирования территории ВЦКП : тез. докл. науч.-техн. конф., 28-30 мая, 1985 г. — , 1985 .— С. 285-293.

53. Территориальная структура основного социально-экономического района : Вопросы теории / Науч. ред. Ю.В.Поросенков .— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985 .— 163 с.

1986

54. Размещение населения СССР: Региональный аспект динамики и политики народонаселения .— М., 1986 .— Из содерж.: Поросенков Ю.В. Гл. 1.3: Устойчивые тенденции в современном размещении населения. - С. 25-36.

55. Основные изменения в размещении населения СССР за 1970-1981 гг. / Ю.В. Поросенков // Вопросы географии. — 1986 .— Вып. 129 .— С. 40-52.

56. Методические указания по написанию курсовых работ по социально-экономической географии для студ. 1 курса эконом фак д/о / И.С. Шевцов, Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова .— Воронеж, 1986 .— 24 с.

57. Методические указания по написанию курсовых работ по социально-экономической географии для студентов 1 курса экономического факультета дневной формы обучения (спец.1702, 1704, 1737) / Сост.: Шевцов И.С., Поросенков Ю.В., Поросенкова Н.И. — Воронеж, 1986 .— 24с.

58. Центральное Черноземье : Хозяйство и население : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.В. Поросенкова [и др.] .— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986 .— 152 с.

1988

59. Социальная инфраструктура КМА (современное состояние и долгосрочные перспективы территориальной организации / Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова; Воронеж. гос. ун-т .— Воронеж, 1988 .— 185 с. — (Деп. в ВИНИТИ 31.08.88, N 6815-В88) .— Тираж 1. 8,3 п.л.

60. Антропогенные ландшафты как объект исследования социально-экономической географии / Ю.В. Поросенков // Антропогенные ландшафты : структура, методы и прикладные аспекты изучения : межвуз. сб. науч. тр. — , 1988 .— С. 26-34.

1989

61. Количественные и качественные параметры долгосрочной программы развития народонаселения Воронежской области / Ю.В. Поросенков // Проблемы использования трудовых ресурсов Воронежской области : тез. докл. обл. науч.-практ. конф. — , 1989 .— С. 12-14.

62. Народно-хозяйственный комплекс ЦЧЭР: Пути совершенствования : Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Ю.В.Поросенкова .— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989 .— 144с.

63. Поросенков, Ю.В. Методические проблемы региональной социально-экономической географии / Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова // Урал : география и развитие : тез. докл. совещания по проблемам географии (сент. 1989 г.) .— 1989 .— С. 18-19.

64. Поросенков, Ю.В. Основные концептуальные положения долгосрочной программы развития народонаселения Воронежской области / Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова // Экология-народонаселение-расселение: теория и политика : тез. докл. — , 1989 .— С. 170-171.

65. Поросенков, Ю.В. Основные направления совершенствования университетской подготовки экономико-географов (на примере Воронежского университета / Ю.В. Поросенков // Пути совершенствования экономико-географического образования в университетах страны .— 1989 .— С. 151-153.

66. Региональная социально-экономическая география и проблемы перестройки управления советским обществом на региональном уровне / Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова // Проблемы комплексного развития экономических подрайонов рационального использования природных ресурсов Башкирской АССР :тез. докл. — , 1989 .— С. 151-153.

67. Демографические процессы формирования территориальной структуры крупных городских агломераций КМА и ЦЧЭР // Народохозяйственный комплекс ЦЧЭР: пути совершенствования : межвуз.сб. науч. тр. — , 1989 .— С. 5-15.

1990

68. Программа и методические указания по изучению спецкурса " Основные вопросы социально-экономической географии " для студентов 5 курса дневной формы обучения по специальности 01.18-География / Сост. Ю.В.Поросенков .— Воронеж : ВГУ, 1990 .— 24с

69. Основные принципы составления долгосрочной комплексной программы развития народонаселения Воронежской области / И. С. Дроздов, В.Н. Эйтингон, Ю.В. Поросенков // Всероссийская научно-практическая конференция по улучшению демографической обстановки в РСФСР : тезисы докладов и выступлений .— Суздаль, 1990 .— С. 27-29 .— 0,2 п.л.

70. Территориальная организация советского общества на этапе его перехода к рыночной экономике // Территориальная организация народного хозяйства крупного экономического района в условиях новых форм хозяйствования: Тез. межвуз. конф. Воронеж, дек. 1990 г. — , 1990 .— С.3-6.

71. Экологическая политика региона в условиях рыночной экономики (на примере Воронежской области // Территориальная организация народного хозяйства крупного экономического района в условиях новых форм хозяйствования: Тез. межвуз. конф. Воронеж, дек. 1990 г. — , 1990 .— С.103-104.

1991

72. Программа и методические указания по спецкурсу " География населения СССР " (6 курс з/о по специальности 01.18-География / Сост. Ю.В.Поросенков .— Воронеж : ВГУ, 1991 .— 24с.

73. Поросенков, Ю.В. История и методология географии / Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова .— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991 .— 224 с.

74. Поросенков, Ю.В. Эколого-экономические проблемы окружающей среды Воронежской области / Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова // Экологические основы природопользования в бассейне Дона : материалы по науч.-практ. конф. — , 1991 .— С. 116-119.

75. Поросенков, Ю.В. Проблемное общественно-географическое краеведение Воронежской области : постановка задачи и основные направления развития / Ю.В. Поросенков, Н.И. Поросенкова // Воронежское краеведение : опыт и проблемы : материалы 3 обл. науч.-практ. конф., 23-24 марта 1991 г. — , 1991 .— С. 189-192.

76. Поросенков, Ю.В. Формы и методы активизации работы со студентами на младших курсах // Подготовка экономистов вузе: проблемы, опыт: Сб. науч. тр. — , 1991 .— С. 44-48.

1992

77. Мильков, Ф.Н. География Воронежской области / Ф.Н. Мильков, В.Б.Михно, Ю.В.Поросенков .— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992 .— 132с. — Тираж 5000. 8,25п.л.

78. Поросенков, Ю.В. Воронежское село : современные демографические и экистические проблемы / Ю.В. Поросенков // Центрально-Черноземная деревня : история и современность : тез. докл., г.Белгород, 13-14 нояб. 1992 г. — , 1992 .— С. 57-59.

1993

79. Поросенков, Ю.В. Комплексное экономико-географическое исследование сельской местности в целях

развития её АПК / Ю.В. Поросенков, А.Э. Крупко // Географические и социальные проблемы развития АПК как объект краеведческого исследования .— 1993 .— С. 99-107.

80. Поросенков, Ю.В. Современные процессы формирования территориальной организации общества в условиях его перехода к рыночной экономике / Ю.В. Поросенков // Проблемы территориальной организации общества : тез. докл. на науч. конф., янв. 1993 г., г.Пермь .— 1993 .— С. 13-15.

81. Поросенков, Ю.В. Территориальная организация общества на этапе его перехода к рыночной экономике и задачи социально-экономической географии / Ю.В. Поросенков ; Воронеж. политех. ин-т // Территориальная организация народного хозяйства ассоциаций областей ЦЧР в новых условиях хозяйствования .— 1993 .— С. 12-26 .— (Деп. в ВИНИТИ 3.11.93, № 295113-93) .

1994

82. География Воронежской области : Учеб. пособие / Ф.Н.Мильков,В.Б.Михно,Ю.В.Поросенков .— 2-е изд., перераб. и доп. — Воронеж : Б.и., 1994 .— 130с.

83. География земельных отношений в Воронежской области // Воронежское краеведение: опыт и перспективы: Материалы 5-й Обл. науч.-практ. конф., 27-28 марта 1993 г. — 1994 .— Вып.2.Секция: Нар. хоз-во Воронеж. обл .— С.6-9.

84. Основы изменения в территориальной организации хозяйства и населения России на этапе ее к рыночной экономике (Методические материалы и лекции по курсам " Экономическая и социальная география России "- 4 курс д/о и 5 курс з/о, спецкурсу " Основные вопросы социально-экономической географии "- 5 курс д/о / Сост. Ю.В.Поросенков .— Воронеж : ВГУ, 1994 .— 24с.

1996

85. Поросенков Ю.В., Петракова (Белова) В.А.. Анализ демографической ситуации в Воронежской области и меры по ее стабилизации // Стратегия обеспечения устойчивого социально-экономического развития России: региональный аспект: Тез. международ. конф., 14-15 марта 1996 г .— 1996 .— С.55.

86. Социально-экономические и ландшафтно-экологические предпосылки оптимизации урбанизированных территорий /

Ю.В.Поросенков,И.С.Шевцов,В.К.Ковылов,А.В.Пономарева,А.И.Зарытовская // Геоэкологические проблемы устойчивого развития городской среды .— 1996 .— С.110-113.

87. Социально-экономические и экологические предпосылки устойчивого развития урбанизированной зоны г.Россошь Воронежской области // Геоэкологические проблемы устойчивого развития городской среды .— 1996 .— С.116-119.

88. Социально-экономические и ландшафтно-экологические предпосылки устойчивого развития Борисоглебской урбанизированной зоны Воронежской области // Геоэкологические проблемы устойчивого развития городской среды .— 1996 .— С.119-122.

89. Поросенков, Ю.В. Современные тенденции формирования отраслевой структуры промышленности России и ее территориальные особенности // Территориальная организация общества и управление в регионах:Тез. Всерос. межвуз. конф. (г.Воронеж,янв.1996г.) .— 1996 .— С.6-8.

90. Географические проблемы региональной политики (на примере Воронежской области // Территориальная организация общества и управление в регионах:Тез. Всерос. межвуз. конф. (г.Воронеж,янв.1996г.) .— 1996 .— С.22-25.

91. Современная демографическая ситуация в Воронежской области // Петракова (Белова) В.А., Поросенков Ю.В./ Территориальная организация общества и управление в регионах:Тез. Всерос. межвуз. конф. (г.Воронеж,янв.1996г.) .— 1996 .— С.96-98.

92. Географические проблемы региональной политики (на примере Воронежской области // Территориальная организация общества и управление в регионах:Тез. Всерос. межвуз. конф. (г.Воронеж,янв.1996г.) .— 1996 .— С.168-170.

93. Географические проблемы современного естественного воспроизводства населения Воронежской области // Петракова В.А., Поросенков Ю.В./ Человек в зеркале современной географии:Материалы науч.-практ. конф.,5-7мая 1996г. — , 1996 .— С.227-228.

94. Современная социально-экономическая география и проблемы региональной политики (на примере Воронежской области // Поросенков Ю.В., Рогозина Р.Е./ Человек в зеркале

современной географии:Материалы науч.-практ. конф.,5-7мая 1996г. — , 1996 .— С.18-20.

1997

95. Теоретические истоки современной социально-экономической географии в трудах П.П.Семенова-Тян-Шанского // Научное наследие П.П.Семенова-Тян-Шанского и его роль в развитии современной науки: Материалы Всерос. науч. конф., 22-25 апр. 1997г.,Липецк .— Липецк,1997 .— Ч.1.

96. П.П.Семенов-Тян-Шанский и современная география // Научная и общественная деятельность П.П. Семенова-Тян-Шанского и развитие современной России: (К 170-летию со дня рождения) .— 1997 .— С.5-7.

97. Российско-Украинские приграничные экономические связи на рубеже 21 века / Ю.В.Поросенков, Р.Е.Рогозина // Россия и Украина на пороге 21 века. Пути сочетания и национальных интересов и братского взаимодействия: Тез. науч. докл. и сообщ.на междунар. конф. (24-26 янв. 1997 г.) .— 1997 .— С. 86-88.

98. Современные тенденции изменения территориальной структуры населения России и некоторые принципы региональной политики страны / Ю.В.Поросенков, О.Ю.Сушкова // География и региональная политика: Материалы междунар. науч. конф. — Ч. 1 .— С. 41-44.

99. Социально-экономическое районирование как один из методов реализации региональной политики (на примере Воронежской области / Р.Е.Рогозина, Ю.В.Поросенков, И.С.Шевцов // География и региональная политика: Материалы междунар. науч. конф. — Ч. 1 .— С. 106-108.

1998

100. Основные изменения в социальной, отраслевой и территориальной структуре хозяйства Воронежской области в 90-е г. XX в. под влиянием рыночных преобразований // Территориальная организация общества и управление в регионах: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (сент.1998 г.) .— 1998 .— С.30-32.

101. Ученому и человеку. Памяти профессора Г.Т.Гришина // Проблемы экономического, социального и экологического развития Центрального Черноземья накануне XXI века:

Материалы межрегион. науч. конф.: 95-летию со дня рожд. Григория Терентьевича Гришина посвящ., 21 дек.1998 г.,Воронеж .— 1998 .— С.3-4.

102. Научное наследие Г.Т.Гришина и изучение современных проблем экономического и социального развития Центрального Черноземья // Проблемы экономического, социального и экологического развития Центрального Черноземья накануне XXI века: Материалы межрегион. науч. конф.: 95-летию со дня рождения Григория Терентьевича Гришина посвящается, 21 дек.1998 г.,Воронеж .— 1998 .— С.5-9.

103. Теоретические аспекты исследования системы сельского населения и расселения областного региона / Ю.В. Поросенков, А.Э. Крупко // Проблемы экономического, социального и экологического развития Центрального Черноземья накануне XXI века: Материалы межрегион. науч. конф.: 95-летию со дня рождения Григория Терентьевича Гришина посвящается, 21 дек.1998 г.,Воронеж .— 1998 .— С.62-65.

104. Факторы динамики численности сельского населения Воронежской области / Ю.В. Поросенков, А.Э. Крупко // Проблемы экономического, социального и экологического развития Центрального Черноземья накануне XXI века: Материалы межрегион. науч. конф.: 95-летию со дня рождения Григория Терентьевича Гришина посвящается, 21 дек.1998 г.,Воронеж .— 1998 .— С.68-71.

105. Теоретические основы географического исследования социально-экономической трансформации сельских ареалов Центрального Черноземья / Ю.В.Поросенков, О.В.Кулакова, А.Э.Крупко и др. // Проблемы экономического, социального и экологического развития Центрального Черноземья накануне XXI века: Материалы межрегион. науч. конф.: 95-летию со дня рождения Григория Терентьевича Гришина посвящается, 21 дек.1998 г.,Воронеж .— 1998 .— С.81-84.

1999

106. Природа Аннинского района / Ред. О.П.Негробов .— Воронеж : Б.и., 1999 .— 139с.

107. Воронежская вузовская экономико-географическая школа: этапы становления и характерные черты // Ю.В.

Поросенков, О.В. Диденко / Вестн.Воронеж.отд.Рус.геогр.о-ва. — 1999 .— Т.1,вып.1 .— С.14-17.

108. Конференция памяти профессора Г.Т.Гришина // Вестн.Воронеж.отд.Рус.геогр.о-ва. — 1999 .— Т.1,вып.1 .— С.62-63.

109. К 95-летию со дня рождения профессора Г.Т.Гришина // Вестн.Воронеж.отд.Рус.геогр.о-ва. — 1999 .— Т.1,вып.1 .— С.65.

110. Поросенков, Ю.В. Рыночная трансформация сельских ареалов как объект экономико-географического исследования // Вестн.Воронеж.отд.Рус.геогр.о-ва. — 1999 .— Т.1,вып.1 .— С.94.

111. К 60-летию со дня рождения ректора Воронежского государственного педагогического университета профессора В.В.Подколзина // Вестн.Воронеж.отд.Рус.геогр.о-ва. — 1999 .— Т.1,вып.2 .— С.127-128.

2000

112. Историческая география и задачи исследования Центрального Черноземья // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем: Материалы VII регион.науч.конф. по историч.демографии и историч.географии,посвящ.75-летию проф. В.П.Загоровского (1925-1994),Воронеж,20-21апр.2000г. — , 2000 .— С.3-6.

113. Социально-экономическая трансформация сельских ареалов Центрального Черноземья в XVIII-XX вв. // Поросенков Ю.В. , Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем: Материалы VII регион. конф. по историч.демографии и историч.географии,посвящ.75-летию проф. В.П.Загоровского (1925-1994),Воронеж,20-21апр.2000г .— 2000 .— С.149-153.

114. Физическая и социально-экономическая география в системе географических наук накануне XXI века // Ю.В. Поросенков/ Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. география и геоэкология. — 2000 .— N4 .— С.47-50.

115. Поросенков, Ю.В. Проблемы социально-экономической трансформации сельскохозяйственного производства Центрально-Черноземного региона России // Вестн.Воронеж.отд-ния Рус.географ.об-ва. — 2000 .— Т.2,вып.1 .— С.39-44.

116. Socio-Economic Transformation of Agricultural Production of the Central Black Soil Region in Russia / Yu.V.Porossenkov,

O.V.Kulakova (Didenko) // Современные проблемы географии и природопользования. — 2000 .— вып. 3 .— С. 40-45.

117. The Lifestyle and Mobility of Rural Population Central Black SoilRegion (Onstuffs of Sociological Researches / Yu.V.Porossenkov, O.V.Didenko // Современные проблемы географии и природопользования. — 2000 .— вып. 8 .— С. 38-43.

118. Основные закономерности современной социально-экономической трансформации сельской местности Центрального Черноземья / Ю.В.Поросенков, О.В.Диденко // Социально-экономические и экологические проблемы развития сельской местности: Материалы Междунар. науч. конф., 2-5 окт. 2000 г. — , 2000 .— С. 77-88.

2001

119. Миграция населения республики Гвинея / Ю.В.Поросенков, Санкон Алласори // Теоретические и прикладные аспекты оптимизации ирациональной организации ландшафтов: Материалы II регион.конф.,посвящ. памяти проф. Ф.Н.Милькова, 17-19 мая 2001 .— 2001 .— С. 147-149.

120. Экологическая ситуация и проблемы охраны окружающей среды сельской местности Воронежской области (по материалам социолого-географических исследований сельских поселений / Ю.В.Поросенков, О.В.Диденко // Теоретические и прикладные аспекты оптимизации ирациональной организации ландшафтов: Материалы II регион.конф.,посвящ. памяти проф. Ф.Н.Милькова, 17-19 мая 2001 .— 2001 .— С. 149-151.

121. Уровень жизни сельского населения Воронежской области в 90-е годы XX в.(По материалам социально-географических исследований сельских поселений / Ю.В. Поросенков, О.В. Диденко // Вестн. Воронеж. отд-ния Рус. геогр. о-ва. — 2001 .— Т. 2, вып. 2 .— С.37-41.

122. Социальные проблемы развития сельской местности Воронежской области / А.Э. Крупко, А.В. Пономарева, Ю.В. Поросенков // Вестн. Воронеж. отд-ния Рус. геогр. о-ва. — 2001 .— Т. 2, вып. 2 .— С.41-45.

123. Этническая структура населения Гвинеи / Ю.В. Поросенков, Санкон Алассори // Вестн. Воронеж. отд-ния Рус. геогр. о-ва. — 2001 .— Т. 2, вып. 2 .— С.62-67.

124. Актуальные проблемы теории российского социально-экономического районирования на этапе перехода к рыночной экономике / Ю.В.Поросенков // Изв. Воронеж. педуниверситета: Сб. науч. тр. — 2001 .— Т. 251. Территориальная организация общества и управления и управление в регионах .— С. 17-23.

125. Методологические проблемы географического исследования рынка труда областного региона / Ю.В.Поросенков, О.Ю.Сушкова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. география и геоэкология. — 2001 .— N 1 .— С. 43-47.

126. Историческая география России : Пособие для студентов / Ю.В.Поросенков, В.Н.Сушков .— Воронеж : Воронеж.гос.ун-т, 2001 .— 70 с.

2002

127. Население и расселение в географическом пространстве / А.Э.Крупко, Ю.И.Поросенков // География и регион. I. Регионоведение и региональная организация общества: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. - 4 окт. 2002, г. Пермь .— 2002 .— С. 55-58.

128. Методологические проблемы географического исследования рынка труда областного региона / Ю.В.Поросенков, О.Ю.Сушкова // Теория и практика социально-экономической географии: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 7-8 февр. 2002 г. — , 2002 .— С. 194-197.

129. Основные задачи современного регионоведения Центрального Черноземья / Ю.В.Поросенков // Территориальная организация общества и управление в регионах: Материалы V всерос. науч.-практ. конф., сент. 2002 г., Воронеж .— 2002 .— С. 111-112.

130. История географии / Ю.В.Поросенков // Тесты: внутривузовский контроль знаний по блоку общепрофессиональных дисциплин государственного общеобразовательного стандарта специальности "012500-геоэкология":Учеб.-метод. пособ .— 2002 .— С. 103-108.

2003

131. О проблеме депопуляции населения Воронежской области / Ю.В.Поросенков, В.А.Белова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. география и геоэкология. — 2003 .— N 2 .— С. 55-59.

132. Профессор Григорий Терентьевич Гришин. 1903-1988 гг.(к 100-летию со дня рождения / Ю.В.Поросенков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. география и геоэкология. — 2003 .— N 2 .— С. 138-140.

133. The socio-economic transformation of rural areas in Russia and Moldova / Ю.В. Поросенков [и др.] .— Potsdam : Universitet Potstdam, 2003 .— 164 s. — Из содерж.: Part 1: Russian Federation / Yu.V. Porosenkov, O.V.Didenko, A.E. Krupko et al. - S. 33-129.

2004

134. Проблемы развития населения и расселения ЦЧР / А.Э. Крупко, Ю.В. Поросенков // Территориальная организация хозяйства и расселение населения ЦЧР и сопредельных областей : сб. науч. ст. — , 2004 .— С. 88-94.

135. Основные проблемы социально-экономического районирования России в переходный период ее развития / Ю.В. Поросенков, Р.Е. Рогозина // Районирование в современной экономической, социальнойи политической географии: потенциал, теория, методы, практика: тез.докл. Всерос. науч. конф. с международ. участием (23-26 сент. 2004г., г.Ростов-на-Дону) .— 2004 .— С. 156-159.

136. К.Н. Миротворцев (1880-1950). От Юрьева до Воронежа / Г.Т. Гришин, Ю.В. Поросенков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. География и геоэкология .— 2004 .— № 2. - С. 137-142

137. Н.Н.Бельский (1919-1978). Ученый по аграрной географии / Ю.В. Поросенков, А.И. Зарытовская // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. География и геоэкология .— 2004 .— № 2. - С. 113-116 .

138. Г.Т. Гришин (1903-1988). Педагог и ученый / Ю.В. Поросенков [и др.] // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. География и геоэкология .— 2004 .— № 2. - С. 120-124 .

139. М.В. Гончаров (1923-1989). Ученый и общественный деятель / Ю.В. Поросенков, Л.В. Анисимова, Л.В. Баранович // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. География и геоэкология .— 2004 .— № 2. - С. 117-119 .— 0,2 п.л.

140. Кафедра социально-экономической географии и регионоведения: история и современность / Г.Т. Гришин, Ю.В. Поросенков // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. География и геоэкология .— 2004 .— № 2. - С. 42-62.

2005

141. Основные принципы и направления информационного обеспечения областной программы мониторинга депопуляции населения / Ю.В. Поросенков, Ю.А. Нестеров, А.М. Быковских // Информатика: проблемы, методология, технологии : материалы 5-ой регион. науч.-метод. конф., Воронеж, 8-9 февр. 2005 г. — 2005 .— Ч. 2.

142. Проблема развития системы географических наук / Ю.В. Поросенков // Территориальная организация общества и управление в регионах : материалы 6 Всерос. науч.-практ. конф., 6-9 окт. 2005 г. — Воронеж, 2005 .— Ч. 1. - С. 13-18.

143. Теория и методология географии : учеб. пособие по спец. 020401 (012500) - География / сост. Ю.В. Поросенков .— Воронеж : ЛОП ВГУ, 2005 .— Ч. 1. - 39 с.

144. Факторы устойчивости пространственных систем населения и расселения ЦЧР / А.Э. Крупко, Ю.В. Поросенков // Региональные проблемы России : доклады XII съезда РГО, 2005 г., Кронштадт .— СПб, 2005 .— Т. 3 - С. 140-146.

2007

145. Проблемы развития потребительской кооперации Воронежской области на современном этапе / Ю.В. Поросенков, Л.Н. Шенцева // Территориальная организация общества и управление в регионах : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., 22-24 март. 2007 г. — Воронеж, 2007 .— Ч. 2. - С. 17-20.

146. Проблемы социально-экономической стратификации в системе российских социально-экономико-географических исследований / Ю.В. Поросенков // Особенности социально-экономической стратификации в современной России : материалы регион. науч. конф. — Воронеж, 2007 .— С. 61-64.

147. Основы теории комплексного географического исследования сельской местности областного региона / Ю.В. Поросенков, О.В. Диденко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия География. Геоэкология .— Воронеж, 2007 .— № 2. - С. 54-58.

148. Проблемы территориальной организации сельского трудового потенциала Воронежской области / Ю.В. Поросенков // Занятость сельского населения : реальность и перспективы :

материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. — Воронеж, 2007 .— Ч.1. - С. 63-66.

149. Потребительская кооперация Воронежской области (проблемы развития и территориальной организации) / Ю.В. Поросенков, Л.Н. Шенцева,М.А. Алехин .— Воронеж : Научная книга, 2007 .— 284 с.

150. Методические рекомендации по подготовке студентов к итоговой государственной аттестации : метод. пособие для вузов / А.Э. Крупко, Ю.В. Поросенков .— Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2007 .— 31 с.

151. Демографическая ситуация в Воронежской области, основные направления и принципы ее региональной демографической политики / Ю.В. Поросенков, В.М. Быковских // Территориальная организация общества и управление в регионах : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., 22-24 март. 2007 г. — Воронеж, 2007 .— Ч. 2. - С. 6-8.

2008

152. https://lib.vsu.ru/zgate?ACTION=follow&SESSION_ID=5912&TERM=%D0%9F%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2,%20%D0%AE%D1%80%D0%B8%D0%B9%20%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87%5B1,1004,4,101%5D&LANG=rusОсновы теории географического исследования трудоресурсного потенциала региона в условиях предстоящего инновационного развития России / Ю.В. Поросенков // Трудовой потенциал как важнейший фактор социально-экономического развития территории : материалы междунар. науч.-практ. конф. (5-е ежегод. заседание), Воронеж, 6 июня 2008 г. — Воронеж, 2008 .— Ч. 1. - С. 110-114.

153. Географические аспекты кадастровой оценки сельскохозяйственных земель / Ю.В. Поросенков, И.М. Лимарева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2008 .— № 2. - С. 30-38.

154. Процессы формирования современной системы географических наук / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского отдела Русского географического общества .— Воронеж, 2008 .— Т. 7. - С. 46-54.

155. Региональный анализ устойчивого развития систем расселения и населения / А.Э. Крупко, Ю.В. Поросенков // Регион : системы, экономика, управление : Рус. провинц. науч. журн. — Воронеж, 2008 .— № 2. - С. 23-27.

156. Гришин / М.Д. Карпачев, Ю.В. Поросенков // Воронежская энциклопедия : в 2-х т. — Воронеж, 2008 .— Т. 1. - С. 230.

157. Население / Ю.В. Поросенков // Воронежская энциклопедия : в 2-х т. — Воронеж, 2008 .— Т. 2. - С. 11-12.

158. Современная демографическая ситуация в центральных регионах России, проблемы ее исследования, обоснования и реализации региональной демографической политики / Ю.В. Поросенков // Демографическая ситуация центральных районов России и реализация концепции демографической политики Российской федерации : материалы Всероссийской межвед. науч.-практ. конф. — Воронеж, 2008 .— С. 29-37.

159. Демографический и трудоресурсный потенциал крупных городов центральной России (на примере г.Воронежа) / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Стратегии и ресурсы развития крупных городов Центра России : материалы междунар. науч. конф. Воронеж, 24-26 нояб. 2008 г. — Воронеж, 2008 .— С. 147-153.

2009

160. Рекреационная деятельность в регионе в условиях финансово-экономического кризиса / Ю.В. Поросенков, А.А. Федченко // Кризис и социально-экономическая и политическая ситуация в регионе : материалы Междунар. науч.-практ. конф .— Воронеж, 2009 .— Ч.2. - С. 88-90.

161. Об "Эволюционных цепочках" изменения языка экономической географии В.К. Ковылова / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2009 .— № 1. - С. 106-107.

162. Формирование отечественной рекреационной географии и проблемы социально-экономико-географических иследований рекреационной деятельности / Ю.В. Поросенков, Т.М. Худякова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2009 .— № 2. - С. 5-11.

163. К вопросу об оценке рекреационного потенциала территории / Ю.В. Поросенков, Е.В. Мишон // Вестник

Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2009 .— № 2. - С. 12-15.

164. Некоторые теоретические проблемы современной Российской социально-экономической (общественной) географии / Ю.В. Поросенков // Территориальная организация общества и управление в регионах : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф., 7-9 окт 2009 г., Воронеж .— Воронеж, 2009 .— С. 21-23.

165. Теоретические основы и проблемы современной отечественной реакрационной географии / Ю.В. Поросенков // Рекреационная деятельность в регионе: современные проблемы развития, территоральной организации и управления : материалы Всеросс. межвед. науч.-практ. конф., 20-21 окт. 2009 г., Воронеж .— Воронеж, 2009 .— С. 8-12 .

166. Основные принципы и направления региональной политики в условиях современного финансово-экономического кризиса / Ю.В. Поросенков // Кризис и социально-экономическая и политическая ситуация в регионе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 27 мая 2009 г., Воронеж .— Воронеж, 2009 .— Ч.2. - С. 90-94 .

167. Методологические основы исторической географии / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского отдела Русского географического общества : сборник научных трудов .— Воронеж, 2009 .— Т.9. - С. 7-13.

168. Основы теории отечественной рекреационной географии и ее место в системе современной социально-экономической (общественной) географии / Ю.В. Поросенков, Т.М. Худякова // Территориальная организация общества и управление в регионах : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф., 7-9 окт 2009 г., Воронеж .— Воронеж, 2009 .— С. 23-25.

169. Регионоведение в системе российского высшего географического образования / Ю.В. Поросенков // Современные проблемы регионоведения : доклады первой Всерос. конф. — СПб, 2009 .— С. 182-185.

2010

170. Устойчивое развитие систем населения и безопасность Воронежской области : монография / А.И. Крупко, С.Ю. Зеленцова, Ю.В. Поросенков .— Воронеж : ВГПУ, 2010 .— 224 с. — Т. 250.

171. Территориальная организация расселения населения Воронежской области и ее влияние на рекреационную деятельность / А.С. Овсянников, Ю.В. Поросенков // Рекреация и туризм в регионе : современные проблемы развития, территориальной организации и управления : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 20-21 окт. 2010 г.) .— Воронеж, 2010 .— С. 172-174.

172. Туристско-рекреационная деятельность в регионе : основные проблемы исследования и управления / Ю.В. Поросенков // Рекреация и туризм в регионе : современные проблемы развития, территориальной организации и управления : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 20-21 окт. 2010 г.) .— Воронеж, 2010 .— С. 3-7.

173. Рекреационная деятельность в системе долгосрочного планирования социально-экономического развития Воронежской области / А.Ю. Попов, Ю.В. Поросенков // Рекреация и туризм в регионе : современные проблемы развития, территориальной организации и управления : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 20-21 окт. 2010 г.) .— Воронеж, 2010 .— С. 109-113.

174. Рекреационная деятельность в системе долгосрочного планирования (программирования) городского округа город Воронеж / М.И. Шипулин, Ю.В. Поросенков // Рекреация и туризм в регионе : современные проблемы развития, территориальной организации и управления : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 20-21 окт. 2010 г.) .— Воронеж, 2010 .— С. 125-127.

175. К вопросу об объекте и предмете исследования современной российской географии / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского отдела Русского Географического общества .— Воронеж, 2010 .— Т.11. - С. 3-6.

176. Территориальная структура систем расселения Воронежской области / Ю.В. Поросенков, А.Э. Крупко, С.Ю. Зеленцова, О.В. Диденко // Вестник Воронежского отдела Русского Географического общества .— Воронеж, 2010 .— Т.11. - С. 40-47.

177. Теория социально-экономической географии : спектр современных взглядов / С.С. Артоболевский ...Поросенков Ю.В. [и др.]; [под ред. А.Г. Дружинина и В.Е. Шувалова] .— Ростов н / Д : ЮФУ, 2010 .— 166 с.

178. Теоретические основы отечественной региональной общественной (социально-экономической) географии / Ю.В. Поросенков // Труды XIV съезда Русского географического общества (Санкт-Петербург, 11-14.12.2010) [CD-диск] : сб. науч. работ .— Спб., 2010 .— С. 53-57 .— (www.rgo.ru).

179. Рынок труда в Воронежской области : проблемы развития и территориальной организации / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Достойные условия трудовой жизни как основа развития общества : материалы междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 19-20 мая 2010 г. : в 2 ч. — Воронеж, 2010 .— Ч.1. - С. 156-163.

180. Теоретические подходы к стратегическому программированию социально-экономического развития крупнейших городов старозаселенных регионов России / Ю.В. Поросенков // Стратегии и ресурсы развития крупных городов Центра России : материалы 2-ой Междунар. науч. конф. — Воронеж, 2010 .— С. 61-67.

181. Методологические основы отечественной социально-экономической географии : современные тенденции и перспективы / Ю.В. Поросенков, Т.М. Худякова // Теория социально-экономической географии : спектр современных взглядов : материалы Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону 4-8 мая 2010 г.) .— Ростов н/Д, 2010 .— С. 242-245.

2011

182. Программа электронного картографирования и комплексной оценки экономико-эколого-ресурсного потенциала региона : Св-во о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011615543 / С.А. Куролап, Ю.А. Нестеров , А.А. Смирнова, О.М. Рубан, В.Б. Михно, Ю.В. Поросенков .— М., 2011 .— (Заявка № 2010612596; Заявлено 14.04.11; Зарегистрировано в реестре программ для ЭВМ 15.07.11).

183. Трудоресурсный потенциал в системе стратегического планирования Воронежской области / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Занятость и безработица в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Воронеж, 2011 .— С. 183-190.

184. Анализ экономической и социальной деятельности первичных муниципальных образований (городских и сельских поселений) : учеб. программа, метод. указ. по производственной

практике и выполнению выпускных квалификационных работ по направлению бакалавриата "география" и "экология и природопользование" / [сост.: Ю.В. Поросенков ; О.Ю. Сушкова] .— Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2011 .— 34 с.

185. Профессор Ю.Г. Саушкин и теория современной социально-экономической географии / Ю.В. Поросенков, Т.М. Худякова // Социально-экономическая география : история, теория, методы, практика : сб. науч. ст. — Смоленск, 2011 .— С. 69-73.

186. Доминанты современного развития социальной сферы региона (на примере Воронежской области) / Ю.В. Поросенков // Инновационные доминанты социальной сферы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Воронеж, 2011 .— Ч.1. - С. 180-187.

187. Некоторые подходы к концепции регионального расселения населения на современном этапе развития российского общества / А.С. Овсянников, Ю.В. Поросенков // Социально-экономическая география : история, теория, методы, практика : сб.науч. ст. — Смоленск, 2011 .— С. 372-377.

188. Паспорт городских и сельских поселений как базовый источник их исследования / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Муниципальные образования Центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления : материалы Всерос. межведомств. науч.-практ. конф. (Воронеж, 25-26 ноября 2011 г.) .— Воронеж, 2011 .— С. 100-103.

189. Проблемы исследования, развития и управления муниципальными образованиями (на примере Воронежской области) / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования Центральных регионов России: проблемы исследования, развития и управления : материалы Всерос. межведомств. науч.-практ. конф. (Воронеж, 25-26 ноября 2011 г.) .— Воронеж, 2011 .— С. 8-16.

190. Использование рекреационного потенциала как один из способов решения проблем расселения населения Воронежской области / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Рекреация и туризм в регионах России: современное состояние и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 22-24 сент. 2011) .— Воронеж, 2011 .— С. 53-59.

191. Карпачев, Михаил Дмитриевич. Гришин Григорий Терентьевич / М.Д. Карпачев, Ю.В. Поросенков // Имена Воронежа - 425 .— Воронеж, 2011 .— С. 93.

192. Карпачев, Михаил Дмитриевич. Миротворцев Клавдий Николаевич / М.Д. Карпачев, Ю.В. Поросенков // Имена Воронежа - 425 .— Воронеж, 2011 .— С. 239.

2012

193. Методологические проблемы современной российской географии / Ю.В. Поросенков // География: история, современность, перспективы : сб. науч. тр. — Краснодар, 2012 .— С. 430-439.

194. Проблемы совершенствования долгосрочного программирования социально-экономического развития регионов / Ю.В. Поросенков // Актуальные проблемы развития территорий и систем регионального и муниципального управления : материалы 7-ой междунар. науч.-практ. конф. — Воронеж, 2012 .— Вып.1. - С. 149-153.

195. Глобальные изменения климата и социально-экономическое развитие России / Ю.В. Поросенков // Региональные эффекты глобальных изменений климата (причины, последствия, прогнозы) .— Воронеж, 2012 .— С. 428-430.

196. Задачи и проблемы географического исследования муниципальных образований Российской Федерации / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2012 .— № 1. - С. 5-14.

197. Современные социально-экономико-географические исследования крупных городов центра России и проблемы их использования в рамках территориального прогнозирования / Ю.В. Поросенков // Стратегии и ресурсы развития крупных городов Центра России : материалы III международной научной конференции 15-16 ноября 2012 года .— Воронеж, 2012 .— С. 90-95.

198. Центральное Черноземье : железорудно-металлургическая и продовольственная база России / Ю.В. Поросенков, Т.М. Худякова, В.Б. Михно // Россия и ее регионы : интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. : К 20-летию Конференции ООН по устойчивому развитию, Рио-де-Жанейро, 2012 г. (Рио+20) .— Москва, 2012 .— С. 282-303.

199. Устойчивое природопользование в условиях интенсивного развития пищевой промышленности Белгородской области / Ю.В. Поросенков, Т.М. Худякова, Д.В. Жидких //

Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Естественные науки .— Белгород, 2012 .— № 9. - С. 180-183.

200. Профессор С.А. Ковалев (1912-1997 гг.) и современная отечественная география сельского расселения / Ю.В. Поросенков // Территориальная организация общества и управление в регионах : материалы 9-ой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 10-12 окт. 2012 г., г. Воронеж .— Воронеж, 2012 .— С. 18-22.

201. Социальные индикаторы концепций стратегического развития (на примере областей Центрального Черноземья) / Ю.В. Поросенков // Инновационные доминанты социальной сферы : материалы ежегодной международной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений(Воронеж, 25 мая 2012 г.) .— Воронеж, 2012 .— С. 137-140.

2013

202. В.И. Вернадский и современная теория отечественной географии / Ю.В. Поросенков // Вестник Тамбовского университета. Сер. Естественные и технические науки .— Тамбов, 2013 .— Т. 18, вып. 2. - С. 533-536.

203. Профессор Федор Николаевич Мильков и отечественная география XX века / Ю.В. Поросенков // Структурно-динамические особенности, современное состояние и проблемы оптимизации ландшафтов : материалы Пятой международной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Ф.Н. Милькова (15-17 мая 2013 г.) .— Воронеж, 2013 .— С. 312-313

204. Географическое исследование современных процессов сельского расселения методом математического моделирования / А.С. Овсянников, Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2013 .— № 1. - С. 56-66.

205. Теоретико-методологические подходы к исследованию депрессивных регионов России / Н. В. Яковенко, Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2013 .— № 2. - С. 10-22.

206. Социально-экономический потенциал / Ю.В. Поросенков // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 242-244.

207. Демография / Ю.В. Поросенков // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 246.

208. Численность населения (2002-2010гг.) / В.А. Белова, Ю.В. Поросенков // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 247-248 .— 0,2 п.л.

209. Динамика численности населения по сельским муниципалитетам (2002-2010 гг.) / Ю.В. Поросенков, О.В. Диденко // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 249-250 .

210. Плотность сельского населения (2010 г.) / Ю.В. Поросенков, О.В. Диденко // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 251-252 .— 0,1 п.л.

211. Средняя людность сельских поселений (по данным переписей 2002 г. и 2010 г.) / Ю.В. Поросенков, О.В. Диденко // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 253-254 .

212. Людность городских поселений (1970-1979, 1979-1989, 1989-2002, 2002-2010) / Ю.В. Поросенков, И.С. Шевцов // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 255-256 .

213. Урбанизация / Ю.В. Поросенков, И.С. Шевцов // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 257-259.

214. Половозрастная структура населения (2010) / Ю.В. Поросенков, В.А. Белова // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 260-262 .— 0,2 п.л.

215. Рождаемость / Ю.В. Поросенков, В.А. Белова // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 263-264.

216. Смертность / Ю.В. Поросенков, В.А. Белова // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 265-266.

217. Естественное воспроизводство населения / Ю.В. Поросенков, В.А. Белова // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 267-268 .

218. Семейно-брачные отношения (2002-2010гг.) / Ю.В. Поросенков, В.А. Белова // Эколого-географический атлас-книга Воронежской области .— Воронеж ; Издательство Воронежского государственного университета, 2013 .— С. 269-270 .

219. Возможности и проблемы разработки никелевых месторождений в Новохоперском районе Воронежской области / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования регионов России : проблемы исследования, развития, управления : материалы II Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, 6-7- декабря 2012 г., г. Воронеж .— Воронеж, 2013 .— С. 64-73.

220. Задачи и проблемы комплексного регионоведческого исследования муниципальных образований России / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования регионов России : проблемы исследования, развития, управления : материалы II Всероссийской межведомственной научно-практической конференции, 6-7- декабря 2012 г., г. Воронеж .— Воронеж, 2013 .— С. 3-14.

221. Социально-экономические и экологические проблемы Нововоронежа как одного из центров атомной энергетики страны / Ю.В. Поросенков // Проблемы и перспективы развития моногородов : материалы Регионального научно-практического семинара 29 марта 2013 г. — Воронеж, 2013 .— С. 20-26.

222. Социальные ориентиры и индификаторы развития муниципальных образований Воронежской области в условиях современной социально-экономической трансформации ее пространства / Ю.В. Поросенков // Инновационные доминанты в социальной сфере : материалы ежегодной Международной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений 24 мая 2013 г. — Воронеж, 2013 .— С. 114-116 .

223. Проблемы совершенствования организации и управления муниципальными образованиями / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования в регионах России (регионоведческий анализ) : материалы I Международной межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 15-16 ноября 2013 года) .— Воронеж, 2014 .— С. 5-15 .

224. Основы теории и методики комплексного социально-экономико-географического исследования расселения населения староосвоенного региона России / А. С. Овсянников , Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования в регионах России (регионоведческий анализ) : материалы I Международной межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 15-16 ноября 2013 года) .— Воронеж, 2014 .— С. 67-70.

225. Экономическая устойчивость систем сельского расселения (на примере Воронежской области) / А.С. Овсянников, Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2014 .— № 3. - С. 69-77.

226. Формирование теоретических основ отечественной экономической географии в 20-30-годах XX века / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2014 .— № 3. - С. 116-126.

227. Профессор Г.Т. Гришин. Увековечивание памяти / Ю.В. Поросенков, А.В. Пономарева, А.И. Зарытовская // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2014 .— № 2. - С. 79-81.

228. Эколого-экономическией подход при обосновании разработки медно-никелевых руд в Прихоперье / А.Э. Крупко, Ю.В. Поросенков, Р.Е. Рогозина // Ландшафтные и геоэкологические исследования природных и антропогенных систем (к 80-летию со дня рождения Дудника) : международный сборник научных трудов .— Тамбов, 2014 .— С. 409-414.

229. Географические аспекты управления трудоресурсным потенциалом : монография / В. В. Воронин, Ю. В. Поросенков, Б. И. Кочуров, А. Г. Мытарев .— Самара : ООО "СамЛюксПринт", 2014 .— 384 с.

230. Отечественная экономическая география в 40-50-х годах XX века / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского

государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2014 .— № 4. - С.142-149 .— 0,4 п. л.

231. Проблемы эколого-экономического анализа возможности разработки медно-никелевых руд в Новохоперском районе Воронежской области / Ю.В. Поросенков, Р.Е. Рогозина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2014 .— № 4. - С.12-18 .— 0,4 п. л.

232. Географическое исследование муниципальных образований / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования России (регионоведческий анализ) .— Воронеж, 2014 .— С. 3-15.

233. Проблемы комплексного регионоведческого исследования муниципальных образований России / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования России (регионоведческий анализ) .— Воронеж, 2014.

234. Совершенствование организации и управления муниципальными образованиями / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования России (регионоведческий анализ) .— Воронеж, 2014 .— С. 24-34.

235. Паспорт городских и сельских поселений / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Муниципальные образования России (регионоведческий анализ) .— Воронеж, 2014 .— С. 37-40.

236. Основы теории социально-географического исследования расселения населения староосвоенного региона России / А. С. Овсянников, Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования России (регионоведческий анализ) .— Воронеж, 2014 .— С. 60-63.

237. Проблемы развития и управления муниципальными образованиями (на примере Воронежской области) / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования России (регионоведческий анализ) .— Воронеж, 2014 .— С. 66-74.

238. Проблемы разработки некелевых месторождений в Новохоперском районе Воронежской области / Ю.В. Поросенков // Муниципальные образования России (регионоведческий анализ) .— Воронеж, 2014 .— С. 97-103.

239. Программа дополнительного образования "Преподаватель" в рамках университетской специальности "География" и "Геоэкология" / А. С. Овсянников, Ю.В. Поросенков, И. В. Комов // Ландшафтные и геоэкологические исследования природных и антропогенных геосистем (к 80-летию

со дня рождения Н. И. Дудника) : международный сборник научных трудов .— Тамбов, 2014 .— С. 400-405.

240. Стратегическое территориальное планирование в системе современных географических исследований / Ю.В. Поросенков, И. В. Комов, О.Ю. Сушкова // Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время : сборник статей .— Барнаул, 2014 .— С. 247-252.

241. Теоретические подходы к обоснованию генеральной схемы развития и размещения производительных сил Воронежской области / Ю.В. Поросенков // Инновационные доминанты социальной сферы : материалы ежегодной международной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений .— Воронеж, 2014 .— С. 133-139.

242. Методические подходы к исследованию размещения населения в зонах влияния атомных электростанций / И. В. Комов, А. С. Овсянников, Ю.В. Поросенков // Ландшафтные и геоэкологические исследования природных и антропогенных геосистем : к 80-летию со дня рождения Н. И. Дудника : международный сборник научных трудов .— Тамбов, 2014 .— С. 400-405.

243. https://lib.vsu.ru/zgate?ACTION=follow&SESSION_ID=5912&TERM=%D0%9A%D1%83%D0%BB%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20,%20%D0%95.%20%D0%A1.%5B1,1004,4,101%5D&LANG=rusЭкономическая картография и ее трансформация в современных условиях (на примере изучения населения и расселения) / Е. С. Кулаковский , Ю.В. Поросенков // Геоинформационное картографирование в регионах России : материалы VI (заочной) научно-практической конференции (Воронеж, 20 ноября 2014 г.) .— Воронеж, 2014 .— С. 68-73.

2015

244. Советская экономическая география в 60-80-х годах XX века / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2015 .— № 1. - С. 78-90.

245. Региональная схема размещения производительных сил Воронежской области / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2015 .— № 2. - С. 50-58.

246. История формирования и современные особенности методологии российской социальной географии / Ю.В. Поросенков, О.Ю. Сушкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2015 .— № 2. - С. 60-73.

247. Voronezh University School of socio-economic geography / Ю.В. Поросенков, Т. М. Худякова, О. Ю. Сушкова, О. А. Крутских // Socio-Economic Geography in Russia .— Владивосток, 2015 .— P. 210-216 .

248. Статическая модель состава социально-экономико-географическо региональной системы как типологической категории / Ю.В. Поросенков, Н. В. Яковенко, О.Ю. Сушкова // Территориальная организация общества и управление в регионах : материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 9-11 октября 2015 г. — Воронеж, 2015 .— С. 16-20.

249. Социальная география Российской Федерации : монография / В. В. Воронин, Б. И. Кочуров, Н. П. Парстенева, Ю. В. Поросенков, Ю. А. Токарев, М. Д. Шарыгин .— Москва ; Самара : ООО "СамЛюксПринт", 2015 .— 308 с.

250. Трудоресурсный потенциал России : Размещение и управление / В. В. Воронин, Б. И. Кочуров, Ю. В. Поросенков, А. Г. Мытарев .— Москва : Ленанд, 2015 .— 384 с.

251. Некоторые аспекты теории Российской общественной (социально-экономической) географии на рубеже XX и XXI веков / Ю.В. Поросенков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология .— Воронеж, 2015 .— № 3. - С. 7-18.

252. АПК в оценке экономического потенциала муниципальных образований на примере Новохоперского района Воронежской области / Е.С. Кулаковский, Ю.В. Поросенков// Территориальная организация общества и управление в регионах: материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием – Воронеж 2015 – с.59-61.

253. Природно-ресурсный потенциал муниципальных образований Воронежской области (экономико-географическая оценка) / Ю.В. Поросенков, Е.С. Кулаковский, О.Ю. Сушкова // Проблемы природопользования и экологическая ситуация в Европейской России и сопредельных государств – Белгород,2015 – с.294-297.

254. Геодемография в системе социальной и экономической географии (социально-экономико-географическое исследование на примере Воронежской области)/ Ю.В. Поросенков, Е.С. Кулаковский, Н.В. Яковенко// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №12 (декабрь) ч.VII. Материалы I круглого стола, посвященные памяти профессора, доктора географических наук Ю.В. Поросенкова. –М.,2015.

Редактирование:

1. Методологические проблемы исследования основного социально-экономического района / Ю.В. Поросенков [и др.] .— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1979 .— 168 с.
2. Территориальная структура основного социально-экономического района : Вопросы теории / Науч. ред. Ю.В.Поросенков .— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985 .— 163 с.
3. Центральное Черноземье : Хозяйство и население : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю.В. Поросенкова [и др.] .— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986 .— 152 с. — 8,8 п.л..
4. Народно-хозяйственный комплекс ЦЧЭР: Пути совершенствования : Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Ю.В.Поросенкова .— Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989 .— 144с.
5. Вестник Воронежского государственного университета. География и геоэкология / Отв.ред.В.И.Федотов .— Воронеж : Б.и., 2000 .— № 1. - 202с.
6. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География и геоэкология / Гл. ред. В.И.Федотов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001 .— N 1. - 175 с.
7. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География и геоэкология / Гл. ред. В.И.Федотов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2002 .— N 1. - 147 с.
8. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География и геоэкология / Гл. ред. В.И.Федотов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2003 .— N 1. - 129 с.
9. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География и геоэкология / Гл. ред. В.И.Федотов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004 .— N 1. - 140 с.

10. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География и геоэкология / Гл. ред. В.И.Федотов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2003 .— N 2. - 146 с.
11. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География и геоэкология : посвящается 70-летию факультета географии и геоэкологии / гл. ред. В.И.Федотов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2004 .— N 2. - 164 с.
12. Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: География. Геоэкология / гл. ред. В.И. Федотов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005 .— № 1. - 134 с.
13. Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: География. Геоэкология / гл. ред. В.И. Федотов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2005 .— № 2. - 154 с.
14. Вестник Воронежского отдела Русского географического общества : сб. науч. тр. / под ред. В.И.Федотова [и др.] .— Воронеж : ВО РГО, ВГПУ, 2006 – Т.6. – 201 с.
15. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология / гл. ред. В.И.Федотов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2006 .№1.
16. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология / гл. ред. В.И.Федотов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2006 .№2.
17. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология / под ред. В.И.Федотов [и др.] .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2007 .№1.
18. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология / под ред. В.И.Федотов [и др.] .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2007 .№2.
19. Вестник Воронежского отдела Русского географического общества : сб. науч. тр. / под ред. В.И.Федотова [и др.] .— Воронеж : ВО РГО, ВГПУ, 2008 .— Т. 7 .— 2008 .— 90 с.
20. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология / под ред. В.И.Федотов [и др.] .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2008 .№1.
21. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология / под ред. В.И.Федотов [и др.] .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2008 .№2.
22. Вестник Воронежского отдела Русского географического общества. Том 10 / [ред. совет : В.И. Федотов (председатель) [и др.]] .— Воронеж : ВГПУ, 2010 .— 118 с.

23. Вестник Воронежского отдела Русского географического общества : сб. науч. тр. Том 11 / [ред. совет : В.И. Федотов (председатель) [и др.]] .— Воронеж : ВГПУ, 2010 .— 118 с.

24. Вестник Воронежского отделения Русского географического общества : сб. науч. тр. : доп. выпуск. Т. 11 / В.И. Федотов [и др.] .— Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2011 .— 98 с.

25. Вестник Воронежского отделения Русского географического общества : сб. науч. тр. Т. 12 / В.И. Федотов [и др.] .— Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2012 .— 99 с.

26. Вестник Воронежского отделения Русского географического общества : сб. науч. тр. Т. 13 / В.И. Федотов [и др.] .— Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2013 .— 102 с.

27. Демографическая ситуация центральных районов России и реализация концепции демографической политики Российской Федерации : материалы всерос. межвед. науч.-практ. конф., г. Воронеж, 17-17 декабря 2008 г. / ред. Ю.В. Поросенкова .— Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008 .— 284 с.

28. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. № 1, январь-июнь / ред. кол.: В.И. Федотов (гл. ред.), В.Б. Михно, Г.А. Анциферова, А.Б. Ахтырцев, В.Л. Бочаров, А.Я Григорьевская, С.А. Куролап, Ю.В. Поросенков, В.М. Мишон, А.И. Федорова, С.В. Федотов, И.В. Комов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2009 .— 118 с.

29. Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. № 2, июль-декабрь / ред. кол.: В.И. Федотов (гл. ред.), В.Б. Михно, Г.А. Анциферова, А.Б. Ахтырцев, В.Л. Бочаров, А.Я Григорьевская, С.А. Куролап, Ю.В. Поросенков, В.М. Мишон, А.И. Федорова, С.В. Федотов, И.В. Комов .— Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2009 .— 144 с.

30. Рекреационная деятельность в регионе: современные проблемы развития, территориальной организации и управления : материалы Всерос. межвед. науч.-практ. конф., 20-21 октября 2009 г. / [ред. Ю.В. Поросенков] .— Воронеж : Истоки, 2009 .— 260 с.

31. Рекреация и туризм в регионе : современные проблемы развития, территориальной организации и управления : материалы междунар. науч.-метод. конф., 20-21 окт. 2010 г., г.Воронеж / [науч. ред. Ю.В. Поросенков] .— Воронеж : ВГПУ, 2010 .— 264 с.

32. Муниципальные образования центральных регионов России : проблемы исследования, развития и управления : материалы Всерос. межведомственной науч.-практ. конф. (Воронеж, 25-26 нояб. 2011 г.) / [ред.кол. : Ю.В. Поросенков, И.В. Комов] .— Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2011 .— 220 с.

33. Муниципальные образования в регионах России (регионоведческий анализ) : материалы I международной межведомственной научно-практической конференции (Воронеж, 15-16 ноября 2013 года) / [науч. ред. Ю.В. Поросенков] .— Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2014 .— 304 с.

34. Муниципальные образования России (регионоведческий анализ) : [труды сотрудников кафедры социально-экономической географии и регионоведения ВГУ] / [науч. ред. Ю.В. Поросенков] .— Воронеж : Воронежский государственный университет, 2014 .— 178 с.

Библиография составлена сотрудниками и студентпми кафедры СЭГиР

Научное издание

Ю.В. Поросёнков

Избранные труды

под ред. д.г.н. Н.В Яковенко

Подписано в печать 30.10.2019г.
Формат 60х84/16. Объем 39,0 п. л.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 500 экз. Заказ № 1547.

Издательство ООО «Цифровая полиграфия»
394036, г. Воронеж, ул. Ф. Энгельса, д. 52.
Тел.: (473) 261-03-61, e-mail: zakaz@print36.ru
http://www.print36.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Цифровая полиграфия»
394036, г. Воронеж, ул. Ф. Энгельса, д. 52.